

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БИП – УНИВЕРСИТЕТ ПРАВА И СОЦИАЛЬНО-
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»
ГРОДНЕНСКИЙ ФИЛИАЛ

ПРИНЕМАНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов

XIV Международной научно-практической конференции

12 апреля 2024 г. Гродно

Гродно
2024

УДК 378
ББК 74.48
П 76

Рецензенты:

Авдей А.Г., кандидат юридических наук, доцент
Богустов А.А., кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

**Филипчик Т.В., Пилипенко Н.С., Белова И.А., Мисаревич Н.В.,
Митяева А.М., Мурина Е.Э., Новикова Н.А., Дудко И.Н.**

Принеманские научные чтения : сборник научных трудов XIV
Международной научно-практической конференции, г. Гродно, 12 апреля 2024 г.: /
БИП – Университет права и социально-информационных технологий ; ред. кол.:
Филипчик Т.В. (отв. ред.) [и др.]. Гродно : БИП, 2024. - 428 с.

В сборнике трудов представлены статьи, посвященные вопросам теоретико-методологических, прикладных аспектов проблем государственно-правового, социокультурного развития Республики Беларусь и зарубежных стран; освещены исторические аспекты правового, экономического и социального развития Республики Беларусь, тенденции развития системы права и законодательства.

Сборник научных трудов адресован исследователям, преподавателям и студентам.

Все материалы публикуются в авторской редакции. За достоверность публикуемых результатов научных исследований ответственность несут авторы.

УДК 378
ББК 74.48

© Коллектив авторов, 2024
© Оформление БИП, 2024

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВЛИЯНИЕ СФЕРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА НА МОДЕЛЬ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

*Митяева А.М., доктор педагогических наук, профессор
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
г. Орел, Российская Федерация*

Интерес к конфликтам проявляли представители различных наук: философии, социологии, педагогики и других. Однако, значительный вклад в рассмотрение межличностного конфликта как формы конфликтного поведения внесли именно психологи.

Сферы проявления межличностных конфликтов крайне разнообразны. Это и конфликты в семье, в профессиональной деятельности между сотрудниками или руководством, конфликты среди школьников и подростков. Продолжать можно бесконечно. Объединяет все эти разновидности конфликтов стремление каждой из сторон доказать свою правоту, отстоять свои интересы и цели, в большей степени в ущерб интересам противоположной стороны.

В какой форме будет протекать это конфликтное противостояние, нацеленное на достижение своих интересов, будет определяться индивидуально-личностными особенностями участников конфликта (чертами характера, ценностями, культурными особенностями и др.), а также теми средствами, которыми они располагают. Конфликтное поведение может проявляться во взаимных словесных оскорблениях, применении физической силы в адрес оппонента, игнорировании неудовлетворения потребностей другой стороны.

Безусловно, внешне выраженное конфликтное поведение также сопровождается различными негативными эмоциональными переживаниями (агрессией, тревогой, апатией и проч.). Именно личностные переживания участников межличностного конфликта, злость в адрес оппонента усугубляют его течение, затрудняя достижение компромиссного исхода. Отрицательные эмоции подталкивают участников конфликтного взаимодействия на необдуманные, экстремальные поступки и дальнейшее продолжение конфликта. Управление эмоциями в контексте конструктивного разрешения межличностного конфликта является важным условием, позволяющим ускорить достижение положительного его завершения.

Часто после окончания конфликта, его участники долго ощущают последствия в виде остаточных переживаний, нарушения коммуникации и т.п. В современной конфликтологии этот феномен получил название «постконфликтный синдром». Применение данного термина употребляется не только относительно межличностного конфликта, но и других видов конфликтного противостояния. Однако в контексте рассмотрения межличностного конфликта «постконфликтный синдром» имеет свои специфические особенности и проявляется достаточно ярко [2].

Конструктивное решение значимого противоречия в конфликте будет обуславливаться готовностью участников прийти к компромиссному решению, с учетом интересов другой стороны. Нацеленность оппонентов на поиск приемлемого решения, стремление скорее сгладить противоречие характеризует конструктивную модель поведения в конфликте. Такая модель проявляется в самообладании,

доброжелательным отношением к оппоненту, в умении слышать и понимать его позиции. Наоборот, деструктивную поведенческую модель в конфликте характеризует стремление к затягиванию и продолжению конфликтного противоборства, отрицательные оценки личности и действий партнера, нарушение этики деловой коммуникации, подозрительность, недоверие к сопернику.

Как отмечает С.М. Емельянов, важным фактором в достижении компромиссного разрешения конфликта, играет ценность сложившихся межличностных отношений. Межличностные отношения являются важной категорией общения людей в целом. Они складываются в процессе жизни человека, начиная с первых дней жизни, и определяют вектор формирования личности. На протяжении всей жизни межличностные отношения изменяются, развиваются, завершаются. Понятие «межличностные отношения» неразрывно связано с эмоциональным характером общения, особенностями личности, ее интересами, чертами характера. Именно сложившиеся межличностные отношения будут определять выбор той или иной модели поведения в конфликте. Незаинтересованность в продолжении отношений с партнёром, негативный характер сложившихся взаимоотношений, способствуют выбору деструктивной модели поведения. Такая модель поведения провоцирует нарушения конструктивной коммуникации в достижении согласия. Неготовность участников конфликта выслушать и понять позицию другой стороны, категоричная уверенность в собственной правоте усугубляют течение конфликта. Если между участниками конфликта имеются положительно окрашенные межличностные отношения, то это будет их подталкивать к выбору конструктивной поведенческой модели общения. Когда участники конфликта, несмотря на имеющееся противоречие интересов, дорожат межличностными отношениями друг с другом, нацелены на их продолжение независимо от исхода ситуации, достичь согласия значительно проще и быстрее.

Межличностное общение разнообразно, так как и цели его участников. При этом интересным является тот факт, что в процессе общения реализуются цели участников и сам процесс общения может выступать самоцелью. Личность имеет сложную иерархически выстроенную мотивационно-потребностную сферу. В ходе общения человек удовлетворяет разнообразные потребности: в еде, в безопасности, самореализации. Существует деловой вид общения, который служит способом организации определенной деятельности. Помимо данного вида общения существует личностное общение, сосредоточенное вокруг интересов, потребностей партнеров по общению. Целью личностного общения является «приобщение партнеров по общению к ценностям и опыту друг друга» [1]. Личностное общение затрагивает личности. Конфликты в личностном общении переживаются эмоционально значительно ярче, так как их исход является личностно значимым для человека.

На протекание конфликтов в межличностном общении помимо целевых установок взаимодействия оказывает влияние направленность общения. Осуществляется конфликтное противоборство в общении по вертикали или по горизонтали влияет на выбор средств и формата общения в конфликте. Статусы партнёров по общению в конфликте будут определять ранг оппонента. Победу в конфликте оказывает та сторона, у которой выше ранг оппонента конфликта. Например, в конфликте между руководителем и подчиненным, доминирующую роль будет играть старший по статусу. Независимо от объективной оценки конфликтной ситуации, чаще всего «правда» останется на стороне руководителя [3].

Вертикальные конфликты встречаются несколько реже горизонтальных, в

которых протекание конфликтного противоборства осуществляется «на равных». Это обусловлено спецификой и характером отношений: в вертикальных конфликтах противоречия, имеющиеся в «нижестоящей» стороны, чаще носят скрытый характер, «не озвучиваются».

Горизонтальные конфликты многообразны. Конфликтное противоборство в данном виде конфликтов осуществляется между партнерами по общению равными по статусу (общение сверстников, коллег по работе, одноклассников и т.д.).

Конфликты, происходящие в межличностном взаимодействии, проецируются в единстве трех сторон в структуре общения: коммуникативной, перцептивной, интерактивной. Каждая из сторон общения имеет свои специфические особенности и обеспечивает целостность данного социально-психологического феномена. Коммуникативная сторона общения отвечает за процесс обмена информацией между общающимися. Перцептивная сторона общения связана с процессом восприятия друг друга партнерами по общению. За организацию взаимодействия между партнерами по общению отвечает интерактивная сторона.

Детерминанты межличностных конфликтов связаны с той или иной стороной общения, находятся в их плоскости. Нарушение общения в рамках коммуникативной стороны общения, связанной с передачей информации, часто приводит к конфликтам. Информация в процессе общения может передаваться или трактоваться неверно, искажаться. Негативный характер искажения информации часто приводит появлению сплетень, слухов, может нарушать организацию совместной деятельности. Это безусловно будет отражаться на характере межличностного общения между партнерами и приводить к конфликтам. На восприятие информации в ходе общения оказывают влияние различные факторы (культурные, языковые, социальные и др.).

В ходе общения партнеры узнают друг друга. У каждого участника общения складывается определенный образ восприятия партнера, который обеспечивает установление взаимопонимания, принятия друг друга. На восприятие оказывают влияние особенности личности, имеющийся опыт социального взаимодействия, сама ситуация общения. Нередко возникают ситуации, в которых образ восприятия партнера и всей ситуации общения искажается. Это приводит к конфликтам в межличностном общении. При рассмотрении конфликтного противоборства также важным элементом является восприятие ситуации сторонами конфликта, оценка противоречий. Восприятие конфликтной ситуации в процессе межличностного общения может быть адекватным или искажаться. Неадекватное восприятие и оценка конфликтной ситуации может двояко влиять на протекание конфликта. С одной стороны, участники конфликта могут недооценивать серьезности сложившейся конфликтной ситуации, не видеть имеющихся противоречий. Такое восприятие конфликтной ситуации может сдерживать дальнейшее развитие конфликта. Однако имеется опасность перерастания конфликтной ситуации в более существенный конфликт из-за накопления неразрешенных противоречий. С другой стороны, неадекватное восприятие может приводить к форсированию конфликта. Это происходит в том случае, если участники конфликта (возможно только одна сторона) гиперболизируют имеющиеся противоречия, проявляют недоверие и подозрительность по отношению к партнеру по общению [3].

Все конфликтное противоборство основано на взаимодействии участников конфликта (основных и косвенных). Взаимодействие в конфликте осуществляется в рамках интерактивной стороны общения.

Вышеперечисленные три стороны, находясь в единстве, обеспечивают

целостность процесса общения, способствуют оптимизации совместной деятельности людей, установлению взаимопонимания, развитию личности.

Любое межличностное общение имеет свои границы. В процессе социализации личность развивается. Участниками межличностного общения выступают личности, обладающие своим уникальным набором интересов, целей, потребностей, мотивов, ценностей. Между отдельными личностями наблюдается схожесть этих характеристик, что обеспечивает лучшее взаимопонимание в процессе общения. Другие личности имеют кардинально отличные цели, мотивы, ценности и т.д. В основе возникновения конфликта лежит противоречие. Такие различия нередко, выступая в качестве противоречия в процессе общения, провоцируют возникновение конфликтов. Несмотря на тот факт, что схожесть интересов, целей будет способствовать взаимопониманию между партнерами по общению, их сближению в процессе взаимодействия, важно осознавать, что каждая личность остается отдельным элементом общения. Нарушение личностных границ в процессе общения является детерминантой возникновения конфликтов. Независимо от уровня личностного развития, будь то ребенок 3х лет или зрелая личность, конфликты на фоне нарушения личностных границ и автономии возникают.

Межличностный конфликт является социально-психологическим феноменом. Несмотря на существенное развитие конфликтологии в последние годы, анализировать данный феномен необходимо комплексно. Неизбежность возникновения межличностных конфликтов обусловлена как объективными, так и в большей степени субъективными факторами. Гармонизация общения, обучение конструктивным формам социального взаимодействия, являются важными условиями предупреждения деструктивных последствий межличностных конфликтов. Разрешение конфликтов, предупреждение их в последующем, неразрывно связано с осознанием их детерминант. В связи с этим психологический анализ детерминант конфликтов, возникающих в межличностном общении, является важной основой прогнозирования, профилактики и разрешения противоречий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. Учебное пособие/ С. М. Емельянов. – СПб: Питер, 2009. – 230 с.
2. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин - СПб: ПИТЕР, 2012. – 576 с.
3. Митяева, А.М. Эффективные коммуникации в социальной среде/ А.М. Митяева [Электронный ресурс] / Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie> Дата доступа: 06.03.2024.

СРОКИ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ ТРУДОВОГО СПОРА

***Мотина Е. В., к.ю.н., доц.
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь***

В трудовом праве ввиду специфики отрасли механизм защиты прав и интересов имеет определенные особенности, которые, в частности, обусловлены субъектом, обладающим правом на защиту; предметом защиты; уровнями защиты; формами и

способами защиты [4, с. 630].

В особых отраслевых средствах защиты нуждается именно работник как наиболее слабая сторона трудового правоотношения. В зависимости от предмета защиты в трудовом праве выделяют субъективные права и законные интересы. По этому критерию споры делятся на споры о праве и споры об интересе. Также по субъектному критерию имеет значение разделение споров на индивидуальные и коллективные. В свою очередь данная классификация предопределяет выбор форм и способов защиты. Коллективные трудовые споры, за некоторыми исключениями, являются спорами об интересе и рассматриваются в примирительно-посредническом порядке. Индивидуальные трудовые споры – это и споры о праве, и споры об интересе. Эти обстоятельства отражают отраслевую специфику форм и способов защиты трудовых прав.

Традиционно в науке трудового права выделяют две формы защиты субъективных прав и интересов: неюрисдикционную и юрисдикционную. Первая охватывает собой действия сторон (и/или их представителей) по защите прав и интересов самостоятельно, без обращения в соответствующие органы. Юрисдикционная форма представляет собой деятельность специализированных органов по защите прав и законных интересов.

В Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) отсутствует общая норма, предусматривающая формы и способы защиты трудовых прав. В качестве форм защиты в ТК указаны судебная и иная защиты трудовых прав (ст. 11). После включения в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) нормы о способах защиты трудовых прав и свобод (ст. 352) уже не оспаривается тот факт, что работник должен иметь возможность на защиту прав и интересов всеми не запрещенными законом способами (ч. 1 ст. 21 ТК РФ). В Гражданском кодексе Республики Беларусь содержится норма, регламентирующая основные способы защиты гражданских прав (ст. 11). С учетом особенностей отношений, входящих в предмет трудового права, отдельные способы применимы и для защиты трудовых прав и интересов. Например, признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; самозащита права; компенсация морального вреда; прекращение или изменение правоотношения.

Наряду с ними можно указать самозащиту трудовых прав, а также проведение переговоров непосредственно между работником (работниками, их представителями) и нанимателем в целях выявления и устранения допущенных нарушений или иных спорных отношений. Однако для реального применения таких способов в трудовом праве требуется законодательное решение. По мнению А. М. Лушниковой и М. В. Лушниковой, каждая форма разрешения спора – путем соглашения между сторонами при непосредственных переговорах, либо путем вынесения решения специальным органом – должна быть обеспечена правовым механизмом ее реализации [5, с. 758].

В гражданском праве в зависимости от того, в каком порядке реализуется право на защиту – самостоятельно (в неюрисдикционной форме) или посредством обращения в юрисдикционные органы – выделяют сроки неисковой и исковой защиты права. Для трудового права такая классификация сроков является не совсем некорректной, поскольку работник может обратиться в иные органы, осуществляющие сходные защитные правовые функции. Для трудовых споров о праве («споров искового характера») предусмотрена защита несудебными органами.

В частности, обращение в КТС – специализированный обязательный первичный орган разрешения трудовых споров – предполагает принудительный порядок реализации рассматриваемого права и одновременно не является формой исковой защиты права.

Примечательно, что Закон Республики Беларусь «О медиации» от 12.07.2013 № 58-З распространяет свое действие и на урегулирование споров, возникающих из трудовых правоотношений. Однако в ТК Беларуси нормы аналогичной направленности не включены. Урегулирование трудовых споров посредством медиации также не может быть отнесено к исковой форме защиты.

Поэтому для трудового права предлагаем деление рассматриваемых сроков на сроки неюрисдикционной и юрисдикционной защиты права.

В связи с изложенным полагаем, что требует пересмотра законодательная конструкция трудового спора (ст. 233, ст. 377 ТК), связывающая момент его возникновения с передачей разногласий на рассмотрение в специализированные органы по защите прав и законных интересов. Такой подход исключает неюрисдикционный порядок разрешения трудового спора. И, как следствие, не учитывает сроки для переговоров сторон в рамках индивидуального спора о праве, для самозащиты субъективного права.

На основе анализа различных теоретических подходов считаем, что момент возникновения индивидуального трудового спора должен определяться моментом передачи работником (его представителем) письменных требований нанимателю. Вторым юридическим фактом будет выступать отказ в удовлетворении предъявленных требований или их игнорирование другой стороной спора.

Полагаем, что сроки неюрисдикционной защиты права могут длиться с момента нарушения права до устранения такого нарушения или до момента обращения работника за юрисдикционной защитой. Необходимость установления данных сроков с точки зрения их соотношения со сроками обращения за разрешением трудовых споров обосновывается тем, что самостоятельная реализация работником права на защиту, в том числе посредством переговоров с нанимателем, не рассматривается законодателем как основание приостановления сроков ст. 242 ТК. И, как следствие, защита права в неюрисдикционной форме не исключает возможности пропуска работником сроков юрисдикционной защиты права.

Важное место в механизме защиты субъективных трудовых прав занимают сроки, указанные в ст. 242 ТК. В данной статье ТК установлены как общие, так и специальные сроки обращения за разрешением трудовых споров. Характерно, что ни КЗоТ 1918 г., ни КЗоТ 1922 г. не предусматривали давностных сроков. В 1927 г. была введена новая норма, согласно которой «на споры, возникающие на почве применения наемного труда, распространяется общегражданская трехлетняя исковая давность. Исковая давность по делам о восстановлении в должности и по делам о вознаграждении за сверхурочные работы ограничивается шестимесечным сроком с момента возникновения права на иск». По двум последним категориям дел аналогичная норма была установлена в БССР в 1928 г. Однако с 1928 г. применительно к рассматриваемому виду сроков в законодательстве отказались от использования термина «исковая давность». Начиная с 1957 года для защиты нарушенного права в КТС можно было обратиться без ограничения срока. В 1959 г. был установлен месячный срок по делам об увольнении. До 1983 года такие сроки именовались давностными [6, с. 503]. Кроме того, КЗоТ 1972 г. в сравнении с ТК не ограничивал обращение в комиссию по трудовым спорам (КТС) каким-либо

давностным сроком. Ситуация изменилась в 1994 г., когда срок обращения в КТС и суд, кроме споров о восстановлении на работе, был ограничен тремя месяцами. Для защиты имущественных прав нанимателя предусматривался срок в один год. В настоящее время нормы ст. 242 ТК устанавливают аналогичное правовое регулирование.

Как отмечается в литературе: «В ТК Беларуси... не предусмотрены иные сроки для таких явлений как признание недействительным трудового договора или отдельных его условий» [3, с. 28].

Правовая природа данных сроков законодательно не определена и является предметом научных дискуссий. Некоторые ученые, как и в разъяснении ч. 4 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2002 № 2 «О применении судами законодательства о материальной ответственности работников за ущерб, причиненный нанимателю при исполнении трудовых обязанностей», рассматривают данные сроки как исковые или давностные [7, с. 77; 1, с. 23]. Другие авторы отмечают неоднородную правовую природу рассматриваемых сроков и подчеркивают необходимость законодательного решения этого вопроса [6, с. 509; 2, с. 110]. Обратим внимание, что Пленум Верховного Суда в п. 4 Постановления «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» от 21.12.2023 № 9 такой замены понятий не допускает и указывает, что сроки ст. 242 ТК являются сроками обращения в суд.

В заключение сделаем следующие выводы.

Требуется комплексный подход к установлению нормами трудового права единых требований к срокам, подлежащим применению к любым формам защиты трудовых прав и законных интересов, в частности, относительно их продолжительности; момента, которым определяется начало их течения; оснований их перерыва и приостановления.

Для реализации этой правовой задачи необходим пересмотр понятия «трудовой спор» с тем, чтобы спор рассматривался как разногласие между сторонами спорного правоотношения, которое может разрешаться как в согласительном (неюрисдикционном) порядке, так и в органах по рассмотрению трудовых споров.

Сроки неюрисдикционной защиты права могут длиться с момента нарушения права до устранения такого нарушения или до момента обращения работника за юрисдикционной защитой.

Вопрос о правовой природе сроков, предусмотренных ст. 242 ТК, должен быть разрешен законодателем с учетом особенностей отношений, составляющих предмет трудового права, форм и способов защиты, предполагающих гибкость и неформальность в разрешении разногласий спорящих сторон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Войтик, А. А. Сроки для обращения в суд / А. А. Войтик // Трудовые споры. Судебная практика по делам о заключении, изменении и прекращении трудовых договоров // Библиотечка ж. Юрист. – 2004. – № 4. – С. 22–25.

2. Курылева, О. С. Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров судом / О. С. Курылева // Трудовые споры и их урегулирование : учеб.-метод. пособие / А. Г. Авдей [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – С. 100–168.

3. Курылева, О. С. Сроки защиты индивидуальных трудовых прав в законодательстве государств-членов ЕАЭС / О. С. Курылева // Трудовое и социальное право. – 2016. – № 3 – С. 26–29.

4. Лушников, А. М. Трудовое право: учебник / А.М. Лушников, М. В. Лушникова. –

Москва: Проспект, 2021.– 768 с.

5. Лушникова, М. В. Очерки теории трудового права. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 938 с.

6. Мотина, Е. В. Сроки в трудовом праве / Е. В. Мотина // Курс трудового права. Общая часть: учеб. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под. общ. ред. О. С. Курылевой, К. Л. Томашевского. – Минск: Тесей, 2010. – С. 468–525.

7. Скобелев, В. П. Теоретические вопросы применения судебного порядка рассмотрения и разрешения административных споров в социальной сфере / В. П. Скобелев // Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы / О. И. Чуприс [и др.] ; под ред. О. И. Чуприс. – Минск : БГУ, 2016. – С. 74–103.

СРОК ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПРИ ИЗБРАНИИ ПО КОНКУРСУ РАБОТНИКА, ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ПРОФЕССОРСКО- ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМУ СОСТАВУ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Томашевский К.Л., д.ю.н., профессор,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)*

Одной из особенностей замещения должностей профессорско-преподавательского состава (далее – ППС) вузов, как известно, является избрание по конкурсу. Данная проблематика была областью научных исследований И.К. Дмитриевой [1], А.В. Завгороднего [2] и ряда других ученых-юристов.

При этом помимо процедурных аспектов важное значение имеет срок трудового договора, заключаемого или продлеваемого в случае успешного избрания по конкурсу ППС. В настоящей статье рассмотрим данный вопрос, опираясь на новейшее законодательство Российской Федерации (далее – РФ), а также позиции Конституционного Суда РФ, высказанные по нему в 2022 году.

До 3.08.2023 г. ч.1 ст. 332 Трудового кодекса РФ предусматривала следующее правило о том, что трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников, относящихся к ППС, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора.

Последние слова в указанной норме, вызвали на практике злоупотребления со стороны администрации вузов, которые стремились к минимизации сроков заключаемых трудовых договоров, невзирая на срок избрания по конкурсу, что существенно снижало социально-трудовые права работников из числа ППС.

На этот достаточно острый вопрос в 2022 году обратил свое внимание Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 15 июля 2022 г. N 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова». Заметим, что судьей-докладчиком по делу выступал Заместитель Председателя Конституционного Суд РФ, д.ю.н., профессор, известный специалист по трудовому праву С.П. Маврин. Воспроизведем некоторые правовые позиции Конституционного Суд РФ, которые могли бы быть полезны и в аспекте совершенствования законодательства о порядке замещения должностей ППС вузов в Беларуси.

Как отмечает Конституционный Суд РФ, на практике вид трудового договора

(срочный либо на неопределенный срок), заключаемого с тем или иным педагогическим работником, относящимся к ППС, в образовательной организации высшего образования, и в случае заключения с ним трудового договора на определенный срок – конкретный срок его действия зачастую фактически единолично определяет руководитель данной организации или иное должностное лицо, наделенное правом заключения трудовых договоров с работниками.

При этом даже в ситуации, когда в соответствии с локальными нормативными актами образовательной организации высшего образования коллегиальный орган управления, который непосредственно проводит конкурс и принимает решение об избрании на должность определенного претендента, рекомендует заключить с ним трудовой договор на конкретный срок (например, на три года или пять лет) либо на неопределенный срок, соответствующая рекомендация не носит обязательного характера для указанных должностных лиц, которые, действуя от имени работодателя, обладают возможностью игнорировать такого рода рекомендацию и тем самым злоупотреблять положением более сильной стороны в трудовом правоотношении, а также – в отсутствие законодательных ограничений на заключение с педагогическими работниками срочных трудовых договоров – заключают главным образом именно такие, причем краткосрочные, договоры. Заключение же трудового договора на максимально возможный срок в пять лет осуществляется далеко не всегда, а на неопределенный срок – лишь в единичных случаях и, как правило, по произвольному усмотрению руководителя образовательной организации (иного должностного лица), не основанному на каких-либо имеющих формализованное закрепление объективных критериях. В свою очередь, педагогический работник, зачастую не имея других вариантов трудоустройства, вынужден соглашаться на условия, предлагаемые ему представителем работодателя, даже если они заведомо невыгодны для него с точки зрения длительности и стабильности трудовых отношений.

Более того, поскольку действующее правовое регулирование, не определяя периодичности проведения конкурса на замещение должностей педагогических работников, относящихся к ППС, и тем самым продолжительность срока избрания по конкурсу на замещение подобных должностей, не устанавливает и связь между этим сроком и сроком, на который с лицом, успешно прошедшим конкурс, может быть заключен и в последующем продлен трудовой договор, постольку определение работодателем в лице руководителя образовательной организации (или иного уполномоченного им должностного лица) срока действия конкретного трудового договора, заключаемого по итогам такого рода конкурса, а равно и срока, на который продлевается действие уже заключенного с педагогическим работником трудового договора при избрании его по конкурсу на замещение ранее замещаемой им должности, может осуществляться также произвольно, без учета объективных потребностей организации образовательного процесса, объема и содержания планируемой учебной нагрузки работника, результатов его предшествующей педагогической деятельности и сопряженных с ней перспектив осуществления им научно-исследовательской деятельности, его конституционно значимого интереса в стабильной занятости и пр.

Таким образом, хотя избрание по конкурсу является подтверждением со стороны коллегиального органа управления соответствия профессиональных, деловых, творческих и нравственных качеств претендента тем требованиям, которые предъявляются к лицу, замещающему данную педагогическую должность, а значит,

результаты конкурса должны сохранять свое значение на протяжении определенного (причем относительно продолжительного) периода, фактически руководитель образовательной организации высшего образования (иное должностное лицо), единолично определяя срок трудового договора, оказывается никоим образом не связанным решением коллегиального органа, который непосредственно проводит конкурс, об избрании на должность конкретного претендента.

В силу подобной практики решение данного коллегиального органа попросту не порождает конкретных правовых последствий, обязывающих представителей работодателя действовать в отношении избранного по конкурсу лица определенным образом. Тем самым значение соответствующей конкурсной процедуры, основанной на демократических началах, обесценивается, а опосредующая ее практика вступает в противоречие с самим предназначением конкурса и приводит к дисбалансу полномочий коллегиальных и единоличных органов управления образовательных организаций высшего образования.

Кроме того, в правоприменительной практике имеются случаи неоднократного заключения между одними и теми же сторонами на протяжении довольно длительного времени трудовых договоров на учебный год или учебный семестр для замещения одних и тех же должностей педагогических работников, относящихся к ППС, а равно и многократного продления действия таких трудовых договоров на различные, зачастую также весьма непродолжительные, сроки.

Несмотря на то что многократность заключения срочных трудовых договоров на непродолжительный срок для выполнения работы по одной и той же должности (профессии, специальности), по общему правилу, свидетельствует об отсутствии обстоятельств, объективно препятствующих установлению трудовых отношений на максимально возможный срок в пять лет, и даже порождает принципиальную допустимость признания трудового договора заключенным на неопределенный срок при установлении в ходе судебного разбирательства факта многократности заключения срочных трудовых договоров на непродолжительный срок для выполнения одной и той же трудовой функции, на что ранее уже указывал и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (абз.4 п.12), применительно к трудовым договорам, заключаемым с педагогическими работниками, относящимися к ППС, в образовательных организациях высшего образования, сложившаяся судебная практика, основываясь на положениях ч.1 и 8 ст. 332 ТК РФ, признает законным их неоднократное заключение (продление) на любой определяемый сторонами, а фактически – работодателем, срок (подтверждением тому является и дело А.А. Подакова).

Напомним факты дела. А.А. Подаков с 4 сентября 2006 года по 31 января 2020 года работал в ФГБОУВО «Государственный университет управления» (далее – ГУУ) в должности доцента на основании последовательно заключаемых срочных трудовых договоров со сроком действия с 4 сентября 2006 года по 31 января 2007 года, с 1 февраля 2007 года по 30 июня 2011 года и с 1 июля 2011 года по 30 июня 2013 года. При этом к последнему трудовому договору, заключенному 30 июня 2011 года, сторонами неоднократно заключались дополнительные соглашения о продлении срока его действия. Последнее из таких соглашений заключено 22 августа 2019 года на срок 5 месяцев (с 1 сентября 2019 года до 31 января 2020 года).

13 сентября 2019 года А.А. Подаков был уведомлен о прекращении трудового договора в связи с истечением срока его действия. 27 декабря 2019 года он подал

заявление на участие в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры частного права, объявленном ГУУ 13 декабря 2019 года, однако 21 января 2020 года отозвал указанное заявление, а 31 января 2020 года был уволен по основанию, предусмотренному п.2 ч.1 ст.77 ТК РФ (в связи с истечением срока трудового договора).

Решением Перовского районного суда города Москвы от 15 июля 2020 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 10 ноября 2020 года, отказано в удовлетворении ряда исковых требований А.А. Подакова к ГУУ, в том числе об отмене приказа о расторжении трудового договора, восстановлении на работе, признании трудового договора заключенным на неопределенный срок и выплате среднего заработка за время вынужденного прогула. При этом суды, ссылаясь в том числе на оспариваемые заявителем законоположения, указали, что заключенные с ним трудовые договоры и дополнительные соглашения о продлении срока действия трудового договора, заключенного в 2011 году, А.А. Подаковым не оспаривались и незаконными не признаны, а подписывая указанные трудовые договоры и дополнительные соглашения, он выразил согласие с условием о срочном характере трудовых отношений. Само же по себе неоднократное заключение срочных трудовых договоров с педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования, по мнению судов, обусловлено особенностями работы данной категории работников и положениям ТК РФ, в частности его ст.59, не противоречит. Каких же либо нарушений процедуры увольнения заявителя судами установлено не было.

Указанные судебные постановления оставлены без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 года, а определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2021 года отказано в передаче кассационной жалобы заявителя для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Между тем, по мнению Конституционного Суда РФ само по себе заключение (в том числе неоднократное) с педагогическими работниками, относящимися к ППС, в образовательных организациях высшего образования трудовых договоров на учебный год или учебный семестр не только значительно ограничивает таких работников в осуществлении конституционных свобод научного творчества и преподавания (ч.1 ст.44 Конституции РФ) и предоставленных им законом академических прав и свобод, но и лишает их возможности реализовать в полной мере свое конституционное право на отдых (ч.5 ст.37 Конституции РФ), поскольку в подобных случаях ежегодный оплачиваемый отпуск в натуре им, как правило, не предоставляется (если срок трудового договора составляет менее шести месяцев, у них в силу ч.2 ст.122 ТК РФ и не возникает права на его использование), а выплачиваемая им при увольнении денежная компенсация за неиспользованный отпуск рассчитывается пропорционально отработанному времени (ч.1 ст.127 ТК РФ). Подобная практика в отношении ППС – совместителей повсеместно используется не только в России, но и в Беларуси, поскольку п.2 ч.4 ст.17 ТК Беларуси допускает заключение срочных трудовых договоров с совместителями даже без указания минимального срока найма.

Помимо этого, практика заключения трудовых договоров на учебный год или учебный семестр создает непреодолимые препятствия для формирования непрерывного стажа педагогической работы, необходимого для реализации

педагогическими работниками отдельных трудовых прав и профессионально-квалификационных возможностей, в частности права на длительный отпуск сроком до одного года (так называемый «творческий отпуск»), условием предоставления которого является наличие стажа непрерывной педагогической работы не менее 10 лет (ст.355 ТК РФ), на присвоение ученых званий профессора и доцента, предполагающих наличие у претендента стажа непрерывной работы в определенных должностях (в том числе относящихся к профессорско-преподавательскому составу) в образовательных организациях высшего образования не менее 2 лет (подп. Положения о присвоении ученых званий, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 года № 1139) и пр.

Практика заключения краткосрочных трудовых договоров не способствует повышению престижа педагогической работы в образовательных организациях высшего образования и притоку в высшую школу молодых квалифицированных кадров, которые естественным образом заинтересованы в стабильных трудовых отношениях, позволяющих обеспечить долгосрочное планирование своей жизненной траектории – как личной (создание семьи, приобретение жилья, в том числе с привлечением средств ипотечного кредитования и др.), так и профессиональной (включение в профессиональное сообщество, подготовка кандидатских и докторских диссертаций, участие в долгосрочных научных проектах, поддержание высокого профессионально-квалификационного уровня, карьерный рост и т.п.).

Как отметил, Конституционный Суд РФ, подобная ситуация не может быть признана допустимой в контексте конституционных предписаний о справедливости, равенстве, верховенстве закона, правовом и социальном государстве, в котором одним из необходимых условий обеспечения достойной жизни и свободного развития человека является стабильная занятость, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, а также гарантируется уважение человека труда и самого труда.

Таким образом, Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. N 32-П часть 1 статьи 332 была признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она допускает произвольное определение работодателем срока трудового договора и срока продления трудового договора, заключаемого с преподавателем вуза, притом, что выполняемая по этому договору работа является для работника основной. До внесения соответствующих изменений срочные договоры с преподавателями должны заключаться или продлеваться на срок не менее трех лет (за исключением заключения такого договора впервые или для краткосрочных задач).

Спустя год российский законодатель скорректировал нормы ст.332 ТК РФ, устранив выявленные в нем Конституционным судом РФ дефекты. Так, Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 471-ФЗ «О внесении изменений в статьи 332 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации» части 1 и 2 ст. 332 ТК РФ были изложены в следующей редакции:

«Трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, заключаются на неопределенный срок или на определенный срок, соответствующие срокам избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности, которые определяются в порядке, установленном частью второй настоящей статьи.

Заключению трудового договора на замещение должности педагогического работника, относящегося к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также переводу на такую должность предшествует избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности с указанием срока избрания. Срок избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности определяется коллегиальным органом управления организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, в соответствии с локальными нормативными актами данной образовательной организации и может быть неопределенным или определенным в пределах не менее трех лет и не более пяти лет. В случае, если трудовой договор между педагогическим работником, относящимся к профессорско-преподавательскому составу, и данной образовательной организацией заключается для выполнения определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер, допускается избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности на срок менее трех лет, но не менее чем на один год.»

Данные нормы также воспроизводятся в п.16 Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, утвержденному приказом Министерства образования и науки РФ от 23 июля 2015 г. № 749 (действует до 31.08.2024). Согласно правилам п.16 указанного Положения трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников могут заключаться как на неопределенный срок, так и на определенный срок не более пяти лет. При избрании работника по конкурсу на замещение ранее занимаемой им по срочному трудовому договору должности педагогического работника новый трудовой договор может не заключаться. В этом случае действие срочного трудового договора с работником продлевается по соглашению сторон, заключаемому в письменной форме, на определенный срок не более пяти лет или на неопределенный срок. При переводе на должность педагогического работника в результате избрания по конкурсу на соответствующую должность срок действия трудового договора с работником может быть изменен по соглашению сторон, заключаемому в письменной форме, на определенный срок не более пяти лет или на неопределенный срок.

Обратим внимание на нововведения, вступающие в силу в России с 01.09.2024 г. Согласно п.2 и 3 Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, утвержденному приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 4 декабря 2023 г. № 1138, срок избрания по конкурсу определяется коллегиальным органом управления организации, в полномочия которого входит проведение конкурса, в соответствии с локальными нормативными актами организации и может быть неопределенным или определенным в пределах не менее трех лет и не более пяти лет. В случае если трудовой договор между педагогическим работником и организацией заключается для выполнения определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер, допускается избрание по конкурсу на срок менее трех лет, но не менее чем на один год.

В целях сохранения непрерывности учебного процесса допускается заключение трудового договора на замещение должности педагогического работника в организации без избрания по конкурсу при приеме на работу по совместительству

или в создаваемые образовательные организации высшего образования до начала работы ученого совета – на срок не более одного года, а для замещения временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с законом сохраняется место работы, - до выхода этого работника на работу.

Педагогический работник, с которым по результатам конкурса заключен трудовой договор на неопределенный срок, в течение всего периода замещения им этой должности не проходит конкурс на данную должность, а проходит аттестацию один раз в пять лет.

Подытоживая вышеизложенное, согласно действующему законодательству РФ срок избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности лица из числа ППС определяется коллегиальным органом управления организации и может быть неопределенным или определенным в пределах не менее трех лет и не более пяти лет. В случае же заключения трудового договора ППС для выполнения определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер – срок избрания по конкурсу может быть в диапазоне от одного года до трех лет.

В заключение статьи отметим, что выработанные в РФ подходы относительно гарантированного минимального срока заключения трудового договора и его увязки со сроком избрания по конкурсу лица из числа ППС, а не с единоличным решением администрации вузов, представляются обоснованными и рекомендуются к учету при совершенствовании законодательства Республики Беларусь в условиях происходящих интеграционных процессов в рамках Союзного государства и ЕАЭС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриева, И.К. Трудовой договор научно-педагогических работников вузов / И.К. Дмитриева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 165 с.
2. Завгородний, А.В. Конкурсные и трудовые правоотношения педагогических работников образовательных организаций Российской Федерации: монография / А.В. Завгородний. – М.: Проспект, 2017. – 267 с.

ВЫБАРЫ Ў ДЗЯРЖАЎНУЮ ДУМУ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ: ГІСТОРЫКА-ПРАВОВЫЯ АСПЕКТЫ

*Токць С.М., д.г.н.,
прафесар кафедры агульнай тэорыі права і гуманітарных дысцыплін
“БШ – Універсітэт права і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій”, г. Гродна,
Рэспубліка Беларусь*

У 1905 г. у Расійскай імперыі выбухнула рэвалюцыя, якая скаланула падмуркі вялізнай дзяржавы. Самадзяржаўная ўлада была вымушана пайсці на саступкі патравабаванням значнай часткі грамадства і абяцаць утварэнне выбарнага прадстаўнічага органа. 6 жніўня 1905 г. Мікалай II падпісаў “Палажэнне аб выбарах у Дзяржаўную думу”. Прапанаваная грамадству выбарчая сістэма з’яўлялася вельмі складанай і грувасткай. Выбары былі шматступеннымі і няроўнымі, а большая частка насельніцтва да ўдзелу ў іх не дапускалася. Асноўнай выбарчай акругай ставалася губерня, а колькасць дэпутатаў ад акругі вызначалася ў адпаведнасці з колькасцю жыхароў. Прычым у цэнтральных губернях імперыі адзін дэпутат прыходзіўся

прыкладна на 250 тыс. чалавек, а на ўскараінах – на 370 тыс.

Выбары ў Дзяржаўную думу не з’яўляліся ўсеагульнымі. Ажно 16 катэгорый насельніцтва паводле “Палажэння аб выбарах” не атрымлівала выбарчых правоў: асобы ва ўзросце да 25 год, жанчыны, студэнты і навучэнцы іншых адукацыйных устаноў, вайскоўцы на дзейнай службе, паліцэйскія, губернатары і г.д. Астатнія падданыя імперыі маглі ўдзельнічаць у выбарах, але толькі тады, калі іх сацыяльны і матэрыяльны статусы адпавядалі цэламу шэрагу ўмоваў. Усе выбаршчыкі былі падзелены на тры асноўныя курыі – сялянскую, землеўласніцкую і гарадскую.

У выбарах сялянскай курыі тэрэтычна маглі ўдзельнічаць усе сяляне-гаспадары, якія на сельскіх сходах выбіралі сваіх прадстаўнікоў на валасны сход ад кожных дзесяці двароў. А ўжо валасны сход абіраў двух упаўнаважаных ад воласці на павятовы сялянскі сход. Выбарчага права пазбаўляліся прадстаўнікі сельскай інтэлегенцыі – настаўнікі, фельчары, аграномы і г.д., якія стала пражывалі на тэрыторыі воласці. Магчымасцю ўдзелу ў выбарах для іх было толькі далучэнне да суседніх гарадскіх сходаў. Павятовых сход упаўнаважаных ад валасцей абіраў са свайго складу выбаршчыкаў на губернскі выбарчы сход.

У выбарах землеўласніцкай курыі маглі браць удзел наступныя катэгорыі :

- уладальнікі вызначанай плошчы зямлі (паводле ўстаноўленага ў кожнай губерні зямельнага цэнза);

- упаўнаважаныя ад праваслаўнага духавенства, як прадстаўнікі царкоўнага землеўладання;

- уласнікі іншай, акрамя зямлі, нерухомасці ў сельскай мясцовасці вартасцю не менш чым 15 тыс. руб.;

- упаўнаважаныя ад дробных землеўласнікаў, якія валодалі не менш, чым 1/10 цэнза (прычым не толькі зямлёй, але і іншай нерухомасцю).

Гэтыя асобы з’язджаліся на павятовы сход землеўласнікаў, дзе абіралі сваіх прадстаўнікоў на губернскі выбарчы сход.

У выбарах гарадской курыі маглі ўдзельнічаць:

- уладальнікі гарадской нерухомасці вартасцю не менш чым 1500 руб.;

- уладальнікі гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў, а таксама асобы, якія плацілі асноўны прамысловы падатак на асабістыя прамысловыя заняткі па першаму разраду;

- асобы, якія выплочвалі кватэрны падатак.

Гэтыя ўмовы фактычна дапускалі да ўдзелу ў выбарах толькі гарадскую заможную эліту.

Для правядзення думскіх выбараў упершыню ў гісторыі Расійскай імперыі ствараліся асобныя выбарчыя камісіі. За падрыхтоўку выбараў неслі адказнасць губернатары, якія і вылучалі грашовыя сродкі на дзейнасць азначаных камісій. Стварэнне камісій распачалося ўжо ў жніўні 1905 г. Губернскія камісіі ўключалі двух суддзяў (адзін станавіўся старшыней), прадстаўнікоў гарадскога і дваранскага самакіравання і дзяржаўных чыноўнікаў. Камісіі разглядалі скаргі на складанне спісаў выбаршчыкаў. Старшыней павятовай камісіі станавіўся галава павятовага горада для гарадскога насельніцтва і прадвадзіцель дваранства для сялян і землеўласнікаў.

Спісы выбаршчыкаў землеўладальніцкай і гарадской курый складалі органы мясцовага самакіравання. Выбары па сялянскай курыі праводзіліся ўвогуле без спісаў і пасведчанняў асобы выбаршчыкаў. Меркавалася, што сяляне ў воласці і так адзін аднаго ведаюць.

Бурнае развіццё рэвалюцыйных падзей даволі хутка прымусіла самадзяржаўе да

дэмакратызацыі выбарчага палажэння. 11 снежня 1905 г. быў выдадзены царскі ўказ Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений». Галоўная навіла – адмова ад прынцыпу, што выбаршчыкамі з’яўляюцца толькі падаткаплацельшчыкі. Указ дапускаў да выбараў цэлую сацыяльную групу – рабочых, якія вылучаліся ў асобную чацвёртую курыю. Праўда, прыняць удзел у выбарах маглі толькі рабочыя тых прадпрыемстваў, дзе налічвалася не менш 50 работнікаў.

Змены адбыліся таксама ў землеўладальніцкай курыі:

- каб напраму ўдзельнічаць у павятовым з’ездзе землеўладальнікаў, не абавязкова было валодаць зямлёй у памеры ўстаноўленага цэнзу на правах уласнасці – можна было гэтую зямлю арандаваць або нават проста ёй распараджацца;

- у павятовых з’ездах як прадстаўнікі царкоўнага землеўладання маглі ўдзельнічаць настаяцелі цэркваў і малітоўных дамоў усіх веравызнанняў, а не толькі праваслаўнага;

- на папярэдні з’езд дапускаліся ўладальнікі любой колькасці зямлі ці іншай нерухомасці (парог у 1/10 цэнза здымаўся).

Адносна ж сялянства ніякіх зменаў не ўводзілася.

Кампанія па выбарах у I Дзяржаўную думу павінна была распачацца ўжо ў студзені 1906 гады. Калі выбарчай акругай з’яўлялася губерня, як у выпадку беларускіх зямель, то ў галасаванні ўдзельнічалі прадстаўнікі ўсіх чатырох курый, якія вызначалі чальцоў губернскага выбарчага сходу. На папярэдніх павятовых з’ездах збіраліся тыя ўладальнікі нерухомасці, чыя ўласнасць была меншай за ўстаноўлены для дадзенай мясцовасці цэнз. Гэтыя дробныя землеўладальнікі пасылалі ўпаўнаважаных на павятовы з’езд землеўладальнікаў. У адпаведнасці з «Палажэннем аб выбарах у Дзяржаўную думу» колькасць упаўнаважаных вызначалася колькасцю зямлі, якая лічылася за асобамі, якія з’явіліся на з’езд, і вынікам ацэнчнага кошту іншай маёмасці, якая ім належала, мяркуючы па адным упаўнаважаным на поўны выбарчы цэнз. Гэты ж механізм дзейнічаў і на павятовым выбарчым з’ездзе землеўладальнікаў. Спачатку суміравалася колькасць зямлі, якой валодалі выбаршчыкі, якія з’явіліся на з’езд. Затым атрыманая сума дзялілася на памер зямельнага цэнза для гэтага павета. Потым суміравалася ацэнка іншай, акрамя зямлі, нерухомасці, якая належыць выбаршчыкам. Гэтая сума дзялілася на 15 000 рублёў (агульнаімперскі выбарчы цэнз для асоб, якія валодаюць у павеце «іншым, акрамя зямлі, нерухомай, якая не складае гандлёва-прамысловай установы маёмасцю»). Атрыманая лічбы складаліся і акругляліся; так і вызначалася колькасць выбаршчыкаў ад землеўладальнікаў павета на губернскі выбарчы з’езд.

Калі казаць пра тэхнічны бок выбараў па землеўладальніцкай курыі, то іх арганізоўваў уезды прадвадзіцель дваранства. Ён падпісваў акт аб колькасці прыбылых на з’езд павятовых землеўладальнікаў і "выбарчы ліст" з вынікамі балаціроўкі. Гэтыя дакументы адсылаліся ім у павятовую выбарчую камісію.

Адпаведна з’езды гарадскіх выбаршчыкаў рыхтаваў галава горада. Ён адказваў за складанне спісаў выбаршчыкаў, павінен быў вывесіць гэтыя спісы на ўсеагульны агляд, апавясціць аб даце выбараў кожнага выбаршчыка персанальным запрашэннем. Ён жа асабіста старшынстваваў на выбарчым з’ездзе, які праходзіў з 9 раніцы да 9 вечара. Выбаршчыкамі па гэтай курыі былі ўладальнікі гарадской нерухомасці, кватэранаймальнікі, служачыя, пенсіянеры, уладальнікі гандлёва-прамысловых прадпрыемстваў у павеце.

Для выбараў па сялянскай курыі выкарыстоўваўся механізм валаснога

самакіравання. Падчас выбараў у Дзяржаўную думу земскі начальнік загадваў сабраць валасны сход для выбару ўпаўнаважаных на павятовы з'езд. Адкрываў валасны сход і старшынстваваў на ім валасны старшыня. Выбары праходзілі шляхам закрытай балаціроўкі. Па яе выніках сход прымаў прыговор, дзе называліся імёны двух упаўнаважаных на павятовы з'езд ад валасцей. Копія прысуду, падпісаная валасным старшыняй і замацаваная пячаткай валаснога кіравання, адпраўлялася ў павятовую па справах аб выбарах камісію. Паветовы з'езд упаўнаважаных ад валасцей збіраўся ўжо пад старшынствам павятовага прадвадзіцеля дваранства і выбіраў павятовых выбаршчыкаў ад сялянскай курыі.

Рабочая курыя стваралася ў губернях, дзе прамысловых працоўных налічвалася не менш за 10 тысяч чалавек. Парадак выбараў на пачатковым этапе вызначалі самі рабочыя: ці праводзіць ім сход ці адразу фабрычны. У многім гэта залежала ад колькасці работнікаў. Старшыню выбарчага збору прызначалі таксама рабочыя. Адміністрацыя прадпрыемства не мела права ўмешвацца ў ход выбараў і нават удзельнічаць у іх. Выбіраць упаўнаважанага маглі толькі рабочыя. Інжынерна-тэхнічны склад гэтага права быў пазбаўлены.

У выніку выбараў у склад Дзяржаўнай Думы прайшло шмат апазіцыйных да царскага ўрада дэпутатаў. Хаця Дума і мела вельмі абмежаваныя паўнамоцтвы, але адразу распачаліся канфлікты з выканаўчай уладай. У выніку вельмі хутка яна была распушчана імператарам і прызначаны новыя выбары. Але і II Дума аказалася незгаворлівай і не задаволіла ўрад. Таму, калі рэвалюцыйны запал у грамадстве пачаў сгасаць, царызм сам перайшоў у наступ. 3 чэрвеня 1907 года было выдадзена новае “Палажэнне аб выбарах у Дзяржаўную думу”, якое было значна менш дэмакратычным, чым папярэдняе. Гэтае палажэнне дзятліла выбаршчыкаў зноў на тры ж чатыры курыі. Аднак суадносіны паміж выбаршчыкамі ад кожнай з іх змяніліся, перш за ўсё, за кошт скарачэння да 24% колькасці выбаршчыкаў ад сялян. Колькасць жа выбаршчыкаў ад курыі землеўладальнікаў значна ўзрасла (па розных губернскіх сходах ад 44 да 51%). Прычым нават для заможных сялян удзел у выбарах ад курыі землеўладальнікаў быў моцна ўскладнены. Нават калі яны мелі неабходны зямельны цэнз у сваім павеце, усё роўна павінны былі галасаваць па курыі ад валасных сходаў. Закон прама на гэта ўказваў (арт. 62). Землеўладальніцкая курыя набыла, такім чынам, пераважна памешчыцкі характар. Колькасць выбаршчыкаў ад гарадскоў курыі засталася прыкладна такой жа. Але былі ліквідаваныя 19 з 26 гарадскіх выбарчых акруг (бо там звычайна праходзілі апазіцыйныя да царызму кандыдаты).

Гарадскія выбаршчыкі ў залежнасці ад свайго маёмаснага становішча былі падзелены на два з'езды. Па першым з'ездзе галасавалі буйныя ўласнікі – уладальнікі нерухомасці, ацэненай для спагнання земскага або гарадскога збору не менш за 1000 рублёў, а таксама гаспадары значных гандлёва-прамысловых устаноў. Гэта давала вялікую перавагу ў выбарах багацейшай частцы гарадскога насельніцтва.

А для беларускіх губерняў галоўнай навэлай стаўся пункт, на моцы якога мясцовыя ўлады з дазволу Міністэрства ўнутраных спраў маглі дзятліць землеўласніцкую, сялянскую і гарадскую курыі яшчэ на асобныя курыі паводле нацыянальнага складу выбаршчыкаў. Такім чынам расійскі ўрад намагаўся зменшыць уплывы палякаў і яўрэяў, якія мелі ў Беларусі перавагу ў землеўласніцкай і гарадскоў курыях. Напрыклад, у Гродзенскай губерні ва ўсіх паветах землеўласнікаў падзятлілі на “польскую” і “няпольскую”, а гарадскіх выбаршчыкаў – на “рускую” і “нярускую” курыі. А ў Сакольскім і Беластоцкім павеце і сялян падзятлілі на “рускую” і “польскую” курыю. У выніку на губернскім выбарчым сходзе большасць месцаў

гарантавана належала да прадстаўнікоў “рускага” насельніцтва, да якога ўлады залічвалі і праваслаўных беларусаў.

У выніку зменаў у выбарчае заканадаўства асабовы склад Думы аказаўся ўжо куды больш лаяльны да ўладаў. Аднак ён ужо не адлюстроўваў рэлігійнай і нацыянальнай структуры грамадства. Гэта адыгрывала сваю адмоўную ролю ў часы вялікіх сутрасенняў, якія чакалі імперыю ў бліжэйшай будучыні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович; УО «Могилев. гос. ун-т им. А.А. Кулешова». – Могилев: МГУ, 2003. – 212 с.

2. Забаўскі, М.М. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі, У.С. Пуцік; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1998. – 158 с.

3. Забаўскі, М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917) / М.М. Забаўскі; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск: БДПУ, 1999. – 212 с.

4. Положение о выборах в Государственную Думу, 6 августа 1905 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отд-ние II-е: Приложения. СПб., 1908.

5. Смирнов, А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917: историко-правовой очерк / А.Ф. Смирнов. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 624 с.

6. Jurkowski, R. Sukcesy i porażki. Ziemiaństwo polskie Ziemi Zabrzanych w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 19067 - 1916. Olsztyn, 2009. 560 s.

МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ярмусик Э.С., д.ист.н., проф.

*ГрГУ – Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

В последние десятилетия к изучению проблем исторической памяти о Великой Отечественной войне и сохранению её, передаче новым поколениям, проявляется повышенный интерес как в науке, так и в социуме. Многочисленные публикации, появившиеся как на постсоветском пространстве, так и за рубежом, свидетельствуют о том, что происходит поиск новых подходов в осмыслении современного состояния человеческого сообщества, когда многие традиционные представления не в состоянии объяснить глобальные перемены в мировом, национальном и локальном развитии. Потребность в новых смысловых конструктах звучит в современных вызовах на всех уровнях социума, и в первую очередь это касается такого символического построения, как память о прошлом [1].

Память о прошлом представляет собой сложную многоуровневую систему, структурными компонентами которой выступают прежде всего память индивидуальная и память коллективная. Коллективная память содержательно связана с опытом совместной жизни отдельных социальных групп, общностей (поколенческих, этнических, конфессиональных, поселенческих и т. д.). В ней вырабатываются и сохраняются общие ценности, стереотипы, типичные практики поведения. Вследствие этого сохранение исторической памяти было и остается

важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности страны. Особенно остро такой вопрос стоит в настоящее время, когда отдельные страницы прошлого превратились в информационное поле самой ожесточенной борьбы за историческую правду и справедливость.

В результате целенаправленного деструктивного информационного воздействия на сознание людей происходит размывание исторической и национальной самобытности суверенных государств, преднамеренно ослабляются патриотические чувства граждан, предпринимаются попытки перекодировать традиционные духовно-нравственные ценности и нормы. Наконец, фальсификации прошлого выступают непосредственным инструментом дестабилизации внутривнутриполитических процессов. В связи с этим особую актуальность приобретает задача выработать четкие критерии оценки событий и роли личностей в истории государства, не допустить развития идей, которые будут работать против консолидации общества в будущем [2].

В 2019 г. Европарламент принял резолюцию, в которой назвал советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. «причиной Второй мировой войны». В Польше, Чехии, Литве, Украине осуществляется снос памятников советским воинам, происходит переименование улиц, и тем самым вычеркивается из памяти граждан этих государств роль СССР в победе над фашизмом. Такая политика направлена на деформацию исторической памяти народов Европы и формирование представления об СССР и современной России как о государстве-агрессоре. Манипуляция историческими событиями сегодня является инструментом международной политики и дипломатии, способом давления на Россию, а также на Беларусь для достижения своих политических целей. История стала предметом борьбы за прошлое, настоящее, а, следовательно, и будущее [3]. Мы являемся свидетелями того, как переписывается, подгоняется под созданные современными политиками и государственными деятелями конструкции истории Великой Отечественной войны в Украине, республиках Балтии, в Польше и других странах Евросоюза.

Разные люди помнят прошлое по-разному. Во многом это зависит от того, с какими социальными группами они себя ассоциируют, какие события военного времени переживали, в каких участвовали, в какой мере существовавшая идеология накладывалась на их воспоминания и т. д. В этой связи можно говорить о коллективной и индивидуальной памяти. Коллективная память — это представления о прошлом, которые разделяют члены одной социальной группы. Понятие коллективной памяти ввел французский социолог и философ Морис Хальбвакс в 1925 году. Он выделял два вида памяти, доступных для человека, — индивидуальную и коллективную. По его мнению, память у человека появляется в процессе социализации. Несмотря на то что памятью обладает каждый отдельный человек, эта память все же формируется коллективом. Индивидуальная, или автобиографическая, память — это воспоминания индивида о его жизни. Коллективная память принадлежит не одному человеку, а группе. Формой коллективной памяти выступает историческая память, которая связана с национальной или мировой историей. Она включает в себя воспоминания о ключевых событиях и фигурах прошлого, которые могут иметь важное значение для определенной страны, нации или общества. Историческая память может использоваться для формирования национальной или гражданской идентичности, а также для оценивания прошлого и понимания его влияния на настоящее. Коллективные воспоминания сохраняются в разных формах

повествования: документальных свидетельствах о прошлом, таких как архивные записи, документальные фильмы, книги, мемуары, дневники, художественная культура, фотографии, контент в интернете. Формируются же воспоминания посредством изучения этих записей, их обсуждения в группе и взаимодействия членов сообщества [4].

Примером коллективной памяти могут выступать издания, в которых собраны документы, свидетельства, фотографии участников военных событий. Так, в фундаментальном издании «Народны летапіс Вялікай Айчыннай вайны: успомнім усіх! Кніга 1» представлены воспоминания и документальные материалы, собранные в Институте истории НАН Беларуси в рамках инициированной Национальной академией наук Беларуси всебелорусской акции «Народны летапіс Вялікай Айчыннай вайны: успомнім усіх!». Книга рассчитана на широкий круг читателей: профессиональных историков, преподавателей, студентов и всех тех, кто интересуется военной историей. Важность обращения к такого рода событиям и сохранения памяти о них объясняется несколькими причинами. Во-первых, с каждым днём всё меньше и меньше становится тех, кто прошёл трудными дорогами войны, воевал на фронтах, в партизанских отрядах и подпольных организациях, пережил тяжести плена, оккупации, был вывезен на принудительные работы в Германию. Во – вторых, в воспоминаниях отражается эмоциональное и психологическое восприятие войны, событий, которые пришлось пережить их очевидцам, а это придаёт им определённый колорит и образность, что не в состоянии передать ни один исследователь, конструирующий события на основе документальных источников. В-третьих, для нас жизненно важно сохранить для потомков каждый факт и деталь – все, что стало олицетворением духовной силы белорусского народа в тяжкие военные годы [5].

Оригинальным изданием с точки зрения анализа образа войны, отложившегося в памяти очевидцев и участников, представляется книга воспоминаний «Память – главный свидетель. Воспоминания очевидцев – лидян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» автора А. Колодинской. В книге раскрываются судьбы людей - детей войны, которые родились и живут на Лидчине, или судьба распорядилась таким образом, что их жизнь связана непосредственно с Лидским краем. Эти люди выжили в тяжелейшее время, выжили, чтобы рассказать потомкам о фашизме. Автор беседовала с теми, кто не совершал героических подвигов, но кого объединила общая беда: узники концлагерей, угнанные на принудительные работы в Германию, дети блокадного Ленинграда, дети военнослужащих, а также дети, проживавшие на оккупированной территории вместе с родителями. При этом автор стремилась объективно поведать факты из жизни героев. У большинства респондентов чётко отложилось в памяти то, что было связано с тяжелым детством.

В книге имеются разделы: воспоминания военнослужащих 56-й стрелковой дивизии; воспоминания узников концлагерей; воспоминания детей, родившихся у «остарбайтеров»; воспоминания детей блокадного Ленинграда и городов – героев; воспоминания фронтовиков; воспоминания детей военнослужащих; воспоминания детей, вывезенных из восточных регионов СССР; воспоминания детей глубокого тыла; воспоминания детей партизан; воспоминания детей, живших в оккупации. Таким образом, детские воспоминания занимают большую часть этой книги (50 из 67) воспоминаний [6].

В 1996 году при содействии Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» был издан сборник документов и материалов

«Белорусские остарбайтеры. Угон населения на принудительные работы в Германию (1941–1944)». В сборнике на основании архивных источников раскрыт механизм обеспечения иностранной рабочей силой германской экономики, их практическое осуществление на территории Беларуси, участие и роль в них коллаборационистов [7]. Фундаментальным трудом и продолжением данной темы стала коллективная монография «Вяртанне ў рабства. Прыму́совая праца насельніцтва Беларусі. 1941–1945 гг.». В книге на основании широкого использования архивных источников, свидетельств очевидцев исследуются вопросы организации и механизма использования принудительного труда населения Беларуси в годы Второй мировой войны. Особенное внимание уделено отдельным аспектам принудительного труда [8].

Воспоминания различных категорий людей, переживших войну, отражены в материалах ряда конференций. Так, в материалах конференции «Сохраним память - укрепим будущее» содержатся сведения о судьбах жителей Гродненского района, собранные в процессе осуществления одноименного проекта. Это воспоминания бывших узников концлагерей и людей, вывезенных на принудительные работы в Германию; повествования об участниках Великой Отечественной войны, о тех, кто запечатлел войну детским сознанием; о тружениках тыла, изведавших все тяготы выживания на оккупированных территориях [9].

Воспоминания участников первых боёв на Гродненщине как источник по истории начального периода Великой Отечественной войны. Следует подчеркнуть, что важность воспоминаний участников борьбы с немецкими оккупантами была определена уже в разгаре боёв под Москвой. В советский период публикация мемуаров была одним из важных направлений научных исследований, идеологической работы и военно-патриотического воспитания. В новейший период белорусской истории воспоминания участников войны являются составной частью реализации политики памяти в Республике Беларусь. Они позволяют поколениям, не ощутившим на себе ужасов военного лихолетья, не пережившим горечь поражений, потерь и радости побед, прикоснуться к «великим тем годам». Воспоминания – это результат субъективных ощущений и переживаний, сложившихся у человека в условиях повседневной жизни, участия в событиях, которые в будущем будут интерпретированы в зависимости от политической конъюнктуры или идеологических установок, отличаются «замазыванием» трудностей и недостатков, вследствие чего «грешат» необъективностью. В то же время, воспоминания показывают живого человека, его мысли, чувства, переживания, а в связи с этим – его роль и место в боевой обстановке. Особый интерес представляют записи живых рассказов в плане изучения традиций «устной истории» в нашей стране.

В советское время по известным причинам не получили должного освещения бои на начальном этапе войны. Трагедия Красной Армии, которая вынуждена была отступать, стратегические просчёты советского командования, пленение сотен тысяч её солдат и офицеров, огромные людские и материальные потери – всё это осмысливалось и оценивалось более объективно лишь в новейшей истории Беларуси. Историки, наряду с архивными материалами, стали в большей мере прибегать к использованию воспоминаний непосредственных участников событий. При этом воспоминания использовались как для подтверждения научной гипотезы, так и для уточнения или иллюстрации официальных источников.

Воспоминания тех, кто первым встретил войну на западных рубежах страны, широко использовались в историко-документальных хрониках городов и районов Беларуси «Память», которые издавались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Например,

очерк «Так пачыналася вайна» иллюстрируется воспоминаниями Г. К. Здорного, бывшего начальника 86-го Августовского пограничного отряда, А. Д. Шмелёва, бывшего курсанта учебной роты 9-го отдельного пулемётно-артиллерийского батальона 68-го Гродненского укрепрайона и других (всего 7 воспоминаний). Характерно, что в них довольно подробно освещена напряженная и меняющаяся ежеминутно военная обстановка, приведены многие подробности и обстоятельства сражений, поведение бойцов в экстремальных ситуациях. Воспоминания позволяют представить, что воочию пережили те, кому выпали такие испытания [10].

Впервые сбором воспоминаний участников первых боев на Гродненщине стала заниматься Макеева Ираида Ефимовна (16.04.1923 – 05.06.2006 гг.). Она приехала в Гродно из Пензенской области сразу же после окончания Великой Отечественной войны, стала работать в СШ № 10 учителем русского языка и литературы и с первых же дней занялась поисковой работой. Создала и являлась руководителем общественной организации ветеранов-однополчан, участников боев за Гродно в 1941–1944 гг. Организация занималась розыском тех, кто принял первые бои с превосходящими силами противника 22 июня 1941 г., без вести пропавших в июне 1941 г. на территории Беларуси. Занималась перезахоронением, установлением мемориальных плит на территории бывшего Союза, в Польше, Германии, организовывала встречи участников боёв и выездов на места боев в эти страны.

С 1946 года за полувековую поисковую работу в архивах И.Е. Макеевой накопилось много уникального исторического материала. Вместе с городскими властями было решено открыть в Гродно музей на основе собранных материалов, однако он так и не был открыт. Большая часть материалов (письма, фото и т.п.) хранилась у родственников Ираиды Ефимовны, однако судьба этого бесценного наследия о первых боях на Гродненщине так и не стала национальным достоянием.

Уникальные документы, собранные И.Е. Макеевой, изданы в 12 книгах о войне, среди них: «В июне 1941-го (воспоминания участников первых боев на Гродненщине)» (2 издания – 1997 и 2002 г.); «Отцы и дети из 41-го: страницы истории» (2 издания – 2002 и 2004г.); «Эхо июня 41-го: страницы истории» (2005); «41-й не померкнет никогда: страницы истории» (2006) и другие [11].

В самой первой книге «В июне 1941-го (воспоминания участников первых боев на Гродненщине)», изданной в 1997 году, И.Е. Макеева во вступительной статье пишет, что толчок к столь масштабной впоследствии поисковой работе дало стремление разыскать своих без вести пропавших трёх братьев, который увенчался успехом лишь в 1979 году. «Поиск со временем становился коллективным. Мне помогали ребята всего класса в СШ № 10, где я была классным руководителем, поисковые группы других школ, – пишет Ираида Ефимовна. – Весть о нашей работе вскоре дошла и до тех семей, чьи отцы либо сыновья не вернулись домой с войны и судьбы их неизвестны. Родственники пропавших присылали отрывочные сведения о воинах, местах боёв. Это подсказывало либо уточняло маршруты поисков, места вероятных захоронений. ... Через несколько десятилетий в списках появилось свыше 1000 фамилий живых и пропавших без вести участников первых боёв» [12]. В данной книге опубликовано несколько десятков воспоминаний. Некоторые из них довольно подробно отражают сложившуюся обстановку, психологическое состояние людей, передают незабываемые ощущения и оценки того, с чем пришлось столкнуться в первые дни войны, в других – лишь небольшие эпизоды от пережитого. Некоторые статьи написаны родственниками участников боёв – они передают то, что слышали от своих дедушек, называют фамилии сослуживцев. Во всех книгах опубликованы

списки участников боёв на Гродненщине, которые удалось восстановить И.Е. Макеевой и поисковой группе, многочисленные фотографии. Бесспорно, проделанная работа И. Е. Макеевой и её многочисленными энтузиастами бесценна как с точки зрения научной, так и гражданской, патриотической [13]. Вряд ли можно найти так много подвижников, для которых поисковая работа стала смыслом всей жизни и долгом перед памятью о тех, кто в годы войны вынес тяжелые испытания и остался, к сожалению, во многих случаях безвестным.

Воспоминания фронтовиков, партизан и подпольщиков. Ветераны боевых действий, в первую очередь фронтовики, партизаны и подпольщики становились живым примером для воспитания советского патриотизма, чувства любви к Родине, готовности к её защите. Их жизнеописание был важнейшим методом формирования такой модели исторической памяти о Великой Отечественной войне у населения, особенно у молодого поколения, которая соответствовала бы господствующим идеологическим конструктам. Официальные образы и схемы исторической памяти накладываются в текстах воспоминаний на представления, которые сохранились в индивидуальной памяти.

Публикации воспоминаний партизан и подпольщиков, участников боевых действий на фронтах войны в советское время уделялось огромное внимание. Такие книги за весь советский период издавались тысячами и огромными тиражами. Мемуары отражали официальную идеологию и формировали коллективную память о войне. Со страниц мемуаров вставали героические образы конкретных людей, которые олицетворяли непоколебимую веру советского народа в победу, преданность делу коммунистической партии, любовь к Родине, готовность пожертвовать своей жизнью ради разгрома немецко-фашистских оккупантов. Такой конструкт героя, широко пропагандируемый в идеологической и воспитательной работе, в средствах массовой информации, в литературе и искусстве, мемориализованный в многочисленных памятниках, был направлен на формирование у каждого нового поколения советских людей чувства патриотизма и любви к Родине. Ветераны войны как раз представляли собой тот символ, образец для подражания, на которых молодёжи следовало равняться и с которых нужно было «делать жизнь». Следует отметить, что эти усилия не пропали даром. Послевоенные поколения, вплоть до развала СССР, переняли фактически эстафету их отцов, дедов и прадедов и сформировали в коллективной памяти соответствующие образы и представления о героях, защитниках Родины, героизме, подвигах, а также ненависть и презрение к предательству и предателям, которые сотрудничали с оккупантами.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов были попытки этот образ разрушить. Отдельные историки, публицисты, действуя «с позиций исторической правды», воспользовавшись открытостью архивов и доступностью к ранее засекреченным материалам, а также следуя в русле зарубежной историографии, представляли в негативном свете и нередко шельмовали то, что было свято и дорого в советское время. Развенчивались представления о партизанах как о народных мстителях, защитниках мирного населения на оккупированных врагом территориях, их изображали зачастую как бандитов, засланных Сталиным из числа коммунистов, используя при этом клише, распространяемое в своё время немецкой пропагандой. К слову сказать, негативных фактов в деятельности партизанских отрядов также было немало, о чем свидетельствуют архивные документы. Однако в советское время о них не принято было говорить, тем более – писать. «Выпячивание» негатива и умаление значения борьбы партизан с немецкими оккупантами в определенной степени

способствовало разрушению некоторых ранее утвердившихся идеологием, конструированных советской системой.

Со второй половины 1990-х годов, и особенно в последние десять – пятнадцать лет акценты в отношении партизан, подпольщиков, фронтовиков фактически были расставлены в прежнем порядке. Объясняется это рядом причин. Во-первых, появлением идеологии белорусского государства как официальной доктрины, которая была положена в основу всей внутренней и внешней политики, а также воспитательной работы по формированию патриотизма у молодого поколения. Во-вторых, изменением парадигм в западных государствах, некоторых бывших советских республиках о роли СССР, Красной Армии, советского народа в разгроме фашизма. В-третьих, появлением тенденций к возрождению нацизма в некоторых странах и принижением роли участников борьбы против немецких оккупантов. Белорусское государство, не «перекроившее» прежние образы войны, тем самым подтвердило преемственность в оценке вклада всех советских людей в борьбе с фашистской Германией с существующими в советскую эпоху. Однако при этом в политике памяти, формируемой белорусской идеологией, властными структурами, всей системой воспитательной работы, выделяется особый вклад и заслуга белорусского народа в Великой Отечественной войне. В принципе, не изменились концептуальные подходы и в воспоминаниях участников войны, опубликованные уже в Республике Беларусь.

Воспоминания Героя Советского Союза, жителя Гродно И.Д. Лебедева литературно обработаны и опубликованы журналистом Королёвым Н.Д. Прослеживая жизненный путь И.Д. Лебедева, уроженца деревни Данилово Даниловского района Сталинградской области. Журналист при этом находится как бы в стороне, давая возможность своему герою критически высказаться обо всём прожитом и увиденном, не подгоняя под установившиеся схемы. Поэтому воспоминания получились «живыми», в них чувствуется «присутствие» героя.

С первых дней войны И. Д. Лебедев служил в действующей армии. Всё, что пришлось пережить, он оценивал критически, без пафоса. «Если в мирное время мы воспитывали солдат на ура – патриотизме, мол, самые непобедимые, сильнейшие в мире и т. п., то в это время пришлось менять тактику, – рассуждает он. – Когда сводки Совинформбюро с каждым днём становились всё мрачнее, мрачнели и лица солдат. Действительно, чем мог объяснить политрук то, что Красная Армия отступает, враг захватывает всё новые и новые города. Ведь эти люди ещё недавно верили в непобедимость нашей армии, в мощь государства». Без прикрас оценивая происходившее, ветеран с сожалением говорит о человеческой боли, об искалеченных войной и погибших людях, о потоках беженцев, о тяжелых боях за каждый клочок земли, о боевых товарищах.

Впечатляют эпизоды форсирования Днепра, ожесточённых боёв, когда в смертельной схватке сошлись немецкая и советская армии. За форсирование Днепровского рубежа 29 солдат и офицеров, в их числе и Иван Данилович, были удостоены звания Героя Советского Союза [14]. В воспоминаниях И. Д. Лебедева прослеживается в какой – то мере критическая оценка происходивших событий, которая являлась чертой характера ветерана. Однако повествование не выходит за рамки тех концептуальных подходов, которые сформировались на протяжении десятилетий и плавно «перешли» в новейшую историю Беларуси.

Воспоминания детей войны. Многие из сегодняшних людей старшего поколения детьми или подростками пережили Вторую мировую войну, депортацию,

угон на принудительные работы в Германию, холод, голод и концентрационные лагеря. Их воспоминания, которые, к сожалению, не столь многочисленны, вместе с тем, очень разнообразны и часто основаны на пережитых психологических травмах.

Воспоминания детей войны – это не просто рассказ, это перенесенные и оставшиеся в памяти на всю жизнь страдания тех, чье детство оказалось опаленным войной. Детские страхи и надежды на спасение буквально наплывают на образы локальной и коллективной памяти. Это память о голоде и картофельных лепешках, о немцах, которые вели себя как хозяева в чужих домах, о бомбёжках и расстрелах мирных жителей, о кружке молока, поданной незнакомой женщиной, вкуснее которого никогда после ничего не было. Приведём только некоторые из них, опубликованные в книгах и материалах конференций.

Зимакова (Кизевич) Тамара Владимировна родилась 1940 году в деревне Хвойняны Гродненского района. Отец Кизевич Владимир Степанович во время войны руководил подпольной группой в поселке Скидель. 13 сентября 1942 года скидельские подпольщики были казнены, а их семьи отправили в тюрьму, которую немцы создали в местной школе. О том, в каких условиях приходилось выживать, знает со слов матери. Взрослых под конвоем гоняли на тяжелые работы, где корчевали пни, грузили их на повозку, запрягались в нее и тянули вместо лошади, а сбоку полицей подгонял их плёткой. Матери удалось передать дочь через проволоку пожилой дальней родственнице, укутав в большой платок. Сперва девочку прятали в Скиделе, а затем у маминой сестры в деревне Лавно. Мать выпустили из тюрьмы через полгода. В детской памяти запечатлелись скитания в поисках крова, кто – то пускал пожить, а кто – то боялся: ведь тех, кто помогал партизанам, подпольщикам и их семьям, немцы расстреливали [15].

Бесспорно, что за давностью времени, в силу возраста многое стерлось из памяти. Но какие – то наиболее яркие образы сохранились, остались на всю жизнь. Как правило, воспоминания, которые записывались интервьюерами, вызывали эмоциональное переживание у респондентов. В силу этого тексты получились короткими, но они вмещают в себя значительную часть жизни малолетних свидетелей войны. Всё, что удалось сохранить в памяти детей войны, останется для истории, которая прошла через жизни и сердца детей.

Воспоминания остарбайтеров. В годы войны немецкие оккупанты осуществляли принудительный угон населения на работы в Германию. По данным историков, только из Беларуси на принудительные работы в Германию и другие страны было отправлено более 400 тысяч человек. Причем, между подневольными рабочими и узниками концлагерей зачастую можно было ставить знак равенства, так как многие привлекались к принудительному труду прямо из-за колючей проволоки. Однако и сегодня в Беларуси тема насильно угнанных восточных рабочих зачастую обходится стороной.

В последние десятилетия стали появляться публикации воспоминаний бывших остарбайтеров. Так, в Минске была издана книга воспоминаний белорусов – бывших принудительных рабочих и узников концлагерей, угнанных в Германию из оккупированной Беларуси, история их принуждения, рабства, личные документы, материалы, фотографии под названием «Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси».

О чем вспоминают и как живут сегодня эти люди? Бывшим узникам концлагерей и подневольным рабочим в Беларуси уделяется недостаточно внимания. Так считают и узники, и историки, изучающие события времен Великой

Отечественной войны. О недостатке внимания свидетельствует и тот факт, что из трех десятков вышедших в Беларуси книг, написанных бывшими узниками гетто, концлагерей и подневольными рабочими, только одна книга посвящена рабскому труду остарбайтеров.

В этой книге собраны воспоминания более 50 человек, насильно угнанных на работы в Германию во время Второй мировой войны. Сборник был издан при участии Минского и Дортмундского международных образовательных центров, международной организации Рах Christi и других структур, а также на личные сбережения граждан. В книге, помимо воспоминаний о тяготах и лишениях, рассказывается также и о немцах, поддерживавших подневольных работников на чужбине. А это для белорусской исторической литературы, по меньшей мере, непривычно [16].

Но наиболее болезненны для бывших подневольных рабочих моральные переживания, вызванные отношением к их судьбам. Ведь в послевоенные годы, от метки «OST», пришиваемой на одежду принудительным рабочим и ставшей в СССР признаком «пособничества фашизму», многим приходилось избавляться с большим трудом.

Многие остарбайтеры работали в Германии у бауэров на сельском хозяйстве. Жук Нину Венедиктовну, уроженку деревни Замостяны Щучинского района, немцы вывезли в Германию в 1943 году. О хозяевах сложились хорошие впечатления: были бедные, добрые, не обижали, еды хватало. Работала по хозяйству: доила коров, варила свиньям картофель, работала на огороде, выполняла всю домашнюю работу – стирала, убирала. Зимой забрали работать на завод, который находился на французской границе, в горах, был засекречен. Помнит, что «делали хвосты к бомбам». Работа была тяжелая. А через десять месяцев привезли к другим хозяевам. В новой семье жилось плохо, всегда были под надзором, кормили мало и плохо. Вернулась на Родину в 1945 году. В памяти сохранилась радость встречи с родными и близкими [17].

Воспоминания остарбайтеров, как правило, очень лаконичные, содержат только скупые сведения о том, какую работу приходилось выполнять у хозяев, каким было отношение немцев к работникам. Кейко (Гайдук) Станислава Михайловна, уроженка деревни Кривляны Щучинского района помнила, что в доме у хозяина висел телефон и можно было иногда звонить своим знакомым, которые работали у других хозяев. Когда приближалась Красная Армия, хозяева дали коня, хлеба, еды и показали, как добраться до польской границы [18].

Огромный массив воспоминаний остарбайтеров хранится в Государственном архиве Гродненской области – это учетные карточки прибывших репатриантов, опросные листы, протоколы допроса сотрудниками НКВД в пересыльных лагерях и др. К сожалению, они в большинстве своем не востребованы в полной мере в научных исследованиях, хотя помогли бы по – иному взглянуть на эту сложную страницу истории войны.

Воспоминания узников концлагерей и гетто. Сотням тысяч уроженцев Беларуси разных возрастов и национальностей довелось стать узниками фашистских концлагерей, гетто, испытать на себе ежедневный страх и унижения, жить на грани жизни и смерти. Зачастую в концлагерь и гетто немцы отправляли целыми семьями. Среди узников были и малолетние дети.

Воспоминания узников гетто – особый тип воспоминаний людей, которые в невероятно тяжелых условиях сумели выжить. Политика немцев в отношении евреев

была направлена на их полное уничтожение. В последующем она получила название Холокоста. Буквально с первых месяцев оккупации евреи загонялись в гетто, в которых оккупанты чинили произвол и насилие, производили массовые расстрелы. Незадолго до освобождения Беларуси немцы стали в массовом порядке ликвидировать гетто, расстреливая их узников или вывозили для уничтожения в концлагеря.

Из воспоминаний немногочисленных выживших узников создается образ коллективной исторической памяти об издевательствах и постоянном страхе за жизнь, которые испытали все, кого немцы поместили в гетто.

В Гродно два гетто были созданы 1 ноября 1941 года. В уникальной книге Б. Е. Ерузалима «Боль памяти», изданной в 2020 году, описывается много интересных свидетельств выживших людей. По воспоминаниям одного из узников Даниила Кловского, «режим, установленный в гетто, был режимом террора: евреев расстреливали или вешали за малейшую провинность. Особенно свирепствовал сам комендант обершарфюрер СС Курт Визе. Он всегда появлялся на территории гетто № 1 внезапно, всегда с автоматом на ремне, и начинал стрелять в евреев без всякого объяснения. Было похоже, что он стрелял в людей просто ради забавы, как по движущимся мишеням. О таких случаях рассказывали многие, и потому одно имя Визе вселяло во всех ужас. Когда узнавали, что он в гетто, гетто будто вымирало: каждый узник старался немедленно спрятаться там, где его заставало это известие. Курт Визе – комендант гетто № 1, он всегда сеял ужас, где бы ни появлялся. Казалось, он получал особое наслаждение от издевательства над людьми. Курт Визе прославился как убийца – садист, запросто стрелявший в людей на улицах и хладнокровно проводивший казни. Он вызывал ужас и был прозван «ангелом смерти»» [19].

Аналогичные воспоминания у бывшего малолетнего узника этого гетто Анатолия Вануковича, которому в то время исполнилось 6 лет. «... Был ноябрь 1942 года. Однажды утром – этот день запомнился мне на всю жизнь, всех оставшихся в живых обитателей гетто, выгнали из домов, построили в колонны для отправки в лагерь смерти. Самое страшное для меня началось в конце 1942 года. Помню товарные двухосные вагоны, маленькие окошки вверху зарешеченные колючей проволокой. В эшелоне из 20 вагонов нас везли на смерть в концлагерь Освенцим. На перегоне Варшава – Катовице поезд шел с большой скоростью, неумолимо приближая место прибытия – Освенцим. Собрав последние силы, люди сорвали колючую проволоку с окошечек и начали выбрасывать из них нас, детей, надеясь таким образом спасти от гибели. Этот момент я не забуду никогда, как и последние поцелуи матери и отца, которыми они одарили меня, прощаясь со слезами на глазах... Мои ноги уже находились вне вагона, когда я услышал последнее прощальное слово матери: «Живи!». Вся семья моя – мать, отец, брат, сестра – погибла». Однако вскоре мальчик попал в руки полицаев, которые допрашивали его, где находятся партизаны. Через два месяца мальчика отправили в Освенцим. Ванукович А. подробно, до мелочей, вспоминает свою жизнь в лагере смерти, о конвейере смерти, об участии в подпольном центре сопротивления, о пережитых пытках. Свобода пришла 11 апреля 1945 года, когда лагерь был освобождён Красной Армией [20].

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что одним из базовых механизмов формирования исторической памяти служат образы прошлого. К ним относятся создаваемые в художественных произведениях образы исторических событий и персонажей; сохраняющиеся в народной памяти образы наиболее ярких

общественных и политических деятелей и военачальников, ученых и изобретателей, писателей и поэтов, художников и музыкантов; хранящиеся в семейной памяти образы повседневности и домашнего быта, традиционного жизненного уклада, обычаев и традиций, передающихся от старших поколений к младшим, бережно наследуемых и тщательно оберегаемых. Память является одним из важнейших отличительных качеств человека и неотъемлемым условием полноценного функционирования общества. Она выражается в осмысленном отношении к собственному прошлому, служит источником личного самосознания и самоопределения, выступает в качестве основы национальной идентичности, а ее уничтожение, искажение или фальсификация приводят не только к уничтожению всего накопленного ранее социально-исторического опыта, но и нации в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Булыгина, Т. А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне / Т. А. Булыгина // История историческая память. Межвузовский сборник научных трудов / под. ред Глазышева А. В. / Вып. 1. – Саратов: Из-во Саратовского университета, 2010. – С. 7–8.
2. Мысливец, Н. Л. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения / Н. Л. Мысливец // Беларуская думка. - 2022. - № 2. - С. 57-62.
3. Савчук, Н. В. Историческая память в контексте информационной борьбы / Н. В. Савчук [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.auspublishers.com.au/temp>. Дата доступа: 9.03.2024.
4. Они и мы: как коллективная память формируется и влияет на идентичность [Электронный ресурс] / РБК: Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/646b3caf9a79472b63589571?from=copy>. Дата доступа: 8.03.2024.
5. Народны летапіс Вялікай Айчыннай вайны: успомнім усіх! Кн. 1. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; склад.: А. М. Літвін, А. А. Крыварот, К. Д. Ганчарэнка ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларуская навука, 2020. — 451, [1] с. : іл.
6. Колодинская, А. «Память – главный свидетель Воспоминания очевидцев – лидян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / А. Колодинская. – Лида, 2018. – 432 с.
7. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. В 2-х кн. Кн.1 (1941–1942) / Сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 1996. – 304 с.
8. Літвін, А. М. Вяртанне ў рабства. Прымуcoвая праца насельніцтва Беларусі. 1941–1945 гг. / А. М. Літвін, Я. А. Грэбень, С. Я. Новікаў; аг.рэд. А. М. Літвін. – Мінск: Тэсей, 2010. – 584 с.
9. Сохраним память – укрепим будущее / Сост.: Л. В. Кашенкова, О. А. Данилевич, Н. И. Черкес. – Мозырь: Белый ветер, 2014. – 206 с.
10. Басюк, І. А. Навагрудскі «кацёл» / І. А. Басюк. – Гродна, ГрДУ, 1998. – 176 с.
11. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка горада Гродна / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў, Я. М. Жабрун, І. П. Крэнь і інш. – Мінск: БелЭН, 1999. – С.349 – 359.
12. Макеева, И. Е. Биография [Электронный ресурс] // Сайт «213-й стрелковый полк 56 Московской стрелковой дивизии» // Режим доступа: <http://www.213sp56sd.ucoz.ru/index/literature/0-234>. Дата доступа 10.05.2021.
13. В июне 1941-го (воспоминания участников первых боев на Гродненщине). – Гродно, 1997. – 287 с.
14. Королёв, И. Д. Лебединый взлёт. Документальная повесть о Герое Советского Союза И. Д. Лебедеве / И. Д. Королёв. – Гродно, 2006. – 68 с.
15. Сохраним память – укрепим будущее / Гродн. район. жен. организ. «Надежда», Гродн. обл. отд. ОО «Бел. фонд мира» / сост.: Л. В. Кашенкова, О. А. Данилевич, Н. И.

Черкас. – Мозырь: Белый Ветер, 2014. – С.10 – 13, 97–98.

16. Люлькина, Е. И. Война и украденные годы: живые свидетельства о старбайтеров Беларуси / Е. И. Люлькина. – Минск: Издатель Логвинов И. Л., 2009. – 264 с.

17. Сохраним память – укрепим будущее / Сост.: Л. В. Кашенкова, О. А. Данилевич, Н. И. Черкес. – Мозырь: Белый ветер, 2014. – С. 9–10.

18. Сохраним память – укрепим будущее / Сост.: Л. В. Кашенкова, О. А. Данилевич, Н. И. Черкес. – Мозырь: Белый ветер, 2014. – С. 14–15.

19. Ерузалим, Б. Боль памяти / Б. Ерузалим. – Гродно: «ЮрСаПринт», 2020. – С. 20–21, С. 31–34.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ И ТЕСНО СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЙ

Ясинская-Казаченко А.В., к.ю.н., доц.

*УВО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск,
Республика Беларусь*

На основе изучения конкретной деятельности судов ученые предпринимают попытки создать теорию, которая позволяет вскрыть роль и значение судебной практики. Наиболее существенные результаты были получены, когда представители различных отраслей науки приступили к выяснению места судебной практики в развитии законодательства [1], роли судебной практики в развитии права [8; 4], трудового права и отдельных его институтов [2; 3; 5; 6]. Несмотря на распространение категории «судебная практика», среди ученых нет единства мнений по вопросам о ее содержании, роли и значении, формах проявления.

Необходимо проводить различия между судебной практикой как явлением в *широком* и *узком* смысле. Ее содержание в широком смысле складывается из деятельности и накопленного опыта всех судебных инстанций, связанных с вынесением решений в результате рассмотрения и разрешения тех или иных дел. Такой подход к пониманию судебной практики высказал С. С. Алексеев, рассматривая судебную практику как обьективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов и разделял ее на: текущую, прецедентную и руководящую [1, с. 340]. Именно в этой предложенной С. С. Алексеевым классификации можно обнаружить предпосылки выявления оснований для определения судебной практики, как научной категории, которая включает устоявшееся мнение о правилах применения норм права судами, вносящее новизну в содержание и, которая осталась по различным причинам не определенной в самих нормах права.

Судебная практика в узком значении охватывает только ее определенную часть. В соответствии с такой позицией к понятию судебной практики нельзя относить любое решение суда [9, с. 8-9]. Она обуславливается деятельностью судов по принятию только решений, содержащих правовые положения. Именно с этим значением связывается приобретение судебной практикой статуса источника права. С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров определяли судебную практику как деятельность суда, результатом которой становится толкование норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел [8, с. 295].

Подобный подход не позволяет обосновывать выводы о причислении судебной

практики в предлагаемом авторами понимании к научной категории, которая имеет цели, предмет, развивается во времени, в пространстве и по кругу лиц. Данный подход также представляется сложно применимым в практической юриспруденции в части приобретения судебной практикой статуса источника права, поскольку не дает возможности заблаговременно определить конкретные акты, составляющие судебную практику на предмет выявления в них *элементов новизны*. Исходя из узкого понимания, многие специалисты приходят к выводу, что формой права являются только решения высшего судебного органа. При этом функционирование таких источников права обуславливается активной деятельностью общих судов, создающих исходную эмпирическую базу.

Роль и значение судебной практики в рамках научной категории трудового права исследовалась А. К. Безиной [2; 3]. Судебная практика так и осталась по различным причинам не определенной в самих нормах трудового права. В настоящее время наличие индивидуально-договорного регулирования трудовых отношений является аксиомой, что нашло отражение в источниках правового регулирования трудовых отношений. Перед нами не ставится цель поставить точку в этом доктринальном обсуждении, лишь внести свою «лепту» в спор о судебной практике как явлении в широком и узком смысле, как сложный и многоплановый объект классификации, который развивается во времени, в пространстве и по кругу лиц, и что именно следует вкладывать в критерии классификации судебной практики при рассмотрении и разрешении трудовых дел. Тенденции развития объективированного опыта индивидуально-правовой деятельности компетентных органов в виде процессуальной формы заключается в *широте охвата* гарантий законности, сферы судебной защиты. В качестве примера практики *индивидуально-отраслевого типа* можно привести восстановление на работе, изменение по требованию работника основания, причины увольнения.

В Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) возможность изменения формулировки причины увольнения предусмотрена косвенно в норме, регулирующей оплату времени вынужденного прогула (ч. 1 ст. 244 Т ТК). Регулирование этого вопроса важно для восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан. В судебной практике распространены иски работников, уволенных по виновным основаниям, по которым заявляется требование об изменении формулировки основания и (или) причины увольнения на увольнение по желанию либо по соглашению сторон. Установив факт незаконного увольнения, суд такие требования удовлетворяет. С учетом контрактной системы найма формулировка основания и (или) причины увольнения меняется по требованию работника на увольнение по соглашению сторон. В этой связи классифицировать объективированный опыт судебной практики можно и по такому критерию, как *степень развитости* правовых отношений. Приблизительная группировка по этому критерию возможна. К *первой группе* можно отнести индивидуально-правовые акты в виде решений по трудовым делам, когда суд восстанавливает нарушенные права и законные интересы граждан. Например, немедленному исполнению подлежат решения о восстановлении на работе:

возложении на нанимателя обязанности выплатить работнику возмещение в размере десятикратного среднемесячного заработка; восстановлении работника на прежней работе при незаконном переводе, перемещении, изменении существенных условий труда, отстранении от работы (ст. 243-245 ТК);

присуждении периодических платежей в возмещение вреда, причиненного

жизни или здоровью гражданина (п. 2 ст. 313 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь). В этой связи необходимо признать приоритет норм ТК, в той части, когда они устанавливают процессуальные особенности по этому вопросу и содержат более «развитую» формулировку о немедленном исполнении решений о восстановлении работника.

Вторая группа – наиболее развитые судебные формы, к ним следует отнести постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, заключения и решения Конституционного Суда Республики Беларусь. Данный тип отличает детальная регламентация юридических фактов на уровне регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений. Все это в совокупности обуславливает высокий авторитет данной группы.

Вместе с тем иногда встречаются «вырванные» ограничительные толкования. Так, в п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г № 9 (далее – Постановление Пленума Верховного Суда), отчасти развиты положения в отношении восстановления работника на прежней работе, но при этом оставлены без внимания положения о восстановлении работника на прежнем рабочем месте, прежних существенных условий труда (ч. 1 ст. 243 ТК). В выборе и закреплении юридических фактов нельзя не считаться с тенденцией судебной практики по формированию положений правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений на уровне: *нормативное обобщение, дефект права, квалифицированное молчание, намеренный пробел и правовой обычай*. Судам подчас не хватает руководящих идей или основополагающих начал, которые помимо норм трудового права задавали бы правовой вектор при рассмотрении и разрешении конкретных дел. Отсутствие такого перечневого *списка принципов* является дефектом, квалифицированным молчанием, намеренным пробелом в рамках норм трудового права.

По мере развития системы правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений некоторые факты утрачивают свое юридическое значение, другие – его приобретают. Здесь необходимо выявить на конкретных примерах, каким образом суды общей юрисдикции, рассматривая и разрешая конкретные трудовые дела, расширяют перечень положений, которыми они руководствуются, по сравнению с законодательством о труде и иными актами, содержащими нормы трудового права, как материал для научного анализа и систематизации изучаемого объекта – роль судебной практики в регулировании трудовых и тесно связанных с ними отношений. Точный выбор и применение юридических норм к конкретным жизненным ситуациям по трудовым делам по такому критерию, как время, пространство и круг лиц важная социальная проблема.

Так, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда обращает внимание судов на досрочное расторжение контракта и косвенно отражает в этом пункте соблюдение общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом, как со стороны самих работников, так и нанимателя. Упоминание принципа запрета злоупотребления правом стало популярной концепцией в судебной практике.

Истец с марта 2017 года работал в ГП по контракту на пять лет в должности ведущего экономиста. Чтобы обосновать исковые требования о досрочном расторжении контракта, он сообщил, что наниматель нарушил законодательство о труде: при приеме на работу не ознакомил его с должностной инструкцией. В судебном заседании установлено, что подписи истца об ознакомлении с должностной инструкцией не было. Суд пришел к выводу, что это обстоятельство в этой

конкретной жизненной ситуации не является основанием для досрочного расторжения контракта между ГП и истцом. Как пояснил главный экономист предприятия, допрошенный в качестве свидетеля, истец был устно ознакомлен со своими обязанностями, которые выполнял надлежащим образом. Замечаний к нему не было. Истец требовал досрочного расторжения контракта за два месяца до окончания его срока. Требование, по мнению суда, заявлено, с тем чтобы получить компенсационные выплаты. Системный анализ развития судебной практики позволяет сделать вывод, что в ряде случаев, не соблюдается общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом. Определение злоупотребление правом содержится в ст. 9 ГК: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах».

Это определение не согласуется с конкретными жизненными ситуациями в трудовых и тесно связанных с ними отношений. Нормативные группы признаков, связанных с моделью юридических фактов, раскрывающих стороны такого явления, как злоупотребление правом трудно свести в «классическую» дефиницию. Ограничимся поэтому тем, что *злоупотребление правом* – это такая реализация субъективного права, которая осуществляется вопреки первоначальной цели предоставления этого права, имевшегося в виду законодателем в случае правового регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений. Определение неизбежно приводит к спорам относительно целей прав, установленных законом, но оно по крайней мере могло бы выступить ориентиром для судей в конкретных жизненных ситуациях [5, с. 56]. В связи с этим, акцентируем внимание на расширении границ правового регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений, на развитии судебной практики *во времени, в пространстве и кругу по кругу лиц*, её роли и значении, как сложного и многопланового объекта научной классификации и сделаем ряд выводов.

Наиболее резонансный случай объективированного опыта *во времени* можно представить на уровне: дело «Константин Маркина» (жалоба № 30078/06 «Константин Маркин против Российской Федерации»: Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012.) вопрос о причинах, обуславливающих возникновение в социальной системе фактических обстоятельств предоставления отпуска по уходу за ребенком военнослужащему мужского пола [7, с. 1046-1047].

Изучение последней российской практики Конституционного Суда показывает механизм действия объективированного опыта *в пространстве*, вносящий элементы новизны в правовое регулирование трудовых и тесно связанных с ними отношений, эффективность влияния различных судебных актов на спорные отношения. Можно привести пример – Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 16-П по делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второй части первой ст. 327-1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева.

В судебной практике применяется и прямо противоположный прием правового регулирования *в пространстве* – *поворот исполнения решения* – восстановление прав и законных интересов ответчика, нарушенных исполнением решения, которое в последующем было отменено. Так, из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2022 № 10-П по делу о проверке конституционности абзаца второй части третьей ст. 445 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н. Елисеева, выделим следующее: обратное взыскание с работника сумм, выплаченных ему в соответствии с решением органа по рассмотрению трудового спора, при отмене решения в порядке надзора допускается только в тех случаях, когда отмененное решение было основано на сообщенных работником ложных сведениях или представленных подложных документах. Суд исходит всегда из того, что ограничение обратного взыскания с работника является одной из гарантий защиты его трудовых прав в пространстве и преследует цель соблюсти баланс прав и интересов сторон, не имеющего, как правило, иных источников дохода, кроме заработной платы и выплат, возмещающих ее утрату.

В Республике Беларусь вопрос о повороте исполнения урегулирован в ст. 250 ТК, в ч. 3 ст. 467 ГПК, и в ч. 3 ст. 487 проекта Кодекса гражданского судопроизводства. Важно понимать, что корреляционная зависимость отражает только взаимосвязь между рассмотрением трудовых споров, которая установлена законодательством о труде и оптимальной процессуальной формой гражданского судопроизводства, и говорит об объективированном опыте индивидуально-правовой деятельности компетентных органов.

Аргументируя в решении свои позиции суды делают акцент на то, что наниматель должен выяснять возможности дальнейшего трудоустройства работника и в отдельных случаях обращают внимание на социальное положение работника. При оценке всех обстоятельств дела, допускающих усмотрение суда, учитываются моральные нормы, благосостояние работника. Механизм действия объективированного опыта *в пространстве* как одного из видов индивидуально-правового регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений в узком смысле – это равное с нормами трудового права моральное, экономическое регулирование этих отношений, которое проявляется именно в сфере свободного пространства, оставленного законодателем для деятельности правоприменителей.

При обнаружении факта злоупотребления правом судами принимаются решения об отказе в удовлетворении требования работника, к примеру, если проанализировать объективированный опыт *по кругу лиц*, то учитываются только те нарушения, которые препятствуют работнику в исполнении им трудовых обязанностей. Истица работала в ЧУП по контракту продавцом первой категории. Приказом нанимателя от 12 мая 2021 года ей предоставлен 14-дневный трудовой отпуск с 15 мая 2021 года. Денежные средства в счет оплаты отпуска истице были перечислены 16 мая 2021 года. По окончании трудового отпуска продавец на работу не вышла, а обратилась в суд с иском о досрочном расторжении контракта в связи с допущенным нанимателем нарушением законодательства о труде. Истица полагала, что суд обяжет нанимателя уволить ее с той даты, когда был подан иск. Однако в связи с отсутствием на работе без уважительных причин истица была уволена за прогул. Суд в описательно-мотивировочной части указал, что наниматель нарушил законодательство о труде и должен был выплатить работнику средний заработок за время трудового отпуска не позднее чем за два дня до его начала (ст. 176 ТК). Вместе с тем и работник, не приступив по окончании отпуска к работе, поступил неправомерно. Здесь как бы опосредованным путем – через судебное решение, оказывается правовое воздействие на трудовые и тесно связанных с ними отношений отдельной категории работников на основе *принципа единства* и *дифференциации*. Решения судов оказывают фактически правовое воздействие на неограниченный круг правоприменителей и лиц, реализующих нормы трудового права, вовлеченных в сферу

судопроизводства, являющихся участниками судебного процесса.

Неготовность судов общей юрисдикции изучить фактическую жизненную ситуацию, а не только формальные документы, представленные сторонами трудовых споров, формулирует следующую проблему, которая была замечена на уровне решений. В некоторых делах такой формальный подход существует и в этой связи объясняется отклонение от соблюдения *принципа приоритета фактов* [5, с. 58]. Вместе с тем, необходимость полагаться на принцип приоритета фактов подтверждается оценкой всех обстоятельств, возникающих при рассмотрении и разрешении трудовых дел.

При обнаружении факта нарушения со стороны нанимателя суды принимают решение об удовлетворении требования работника. В суде рассматривалось дело по иску работника к ЗАО о досрочном расторжении контракта, заключенного на один год. Перед тем как обратиться в суд, истец подал нанимателю заявление, мотивируя свое требование несоблюдением отдельных условий контракта. Наниматель отказал работнику в досрочном расторжении контракта, сославшись на задолженность предприятия по выплате кредита и незначительные нарушения. Суд установил, что нарушения действительно были. Контракт между работником и ЗАО предусматривал выплату зарплаты двумя платежами – аванс 20-го числа текущего месяца, зарплата не позднее 5-го числа месяца, следующего за отчетным. Но наниматель выплачивал истцу зарплату несвоевременно и только одним платежом, что подтверждено бухгалтерскими документами. Поскольку наниматель не единожды нарушал условия контракта, суд принял решение удовлетворить иски требования истца. Доводам ответчика о наличии у предприятия кредитной задолженности и незначительности нарушения суд дал критическую оценку.

Правовые положения как формы судебного нормотворчества оказывают влияние на правоприменительную практику.

Формирование новых правовых позиций, позволяют преодолеть правовую неопределенность, расширить границы доктринального понимания судебной практики и под определенным углом зрения взглянуть на объективированный опыт правовой деятельности компетентных органов.

В своем непосредственном применении суд призван конкретизировать общие теоретические идеи права, их руководящие, основополагающие начала, приблизить их к практике.

Судебная практика, как явление с определенной степенью развитости во времени, в пространстве и по кругу лиц, в индивидуально-отраслевом регулировании трудовых и тесно связанных с ними отношений имеет свои отличительные черты и подлежит научной систематизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. Москва : Юридическая лит, 1981. – 359 с.
2. Безина, А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.05. – Казань, 1980. – 416 с.
3. Безина, А. К. Избранное [Текст] The best works / А. К. Безина ; Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская академия правосудия». – Казань : Российская академия правосудия, т. 1: Судебная практика и теория трудового права, 1960-1979 гг. – 2012. – 292 с. ; т. 2: Судебная практика и теория трудового права, 1980-2008 гг. – 2012. – 384 с.

4. Василевич, Г. А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов (теория и практика) / Г. А. Василевич // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 19-27.
5. Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации — законодатель в сфере трудового права? / С.Ю. Головина, Н.Л. Лютов // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 10. – С. 52–67.
6. Крыжан, В. А. Правовой обычай и судебная практика как источники трудового права : На фоне интеграции отраслей российского права и интеграции Российской Федерации в мировое сообщество государств : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.05 / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2006. – 31 с.
7. Лютов, Н. Л. Определение дискриминации в сфере труда: международные трудовые стандарты и российский подход / Н.Л. Лютов // Вестник Санкт-Петербургского университета : научно-теоретический журнал. – 2022. – Т. 13, вып. 4. – С. 1041–1057.
8. Самсонов, Н. В. К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве / Н.В.Самсонов // Вестник Санкт-Петербургского университета : научно-теоретический журнал. – 2019. – Т. 10, вып. 2. – С. 293 –310.
9. Судебная практика в советской правовой системе / Всесоюзный науч.-исслед. ин-т советского законодательства ; [отв. ред. д-р юридических наук, проф. С. Н. Братусь]. – Москва : Юридическая лит., 1975. – 327 с.

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ИНДИЯ, ИЗРАИЛЬ, ИРАН

Агемян А. Г., магистрант

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал г. Липецк
Научный руководитель: Соловьева В.В., д-р истор. наук, профессор*

В современном мире существует множество государств с различными правовыми системами. В данной работе будут проанализированы религиозные правовые системы в таких странах как Индия, Израиль, Иран в современное время.

В Индии проповедуется множество религий, включая индуизм, ислам, христианство, буддизм и т.д., но «тенденция современного времени эволюции правовой направленности Индии кроется именно в том, что есть конкретное стремление заменить те или иные традиционные концепции религиозного права – индуистского, мусульманского или канонического – западной концепцией светского права, которое не имеет никакой связи с религией. Это национальное право Индии называется индийским правом в отличие от индуистского права. Национальное право включает все законы Индии, которые имеют обычно всеобщее использование даже если они распространяются на отдельные категории граждан. В качестве достаточно серьезного препятствия на данном пути выступают обычаи правовой направленности и вековая практика. Соотношение реальной практики, а также законодательства в Индии таково, что они достаточно часто существуют независимо друг от друга. По

большей части дело в том, что законодатель не может по мановению волшебной палочки изменить те или иные привычки, а также мировоззрение, которые имеют вековые корни и связаны с религиозными верованиями. 80% индусов, которые живут в деревнях вовсе не следуют новым законам, они продолжают жить так, как до этого жили их предки. Управление ими и, что не менее важно правосудие осуществляются помимо официальных органов на основании традиционных, и при этом достаточно хорошо знакомых им институтов. Вероятно именно данное обстоятельство побудило создателей Конституции 1950 года в 372 статье закрепить положение о том, что созданное ранее право остается в силе, что в свою очередь не предполагает пересмотра укоренившихся в предшествующий период концепций правовой направленности, а также законодательства» [3, С.100].

Большим прорывом современной правовой системы Индии считается то, что многие религиозные обычаи претерпели изменения на фоне всеобщего правового регулирования. Так, например, в 1955 году был принят закон о Браке, который наделил женщину правом выбора и согласия мужа, правом на развод, правом на моногамную семью. Так, до принятия данного закона женщина не имела права высказывать свое мнение при замужестве, а мужа ей выбирали родственники. Муж имел право иметь несколько жен и брак считался нерасторжимым священным союзом. Женщина считалась объектом дарения без множества современных прав. Можно сказать о том, что правовая система Индии отстает от обычаев и религиозных норм в пользу прав граждан и реформации общества в разных сферах, а также старается учитывать интересы иных религий, которые проповедуются на территории Индии.

Правовая система Израиля будет самой молодой из исследуемых в данной работе, ей нет и 100 лет с образования государства. Многие проблемные вопросы законодательно закреплены в конституции, а некоторые основываются на религиозном кодексе - Тора и Талмуд. Так, например, «института гражданского брака в стране не существует. Браки, разводы, рождения и смерти регистрируются соответствующими учреждениями тех религиозных общин, к которым принадлежат вступающие в брак, разводящиеся, родившиеся или умершие. Обычаи становятся источником израильского права по прямому указанию закона или в силу многолетней практики. Так, ряд обычаев, принятых повсеместно на предприятиях и организациях в Израиле, имеют такую же юридическую силу, что и законодательный акт. В случае если закон, обычай или обыкновения противоречат друг другу, суд вправе добиться реального и открытого рассмотрения вопроса и, если необходимо, то даже предоставить приоритет обычаю. Израильский законодатель во многих отраслях права требует от судьи принимать во внимание обычаи и обыкновения» [4, С.260].

В Израиле семейные правоотношения в основном регулируются иудейскими нормами – халакха. Также халакта применяется в религиозных судах, которые называются роббинскими.

«В современном государстве Израиль делается попытки совместить правовую систему демократического государства с иудейским правом, поскольку религия в стране не отделена от государства. Сторонники введения в стране только иудейского права составляют 15–20 % населения» [1, С. 115].

В Иранской Республике за 20 век произошло множество изменений. Так в начале века проходили светские реформы во многих областях права до установления в 1979г. Теократии, область действия шариата была сведена в сферу только личного статуса и вакуфных отношений.

«После 1979г. пришедший к власти шиитский клир начал планомерную исламизацию всей административной и правовой системы. После победы «исламской революции» и установления теократического режима все светские левые и монархические партии были разгромлены и ушли либо в подполье, либо в эмиграцию. Поэтому в современном Иране ведущую роль в политической жизни вместо партий играют группы политического влияния. Это такие провластные группы, как Мусульманские студенты - последователи курса имама Хомейни, Моджахеде исламской революции, Общество исламских инженеров и т.п.» [5, С.91].

Также в современное время в Иране действует полиция нравов. «В Иране после долгого перерыва на улицы вышли патрули полиции нравов, которые следят за тем, чтобы женщины носили хиджаб и соблюдали другие правила исламского дресс-кода. Нарушительницам силовики выносят предупреждения, могут выписать штраф и даже задержать» [6]. В связи с жестокими мерами государства по отношению к женщинам начались массовые акции протестов, которые привели к упразднению в 2023 году данного органа, но женщины по-прежнему должны носить покрытую голову, свободную и не яркую одежду, нельзя носить обтягивающие вещи. Исключением является макияж на женщинах.

Подводя итоги можно сказать о том, что исследуемые страны все относятся в той или иной мере к религиозным правовым системам, в одних оно более выражено и играет доминирующую роль, в других происходит процесс реформации и выделения некоторых сфер жизнедеятельности, где преобладают религиозные нормы и обычаи.

Так, в Иране преобладает религиозное управление после того, как произошла исламская революция в 1979 году. Все законы и нормы должны быть согласованы с исламским правом. Шариат играет ключевую роль в правовой системе, многие сферы жизнедеятельности и государственного строя должны соответствовать нормам ислама. В Иране существует система исламской юриспруденции, известная как фикх, которая регулирует все аспекты жизни мусульман.

В Израиле сложилась иная ситуация по отношению к религиозным нормам. Израиль считается демократическим государством, где многие нормы не основываются на религии. Но в стране преобладает иудаизм, и некоторые сферы жизнедеятельности израильских граждан основаны на иудейских традициях и обычаях, например сфера семейного права.

В Индийской правовой системе сложились нормы, которые основываются не только на преобладающей религии – индуизме, но также учитываются интересы христианства, мусульманства, буддизма, сикхи. Например, в сфере брачных и семейных отношений играет роль вера человека, что может приводить к различиям в законодательстве для разных религиозных групп. Также религия играет важную роль при разрешении различных споров в суде. В то же время индийское конституционное право защищает право на свободу вероисповедания, обеспечивая равенство перед законом для всех граждан независимо от их веры.

Таким образом, каждая из религиозных правовых систем вышеперечисленных стран имеет свои особенности и аспекты, ограничения, которые определяют права и обязанности верующих в данных странах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Долин, В.А. Особенности конституционно-правового положения еврейских религиозных общностей в Израиле: единство в многообразии / В.А. Долин // Вестник БелЮИ МВД России. - 2022. - №3. – С. 113-120.

2. Маюров, Н. П. Традиционные и религиозные правовые семьи в странах

современного мира / Н.П. Маюров // Социально-политические науки. - 2023. - №5. – С. 41-48.

3. Мустафин, М.А. Влияние индуизма на индийское право / М.А. Мустафин // Государственная служба и кадры. - 2022. - №1. – С. 98-104.

4. Прудникова, Ю. Г. Иудейское право как разновидность религиозно-правовой семьи и его положение в современном праве Израиля / Ю. Г. Прудникова. // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф., - 2021. — С. 256-266.

5. Супрунов, А. Г., Васильева У. В. История создания первой Конституции Ирана: взгляд сквозь призму гражданских свобод / А.Г. Супрунов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2022. - №4 (48). - С. 88-98.

6. Известия. Полиция Исламской Республики возобновила патрулирование улиц. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 17.03.2024)

РЭАЛІЗАЦЫЯ ГАРАДСКОЙ РЭФОРМЫ 1870 Г. НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ: ГІСТОРЫКА-ПРАВАВЫЯ АСПЕКТЫ

Бераснева Ю.Р., магістрант

*“БІП – Універсітэт права і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій”, г. Гродна,
Рэспубліка Беларусь*

*Навуковы кіраўнік: Токць С.М., прафесар кафедры агульнай тэорыі права і
гуманітарных дысцыплін БІП*

У 1860-ыя гады ў Расійкай імперыі быў праведзены цэлы шэраг ліберальных рэформаў у сістэме дзяржаўнага кіравання. Адною з такіх рэформаў стала ўтварэнне надаслоўных органаў гарадскога самакіравання паводле Гарадавога палажэння 1870 г. Новаўтвораным гарадскім органам была перададзена частка спраў па вядзенні гарадской гаспадаркі і кіраванні грамадскім жыццём, якія належалі раней да кампетэнцыі дзяржаўных органаў, а найперш паліцыі і губернатраў.

На тэрыторыі Беларусі азначаная рэформа была праведзена пазней і з істотнымі спецыфічнымі асаблівасцямі. Для падрыхтоўкі праекта па рэалізацыі Гарадавога палажэння 1870 г. на тэрыторыі Заходніх губерняў вясной 1872 г. урадам была створана спецыяльная камісія, якую ўзначаліў міністр унутраных спраў Расіі А.Цімашаў.

Паводле прапаноў камісіі істотная змяншалася самастойнаць гарадскіх устаноў. Міністру ўнутраных спраў прапаноўвалася даць права прызначэння гарадскіх галоў у губернскіх гарадах. У іншых гарадах – таксама, калі губернатар палічыў бы гэта неабходным. У мястэчках, дзе налічвалася больш за 50 мяшчанскіх двароў, мясцовая мяшчанская грамада магла хадайнічаць аб ўтварэнні мяшчанскай управы. Для прыватнаўласніцкіх гарадскіх селішчаў адмысловая камісія прапаноўвала стварыць спрошчаныя органы самакіравання.

Першымі права на стварэнне новых органаў гарадскога самакіравання атрымалі губернскія і найбольш буйныя гарады. У наступныя гады па хадайніцтвах грамадзянскіх губернатараў Палажэнне 1870 г. было ўведзена ў павятовых гарадах Беларусі.

Структурна гарадское самакіраванне складалася з гарадскіх выбарчых сходаў (фармаваліся для абрання галосных кожныя чатыры гады), гарадскіх дум

(распарадчых органаў гарадскога самакіравання) і гарадскіх упраў. Узначальвалі органы самакіравання гарадскія галовы. Для кантролю за дзейнасцю гарадскіх дум і упраў на ўзроўні губерняў ствараліся губернскія па гарадскіх справах установы пад кіраўніцтвам губернатараў. Туды ўваходзілі прадстаўнікі мясцовай адміністрацыі (віцэ-губернатар, начальнік казённой палаты), гарадскі галава губернскага горада і службовыя асобы судовых ведамстваў. Губернскія ўстановы разглядалі скаргі на неправамернасць дзеянняў органаў гарадскога самакіравання. Сродкі на гэтыя ўстановы утрымліваліся з гарадскіх бюджэтаў.

Вышэйшай кантралюючай інстанцыяй з'яўляўся Сенат. Сенат выдаваў спецыяльныя наказы, якія для гарадскіх дум былі абавязковымі да выканання. Таму Сенат не толькі здзяйсняў нагляд над правамернасцю дзеянняў органаў гарадскога самакіравання, але і фактычна актыўна ўздзейнічаў на іх.

Гарадскія думы сталі бессаслоўнымі, адбыўся раздзел распарадчай і выканаўчай уладаў, былі істотна пашыраны кампетэнцыя і самастойнасць органаў самакіравання ў вядзенні спраў гаспадарчага характару.

Паводле новага гарадскога палажэння сістэма самакіравання складалася з выбарчага сходу, гарадской думы і гарадской управы. Распарадчыя функцыі належалі думе, а выканаўчыя — управе. Галосныя думы выбіраліся выбарчымі сходамі на чатырохгадовы тэрмін. Колькасць гласных вагалася ад 30 да 72 чалавек, у залежнасці ад колькасці выбаршчыкаў. Права ўдзельнічаць у выбарах атрымалі асобы мужчынскага полу, якія з'яўляліся падданымі Расійскай імперыі, дасягнулі 25-гадовага ўзросту і валодалі ў межах горада нерухомай маёмасцю ці гандлёвымі або прамысловымі прадпрыемствамі, з якіх выплочвалі падаткі ў гарадскі бюджэт. Акрамя таго, выбарчым правам пры дадатковай умове — двухгадовым цэнзе аселасці — надзяляліся ўладальнікі прыказчыцкіх пасведчанняў першага разраду, купецкіх або прамысловых пасведчанняў на дробны гандаль ці білетаў на ўтрыманне прамысловых устаноў

Новае гарадское палажэнне грунтавалася на буржуазных прававых нормах: усесаслоўнасці прадстаўніцтва, маёмасным выбарчым цэнзе, прынцыпах самакіравання, падзеле распарадчай і выканаўчай улады. Напрыклад, дваранін, які жыў у горадзе, але не адпавядаў вышэйпералічаным умовам, не мог прыняць удзел у выбарчым сходзе. На Беларусі рэформа распачалася ў 1875 г. паводле закона «Аб прымяненні Гарадавога палажэння 16 чэрвеня 1870 года да гарадоў Заходніх губерняў». Рэформа ажыццяўлялася «паступова, па бліжэйшых мясцовых меркаваннях» і з асабістага дазволу міністра ўнутраных спраў адносна кожнага горада.

Утварэнне гарадскіх устаноў патрабавала вялікай падрыхтоўчай працы. Напачатку патрэбна было скласці спісы выбаршчыкаў, потым арганізаваць правядзенне выбарчых сходаў. Дзеля гэтага ў Гарадавое палажэнне быў уключаны асобны раздзел «Аб гарадскіх выбарчых сходах». Раздзел змяшчаў 32 артыкулы і падрабязна вызначаў умовы атрымання актыўнага і пасіўнага выбарчага права, парадак вызначэння спісаў выбаршчыкаў і г. д.

Згодна з заканадаўствам, выбарчыя сходы склікаліся выключна для абрання галосных гарадской думы і не маглі разглядаць ніякіх іншых пытанняў. Збіраліся яны праз кожныя чатыры гады. Паколькі выбарчае права атрымалі толькі ўладальнікі нерухомай маёмасці і гандлёва-прамысловая буржуазія, то большая частка гараджан у выбарах удзельнічаць не маглі. Выбарчага права былі пазбаўлены хатняя прыслуга, наёмныя рабочыя, уладальнікі пасведчанняў на мяшчанскія промыслы, а таксама

кватэранаймальнікі, да якіх у большасці адносіліся чыноўнікі і інтэлігенцыя. Парадаксальна, але на практыцы права ўдзелу ў гарадскім самакіраванні была пазбаўлена самая адукаваная частка гарадскога насельніцтва.

Адносная колькасць выбаршчыкаў з'яўлялася невялікай. Прычым працэнт выбаршчыкаў быў звычайна вышэйшым у павятовых гарадах, дзе большая частка насельніцтва пражывала ва ўласных дамах, і назіраўся нізкі адсотак наёмных работнікаў і інтэлігенцыі. Цікава, што з ростам гарадскога насельніцтва колькасць выбаршчыкаў заставалася амаль нязменнай, паколькі гарады павялічваліся найперш за кошт прышлага сялянства і іншых маламаёмных сацыяльных слаёў.

Пасля складання агульнага спісу выбаршчыкаў неабходна было падзяліць яго на разрады паводле так званай трохразраднай сістэмай. Усе выбаршчыкі ў залежнасці ад велічыні выплатаў у гарадскі бюджэт падзяляліся на тры выбарчыя сходы, або разрады. Да першага адносілася група самых значных буйных падаткаплацельшчыкаў, якія плацілі трэць агульнай сумы гарадскіх збораў, да другога – сярэднія плацельшчыкі, яны таксама ўносілі таксама адну трэць падаткаў, а трэці разрад складалі ўсе астатнія дробныя плацельшчыкі. Зразумела, што ў першым разрадзе выбаршчыкаў было ў шмат разоў меней, чым у трэцім. Але кожны выбарчы сход ад свайго разраду абіраў трэць гласных думы. Гэта давала вялізную перавагу прадпрымальна-фінансавай эліце горада.

Выбарчы сход лічыўся дзеяздольным, калі колькасць выбаршчыкаў перавышала колькасць гласных, якіх патрэбна было выбраць ад гэтага разраду. Але на практыцы ў невялікіх гарадах колькасць выбаршчыкаў першага разраду часта была меншай за колькасць гласных, якіх ім належала абраць. Міністэрства ўнутраных спраў вымушана было дазволіць у такіх выпадках падзяліць выбаршчыкаў толькі на два сходы, аб'яднаўшы першыя два разрады. Абавязковай умовай удзелу ў выбарах быў своечасовы разлік па гарадскіх плацяжах. Асобы, якія мелі запазычанасці ў гарадскі бюджэт, выключаліся з выбарчых спісаў.

Заканадаўства патрабавала азнаямлення насельніцтва са спісам выбаршчыкаў. Пасля разгляду скаргаў на складанне спісаў апошнія зацвярджаліся і вызначаліся даты правядзення выбарчых сходаў.

Выбары праходзілі асобна па разрадах і звычайна займалі некалькі дзён. Заканадаўства не абмяжоўвала колькасць кандыдатур для галасавання. Сама працэдура выбараў метадам балаціроўскі займала вельмі шмат часу. Выбаршчыкі кідалі шары “за” і “супраць” адносна кожнага кандыдата. Скрынь часта не хапала, кожны раз трэба было чакаць выніку падлікаў шароў. Таму для ўдзелу ў галасаванні выбаршчыку патрэбна было патраціць цэлы дзень, а часам і два. Не ўсе гараджане маглі сабе гэта дазволіць, і таму частка выбаршчыкаў не прыходзіла на сход або перадавала свае галасы па даверанасці, што не забаранялася законам. Быць абранымі гласнымі думы (пасіўнае выбарчае права) мелі ўсе асобы, дапушчаныя да ўдзелу ў выбарчым сходзе, у тым ліку і тыя, хто атрымаў актыўнае выбарчае права па даверанасці.

Так ці інакш, але новыя гарадскія ўстановы паволі ўваходзілі ў жыццё і распачыналі сваю дзейнасць. Якасць гарадскога кіравання пачала паволі падвышацца. Але гарадская рэформа 1870 г. не выклікала асаблівага энтузіазму сярод мясцовай дзяржаўнай бюракратыі Расійскай імперыі, прадстаўнікі якой выказвалі шмат крытычных заўваг адносна новых гарадскіх устаноў. Не застаўся ў баку і гродзенскі губернатар Баццюшкаў, які ў чэрвені 1889 г. даслаў падрабязную запіску на гэтую тэму віленскаму генерал-губернатару. У гэтай запісцы ён у прыватнасці пісаў: “Я в течение

пятилетнего срока управления губернией не мог не обратить внимание на то, что деятельность этих учреждений (гарадскіх – С.Т.) идет крайне неудовлетворительно“.

Што ж выклікала незадавальненне начальніка губерні? Адной з найбольш істотных хібаў ён лічыў кепскае вядзенне гарадской гаспадаркі і хранічны дэфіцыт думскіх бюджэтаў. На думку губернатара, “такое финансовое положение могло явиться только последствием неумелого ведения хозяйства или полной бесхозяйственности (...) не произведено ни каких затрат ни на народное образование, ни для улучшения санитарного положения городов, ни для украшения их”. Губернатар сцвярджаў, што прычынай такога становішча з’яўляўся не недахоп сродкаў, на што звычайна спасылаліся думы, але “нежелание городских управлений принять на себя заботы для изыскания средств или просто от неправильного ведения дела”.

На думку начальніка губерні, гарадскія установы свядома заніжалі вартасць нерухомай маёмасці гараджан і тым самым змяншалі сумы азначнага збору на карысць горада. Галоўнай прычынай крытычнага становішча гарадскога самакіравання губернатар бачыў кепскі склад гарадскіх галоў, які вынікаў, на яго думку, з выбарнага прынцыпу іх прызначэння: “При существующих условиях в Гродненской губернии и при действии выборной системы трудно ожидать появление когда либо на должности городского головы лица вполне благонадежного, благодаря тому что все дела избрания находятся в руках лиц еврейского, польского или иностранного происхождения, посему и избранный голова, можно с уверенностью сказать, будет носить на себе следы влияния этих народностей (или польской и еврейской среды)“. У якасці доказу губернатар прыводзіў лічбы, паводле якіх каталікі складалі 49 % сярод галосных гарадскіх дум губерні, іўдзеі – 32 %, а праваслаўныя – толькі 18 %. Якім чынам такі канфесійны склад гласных адмоўна ўплываў на вядзенне гарадской гаспадаркі, губернатар не тлумачыў. Можна толькі дадумацца, што мінусам быў нізкі адсотак праваслаўных. Але ён і так быў вышэйшым за долю праваслаўных у складзе гарадскога насельніцтва, а тым болей ў складзе прадпрымальніцкіх элітаў гарадоў. Панацэяй ад гэтай бяды Бацюшкаў лічыў прызначэнне гарадскіх галоў ад урада, з чым, праўда, не пагадзіўся нават віленскі генерал-губернатар.

Такім чынам, галоўная прычына незадавальнення гарадзенскага губернатара вынікамі гарадской рэформы палягала хутчэй не ў сферы гаспадаркі, а ў сферы ідэалогіі, у перакананні, што бюракратычны прынцып прызначэння на пасады апрыоры лепшы, чым выбарны. Галоўнай якасцю гарадскога галавы паволе начальніка губерні была яго палітычная “благонадежность”. Варта адзначыць, што гаспадарчая дзейнасць выбарных устаноў заўсёды выклікала нараканні ўрадавай адміністрацыі, але тыя ж самыя абвінавачанні можна было б вылучыць і адносна дзейнасці ўрадавых чыноўнікаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Атрушкевіч, М. Гарадское кіраванне на Беларусі ў канцы XVIII — пачатку XX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3.
2. Грыбко І. Л. Рэфармаванне гарадскога кіравання Беларусі ў 70—80-я гг. XIX ст. // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф анф., прысвеч. 65-годдзю заснавання гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта. 26 лістап. 1999 г. – Мінск, 2000. – С. 92.
3. Грыбко, І. Л. Гарадскія выбарчыя сходы на Беларусі ў 70—90-я гг. XIX ст. / І. Л. Грыбко // Працы гістарычнага факультэта БДУ: зб. навук. арт. / рэдкал. У. К- Коршук(адк.

рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2007. – Вып. 2. – С. 109-114.

4. Грыбко, І. Л. Увядзенне Гарадавога палажэння 1870 г. на тэрыторыі Беларусі / І. Л. Грыбко // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. / редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) [ідр.]. – Мінск, 2004. – Вып. 1. – С. 132-135.

5. Грыбко, І. Выбары ў гарадскія думы ў Беларусі ў другой палове 70-х — пачатку 90-х гадоў XIX ст. / І. Грыбко // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – №6. – С. 23-27.

6. Нацыянальны гістарычны архіў у Гродне. – Фонд. 1. – Вопіс 17. – Справа 1705.

ПЕРЕСМОТР КОМИТЕТОМ МИНИСТРОВ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬСКОГО И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЫДАЧА РАЗРЕШИТЕЛЬНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ (МАРТ 1905 Г.)

Ганчар А.И., к.и.н., доц.,

*ГГАУ – Гродненский государственный аграрный университет, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Приступая в марте 1905 г. к обсуждению вопросов о порядке выполнения п. 7 именного высочайшего указа (далее ИВУ) 12 декабря 1904 г. Комитет министров Российской империи (далее КМ) исходил из того, что монаршие предначертания имели задачей, путём пересмотра действовавших постановлений, ограничивавших права инородцев и уроженцев отдельных местностей Российской империи, сохранить в отношении к ним лишь те ограничения, которые вызывались интересами государства и явной пользой русского народа.

Особого внимания в этом отношении заслуживал Западный край. К рассмотрению действовавших в нём ограничительных постановлений КМ обратился в первую очередь, пригласив, по высочайшему повелению, Виленского, Ковенского и Гродненского (далее ВКиГ) генерал-губернатора (далее г.-г.) А.А. Фрезе. В предыдущей статье мы уже рассматривали меры КМ, предпринятые в марте 1905 г. по отношению к организации землевладения в Западном крае [1]. В этой статье более детально рассмотрим вопросы, не вошедшие в предыдущее исследование: выдача разрешительных свидетельств.

В непосредственной связи с отменой излишних ограничений в правах на землевладение в западных губерниях Российской империи находился вопрос о порядке выдачи разрешительных на приобретение земель в этих губерниях свидетельств. Высочайше утверждённое 1 ноября 1886 г. положение КМ, предоставившее выдачу свидетельств усмотрению администрации, вызвано было тем обстоятельством, что русское происхождение лица, желавшего приобрести недвижимое имущество в Западном крае, не всегда являлось достаточным залогом его благонадёжности. Многие русские покупали имения на своё имя, но на деньги какого-нибудь поляка или еврея, которому и передавали затем купленное имение в собственность, если не юридически, то фактически. Для предупреждения повторений таких явлений, взамен действовавшего с 1865 г. порядка, при котором для приобретения земельного участка требовалось лишь удостоверение начальства в непринадлежности покупщика к числу лиц польского происхождения, высочайше утверждённым 1 ноября 1886 г. положением КМ г.-г. и губернаторам Западного края было предоставлено, по их усмотрению, выдавать или не выдавать свидетельства на право приобретения имений. При применении же этого положения установилась

такая практика. Что на каждую отдельную покупку местное начальство стало требовать особое свидетельство, которое не имело силы на приобретение др. имений, т. е. выданное удостоверение давало право на покупку только данного имения.

Подобный порядок, по мнению КМ, помимо несоответствия его общим началам права, приносил сам по себе немалый вред и затруднял достижение тех целей, к которым стремилось правительство в Западном крае. Требуемое, при самом возбуждении ходатайства, указание того имения, которое проситель предполагал купить, ставило дело приобретения земли в тяжёлые условия: покупатель, предварительно не обеспечивший себя надлежащим договором с продавцом, всегда рисковал, что ко времени получения разрешительного свидетельства, хлопоты о котором требовали немало времени, владелец мог продать имение другому лицу, отказаться от продажи или же произвольно набавить цену на своё поместье. В случаях же, когда заключение договора предшествовало ходатайству о покупке, нередко бывало, что таковое ходатайство не увенчивалось благоприятным успехом и обе стороны несли убытки.

Проистекавшие от выдачи свидетельств на покупку только определённых имений неудобства повлекли за собой устранение конкуренции и связанные с этим неблагоприятные последствия, как-то: уменьшение количества лиц, желавших приобрести имения, понижение цен на землю и т.п. В то же время установившийся порядок ограничил права всех лиц, даже и русского происхождения. И в действительности, как показывал опыт, особенно при отсутствии права обжалования распоряжений администрации, допускал многочисленные злоупотребления [2, с. 334–336].

При существовавшей системе выдачи разрешительных свидетельств, установление общего на этот предмет взгляда зависел от г.-г. и местных губернаторов. Некоторые начальства, при выдаче свидетельств, допускали различное отношение к приобретателям русского происхождения дворянского и не дворянского сословия. Указанное явление обратило на себя внимание императора Николая II. По объяснению в отчёте ВКиГ г.-г. П.Д. Святополк-Мирского, что, при выдаче свидетельств на право покупки земель в СЗК, он шёл на встречу всем тем, которые давали основание считать их серьёзными помещиками, любящими землю и видящими в ней не только источник дохода, но и фактор культурного характера, и не делал при этом исключения для лиц не дворянского происхождения, исходя из убеждения, что для СЗК прежде всего нужен был прочный землевладельческий класс, Николай II начертал «вполне правильный взгляд», при чём император подчеркнул своей рукой «для лиц не дворянского происхождения» [2, с. 336–337].

Не считая вследствие этого соответственным оставлять выдачу свидетельств на прежних основаниях, как противоречивших основной мысли закона 1865 г. и чрезмерно расширявших пределы административного усмотрения, КМ признал необходимым, по возможности, ограничить сферу применения системы предварительной выдачи свидетельств. Разрешавших приобретение земли в западных губерниях.

Основания, которым надлежало в этом случае руководствоваться, вытекали из всех вышеуказанных соображений. Отныне лица русского происхождения и православного исповедания всех сословий, к которым, применительно к высочайше утверждённому 26 февраля 1865 г. и 14 июля 1867 г. положениям КМ присоединены были лица евангелическо-лютеранского исповедания и дворяне из татар, а также крестьяне, без различия происхождения и вероисповедания, должны были иметь

право беспрепятственно приобретать земли в западных губерниях и потому освобождаться от запроса свидетельств на покупку земли. Равным образом эти документы не должны были требоваться при приобретении поляками земель от лиц польского же происхождения в случае, если таковое приобретение разрешалось. Но этим лицам по-прежнему запрещалось, согласно изложенному по высочайшему повелению правилу, приобретение земель, принадлежавших русским. В виду чего стала необходимость сохранения порядка удостоверения непринадлежности к числу лиц польского происхождения для тех приобретателей земельных имуществ, которые пожелали бы купить в Западном крае принадлежавшую русским владельцам недвижимую собственность.

КМ находил, что за неустановлением в законе точных признаков понятия «польское происхождение», поручение этой обязанности совершавшим купчие крепости нотариусам было бы затруднительно. Одни лишь чины местной высшей администрации, в лице г.-г. и губернаторов, могли решать подобные дела не юридического, а политического характера, и тем более сложные, что среди католиков могли находиться лица не польского происхождения, которых не следовало стеснять в покупке имений. Лишь они обладали средствами убедиться в том, не являлся ли проситель поляком или же ополяченным литовцем, которого в этом отношении не следовало приравнять к полякам. За указанным высшими начальствами по-прежнему сохранялось право предъявления в суде исков об уничтожении актов, состоявшихся по незаконной сделке. Равным образом осталось в силе постановление о привлечении к судебной ответственности нотариусов, совершивших таковые акты [2, с. 337–339].

Таким образом, в дополнение высочайше утверждённым 10 мая и 9 декабря 1903 г. положениям КМ решено было постановить, что в поименованных в этих положениях списках 104 поселений Западного края, в пределах селитебной площади последних, приобретение недвижимых имуществ в собственность или в срочное владение и пользование, а также принятие в залог таковых недвижимых имуществ разрешается русским подданным, без различия польского и русского происхождения. Также решено было отменить высочайше утверждённое 27 января 1901 г. положение КМ об ограничении принадлежащего крестьянам р.-к. исповедания права приобретения земельной собственности в девяти западных губерниях. В отношении дворян и мещан польского происхождения, проживавших в условиях крестьянского быта и лично занимавшихся земледелием в пределах девяти западных губерний, помимо предоставления им наравне с другими лицами польского происхождения прав, указанных в п. 1.1 и в п. 1.2, сохранялось действие высочайшего повеления 4 марта 1899 г. о возможности для них повсеместного приобретения в пределах Западного края поземельной собственности на указанных в этом повелении основаниях и с тем, чтобы выдача разрешения на покупку производилась подлежащим г.-г., а в губерниях Витебской, Минской и Могилёвской – подлежащим губернатором. Действие п. 1.2 (лицам польского происхождения предоставляется приобретать в пределах девяти западных губерний с разрешения подлежащих г.-г. и губернаторов недвижимые имущества, расположенные вне городов и местечек, в видах уничтожения чересполостности и для хозяйственного округления границ, а также обменивать их на другие, в случаях, указанных в ст. 1374 Зак. гражд.), п. 1.3 (допускается в пределах девяти западных губерний приобретение, для целей промышленного свойства, земельных имуществ, расположенных вне городов и местечек, в размере не свыше 60 десятин), п. IV распространить на имущества,

проданные казной на основании высочайше утверждённой 23 июля 1865 г. инструкции о продаже казённых имений в западных губерниях, допустив вместе с тем, согласно п. III, приобретение таковых имуществ крестьянами. Высочайше утверждённое 1 ноября 1886 г. положение КМ о порядке выдачи свидетельств на приобретение земельной собственности в девяти западных губерниях отменялось. Устанавливалось, что при приобретении принадлежащей лицам русского происхождения земли в девяти западных губерниях в удостоверение непринадлежности приобретателя к лицам польского происхождения должны быть представляемы свидетельства, выдаваемые местными г.-г. и губернаторами. Такие свидетельства больше не требовались от лиц русского происхождения православного исповедания, а также применительно к высочайше утверждённым 26 февраля 1865 г. и 14 июля 1867 г. положениям КМ, от лиц лютеранского исповедания и проживавших в Западном крае татар и от лиц сельского состояния [2, с. 366–368].

Соответствующие нормы вошли в указ Правительствующему Сенату под п.п. I–IV, подписанном 1 мая 1905 г. Николаем II в Царском Селе [2, с. 372].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ганчар, А. И. Пересмотр Комитетом министров политики в отношении польского и римско-католического населения Западных губерний Российской империи: организация землевладения (март 1905 г.) / А. И. Ганчар // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2024. – 298 с. – С. 220–231.

2. Журналы Комитета Министровъ по исполнению Указа 12 Декабря 1904 г. – С.-Петербургъ: Изд. Канцелярія Комитета Министровъ, 1905. – 522 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ ТРУДА

Голуб С.В., магистрант

*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Научный рук. Ковалёва Е.А.

Развитие инновационной экономики требует увеличения внимания к главному ресурсу субъекта хозяйствования – персоналу, поскольку, по оценкам экономистов 60-70 % успеха в развитии организации обеспечивает персонал, работники организации, и только 1/3 проблем решается с помощью техники и новых технологий [2, с. 78].

Человеческий ресурс один из самых важных показателей бизнес-процессов, и при этом он является очень нестабильным. Мотивация сотрудников выступает решающим фактором, который оказывает влияние не только на результативность отдельного сотрудника, но и всей компании. Одним из способов мотивации является стимулирование персонала, которое можно разделить на две основные категории: материальные и нематериальные.

Материальное стимулирование в трудовом праве направлено на побуждение работника к наиболее полному использованию своего физического и умственного потенциала в процессе осуществления трудовой функции в целях повышения эффективности производства. Оно реализуется посредством закрепления в нормах трудового права положений не только о достойном вознаграждении за труд, но и о

дополнительных мерах стимулирования за достижение высоких показателей труда (повышение производительности труда, улучшение качества продукции, разработку и внедрение рационализаторских предложений и др.).

Одной из основных форм материального стимулирования является заработная плата, доплаты, надбавки и премии. К его подвиду можно отнести материальное неденежное стимулирование: награждение ценными подарками; предоставление льготных путевок работникам, отличившимися в работе, а также нуждающимся в них по состоянию здоровья многодетным работникам; предоставление льготных ссуд на улучшение жилищных условий, приобретение материальных благ молодым специалистам и другим работникам.

К нематериальному стимулированию относятся поздравления, корпоративы, мотивирующие планерки, курсы повышения квалификации, комфортно оборудованные места для отдыха. Данные меры не получили закрепления в нормах Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК).

В Республике Беларусь правовое регулирование работы с кадрами является одной из ключевых задач государства, что продиктовано значимостью их в обществе и экономике. Государственная кадровая политика – деятельность республиканских и местных органов управления по созданию целостной системы формирования и эффективного использования трудовых ресурсов, развития кадрового потенциала органов государственного управления и самоуправления, различных отраслей экономики и сфер деятельности, ориентированного на эффективное решение актуальных экономических, социальных и политических задач. Основными направлениями государственной кадровой политики являются:

- 1) формирование современных требований к кадрам различных сфер деятельности и уровней управления;
- 2) подбор кадров с учетом их профессиональных и нравственно-психологических качеств;
- 3) формирование действенного резерва руководящих кадров и организация планомерной работы с ним;
- 4) совершенствование форм и методов оценки деятельности кадров;
- 5) мотивация эффективного труда, рациональное использование кадров, создание благоприятных условий для их работы и профессиональной карьеры;
- 6) совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров [4].

Государственные гарантии в области оплаты труда закреплены в ст. 56 ТК. Дополнительные выплаты стимулирующего и компенсирующего характера, другие виды стимулирования персонала закрепляются нанимателем в коллективном договоре, соглашении, иных локальных правовых актах и трудовом договоре.

В настоящее время в Республике Беларусь продолжается процесс совершенствования в сфере организации оплаты труда с учетом национальных особенностей социально-экономического развития и требований инновационной экономики. Так, в 2024 году нормы Трудового кодекса Республики Беларусь были скорректированы с учетом практики его применения. К вопросам повышения стимулирования работников можно отнести следующие изменения:

1. Предусмотрена гарантия при прохождении диспансеризации в виде освобождения работника от работы. В ст. 103 ТК закреплено право на освобождение работников от работы в зависимости от возраста на 1 или 2 дня для прохождения диспансеризации с сохранением среднего заработка по месту работы. Количество

дней зависит от возраста работника.

2. Расширение возможности для совмещения работы и родительства. Предоставляется альтернатива заменить 1 дополнительный свободный от работы день в неделю сокращением рабочих дней на 1 ч. с сохранением среднего заработка (ст.265 ТК), при условии, что это не будет препятствовать нормальной работе организации.

3. Возможность разделения трудового отпуска более чем на две части. Расширены полномочия нанимателя в части принятия решения о разделении трудового отпуска на две и более части не только, если такое условие предусмотрено в коллективном договоре, но и в ином локальном акте организации (ст.174 ТК).

4. Сняты ограничения и предоставлена возможность сторонам трудового договора согласовывать максимально гибкие условия рабочего времени с учетом целей и задач, поставленных в организации [3].

Предложенные изменения позволяют законодательно закрепить улучшение условий труда работников вне зависимости от сферы деятельности и формы собственности организации.

Традиционно материальное стимулирование выступает «базовой» основой повышения эффективности труда. Однако данный инструмент используется не в полном объеме. Несмотря на придание тарифной системе оплаты труда рекомендательного характера, сегодня более 90 % организаций Республики Беларусь сохраняют системы оплаты труда на основе Единой тарифной сетки, закрепив ее в своих локальных актах. Переход на использование бестарифных (гибких) систем оплаты труда проходит крайне медленно [1].

Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 21.10. 2011 г. № 104 утверждены Рекомендации по внедрению гибких систем оплаты труда в коммерческих организациях, в которых выделены четыре гибкие системы оплаты труда: собственная тарифная система; комиссионная система; система «плавающих» окладов; система грейдов. Возможно также внедрение и других гибких систем оплаты труда: бестарифная система оплаты труда на основе коэффициентов участия работника в фонде оплаты труда для рабочих; использование комиссионной системы оплаты труда или системы «оклад + процент»; система участия в прибыли и капитале и другие. Организация должна выбрать для себя наиболее оптимальную систему оплаты труда с учетом особенностей и задач самой организации.

Однако разнообразие культур и поколений в рабочей среде создают дополнительные вызовы для мотивации сотрудников и поддержания высокого уровня вовлеченности и продуктивности. Сегодняшние методы материального стимулирования могут не сработать в условиях современного рынка труда и экономики.

При поиске подходов к стимулированию работников выработаны следующие современные тренды на рынке труда: работа над удержанием персонала, автоматизация рабочих процессов, новые подходы в привлечении талантов, человекоцентричность, обучение персонала. В частности, тренд на человекоцентричность предлагает учитывать при стимулировании работников следующие аспекты:

- повышение важности соблюдения баланса между работой и личной жизнью;
- комфортная рабочая среда, где работники могут раскрыть свои таланты и реализоваться, оставаясь в балансе с собой, своими взглядами и принципами;
- наполненность работы смыслом. Это создаёт чувство целостности и

значимости в рабочей деятельности, способствует формированию личной миссии и целей, которые интегрируются с целями и миссией компании. Исследования показывают, когда сотрудники считают свою работу значимой, они работают на 33% лучше. Они также на 75% более преданы своей организации и на 49% менее склонны ее покинуть;

– рост актуальности цифровой этики, возможность полностью контролировать свои данные и их передачу сторонним приложениям и сервисам, контроль по защите персональных данных своих работников. Утечки информации болезненно сказываются на доверии к компании [5].

Рассмотрим несколько новых способов поощрения сотрудников, а также возможный эффект от них:

1. Мотивационный (стимулирующий) туризм.

Туризм – это отдых, поэтому у мотивирующего туризма есть безграничные возможности. Это может быть как корпоративный выезд и релаксация, так и способы командообразования, обучения и повышения квалификации сотрудников. Это поможет сплотить сотрудников, ведь многие люди, даже работая в одной компании практически ничего не знают друг о друге, а совместных отдых может помочь им познакомиться ближе и настроить дружескую атмосферу в коллективе. К минусам данного способа можно отнести финансовую и организационную сторону вопроса.

2. Политика предприятий по формированию здорового образа жизни.

Основной задачей данной политики является профилактика хронических и сезонных заболеваний. В рамках данной программы организация может закупить тренажеры, либо воспользоваться системой корпоративного посещения спортзала, введение ежедневной производственной гимнастики, внедрение программ по похудению, либо избавления от никотиновой зависимости. Конечно все это необходимо стимулировать небольшими привилегиями, например, сокращением рабочего дня, грамотами и благодарностями либо же денежными премиями.

В данном случае сотрудники получают немало выгод, ведь у них появляется возможность снизить риск приобретения хронических заболеваний, избавиться от лишнего веса, зависимостей, улучшить свое психоэмоциональное состояние. В то же время сокращаются прямые расходы на медицинское обслуживание, выплаты по больничным листам, текучесть кадров.

3. Геймификация.

Современным сотрудникам необходим психологический комфорт на рабочем месте. Не все готовы слепо выполнять указания, не понимая сути работы. Все можно решить, если рутинные и однообразные задачи выполнять в форме игры, в ходе которой раскрывается суть бизнес-модели и ее задач. С помощью такого процесса увеличивается эффективность и мотивация сотрудников, а также производительность компании.

4. Стимулирование поколения Y.

Поколение Y – люди родившиеся в период 1984-2003 гг. Высокая скорость прогресса и постоянных изменений сформировала у поколения непрерывное желание «жить здесь и сейчас». Они желают быстрого и безукоризненного удовлетворения своих желаний любой ценой вне зависимости от предпринимаемых усилий. Именно это желание склоняет поколение к таким потребностям как быстрый результат, работа «со смыслом», совмещение работы и личной жизни, осознание самореализации в жизни. Они воспринимают деньги ни как цель, а как средство. Именно поэтому методы стимулирования, которые работают с поколением X, тут

совершенно не подходят. Им необходима постоянная коммуникация, четкие границы работы, моментальное вознаграждение и ориентир на постоянное развитие.

5. Социальная карта.

Социальная карта чем-то похожа на виртуальный счет сотрудника. Каждому работнику выделяется определенная сумма, регламентированная занимаемой должностью, которая позволяет воспользоваться ему набором определенных услуг. Материальная помощь, дополнительные отпуска, единоразовые пособия, охрана здоровья и премии на день рождения – все это может быть льготами. То есть социальная карта представляет собой набор услуг, которые сотрудник может получать дополнительно к основным и подбирать их индивидуально под себя.

При разработке программы поощрений для материального стимулирования необходимо соблюдать ключевые принципы:

- Прозрачность – принципы поощрений должны быть всем понятными и общедоступными, сотрудники должны четко понимать, что надо сделать, чтобы получить вознаграждение.

- Объективность – у всех работников, которые показывают высокую эффективность, должна быть возможность получить поощрение вне зависимости от отношений в коллективе.

- Баланс пряников и кнутов. Практика показывает, если только поощрять, работники могут начать воспринимать свое материальное положение как норму и эффективность труда снизится. Чтобы этого не произошло необходимо предусмотреть принципы потери бонусов.

- Индивидуальный подход связан с учетом потребностей людей, опытом, компетенцией сотрудников. Иногда новичкам можно назначить премию меньше, чем старожилам, и простимулировать не деньгами, а карьерными перспективами.

- Достижимость целей. Работники должны понимать, что заработать поощрение – в их силах. Не следует назначать премии за недостижимые результаты, ведь если сотрудники увидят, что их усилия не дают материального результата, они потеряют мотивацию намного быстрее, чем если бы в компании вообще не было системы материального стимулирования.

В перспективе для повышения уровня мотивации сотрудников необходимо внедрять использование современных технологий и данных для анализа и предсказания потребностей и предпочтений сотрудников, что позволит компаниям создавать персонализированные и эффективные программы мотивации, направленные на достижение конкретных бизнес-целей и задач.

Таким образом, использование новых подходов к мотивации сотрудников открывают новые возможности для компаний в достижении высоких результатов и удовлетворения потребностей современных сотрудников, что становится все более важным в условиях быстро меняющегося бизнес-окружения и конкурентного рынка труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ванкевич, Е. В. Гибкие системы оплаты труда: от теории к практике [Электронный ресурс] / Е. В. Ванкевич. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/encycl/wage_system.shtml. – Дата доступа: 15.02.2024.

2. Климович, Л. К. Новые образовательные технологии подготовки кадрового потенциала для инновационной экономики / Л. К. Климович // Актуальные проблемы бизнес-образования : материалы XVI междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 апр. 2017 г. / Бел. гос. ун-т, 217 Ин-т бизнеса и менеджмента технологий ; редкол. : В. В. Апанасович

[и др.]. – Минск: Нац. б-ка Беларуси. – 2017. – С. 78–81.

3. Ковалевич, М. Что изменится в ТК с 1 января 2024 года. Комментарий к Закону от 29.06.2023 № 273-3 [Электронный ресурс] / М. Ковалевич. – Режим доступа: <https://business-info.by>. – Дата доступа: 06.03.2024.

4. Об утверждении Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 18 июля 2001 г. № 399 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by /document /?guid=3871&p0=p30100399>. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

5. Тарасова, О. Тренды HR 2024 [Электронный ресурс] / О. Тарасова. – Режим доступа: <https://vc.ru/hr/1023582-trendy-hr-2024>. – Дата доступа: 06.03.2024.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Горбачевская О.В., магистрант

*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Научный рук. Ковалёва Е.А.

Тенденция девальвации рабочей силы привела к невозможности достижения нормальных цен на рабочую силу на рынке труда в течение длительного периода времени. Грамотная политика в области заработной платы в контексте государственного регулирования экономики должна сыграть ключевую роль в стабилизации социально-трудовых отношений, что улучшит макроэкономическую ситуацию в стране. В этой связи изучение процесса формирования средств на оплату труда является особенно актуальным.

Вступив в XXI век, человечество сталкивается с рядом сложных проблем. С одной стороны это противоречие между обществом и природой, а с другой – политическое, экономическое и культурное противоречие между экономически развитыми странами и другими регионами мира. В данном случае человеческий потенциал стал важнейшим фактором социально-экономического развития.

В целях борьбы с агрессивной внешней средой и достижения экономического роста страны было принято руководство по улучшению социально-экономических отношений, инновационному экономическому развитию и переходу к шестому и высшему технологическому укладу к 2030 году. В этом случае успех полностью зависит от деятельности хозяйствующих субъектов, составляющих национальную экономику. В этой связи остро встает вопрос о повышении эффективности работы отдельно взятой организации.

Мы считаем, что ответ скрыт в самой цели: развитие инноваций и переход к высшему технологическому укладу, то есть развитие креативности и инноваций с привлечением работников во всех областях и секторах национальной экономики. Поскольку цели организации отличаются от целей ее сотрудников, в свою очередь возникает вопрос о заинтересованности сотрудников в эффективной работе. Менеджеры по всему миру искали ответы на протяжении всей истории человечества.

На каждом этапе своего развития человечество использовало различные ресурсы принуждения: первоначально физическую силу и волевой потенциал лидера, затем происхождение, а затем инструменты религиозной, светской и административно-командной системы. Однако в современном мире главным

стимулом к труду стала материальная выгода, которая проявляется в размере заработной платы отдельных сотрудников.

Труд работников является необходимой частью процесса производства, потребления и распределения созданной продукции. Участие работников в доле вновь создаваемых продуктов (материальных и духовных благ) выражается в форме заработной платы, которая должна соответствовать количеству и качеству их труда [1, с. 132].

Заработная плата является одним из основных факторов социально-экономической жизни каждой страны, коллективной и индивидуальной. С одной стороны, это основной источник дохода, с другой стороны - основной рычаг финансового стимулирования, поскольку в сознании сотрудников заработная плата ассоциируется с признанием его авторитета и значимости, социального статуса работника как члена общества.

В настоящее время существует много проблем с точки зрения оплаты труда и экономических стимулов. Большинство сотрудников недовольны несправедливым распределением заработной платы, отсутствием связи с результатами работы, путаницей в соотношении зарплат специалистов в разных подразделениях и различиями в доходах однородных профессий в разных организациях одного региона. Отсюда текучесть кадров, нестабильность команды, организационные потери, связанные с изменением подготовки специалистов.

Однако практика показала, что работодатели находятся в очень сложной ситуации при расчете вознаграждения за труд. Чтобы решить эту проблему, ему пришлось применять различные комбинации официальной заработной платы, бонусов, доплат, надбавок и премиальных. Заработная плата является определяющим фактором трудовой мотивации, а трудовая мотивация - это материальный стимул для сотрудников проявлять активность для достижения целей организации.

Различные экономические термины привели к различному пониманию категорий, связанных с заработной платой. Одни и те же экономические понятия, такие как «фонд заработной платы», «фонд оплаты труда», «фонд оплаты труда работников», «средства на потребление» и «расходы на персонал» по-разному интерпретируются в различных источниках. Они часто не соответствуют новому законодательству, что приводит к определенным противоречиям. Для того, чтобы, уточнив перечисленные термины и определив их логическую взаимосвязь, необходимо определить природу таких категорий, как «заработная плата» и «заработная плата по найму».

Согласно ст. 57 Трудового кодекса Республики Беларусь под заработной платой понимают совокупность вознаграждений, исчисляемых в денежных единицах или (и) натуральной форме, которые наниматель обязан выплатить работнику за фактически выполненную работу, а также за периоды, включаемые в рабочее время [5].

Согласно ст. 129 Трудового кодекса Российской Федерации – заработная плата (оплата труда работника) - вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные

поощрительные выплаты) [6].

Сущность заработной платы выражается в тех функциях, которые она выполняет. Основными функциями заработной платы являются:

- воспроизводственная – обеспечивает работников и их семей необходимыми благами для воспроизводства рабочей силы и воспроизводства будущих поколений;
- стимулирующая – она обеспечивает мотивацию к высокопроизводительному труду и проявляется во взаимосвязи оплаты труда с конкретными результатами трудовой деятельности работников;
- регулирующая – способствует регулированию спроса и предложения на рынке труда и обеспечивает оптимизацию размещения трудовых ресурсов по регионам, отраслям и организациям;
- учетная – характеризует меру участия живого труда в процессе формирования стоимости продукта, его долю в совокупных издержках производства;
- социальная – является одной из форм признания общественной значимости вида трудовой деятельности, личных трудовых заслуг работника, признаком его социального положения [2, с. 56].

Рациональная организация оплаты труда в организации позволяет стимулировать результаты труда и деятельность его работников, обеспечивать конкурентоспособность на рынке труда и готовой продукции, необходимую рентабельность и прибыльность продукции.

В этой связи важно разобраться, какими же принципами организации заработной платы следует руководствоваться для превращения ее в действенный стимул роста результативности труда и производства. Такие принципы являются объективными, научными и отражают положения экономических и правовых операций.

Основополагающими принципами организации оплаты труда работников являются:

- предоставление организации максимальной самостоятельности в вопросах оплаты труда;
- распределение в соответствии с результатами труда, его количеством и качеством;
- опережение темпов роста производительности труда над темпами роста средней заработной платы;
- улучшение соотношения в оплате труда отдельных категорий и профессионально-квалифицированных групп;
- материальная заинтересованность работников в высоких результатах;
- усиление социальной защищенности работников.

Общий уровень оплаты труда на организации может зависеть от следующих основных факторов:

- результатов хозяйственной деятельности организации, уровня его прибыльности;
- кадровой политики организации;
- уровня безработицы в регионе, области, среди работников соответствующих специальностей [2, с. 160].

Рациональная организация оплаты труда в организации предполагает, чтобы размер стимулирования и вознаграждения работника был поставлен в прямую зависимость и от сложности труда, и от квалификации выполняющего его работника.

Исходя из важности в теоретическом и практическом планах единого понимания принципов организации оплаты труда, можно предложить такое их определение: принципы организации оплаты труда – это объективные, научно обоснованные положения, отражающие действие экономических законов и направленные на более полную реализацию функций заработной платы. Соответственно можно выделить наиболее характерные принципы организации оплаты труда:

- устойчивый рост номинальной и реальной заработной платы;
- соответствие меры труда мере его оплаты;
- материальная заинтересованность работников в достижении высоких конечных результатов труда;
- обеспечение опережающих темпов роста производительности труда по сравнению с темпами повышения заработной платы.

Каждый принцип отражает действие нескольких экономических законов.

Стимулирование повышения качества рабочей силы (развития персонала) направлено на: привлечение и отбор кадров при найме; систематическую аттестацию кадров; закрепление кадров в организациях; создание в организациях соответствующих организационно-технических и социально-экономических условий труда; материальное стимулирование непрерывного роста профессионально-квалификационного уровня работников.

Механизм развития персонала реализован в конкретной системе заработной платы, доплат и надбавок к ней. Особенно важную роль играет размер дополнительного дохода, который сотрудники получают от организации.

Например, система, привлекающая сотрудников в организацию, может обеспечить молодым людям достаточно высокую начальную заработную плату без необходимости в материальном вознаграждении. В Японии для молодежи предусмотрены специальные семейные пособия, размер которых уменьшается с возрастом и выслугой лет. В то же время увеличение базовой заработной платы отражает повышение уровня профессиональной квалификации работников.

В зарубежных странах широко используются различные методы аттестации. Наиболее известный метод – оценка заслуг работника. Суть этой оценки заключается в том, что работники, имеющие одинаковую квалификацию и занимающие одинаковые должности, благодаря своим способностям, опыту, целевым установкам могут добиваться разных результатов. Оценка заслуг в организациях может использоваться для принятия решения о продвижении по службе, повышении (снижении) заработной платы, профессиональной подготовке (переподготовке), возобновлении (прекращении) срока контракта, об увольнении с работы [1, с. 122].

Оценка деловых, личностных качеств работников является важным инструментом повышения их конкурентоспособности на внутрифирменном рынке труда.

Создание надлежащего уровня организационно-технических условий в организации проявляется в систематическом обновлении оборудования и технологий и улучшении условий труда. Когда все остальные условия остаются прежними, это способствует привлечению и консолидации персонала. Высокий организационный и технический уровень производства приводит к повышению производительности труда, улучшению качества продукции и сокращению потерь рабочего времени.

Эти условия также включают организацию и нормирование рабочей силы - последнее является элементом организации заработной платы и, следовательно, влияет на ее размер и различия. Социально-экономические условия труда - это метод

материального и морального вознаграждения. Среди них важную роль играет метод определения и корректировки ставок и заработной платы: единые ставки заработной платы, автоматическое повышение заработной платы и изменения ставок на основе результатов оценки заслуг. Это позволяет учитывать специфические условия отдельных отраслей и групп сотрудников.

Стимулирование непрерывного повышения квалификационного уровня обеспечивается применением систем оплаты знаний, квалификации, совмещения профессий и т.д. Сущность оплаты знаний состоит в том, что работнику платят не только за то, что он делает на рабочем месте, но и за то, что он потенциально может выполнить, обладая для этого суммой знаний. Эта система эффективна в условиях быстрой модернизации производства, перехода к выпуску новой продукции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алиев, И.М. Экономика труда: учебник / И.М. Алиев, Н.А. Горелов, Л.О. Ильина. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 671 с.
2. Владимирова, Л.П. Организация, нормирование и оплата труда на предприятиях отрасли (торговля): учебник / Л.П. Владимирова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2022. – 347 с.
3. Василевич, Т.Н. Оплата труда в сфере высшего образования Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации / Т.Н. Василевич, М.О. Орехва // Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст : Сб. науч. статей / Редкол.: М.Е. Карпицкая (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : Гродненский гос. ун-т имени Янки Купалы, 2022. – С. 201-210.
4. Кибанов, А.Я. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА – М, 2019. – 524 с.
5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации, 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (с изм. и доп. от 14 февраля 2024 г. №12-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125268/#friends>. – Дата доступа: 03.03.2024.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК УСЫНОВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Денисенко Н.В., аспирант

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь

Усыновление является одной из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Как указывал дореволюционный ученый-юрист Г. Ф. Шершеневич, «по своей идее усыновление должно служить искусственным восполнением естественного недостатка в детях и тем достроить семью, начатую браком» [10, с. 732].

В Российской империи дела об усыновлении находились в компетенции различных учреждений в зависимости от того, к какому сословию принадлежал

усыновитель.

Просьбы личных дворян об усыновлении подавались в губернские правления, постановления которых направлялись на утверждение Сената. В таком же порядке происходило усыновление православными священно- и церковнослужителями. При этом требовалось разрешение епархиального архиерея [2, с. 132-133]. Усыновление купцами осуществлялось по постановлениям казенных палат, которые направлялись на утверждение Сената [6, с. 198].

В соответствии со статьей 145 «Свода законов гражданских» издания 1857 г. дворянам, не имеющим детей и других родственников мужского пола «той же фамилии», разрешалось для «возобновления» последней усыновлять своих законнорожденных родственников. Усыновленным потомственными дворянами передавались при жизни усыновителя его фамилия и герб [7, ст. 145]. Усыновление производилось только с разрешения императора. Усыновить можно было как одно, так и несколько лиц [7, ст. 146, 147]. Допускалось усыновление совершеннолетних. Как отмечалось в одном из представлений министра юстиции, «правила об усыновлении потомственными дворянами... носят характер исключительно генеалогический, имея... единственной целью поддержание угасающего рода в высшем сословии, и потому такое усыновление является совершенно независимым от усыновления чисто семейного, вызываемого стремлением закрепить силою закона существующие между определенными лицами тесные нравственные узы, основанные на кровной или иной связи. Нормированного положительным законом способа указанного усыновления потомственное дворянство не имело» [2, с. 133–134]. В связи с этим усыновленные не наследовали имущество усыновителя, при этом они имели право наследования имущества своих кровных родственников [6, с. 198; 7, ст. 149].

У крестьян и мещан усыновление осуществлялось «припиской» усыновленного к семье усыновителя, которая осуществлялась для крестьян волостным правлением, для мещан – с утверждения казенной палаты [7, ст. 155; 10, с. 734; 9, с. 203]. О «приписке» необходимо было уведомлять городские и мирские общества, согласия обществ на такую приписку не требовалось [7, ст. 157]. Усыновленные крестьянами и мещанами вступали во все права законных детей усыновителей, приобретали путем усыновления право на наследство имущества усыновителя и несли все обязанности детей по отношению к родителям [6, с. 198-199].

Ряд вопросов, касающихся усыновления, не был урегулирован законодательством. Так, закон не устанавливал права и обязанности усыновителей по отношению к усыновленному и наоборот. Законодательство умалчивало о том, имело ли лицо, не состоявшее в браке, право на усыновление. Не регулировался вопрос о том, разрешалось ли усыновление малолетнего, не имеющего возможности выразить свое согласие на усыновление [5, с. 147].

12 марта 1891 г. было принято высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных», в котором были закреплены условия и процедура усыновления [1]. Как отмечалось в дореволюционной юридической литературе, условия усыновления устанавливались как в целях предупреждения злоупотреблений, так и в целях недопущения отношений, подобных родительским там, где это представлялось неприемлемым по соображениям религиозного, нравственного или сословного характера (например, устанавливались ограничения в наследовании усыновленными имущества усыновителя) [2, с. 130].

В качестве усыновителей могли выступать супруги, а также лица, не состоящие

в браке. Не имели права усыновлять лица, которые дали обет безбрачия, т.е. монахи и католические священники. Усыновление чужих детей было возможно только при отсутствии собственных законных или узаконенных детей [4, ст. 145]. Рождение впоследствии законного ребенка или узаконение (вступление в брак родителей незаконнорожденного ребенка, в результате которого последний получал права законных детей) не влияли на предшествующее усыновление [10, с. 732-733]. Для усыновления необходимо было наличие гражданской правоспособности [4, ст. 146].

Усыновление лиц христианского вероисповедания нехристианами и лиц нехристианского исповедания христианами запрещалось [4, ст. 148]. Причиной этого являлось опасение «совращения» в другую религию [3, с. 491]. В свою очередь, старообрядцам запрещалось усыновлять православных. Это связано с тем, что в соответствии со статьей 40 «Основных государственных законов» издания 1857 г. православие являлось «первенствующим и господствующим» вероисповеданием [8], а старообрядчество представляло собой вероучение, «отколовшееся» от православия и поэтому представлявшее угрозу как для самой Православной Церкви, так и для государственной власти в целом.

В качестве одного из условий усыновления устанавливался возраст усыновителя – не менее 30 лет. При этом усыновитель должен был быть старше усыновляемого не менее, чем на 18 лет [4, ст. 146]. Допускалось усыновление родственника [1, с. 733].

Для усыновления требовалось согласие другого супруга и родителей усыновляемого или его опекунов и попечителей. Требовалось также согласие самого усыновляемого, если он достиг 14-летнего возраста [4, ст. 149, 150]. Одно и то же лицо не могло быть усыновлено одновременно несколькими лицами, за исключением случаев усыновления супругами [4, ст. 147].

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 марта 1891 г. ввело общий судебный порядок усыновления. При этом был сохранен особый порядок для крестьян и мещан. По общему правилу просьба об усыновлении подавалась в окружной суд по месту постоянного жительства усыновителя или усыновленного. Суд удостоверился в наличии всех требуемых законом условий и, выслушав заключение прокурора, постановлял определение об удовлетворении ходатайства или об отказе в ходатайстве. Лица, права которых нарушались неправильным усыновлением, например, родители усыновленного, могли заявить свои возражения во время рассмотрения дела или начать впоследствии, в двухгодичный срок со дня вступления определения в законную силу, спор в общем порядке. Оспаривание усыновления допускалось только при жизни усыновителя [1].

Как указывал русский ученый-юрист А. И. Загоровский, законодательство предписывало суду производить только формальную проверку соблюдения условий усыновления, не касаясь проверки материальной – нравственной «годности» усыновителя и полезности усыновления для усыновляемого [3, с. 492]. Таким образом, проверка законности усыновления проводилась лишь по формальным критериям без оценки нравственных качеств усыновителей и последствий воспитания ребенка конкретными лицами.

Усыновленный вступал по отношению к усыновителю во все права и обязанности законных детей [4, ст. 156¹]. Поскольку родительская власть прекращалась только в строго установленных случаях, к которым усыновление не относилось, то некоторые ученые считали, что за родителями сохранялось право на

алименты между усыновленным и его родителями [3, с. 494–495].

Усыновленный по общему правилу сохранял права состояния, принадлежавшие ему до усыновления [4, ст. 154]. Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами, которые обладали меньшими правами состояния, приобретали только личное почетное гражданство [4, ст. 153]. Усыновленные купцами могли быть внесены в сословные купеческие свидетельства наравне с родными детьми усыновителя [4, ст. 156; 3, с. 493].

Усыновление не влекло автоматическую передачу фамилии усыновителя: усыновитель мог передать усыновленному свою фамилию, если последний не пользовался большими правами состояния, чем усыновитель. Для передачи фамилии потомственными дворянами необходимо было разрешение императора [4, ст. 152]. Лица женского пола, не вступившие в брак, при жизни своих родителей обязаны были получить согласие последних на передачу усыновленному носимой ими фамилии [4, ст. 152; 10, с. 734]. Относительно передачи отчества усыновленным детям Сенат отмечал, что в законе нет указаний, чтобы такая передача отчества разрешалась и что отчество должно было определяться по имени родного отца [10, с. 734].

Усыновленный сохранял право наследования имущества своих родителей и их родственников и не участвовал в наследовании имущества родственников усыновителя, если не имел на это права в силу кровного родства [4, ст. 156³ и 156⁷]. В отношении самого усыновителя усыновленный приобретал право наследования его «благоприобретенного» (нажитого самостоятельно, своим трудом) имущества. На наследование родового имущества усыновителя усыновленный не имел права. Если у усыновителя были дочери и не было родных сыновей, то наследство делилось между дочерьми и усыновленными детьми в равных долях [4, ст. 156¹]. Родственники усыновленного в нисходящей линии наследовали имущество усыновителя по праву представления [4, ст. 156⁴]. В свою очередь, усыновитель имел право наследовать «благоприобретенное» имущество усыновленного в случае его бездетной смерти, в то время как имущество, подаренное усыновленному родителями, возвращалось последним [4, ст. 156⁵].

Таким образом, до 1891 г. в законодательстве Российской империи не были закреплены требования к усыновителям, отсутствовала регламентация прав усыновленных. Кроме того, законодательство не содержало единого порядка усыновления. Так, усыновление потомственными дворянами осуществлялось с разрешения императора. У крестьян и мещан усыновление заменялось «припиской» усыновленного к семье усыновителя. Потомственные дворяне имели право усыновлять своих законнорожденных родственников и передавать свою фамилию, при этом усыновленные не имели права наследования имущества усыновителя. С принятием 12 марта 1891 г. высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» процедура усыновления получила четкую законодательную регламентацию. Так, законодательством были закреплены условия о возрасте усыновителя, о разнице в возрасте между усыновителем и усыновленным. Усыновление допускалось только при отсутствии родных детей. Регламентировалось право лиц, не состоящих в браке, на усыновление детей, устанавливались права и обязанности усыновленного по отношению к усыновителю и наоборот. Законодательно закреплялся запрет на усыновление христиан нехристианами и лиц нехристианского исповедания христианами. Старообрядцы не имели права усыновлять православных. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 марта 1891 г.

ввело общий судебный порядок усыновления. При этом был сохранен особый порядок для крестьян и мещан. Институт усыновления продолжал сохранять сословный характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 мар. 1891 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III : в 33 т. – Т. 11. – № 7525.
2. Гуревич, И. Родители и дети. С приложением постановлений действующего законодательства, определяющих взаимные отношения родителей и детей. – Изд. Канторовича. – 1899. – 220 с.
3. Загоровский, А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – 2-е изд., доп. - Одесса : Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1909. – 564 с.
4. Законы гражданские // Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб., 1900. – Т. 10, ч. 1.
5. Змирлов, К. Недостатки наших гражданских законов. О союзе родителей и о союзе родственном // Журнал гражданского и уголовного права. – 1883. – Кн. 1. – С. 131–164.
6. Победоносцев, К. Курс гражданского права : в трёх частях – М.: «Статут», 2003. – Часть 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. – 639 с.
7. Свод законов гражданских. Книга первая. О правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи. Т. 10. Законы гражданские. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.
8. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 1, ч. 1 : Основные государственные законы. – 1857. – 57 с.
9. Татаринцева, Е. А. Правовые цели усыновления в семейной политике Российского государства: от исторического прошлого к реалиям современности / Е.А. Татаринцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3. – Часть 2. – С. 201-208.
10. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914 – 1915 гг.) : в 2 томах / Г. Ф. Шершеневич ; А. Л. Маковский, В. С. Ем. – Москва : Статут, 2021. – Том 2. Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914 –1915 гг.). – 896 с.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

Занько Е.С., аспирант

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь

В настоящее время товарный знак (знак обслуживания) является не только средством индивидуализации товаров, работ и услуг, но и важнейшим инструментом маркетинга, нематериальным активом его владельца, инструментом защиты от недобросовестной конкуренции. Однако стоит отметить, что на разных этапах развития товарного знака существовали различные подходы в определении его сущности, социально-правового и экономического значения. Важное место в процессе становления и развития товарного знака занимает правовая охрана имущественного права владельца товарного знака.

В связи с тем, что товарный знак не является результатом творческой

деятельности, не имеет автора и предназначен для использования в ходе хозяйственной деятельности юридическими и физическими лицами с целью индивидуализации производимых ими товаров, оказываемых работ и услуг, у владельца товарного знака не могут возникать личные неимущественные права. Таким образом, владелец товарного знака обладает только имущественным (исключительным) правом на товарный знак.

В рамках настоящего исследования проанализирована история правовой охраны исключительного права на товарный знак, определены теории, с позиции которых в тот или иной период времени рассматривалось имущественное право на товарный знак.

Первые шаги к становлению товарного знака сделаны еще в период первобытного общества, чему способствовало возникновение первобытного искусства и появление пиктографии. Первыми прообразами товарного знака можно считать примитивные отличительные обозначения, используемые человеком в период неолита, а также такие средства индивидуализации товаров как тамга и клеймо, которые получили широкое использование и распространение в Древней Греции и Древнем Риме [3, с. 126].

В связи с тем, что известные клейма Древнего Рима, такие как «Fortis», «Strobili», «Communis», часто копировали и подделывали, некоторые из них получили правовую охрану, которая, как отмечает С.С. Лосев, предусматривала наказание для лиц, которые подделывают клейма [5, с. 40]. Однако говорить о правовой охране исключительного права владельцев тамг, клейм и других знаков индивидуализации периода первобытного общества и Древнего мира безосновательно: исключительное право, как справедливо отмечал классик российской цивилистики Г.Ф. Шершеневич, «...является продуктом новейших технических и экономических условий общественной жизни и было чуждо древнему миру» [7, с. 75].

В период классического Средневековья в странах Западной Европы регулирование использования знаков индивидуализации было впервые предусмотрено на уровне объединений ремесленников (цехов), в рамках которых утверждались как знаки самого объединения, так и индивидуальные знаки каждого ремесленника [4, с. 62].

Использование знаков индивидуализации, появление первых известных брендов, их копирование и подделывание потребовало правового регулирования и на уровне государства. В 1266 году Парламент Англии принял законодательный акт, обязывающий каждого пекаря иметь отличительный знак, который идентифицирует сорт хлеба и его изготовителя [8, с. 557], в 1275 году во Франции на законодательном уровне введено обязательное клеймение всех золотых и серебряных изделий, а в 1300 году Парламент Англии принял закон, который запрещал продавать золотые и серебряные изделия без специального знака (клейма), гарантирующего качество товара [5, с. 40]. Подобные законодательные акты принимались в период классического Средневековья по всей Западной Европе.

Вместе с тем охрана имущественного (исключительного) права владельцев знаков индивидуализации, несмотря на развитие правового регулирования соответствующих общественных отношений, на уровне законодательства все еще не предусматривалась. В отношении результатов интеллектуальной деятельности, в частности произведений литературы, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что в средние века авторы произведений не понимали возможности приобретения исключительного права на воспроизведение и распространение своих произведений, жалобы авторов

были направлены именно на искажение их мыслей, а не на нарушение имущественных интересов [7, с. 86].

В период позднего Средневековья появляется правовая охрана имущественного права владельца знаков индивидуализации в виде системы привилегий. Эта система представляла собой издание монархами привилегий (индивидуальных ненормативных актов), которые наделяли лиц, обратившихся за привилегией, «исключительным правом» на осуществление деятельности, определенной привилегией, и одновременно устанавливали запрет на совершение аналогичных действий иным лицам. С течением времени привилегии предоставляли право конфисковывать товары, которые были произведены в обход выданных привилегий [7, с. 90]. Первые привилегии были выданы в отношении сочинений: в 1491 году в Венеции профессору канонического права Петру Равенскому (сочинение «Phoenix»), в 1494 году Герману Лихтенштейну (сочинение *Speculum Historiale*) [7, с. 87], в последствии привилегии стали выдаваться в отношении знаков индивидуализации.

Нарушения прав владельцев знаков индивидуализации были нередким явлением в средневековом обществе, в связи с этим в европейский государствах устанавливалась ответственность: в Курфюршестве Пфальц (до 1803 года территориальное образование рамках Священной Римской империи) особым указом предусматривалось наказание в виде повешения за продажу поддельного вина [10, с. 33], в 1564 году во Франции принят законодательный акт, который предусматривал смертную казнь за подделку товарных знаков [5, с. 41].

С начала XVIII по начало XX века право собственности считалось единственным надежным способом охраны прав на материальные объекты и учеными того времени был сделан вывод о том, что надежную охрану имущественных прав владельца средств индивидуализации может предоставить только право собственности, в связи с чем уже с конца XVIII века имущественные права владельца средств индивидуализации стали рассматриваться с позиции теории права собственности, в основе которой лежала теория естественного права: имущественные права рассматривались не как привилегия, дарованная монархом, а как индивидуальное исключительное право, вытекающее из личности и являющееся ее продолжением [2, с. 5]. Теория права собственности оказала существенное влияние на признание, становление и развитие в старых правовых системах новой категории гражданских прав, но, она была несостоятельной, так как не могла учесть особенности средств индивидуализации (нематериальный характер и др.).

В связи с этим уже к середине XIX века появляются новые взгляды и теории, посвященные правам владельца результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации: теория личного права (результаты интеллектуальной деятельности есть продолжение личности, а значит права на них подлежат защите в силу теории естественных прав, имущественная сторона таких прав вторична), сторонниками которой были О. Гирке, К. Гарейс; теория нематериальных ценностей (права на результаты интеллектуальной деятельности являются нематериальными ценностями), сторонником которой был И. Колер; рентная теория (права на результаты интеллектуальной деятельности позволяют требовать их владельцу вознаграждение от всех, кто пользуется этими правами), сторонником которой был А. Шеффле и другие. Основой современной теории исключительного права стала теория интеллектуальных прав, одним из сторонников которой был бельгийский юрист Э. Пикар.

Права владельца средств индивидуализации, согласно теории

интеллектуальных прав, рассматривались как права особого рода, находящиеся вне классического деления гражданских прав на личные, вещные и обязательственные, и были названы интеллектуальными правами. Еще в начале второй половины XIX века Э. Пикар предложил смелую идею выделить интеллектуальные права в самостоятельную категорию гражданских прав наряду с личными, вещными и обязательственными правами, позже бельгийский юрист определил содержание интеллектуальных прав, а также называл такие права легальной монополией их владельца [9, с. 92].

Теория интеллектуальных прав к концу XIX века приобрела большое число сторонников как среди научного сообщества, так и среди юристов-практиков, а законодатели ряда стран Западной Европы переняли рассматриваемую теорию в национальное законодательство. Теория интеллектуальных прав стала основой закона об авторском праве 1886 года в Бельгии, в котором законодатель старался избежать употребления слова «собственность» для обозначения полноты прав на результаты интеллектуальной деятельности [9, с. 95]. К началу XX века теория интеллектуальных прав заменила господствующую теорию права собственности.

Современная теория исключительного права стала зарождаться на рубеже XIX и XX века, а понятие «исключительное право» является следствием теории монопольных прав. Одним из основателей теории монопольных прав был Э. Роген, который отмечал, что монополия представляет нечто исключительное, а сущность монопольных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации заключается именно в праве запрещать пользоваться и распоряжаться соответствующим предметом другим лицам [7, с. 63]. Согласно рассматриваемой теории права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации являются монопольным (исключительным) правом, в основе которого лежит функция запрета, позволяющая владельцу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации запрещать другим лицам использовать соответствующие результаты и средства.

В Российской империи вплоть до начала XX века имущественные права владельца средств индивидуализации рассматривались с позиции теории права собственности, но взгляды научного сообщества и российского законодателя изменились с принятием в 1896 году Закона «О товарных знаках (фабричных и торговых марках и клеймах)»: права владельца средств индивидуализации стали рассматриваться с позиции теории исключительных прав, которая получила развитие в российской юридической науке в первую очередь благодаря Г.Ф. Шершеневичу и А.А. Пиленко.

Обращая внимание на основания возникновения исключительных прав профессор Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «группа исключительных прав выдвинулась благодаря новейшим социальным условиям», а основанием для установления исключительного права «на клеймо является стремление обеспечить за лицом материальную выгоду, создаваемую его честным отношением к своему торговому делу» [7, с. 72].

В период Новейшего времени товарный знак только получает правовую охрану в большинстве стран мира, а имущественное право на товарный знак рассматривается в странах Западной Европы с позиции теории исключительных прав. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет правовая охрана исключительного права на товарный знак в советский период.

Сразу после Октябрьской революции 1917 года понятие «исключительное

право» было сохранено в законодательстве, а исключительное право владельца товарного знака продолжило рассматриваться с позиции теории исключительных прав. Возникновение исключительного права на товарный знак связывалось с регистрацией товарного знака в установленном законом порядке, ведь, как отмечал профессор С.И. Раевич, «в пользу признания достойными защиты исключительно лишь зарегистрированных знаков говорят ... выводы из общих предпосылок советского права» [6, с. 22].

Законодательные акты в отношении товарных знаков, принятые вплоть до 1962 года, не привнесли новых положений, касающихся исключительных прав на товарный знак. Несмотря на то, что понятие «исключительное право» осталось в советском праве в рассматриваемый период времени, исключительные права, как отмечает С.И. Раевич, привлекали немного внимания советского законодателя и «преимущественно лишь в плоскости определения порядка перехода этих прав от прежних обладателей к государству» [6, с. 4]. Исходя из норм довоенного советского законодательства о товарных знаках можно констатировать, что имущественное право владельца товарного знака лишь номинально считалось исключительным с позиции теории исключительных прав.

После Второй мировой войны взгляды советского законодателя и представителей научного сообщества в отношении прав на средства индивидуализации изменяются: исключительное право перестает рассматриваться с позиции теории исключительных прав, а сама теория получает критику и рассматривается как «буржуазная». Советские ученые отмечали, что исключительный характер права в советском гражданском праве и в «буржуазном» гражданском праве не имеет ничего общего, так исключительный характер права в советском гражданском праве – «одно из средств стимулирования развития авторства», а в «буржуазном» гражданском праве – «одно из орудий эксплуатации авторов», в связи с чем предлагалось исключить из законодательства неясный термин «исключительное право» [1, с. 61]. Вскоре так и случилось: термин «исключительное право» не нашел своего закрепления ни в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 года, ни в утвержденном в 1964 году Гражданском кодексе Белорусской ССР.

Понятие «исключительное право» не содержалось и в постановлении Совета Министров СССР «О товарных знаках», принятом в 1962 году, которое впервые позволило наряду с товарными знаками использовать и знаки обслуживания, а также разрешило владельцу товарного знака предоставлять право использования товарного знака другому лицу по лицензии. Однако стоит отметить, что Положение о товарных знаках, принятое в 1962 году в развитие вышеуказанного постановления, содержало в себе понятие «право исключительного пользования товарным знаком». Такое право предоставляло владельцу товарного знака право пользования товарным знаком, а также право требовать прекращения незаконного пользования тождественным или сходным товарным знаком. Схожие положения, касающиеся исключительного права, содержало и Положение о товарных знаках, принятое в 1974 году, в котором было подчеркнуто, что исключительное право на пользование товарным знаком охраняется государством.

Переосмысление вышеописанных теоретических и законодательных подходов в отношении исключительного права на товарный знак началось еще до начала геополитических преобразований конца XX века: в 1991 году были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, в которых имущественное

право владельца товарного знака определялось как исключительное право на товарный знак; в 1991 году принят Закон СССР «О товарных знаках и знаках обслуживания», в котором предусмотрено исключительное право владельца товарного знака. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что имущественное право владельца товарного знака считалось исключительным правом и рассматривалось с позиции «буржуазной» теории исключительных прав, сформулированной в начале XX века.

В связи с «распадом» СССР оба вышеуказанных правовых акта не вступили в законную силу, но они стали основой для разработки национального законодательства о товарных знаках в странах постсоветского пространства, в том числе и принятого в 1993 году в Республике Беларусь Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания», а «буржуазная» теория исключительных прав вновь стала актуальной, продолжила развитие в работах современных исследователей и получила свое воплощение в актах законодательства.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовая охрана исключительного права на товарный знак имеет неоднозначную историю развития, на протяжении которой исключительное право рассматривалось с позиции разных теорий и взглядов. Стоит отметить, что точка в рассматриваемом вопросе еще не поставлена, появляются новые взгляды и теории в отношении правовой охраны исключительного права на товарный знак, которые заслуживают внимания и представляют интерес для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антимонов, Б. С. Курс советского гражданского права. Авторское право / Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц. – М.: Госюриздат, 1957. – 279 с.
2. Бекур, Д. Французская революция и авторское право: к новому универсализму / Д. Бекур // Бюллетень по авторскому праву. – 1991. – № 4. – С. 3–14.
3. Занько, Е. С. Предпосылки возникновения и особенности развития товарного знака в периоды первобытного общества и Древнего мира / Е. С. Занько // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2023. – № 5. – С. 121–126.
4. Занько, Е. С. Особенности развития товарного знака в Средние века / Е. С. Занько // Сборник статей студентов факультета права Белорусского государственного экономического университета : Вып. 3 / редкол.: О. В. Бодакова [и др.]. – 3-е изд. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 62–65.
5. Лосев, С. С. Исключительные права в системе гражданских прав / С. С. Лосев. – Минск: Бизнесофсет, 2016. – 270 с.
6. Раевич, С. И. Исключительные права. Право на товарные знаки, промышленные образцы, изобретения, авторское право / С.И. Раевич – Л.: Госиздат, 1926. – 139 с.
7. Шершеневич, Г. Ф. Авторское право на литературные произведения / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1891. – 313 с.
8. Paster, V. G. Trademarks - Their Early History: Part I / V. G. Paster // The Trademark Reporter. – 1969. – Vol. 59, iss. 8. – P. 551–572.
9. Picard, E. Le Droit Pur / E. Picard. – Paris : E. Flammarion, 1908. – 401 p.
10. Rogers, E. S. Some Historical Matter concerning Trade-Marks / E. S. Rogers // Michigan Law Review. – 1910. – Vol. 9, № 1. – P. 29–43.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Леонова Е.И., кандидат экономических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно,
Республика Беларусь*

В статье проведено исследование теоретических основ государственного регулирования инновационного предпринимательства в Республике Беларусь, обоснована его необходимость в современных условиях ориентации экономики страны на инновационный путь развития, исследованы основные принципы государственной инновационной политики. Рассмотрены функции государства, связанные с регулированием инновационной деятельности, отражены основные различия в методах реализации финансовых механизмов при осуществлении государственного регулирования инновационной деятельности. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовых актов в области регулирования инновационного предпринимательства и деятельности органов государственного управления, осуществляющих государственное управление научной и инновационной деятельностью в Республике Беларусь.

Основными задачами государства в сфере регулирования инновационного предпринимательства являются: определение приоритетов социально-экономического развития государства и создание эффективной информационной поддержки для всех участников инновационной деятельности; формирование нормативно-правовой базы в области инновационной деятельности, оказывающей стимулирующее действие; финансовая поддержка инноваций и создание условий для сохранения и роста инновационного потенциала, формирования и развития инновационной инфраструктуры, подготовки кадров, которые ориентированы на инновации.

В качестве основных принципов инновационной политики государства можно выделить следующие:

1. ориентация экономики страны на инновационный путь развития,
2. максимальное использование рыночных механизмов в целях активизации инновационной деятельности;
3. увеличение эффективности использования научно-технического потенциала;
4. равенство всех участников инновационной деятельности;
5. обеспечение охраны объектов интеллектуальной собственности с правовой стороны, признание данных объектов источником дохода;
6. осуществление гибкой налоговой, кредитной, таможенной политики в инновационной деятельности. [1]

Функции государства, связанные с регулированием инновационной деятельности:

- определяющая,
- организационная,
- стимулирующая,
- содействующая,
- анализирующая,
- контролирующая.

Определяющая функция состоит в определении целей, задач инновационного развития республики, установлении приоритетных направлений инновационного развития государства и разработке региональной политики инновационного развития

государства.

Организационная функция предусматривает организующее формирование системы государственных органов управления в области инновационной деятельности, формирование правовой базы инновационной деятельности, определяющей формы и методы государственного участия в управлении инновационной деятельностью и регулирующей взаимоотношения между субъектами инновационной деятельности и государством.

Стимулирующая функция заключается в стимулировании инвестирования государственных средств в инновационную деятельность, обеспечении экономических выгод для субъектов инновационной деятельности путем предоставления налоговых и кредитных льгот, снижения таможенных, патентных, арендных платежей, создании повышенного спроса на инновационную продукцию, в том числе путем государственной рекламы данной продукции и ценового регулирования.

Содействующая функция направлена на формирование инновационной инфраструктуры, проявляется в содействии субъектам инновационной деятельности в решении юридических вопросов, сертификации, маркетинговых исследованиях и реализации инновационной продукции.

Анализирующая функция предусматривает проведение аналитического мониторинга и анализ тенденций внутреннего и глобального инновационного развития.

Контролирующая обеспечивает контроль за эффективностью использования государственных инновационных инвестиций и деятельностью государственных инновационных фондов, контроль за экспортом инновационной продукции и ценами на нее.

Методы реализации финансовых механизмов государственного регулирования инновационной деятельности можно сгруппировать в следующие системы методов:

1. Система административно-ведомственных методов: при реализации данных методов управление инновационной деятельностью, в том числе ее финансирование, осуществляется не единым правительственным центром, а разными ведомствами; вместе с тем, в целом координация инновационной деятельности становится затруднительной и возникают определенные проблемы с планированием государственной научно-технической политики;

2. Система программно-целевых методов контроля подразумевает, что финансированию подлежат конкретные инновационные проекты и программы, значительная часть которых выполняется частными исследовательскими институтами и промышленными фирмами; финансирование таких программ и проектов может осуществляться и государственными, и негосударственными структурами.

Рассмотрим варианты программно-целевых систем:

1. Система субсидий: исследовательская, внедренческая, вспомогательная,;
2. Система институциональных программ;
3. Система совместных программ внедрения. [1]

Наиболее эффективным механизмом распространения инноваций является создание инновационных центров и инкубаторов наукоемких производств, которые формируются на базе инновационных центров при научных или образовательных учреждениях, а впоследствии перерастают в крупные зоны активной инновационной деятельности.

В Республике Беларусь основными правовыми актами в области регулирования

инновационного предпринимательства являются:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь, в котором определяется правовое положение участников гражданско-правовых сделок, отражены основания возникновения и порядок осуществления имущественных и иных вещных прав, а также прав на результаты интеллектуальной деятельности, регулируются отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, договорные и иные обязательства, прочие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения;

2. Закон «Об основах государственной научно-технической политики» регулирует отношения, которые возникают между государственными органами и субъектами научной, инновационной деятельности в процессе формирования и реализации научно-технической политики государства. Закон определяет, что наука находится под опекой государства и пользуется его поддержкой как чрезвычайно важная сфера экономического, культурного развития, связей с общественностью. Документ обеспечивает экономические и правовые гарантии научной, технической и инновационной деятельности в стране;

3. Закон «О научной деятельности» направлен на создание благоприятных условий для научной деятельности, усиление государственной поддержки науки, которая является необходимым условием экономического и социального развития нашей страны, повышение интеллектуального и культурного уровня граждан, укрепление авторитета и независимости государства.

В Республике Беларусь органами, которые осуществляют государственное управление инновационной, научной деятельностью, являются Президент Республики Беларусь, Совет Министров, Государственный комитет по науке и технологиям, Высшая аттестационная комиссия, Национальная академия наук Беларуси, а также другие государственные органы в соответствии с их компетенцией.

При Совете Министров создается Комиссия по государственной научно-технической политике. В нее входят представители органов государственного управления, Национальной академии наук Беларуси, научных учреждений, предприятий.

Государственный комитет по науке и технологиям осуществляет регулирование и управление научной и инновационной деятельностью, в частности, в его функции входит:

- анализ мировых технологических тенденций;
- подготовка предложений Правительству в области формирования инновационной инфраструктуры и создания высокотехнологичных производств;
- обеспечение развития системы научно-технической информации;
- осуществление контроля за реализацией научно-технических программ, научным сопровождением государственных, региональных, отраслевых программ, международных инновационных научно-технических проектов;
- планирование подготовки высококвалифицированных ученых по отраслям науки и в целом.

Национальная академия наук Беларуси представляет высшую государственную научную организацию в стране, выполняет функции органа государственного управления, а именно:

- организация и координация фундаментальных, прикладных научных исследований и разработок;
- осуществление научно-методической поддержки при организации

фундаментальных и прикладных научных исследований и разработок, содействие в развитии информатизации;

- внесение предложений в области финансирования инновационной и научно-технической деятельности в республике;

- совместно с Государственным научно-техническим комитетом осуществление мониторинга эффективности использования государственных средств, направляемых на финансирование научных исследований;

- проведение научно-технической экспертизы предложений по приобретению высоких технологий за рубежом, а также дорогостоящего оборудования, прав на использование полезных моделей, изобретений, промышленных образцов, селекционных достижений за счет средств республиканского бюджета;

- совместно с Комитетом осуществление аккредитации научных организаций, утверждение состава экспертных советов, созданных для проведения государственной научной и научно-технической экспертизы.

Основной целью государственного регулирования инновационной деятельности в Республике Беларусь является создание конкурентоспособной, инновационной, высокотехнологичной, ресурсо- и энергосберегающей, экологически безопасной экономики на мировом рынке, обеспечение устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь и повышение качества жизни населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ледницкий, А.В. Механизм организации государственного управления инновационной деятельностью в Республике Беларусь /А.В. Ледницкий. Доступ по адресу: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/11416/1/prezentatsia_6_eiui1.pdf / (дата доступа 11.11.2023 г.).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Мисаревич Н.В., к.ю.н., доц.,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, г. Гродно, Республика Беларусь*

Платоненко Е.И., к.э.н., доц.,

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», г. Гродно, Республика Беларусь

Ключевым элементом во внутренней и внешней политике любого государства является социально-ориентированная экономика. Республика Беларусь проводит успешную экономическую политику, что позволяет отнести нашу страну к наиболее благополучным в этом контексте странам. В рейтинге по Индексу человеческого развития Беларусь в 2023 г. занимала 53 – ю позицию из 189 государств и входила в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития по классификации ООН. А в общем рейтинге национального благосостояния в 2022 г. наша страна заняла 78-е место из 167 государств [5].

Поскольку белорусская экономика обеспечивает социальную защищенность граждан, это вызывает недовольство со стороны западных государств и, как

результат, многочисленные пакеты санкций. В этой связи возникает вопрос об обеспечении экономической безопасности. В первую очередь, это делается с помощью правовых механизмов.

Каждое государство само определяет меры по защите экономической безопасности. По мнению М. А. Дворкиной, в этом вопросе следует основываться «не на копировании каких-то отдельных зарубежных параметров», а на поэтапно разработанных своих инструментах и методах, собственной концепции стратегической безопасности страны в сфере экономики [3]. Автором отмечается, что должна быть определена идеология, ядром которой будет являться обеспечение национальной безопасности государства на всех уровнях, а не только на государственном.

В Директиве Президента Республики Беларусь № 3 от 14 июня 2007 г. «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» обращается внимание на то, что в республике «имеется эффективная и динамично развивающаяся экономика», которая сориентирована на рост благосостояния и повышение качества жизни граждан. Однако существуют общемировые кризисные явления, противоречия, которые оказывают негативное влияние на экономику страны. Применительно к экономической безопасности Республики Беларусь есть ряд проблем, требующих решения, в том числе и правовыми средствами.

Указом Президента Республики Беларусь от 09 ноября 2010 г. № 575 утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, где экономическая безопасность понимается как «состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз». Однако в современных условиях, в связи с изменением и внешнеполитической обстановки в мире, и векторов экономического сотрудничества Республики Беларусь возникла необходимость в корректировке подходов к пониманию сущности национальной безопасности страны и всех ее составляющих.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, которая утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 23 июня 2023 г. № 180), отмечается, что «в новых реалиях» государствам необходимо переориентировать свою экономическую стратегию и политику; основная направленность которой теперь – развитие внутреннего рынка, обеспечение продовольственной безопасности. Поэтому в соответствии с постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 06 марта 2023 г. № 1 «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» экономическая безопасность понимается как «состояние защищенности» сфер национальной экономики страны от различного рода угроз, что препятствуют социально-экономическому развитию Беларуси.

В данном аспекте необходимо определиться с сущностной характеристикой понятий: «безопасность» и «защищенность». А. А. Жариков под безопасностью понимает «такое состояние субъекта, при котором вероятность изменения присущих этому субъекту качеств и параметров его внешней среды невелика, меньше определенного интервала» [4, с. 5]. М. А. Гундорова отмечает, что безопасность – это «внутреннее состояние человека, который считает себя защищенным от всевозможных угроз» и суть данного термина впервые было раскрыто уже в Словаре Роберда в 1190 г. [2, с. 5]. По мнению В. Н. Авдийского, поддержание общественной

безопасности является одной из важнейших целей любого государства, а с конца XVII века обеспечение безопасности – это и часть национальной государственной политики [1, с. 29].

В современных условиях под безопасностью следует понимать такое положение, при котором значимые для жизни интересы человека, общества и государства в целом с помощью определенных способов и механизмов защищаются от внутренних и внешних угроз. Это означает, что безопасность предполагает «спокойное» существование субъекта общественных отношений в конкретном государстве, гарантированность охраны прав и законных интересов от посягательств со стороны третьих лиц.

Одной из составляющих национальной безопасности Республики Беларусь и является экономическая безопасность, которая затрагивает практически все стороны жизнедеятельности государства и общества. Именно экономическая безопасность позволяет создать и поддерживать комфортные условия для существования индивида, а также решать вопросы социально-экономической значимости в стране.

Состояние «защищенности» означает, что государство имеет возможность обеспечить жизненно важные интересы личности, общества и защитить их от внутренних и внешних угроз. Для этого задействуются не только правовые, но и организационные механизмы защиты интересов государства и частных лиц. Указом Президента Республики Беларусь от 28 мая 2008 г. № 371 была создана Межведомственная комиссия по безопасности в экономической сфере при Совете Безопасности Республики Беларусь (действует в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 01 августа 2022 г.). Основными задачами деятельности данной структуры являются: участие в определении жизненно важных интересов Беларуси в экономической сфере; разработка мер противодействия внутренним и внешним угрозам в данной сфере; участие в разработке приоритетных направлений обеспечения безопасности Республики Беларусь в экономической сфере;

Можно выделить несколько аспектов состояния защищенности:

- уровень финансово-экономических ресурсов является достаточным для того, чтобы обеспечить необходимый уровень национальной безопасности страны;
- создаются благоприятные условия для развития экономики (государственный и частный сектора);
- имеются механизмы по защите экономических интересов государства как внутри страны, так и за ее пределами.

В XXI в. проблема обеспечения экономической безопасности стоит достаточно остро и является одной из важнейших задач Республики Беларусь. Среди основных направлений по ее реализации можно назвать следующие:

- поддержание устойчивых темпов формирования субъектов экономических коммуникаций;
- правовая поддержка всех участников общественных отношений;
- выработка эффективных механизмов обеспечения экономической безопасности;
- определение и конкретизация основных национальных интересов в экономической сфере (например, обеспечение ценовой и финансовой стабильности; развитие национального финансового рынка; обеспечение продовольственной безопасности и т.д.).

Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь, в соответствии с которой

обеспечение различных сфер национальной безопасности (включая и экономическую) должно осуществляться правовыми средствами, так как именно законодательство должно не только оперативно реагировать на любые вызовы и угрозы, но и «профилактировать, предупреждать возможные риски».

На законодательном уровне в Республике Беларусь определены угрозы национальной безопасности, которые носят комплексный характер и взаимосвязаны, т.е. имеют отношение и к политической, и к экологической, и к экономической, и к другим видам безопасности. Выделим несколько:

- вмешательство во внутренние дела государства (в экономической сфере – установление барьеров и дискриминационных условий осуществления экспортно-импортных операций; ухудшение условий внешней торговли путем введения различного рода санкций);

- снижение уровня благосостояния и качества жизни населения (например, использование устаревших технологий при производстве товаров; низкое качество выпускаемой продукции; неблагоприятные условия для привлечения инвестиций и кредитов);

- потеря внешних рынков (в экономической сфере это может быть снижение уровня или отказ отдельных стран сотрудничать с белорусскими предприятиями; ограничение транзитных возможностей Республики Беларусь).

Экономическая безопасность – это многоуровневое явление, которое включает следующие элементы: финансовый, производственный, продовольственный, энергетический. М. А. Гундорова еще выделяет автотранспортный и обороннопромышленный уровни [2, с. 20]. Например, производственная безопасность включает способность государства незамедлительно возместить субъектам хозяйствования потери при нарушении внешнеэкономических или внутригосударственных экономических отношений (в результате санкций или иных неблагоприятных последствий); продовольственная безопасность рассматривается как такое положение экономики страны и всего агропромышленного комплекса, при котором обеспечиваются все потребности общества в продуктах питания и товарах и т.д.

Таким образом, экономическую безопасность следует рассматривать как такое состояние экономики государства, при котором имеются особые механизмы и способы, что позволяют обеспечить ее защищенность, стабильность и поступательное развитие, несмотря на существующие внутренние и внешние угрозы. Ключевым моментом здесь выступает стабильность экономической системы государства, которая и позволит «пережить внешние и внутренние потрясения».

Уровень защищенности экономической безопасности страны зависит от многих факторов. Чтобы противостоять современным угрозам, прежде всего, необходимо на законодательном уровне определить внешнеэкономические приоритеты государства, выработать действенные механизмы обеспечения достойного уровня жизни населения и соблюдения неотъемлемых экономических прав и свобод. Только сильная экономика позволит успешно защищать национальные интересы в условиях глобализационных процессов и меняющейся внешнеполитической обстановки. Для реализации этих задач необходимо точно и ясно понимать сущность и составляющие экономической политики государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдийский, В. И. Теневая экономика и экономическая безопасность государства :

- учебное пособие / В. И. Авдийский, В. А. Дадалко. – М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2018. – 496 с.
2. Гундорова, М. А. Экономическая безопасность : учеб. пособие / М. А. Гундорова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. – 207 с.
3. Дворкина, М. А. Нормативно-правовое обеспечение экономической безопасности (на примере Республики Беларусь и США) / М. А. Дворкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/2052/%20%20%20%20%20%20%20%20+.%20.%20.pdf?>. – Дата доступа : 02.03.2024.
4. Жариков, А. А. Экономическая безопасность государства : учебное пособие / А. А. Жариков; Северо-Западный институт (филиал) Ун-та О. Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда, 2021. – 74 с.
5. Исаенок, С. Всеум основа: что говорится в проекте Концепции национальной безопасности об экономической сфере / С. Исаенок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/june/74589/>. – Дата доступа : 02.03.2023.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Мурина Е.Э., магистр юрид. наук

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно, Республика Беларусь

Правовое воспитание представляет собой сложный, многогранный процесс, решающий задачи формирования высокого правосознания и высокой правовой культуры. Правовое воспитание граждан является важнейшим направлением правовой политики Республики Беларусь, играет ключевую роль в формировании законопослушного поведения всех членов общества. Под правовым воспитанием понимается «целенаправленная деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан» [1, с. 120]. Стабильное и эффективное правовое регулирование общественных отношений напрямую зависит от организации качества правового воспитания и правового просвещения, особенно повышения в этом процессе роли государства.

Государственные и общественные институты образуют институциональную модель правового воспитания в республике. В Постановлении Совета Министров Республики Беларусь «О правовом просвещении граждан в 2021–2025 годах» в качестве субъектов правового воспитания зафиксированы государственные и негосударственные институты правового воспитания и обозначены мероприятия, которые они должны проводить. Комплексный план, заложенный в данном Постановлении, включает 50 конкретных предложений от 60 государственных органов и организаций, общественных объединений и учреждений. В нем нашли отражение не только традиционные мероприятия, форумы, конкурсы и проекты, предусмотрено применение современных инструментов консультирования граждан по правовым вопросам [2].

На центральном уровне институциональными субъектами организации правовоспитательных мероприятий являются Министерство юстиции Республики Беларусь, Верховный Суд, Генеральная прокуратура, Следственный комитет,

Государственный комитет судебных экспертиз, ОО «Белорусский республиканский союз юристов», Белорусская нотариальная палата, Федерация профсоюзов Беларуси, Белорусская республиканская коллегия адвокатов и др. В задачи республиканских институтов правового просвещения и воспитания входят проведение приемов граждан и представителей юридических лиц, встречи с населением по правовым вопросам; прямые телефонные линии с населением; организация и проведение выступлений, лекций, бесед в трудовых и учебных коллективах по актуальным для граждан вопросам применения нормативных правовых актов [1]. Координирующая роль на центральном уровне принадлежит Министерству юстиции Республики Беларусь, Национальному центру правовой информации (НЦПИ), Белорусской нотариальной палате, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусской республиканской коллегии адвокатов, Белорусскому республиканскому союзу юристов [1]. Наиболее действенными формами работы по правовому воспитанию этих ведомств являются семинары по вопросам повышения качества проектов нормативных правовых актов, международные и республиканские конференции, вебинары, в том числе применение института медиации, как одного из альтернативных способов разрешения споров, а также обучение работников юридических служб государственных органов, осуществляющих подготовку проектов правовых актов, в рамках повышения их квалификации.

Эти же задачи ставятся и перед региональными структурами - облисполкомами, райисполкомами. В структуре исполкомов существуют специальные отделы: по работе с обращениями граждан и юридическими лицами, образования, идеологической работы и по делам молодежи, спорта и туризма, культуры.

Наиболее важным институтом в организации правового воспитания, наряду с государством, является институт образования. Содержанием правового воспитания в его системе является разработка и внедрение вопросов правового воспитания в специализированные учебные программы и факультативы по правам человека; организация выпуска учебных изданий по правовой культуре, профилактике девиантного поведения несовершеннолетних; формирование психосоциальных компетенций подростков в процессе социализации; мероприятия, направленные на повышение ответственности родителей за безопасность детей и организацию их занятости в свободное время; проведение конкурсов творческих работ обучающихся, акций, викторин, олимпиад на правовую тематику и пр. [1].

Отдельным блоком организации правовоспитательной работы в системе образования выступает правовое воспитание будущих юристов в 18 вузах республики. Одной из главных задач системы юридического образования является изменение профессионального сознания студентов и уже практикующих юристов формирование устойчивого интереса к правоохранительной деятельности. Нельзя не отметить особенности правового воспитания курсантов специализированных военных, пограничного и правоохранительного вузов нашей страны (Военная Академия Республики Беларусь, Институт пограничной службы, Белорусская государственная академия авиации, Могилевский институт МВД, Университет гражданской защиты МЧС, 7 военных факультетов в различных университетах). Одной из главных учебных целей этих заведений является формирование у военнослужащих правовых знаний, необходимых для выполнения поставленных служебно-боевых задач.

Огромный сегмент правовоспитательной работы связан с органами

правопорядка: областными и районными отделами внутренних дел, военном и пограничным ведомствами, МЧС, пенитенциарной системой. Важную роль играет система органов, осуществляющих профилактическую работу с несовершеннолетними. К ним относятся комиссии по делам несовершеннолетних, органы управления образованием, учреждения социального обслуживания, опеки и попечительства, здравоохранения, органы по труду, занятости и социальной защите, инспекции по делам несовершеннолетних и пр. В работе с ними применяются такие формы и методы, как изучение особенностей личности подростка, посещение на дому с целью контроля за их занятостью в свободное от занятий время, подготовкой к занятиям, вовлечение трудных подростков в общественно-значимую деятельность, профилактические беседы и пр.

Отметим, что к правовому воспитанию населения активно привлекается весь компетентный юридический корпус республики (судьи, адвокаты, юрисконсульты, нотариусы, руководители ОВД и РОВД и др.). В их практике уже прочно закрепилось регулярное информирование населения о результатах деятельности судов общей юрисдикции, в том числе о рассмотрении социально значимых дел и дел, вызывающих широкий общественный резонанс, посредством предоставления сведений средствам массовой информации и размещения их на интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Огромное значение в деле правового просвещения и воспитания имеет институт СМИ: радио, телевидение, интернет-ресурсы, мобильные мессенджеры. СМИ проводят «правовую профилактику», публично формулируют правовые проблемы и запросы, которые идут от граждан, критикуют законодательство и т.д., то есть создают почву для широкого обсуждения эффективности правовой системы. Так, широкую популярность приобрели правовые проекты белорусского телевидения «100 лет на службе закону и Отечеству», «Фактор X» и пр. Среди печатных изданий отличаются газеты «Советская Белоруссия», «Звезда» «Рэспубліка» и прочие, которые уделяют много внимания правовому воспитанию граждан на своих страницах.

Значимую роль в правовом воспитании населения Республики Беларусь играют общественные организации и политические партии. Особое значение имеют молодежные общественные организации, которых в республике более 200. Наиболее значимыми из них являются «Белорусский республиканский союз молодежи», «Белорусская республиканская пионерская организация», «Республиканский союз общественных объединений», «Белорусский комитет молодёжных организаций» и др. Что касается политических партий, большим потенциалом обладает партия «Белая Русь». Не менее активной в отношении правового воспитания является Либерально-демократическая партия Беларуси, которая видит правовое воспитание в тесной связи с патриотическим воспитанием.

Работа по правовому воспитанию в трудовых коллективах предприятий и организаций проходит под эгидой профсоюзов, которые организуют ежемесячные республиканские профсоюзные приемы по правовым вопросам.

Таким образом, в Республике Беларусь активно сформирована модель правового воспитания, которая имеет четкую плановую основу, глубокое содержательное наполнение и юридически прописанную ответственность за эту работу различных государственных и общественных институтов. Организация правового воспитания в Республике Беларусь охватывает все сферы, формирующие правовую культуру населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Матузов, Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И Матузов, А.В. Малько. [Электронный ресурс]. – Образовательный проект. – 2004. – Режим доступа https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf. – Дата доступа: 28.01.2023.
2. О правовом просвещении граждан в 2021–2025 годах : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2021 года. № 107 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – 2021. - Режим доступа: <http://bseu.by/russian/general/uvr/docs/plan2021-2025.pdf>. - Дата доступа: 17.02.2023.

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ

Павленко Н. А., магистрант

*УО «Гродненский государственный аграрный университет», г. Гродно,
Республика Беларусь*

Научный рук. Хатеневич Т. Г.

На показатели инвестиционного климата напрямую влияет ряд факторов, которые могут иметь как позитивный, так и негативный характер. Очень важно владеть понятийным аппаратом из этой области и понимать специфику и значение различных факторов, что позволит учесть их влияние при проведении политики повышения инвестиционной привлекательности страны или региона. Это даст возможность правильно расставить акценты и определить направления для работы, что в перспективе обеспечит повышение инвестиционной привлекательности. Таким образом, вопрос исследования актуален.

Успешное привлечение инвестиций в качестве одного из эффективных способов экономического роста невозможно без создания благоприятного инвестиционного климата. Данный термин имеет множество формулировок. Одна из них характеризует инвестиционный климат как «совокупность политических, экономических, социальных и юридических условий, благоприятствующих инвестиционному процессу; равных для отечественных и иностранных инвесторов, одинаковых по привлекательности для вложения в национальную экономику» [2, с. 121].

Благоприятный инвестиционный климат важно сформировать, но не менее важно его поддерживать и развивать. Решение задачи требует комплексного подхода, ведь инвестиционный климат – это комбинация внешних и внутренних факторов, которые оказывают прямое влияние на приток инвестиций в экономику как на макро-, так и на микроуровнях. На макроэкономическом уровне – это повышение темпов роста валового внутреннего продукта, ускорение научно-технического прогресса, повышение конкурентоспособности продукции на внешних рынках, развитие экономических отношений за счет возникновения новых производств и технологий, обеспечение отраслевой сбалансированности общественного производства, создание новых рабочих мест, улучшение благосостояния общества за счет удовлетворения социальных потребностей и развития инфраструктуры. Как отмечает В. М. Кудров, сюда же стоит добавить повышение национальной безопасности государства и укрепление его обороноспособности [5, с. 68].

На микроэкономическом уровне можно говорить о возмещении износа

основных промышленных фондов, повышении финансовой стабильности отдельных предприятий, расширении воспроизводства товаров и услуг, повышении качества продукции и технического уровня конкретных производств, что подчеркивается в работах А. Б. Идрисова, С. В. Каргышева, А. В. Постникова [4, с. 174].

Рассматривая вопрос о значении инвестиционного климата, подведем итог: когда инвестиционный климат благоприятен, возрастает инвестиционная активность, что в свою очередь обеспечивает развитие экономики по целому ряду аспектов.

Но инвестиционный климат – это не абстрактное понятие, существующее в вакууме общественных процессов. При определении степени привлекательности инвестиционного климата учитывают множество факторов. С. И. Абрамов разделяет эти факторы на политические, экономические, социальные, экологические, инфраструктурные, законодательные, инновационные, криминальные, трудовые, финансовые, производственные, инвестиционные, ресурсно-сырьевые [1, с. 76]. Следует рассмотреть основные из вышеперечисленных факторов более подробно.

Факторы *политического характера* определяются авторитетностью территориальных органов управления, стабильностью административных и нормативных правовых процессов. Ключевой параметр – стабильность политической среды. Отсутствие стабильности и политические конфликты способны приводить к непостоянству правовых норм, созданию рисков и неопределенности для инвесторов.

В современном динамически меняющемся мире важна и геополитическая обстановка. Уровень политической стабильности в регионе, взаимоотношения с другими странами, региональная безопасность, наличие конфликтов и потенциальных угроз, надо признать, и санкционные ограничения – все это оказывает прямое воздействие на решения по инвестированию.

Факторы *экономического характера* характеризуются структурой экономических параметров территориального развития, уже имеющимися инвестиционными объектами и их эффективностью, уровнем инфляции, стабильностью курса национальной валюты, отсутствием финансовых кризисов, размерами рынка и потенциалом его роста. Основное значение имеет экономическая стабильность и прозрачность, ведь инвесторам нужна уверенность в отсутствии и (или) минимизации рисков, возможность экономического прогнозирования. Если взять для примера Республику Беларусь, то по данным Национального статистического комитета на протяжении 2016-2022 гг. ежегодно около 20 % консолидированного бюджета страны направлялось на инвестирование в основной капитал. В Гродненской области этот показатель в 2016 г. составлял 50,9 %. В последующие два года держался на этом уровне и затем несколько снизился – до 29,6 % в 2022 г. В целом по стране объем инвестиций в основной капитал за обозначенный шестилетний период возрос и в 2022 г. составил 28461,7 млн. руб., что на 39,5 % выше уровня 2018 г. Наибольшие суммы инвестированного капитала наблюдались в Минской области и г. Минске [6].

Под факторами *финансового характера* понимают объем доходной части бюджета, финансовую устойчивость предприятий, прибыльность, уровень развития финансовой системы, наличие и доступность кредитования, наличие инвестиционных фондов и других финансовых инструментов, особые финансовые условия для инвесторов. Для инвестора критериями может выступать, является ли доступ к финансированию легким, развиты ли финансовые институты.

Факторы *ресурсно-сырьевого характера* определяются существующими запасами основных видов природных и культурно-исторических ресурсов, наличием

и уровнем доступности и разработанности природных богатств.

Как отмечает В. Г. Золотогоров, немаловажную роль играют и *социальные факторы*, характеризуемые уровнем безработицы, степенью обеспеченности населения жильем, покупательной способностью населения [3, с. 79]. Наличие социальной нестабильности самым неблагоприятным образом отражается на инвестиционной привлекательности.

Особое значение имеют *трудовые* или *кадровые* факторы, которые определяются наличием квалифицированных трудовых ресурсов. Сюда же следует отнести уровень образования и навыки рабочей силы: доступность образования, квалификация рабочей силы – все это играет важную роль в привлечении инвестиций, т. к. высококвалифицированная рабочая сила способствует инновациям и повышению конкурентоспособности.

Инфраструктурные факторы характеризуются уровнем инфраструктурной обеспеченности территории: транспортной, энергетической, социальной, коммуникационной. Развитая инфраструктура снижает операционные издержки и облегчает бизнес-процессы.

Законодательные факторы характеризуются всем спектром действующих законов и норм, прямо или косвенно влияющих на инвестиционную деятельность. В первую очередь, это касается действующей правовой системы. Эффективность судопроизводства, устойчивость законодательных норм, действующие механизмы регулирования и разрешительных процедур, простота и эффективность регистрации бизнеса и получения разрешений – все это не должно создавать дополнительных препятствий для потенциального инвестора, а гарантии соблюдения прав частной собственности и возможность их защиты в случае споров понижают риски и повышают инвестиционную привлекательность. Например, в Республике Беларусь законодательство в сфере регулирования инвестиционных процессов относительно стабильное. Костяк нормативных правовых актов составляют законы «Об инвестиционных фондах», «О государственно-частном партнерстве», «Об инвестициях» и «О концессиях». Существующее законодательство не только способствует организации бизнес-процессов, но также устанавливает определенные условия, направленные на защиту интересов бизнеса и предлагающие различные варианты снижения финансовых издержек и рисков.

Отдельного упоминания заслуживает налоговая политика. Если речь идет о стабильной и справедливой налоговой системе, прозрачности и предсказуемости, можно говорить о том, что существующая налоговая система является рациональной, что способствует созданию благоприятного инвестиционного климата. Напротив, высокие ставки, сложность налогового регулирования, запутанные процедуры могут отпугнуть потенциальных инвесторов.

Имеют значение и такие факторы, как географическое положение региона, экологическая обстановка и уровень загрязнения окружающей среды, природно-климатические условия, криминальные факторы (состояние антикоррупционной политики, уровень преступности).

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения, можно сформулировать авторское определение факторов, влияющих на инвестиционный климат. В общем виде их можно представить как комплекс экономических, правовых, финансовых, инфраструктурных и прочих характеристик и предпосылок, предопределяющих привлекательность и целесообразность инвестирования в ту или иную хозяйственную систему, будь то экономика страны, региона или корпорации. Действительно, если

создаются привлекательные условия для инвесторов, то обеспечивается защита инвестиций и инвестиционной деятельности, их правовая охрана; исключаются меры дискриминационного характера и препятствование управлению инвестициями; гарантируется возмещение убытков по упущенной выгоде в случае национализации и т. д., то есть в целом действуют определенные механизмы государственных гарантий. Каждый из указанных выше факторов имеет свое значение в формировании общей картины. В итоге становится очевидно, что улучшение инвестиционного климата невозможно без учета все соответствующих факторов в совокупности. Именно поэтому работа с факторами, влияющими на инвестиционный климат и инвестиционную привлекательность – это стратегически важное направление, которое является вкладом в будущее страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов, С. И. Управление инвестициями в основной капитал / С. И. Абрамов. – М.; Экзамен, 2002. – 544 с.
2. Велесько, Е. И. Инвестиционное проектирование / Е. И. Велесько, А. А. Илюкович. – Минск : БГЭУ, 2003. – 225 с.
3. Золотоголов, В. Г. Инвестиционное проектирование / В. Г. Золотоголов. – Минск : Книжный Дом, 2005. – 368 с.
4. Идрисов, А. Б. Стратегическое планирование и анализ эффективности инвестиций / А. Б. Идрисов, С. В. Картышев, А. В. Постников. – М. : ИИД «Филинг», 2017. – 272 с.
5. Кудров, В. М. Мировая экономика / В. М. Кудров. – М. : Юстицинформ; Омега – Л., 2009. – 512 с.
6. Регионы Республики Беларусь: в 5 т. /сост. И. В. Медведева [и др.]. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь, – Том 1. Социально-экономические показатели 2023 / Статистический сборник / сост. И. В. Медведева [и др.]. – 2023. – 690 с.

БИТВА ПРИ СТАМФОРД-БРИДЖ 1066 Г.: К ВОПРОСУ О РОЛИ КАВАЛЕРИИ

*Розмысл Е. В. студент 4 курса,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Республика Беларусь
Учитель истории Средней школы № 16 им. А. Сухомбаева г. Гродно
Научныйрук. Васюк Г. В.*

Битва при Стамфорд-Бридж, ставшая кульминацией норвежского вторжения в Англию с целью подчинить себе бывшие владения Кнуда Могучего (1016–1035 гг.) Харальдом III Суровым (1047–1066 гг.), считается завершением эпохи викингов IX–XI вв. в Северной Европе. Однако, ввиду недостаточных сведений в источниках, существуют споры об участии в данном сражении кавалерии со стороны англосаксонской армии Гарольда Годвинсона (1066 г.).

Ещё во времена Магнуса Доброго (1035–1047 гг.) в 1038 г. между ним и наследником Кнуда, королём Дании Хардыкнудом (1035–1042 гг.) был заключён договор, согласно которому, тот из них, кто скончается первым, уступит своё королевство другому, о чем подробно повествует «Гнилая Кожа», цитируя слова Нортумбрийского эрла Тостига Годвинсона – изгнанного брата Гарольда: «Он объяснил, какие клятвы были даны королем Магнусом Добрым и Хардыкнудом, и что

король Магнус был законным наследником Хардыкнуда, и как Король Магнус сожалел над королем Эдуардом, не претендуя на его королевство и прилив в Англии, а также в Дании. «Но кто является законным наследником королевства короля Магнуса? Не кто иной, как ты, его дядя, король Харальд» [7, p. 262].

Как мы видим. Харальд не претендовал на Англию до тех пор, пока был жив бездетный Эдуард Исповедник, который скончался в январе 1066 г. На престол вступил Гарольд Годвинсон и Харальд, будучи преемником Магнуса, опираясь на договор 1038 г., мог теперь потребовать Англию обратно.

Высадившись в Нортумбрии, 20 сентября норвежский король разгромил при Фулфорде войско эрлов Мерсии и Нортумбрии Эдвина и Моркара, подчинив себе Йорк, после чего войско разместилось на равнине у реки Дервентвозле моста Стамфорд-Бридж. Здесь Харальд отправил треть своей армии под командованием его тестя Эйстейна Тетерева к Риккалу для охраны кораблей, а остальным, учитывая летнюю жару, было разрешено снять доспехи и оставить их в лагере. Даже король оставил свою знаменитую непроницаемую кольчугу «Эмма» [6, p. 320]. 26 сентября викингов настигло войско Гарольда, которое норвежцы совсем не ждали: они не выставили разведчиков ни внутри, ни поблизости от Йорка [5, p. 268; 6, p. 319].

Точная последовательность событий битвы при Стамфорд-Бридж варьируется от одного рассказа к другому, особенно между английскими и скандинавскими источниками. Ни один из авторов не участвовал в боевых действиях, и большинство писали спустя годы, десятилетия или столетия после этого события [6, p. 322].

Наиболее знаменитый источник о данном сражении – «Сага о Харальде Суровом» Снорри Стурлулсона повествует: «Тут началась битва, англичане поскакали на норвежцев. Отпор был сильным. Стрелы мешали англичанам наступать на норвежцев, и они стали окружать их. Пока норвежцы прочно держали строй, битва шла вполсилы. Англичане быстро нападали и отходили, не сумев ничего достигнуть. Увидев, что на них нападают вполсилы, норвежцы сами стали наступать, думая обратить противника в бегство, но когда стена из щитов распалась, англичане стали нападать на них со всех сторон, осыпая их копьями и стрелами» [3, с. 458].

Начальное свидетельство, содержащееся в прозаическом повествовании, противоречит всему, что мы знаем о военном искусстве англосаксов из более ранних источников [4, с. 205]. Это является и основной причиной, по которой большинство историков отвергают данное повествование об этой битве, считая, что Снорри перемешал сведения у Стамфорд-Бридж с битвой при Гастингсе, произошедшей спустя три недели [5, p. 272].

С этими утверждениями вполне можно было бы согласиться. Англосаксонская хроника очень кратко свидетельствует о сражении: «Наш король, застиг норманнов врасплох: он встретил их неподалеку от Йорка, у Стамфордского моста, с большим войском англо-норманнов, и оба войска яростно сражались целый день. Там были убиты Харальд Харфагер и эрл Гости; после этого норманны, которые еще оставались в живых, бежали, а англо-норманны преследовали их и убивали» [1, с. 130, 132].

«История Англо-норманнов» Генриха Хантингдона также не даёт каких-то подробностей, однако на заключительном этапе битвы сообщается интересная деталь: «Англо-норманны бросились наступать и убили короля Харальда и эрла Гости, а всех норвежцев повергли оружием или изничтожили огнем» [2, с. 285]. Фразы «бросились наступать» и «изничтожили огнем» можно рассматривать по-разному, однако не исключено, что здесь речь идёт о кавалерийской атаке.

Опровергнуть тезис смешения Снорри битвы при Стамфорд-Бридж с

Гастингсом позволяет «Гнилая Кожа» – повесть, посвященная норвежским королям: Магнусу Доброму и Харальду Суровому, где также говорится об атаке кавалерии: «Англичане поскакали на норвежцев, и встретили ожесточенное сопротивление» [7, р. 271]. Источник известен с начала XIII в., Круг Земной – несколько позже, при этом Снорри наверняка компилировал сведения «Гнилой Кожи»: эпизоды про Харальда практически полностью идентичны, более того, в «Саге о норвежских королях» отдельно отмечена битва при Гастингсе: «Это произошло через двенадцать месяцев после падения короля Харальда Сигурдссона, и битва закончилась для Гарольда неудачно. Король и его брат Гирт пали там. Вильгельм стал королем» [7, р. 277].

Помимо описаний в источниках, необходимо обратить внимание, что между битвами при Фулфорде и Стамфорд-Бридж прошло меньше недели. Расстояние от Лондона до Йорка более 200 миль (300 км). Ещё когда Тостиг совершал нападения на остров Уайт и другие места вдоль южного побережья Англии до Сандвича Гарольд, двинулся, чтобы противостоять его угрозе. Он оставался там в течение всего лета и до осени, пока больше не могли там быть [5, р. 262]. Причина этого очевидна – они ожидали высадки Вильгельма Нормандского, куда более опасного претендента на английский трон.

Но когда Гарольд узнал о вторжении норвежцев? К. Девриз считает, что 16 сентября [5, р. 264]. Более современные исследования предполагают, что 20, когда северные эрлы послали весть о норвежском вторжении. Король немедленно стал собирать войско, объявив третий призыв за год! [4, с. 200]. Форсированный марш его армии из Лондона в Йорк за пять дней – является одним из величайших достижений военной тактики в средневековой истории. Даже если взять более ранние даты известия о вторжении, это не умаляет величия подвига. Обычное путешествие до столицы Нортумбрии занимало около двух недель, при условии, что дороги были в хорошем состоянии. Дорога из Лондона в Йорк, прямая и мощеная, была построена римлянами именно для такой быстрой переброски войск к Адрианову валу – рубежу между Римом и варварами [6, р. 318; 5, р. 264].

Войска, шедшие на север, были вынуждены проходить 20-25 миль в день. Большинство этих войск были конными, потому что пехотные войска могли бы проходить маршем максимум 15 миль [5, р. 266]. Кроме этого, нужно было вновь собрать армию после того, как Гарольд распустил её для сбора урожая. Король отправился в путь с большим количеством своих конных воинов – хускарлов, заново набирая свои отряды в деревнях по пути. Но даже чтобы день и ночь толкать тысячи людей пешком в полном вооружении требовалась исключительная степень лидерства [6, р. 318].

О том, что хускарлы – тяжеловооруженные англосаксы, передвигались на конях не исключено, но при этом считается, что они сражались пешими [4, с. 201]. Но так ли это? Во-первых, ещё в 1050-е гг. Годвинсоны контролировали все рычаги управления Англией, что позволяло Гарольду проводить военные преобразования. Во-вторых, он провел время на континенте среди норманнов и даже сражался на стороне Вильгельма Нормандского, где, без сомнения, ознакомился с тактикой кавалерии [6, р. 322]. Следовательно, внедрение конных войск имеет место быть. Это было бы логично, если бы большинство войск составляли хускарлы [5, р. 266]. Другая часть войска представляла собой фирд, или ополчение, которое собиралось из населения скиров. Он состоял из подготовленных людей, которых их земляки избрали на эту роль. В фирд входили также отряды, собранные и снаряжены монастырскими общинами [4, с. 203]. Учитывая, что уже третий раз подряд Гарольд собирал войско,

то не исключено, что фирд смог грамотно организовать для похода: большая часть урожая уже была собрана [5, р. 264].

Детали топографии местности битвы нам известны не до конца. С одной стороны, она давала преимущество викингам: они удерживали оба берега Дервента и, что наиболее важно, пешеходный мост между ними. Позади моста на восточном берегу реки, где Харальд разбил лагерь, была возвышенность, склон которой более резко поднимался от берега реки – здесь нелегко было передвигаться, что защитило бы норвежцев от сюрприза, который преподнес им Гарольд. Чтобы победить, англосаксы должны были пересечь мост раньше, чем к норвежцам прибыло бы подкрепление. Норвежцам же требовалось удерживать его: необходим был небольшой отряд в тесноте моста. Это можно было бы сделать, если бы Харальд и Тостиг знали о прибытии войска Гарольда. Однако их люди были не только в значительном меньшинстве, но и совершенно не готовы к бою. Вина лежит на самом Харальде – он повел себя слишком самоуверенно, оставив доспехи в Рикале и решив, что им ничего не грозит [5, р. 269–270; 6, р. 322, 320; 4, с. 203].

Неожиданной атаке помогли и сами действия Гарольда: «После захода солнца король Гарольд прибыл в город (Йорк) с юга с огромной армией, и он въехал в город с разрешения и одобрения горожан. Все ворота и стены были заперты и охранялись, и ни одно слово не должно было дойти до норвежцев» [7, р. 267].

В пользу наличия у англосаксов конницы может говорить построение войска Харальда после захвата моста людьми Гарольда: «Конунг выстроил свое войско так, чтобы ряды были длинными, но не глубокими. Он отвел оба крыла назад, так что они сомкнулись. Образовался широкий и плотный круг, ровный снаружи, щит к щиту во всю глубину строя. А дружина конунга находилась внутри круга вместе со знаменем «Опустошитель земель» [3, с. 456]. Его дополняет «Гнилая кожа»: «Пики были установлены таким образом, что лошади не могли проехать мимо них» [7, р. 271]. И это логично: лошади откажутся бросаться на изгородь из копий [6, р. 327].

Описание схоже с построением с одной стороны, традиционной «стены щитов» времён викингов, с другой – круговая оборона нужна только в одном случае – не допустить обхода во фланг, и Харальд прекрасно знал, насколько это важно, прослужив 13 лет у ромеев и видя свирепый натиск тяжеловооружённых катафрактов.

Данный тезис подтверждает камень во дворе церкви в Аберлемно, в Шотландии, датируемый серединой IX в., с вырезанным на одной стороне изображением битвы с всадниками, окружающими пехоту. Несмотря на то, что у нас середина XI в., это говорит о том, что подобные сражения уже имели место быть. К тому же, щиты, поднятые над головой, защищали от вражеских лучников, а круговое построение не оставляло слабых мест, которыми мог бы воспользоваться враг [6, р. 325].

Единственной эффективной атакой противощетинившейся копьями стены щитов была пехота, особенно при численном преимуществе. Гарольд не тратил впустую свою пехоту на пролом «стены щитов», поскольку знал, что ему противостоят не все силы захватчиков и что его численность понадобится против неизбежного прибытия вражеских подкреплений. Вместо этого он попытался использовать скорость и маневренность своих всадников, чтобы разрушить стену щитов с безопасного расстояния [6, р. 328, 326].

После утраты моста у Стамфорд-Бридж рельеф местности обеспечивал тактическое преимущество англосаксам [4, с. 204]. Тесно сгрудившись вокруг плацдарма, даже спрятавшись за стеной из щитов, викинги были легкой добычей для

английских лучников – у норвежцев отсутствовали доспехи. Их щиты из липы, ольхи или тополя останавливали большинство стрел, но щит, пронзенный копьем, – нет. Лучники, не встретив сопротивления, подошли бы на расстояние выстрела в упор, и, судя по тактике короля Гарольда в предстоящем сражении, англосаксы послали всадников на расстояние метания копий. Поначалу норвежская стена щитов стойко отражала эти атаки, даже изводя атакующих постоянным шквалом огня из лука изнутри кругового строя. В конце концов, достаточное количество викингов пали так, что их стена из щитов раскололась [6, р. 323; 5, р. 288]: «Разница в численности была настолько велика, что англичане дестабилизировали положение норвежских войск, окружили их и атаковали со всех сторон. Потери начали расти. Строй рассыпался и подался назад, и большое количество людей Харальда пало. Когда король понял, что штандарт подвергается массовой атаке, он схватил свой меч обеими руками и рубанул направо и налево» [7, р. 271]. Снорри дополняет: «Норвежцы сами стали наступать, думая обратить противника в бегство, но когда стена из щитов распалась, англичане стали нападать на них со всех сторон, осыпая их копьями и стрелами» [3, с. 458].

Сохранилась виса скальда Арнорра об атаке Харальда:

«Норвежскому королю нечем было
Прикрыть свою грудь в битве;
И все же его закаленное в боях
Сердце никогда не дрогнуло.
Воины Норвегии наблюдали
За окровавленным мечом
своего отважного вождя,
рубящим своих врагов» [5, р. 290].

Харальд допустил грубую ошибку: «Копье (у Снорри – стрела) попало конунгу Харальду в горло. Когда это произошло, англичане пошли в атаку с такой силой, что все войска, стоявшие ближе всего к королю, пали» [7, р. 272; 3, с. 459].

Норвежский король попал в ту ловушку, в которую попадет и Гарольд при Гастингсе – нарушил единство «стены щитов», когда по сигналу своего короля англичане отступили, и некоторые викинги уверенные, что пришло время для победы, бросились в погоню вниз по склону. Однако, как только они оказались на достаточном расстоянии друг от друга, английские всадники развернулись и объехали их, поднимаясь обратно на холм, чтобы отрезать им путь. Если один хускарл стоил двух норвежцев, то у одного англичанина на коне было еще большее преимущество. А выше по склону брешь, образовавшуюся в стене щитов, не удалось закрыть до того, как в нее въехала конница Гарольда [6, р. 329; 5, р. 289].

Ошибочное убеждение Харальда состояло в том, что если он совершит быструю и неожиданную атаку из-за стены щитов, то сможет застать врасплох англосаксонское войско и взять под контроль сражение. Это была неразумная и безрассудная тактика, бессмысленная, когда стена щитов держалась. Харальду следовало предвидеть прибытие подкреплений со своих кораблей; если бы стена щитов продержалась немного дольше, численность его войск была бы значительно увеличена, но англосаксы удержали свои позиции и за короткое время восстановили преимущество в бою [5, р. 274; 290–291]. Несмотря на то, что Тостиг и Эйстейн Тетерев смогли собрать норвежцев, изменить ход битвы они уже не могли.

Таким образом, битва при Стамфорд-Бридже представляет собой едва ли не первый в истории Средневековья случай, когда массированное применение конницы

решило исход битвы против закалённой в боях пехоты. Это был закат эпохи викингов, но и начало новой страницы в военной истории – доминанции тяжеловооруженной рыцарской конницы.

Триумф Гарольда спустя три недели сыграл с ним злую шутку: все источники в один голос признают тяжелые потери англосаксов [1, с. 130, 132; 2, с. 285], особенно среди хускарлов – конницы [4, с. 219, 222]. Тех, кого так не хватало английскому королю при Гастингсе. Это позволило Вильгельму победить и открыть новую страницу в истории Англии – период англо-нормандской монархии, которая радикально изменит историю туманного Альбиона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Англосаксонская хроника. – СПб. : Евразия, 2010. – 288 с.
2. История Англо-Скандинавского региона. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2015.–608 с.
3. Стурлусон, С. Круг Земной / С. Стурлусон. – М. : Наука. 1980 – 688 с.
4. Уолкер, Й. Гарольд, последний король англосаксов / Й. Уолкер. – СПб.-М. : Евразия – ИД Клио, 2014. – 368 с.
5. DeVries, K. The Norwegian Invasion of England in 1066 / K. DeVries. – Woodbridge : Boydell Press, 1999. – 322 p.
6. Hollway, D. The Last Viking. The True Story of King Harald Hardrada / D. Hollway. – Oxford : Osprey Publishing Ltd, 2021. – 372 p.
7. Morkinskinna, The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / tr. T.M. Andersson K.E. Gade. – Ithaca and London : Cornell University Press, 2012. – 556 p.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1956-1964 гг.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант №24-28-01257 «Кодификация общесоюзного законодательства в советский период: проекты, акты, последствия».)

Семенова М.С., преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского»

Сегодня в России актуальным является вопрос разработки концепции дальнейшего совершенствования судебной системы, порядка рассмотрения судами дел. Законодатель при этом полагает необходимым учитывать исторический опыт развития судебной системы нашего государства. При этом внимание акцентируется на судебных реформах, которые понимаются как комплексные и масштабные преобразования. Науке известно большое количество преобразований судебной сферы, как относимых к числу судебных реформ, так и не рассматриваемых исследователями в качестве таковых. К последней категории относится судебная реформа 1956-1964 гг. Поскольку изменения судопроизводства, судоустройства охватили конституционные основы организации судебной власти, структуру судебной системы СССР и входящих в его состав союзных республик, положения в области правового статуса судей, уголовное и гражданское судопроизводство, то их

следует рассматривать именно в качестве судебной реформы и продолжить их изучение.

Обозначенная нами судебная реформа, а также иные государственные и политические реформы, которые берут свое начало со второй половины 1950-х гг., включали в себя совокупность мероприятий, имевших непосредственное отношение к систематизации законодательства. Более того, если мы говорим о таком явлении, как судебная реформа, то происходящие в рамках нее преобразования должны быть закреплены в нормативных правовых актах. Полагаем применимым к анализу такого явления, как судебная реформа, мнение К. В. Петрова. Он считает, что «формой (формальным способом) проведения реформы является издание одного или нескольких нормативных правовых актов разного иерархического уровня и деятельность компетентных органов власти по их реализации» [8, с.159]. С указанной точкой зрения нельзя не согласиться, ведь правовые нормы выступают регулятором общественных отношений и находят свое выражение в нормативно-правовых актах, соответственно проводимые преобразования приводят к неизбежному обновлению законодательства. Как указывает А. И. Абрамова, «решение проблем упорядочения законодательства, повышения результативности воздействия законодательных норм на общественную практику, их регулятивных возможностей эффективнее всего достигается путем систематизации законодательства, выраженной в форме кодификации» [1, с.28]. Таким образом, изменения, осуществляемые в рамках судебной реформы, должны быть не просто закреплены в нормативно-правовых актах, необходимо издание новых кодифицированных актов взамен устаревших, не соответствующих задачам правосудия на современном этапе исторического развития.

Судебная реформа не проводилась изолированно от происходящих в указанный период государственных и политических реформ. Реорганизация затрагивала различные государственные органы, как на союзном, так и на республиканском уровнях. В 1956 г. произошла ликвидация Министерства юстиции СССР с передачей его полномочий в области кодификации законодательства Юридической комиссии при Совете министров СССР. На уровне союзных республик, в частности, РСФСР, образовывалась Юридическая комиссия Совета министров РСФСР, которая осуществляла работы по кодификации республиканского законодательства.

В рамках проводимой судебной реформы были изменены организационные основы построения судебной системы СССР и союзных республик, менялись процессуальные связи судов между собой и с иными органами – прокуратурой, следственными органами, а также адвокатурой. Идеи демократизации и расширения прав союзных республик стали основными постулатами в содержании федеративных отношений в СССР. Помимо этого, как подчеркивает Т.Ф. Ящук, «Политическая стратегия заключалась в расширении сферы самостоятельной компетенции республик, согласования интересов по предметам совместного ведения, четкой фиксации границ исключительной ответственности общесоюзной власти» [10, с.315].

В этой связи на Шестой сессии Верховного Совета СССР 4-го созыва на заседании 11 февраля 1957 г. были внесены изменения в п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. и принят Закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятии гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» [7]. Вследствие указанных изменений работы по подготовке проектов Закона СССР о судеустройстве, Уголовно-процессуального кодекса СССР и Гражданского процессуального кодекса СССР, проводимые с начала 1950-х гг., были прекращены. На заседании Верховного Совета

СССР отмечалось, что «это предложение является прямым следствием проводимых за последнее время по инициативе ЦК КПСС мероприятий, направленных на дальнейшее претворение в жизнь принципа демократического централизма в области советского государственного строительства» [6, с.492]. Теперь на уровне СССР была начата разработка Основ законодательства уголовного, гражданского законодательства, законодательства о судопроизводстве, союзные республики после принятия соответствующих Основ подготавливали свои кодексы.

Кодификация законодательства в этот период рассматривалась в качестве «важного элемента государственной юридической политики» [10, с.315]. Представляя доклад о проекте Закона «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятии гражданского, уголовного и процессуальных кодексов», Председатель Комиссии законодательных предположений Совета Союза депутат М. А. Яснов отмечал, что «должна быть также проделана и завершена работа по кодификации всего нашего законодательства» [5, с.498]. На заседании Верховного Совета СССР 11 февраля 1957 г. М.А. Яснов отразил в своем докладе этапы работ по кодификации, в самом начале предполагалось «разработать и внести на рассмотрение Верховного Совета СССР основы гражданского и уголовного законодательства», далее – «основы законодательства о судостроительстве и судопроизводстве» [6, с.497]. Сроки М.А. Яснов не указывал, но в целом это соответствовало плану Юридической комиссии при Совете министров СССР по ведению кодификационных работ, согласно которому предполагалось «подготовить Основы уголовного законодательства к 1 января 1957 г., Основы уголовного судопроизводства – к 1 февраля 1957 г.» [2, л.4].

Работы велись Юридической комиссией при Совете Министров СССР, использовался материал, собранный ранее – при подготовке союзных кодексов. Впоследствии сроки были сдвинуты. Согласно архивной справке от 29 марта 1958 г., подготовленной председателем Юридической комиссии при Совете Министров СССР А.И. Денисовым, «ЦК КПСС 15 марта 1957 г. поручил Юридической комиссии подготовить проект Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и не позднее 15 апреля 1957 г. представить его в Совет Министров СССР» [3, л.25]. К указанной дате проект Основ был представлен. Особое внимание на начальном этапе разработки уделялось причинам проведения кодификации уголовно-процессуального законодательства и разграничения компетенции СССР и союзных республик в данной сфере.

В первую очередь причиной, вызвавшей острую необходимость обновления законодательства в целом, было его устаревание. На момент разработки проекта Основ уголовного судопроизводства порядок предварительного расследования и рассмотрения в судах уголовных дел регулировался Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятыми в 1924 г., и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, вступившими в силу в 1923-1935-х гг. Ряд норм данных нормативных правовых актов сохранял свою актуальность, но в значительной части они уже не соответствовали задачам государства на современном этапе и потребностям практики. Говоря об Основах 1924 г., комиссия по разработке проекта отмечала, что данный закон «не определяет самих задач уголовного судопроизводства, не содержит таких важных основных принципов, как разбирательство дела во всех судах с участием народных заседателей, независимость судей и подчинение их только закону, обеспечение обвиняемому права на защиту, назначение уголовного наказания только по приговору суда и т.д.» [3, л.1].

Помимо этого, Основы 1924 г. включали в себя положения, противоречащие Конституции СССР и содержали ряд норм, регулирующих вопросы, отнесенные в данное время к компетенции союзных республик. В частности, в проект не вошла норма о допустимости применения лишения свободы в качестве меры пресечения к лицам, не совершившим конкретного преступления, но привлекаемым к ответственности по мотивам их социальной опасности (ст.10) по причине противоречия основным принципам уголовной ответственности [8, л.172]. Норма о полномочиях следователя утверждать арест, произведенный органами дознания (ст.11), противоречила ст.127 Конституции СССР, норма о возможности установления законодательством союзных республик случаев недопущения участия защитников в судебных заседаниях (ст.18) – не соответствовала ст.111 Конституции СССР [4, л.172]. Порядок обжалования приговоров по Основам 1924 г. во многом тоже не соответствовал Конституции СССР 1936 г., по этой причине ст.26, 27, 31 Основ фактически не могли применяться [4, л.173].

В 1957 г. в ходе разработки проекта Основ была подготовлена справка о наиболее существенных отличиях проекта от Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г., которая включала в себя перечень норм, отсутствующих в действующих Основах 1924 г., но необходимых на современном этапе в правовом регулировании уголовного судопроизводства. Необходимость включения в проект Основ данных норм обосновывалась ссылками на соответствующие статьи Конституции СССР 1936 г., их предусматривающие: «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда, вынесенному в результате судебного разбирательства (ст.3 проекта подготовлена в соответствии со ст.102 Конституции СССР 1936 г.)», «разбирательство уголовных дел во всех судах по первой инстанции проводится с участием народных заседателей, предусматривается равенство прав народных заседателей и судей, а также коллегиальность рассмотрения дел в вышестоящих судах (ст.7 проекта подготовлена в соответствии со ст.103 Конституции СССР 1936 г.)», «независимость судей и подчинение их только закону (ст.8 проекта подготовлена в соответствии со ст.112 Конституции СССР 1936 г.)», «допустимость ареста не иначе как по постановлению или с санкции прокурора (ст.17 проекта подготовлена в соответствии со ст.127 Конституции СССР 1936 г.)», «производство обыска жилища граждан с санкции прокурора или с последующим сообщением прокурору о произведенном обыске в случаях, не терпящих отлагательства, о выемке корреспонденции только с санкции прокурора (ст. 21 проекта подготовлена в соответствии со ст.128 Конституции СССР 1936 г.)», «обеспечение обвиняемому права на защиту (ст.14 подготовлена в соответствии со ст.111 Конституцией СССР 1936 г.)».

Получив новое наполнение, федеративные отношения в СССР выстраивались в соответствии с политикой расширения прав союзных республик, необходимостью разграничения компетенции СССР и союзных республик. В этой связи при разработке новых Основ уголовного судопроизводства требовалось выделить вопросы, которые необходимо решить на союзном уровне для всех союзных республик. В частности, к таким вопросам комиссия отнесла определение перечня органов, на которые возлагается производство предварительного следствия и дознания, а также пределов их компетенции, закрепление допустимости обжалования в кассационном порядке приговоров всех судов, кроме Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик и иные [4, л.168]. Ряд вопросов в области уголовного судопроизводства

был отнесен к исключительной компетенции союзных республик, например, определение перечня дел, по которым производство предварительного следствия является обязательным, определение случаев обязательного назначения защитника [4, л.173].

Помимо изложенного, при подготовке проекта требовалось исключить из круга вопросов те, которые не относятся к предмету правового регулирования в области уголовного судопроизводства. В проект не вошли нормы Основ, которые не относятся непосредственно к области судопроизводства, либо затрагивают вопросы, которые в проекте получили иное разрешение. Например, нормы, касающиеся применения мер социальной защиты были исключены из проекта по причине их отнесения к уголовному законодательству [4, л.174]; нормы о звеньях судебной системы в союзных республиках, правомочных рассматривать дела в надзорном порядке не вошли в проект в связи с их прямым отнесением к области законодательства о судостроительстве [4, л.174].

Еще одной из причин, обосновывающих необходимость разработки новых Основ, являлось усиление состязательных начал и демократизация уголовного судопроизводства. Идеи о правах человека, гуманизации и либерализации процесса привлечения к уголовной ответственности оказывали прямое влияние на разработку нового законодательства. Проект Основ содержал запрет под страхом уголовной ответственности домогаться показаний обвиняемого, свидетелей, экспертов путем применения к ним насилия и других незаконных мер (ст.23). Закреплялся принцип непосредственности исследования доказательств на суде и устности судебного разбирательства (ст.11). Вводилась норма об обязанности прокурора отказаться от обвинения в суде, если данные судебного следствия не подтверждают обвинения (ст. 32) [4, л.169]. Из проекта Основ были исключены нормы о судебном заседании, проводимом без участия сторон, о запрете обжалования приговора. Гарантиями устранения судебных ошибок предусматривался кассационный и надзорный порядок пересмотра и обжалования итоговых судебных актов по уголовному делу.

Весной 1957 г. после представления проекта Основ уголовного судопроизводства в Совет Министров СССР он был направлен на заключение Советам Министров союзных республик, а также Верховному Суду СССР, Прокуратуре СССР, Министерству внутренних дел СССР, Комитету государственной безопасности [3, л.26]. К обсуждению проекта привлекались специалисты прокуратуры СССР, Института права при Академии наук СССР, Института юридических наук МЮ РСФСР.

После получения заключений в июле 1957 г. комиссии было поручено уточнить проект с учетом полученных замечаний и представить его в Совет Министров СССР. В начале января 1958 г. проект был представлен. В феврале 1958 г. после рассмотрения проекта Президиумом Совета Министров СССР и в целом его одобрения, комиссия принялась готовить его к внесению в Верховный Совет СССР. 25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Они являлись небольшими по объему и содержали принципиальные положения организации следственных, судебных и прокурорских органов, закрепляли установленный законом порядок расследования и рассмотрения уголовных дел. Основы отражали усиление состязательности процесса, его демократизацию и гуманизацию.

Кодификация в ходе проводимой судебной реформы 1956-1964 гг. осуществлялась как на союзном уровне, так и на уровне союзных республик, где

практически одновременно с разработкой Основ велась разработка процессуальных кодексов союзных республик. К моменту принятия Основ уголовного судопроизводства СССР во многих союзных республиках подготовка Уголовно-процессуальных кодексов находилась на завершающей стадии. Проект УПК РСФСР разрабатывался в точном соответствии с Основами, положения которых были воспроизведены в проекте текстуально. В нем полностью сохранены и получили дальнейшее развитие демократические принципы советского уголовного процесса, сформулированные в действующем УПК РСФСР, выдержавшие испытание временем. При разработке проекта учтены мероприятия по дальнейшему укреплению «социалистической» законности, а также произошедшие изменения в организации судебных и прокурорских органов. В проекте нашли свое отражение практика применения действующего уголовно-процессуального законодательства, достижения правовой науки, предложения, высказанные в печати и письмах граждан. Работы завершала образованная подкомиссия Комиссии законодательных предположений Верховного Совета РСФСР, которую возглавлял М.С. Строгович [5, л.326-327.]. В состав подкомиссии входили представители различных министерств, судебных органов, прокуратуры, научных и образовательных организаций. Архивные материалы свидетельствуют о привлечении на финальном этапе подготовки проекта около шестнадцати адвокатов [5, л.319] и шести судей народных судов как основного звена судебной системы, к подсудности которого отнесено рассмотрение большого количества уголовных дел [5, л.321]. Привлеченные лица являлись высококвалифицированными кадрами, например, адвокат М. М. Выдря являлся доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики Ленинградского государственного университета, имел высокую теоретическую подготовку, большой опыт работы в органах юстиции и значительное количество печатных трудов по вопросам уголовного права и процесса. Проект был доработан и 27 октября 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР утвержден Верховным Советом РСФСР, а с 1 января 1961 г. – введен в действие. УПК РСФСР действовал достаточно долгое время, оставаясь при этом достаточно стабильным, в него вносилось не так много поправок. Он в продолжение Основ закреплял принцип объективной истины, устанавливал единство процессуальной формы и состава суда, детально регламентировал все стадии уголовного процесса, определял порядок обжалования судебных актов.

В ходе разработки и принятия Основ уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, в частности, УПК РСФСР, понимание уголовного процесса было изменено. М.С. Строгович, руководя разработкой, полагал что «уголовный процесс – это сочетание двух основных элементов: основанной на законе деятельности органов следствия, прокуратуры и суда и правоотношений этих органов друг с другом, так и с лицами и организациями, на которых распространяется их деятельность. Уголовно-процессуальные правоотношения представляют собой правовую форму деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них законом задачи, а сама эта деятельность есть содержание уголовно-процессуальных отношений» [8, с.34]. Понимание уголовного процесса таким образом позволило усовершенствовать его форму, обеспечив при этом гарантии прав участников процесса и корреляцию в этих отношениях их прав и обязанностей.

Подводя итог полагаем необходимым отнести к причинам, вызвавшим необходимость проведения кодификации уголовно-процессуального

законодательства в обозначенный период следующие: устаревание законодательства и потребность включения в него норм, отсутствующих в действующих Основах 1924 г., но необходимых на современном этапе в правовом регулировании уголовного судопроизводства; усиление состязательных начал и демократизация уголовного судопроизводства; необходимость приведения в соответствие уголовно-процессуального законодательства Конституции СССР и Конституции РСФСР; потребность в четком разграничении предметов ведения СССР и союзных республик в области уголовного судопроизводства; необходимость точного определения предмета правового регулирования в области уголовного судопроизводства и исключения из круга вопросов тех, которые не относятся к нему.

Таким образом, в период проведения судебной реформы 1956-1964-х гг. был сделан значительный поворот в направлении усиления демократических начал в общественной и государственной жизни, правотворческая деятельность государства была активизирована, принят ряд, как общесоюзных законов, так и законов союзных республик. Хотя указанные преобразования и не признавались современниками в качестве судебной реформы, но они являлись таковыми. Проведенную в обозначенный нами период кодификацию законодательства на уровне СССР и союзных республик следует рассматривать как один из признаков судебной реформы, при которой комплексные изменения судостроительства и судопроизводства получили свое закрепление в союзных Основах и республиканских кодексах. В первую очередь кодификация затронула уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Принятые Основы и кодексы действовали до начала XXI в. и нуждаются в дальнейшем исследовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова, А. И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития [Электронный ресурс] / А. И. Абрамова // Журнал российского права. - 2016. - №12 (240). - С. 27-38. / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodifikatsiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-sovremennost-i-perspektivy-razvitiya> – Дата доступа 05.01.2023.
2. ГА РФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 3.
3. ГА РФ. Ф. Р-7523 Оп.75 Д. 841.
4. ГА РФ. Ф. Р-9514 Оп.1 Д. 137.
5. ГА РФ. Ф. А-385 Оп.26 Д. 156.
6. Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5-12 февраля 1957 г.): стенографический отчет 1957. – 757 с.
7. Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов: Закон СССР от 11.02.1957 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».
8. Петров, К. В. Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке/ К. В. Петров // Государство и право. - 2020. - № 4. - С.156-161.
9. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса/ М. С. Строгович - М.: Издательство «Наука», 1968. - 468 с.
10. Ящук, Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период : монография / Т. Ф. Ящук. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. – 414 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ

*Соловьева В.В., д-р истор. наук, профессор
Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Липецк, Российская Федерация*

Коррупция как социальное и правовое явление возникло практически одновременно с государственностью. Наказуемость коррупционных проявлений напрямую зависит от политического режима, исторических особенностей развития государства, общественного мнения. В настоящее время отмечается колоссальный уровень коррупции в Российской Федерации, в связи с чем необходимо проследить путь формирования современной системы уголовно-правового воздействия на членов общества.

Продолжительное время понятия «коррупция» и его негативной окраски не существовало в русском обществе. Связано это с тем, что чиновники на Руси не получали оплату из казны, вместо этого существовала система «кормления». Кормление представляет собой возможность должностных лиц получать подношения от местного населения. Отсутствовала и строгая регламентация деятельности чиновников и оплаты труда в принципе. За счет этого «кормление» не рассматривалось как социально-опасное явление и потому не может выступать в качестве первых проявлений коррупции.

Например, в Двинской уставной грамоте[2] указывалось на возможность передачи чиновнику «посула», т.е. отступного в целях избежать или заменить уголовное наказание.

В последующем, первые формы коррупции, получившие осуждение со стороны общества и государства, были закреплены в Судебнике 1497 г. [13]. Запрет на получение «вознаграждения» от населения в первую очередь распространялся на бояр, дьяков, судей, а также лиц, участвующих в отправлении правосудия. Установив только запрет, Судебник не обозначил ответственность за их нарушение и это привело к тому, что нормы практически не функционировали, а взяточничество продолжало повсеместно распространяться.

Существенные изменения в понимании правомерности подношений для чиновников возникают вместе с земской реформой XVI века при Иване IV. В соответствии с реформой, система кормления упразднилась, а получение вознаграждения от населения должностным лицом, рассматривалось как преступное деяние.

Причинами проведения реформирования административного устройства страны стали в том числе неконтролируемые поборы с населения, а также рост должностных злоупотреблений. В рамках реформы устанавливались меры ответственности за взяточничество, которые нашли отражение в Судебнике 1550 г. [14]. Уровень ответственности за факты взяточничества зависели от статуса обвиняемого лица. Больше всего страдали низшие должностные чины, что в последствие было закреплено и в Судной грамоте 1561 г. в виде возможности казни таких лиц. В это же время, представители боярства могли просто вернуть полученную взятку. Несмотря на избирательность в вопросах ответственности за коррупцию, в этот период развития уголовного законодательство предпринимались наиболее действенные меры борьбы с ней.

Так, Л.Л. Блашкова отмечает: «Предпринимаемые карательные меры, будучи довольно суровыми (жестокими), оказали положительное воздействие на

общественное сознание и существенно сократили коррупционные проявления в чиновничьем аппарате. Только публичных квалифицированных казней чиновников-коррупционеров при Иване Грозном было осуществлено свыше восьми тысяч, что составило, примерно, 34% от общего количества всех лиц, состоящих на государственной службе. Общее количество лиц, привлеченных к ответственности за коррупционные преступления, было еще больше» [1, с.62]. Также, с этого момента формируется практика оплаты труда чиновников из государственной казны.

В период Смуты борьба с коррупционными проявлениями была затруднена. Судебник 1550 г. не обеспечивал эффективную уголовно-правовую борьбу с коррупцией, которая стала проявляться во всех сферах жизни общества. Произвол со стороны чиновников стал причиной нескольких народных волнений, но привлечь нарушителей к ответственности официально нельзя, т.к. соответствующих норм не было.

Соборное уложение 1649 г.[12] вновь изменяется уголовно-правовая концепция борьбы с коррупцией и дополняется следующими видами коррупционных преступлений: получение незаконного вознаграждения за увольнение со службы, коррупция в сфере правосудия, вымогательство взятки, посредничество во взяточничестве. Уже в новом памятнике права вид наказания зависит от тяжести преступления, но в условиях политической нестабильности, слабой власти, реализация концепции осложнялась, что вновь стало причиной роста коррупции.

Действовавшее почти 200 лет Соборное уложение вплоть до 1832 г., постепенно уточнялось специальными указами. В период правления Петра I было издано сразу несколько указов: 24.12.1714 «О воспрещении взяток и посулов», от 21.05.1720 «О наказании за взятки и лихоимство», от 22.06.1720 «О разных государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота». Система законодательства об ответственности за совершение коррупционных преступлений запрещала брать и давать чиновникам не только денежные средства, но и другие ценности. К числу уголовных наказаний отнесены: штрафы, телесные наказания, лишение имущества, лишение всех прав, торговая казнь, смертная казнь. Но даже такие меры не возымели должного влияния на уровень коррупции в государстве в связи с незнанием правовых запретов или отказом соблюдать их. В это время сформировалось новое правило - знакомить чиновников с правовыми документами, содержащие антикоррупционные нормы.

За время правления Петра I существенно расширяется система преступлений коррупционной направленности, которые делились на частные и государственные. Наиболее общественно-опасными преступлениями для государства признавались взяточничество и казнокрадство, а смертная казнь выступала в качестве основного вида наказания.

Рост аппарата чиновников и нехватка государственных средств на их содержание, а также непоследовательность проводимых реформ, взяточничество среди приближенных Петра I, которые продолжали получать и давать взятки, коррупционная ситуация в стране существенно не изменилась. Можно говорить о формировании национальной традиции «посула» чиновникам.

Эпоха дворцовых переворотов привела к очередному росту коррупции, а в связи с отсутствием у государства средств на обеспечение чиновников, государство снова вернулось к системе кормления. Жалование чиновникам было отменено, а их содержание стало осуществляться за счет поборов с населения.

В 1832 году был издан Свод законов Российской Империи[12] Николая I,

который ознаменовал формирование новых антикоррупционных правил. В Своде был прописан отдельный раздел «О мздоимстве и лихоимстве» где был прописан запрет на взяточничество, получение подарков за службу, посредничество во взяточничестве, вымогательство взятки, укрывать или подделывать документы в личных интересах или интересах третьих лиц. В качестве санкций за совершение указанных преступлений, виновное лицо могло лишиться всех прав, имущества, отправится в ссылку на каторжные работы, а также быть заключенным под стражу или казненным.

А.В. Онуфриенко отметил, что «Указанные санкции свидетельствуют о том, что законодателями принимались беспрецедентные меры по борьбе с коррупцией, а самое главное ими пресекались такие деяния как посредничество во взяточничестве, злоупотребление должностными полномочиями и некоторые другие, которые являются уголовно-наказуемыми и по настоящее время. Немаловажным является и то, что уже в те времена существовала такая превентивная мера за коррупционные деяния, как конфискация имущества» [9, с.62].

Позже основу уголовно-правовой борьбы с коррупцией составило Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [18], где в пятом разделе, посвященном преступлениям по службе государственной и общественной, коррупционные правонарушения отделялись от халатности или неправомерного осуществления правосудия. Коррупционными признавались преступления, совершенные вопреки службе или общественным интересам, совершенные из личной или корыстной заинтересованности. Более четко определяется круг субъектов преступления, к которым относятся должностные лица, а также посредники во взяточничестве, взяткодатели, а также лица, которые знали о совершении коррупционного преступления, но не передали информацию соответствующим должностным лицам.

Реформирование мер уголовно-правового воздействия на коррупционеров и создание качественных уголовно-правовых норм не смогло сдержать рост взяточничества в государстве. Сформированная во время Дворцовых переворотов и продолжающаяся вплоть до Николая II система товарно-денежных отношений между чиновниками и гражданами показала себя крайне устойчивой, несмотря на страх смертной казни. Меры профилактики, проводимые в отношении должностных лиц и граждан, не привели к необходимому результату, а в сознании общества укореняется правило «подношения» должностному лицу даже за выполнение его должностных обязанностей.

Ко времени прихода к власти Николая II масштабы коррупции в стране достигали угрожающих показателей – ею был поражен практически весь государственный аппарат. Неудачи на фронте, ослабление государственной власти, начавшиеся народные волнения и революционные движения, только усугубляли ситуацию и даже новое Уголовное уложение 1903 года [15], детально описывающее объективную сторону коррупционных преступлений, установившее более строгие виды наказания, не смогли уменьшить число совершаемых преступлений. Даже в период гражданской войны, революционных движений коррупция существовала по обе стороны противостояния, а соответствующего систематизированного законодательства не было.

Переход к советской власти ознаменовался реформированием не только политической, но и правовой системы страны. Новая власть осознавала размеры и пагубное влияние коррупции на построение нового государства, тем более что

проявление коррупции и совершение должностных преступлений, противоречили концепции социализма, рассматривались как пережитки империализма. Первый правовой акт появился в 1918 г. им стал Декрет «О взяточничестве» [3]. В первом пункте Декрета указывалось, что лица, уличенные в совершении в принятии взятки за выполнение действия, входящего в круг их обязанностей, или за содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица другого ведомства, наказываются лишением свободы на срок не менее пяти лет, соединенным с принудительными работами на тот же срок. Строгость мер раскрывается правилом, в соответствии с которым покушение на получение или дачу взятки наказывается как оконченное преступление.

Принципиальное отличие царского и советского нормативного регулирования в части борьбы со взяточничеством заключалось только в классовом подходе, поскольку принадлежность преступника к «имущественному классу» признавалась обстоятельством, отягчающим уголовное наказание. Интерес вызывает и отношения советской власти к терминологии. В связи с тем, что явление коррупции противоречило идеям социализма, которые успешной реализовывались в СССР такого понятия как «коррупция» не существовало, его заменяли термины определяющие отдельные виды коррупционных преступлений: взяточничество, злоупотребления, превышения должностных полномочий и т.д. За счет того, что общественная жизнь была подчинена политике партии, коррупция не обходила и советский государственный аппарат управления на всем протяжении его существования. При этом, если должностное лицо и уличалось в совершении преступления, то это было связано с неодобрением его в высших политических кругах. Примером может стать министр внутренних дел СССР Н.А. Щёлоков.

Борьба с взяточничеством и иными коррупционными преступлениями активно освещалась в средствах массовой информации и со временем власть была вынуждена реагировать на ее проявление.

Так, появляется Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [4], который рассматривает преступления против власти и государства как наиболее опасные. Уже со 105 статьи кодекса начались перечисления должностных преступлений: ст. 105 «Злоупотребление властью»; ст. 106 «Превышение власти»; ст. 107 «Бездействие власти»; ст. 108 «Халатное отношение к службе»; ст. 109 «Дискредитирование власти»; ст. 113 «Присвоение»; ст. 116 «Служебный подлог».

Помимо этого, уголовная ответственность предусматривалась за посредничество во взяточничестве, укрывательство взяточничества, провокация или вымогательство взятки. В качестве видов наказания были предусмотрены лишение свободы, ссылка, смертная казнь, а также конфискация имущества.

Практически в полном объеме составы коррупционных преступлений и наказания к ним перешли в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [5]. Жесткие меры ответственности, применяемые к виновным в совершении коррупционных преступлений, оказали влияние на общественность, но не искоренили коррупцию полностью, а в некоторых случаях использовались для устранения нежелательных элементов через доносы или «лжеобвинения».

Даже наличие тотального контроля за доходами чиновничества и высокие доходы должностных лиц, не смогли искоренить коррупцию, но существенно снизили уровень ее проявления. Отличительной особенностью борьбы с коррупцией в СССР была неотвратимость наказания для любых должностных лиц, любого ранга. Если данные о взяточничестве слишком долго и часто фигурировали в

информационных сводках специальных служб, к ответственности привлекали не только должностное лицо, но и всю его семью. К середине XX века, минуя Великую Отечественную войну, страна приблизилась к приемлемому уровню коррупции, в том числе за счет формирования нетерпимости к подобному поведению в обществе.

Ситуация усугубилась после смерти И.В. Сталина и изменением политического курса правящей партии. Обвинения в коррупции использовались как меры борьбы с политическими оппонентами, лицами, идущими в разрез с партией, инакомыслящими. Послабления в политике, сказались и на борьбе с коррупцией, которая снова начала набирать обороты.

В 1958 году были приняты Основы уголовного законодательства СССР [10], которые стали базой для республиканского уголовного законодательства. На его основе в 1960 г. издается Уголовный кодекс РСФСР [17], включивший в себя 7 главу «Должностные преступления», в которую поместили следующие составы: ст. 170 «Злоупотребление властью или служебным положением»; ст. 171 «Превышение власти или служебных полномочий»; ст. 172 «Халатность»; ст. 173 «Получение взятки»; ст. 174 «Дача взятки»; ст. 174.1 «Посредничество во взяточничестве»; ст. 175 «Должностной подлог»; ст. 175.1 «Нарушение антимонопольного законодательства» (от 1992 г.).

В качестве менее строгого наказания предусматривалось отстранение от должности, а наиболее строгое наказание – это лишение свободы до восьми лет. Данные меры не позволяли обеспечить эффективность деятельности по снижению коррупции в обществе, в связи с чем данные о состоянии коррупции во второй половине XX в СССР были засекречены. Изредка освещались громкие уголовные процессы, связанные с коррупционными скандалами, такие как «Азербайджанское дело» 1969 года о покупке вышестоящих должностей в республике, «Рыбное дело» 1976-1978 гг. о коррупции в Министерстве рыбного хозяйства СССР, а также «Хлопковое дело» 1989 г. о превышении должностных полномочий и завышении показателей сбора хлопка в Республике Узбекистан.

Распад СССР стал основанием для роста коррупции в каждой из новых независимых республик. Потребовалось создание нового более эффективного законодательства, отвечающего требованиям рыночной экономики. За время формирования нового государства – Российской Федерации, коррупция стала официально признаваться угрозой обществу и национальной безопасности страны.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации [16] (далее по тексту – УК РФ) отвечал требованиям времени, в связи с чем приоритетными направлениями уголовно-правовой защиты стали интересы личности и общества, а потом государства. В 2008 году издается указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции» [6] и Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» [8], установившее понятие коррупции и преступлений коррупционной направленности, а также принципы борьбы с их проявлениями в обществе. Формируется и издается Указ Президента РФ «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [7].

Наказание для коррупционеров в новой России прежде всего отличается тем, что они восстанавливают нанесенный ущерб в денежном эквиваленте, за счет чего им назначаются кратные штрафы и отстраняют от должности. К ответственности привлекаются и взяточполучатели, и посредники во взятке, с целью искоренения «традиции посулов» должностным лицам.

Как справедливо отмечают А. В. Швецов и Д. Э. Галиуллина: «Историко-правовой опыт показывает, что коррупция — это социальная болезнь, которая обусловлена целым комплексом причин. Формы коррупции подобно хамелеону изменялись, и государству требовался определенный временной промежуток для распознавания нового ее проявления» [19, с.8]. Добавим, что до сегодняшних дней борьба с коррупцией продолжается на всей территории Российской Федерации за счет мер уголовного и административного воздействия.

История распространения коррупции в России начинается задолго до начала борьбы с ней как с общественно-опасным явлением. Наиболее действенные меры борьбы были предприняты при Иване IV и И.В. Сталине, т.к. в периоды их правления отмечается снижение числа коррупционных преступлений. За время формирования уголовно-правовой системы борьбы с коррупцией она претерпела множество изменений и наиболее эффективными оказываются меры, направленные на ограничение личных и имущественных прав, в сочетании с высоким уровнем материального обеспечения, тотального контроля и высокого уровня уважения к статусу чиновников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блашкова, Л.Л. Состояние и направления совершенствования уголовно-правового реагирования на преступления коррупционной направленности: кандидата юридических наук : 5.1.4. / Блашкова Людмила Леонидовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» ; Диссовет 99.2.100.02 (99.2.100.02)]. - Ханты-Мансийск, 2023. – 204 с.
2. Двинская уставная грамота 1397 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт музея истории российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13622> (дата обращения: 15.02.2024).
3. Декрет о взяточничестве от 08 мая 1918 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
4. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 15.02.2024).
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 15.02.2024).
6. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента Рос. Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 (в ред. от 17 мая 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 21. – Ст. 2429.
7. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы: указ Президента Рос. Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 (в ред. от 13 марта 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.
8. О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 декабря 2008 г. (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 52. – Ч.1. – Ст. 6228.
9. Онуфриенко, А.В. Система преступлений коррупционной направленности: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Онуфриенко Андрей Васильевич; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. - Москва, 2015. – 234 с.
10. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик: закон СССР от 25

декабря 1958 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 15.02.2024).

11. Свод законов Российской империи 1832 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

12. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

13. Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт музея истории российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13622> (дата обращения: 15.02.2024).

14. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт музея истории российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13622> (дата обращения: 15.02.2024).

15. Уголовное уложение 1903 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

16. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 27 ноября 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

17. Уголовный кодекс РСФСР: утвержден Верховным советом РСФСР 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 15.02.2024).

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

19. Швецов, А. В., Галиуллина, Д.Э. История возникновения коррупционных преступлений в России // Марийский юридический вестник. – 2019. – № 4(31). – С. 8-9.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЯЛИКАГА КНЯСТВА ЛИТОВСКОГО

Федарака А.І., закладчык кафедры міжнароднага права, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

УА «БІП – Універсітэт права і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій»

Правовое рэгуляванне міграцыйных працэсаў на тэрыторыі Беларусі мае глыбокія гістарычныя карані. Развіццё інстытута міграцыі на тэрыторыі сучаснай Беларусі цесна звязана з перыядамі станаўлення і развіцця дзяржаўнасці на беларускіх землях. На падставе аналізу прававых актаў розных гістарычных эпох, а таксама вывучэння меркаванняў навукоўцаў аб перыядызацыі беларускай дзяржаўнасці, лічым, што ў генезісе інстытута міграцыі варта вылучыць наступныя этапы: старажытнабеларускі (IX–першая палова XIII ст.); беларуска-літоўскі (другая палова XIII–XVIII ст.); імперскі (час уваходжання ў склад Расійскай імперыі, XVIII ст.–1917 г.); савецкі (1917-1991 гг.); беларускай дзяржаўнасці (1991 г. – па цяперашні час).

Пра тое, што фарміраванне ў Беларусі першых прававых нормаў у галіне

міграцыі пачалося са старажытных часоў сведчаць прававыя акты XIII ст.: дагавор Смаленскага, Полацкага і Віцебскага княстваў з Рыгай, Готландскай зямлёй і нямецкімі гарадамі 1229 г., дагаворная грамата князя Гердзена з Інфляцкім магістрам і гарадамі Рыгай, Полацкім і Віцебскам 1263 г., дагаворная грамата князя Полацкага Ізяслава з Інфляцкім магістрам і гарадам Рыгай 1265 г.

Аднымі з першых крыніц ў Вялікім Княстве Літоўскам (далей – ВКЛ), якія змяшчаюць нормы права ў сферы міграцыі, з'яўляюцца Прывілеі Вялікага князя. Так, прывілеі Вялікага князя Казіміра 1447 г. устанавіў права «княжат, рыцараў, шляхцічаў і баяраў» на вольны выезд з ВКЛ для «лепшага шчасця набыцця, а люба ўчынкаў рыцарскіх» ва ўсякія землі, акрамя непрыяцельскіх, устанавіў забарону на валоданне зямлёй, на заняцце дзяржаўных пасад замежнікамі, а таксама абмежаваў ўнутраную міграцыю, увёўшы забарону на прыём залежных сялян на дзяржаўных і вялікіх землях. Прывілеі Вялікага князя Аляксандра 1492 г. пацвердзіў вышэйназваныя правы і забароны [1, с. 43 – 53].

Найбольшае прававое замацаванне інстытута міграцыі на тэрыторыі Беларусі было дасягнута ў XVI ст. у Статутах ВКЛ. Статуты ВКЛ забяспечвалі прывілеі ганае становішча шляхты, што адбівалася на аб'ёме правоў і свабод у сферы міграцыі розных сацыяльных груп сярэднявечнага грамадства. Так, паводле Статута 1529 г., княжата, паны хоруговныя, шляхцічы і баяры маглі «свабодна выязджаць з зямель ВКЛ для прыскання сабе лепшай долі і навучання рыцарскай справе ва ўсялякія землі, акрамя непрыяцельскіх зямель» [5, арт. 8 разд. 3].

Свабода выезду шляхты з ВКЛ пацвярджалася таксама ў Статуце 1566 г. [3, арт. 13 разд. 3] і Статуце 1588 г. 4, арт. 16 разд. 3]. Забараняўся толькі выезд у дзяржавы, з якімі ВКЛ ваюе, альбо знаходзілася ў стане вайны. Выезд у непрыяцельскія землі расцэнвваўся як здрада, падданы ВКЛ пазбаўляўся гонару і маёнтка, якое пераходзіла да вялікага князя [5, арт. 2 разд. 1; 3, арт. 6 разд. 1; 4, арт. 6 разд. 1].

Для параўнання, у Маскоўскай дзяржаве для паездкі ў «іншыя дзяржавы» падданым патрабавалася «біць чалом цару (або) ваяводам аб падарожнай грамаце» [2, с. 23, арт. 1 гл. VI], а за выезд без праезнай граматы прадугледжвалася пакаранне: смяротнае пакаранне – за выезд «для здрады або для іншай хвацкай справы»; біццё пугай – за выезд «для гандлёвага промыслу» [2, с. 23-24, ст. 3, 4 гл. VI].

Акрамя права на свабодны выезд, статутамі замацоўвалася і магчымасць выгнання з краіны. Дадзеная мера прымянялася ў адносінах да асоб, якія ўчынілі злачынства і не з'явіліся ў суд [3, арт. 30 разд. 4]; асоб, якія адмаўляюцца выконваць судовыя пастановы [4, арт. 95, 96 разд. 4] і інш. Так, шляхціц, які забіў шляхціца і ўцякаў ад пакарання за мяжу, аб'яўляўся выгнаным з краіны [5, арт. 28 разд. 7].

На вечнае выгнанне без права на вялікакняскае памілаванне асуджалі тых, хто не выконваў судовыя пастановы альбо атрымаўшы ахоўную грамату вялікага князя «не апраўдаўся» на працягу пэўнага ў ёй часу [4, с. 471]. У Статутах усталёўвалася таксама адказнасць грамадзян за тое, што «хавалі ў сябе дома асоб, выгнаных з краіны» [3, арт. 30 разд. 7; 4, арт. 68 разд. 11].

Статуты 1566 і 1588 г. для забеспячэння бяспекі перамяшчэння па тэрыторыі ВКЛ прадугледжвалі выдачу ахоўных Грамат – «кгейтаў»: асобам, якія выехалі ў суседнія землі, але якія маюць запазычанасці або абвінавачванні, для бяспечнага вяртання на перыяд разгляду справы ў судзе і разліку з бокам, прад'явіў абвінавачванне [3, арт. 7 разд. 1; 4, арт. 12 разд. 1]; чужаземным паслам, якія прыязджаюць у ВКЛ [3, арт. 13 разд. 1]; а таксама «лістоў вываланых», якія

выдаваліся выгнаннікам [4, арт. 5 разд. 11]. Аб наяўнасці такіх грамат і тэрмінах іх дзеянні неабходна было абвясчаць у публічных месцах. Статуты прадугледжвалі больш суровае пакаранне за замахі на асоб, якія маюць дадзеныя граматы. Аднак наяўнасць «кглэйта» не вызваляла асобу ад адказнасці за супрацьпраўныя паводзіны. Ахоўная грамата лічылася несапраўднай, а яе ўладальнік пазбаўляўся жыцця, калі ён беспадстаўна каго-небудзь параніў ці забіў альбо здзейсніў іншы гвалт [4, арт. 13 разд. 1].

Статут ВКЛ 1588 г. прадугледжваў адказнасць як за нанясенне «крыўды гасцям прыезджым чужаземным», так і «чужакоў», якія ўчынілі супрацьпраўныя дзеянні ў адносіны мясцовага насельніцтва [4, арт. 1 разд. 1, арт. 28, 29 разд. 4].

У мэтах замацавання сялян за феадаламі і кантролю за перамяшчэннем насельніцтва па тэрыторыі ВКЛ для «залежных» людзей быў усталяваны дазвольны парадак перамяшчэння па тэрыторыі ВКЛ. Слугі і свабодныя челядзінцы, сыходзячы ад свайго пана, павінны былі ўзяць у яго ліст з пячаткай і подпісам аб тым, што яны «адышлі ад пана сумленна». Па прыбыцці ў горад ці мястэчка неабходна было паведамляць: «хто яны, адкуль, каму служаць і ў які бок ідуць». А гаспадар дома пад пагрозай штрафу павінен быў паведамляць адміністрацыі аб кожным прышэльцы. Калі прышэлец, прыбыўшы ў паселішча, не заявіў пра гэта, то мясцовыя ўлады павінны былі «затрымаць такога чалавека для высвятлення асобы (на два тыдні-калі было сведчанне ад пана, на тры тыдні - пры адсутнасці пасведчання), закаваць у ланцугі і прыставіць да працы» [4, арт. 24 разд. 12].

У Статуце 1588 г. утрымліваліся нормы, якія рэгулявалі працоўную міграцыю. Кожны гаспадар дома абавязваўся апавяшчаць мясцовую адміністрацыю аб наёмных працаўніках, іх ладзе жыцця і ўпісваць у «рэестры вярдовыя». Прадугледжваліся таксама меры прымусу ў дачыненні да «дармаедаў любога звання, якія пражываюць без службы і не займаюцца ніякай працай, якія марнуюць свой час на гульню ў косці і п'янства». Мясцовыя органы ўлады «пасля трэцяга папярэджання павінны былі такіх асоб, збіўшы розгамі, выгнаць прэч з горада ці мястэчка». Пад пагрозай штрафу забаранялася хаваць такіх асоб [4, арт. 24 разд. 12].

Правое становішча іншаземцаў у ВКЛ залежала ад іх сацыяльнага статусу. Для валодання правамі шляхціца чужаземец павінен быў альбо даць ад уладаў сваёй краіны лісты з пячаткамі, якія даказваюць шляхецтва, альбо ў выпадку вайны з дадзенай краінай прадставіць двух шляхціцаў з тых месцаў, якія павінны былі пад прысягай пацвердзіць яго статус [5, арт. 11 разд. 3; 3, арт. 17 разд. 3; 4, арт. 21 разд. 3]. Самымі бяспраўнымі з'яўляліся палоненыя замежнікі, якія знаходзіліся практычна ў становішчы рабоў і не з'яўляліся суб'ектамі права [3, арт. 1, 8 разд. 8; 4, арт. 12-16 разд. 12].

Асаблівую ролю ў рэгуляванні міграцыі замежнікаў гулялі прававыя нормы, якія забаранялі даваць замежнікам «ва ўласнасць і ў трыманне зямлі, замкі, гарады альбо прадастаўляць ім званні і чыны», прычым гэтыя правы мелі толькі ўраджэнцы ВКЛ [5, арт. 3 разд. 3; 3, арт. 9 разд. 3; 4, арт. 12 разд. 3]. Такія меры былі накіраваны на забеспячэнне дзяржаўнай бяспекі ВКЛ.

Згодна з Статутам 1566 г. замежнікі маглі атрымаць дазвол на пражыванне ў ВКЛ за іх заслугі перад дзяржавай «несучы службу земскую», аднак «не маглі быць абраныя на пасады духоўныя або свецкія» [3, арт. 9 разд. 3]. Дадзеная норма атрымала развіццё ў Статуце 1588 г.: Для атрымання «аселасці» за заслугі іншаземец павінен быў прынесці прысягу на першых замкавых сесіях павета перад «вряднікамі земскімі ілі замковымі» аб «вернасці і доброжелательнасці» ВКЛ, а таксама

абавязваўся «несці службу земскую гэтай дзяржаве», аднак і такія замежнікі «на здабытку і ўсякія вярды духоўныя і свецкія не павінны былі дапускацца» [4, арт. 12 разд. 3].

У адпаведнасці са статутамі калі іншаземец «ажаніўся ў Літве» і «пабраў па жонцы маёнтак», то падчас вайны павінен быў несці вайсковую службу. У адваротным выпадку і ён, і яго жонка «страчвалі маёнтак навечна» [3, арт. 6 разд. 5; 4, арт. 7 разд. 5].

Як і ў любой сувярэннай дзяржаве, найважнае значэнне ў ВКЛ мела пытанне ўезду і знаходжання замежных «служылых людзей». Забаранялася прымаць у ВКЛ як «замежных служылых людзей, так і суседзяў – замежнікаў без ведама і дазволу паноў-рады ВКЛ». І нават калі ім дазвалялася ўязджаць у ВКЛ, вызначаліся маршруты іх перамяшчэння па тэрыторыі ВКЛ і месцы прыпынку на супакой [3, арт. 25 разд. 2; 4, арт. 23 разд. 2].

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што ў Статутах ВКЛ былі закладзены асновы прававога становішча для феадальна-шляхецкага класа, вызначана забарона замежнікам на валоданне нерухомай уласнасцю, на занятак дзяржаўных пасадак, асаблівы парадак уезду і знаходжання замежных вайскоўцаў, вымаўленне замежнікамі прысягі на вернасць ВКЛ, ахоўныя граматы, вызначаны грамадзянска-прававая (маёмасная), крымінальная і адміністрацыйная адказнасць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі у дакументах і матэрыялах: вучэб. дапам. / пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеускага. – Мн.: Акадэмія МУС РБ, 1998. – 310 с.
2. Соборное уложение 1649 года / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отделение. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 448 с.
3. Статутъ Великого Князьства Литовского 1566 года / предисл. И. Бильяевъ. – М.: Изд. Императорск. Московск. об-ва истории и древностей российских, 1861. – 242 с.
4. Шамякін І.П. Статут ВКЛ 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарый / пад рэд. І.П. Шамякіна. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
5. Яблонскис, К. И. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года : учеб. пособие / К. И. Яблонскис. – Минск : Изд-во Академии наук Белорус. ССР, 1960. – 254 с.

INTERACTION OF INTERNATIONAL ECONOMIC AND INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

*Khatsuk Zh. V., Candidate of Law, Associate Professor
Grodno State University named after Ya.Kupala, Grodno, Republic of Belarus*

The sustainability of the ecological system today is a key factor of economic security. The current dynamics of the economic development of the global community raises questions about the inherent link between the sustainability of the ecological system and ensuring economic security. Problems arising in the ecological systems of one region always pose a potential threat to the ecosystems of other territories. However, it is not always possible to unambiguously establish causal relationships between harmful effects on the environment and specific economic activities of States. In light of this, environmental issues should become an integral part of strategic planning for economic development.

In the context of the global economic crisis, which covers regions around the world, the relevance of this approach is extremely high. The new economic policy, being formed

both at the regional and global levels, should take into account the interrelationship of the interests of subjects of international law in the field of nature protection and the development of international economic relations. In the context of the interaction of international environmental and international economic law, the increasing influence of States on international economic relations due to environmental protection is becoming more and more noticeable. This is achieved by taking environmental measures aimed at preventing possible conflicts between the economic and environmental interests of participants in international relations, as well as at more effective regulation of these relations.

Currently, there is a significant group of international relations regulated by both the norms of international environmental and international economic law. This is a clear proof of the urgent need to "greenize" international economic relations. But today, without taking into account environmental aspects, the development of the global economy is becoming almost impossible. The main task in shaping the norms of international law should be to ensure environmental protection, rational use of natural resources, ensure environmental safety and protect environmental human rights. Thus, only a systematic approach to the formation of norms of international law makes it possible to avoid not only collisions, but also to ensure comprehensive and effective regulation of international environmental and economic relations.

In the law enforcement process, the interaction of international economic and international environmental law provides an opportunity to choose and apply the necessary norms for the settlement of specific relations, including the settlement of international disputes. This relationship will be reflected not only in the definition and use of relevant norms, but also through the interaction of special principles of both branches of international law. For example, the principle of the sovereignty of States over their natural resources acts as an intersectoral principle of international environmental and international economic law. Its interpretation and application require taking into account the norms of both these branches of international law. Encroachment on natural resources or negative impact on the environment of a State is considered as a violation of its sovereignty. At the same time, the principle of sovereignty is accompanied by the obligation not to harm the environment and economic development of other States.

Thus, the content of this principle is determined by the interconnection of economic and environmental interests of States. The principle of mutual benefit and the principle of environmental cooperation should be considered comprehensively in order to promote the liberalization of international economic relations and prevent environmental damage. In this context, international economic relations related to the use of natural resources are becoming mutually beneficial both at the global and regional levels. The principle of mutual benefit includes not only the benefits of consuming natural resources, but also the benefits of preserving the environment and fulfilling the obligation to prevent damage.

The principle of "polluting pays" is an industry principle of international environmental law and, at its core, is an economic tool. The implementation of this principle includes the application of non-tariff restrictions in international trade and the tightening of the legal regime in the international investment system. It also serves as a financial instrument for regulating international economic relations. The implementation of the "polluter pays" principle is possible only on the basis of the principle of economic non-discrimination, taking into account which no State should be placed in worse conditions than others. This involves equalizing the obligations of both national and foreign pollutants.

Currently, the lack of universal legally binding international legal norms regulating

environmental measures in the context of international investment relations, taking into account the concept of sustainable development, poses a challenge to the modern legal space. The liberalization of international investments encourages the transfer of environmentally friendly technologies, but recipient States of investments must provide guarantees against the reduction of environmental standards undertaken by investor States. Environmental protection, even if it affects the economic interests of foreign investments, should not be considered as expropriation of investments while respecting the national regime.

Investment activity becomes an element of sustainable development when the level of environmental pollution corresponds to its assimilation capacity, and the consumption of natural resources, both renewable and non-renewable, corresponds to their regenerative capacity. The creation of financing mechanisms for global and regional environmental programs aimed at implementing the concept of sustainable development is an innovative form of economic cooperation with environmental objectives. Financing should cover all aspects of environmental protection activities in order to prevent environmental damage caused by economic activities.

Today, the formation and development of environmental law of the Eurasian Economic Union (EAEU) has the potential to become a catalyst for the process of Eurasian economic integration. Given that natural resources are the basis for the economic development of the EAEU states, it is necessary to introduce common legal principles and norms for effective environmental protection in the region. The absence of special articles in the EAEU Treaty regulating relations in the field of environmental protection underlines the need to develop norms that comply with international standards in force within the framework of the WTO and regional treaties, taking into account the specifics of the environmental and economic development of each EAEU state [1].

The recognition of economic activity as more effective if it brings similar results, but does not involve a risk of environmental damage or involves significantly less risk, underlines the importance of taking environmental aspects into account in international economic relations. In the case of transboundary environmental damage caused by economic activity, not only prevention of such damage is required, but also adequate compensation in case of its occurrence. International legal liability for transboundary damage is becoming an effective tool for protecting the environment and contributing to the economic development of States. The purpose of environmental protection measures related to economic activity should be primarily to prevent damage, and minimizing its consequences should be considered as a secondary goal.

If measures aimed at preventing damage require lower costs than measures to eliminate the consequences of damage, then it is economically more expedient to seek to prevent damage than to eliminate it. The State is the main subject of the obligation to prevent transboundary damage, and private operators are responsible for causing such damage. Failure to comply with the obligation to prevent transboundary damage entails international legal liability, while liability for causing damage, as a rule, lies with private operators from the civil side. This approach highlights the importance of the active role of States and private companies in ensuring sustainable interaction between economic development and environmental protection.

Multilateral environmental agreements and multilateral trade agreements of the World Trade Organization (WTO) often regulate similar relations between the same entities. The norms of a number of multilateral agreements in the WTO system include measures to protect the environment. About 20 multilateral environmental agreements provide for the

application of non-tariff trade restrictions, including prohibitions in the field of international trade relations[2]. Such measures are aimed at achieving environmental objectives such as the rational use of natural resources, countering hazardous production methods, setting environmental standards and preventing the transboundary movement of harmful substances.

It is important to note that the interpretation of the norms of the WTO agreements should be carried out in accordance with multilateral environmental agreements in the case of measures restricting trade in the interests of environmental protection. These agreements provide universal mechanisms for the application of non-tariff trade measures and exclude their unilateral and discriminatory use. Thus, the development of a new economic policy should be based on the interaction of the norms of international environmental and international economic law. And strengthening the impact of the environmental aspects of the concept of sustainable development on its economic component is becoming necessary today.

LIST OF SOURCES USED

1. The Treaty on the Eurasian Economic Union (with amendments and additions, intro. effective from 04/03/2023) - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Access date: 12/21/2023.
2. WTO Agreements. – Access mode: <https://www.wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> - Access date: 21.12.2023.

СЕКЦИЯ 2.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

ОПЛАТА ТРУДА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С ПРИЕМНЫМИ РОДИТЕЛЯМИ И РОДИТЕЛЯМИ-ВОСПИТАТЕЛЯМИ

*Апенюк А.Г., магистр юридических наук,
Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, Институт правовых исследований,
г. Минск, Республика Беларусь*

В Республике Беларусь семейная забота о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, осуществляется на профессиональной основе. Для организации семейного воспитания детей с кандидатами в приемные родители и родители-воспитатели заключаются трудовой договор и договор об условиях воспитания и содержания детей. Заключение указанных договоров является обязательным условием, без которого невозможно функционирование неинституциональных форм воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [2, с. 20].

Трудовой договор, заключаемый с приемными родителями и родителями-воспитателями, является результатом согласованного волеизъявления сторон и обстоятельством, с которым связано возникновение трудового правоотношения по

осуществлению профессионального родительского труда [1, с. 597].

В трудовом праве под содержанием трудового договора принято понимать совокупность его условий, определяющих права и обязанности сторон [6, с. 162].

Согласно ст. 19 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) сведения и условия, определяемые соглашением сторон, подразделяются на обязательные и дополнительные. В литературе обязательные условия называются необходимыми или существенными, а дополнительные – факультативными.

Обязательные условия трудового договора – это условия, которые следует считать существенными для трудовых договоров, то есть без которых соответствующий договор не будет считаться заключенным и не возникнет трудовое правоотношение [7, с. 67].

В соответствии с ч. 2 ст. 19 ТК в качестве обязательного условия, которое должен содержать трудовой договор и без которого трудовой договор не считается заключенным отнесено условие об оплате труда работника.

При заключении трудового договора с приемными родителями, родителями-воспитателями детского дома семейного типа, детской деревни (городка) и определении условия об оплате труда, нанимателю следует учитывать специфику, которая присуща профессиональному родительскому труду при определении размера заработной платы.

Так, оплата труда приемных родителей и родителей-воспитателей осуществляется в порядке, который установлен для работников бюджетных организаций и иных организаций, получающих субсидии, работники которых приравнены по оплате труда к работникам бюджетных организаций. Что касается родителей-воспитателей детских деревень (городков), которые находятся в частной собственности (например, «SOS – детские деревни») данные требования не распространяются. Оплата труда таких работников производится на основе тарифных ставок (тарифных окладов), определяемых коллективным договором, соглашением или нанимателем.

Заработную плату профессиональных родителей составляют оклад, стимулирующие (надбавки и премии) и компенсационные (доплаты) выплаты.

Так как приемные родители и родители-воспитатели относятся к педагогическим работникам в части регулирования их труда, в том числе и заработной платы, применяются специальные нормы.

Согласно постановлению Министерства образования Республики Беларусь от 3 июня 2019 г. № 71 «Об оплате труда работников в сфере образования», для должностей «приемный родитель» и «родитель-воспитатель» установлен 8-ой тарифный разряд.

Следует отметить, что оплата труда приемных родителей, родителей-воспитателей детского дома семейного типа, детской деревни (городка) напрямую зависит от количества взятых на воспитание детей, их возраста и наличия у них особенностей психофизического развития. Так, согласно Инструкции о порядке осуществления и размерах стимулирующих и компенсирующих выплат педагогическим работникам и служащим, занятым в образовании, бюджетных организаций, утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 3 июня 2019 г. № 71 «Об оплате труда работников в сфере образования», приемным родителям и родителям-воспитателям за сложность выполняемой работы устанавливается доплата в зависимости от численности детей, взятых на воспитание,

от базовой ставки в следующих размерах. Приемному родителю: одного ребенка – 10 процентов; двух детей – 30 процентов; трех детей – 50 процентов; четырех детей – 70 процентов. Родителю-воспитателю: до пяти детей на период комплектования воспитанниками – 40 процентов; пять детей – 100 процентов; шесть детей – 120 процентов; семь детей – 140 процентов; восемь детей – 160 процентов; девять детей – 180 процентов; десять и более детей – 200 процентов.

Помимо этого, согласно Инструкции о порядке осуществления и размерах стимулирующих и компенсирующих выплат работникам бюджетных организаций, подчиненных Министерству образования, и бюджетных организаций, подчиненных местным исполнительным и распорядительным органам и относящихся к сфере деятельности Министерства образования, для приемных родителей и родителей-воспитателей устанавливаются надбавки:

– за характер труда, педагогическим работникам за выполнение отдельных видов работ (за работу по обеспечению защиты прав и законных интересов детей из неблагополучных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, работу с родителями). На установление данной надбавки направляется родителям-воспитателям и приемным родителям – 5 процентов суммы окладов педагогических работников.

– за работу в сельской местности родителям-воспитателям, приемным родителям, рабочее место которых расположено в сельской местности, в размере 20 процентов от базовой ставки.

Дополнительно для приемных родителей и родителей-воспитателей установлена доплата за особые условия труда с обучающимися (детьми), имеющими тяжелые и (или) множественные физические и (или) психические нарушения, умеренную, тяжелую интеллектуальную недостаточность, нарушения функций опорно-двигательного аппарата со значительным и резко выраженным нарушением передвижения или его отсутствием, из числа лиц с особенностями психофизического развития, с особенностями психофизического развития, в том числе с аутистическими нарушениями, с обучающимися, находящимися в санаторных учреждениях дошкольного образования, санаторных группах учреждений дошкольного образования, санаторных школах-интернатах (их структурных подразделениях, обособленных подразделениях).

Согласно информации, размещенной на сайтах, касающихся вакансий на должности профессиональных родителей, для кандидатов в среднем предлагается следующий размер заработной платы: по должности «приемный родитель» – от 700,00 бел. руб. [4]; по должности «родитель-воспитатель» – от 1600,00 бел. руб. [5]. Относительно родителей-воспитателей SOS–детских деревень для кандидатов на соответствующие должности в объявлениях указывается заработная плата в диапазоне от 1100,00 – 1500,00 бел. руб. [3].

Таким образом, при определении в трудовом договоре с приемными родителями и родителя-воспитателями условия об оплате труда следует учитывать следующее. Во-первых, оплата труда профессиональных родителей производится на основе тарифной системы, включающей в себя базовую ставку и тарифную сетку, которые применяются к работникам бюджетных организаций и иных организаций, получающих субсидии, работники которых приравнены по оплате труда к работникам бюджетных организаций. Во-вторых, так как приемные родители и родители-воспитатели относятся к категории педагогических работников, на них распространяются специальные нормативные правовые акты, определяющие порядок

оплаты труда работников данной сферы. В-третьих, принимая во внимание специфику труда приемных родителей и родителей-воспитателей для них установлены симулирующие (надбавка за характер труда педагогическим работникам за выполнение отдельных видов работ) и компенсационные (доплата за работу в сельской местности; доплата за сложность выполняемой работы в зависимости от численности детей, взятых на воспитание; за особые условия труда) выплаты. В-четвертых, для родителей-воспитателей детской деревни (городка) частной формы собственности порядок установления заработной платы отличается от общего, который применяется для иных профессиональных родителей и определяется коллективным договором, соглашением или нанимателем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апенюк, А. Г. Особенности изменения трудового договора с приемными родителями и родителями-воспитателями / А. Г. Апенюк // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]; Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, Вып. 18. – С. 597–608.

2. Апенюк, А. Г. Сравнительно-правовой анализ содержания и условий трудового договора и договора об условиях воспитания и содержания детей: опыт Республики Беларусь / А. Г. Апенюк // Трибуна молодых ученых : сборник научных трудов. Вып. 19 : Современные тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса : в 2 т. / под ред. О. С. Рогачевой ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. – С. 19–25.

3. Вакансии на должность родителя-воспитателя [Электронный ресурс] // Praca.by. – Режим доступа: <https://praca.by/search/vacancies/?search%5Bquery%5D=%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C&search%5Bcity%5D%5B%D0%9A%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BD%5D=1>. – Дата доступа: 25.01.2024.

4. Приглашение на работу на должность приемного родителя [Электронный ресурс] // Государственное учреждение образования «Социально-педагогический центр с приютом Ленинского района г. Минска». – Режим доступа: <https://cloud.mail.ru/public/9PpU/45AJmzs3H>. – Дата доступа: 25.01.2024.

5. Приглашение на работу на должность родителя-воспитателя [Электронный ресурс] // Государственное учреждение образования «Социально-педагогический центр с приютом Ленинского района г. Минска». – Режим доступа: <https://cloud.mail.ru/public/Anqs/w4hGMfdna>. – Дата доступа: 25.01.2024.

6. Трудовое право: учебник для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право» / В. Н. Артемова [и др.] ; под ред. В. И. Семенкова. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. – 711 с.

7. Шпилевская, Т. Э. Особенности правового регулирования труда профессорско-преподавательского состава : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Т. Э. Шпилевская ; Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – 163 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Баранов Д. А., магистр юридических наук, юрисконсульт
ОАО «Дорстроймонтажтрест»
г. Минск, Республика Беларусь*

В настоящий момент строительная сфера переживает значительные технологические и социально – экономические преобразования. Кроме этого, строительная отрасль очень динамичная отрасль экономики, развитие которой требует создания механизмов эффективного управления строительным процессом, оптимизации строительного подряда и усовершенствование организационной структуры. Без изменения и перестройки нормативной правовой базы, адаптации ее к новым условиям достижение указанных целей невозможно.

Следует сказать, что относительно долгий период работа по развитию законодательства в строительной сфере велась не совсем удачно. Накопившийся массив нормативного материала, а с ним и возникшие противоречия потребовали изменения подходов к правовому регулированию. В частности, принятию мер по обновлению и актуализации нормативных правовых актов в области строительной деятельности.

В этой связи, в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. N 7 "О развитии предпринимательства" (далее – Декрет N 7) в целях совершенствования и упрощения требований к архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, минимизации административных процедур был разработан и внесён в Палату представителей Советом Министров 6 января 2022 года законопроект Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (далее – Кодекса № 289-3).

27.07.2023 Кодекс № 289-3 был подписан Президентом Республики Беларусь, и 21.07.2024 его положения вступят в силу. Кодекс объединил в себе нормы, регулирующие публичные отношения.

В Кодексе № 289-3 в частности, регламентированы следующие вопросы:

- множество ранее не регламентированных терминов;
- определены принципы архитектурной, градостроительной и строительной деятельности;
- классы сложности объектов строительства;
- объекты авторского права в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности;
- вопросы страхования, нормирования при строительной деятельности;
- субъекты и их права и обязанности в архитектурной, градостроительной и строительной деятельности;
- компетенция государственных органов, осуществляющих государственное регулирование и управление в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности и др.

Нужно сказать, что решение по кодификации в сфере строительства было оправдано и в целом поддерживается учеными и бизнес – сообществом. Вызывает чувство сожаления только то, что проведенная работа по кодификации не везде коснулась концептуальных изменений основных категорий строительного законодательства в направлении консолидации и исключения явных противоречий в межотраслевом аспекте.

Ведь как уже не раз отмечалось, правовое регулирование строительной деятельности в настоящее время представляет собой сложную совокупность правовых актов, принадлежащих к смежным отраслям законодательства, а также большого комплекса нормативно - технического регулирования. Это сплетение административного, гражданского, земельного и других отраслей законодательства.

Сегодня тенденции комплексного участия в регулировании разных видов общественных отношений увеличиваются. Но такой глубины и масштаба взаимопроникновения норм частного и публичного права как в строительстве, и при этом наличия специального правового регулирования нет ни в одной общественной сфере. Это обуславливает необходимость проведения исследования нормативно – правовой базы в сфере строительной деятельности.

Перейдем к непосредственному анализу иных источников права участвующих в правовом регулировании строительной деятельности.

Безусловно, основной любой деятельности, выступает Конституция Республики Беларусь. В частности, в ст. 2 последней, закреплено то, что: «человек, его права, свободы и гарантии их реализации, выступают высшей ценностью и целью общества и государства». В качестве одного из основополагающих прав человека выступает его право на жилище, которое регулируется в ст. 48 Конституции Республики Беларусь.

Также в ст. 7 Конституции Республики Беларусь указывается на то, что на территории республики установлен принцип верховенства права, в силу которого государство, все его органы и должностные лица, граждане и организации обязаны действовать исключительно в пределах Конституции Республики Беларусь и актов законодательства, принятых в соответствии с ней, в т. ч. в процессе реализации строительной деятельности.

В ст. 8 Конституции Республики Беларусь закреплено то, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права. Последние закреплены в нормах Устава Организации Объединённых Наций, членом которой является и Республика Беларусь. Нужно подчеркнуть, что международные правовые акты являются важным источником правового регулирования строительной деятельности.

Одно из центральных мест в правовом регулировании строительной деятельности занимает Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-з «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон № 300). В Законе № 300 строительная деятельность трактуется как деятельность по возведению, реконструкции, ремонту, реставрации, благоустройству объекта, сносу, консервации не законченного строительством объекта, включающая выполнение организационно-технических мероприятий, в том числе оказание инженерных услуг в строительстве, подготовку разрешительной и проектной документации, выполнение строительно– монтажных, пусконаладочных работ. Как видно из определения, отношения в области архитектурно – строительной деятельности имеют сложную и многоуровневую структуру. В связи с чем, правовое регулирование строительной деятельности осуществляется целым рядом законодательных актов принадлежащим к разным отраслям права, издание, которых входит в компетенцию различных государственных структур.

Огромное влияние на правовое регулирование строительной деятельности оказывают институты частного права. Ни у кого не вызывает сомнения, что создать высокую устойчивость и работоспособность системы законодательства, регулирующего строительную сферу, без гражданско – правового регулирования невозможно. С учетом того, что строительная деятельность и ее результаты является в большей степени объектом гражданско – правового регулирования, то основным нормативно – правовым актом является Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК).

В ГК содержатся общие положения о договоре строительного подряда, о возникновении права собственности на объекты недвижимости, о содержании понятия объекта недвижимости, о юридической сущности субъектов, участвующих в строительной сфере, и многие другие вопросы.

Также стоит отметить, что все объекты недвижимости возводятся на земельных участках, которые должны использоваться в строгом назначении и в соответствии с требованиями, установленными Кодексом о земле (далее – ЗК). Это обусловлено прочной связью объектов недвижимости с землей и невозможностью их отчуждения без причинения существенного ущерба, сопоставимого со стоимостью объекта недвижимости.

ЗК регламентирует правовые отношения, в которых объектом выступает земля. Особое значение имеет правовое регулирование категорий земель и их целевого назначения, порядок приобретения, отчуждения земельных участков.

Активно задействованы в правовом регулировании строительной деятельности множество законов межотраслевого характера.

В частности, Закон от 07.01.2012 (ред. от 11.10.22) № 340-З «О санитарно – эпидемиологическом благополучии населения» предусматривает право органов и учреждений при осуществлении государственного надзора приостанавливать строительную деятельность. Основанием для приостановления деятельности могут быть:

- Причинение вреда здоровью и жизни граждан;
- Причинение вреда окружающей среде;
- Создание угрозы национальной безопасности.

Аналогичного содержания норму можно встретить в Законе Республики Беларусь от 05.01.2016 N 354-З (ред. от 28.05.2021) «О промышленной безопасности».

Между тем основной массив нормативного регулирования представлен актами президента и подзаконными актами, издаваемыми республиканскими органами исполнительной власти и различными ведомствами. Сегодня действует ряд указов и декретов Президента Республики Беларусь, устанавливающих специальные правила, нежели указанные в Кодексе № 289-З.

Наиболее значимым из актов Президента является Декрет от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» который привнес в строительную отрасль ряд положений либерального характера. В частности, указанным нормативным актом была проведена оптимизация в сфере закупок, упрощение и сокращение правового регулирования строительных отношений и т.д.

Другими актами, содержащими принципиальные положения для строительной отрасли, следует признать Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 N 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы» и Директива Президента Республики Беларусь № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли» (далее – Директива № 8). В Директиве № 8 особое внимание уделяется созданию информационной среды, которая будет единым цифровым пространством для всех участников строительной деятельности, а также обеспечит возможность электронного взаимодействия между субъектами строительной деятельности.

Законодатель все чаще акцентирует внимание на переходе к цифровым технологиям в строительной сфере. Как отмечает в своей работе Карцхия А. А. «цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо

адаптироваться правовым институтам [1]. Немаловажным стал тот факт, что в Республике Беларусь были приняты ряд нормативных документов в указанном направлении. К ним можно отнести, Указ Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 N 348 (ред. от 24.08.2022) «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы» а также Указ Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 N 156 «О приоритетных направлениях научной, научно – технической и инновационной деятельности на 2021 – 2025 годы», а также ряд программ в сфере цифровизации затронувших и строительную отрасль. Например, Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 N 66 (ред. от 18.03.2022) была утверждена «Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы».

К другим актам Президента Республики Беларусь, имеющим концептуальное значение для сферы строительства, можно причислить Указ Президента Республики Беларусь от 14.01.2014 N 26 (ред. от 17.01.2023) «О мерах по совершенствованию *строительной деятельности*», Указ Президента Республики Беларусь от 26.02.2021 N 58 «Об осуществлении *строительной деятельности*» и др.

Одно из главных мест в нормативно – правовых базах занимают подзаконные акты, которые конкретизируют основные положения законов. Сюда можно отнести Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.09.1998 № 1450 О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. № 1450 и Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 01.04.2014 N 297 (ред. от 25.05.2018) «Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством». Данные нормативные акты являются основой договорных конструкций, используемых в строительных правоотношениях.

К ведомственным актам можно отнести Постановление Минстройархитектуры от 30.06.2022 N 66 которым утверждена Инструкция о порядке определения вида строительной деятельности и наименования объекта строительства (далее – Инструкция), которая начала действовать с 15.12.2022.

Важной особенностью отношений, возникающих в процессе осуществления строительной деятельности, является их теснейшая взаимосвязь с техническими нормативными актами. Данные нормы имеют административную отраслевую принадлежность. К административной отрасли законодательства можно отнести кодексы, которые регламентируют техническую часть вопроса, стандарты в области строительной деятельности, регламенты регулирующие порядок обеспечения безопасности зданий и сооружений, а также иные виды актов.

Во главе указанной иерархии актов стоит Закон Республики Беларусь от 05.01.2004 N 262–3 (ред. от 05.01.2022) "О техническом нормировании и стандартизации» (далее – Закон N 262-3). Сложившаяся система технического регулирования имеет также свои недостатки. Они проявляются в неповоротливости, избыточности требований и стандартов, что порой является сдерживающим фактором в развитии строительной отрасли.

Таким образом, рассмотренная структура нормативно – правовых актов свидетельствует, что система законодательства в области строительных отношений все ещё остаётся громоздкой.

Можно сказать, что первый шаг по совершенствованию строительного законодательства именно в направлении создания единого комплексного правового

механизма, регулирующего общественные отношения в сфере архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в нашей стране уже сделан.

В любом случае преодолеть все сложности в правовом регулировании строительной деятельности с помощью Кодекса № 289–З, как основного нормативного акта в области строительной деятельности не получится.

Также следует принимать меры по уменьшению числа законодательных актов, регулирующих строительную сферу, укрупнению существующих путем унификации при регулировании однородных отношений. Полагаем, что в дальнейшем законодательство о строительной деятельности необходимо систематизировать, применяя метод межотраслевой группировки норм, объединяя их в один сборник через инкорпорацию, что позволит обеспечить стабильность правового регулирования, а также ликвидировать коллизии и пробелы в строительном законодательстве.

Достижение намеченных целей является не простой задачей. В целом принятие Кодекса № 289–З как основного нормативного правового акта в сфере архитектурно – строительной деятельности повысит качество и эффективность нормативных правовых актов, регулирующих архитектурно – строительную деятельность. Документ должен сыграть положительную роль и для практики, и для усиления тенденций совершенствования всего комплекса законодательства, регулирующего архитектурно – строительную деятельность. Помимо этого, требуется внесение поправок в сам проект Кодекса.

Кроме Кодекса № 289–З, считаем актуальным разработку комплексных нормативных актов, которые смогут замкнуть многие узловые отношения. Например, принятие Закона «О строительстве» включив в него фундаментальные положения как частной, так и публичной правовых сфер, не вошедших в Кодекс № 289–З и требующих правового оформления.

Похожую позицию на этот счет высказывал известный российский цивилист О. Ф. Макаров, который проведя анализ публично – строительных контрактов, концессионных соглашений, договоров о комплексном развитии территорий и др., предлагал разработать Закон о строительстве с выделением раздела, регулирующего особенности заключения и исполнения публично – строительных контрактов [2, с. 16].

Закон «О строительстве» должен включать в себя следующие основные положения:

1. Закрепление предмета регулирования закона – отношения в сфере строительной деятельности, а также смежные правоотношения;
2. Определение основных понятий, используемых в строительных правоотношениях;
3. Закрепление круга субъектов строительной деятельности, а также их прав, обязанностей, ответственности;
4. Определение требований, предъявляемых к субъектам строительной деятельности;
5. Определение объектов строительной деятельности, требований, предъявляемых к объектам строительной деятельности;
6. Определение видов строительной деятельности, которые могут осуществляться;
7. Определение перечня требований для каждого вида строительной деятельности;

8. Определение гарантийных обязательств, а также ответственности субъектов строительной деятельности;
9. Определение порядка, формы заключения, изменения и расторжения строительных договоров;
10. Порядок страхования ответственности застройщиков;
11. Определение нормативов, стандартов и правил оформления строительной и проектной документации;
12. Определение органов, осуществляющих контрольные и надзорные функции за строительной деятельностью, их полномочия, порядок реализации этих полномочий;
13. Порядок вступления закона в силу, а также перечень нормативно-правовых актов, которые утрачивают силу в связи с принятием Закона «О строительстве».

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

В настоящий момент источники правового регулирования строительной деятельности не структурированы и не регулируют правоотношения в достаточной степени. Действующее законодательство в строительной деятельности противоречиво, содержит пробелы, создающие коллизии при правоприменении.

Полагаем, что реформированию законодательства о строительстве должна предшествовать деятельность по объединению нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере архитектуры и строительства, в один сборник через инкорпорацию, что позволит эффективней решать вопросы по устранению коллизии и пробелов в строительном законодательстве.

Также считаем необходимым разработку комплексных нормативных актов, которые смогут замкнуть многие узловые отношения. Например, принятие Закона «О строительстве» включив в него фундаментальные положения как частной, так и публичной правовых сфер, не вошедших в Кодекс № 289–з и требующих правового оформления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карцхия, А. А. Цифровое право как будущее российской цивилистики [Электронный ресурс] / А. А. Карцхия // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovoe-pravo-kak-budushee-klklassicheskoy-tsivilistiki-statya>. – Дата доступа: 29.02.2024.
2. Макаров, О. В. Договоры о строительстве: прошлое настоящее и будущее // Юрист. Москва: – 2021. – № 4. – С. 11– 16.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ОТПУСКОВ

Башкова П.В., магистрант

Белорусский государственный экономический университет

Научный рук. Шарана И.А.

Правовое регулирование и разнообразие института социальных отпусков обусловлено системой права и особенностями правового наследия. Например, в постсоветских странах социальные отпуска получили широкое распространение в силу значительного влияния политики социального обеспечения и защиты, а страны

Западной Европы в меньшей степени внедряли социальные отпуска по причине развития рыночной саморегулирующей экономики, которая не так активно обеспечивала социальные гарантии населению. Но несмотря на зависимость института социальных отпусков от конкретного национального права, международные нормы права дают основу для общего регулирования отдельного вида социального отпуска – отпуска по беременности и родам.

В системе социальных отпусков базовым является отпуск по беременности и родам. Данный отпуск стал первым социально ориентированным отпуском в мире и до сих пор находит свое отражение в законодательстве большинства стран. Отпуск по беременности и родам отличается от всех остальных отпусков своей универсальностью. Он является основным элементом защиты занятых женщин в перинатальный период. Эта его функция является общепризнанной и устоявшейся. При этом положения и условия предоставления данного отпуска зависят от состояния экономики, правосознания и устоявшейся системы права в том или ином регионе. Для выявления особенностей и характерных черт рассмотрим порядок регулирования отпуска по беременности и родам на уровне международного права и права зарубежных стран.

При обращении к международному опыту, положение о социальных отпусках в привычном для нас виде будет отсутствовать. Международные конвенции не используют системный подход в регулировании социальных отпусков, а затрагивают лишь вопросы предоставления и использования некоторых социальных отпусков отдельными категориями граждан. Поэтому в многих странах имеются лишь те виды социальных отпусков, которые были признаны международным сообществом в отраслевых конвенциях. В основном, это касается отпуска по беременности и родам.

В первую очередь, значимость и универсальность отпуска по беременности и родам отражается в закреплении основ и стандартов данного отпуска в нормах международного права. Международный билль о правах человека закрепляет в себе обязанность всех стран обеспечить должные гарантии в отношении беременных женщин. В ч. 2 ст. 10 Международного пакта об экономических и культурных правах сказано, что особая охрана должна предоставляться матерям в течение разумного периода до и после родов. В течение этого периода работающим матерям должен предоставляться оплачиваемый отпуск или отпуск с достаточными пособиями по социальному обеспечению. На данный момент 164 страны в мире подписали и ратифицировали Международный пакт об экономических и культурных правах, а в силу обязательности имплементации норм данного международного договора, в правовых системах стран обязательно должен быть отражен отпуск по беременности и родам. Это единственный вид социальных отпусков, который закреплён в подавляющем большинстве стран.

Конвенция о правах ребенка также устанавливает обязательные гарантии для беременных женщин с целью защиты детей. В преамбуле сказано, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения, а ст. 24 указывает на то, что государство должно предоставлять матерям надлежащие услуги по охране здоровья в дородовой и послеродовой периоды. Положения норм международного права закреплены и в действующем законодательстве Республики Беларусь, включая Конституцию Республики Беларусь (ст. 32, 45, 47).

Универсальность отпуска по беременности и родам также выражается в масштабности применения. Право на отпуск по беременности и родам, в целом, не

ограничено кругом лиц. Например, в Республике Беларусь этим правом обладают все женщины, осуществляющие какую-либо деятельность на постоянной основе. Именно отпуск по беременности и родам наглядно показывает межотраслевой характер института социальных отпусков. То есть отпуск по беременности и родам за счет основ защиты института материнства и детства носит общий характер и находит отражение как в законодательстве о труде, так и в других отраслях законодательства. В свою очередь законодательство Великобритании устанавливает ряд условий, по которым отпуск по беременности и родам и соответствующие выплаты предоставляются только работникам по трудовому договору, но не предусмотрены, например, для самозанятых. А для получения пособия должны быть соблюдены пороги в продолжительности занятости и уровне дохода женщины до беременности [3, с. 2].

Отпуск по беременности и родам помимо универсальности обладает принципом обязательности. Этот принцип характерен только для отпуска по беременности и родам. Проявляется принцип в обязательности нанимателя предоставить отпуск, а в некоторых системах обязательности женщины использовать отпуск по беременности и родам. Данный подход связан с социальной политикой государства, направленной на поддержание здоровья населения и в первую очередь беременных женщин. Его цель – сохранить здоровье женщины и ребенка во время беременности и родов, учитывая особые физиологические и психологические проблемы, связанные с этим периодом. Отдых, подготовка к родам и восстановление после родов необходимы по медицинским показаниям, в связи с этим отпуск по беременности и родам является обязательным и имеет особый порядок предоставления. Но такой принцип может выражаться по-разному. В законодательстве Республики Беларусь обязательен весь период отпуска по беременности и родам. Но имеются и иные системы реализации отпуска, например, в Перу действует гибкая система использования необязательной части отпуска по беременности и родам. Нормальная продолжительность отпуска составляет 90 дней, 45 из которых являются обязательными для использования в послеродовой период. Оставшиеся 45 дней можно брать до рождения ребенка, они также могут быть перенесены целиком или частично на более позднее время и добавлены, по желанию женщины, к послеродовому отпуску, если это не вредит здоровью матери и ребенка. А во Франции женщинам гарантируется 16 недель материнского отпуска, 6 из которых должны быть использованы до предполагаемой даты рождения ребенка и 10 – после нее. По своему желанию и с согласия врача-терапевта, женщина может сократить продолжительность дородовой части отпуска не более чем на три недели и использовать их после рождения ребенка [1, с. 13].

При сравнении отпусков по беременности и родам в разных странах выделяются несколько положений, которые отличают их друг от друга и обусловлены особенностями национального правового регулирования. В первую очередь это продолжительность отпуска по беременности и родам. Фундаментальным положением в данном вопросе является Конвенция МОТ относительно охраны материнства № 103 от 28 июня 1952 г. (далее – Конвенция № 103), которая в ст. 3 закрепляет право любой женщины на отпуск по материнству в связи с беременностью и родами, при этом устанавливает минимальные стандарты для данного отпуска, например, продолжительность обязательного отпуска, предоставляемого после родов, должна быть определена национальными законами или правилами, но не должна ни в коем случае быть меньше шести недель. Тем самым нормы международного права

устанавливают минимальный порог в продолжительности отпуска по беременности и родам. Например, в некоторых штатах США гарантирован отпуск по беременности и родам на период до 12 недель, а в Республике Беларусь от 18 до 20 недель. В некоторых странах, например, Великобритании, отсутствует дихотомическое деление отпуска на отпуск по беременности и родам и отпуск по уходу за ребенком – на все цели предоставляется единый отпуск на период до 52 недель [3, с. 2].

Второй отличительной чертой является условие предоставления пособия на период отпуска. На уровне СНГ имеется региональное закрепление данного положения. В ст. 14 Конвенции СНГ о правах и основных свободах от 26 мая 1995 г. помимо обязанности стран-участниц Содружества предусмотреть отпуск до и после родов, так и обеспечить на этот период выплату пособий по социальному обеспечению или пособий из общественных фондов. Тем самым в странах СНГ гарантированно обязательное пособие, при этом в законодательстве Республики Беларусь оно ничем не обусловлено, кроме реализации самого отпуска. Подобную ситуацию можно наблюдать в странах Скандинавии. Но вот денежное пособие на период отпуска по беременности и родам в США скорее является исключением, чем общим правилом. Например, пособие предоставляется только женщинам, работающим в крупных фирмах, которые корпоративными нормами устанавливают такие возможности [4, с. 12].

Спорным вопросом для отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком остается вопрос продолжительности и период оплаты. Возникает проблема в расставлении приоритетов в государственной политике регулирования: осуществление поддержки институтов детства и материнства путем предоставления более длительного отпуска или же повышение уровня занятости и вовлечение рабочей силы в экономику.

Исследования западных стран указывают, что длительные оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком приводят к уменьшению квалификации женщин, сложности их восстановления на работе, ослаблению трудовой связи с нанимателем и, как результат, к потере трудовых ресурсов. С другой стороны, длительные оплачиваемые отпуска, которые присутствуют в законодательстве Республики Беларусь, позволяют лицам, осуществляющим уход за детьми, иметь финансовую поддержку на период осуществления действий, значимых и для семьи, и для всего общества. Но существуют мнения, которые предполагают, что изменение подобной политики позволит повысить уровень рождаемости в стране и посодействовать решению кадровой проблемы. Например, А.И. Ящук считает, что ключевой проблемой современной Беларуси является дефицит в демографической динамике. Изменить данную ситуацию позволит поддержка работающих родителей. В этом смысле в Беларуси необходимо использовать опыт Швеции, Финляндии, Германии и других развитых стран и рассмотреть вопрос о введении нового пособия – родительского, которое было бы привязано к заработной плате каждого конкретного родителя. При этом обязательно нужно дифференцировать нахождение в оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком, при необходимости сократив его до двух лет. В случае, если родитель принимает решение находиться в отпуске по уходу за ребенком до одного года, то ему выплачивается пособие на ребенка и родительское пособие в размере 60% среднего заработка за предыдущий год. Если же этот период составляет до двух лет, то выплачивается половина родительского пособия. От двух до трех лет родитель сам берет на себя финансовую ответственность, и родительское пособие не выплачивается, но при этом остается пособие на ребенка [2]. По нашему

мнению, это перспективная идея по той причине, что государство сможет поддержать родителей, которые до появления ребенка хорошо зарабатывали и не хотели терять доход, а также сможет простимулировать к более раннему выходу на работу. Такие меры положительно могут повлиять на принятие решения о рождении детей родителями, которые имеют высокий заработок, что напрямую сможет повлиять на вопрос рождаемости.

Таким образом, институт социальных отпусков находит свое отражение в нормах международного права в виде норм охраны и защиты материнства и детства, которые в последующем реализуются в качестве универсальной мировой практики отпуска по беременности и родам. При этом, кроме минимальной продолжительности отпуска, международные акты не предусматривают никаких обязательных гарантий. Поэтому данный вид отпуска в разных странах реализуется с совершенно разными условиями. При этом, мировые тенденции стимулируют рост уровня занятости, в связи с чем ведется активный поиск оптимальной продолжительности семейных отпусков с тенденцией к уменьшению периода предоставления отпуска.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комплект пособий по охране материнства. От мечты к реальности для всех. Модуль 6. Отпуск по беременности и родам и смежные виды отпусков / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, Программа по условиям труда и занятости. [Электронный ресурс]. – Москва, 2012. – 76 с. – Режим доступа: <https://mprp.etcilo.org/allegati/ru/m6.pdf>. – Дата доступа: 16.02.2024.
2. Ящук, А.И. Сочетание занятости и рождаемости: проблемы, пути и решения / А.И. Ящук // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2017. – № 3. – С. 22–28.
3. Allen, J Maternity, paternity and parental leave / J. Allen. – UK Women’s Budget Group. – October, 2018. – 6 p.
4. Regmi, K Maternity leave / K. Regmi, Le Wang. – GLO Discussion Paper №1184, 2022. – 55 p.

ПОВЫШЕНИЕ РАЗМЕРА ПЕНСИЙ ПО ВОЗРАСТУ С УЧЕТОМ КАЧЕСТВА ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАСЛУГ

*Белова И.А., к.ю.н., доц.,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

В Республике Беларусь Указом Президента Республики Беларусь 2024 год объявлен Годом качества. Советом Министров Республики Беларусь был утвержден республиканский план мероприятий по проведению в 2024 году Года качества (далее – План).

Формирование личной гражданской ответственности за достижение высокого качества жизни включено в качестве одной из приоритетных целей государства, при этом, одной из составляющих этой цели является «обеспечение устойчивого роста доходов и высоких гарантий социальной защиты граждан» как указано в Плане. Для реализации поставленного приоритета предусмотрено «расширение практики использования программ дополнительного пенсионного страхования» (п.51 Плана).

Кроме этого Планом установлено развитие социального партнерства через заключение дополнительного соглашения к генеральному соглашению Правительства с Профсоюзами и объединениями нанимателей, а также «внесение в коллективные договоры положений, предусматривающих развитие системы мотивации и стимулирования работников за высокие достижения в области качества» (п.55 Плана).

Данные положения, безусловно, будут реализованы, и качество труда отразится на заработной плате, и, в конечном итоге, на размере пенсий граждан. Но, это – в отдаленной перспективе. Труд лиц пенсионного возраста или пред пенсионного возраста, каким бы качественным он не был, уже практически не повлияет на размер пенсионного обеспечения. Но и для данной категории граждан можно и нужно разработать механизм учета качества труда и профессиональных заслуг при исчислении размера пенсий.

Главными способами оценки качественного труда достаточно долгий промежуток времени являлись меры так называемого «материального стимулирования» и «морального стимулирования». О данных мерах имеется ряд публикаций белорусских ученых. В частности, Петрович Т.М. в своей статье «Стимулирование труда как гарантия эффективного использования трудовых ресурсов» указывает, что материальное стимулирование как правило, отражается на заработной плате, но не всегда, поскольку существуют «меры не денежного материального стимулирования – «использование дополнительных льгот по рабочему времени и времени отдыха, возможности повышения квалификации, профессиональной подготовки и др.» [1].

Кроме этого, нанимателем применяются и меры «морального стимулирования». «Морально-социальное стимулирование выражается в праве нанимателя применять такие меры поощрения за труд, как награждение Почетной грамотой, объявление благодарности, присвоение различных почетных званий, представление к званию лучшего по профессии и др. Данные меры не получили закрепления в нормах Трудового кодекса Республики Беларусь.

За особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам в соответствии с законом (ч. 3 ст. 196 ТК)» [1].

Законом Республики Беларусь «О государственных наградах Республики Беларусь» от 18 мая 2004 г. № 288-З (в ред. от 27.12.2023 г. № 320-З) определено, что «Государственные награды Республики Беларусь представляют собой высшую форму поощрения, признания вклада в защиту и укрепление государства и демократического общества, единства народа, приумножение экономического, интеллектуального и духовного потенциала страны, а также заслуг и достижений в общественной, гуманитарной, благотворительной и иных видах деятельности перед государством и народом.

В систему государственных наград Республики Беларусь входят: звание «Герой Беларуси»; ордена Республики Беларусь; медали Республики Беларусь; почетные звания Республики Беларусь» (ст.1).

Лицам, удостоенным государственных наград, в соответствии с пенсионным законодательством, могут устанавливаться пенсии за особые заслуги перед страной (ст.10 Закона о пенсионном обеспечении Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ (в ред. от 13.12.2023 г. №318-З).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О пенсиях за особые заслуги перед Республикой Беларусь» от 11 декабря 2023 г. № 865 утверждено

«Положение о пенсиях за особые заслуги перед Республикой Беларусь» (далее – Положение). Согласно этому Положению, установлены категории лиц, имеющих право на подобную пенсию. Обращает на себя внимание, что перечень таких граждан включает в себя не всех лиц, имеющих государственные награды, а также содержит высших должностных лиц и спортсменов – призеров, не имеющих государственных наград страны.

Новое Положение включает в себя нормы о составе и порядке функционирования комиссии по установлению пенсий за особые заслуги, о порядке возбуждения и рассмотрения ходатайства об установлении гражданину пенсии за особые заслуги, установлены основания прекращения выплаты пенсии.

«Пенсия за особые заслуги устанавливается в размере пенсии по возрасту, по инвалидности или за выслугу лет, назначенной гражданину в соответствии с законодательством о пенсионном обеспечении или о государственной гражданской службе, и повышения за особые заслуги перед Республикой Беларусь. Размер повышения за особые заслуги определяется Комиссией в каждом конкретном случае с учетом особых заслуг перед Республикой Беларусь гражданина, которому устанавливается пенсия за особые заслуги, и не может превышать 250 процентов минимального размера пенсии по возрасту» (п. 5 Положения).

Анализ Положения позволяет сделать вывод, что не все лица, имеющие государственные награды могут получить пенсию за особые заслуги. Значительное количество граждан, имеющих государственные награды, не получают никакого материального поощрения, в том числе, и при их выходе на пенсию. В случае установления определенных регулярных выплат лицам, имеющим государственные награды, это послужило бы определенной оценкой со стороны государства и общества вклада таких лиц в социально-экономическое развитие страны.

Внесение в коллективные трудовые договоры положений, предусматривающих развитие системы мотивации и стимулирования работников за высокие достижения в области качества возможно не для всех учреждений и организаций. Проблемной видится система оценки достижений в области качества. Внутренними критериями для организаций, среди прочего, могут стать как раз те самые меры «морального поощрения», которые применялись к работникам: благодарности, грамоты и т.п. Следует стимулировать продолжительность и качество труда в определенной отрасли, у одного нанимателя. Материальное стимулирование работников реализуется через систему премирования и доплат. Возможно установление в коллективных договорах условий о персональных надбавках, доплатах к пенсии лицам, проработавшим на предприятии более 20 лет, 30 лет и т.п., награжденных грамотами и др. и не имеющих за весь срок работы дисциплинарных взысканий.

Анализ локальных актов показывает, что наиболее распространенными мерами поощрения являются: объявление благодарности, выдача премии, награждение грамотой, ценным подарком, занесение на Доску почета и другие меры поощрения.

К поощрению за особые трудовые заслуги относят награждение: Почетными грамотами, нагрудными знаками, присвоение почетных званий и звания лучшего работника по данной профессии. Еще раз отметим, что разработка таких положений даст свои результаты, в материальном выражении, спустя определенное время.

Для придания большего значения мерам «морального стимулирования» на государственном уровне, следует внести изменения в действующие нормативные правовые акты о государственных наградах, предусмотрев возможные доплаты, которые могут выплачиваться с определенной периодичностью.

Для наиболее полной реализации высоких гарантий социальной защиты граждан, необходима разработка механизма учета качества труда и профессиональных заслуг при исчислении размера пенсий не только лиц имеющих государственные награды, но и иные знаки отличия их профессионализма и качества труда.

Особенно следует учитывать награждение нагрудными знаками отличия отраслевых Министерств и ведомств (например, нагрудный знак «Отличник здравоохранения», «Отличник образования» и т.п.). Подобные награды вручаются за значительный вклад в развитие соответствующей отрасли, внедрение передового опыта, образцовое выполнение трудовых обязанностей, высокие достижения в профессии, проработавшим в соответствующих организациях не менее 10 лет.

В Республике Беларусь установлено повышение пенсий по возрасту донорам (ст.40 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. №214-З «Об изменении законов по вопросам здравоохранения, донорства крови и её компонентов») по достижении общеустановленного пенсионного возраста на 40 процентов минимального размера пенсии по возрасту (40,68 руб. с 1 февраля 2024 г. по 30 апреля 2024 г.) донорам, награжденным нагрудным знаком отличия Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Ганаровы донар Рэспублікі Беларусь», знаком почета «Почетный донор Республики Беларусь», знаками «Почетный донор СССР», «Почетный донор Общества Красного Креста БССР».

С учетом экономических возможностей, можно было бы установить лицам, имеющим знаки отличия отраслевых Министерств и ведомств, повышение пенсий по возрасту (исчисляемых с применением величины бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения) в размере 30 процентов, а награжденных Почетными грамотами Национального Собрания, Совета министров, министерств и ведомств – в размере 5 процентов минимального размера пенсии по возрасту.

Указ о провозглашении 2024 года Годом качества направлен на улучшение качества жизни белорусского общества, качественным должен быть как труд, так и его оценка. Каждый работник должен понимать, что государство ценит его профессионализм, качество труда, вклад в социально-экономическое развитие страны.

Пенсионная система еще не избавилась от высокой степени перераспределения средств, что нивелирует уровень пенсий лицам, имевшим высокий заработок до выхода на пенсию. Уравнивание пенсий граждан не является критерием социального государства, это скорее стимул к равнодушному отношению к результатам труда, основание для развития социального иждивенчества. Высокий уровень пенсионного обеспечения должен основываться на четких и понятных критериях установления размера пенсии, а также различных доплат.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Петроченко, Т.М. Стимулирование труда как гарантия эффективного использования трудовых ресурсов [Электронный ресурс] / Т.М. Петроченко. – Режим доступа:https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/189890/1/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_2017_3.pdf. – Дата доступа: 05.03.2024.

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОДХОДА ИЗЛОЖЕНИЯ НОРМ О ВИДАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

***Болохонов Б. С., ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Юридический факультет ГрГУ им. Я. Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь***

Изменения основных принципов государственной системы и сокращение государственного вмешательства в личную жизнь граждан (в рамках развития постсоциального типа процесса) закономерно привели к расширению прав и свобод субъектов гражданского (хозяйственного) права, что, в свою очередь, привело к постепенному увеличению количества споров между субъектами права. Увеличивающаяся нагрузка на судебный корпус, в свою очередь, актуализировала вопрос переосмысления целесообразности рассмотрения и разрешения абсолютно всех гражданских и экономических дел с полным выяснением всех обстоятельств и установлением действительных правоотношений сторон.

Идеи «пропорционального правосудия», согласно которому «определение ценности спора и судебного порядка, в котором будет рассмотрено дело, передается суду, который должен соизмерить влияние выбора порядка защиты права по конкретному делу на то, как это отразится на правах лиц, обращающихся в суд по другим делам» [5, с. 44] постепенно становятся все более актуальными. Так, в доктрине все чаще появляются точки зрения, согласно которым дифференциация гражданского судопроизводства на виды должна способствовать определению процессуальных особенностей разрешения однотипных категорий дел [2, с. 117].

В этой связи, законодателем осуществляется поиск структурных и функциональных способов оптимизации и гармонизации цивилистического судопроизводства, который приводит к закреплению новых и усовершенствованию уже имеющихся судебных процедур, формирует тенденцию выделения из общей (ординарной) процедуры рассмотрения и разрешения споров самостоятельных производств.

Необходимо отметить, что дифференциация общего порядка на разных этапах развития цивилистического процесса происходила по разным причинам. Законодатель ставил перед собой цели создания дополнительных гарантий и условий судебной защиты прав, законных интересов заинтересованных лиц [4, с. 18], повышения скорости, экономичности судопроизводства и т. д. Совершенствуя гражданское и хозяйственное процессуальное законодательство, закрепляя дополнительные (по отношению к общему) порядки рассмотрения и разрешения споров, законодатель постепенно приходит к категории вид судопроизводства.

Т. С. Таранова под видом судопроизводства понимает «процессуальный порядок рассмотрения и разрешения в суде первой инстанции гражданских дел, основанный на универсальности процессуальных правил общего характера, применяемых в исковом производстве, а также возможности применения иных процессуальных правил, индивидуализирующих процессуальный порядок рассмотрения и разрешения дел при наличии особенностей правовой природы правоотношений, составляющих предмет судебного разбирательства в отдельных производствах» [6, с. 171]. И. Н. Колядко считает, что вид гражданского судопроизводства это «порядок производства в судах по спорам, затрагивающим права и охраняемые законом интересы граждан и организаций, подчиненный общим правилам рассмотрения гражданских дел, дополняемым специальными нормами для отдельных дел и характеризующийся однородными правилами их разрешения, обусловленными материально-правовой природой спора» [3, с. 9]. Указанные

дефиниции отражают деление цивилистического судопроизводства на общий порядок рассмотрения и разрешения дел (исковое производство) и специальные порядки (остальные неисковые виды гражданского судопроизводства).

Исковое производство законодателем, действительно, закрепляется и рассматривается в качестве основного вида судопроизводства и общего порядка защиты прав и законных интересов в рамках хозяйственного и гражданского процессов (Раздел VI. «Исковое производство в суде первой инстанции» в ГПК и Раздел II. «Производство в суде, рассматривающем экономические дела, первой инстанции» в ХПК). Вместе с тем, подходы в правовом регулировании иных неисковых производств в кодексах неодинаковы.

Ряд неисковых производств, которые рассматриваются доктриной как «классические» или «традиционные» виды гражданского судопроизводства, в ГПК регулируются самостоятельным разделом (Раздел VII ГПК). В данный раздел отнесены правила рассмотрения и разрешения дел особого производства и производства, возникающего из административно-правовых отношений. Эти правила закрепляются в нормах, которые расположены в самостоятельных главах, которые, в свою очередь, разделены на параграфы. При этом общие положения, характерные для всех групп категорий дел одного вида, размещены в первом параграфе главы, а в последующих параграфах законодатель раскрывает правила и специфические особенности (специальный процессуальный режим) каждой группы категорий дел рамках данного вида.

Глава 31 ГПК, регламентирующая правила приказного производства, хоть и включена в раздел VII ГПК, но дополнительных параграфов не содержит и описывает общие правила рассмотрения дел в порядке приказного производства. Закрепление и размещение в ГПК остальных правил рассмотрения и разрешения дел неисковых производств также носят иной, несистемный характер.

Так, например, правила отмены решения трудового арбитража, отмены решения третейского суда, порядок выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение медиативного соглашения структурно расположены уже после раздела, регламентирующего порядок пересмотра вступивших в законную силу решений суда первой инстанции (Раздел VIII ГПК). Содержатся отдельные правила и порядки в том числе и в рамках Приложений к ГПК. Содержание ст. 8 ГПК допускает возможность существования в ГПК «иных» видов производств, что дает основание рассматривать любые порядки в качестве самостоятельных видов производств. Однако, такое расположение правил неисковых производств в рамках ГПК затрудняет формирование критериев дифференциации судебных процедур и общее понимание категории «вид гражданского судопроизводства».

В ХПК, с одной стороны, все правила неисковых производств следуют друг за другом, и, в отличие от ГПК, ХПК закрепляет нормы, которые являются общими для всех видов неисковых производств. Для закрепления таких норм законодатель использует термин «отдельные виды производств в суде первой инстанции» (Глава 23 ХПК). Но также как в ГПК, в ХПК отсутствует широкая дефиниция рассматриваемой категории, отсутствуют нормы, которые содержат общий перечень видов судопроизводства и критерии их выделения в качестве самостоятельного вида. Значительное количество производств в рамках ХПК выделены в отдельные главы, однако не имеют самостоятельной структуры вида судопроизводства и в рамках процессуального кодекса размещены, как и правила искового производства, в Разделе II ХПК.

В этой связи, более правильным считаем наличие в рамках ХПК не системы видов хозяйственного судопроизводства, а системы норм, характеризующих особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел, не составляющих вида. Обращая на это внимание, Т. С. Таранова справедливо отмечает, что в рамках хозяйственного судопроизводства выделяются: исковое производство; отдельные виды производств и иные виды производств [6, с. 176], что, с нашей точки зрения, также создает некоторую неоднозначность в понимании и содержании категории «вид судопроизводства».

В связи с тем, что под видом судопроизводства мы понимаем «обусловленный характером спорного правоотношения процессуальный порядок рассмотрения и разрешения отдельных групп гражданских и экономических дел» [1, с. 81], считаем, что правила рассмотрения и разрешения неисковых дел должны быть основаны на применении общих для всего процесса правил, с указанием дополнительных правил, которые являются обязательными для всего неискового вида судопроизводства, а также специальных уточнений, которые применяются в отношении каждой отдельной группы категорий дел, входящей в состав неискового вида гражданского судопроизводства. Также представляется целесообразным считать логически обоснованной группировку норм о видах судопроизводства, которая используется в рамках глав 29, 30 ГПК.

В результате унификации видов судопроизводства в цивилистическом процессе считаем целесообразным взять за основу данную модель изложения норм, которая основана на дифференцированном подходе. Наиболее оптимальным видится использование двухуровневого способа изложения правовых норм, регламентирующих те или иные порядки. Так, нормативное изложение правил рассмотрения и разрешения дел соответствующего вида судопроизводства сначала должно отражать особенности рассмотрения дел для всего вида судопроизводства, формируя тем самым общие для всех категорий дел правила (например, § 1 главы 30 ГПК), а после должны излагаться особенности рассмотрения отдельных категорий дел данного вида судопроизводства (например, § 2–12 главы 30 ГПК).

Считаем, использования такого рода юридико-технического подхода изложения, структурирования и оформления норм, регулирующих особенности процедуры рассмотрения и разрешения однородных категорий дел в рамках вида гражданского судопроизводства является наиболее целесообразным, уточняет дополнительные правила для каждого вида, приводит к единообразию изложение норм, которые регламентируют неисковые производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болохонов, Б. С. Унификация видов судопроизводства по гражданским и экономическим делам / Б. С. Болохонов // Вестн. Гродн. гос. ун-та. Сер. 4, Правоведение. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 79–85.
2. Иванова, М. А. Критерии выделения производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, в самостоятельный вид судопроизводства / М. А. Иванова // Вестн. Поволжской акад. гос. службы. – 2009. – № 4 (21). – С. 116–121.
3. Колядко, И. Н. Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях : автореф. дисс... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Н. Колядко ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1986. – 26 с.
4. Потапенко, Е. Г. Конкуренция видов производства в цивилистическом процессе и средства ее преодоления / Е. Г. Потапенко // Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сб. науч. ст. по материалам

Международ. науч.-практич. конф., Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г. / Л. В. Войтович. – СПб. : Астерион, 2022. – С. 17–24.

5. Стрельцова, Е. Г. Приватизация правосудия / Е. Г. Стрельцова. – М. : Проспект, 2019. – 240 с.

6. Таранова, Т. С. Виды производства в гражданском процессе / Т. С. Таранова // Право и демократия : сб. науч. трудов / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило [и др.]. – Минск : БГУ. – Вып. 26. – С. 169–185.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Бондарев А.И., ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», г. Екатеринбург, Российская Федерация

Регулирование труда в древнерусском обществе было, как и в странах Западной Европы, связано с социальной стратификацией (начинает формироваться служилое сословие, из состава которого выделяется особый слой землевладельцев – бояр). Во главе княжества стоял князь. Между князем и служилым человеком возникали отношения на основе договора «...Свобода расторжения этого договора никак не ограничивалась и боярин мог перейти на службу к другому князю без каких-либо препятствий... При этом особо оговаривалось, что такого рода переход не влечёт за собой утрату земельной собственности» [5, с. 37].

Возникновение этого социального слоя на Руси относится ко времени распада славянских родоплеменных союзов в VI – IX вв., когда создавались предпосылки образования раннефеодального государства. К концу X – началу XI вв. бояре разделились на два слоя – огнищане (княжьи мужи) и градских старцев (потомков родоплеменной знати). Если для первых существовала обязанность служить в войске князя (военная служба как род трудовой деятельности), то для вторых таковой обязанности не существовало, но будучи «посажены» в городах, они исполняли управленческие, судебные и иные функции (аналог государственной службы как рода трудовой деятельности) [9, с. 658]. Таким образом, служебный труд был специфическим юридическим фактом, лежащим в основе трудовых правоотношений, возникающих между князем и боярами, земским населением и боярами.

Низшим социальным слоем были чёрные люди (лично свободные городские и сельские жители, которые были обязаны платить налоги князю. Специфика этого слоя проявляется в его коллективной сущности: в отличие от бояр, которые лично относились к князю, чёрные люди относились к князю общинами (мирами), основой существования которых была круговая порука. Необходимо отметить, что и в отношении чёрных людей, в частности, смердов, так же как и в отношении служилого сословия, право на личную свободу сохранялось на протяжении веков» [5, с. 38].

К концу XI в. из смердов выделилась особая категория населения феодальной Руси, просуществовавшая до XVII в. Наймиты уже упоминаются в Пространной редакции Русской правды. Это, как правило, были разорившиеся члены городских и сельских общин, беглые холопы. В целях выживания они заключали договора о найме не только с боярами, но и с горожанами и другими нанимателями. «При заключении договора о найме наймиты формально выступали как свободные люди, однако хозяин получал право не только на труд наймита, но и на его личность. С 15-16 вв., в связи с

ростом числа наймитов и использовании их труда, закон (Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550, Уложение 1649 и др.) начинает отделять право на пользование трудом от права на его личность, хотя в 16-17 вв. наймиты заключали неравноправные договоры с нанимателями и в конечном итоге преобладающая их часть закрепощалась» [9, с. 878].

Еще одним социальным слоем были пленные, превращаемые в рабов, так как Киевская Русь являлась военно-торговой державой. Рабы (холопы) либо оседали на земле, получив в пользование земельные участки, либо становились прислугой у князя. С холопами договоры на выполнение работ не заключались. Не случайно, что термин «холопы» впервые встречается в летописи 986 года как рабы (пленные, самопродажники, женившиеся на холопке, совершившие преступление). В XI-XII вв. термин «холопы» чаще всего употребляется для обозначения лично зависимых людей. Господин мог продать, убить холопа, он нес ответственность за все действия холопа (выступал в качестве свидетеля на суде, отвечал за кражу холопом имущества и т.д.) [6]. «Если правовое положение для всех категорий холопов было одинаковым, то их хозяйственная деятельность была различной. До конца XIII в. холопы составляли большинство среди челяди, обрабатывающей барскую землю. Часть холопов, главным образом из дворовых, пополняла ряды княжеских слуг, в том числе, позднее занималась ремеслом, сельскохозяйственным трудом, административной деятельностью» [11, с. 618].

Понятие «служилое холопство» устанавливает их определяющую трудовую характеристику – службу как род трудовой деятельности. В качестве хозяина (с постепенно убывающей степенью хозяйской власти) и одновременно работодателями выступали бояре, земские обыватели, церковь (духовные холопы) и государство (тягловые холопы). Интерес государства имел явное верховенство над интересами других работодателей, так как тяглом облагались и частновладельческие холопы. Две стороны договора здесь присутствуют, и несправедливый характер его заключения – это явление, практикуемое не только в древнерусском государстве. Более того, круговая порука – это, если можно так сказать, является ничем иным, как прообразом коллективных отношений как имманентно присущему современному трудовому отношению. «Коллективные отношения включают в себя организационно - управленческие и социально - партнерские отношения» [4, с. 47].

Следует особо отметить, что в общине (например, в наиболее развитой её форме в России – соседской (сельской) всегда проявлялась, как в трудовом правоотношении, дуализм – сочетание частнопроводных и публично-правовых основ. Общинник имел свой дом, подворье, но пастбища, водоёмы и т.д. являлись коллективным владением. Общинник обязан был платить налоги и здесь ключевую роль играла круговая порука как аналог коллективной ответственности. Господствующие классы были заинтересованы в круговой поруке как основе стабильности взаимоотношений хозяина с работником-крепостным, так как ось этих взаимоотношений была переведена с конкретной личности на общину в целом. Это ли не классический вариант партнёрства (как внутри общины между её членами, так и между общиной как коллективом и хозяином)?

Таким образом, в период раннефеодального развития Руси и переходе к централизованному государству история свидетельствует о наличии либо прообразов, либо конкретных признаков трудового договора, что позволяет сделать вывод о свободных и устных формах существования и закрепления трудового соглашения. В этот период трудовой договор выражался в грамоте, письменно зафиксированной

расписке, устном обязательстве, при этом, как отмечает И. А. Исаев, «...до середины XVI века преобладающей формой заключения договоров оставалось устное соглашение» [3, с. 59].

Также можно констатировать, что в эпоху раннефеодального государства на Руси был широко распространен неравноправный трудовой договор, который предусматривал акт волеизъявления, но не предусматривал эту свободу после заключения такого договора (свободу расторжения договора или изменения его условий). Например, изорничество – такой договор найма, который как пишет В. А. Рогов, представлял из себя «услужение, обучение ремеслу, хозяйственную зависимость» [8, с. 183].

Формирование централизованного русского государства привело к качественным изменениям не только в социальной структуре, но и в целом в праве. «Поскольку главным содержанием политики московских государей, начиная со второй половины XV в. было объединение русских земель, создание и укрепление основ единого Русского государства, на передний план выдвинулась задача создания единого для всей Руси права. Для этого нужна была систематизация законодательства, но систематизация особого рода. Речь шла не об организации правового материала по отраслям, а сведение норм, содержащихся в различных правовых источниках, в единый общерусский судебник. Соответственно такой задаче русская юриспруденция должна была развиваться, главным образом, как совокупность практических навыков» [7, с. 3, 49].

Авторы фундаментального труда «Курс российского трудового права» блестяще определили специфику трудовых правоотношений в этот период: «Прежде всего, происходит всеобщее ограничение личной свободы каждого члена общества и, соответственно, замена служебных отношений по договору служебными отношениями, возникающими в качестве государственной повинности по закону (закрепление своего рода феодализма «всеобщая обязанность трудиться»). Кроме того, наличие или отсутствие служебных отношений порождает наличие или отсутствие прав землепользования. Таким образом, возникает то самое публично-правовое по преимуществу регулирование труда, которое мы отмечаем применительно и к западноевропейскому обществу» [5, с. 38-39].

В низших слоях социальной стратификации населения в этот период наблюдается процесс закрепощения крестьян, что именно коренным образом изменило юридический факт возникновения трудовых правоотношений. Если раньше землевладельца и крестьянина связывали отношения договорного характера, то новым юридическим фактом возникновения трудового правоотношений становится долг крестьянина помещику, не дающий первому разорвать свою зависимость от последнего. Крепостная личная зависимость на основании закона 1646 года была превращена в вечную и потомственную. При этом, становясь потомственно крепостным, крестьянин не переставал быть при этом тягловым.

Процесс закрепления с правовой точки зрения проходил безупречно – с помощью подрядных грамот – русских правовых актов XVI-XVII вв., в которых оформлялись условия найма рабочей силы (в основном землевладельцами). По форме они были добровольными договорами, в которых помещик гарантировал новоподрядчику помощь натурой и деньгами, временное освобождение от оброка, а работник (порядчик) обязывался построить дом, распахать пашню, а по истечении льготного времени выполнять барщинные работы и платить оброк. В случае невыполнения условий договора работник выплачивал работодателю заставу

(неустойку). Так появляется долговая кабала – специфический юридический факт возникновения качественно новых трудовых правовых отношений, одна из сторон которого уже не была свободна в заключении договора. Л. С. Таль в своем фундаментальном труде, посвященном трудовому договору, среди форм трудового найма называет также закупничество, закладничество, служилую кабалу, жилую или житейскую запись, а также наем отдельных услуг без установления служебного отношения [12, с. 282-300]. Анализируя трудовую сторону аспекта кабалы, Л. С. Таль полагал, что «...сущность и цель сделки и тут заключалась в найме труда, т.е. в предоставлении права располагать чужой рабочей силой в обмен на определённые имущественные выгоды» [12, с. 290].

Таким образом, этап становления централизованного Российского государства и его дальнейшее развитие породил новые юридические формы закрепления трудовых отношений: договоры подряда, изорничества, закупничества [13, с. 432-438] и др. Все эти договоры имели устную форму.

Законодательство, специально регулирующее трудовые отношения, начало формироваться в России в XVIII – начале XIX века, а с середины XIX и его завершении стало его настоящим расцветом. «В результате постепенного развития правовых норм, как частично выделившихся из гражданского законодательства, так и вновь принятых, возникли условия для формирования самостоятельной отрасли дореволюционного российского права – фабричного законодательства» [2, с. 9]. Предпосылкой его появления было посессионное право – условное владение людьми и землями, предоставленное для нужд развития промышленного предпринимателя России. Условность владения заключалась в неотчуждаемости рабочей силы и земель от данного предприятия, т.е. посессионное право распространяет крепостничество на сферу промышленности, просуществовав до 1863 года, а посессионное право на владение землями сократилось в некоторых губерниях России до 1917 года. «Работавшие на фабриках посессионные крестьяне юридически несколько отличались от помещичьих крепостных: их не разрешалось переводить на сельскохозяйственные работы, отдавать в рекруты за крепостных, они могли подавать челобитные в Берг- и Мануфактур-коллегии, которым были подвергались двойной эксплуатации: внеэкономическое принуждение сочеталось с денежными штрафами и вычетами из жалованья» [10, с. 466]. Таким образом, следует заключить, что хотя крепостническая система использования на мануфактурах, фабриках, горных заводах посессионных рабочих сдерживала спрос на свободный труд, но некоторые элементы этого свободного труда в посессионной системе всё-таки прослеживаются. В договорах предусматривались такие юридические факты, как оплата труда, судебная защита труда и гарантии труда (невозможность перевода на сельскохозяйственные работы, отдача в рекруты и т.д.).

К юридическим актам, регулирующим трудовые отношения, следует также добавить и организацию труда путём принятия «регламентов» и «регулов-актов», опубликованных 2 сентября 1741 г. «Ими устанавливался определённый порядок ведения работ на суконных предприятиях. В известной мере они упорядочивали отношения фабрикантов и рабочих. А. К. Бычков считал, что «регламент» и «регулы» являются весьма интересной попыткой создания фабричного законодательства» [1, с. 30].

Одновременно с завершением составления Свода законов Российской Империи шла разработка фабричного законодательства. «...первый нормативный акт, распространявшийся не на отдельные отрасли хозяйства или территории, а на всю

промышленность России, был принят в 1835 году. Это Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступавшими на оные по найму. Проект акта предусматривал заведение на фабрике книг для записи условий найма рабочих, производимых с ними расчётов, выдачу рабочим «рядных листов» - выписки из книг. На предприятиях должны были вывешиваться печатные или письменные объявления с перечнем обязанностей рабочих» [1, с. 30].

Будучи переработанным, проект оставил вторую сторону договора – работодателя практически без всяких обязанностей перед работником, за исключением оплаты труда, но, как отмечает В. И. Богдан, «...к злоупотреблениям приводили произвольные сроки выдачи зарплаты, её задержка на неопределенное время, вычеты на уплату различных долгов, взимание процентов на деньги, выдаваемые рабочим займы, взимание с рабочих платы за врачебную помощь, освещение мастерских и пользование при работах орудиями производства, квартирами, банями, столовыми» [2, с. 31].

В июне 1886 года был принят закон «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», который урегулировал не только порядок найма, увольнения и оплаты рабочих, правила внутреннего распорядка, вопросы наказания и штрафов, но, что наиболее важно – создал стройную систему организации государственного надзора за фабриками и заводами.

Таким образом, можно констатировать, что к концу XIX столетия в полную силу заработал трудовой договор с государственно-организационными отношениями. Это «...отношения с участием государства, призванные содействовать реализации взаимных прав и обязанностей главных субъектов трудового права – работников и работодателей. Существование этих отношений является необходимым и важнейшим элементом юридических гарантий основных прав работников сфере труда – содействие занятости, безопасные и здоровые условия труда и т.п. В регулировании отношений данной группы, бесспорно, превалирует публичное начало, что обуславливается как особенностями субъектного состава (участие государства в лице различных органов), так и целями установления и правового регулирования отношений данной группы» [4, с. 48].

Значение закона 1886 года состоит, прежде всего, в урегулировании вопроса применения института личного найма для фабричных рабочих.

Во-первых, закон предусмотрел новую форму отношений, являющийся основанием возникновения трудовых отношений – предварительный договор о найме рабочих с обозначением срока, с которого он должен быть приведен сторонами в исполнение. Эти договоры прекращались вместе с явкой работника на работу, т.е. с момента фактического начала осуществления им трудовой функции.

Во-вторых, закон предусмотрел возможность заключения договора на определенный и неопределенный срок.

В-третьих, закон по сути дела ввёл требование регистрации по месту жительства (вид на жительство), хотя сам факт передачи вида на жительство владельцу фабрики или завода не означает заключения договора найма.

В-четвертых, закон устанавливал новый вид документа, фиксирующего необходимую для работника, работодателя, фабричных инспекторов и полицейских информацию (имя, отчество, фамилия, иногда и прозвище работника; срок найма, размер зарплаты, взыскания, наложенные на работника и пр.).

В целом представляется возможным сделать вывод о последовательном

развитии практики документирования трудовых отношений. Анализ трудовых правоотношений на различных этапах развития российского государства свидетельствует о наличии либо прообразов, либо конкретных признаков трудового договора, что позволяет сделать вывод об объективном характере его существования

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акопова Г. М. Правовое опосредование отношений найма труда в России / Г. М. Акопова // Государство и право, 2001, № 9.
2. Богдан В. И. Трудовое законодательство России. Историко-правовой анализ. / В. И. Богдан. – Москва: Ось-89, 2006.
3. Исаев И. А. История государства и права России. / И. А. Исаев. – Москва: Юристъ, 1996.
4. Кузьменко А. В. Предмет трудового права России. Опыт системно-юридического исследования. / А. В. Кузьменко. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2005
5. Курс российского трудового права. В 3 т. Т.1: Общая часть / Под ред. Е. Б. Хохлова. – СПб.: Изд-во С. - Петербургского ун-та, 1996
6. Лушников А. М. Наука трудового права России. Историко-правовые очерки в лицах и событиях. / А. М. Лушников. – Москва: Проспект, 2003.
7. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – Москва, 1986.
8. Рогов В. А. История государства и права России 1X –начала XX веков. / В. А. Рогов. – Москва, 2008.
9. Советская историческая энциклопедия. Том 9. – Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1966.
10. Советская историческая энциклопедия. Том 11. – Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1968.
11. Советская историческая энциклопедия. Том 15. – Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1974
12. Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. I. Общие учения. / Л. С. Таль. – Москва: Статут, 2006
13. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Т. 1 / С. В. Юшков. – Москва: Госюриздат, 1949

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

***Григорьева В.В., магистрант,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь***

Во многих странах правовая регламентация инвестиций является основополагающей для обеспечения устойчивого экономического развития и привлечения иностранных инвестиций в экономику. В этой связи в последние годы в фокусе исследовательского внимания оказываются и вопросы осуществления инвестиций.

Так на основании статьи 4 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) инвестиции на территории Республики Беларусь осуществляются способами, предусмотренными в данной статье, а также иными способами, кроме запрещенных законодательными актами. При этом несмотря на то что на территории Республики Беларусь инвестиции

осуществляются в том числе *путем приобретения прав на объекты интеллектуальной собственности* (абзац четвертый указанной статьи), как справедливо отмечает Е. Б. Леанович, понятие «инвестиции» в отношении интеллектуальной собственности «вызывают неоднозначные оценки в экономике и в праве» [5, с. 149].

По нашему мнению, данная проблема обусловлена следующими причинами.

1) Существование различных подходов к определению понятия «инвестиции».

Во-первых, инвестиции рассматриваются как экономическая и правовая категория, при этом понятие «инвестиции» различным образом раскрывается в экономических и правовых доктринальных источниках.

Авторы Л. Дж. Гитман и М. Д. Джонка считают, что как экономическая категория «*инвестиции* – это способ помещения капитала, который должен обеспечить сохранение или возрастание стоимости капитала и (или) принести положительную величину дохода»; кроме того «это любой инструмент, в который можно поместить деньги, рассчитывая сохранить или умножить их стоимость и (или) обеспечить положительную величину дохода» [3, с. 10], а Дж. М. Кейнса в своей работе придерживается противоречивой точки зрения, что «текущие инвестиции равны тому, что мы выше определили как сбережение. Ведь это и есть та часть дохода за данный период, которая не была использована для потребления» [4, с. 23].

В свою очередь, С. О. Яценко рассматривает инвестиции как правовую категорию через «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и иной деятельности в целях получения прибыли или иного полезного эффекта». При этом автор допускает, что инвестирование возможно и «с иными целями, среди которых вполне могут быть и социальные» [9, с. 120]. В свою очередь, сужая объект осуществления инвестиций, В. К. Сидорчук рассматривает *инвестиции* как «любое имущество, включая денежные средства, ценные бумаги, оборудование и результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие инвестору на праве собственности или на ином вещном праве, и имущественные права, вкладываемые инвестором в объекты инвестиционной деятельности в целях получения прибыли (дохода) и (или) достижения иного значимого результата» [7].

Таким образом, в экономической доктрине инвестиции рассматриваются как: *1) денежные или иные активы; 2) направленные или размещенные специальным способом; 3) в целях получения положительного результата (социального, экономического и др.)*. В рамках правовой доктрины инвестиции рассматриваются как: *1) объекты гражданских прав; 2) находящиеся в обороте; 3) имеющие денежную оценку; 4) вкладываемые инвестором; 5) предусмотренными законом способами; 6) в целях получения положительного результата (социального, экономического и др.)* Однако ни одно из проанализированных нами утверждений не может эффективно объединить весь объем содержания понятия «инвестиции».

Во-вторых, различное понимание инвестиций как правовой категории на международном уровне и на уровне национального законодательства отдельных стран.

На уровне международного правового регулирования Конвенция о защите прав инвестора (Москва, 28 марта 1997 года) предусматривает, что под *инвестициями* понимаются «вложенные инвестором финансовые и материальные средства в различные объекты деятельности, а также переданные права на имущественную и

интеллектуальную собственность с целью получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в соответствии с национальным законодательством Сторон» (абзац третий статьи 1 указанной Конвенции). В свою очередь, на основании подпункта 7 пункта 6 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 года)) *инвестиции* рассматриваются как «материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства-члена в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего, в том числе: денежные средства (деньги), ценные бумаги, иное имущество; права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства государств-членов или по договору, включая, в частности, права на разведку, разработку, добычу и эксплуатацию природных ресурсов; имущественные и иные права, имеющие денежную оценку». Таким образом Конвенция о защите прав инвестора рассматривает инвестиции через вложение инвестором средств в *различные объекты любой деятельности*, а Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций предусматривает для инвесторов вложение *исключительно в объекты предпринимательской деятельности*.

Рассмотрев зарубежный опыт закрепления категории «инвестиции» в законодательстве, также отмечаем отсутствие единства правового регулирования. В Российской Федерации *инвестициями* являются «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» (абзац второй статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 25 февраля 1999 года «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»). В свою очередь, на основании пункта 1 статьи 274 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан *инвестициями* являются «все виды имущества (кроме товаров, предназначенных для личного потребления), включая предметы финансового лизинга с момента заключения договора лизинга, а также права на них, вкладываемые инвестором в уставный капитал юридического лица или увеличение фиксированных активов, используемых для предпринимательской деятельности, а также для реализации проекта государственно-частного партнерства, в том числе концессионного проекта». Таким образом в Российской Федерации инвестиции рассматриваются как вложение объектов гражданских прав, имеющих денежную оценку, в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности, в свою очередь в Республике Казахстан инвестициями являются все виды имущества (за исключением товаров, предназначенных для личного потребления), вкладываемые инвестором способами прямо предусмотренными законом.

В отличие от ранее приведенного зарубежного опыта в Республике Беларусь под *инвестициями* понимается «имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться ими, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными настоящим Законом, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата, в иных целях, не связанных с личным, семейным,

домашним и иным подобным использованием, в виде: денежных средств (денег), включая привлеченные (в том числе займы, кредиты), акций, иного движимого или недвижимого имущества; прав требования, имеющих оценку их стоимости (в денежном выражении), долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь; иных объектов гражданских прав, имеющих оценку их стоимости (в денежном выражении), за исключением видов объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота)» (часть первая статьи 1 Закона об инвестициях). Таким образом, отечественный законодатель посчитал возможным указать возможные объекты гражданских прав, которые он рассматривает в качестве инвестиций, вместо того чтобы отразить в определении все существенные признаки правовой категории. В отличие от законодателей Российской Федерации и Республики Казахстан оставил перечень способов осуществления инвестиций открытым (кроме прямо запрещенных законодательством), однако предусмотрел, что осуществление инвестиций происходит в профессиональной форме.

Наряду с этим необходимо отметить, что сложность осмысления понятия «инвестиции» становится очевидной именно при рассмотрении различных правовых актов в целях установления тождественности охватываемого объема правового регулирования и отражения совокупности отличительных признаков исследуемого предмета. В свою очередь, проанализировав содержание указанных международных и национальных правовых актов, полагаем, что инвестиции следует рассматривать как: 1) объекты гражданских прав, при этом преимущественно инвестициями выступают денежные средства, могут являться и иные объекты гражданских прав, в том числе ценные бумаги, имущественные и иные права; 2) имеющие денежную оценку стоимости; 3) не ограниченные в гражданском обороте; 4) находящиеся у инвестора на законном основании; 5) вкладываемые в объекты различной деятельности; 6) как в профессиональной, так и непрофессиональной форме; 7) с целью получения экономического, социального или иного эффекта.

2) Отсутствие единства мнений относительно признаков (критериев), по которым следует разделять инвестиции.

А. В. Болденков в качестве различных оснований для классификации выделяет «источник финансирования, сфера экономики, объект инвестиционной деятельности, отраслевая направленность, характер участия в инвестиционном процессе, срок вложения, территориальная направленность, форма собственности» [1, с. 14]. В отличие от него, Н. С. Мартынова, приоритизирует критерии для классификации инвестиций и как наиболее существенное основание предлагает рассматривать *объект вложения средств* инвестиций [6, с. 27]. При этом в литературе отмечается наличие и других критериев деления инвестиций: «по характеру участия в инвестировании», «по периоду инвестирования», «по формам собственности инвестиционных ресурсов», «по хронологическому признаку», «по целям инвестирования», «по уровню инвестиционного риска», «по характеру использования капитала в инвестиционной деятельности», «по уровню инвестиционной привлекательности», «по способу привлечения инвестиций» [8, с. 69].

Таким образом, в науке существует обширная классификация видов инвестиций, в основе которой зачастую находятся критерии экономического характера, и отсутствует единство мнений, какие основания для проведения классификации следует рассматривать как существенные. Кроме того, считаем необходимым согласиться с позицией, что наиболее существенным критерием

деления инвестиций является именно объект вложения средств. По нашему мнению, объект вложения средств предопределяет принципы, порядок, условия, процесс и результат осуществления инвестиций.

3) *Объем видовых понятий по объектам вложения средств, предложенный учеными в результате классификации, не исчерпывают в полной мере объем понятия «инвестиции».*

Как отмечает Н. С. Мартынова, по объекту вложения средств инвестиции следует делить на инвестиции реальные и финансовые. «Реальные инвестиции представляют собой вложение средств в реальные (материальные и нематериальные) активы, которые необходимы экономическому субъекту для осуществления операционной деятельности и решения социально-экономических проблем. Под финансовыми инвестициями понимают вложение капитала в различные финансовые инструменты, и прежде всего ценные бумаги». Также «реальные инвестиции подразделяются на материальные (вещественные) и нематериальные (потенциальные)» [6, с. 27].

Кроме того, по мнению М. С. Бондаренко, «среди финансовых, реальных (прямых), интеллектуальных инвестиций следует выделять и инвестиции в человеческий капитал». Так автор рассматривает *человеческий капитал* как «совокупность знаний, умений и навыков всех членов общества, предопределенная характеристиками личностных и физиологических качеств конкретного физического лица (персональный капитал), а также способность их использовать для реализации публичного и частного интереса в целях обеспечения национальной экономической безопасности государства», а *интеллектуальные инвестиции* — как «тип инвестиций, представляющий собою совокупность объектов имущественных и неимущественных гражданских и политических прав, в отношении которых инвестор обладает вещным правом, обязательственными или исключительными правами (имущественными правами), либо в отношении которых инвестор обладает неимущественными правами, имеющими социально-политическое значение, с целью развития социальной сферы, воспроизводства человеческого ресурса и производства человеческого капитала (социальный и политический эффект) и обеспечения возможности последующей эксплуатации человеческого капитала в процессе общественного производства (экономический эффект)» [2, с. 44–45].

В соответствии с данными аргументами мы находим, что приведенная Н. С. Мартыновой классификация инвестиций на реальные и финансовые, не в полной мере охватывает весь объем понятия «инвестиции». В связи с этим полагаем необходимым уточнить данную классификацию и констатировать, что по объектам вложенных средств инвестиции можно разделить на: 1) *финансовые инвестиции*; 2) *реальные инвестиции*; 3) *интеллектуальные инвестиции*; 4) *инвестиции в человеческий капитал*.

Вместе с тем с учетом проведенного анализа существующих подходов к понятию инвестиций и в целях формирования доктринального представления сформулируем авторское понятие интеллектуальных инвестиций. *Интеллектуальные инвестиции* представляют собой любое имущество, в том числе денежные средства, ценные бумаги, оборудование и результаты интеллектуальной деятельности, и имущественные или иные отчуждаемые права, имеющие денежную оценку стоимости, принадлежащие инвестору на законном основании, нахождение которых допускается в обороте, вкладываемые инвестором в профессиональной или непрофессиональной форме в объекты интеллектуальной собственности в целях

получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата.

Кроме того, предлагаем следующую классификацию интеллектуальных инвестиций:

1) *инвестиции в объекты авторского права* (литературные произведения; драматические и музыкально-драматические произведения, произведения хореографии и пантомимы и другие сценарные произведения; музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальные произведения; произведения изобразительного искусства; произведения прикладного искусства и дизайна; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства; фотографические произведения, в том числе произведения, полученные способами, аналогичными фотографии; карты, планы, эскизы, иллюстрации и пластические произведения, относящиеся к географии, картографии и другим наукам; компьютерные программы; произведения науки; иные произведения);

2) *инвестиции в объекты смежных прав* (исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного или кабельного вещания);

3) *инвестиции в объекты права промышленной собственности* (изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау); фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания; другие объекты промышленной собственности и средства индивидуализации в случаях, предусмотренных законодательством).

На основе разработанной классификации интеллектуальных инвестиций представляется возможным определить их разнообразие, что способствует формированию концептуального взгляда на сущность таких инвестиций и может служить основой для эффективного правового регулирования соответствующих общественных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болденков, А. В. Понятие «Инвестиции». Инвестиции в Алтайский регион / А. В. Болденков // Инновационные кластеры в глобальной экономике: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конференции, Оренбург, 15 марта 2018 г. / редкол.: А.А. Сукиасян [и др.]. – Оренбург : Аэтерна, 2018. – 255 с.

2. Бондаренко, М. С. Человеческий капитал как объект управленческого воздействия / М. С. Бондаренко // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. круглого стола, Минск, 21 октября 2022 г. / редкол.: Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 40–45 с.

3. Гитман, Л. Дж. Основы инвестирования / Л. Дж. Гитман, М. Д. Джонк. – М.: Дело, 1997. – 1008 с.

4. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.

5. Леанович, Е. Б. Аспекты интеллектуальной собственности в двусторонних соглашениях о содействии и взаимной охране инвестиций / Е. Б. Леанович // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XIII Международной конференции, посвященной 93-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2014 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – 411 с.

6. Мартынова, Н. С. Сущность и классификация инвестиций [Электронный ресурс] / Н. С. Мартынова // Международный бухгалтерский учет. – 2007. – № 2 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-klassifikatsiya-investitsiy-1>. – Дата доступа:

21.02.2024.

7. Сидорчук, В. К. Инвестор / В.К. Сидорчук // Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. Т. 1/ редкол.: С.А. Балашенко [и др.].–Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 554 с.

8. Юзвович, Л. И. Инвестиции: учебник / Л.И. Юзвович [и др.]. – Екатеринбург : Урал. гос. эконом. ун-т, 2016. – 543 с.

9. Яценко, С. О. Сущность институционального механизма как составляющей экономической системы [Электронный ресурс] / С. О. Яценко // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2014. – №. 1 (69). – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_11609579_33382699.pdf. – Дата доступа: 21.02.2024.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИСТОЧНИК ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гринчук М.П., преподаватель

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск,
Республика Беларусь*

Особое место Конституционного Суда Республики Беларусь в системе власти, специфический порядок судопроизводства, предмет рассмотрения, а также юридические последствия принятия актов конституционного правосудия позволяют говорить об их уникальной правовой природе.

Однако, несмотря на то что исследованию сущности актов органов конституционного правосудия посвящены труды ряда отечественных авторов (Г.А. Василевич, Т.С. Масловская, М.И. Пастухов, А.Н. Пугачев, Н.В. Сильченко и др.), в юридической научной литературе не сложилось единого мнения относительно их правовой природы и места в системе источников права.

В.А. Кучинский пишет о том, что «одним из актуальных и дискуссионных вопросов в национальной правовой системе в части нормотворческой функции Конституционного Суда Республики Беларусь является вопрос о правовой природе и юридической силе актов Конституционного Суда Республики Беларусь» [6, с. 91].

Так, принятие на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь актуализировало научную дискуссию и теоретическое осмысление ряда вопросов, среди которых особое место занимают новые полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь. Прослеживается обновление конституционных предписаний о статусе Конституционного Суда: определение его задач при осуществлении контроля за конституционностью нормативных правовых актов, изменяется порядок формирования Суда, расширяются и корректируются его полномочия.

Согласно новой редакции Конституции, Конституционный Суд Республики Беларусь дает заключения о толковании Конституции, о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию, вопросов, выносимых на республиканский референдум, а также проведения выборов Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики (ст.116-1).

Обращают на себя внимание используемые конституционным законодателем формулы, определяющие полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь

посредством закрепления видов актов Суда (заключения, решения), круга субъектов обращения в Суд, перечисления объектов конституционного контроля.

Важное значение имеет новое полномочие Конституционного Суда давать заключения о толковании Конституции. По мнению Т.С.Масловской, данное полномочие направлено на «...укрепление юридической безопасности путем устранения неопределенности конституционной нормы, выявления и установления ее сути для единообразного понимания и применения. Осуществляя толкование, Конституционный Суд будет выявлять, определять и уточнять содержание толкуемой конституционной нормы» [4, с. 120].

Одной из новелл конституционного регулирования выступает наделение Конституционного Суда полномочия давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Отсюда, соответственно, берет начало дискуссия относительно правовой природы актов Конституционного Суда.

Большинство белорусских ученых считает, что заключения Конституционного Суда, принимаемые в ходе предварительного конституционного контроля, являются источниками конституционного права. Однако имеются расхождения относительно так называемых правовых позиций, которые формулируют конституционные судьи на основе изучения проверяемых законов [5, с. 20].

Совершенно очевидно, что устранение дискуссии относительно принадлежности актов Конституционного Суда к источникам права на практике необходимо для уяснения значимости решений органов конституционного контроля при формировании правовой системы в целом.

Относительно роли Конституционного Суда в нормотворческой деятельности существует две позиции: одни авторы признают за ним функции «негативного законодателя», когда признанный неконституционным акт исключается им из правовой системы, другие предлагают рассматривать его как «позитивного законодателя». Так, приверженцы нормативистской концепции права вовсе отвергают идею о правотворческом характере деятельности органов конституционного правосудия. Они утверждают, что суд не предназначен для создания норм права, полагая, что единственным источником права является нормативный правовой акт, поэтому подмена законодательных решений актами органов, осуществляющих правосудие, пусть даже и конституционное, недопустима [1, с. 14].

Как справедливо отмечает Г. А. Василевич, на сегодняшний день наличие правотворческой функции у Конституционного Суда – неопровержимый факт [2, с. 15].

На наш взгляд, формулирование органом конституционного правосудия правовых позиций, направленных на совершенствование законодательства, а впоследствии их реализация в нормативных правовых актах способствуют созданию единообразной правоприменительной практики, устранению пробелов и коллизий в правовом регулировании. Это свидетельствует о необходимости в современных реалиях рассматривать Конституционный Суд как субъект нормотворчества, оказывающий влияние на совершенствование отраслей законодательства и правовой системы государства в целом.

Полагаем, что более убедительной представляется позиция авторов, признающих нормативный характер актов органов конституционного правосудия. В качестве примера приведем положения п. 5 ст. 83 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» от 8 января 2014 г. № 124-З (в ред. от 17 июля

2023 г.) определяющие, что нормативные правовые акты, признанные, согласно заключениям Конституционного Суда, не соответствующими Конституции (неконституционным) является основанием для прекращения действия этого нормативного правового акта, внесения в него изменений либо принятия (издания) нового нормативного правового акта с тем же предметом правового регулирования. Данная норма служит подтверждением того, что такое заключение Конституционного Суда не лишено свойства нормативности, характеризуемого установлением либо изменением, отменой правовых норм или изменением сферы их действия.

То же можно сказать и о решениях Конституционного Суда. Так, ранее белорусский законодатель также придерживался нормативного подхода к определению правовой природы актов Конституционного Суда, о чем свидетельствуют положения ч. 11 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», в соответствии с которыми акты Конституционного Суда признаются нормативными правовыми актами, принятыми в пределах его компетенции по регулированию общественных отношений.

Также необходимо сказать о том, что заключения Конституционного Суда не называются в качестве нормативных правовых актов Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах».

По мнению В.В.Скитовича «...юридические характеристики постановлений Конституционного Суда не вполне вписываются в рамки традиционной классификации правовых актов. Без ущерба для чистоты такой классификации их невозможно отнести ни к одному из них. Вполне вероятно, что эта юридическая уникальность обусловила указанную выше непоследовательность отечественного законодателя в определении правовой природы его актов» [8, с. 31].

Вместе с тем, отсутствие актов Конституционного Суда в иерархии источников права, является неправильным, так как формулирование органом конституционного правосудия правовых позиций, направленных на совершенствование законодательства, а впоследствии их реализация в нормативных правовых актах способствуют созданию единообразной правоприменительной практики, устранению пробелов и коллизий в правовом регулировании. Поэтому было бы целесообразно включить в ст. 3 Закона «О нормативных правовых актах» указание на акты, принимаемые Конституционным Судом.

Достаточно чёткий ответ на вопрос, какое конкретно место занимают заключения Конституционного суда, находим у Н.В. Сильченко: «...юрыдычная сіла заключэнняў Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь адзначна акрэслена ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Паколькі абсалютна ўсе крыніцы сучаснага беларускага права могуць быць правяраны Канстытуцыйным Судом на іх адпаведнасць Асноўнаму Закону краіны, то юрыдычная сіла заключэнняў Канстытуцыйнага Суда не можа быць меншай за юрыдычную сілу гэтых крыніц права, яна іх пераўзыходзіць, саступаючы толькі юрыдычнай сіле Канстытуцыі» [7, с. 446].

Ежегодные послания о состоянии конституционной законности занимают особое место среди актов Конституционного Суда Республики Беларусь. Детальное их изучение позволяет сделать вывод о том, что они являются «своего рода итоговой оценкой развития национальной правовой системы в истекшем году» [3, с. 4]. Конституционный Суд Республики Беларусь акцентирует в них внимание на наиболее значимых проблемах. Однако их, как видится, не следует относить к

нормативным правовым актам, так как они не содержат общеобязательных правил поведения и по своему предназначению не имеют цели создания либо отмены норм права. Соответственно, их следует относить к ненормативным правовым актам.

Таким образом, для устранения пробелов правового регулирования следует включить в ст. 3 Закона «О нормативных правовых актах» указание на заключения Конституционного Суда Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарь, Н. С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.] : в 2 т. Минск, 2008. – Т. 1 : Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза. – С. 14–26.

2. Василевич, Г. А. Судебный прецедент как источник права // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск, 2007. – Вып. 2. – С. 13–23.

3. Василевич, Г. А. Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности – реальный вклад в развитие правовой системы / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2007. – 199 с.

4. Масловская, Т. С. Некоторые аспекты реализации новых полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Республиканской науч.-практ. конференции, Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак. Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 118–123.

5. Пастухов, М. И. Система источников конституционного права Республики Беларусь / М. И. Пастухов // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2018. – № 1. – С. 11–24.

6. Правотворческий процесс : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под общ. ред. В.А. Кучинского, В.И. Павлова. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 139 с.

7. Сільчанка, М. У. Агульная тэорыя права: вучэб.-метаэд. компл. / М.У. Сільчанка. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 709 с.

8. Скитович, В. В. Акты Конституционного Суда в системе правовых актов / В. В. Скитович, В. В. Седельник // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, в 2-ух частях, Гродно, 05–06 марта 2020 года. Том Часть 1. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2020. – С. 29–32.

ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КАК ОСНОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Данько И.В., к.ю.н., доц.,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск,
Республика Беларусь*

В соответствии с принятым 17 июля 2023 года Законом Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства» у судов общей юрисдикции появилось право непосредственного обращения в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности нормативного

правового акта, подлежащего применению при рассмотрении конкретного дела. Эта процедура, введенная новой редакцией Конституции от 04.03.2022 года и развитая в указанном законе, имеет важное значение. Как отмечает И.А.Кравец, во-первых, она призвана содействовать функции конституционного контроля в пределах всей судебной системы; во-вторых, она направлена на координацию усилий судов общей и конституционной юстиции в «отлове» неконституционных законов; в-третьих, она может способствовать выстраиванию достаточно ясной иерархии различных ветвей судебной власти в вопросах конституционного контроля [3, с. 46]. «Установление данного механизма на конституционном уровне выступает существенной правовой гарантией обеспечения прав и свобод граждан, служит последовательному разграничению компетенции Конституционного Суда и судов общей юрисдикции в утверждении конституционной законности», - подчеркивает П.Миклашевич [4].

Следует заметить, что право обращения в конституционный суд с так называемым преюдициальным (предварительным) запросом предусмотрено в законодательстве большинства европейских стран, что отражает общую тенденцию увеличения средств защиты конституционных прав граждан. Возможность принятия подобной процедуры в Беларуси активно начала обсуждаться еще более 10 лет назад, так как существовавшее законодательное регулирование рассматриваемых правоотношений было несовершенным. В Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» Конституционный Суд указал, что «проблемным является отсутствие надлежащего правового механизма инициирования конституционного контроля нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении конкретных дел в судах общей юрисдикции. Действующий механизм реализации статьи 112 Конституции, закрепленный в части второй статьи 7 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, не решает должным образом вопрос о возможности направления судом общей юрисдикции преюдициального запроса в Конституционный Суд о конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению в конкретном деле».

Существовавшие в тот период в Кодексе о судостроительстве и статусе судей нормы устанавливали правило, согласно которому не суд, рассматривающий дело, ставил вопрос о признании нормативного акта неконституционным (как это закреплено в Конституции), а председатели судов районного и областного уровней ходатайствовали перед Верховным Судом Республики Беларусь о внесении предложений в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных правовых актов; Президиум Верховного Суда обладал полномочием признания обоснованными (либо необоснованными) таких ходатайств (ст. 60), то есть делать вывод о правомерности принятия судами решений в соответствии с Конституцией. Судья Конституционного Суда Т.В.Воронович отмечал, что этот механизм не работает: «за период действия Конституции уполномоченные органы на основании запросов судов предложений в Конституционный Суд не вносили». Им же было предложено дополнить Гражданский процессуальный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях нормой, обязывающей суд приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке конституционного судопроизводства [2, с. 23].

Преобразования 2022-2023 гг. Конституции и процессуального законодательства Беларуси свидетельствуют о прогрессивном развитии судебно-

правовой реформы. Вместе с тем изменения Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в анализируемой сфере вызывают определенные вопросы процедурного характера, которые, как представляется, могут осложнить правоприменение.

Так, в соответствии со ст. 163 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности нормативного правового акта суд общей юрисдикции вправе обратиться на любой стадии судопроизводства. При этом допустимым является запрос, направленный в Конституционный Суд до вынесения судебного постановления, которым оканчивается производство по рассматриваемому судом конкретному делу (в том числе в апелляционной, кассационной и надзорной инстанции). Однако в УПК о праве суда на обращение в Конституционный Суд упоминается лишь при назначении и подготовке судебного разбирательства (ст. 280) и в судебном разбирательстве (ст. 302), вызывая вопрос о возможности направления запроса, например, в апелляционной или кассационной инстанциях.

Некоторую озабоченность вызывает также отсутствие должной регламентации порядка подготовки запроса на стадии судебного разбирательства. Дело в том, что согласно ст. 163 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» с момента направления запроса и до вступления в законную силу решения Конституционного Суда производство по рассматриваемому судом общей юрисдикции делу приостанавливается. Практически аналогичная норма содержится в ст. 302 УПК. Это говорит о том, что решение о приостановлении производства по уголовному делу по указанному основанию может быть принято лишь после направления судом запроса в Конституционный Суд. Выходит составление, оформление данного документа осуществляется в процессе судебного разбирательства.

В соответствии со ст. 165 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» запрос должен содержать сведения о суде и рассматриваемом им конкретном деле; виде и названии нормативного правового акта, его отдельных положениях, конституционность которых подлежит проверке, дате принятия (издания) и регистрационном номере нормативного правового акта; позиции суда о наличии сомнений в его конституционности, ее правовому обоснованию со ссылкой на соответствующие нормы Конституции; и др. Очевидно, что во время судебного заседания подготовить такой документ затруднительно. Однако УПК не предусматривает специального основания для останова судебного процесса в связи с необходимостью составления запроса в Конституционный Суд. По смыслу уголовно-процессуального закона, перерыв в судебном разбирательстве объявляется по окончании рабочего времени или для отдыха (ч. 2 ст. 351 УПК), а также для составления государственным обвинителем нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого, если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в изменении обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения (ч. 2 ст. 301 УПК). Отложение судебного разбирательства как форма временной останова судебного процесса допускается при невозможности разбирательства уголовного дела вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц (ч. 1 ст. 302 УПК) или когда необходимо провести экспертизу (ч. 4 ст. 302 УПК).

В этой связи целесообразно предусмотреть в УПК норму, наделяющую суд

правом прерывать судебное разбирательство в целях подготовки запроса и иных прилагаемых к нему материалов для направления в Конституционный Суд. После возобновления судебного разбирательства, полагаем, суд должен огласить запрос и объявить решение о приостановлении производства по уголовному делу.

Говоря о приостановлении производства по уголовному делу по рассматриваемому основанию, стоит акцентировать внимание на еще одну вытекающую из этого решения проблему, обусловленную примененными в ходе осуществления уголовного процесса мерами принуждения. Н.В.Витрук отмечает, что обращение в Конституционный Суд не должно наносить ущерб правам и законным интересам граждан [1, с. 313]. Как следует из Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» запрос суда может разрешаться Конституционным Судом достаточно долго – месяцами. При этом, исходя из ч. 3¹ ст. 302 УПК суду, приостанавливающему производство по уголовному делу, совсем необязательно отменять примененную к обвиняемому меру пресечения, свое действие сохраняют также иные меры процессуального принуждения, например, наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности, ограничение права на выезд из Республики Беларусь и др. Нельзя исключать ситуаций, когда в силу обстоятельств уголовного дела указанные меры попросту не могут быть отменены.

Все это ставит перед юридической наукой и практикой задачу поиска путей решения данной проблемы с тем, чтобы добиться баланса между публичными интересами государства по созданию эффективного механизма конституционного контроля и интересами отдельных участников уголовного процесса по обеспечению их прав и свобод.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие / Витрук Н.В. - М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. - 383 с.
2. Воронович, Т.В. Обеспечение права граждан и организаций на доступ к конституционному правосудию / Т.В.Воронович // Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности: сборник научных статей / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.А. Бочков (отв.ред.) [и др.] – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 21-23.
3. Кравец, И. А. Конкретный конституционный контроль по запросам судов / И. А. Кравец // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – Т. 3, № 1. – С. 46-54.
4. Миклашевич, П. О законодательном механизме реализации конституционного контроля / П.Миклашевич // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь; режим доступа: <https://pravo.by/novosti/analitika/2023/july/74877/>. – дата доступа: 03.03.2024.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ПРОБЛЕМЫ В ПОНИМАНИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Дудко И.Н., ст. преподаватель

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно, Республика Беларусь

Следственный эксперимент представляет собой одно из наиболее сложных следственных действий, связанное со значительными усилиями в процессе его

подготовки, проведения, а также фиксации результатов. В науке представлена точка зрения, в соответствии с которой, сложность использования следственного эксперимента в практике деятельности следственных органов объясняется недостаточной проработанностью формулировок Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), в частности, неточностью его определения.

Часть 1 ст. 207 УПК Республики Беларусь закрепляет, что следственный эксперимент – это следственное действие, заключающееся в воспроизведении действия, обстановки или иных обстоятельств определённого события с целью проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. На наш взгляд, существенным недостатком такой законодательной формулировки является отсутствие указаний на опытный, экспериментальный, действенный характер этого следственного действия, когда его содержание, по сути, сводится лишь к воспроизведению.

Обратимся к юридической литературе, которая предлагает нам большое разнообразие трактовок следственного эксперимента. Так, Л.Е. Ароцкер писал о том, что «следственный эксперимент – это такое следственное действие советского следователя или суда, заключающееся в проведении опытов в специально созданных для этого условиях с целью проверки версий следователя, показаний свидетеля, объяснений обвиняемого для установления существования или возможности существования определённых фактов по делу» [3, с. 7].

Ю.Н. Белозёров и В.В. Рябоконт дали следующее определение «следственный эксперимент – это следственное действие, осуществляемое следователем в виде опытов, позволяющих ответить на вопрос, могли ли иметь место в действительности определённого рода обстоятельства или нет» [5, с. 46].

В.В. Абрамочкин даёт такое определение «следственный эксперимент – это следственное действие, производимое в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, посредством воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определённого события и совершения необходимых опытных действий» [1, с. 12].

Е.П. Ищенко и Н.Н. Егоров выработали следующее понятие «следственный эксперимент – это процессуальное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом, производимое в целях проверки данных, имеющих значение для уголовного дела, путём совершения различных опытных действий после реконструкции обстановки и иных обстоятельств произошедшего» [7, с. 371].

А.П. Алёнин сформулировал такое определение «следственный эксперимент – это самостоятельное следственное действие, заключающееся в проведении различных опытных действий с целью проверки имеющихся версий и получения новых доказательств по рассматриваемому уголовному делу» [2, с. 28].

Л.Я. Драпкин сформулировал понятие следственного эксперимента следующим образом – «самостоятельное следственное действие, заключающееся в проведении специальных опытов с целью проверки имеющихся и получения новых доказательств, а также установления возможности существования или производства каких-либо фактов, явлений, действий» [10, с. 168].

Указанные определения следственного эксперимента абсолютно разные и в каждом делается акцент на определённых признаках. Проанализировав вышеуказанные определения, можно выделить основные и факультативные признаки, присущие следственному эксперименту.

- 1) следственный эксперимент является самостоятельным следственным действием, предусмотренным ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь – основной признак;
- 2) следственный эксперимент проводится в рамках уголовного дела соответствующим субъектом – основной признак;
- 3) следственный эксперимент проводится в целях проверки имеющихся и получении новых доказательств по уголовному делу – основной признак;
- 4) следственный эксперимент проводится путём совершения опытных действий – основной признак;
- 5) в случае необходимости и возможности, данные действия совершаются в условиях, максимально приближенных к произошедшим – факультативный признак.

Опираясь на вышеуказанные признаки следственного эксперимента, можно сформулировать универсальное для него определение. Следственный эксперимент – самостоятельное следственное действие, предусмотренное ст. 207 УПК Республики Беларусь, проводимое соответствующим субъектом предварительного расследования в рамках уголовного дела, в целях проверки имеющихся и получении новых доказательств, путём совершения опытных действий, совершаемых, в случае необходимости, в реконструированной обстановке.

Нужно отметить, что следственный эксперимент является следственным действием, получившим широкое распространение в юридической практике. Данное обстоятельство предлагает создание такой системы проведения следственного эксперимента, которая в полной мере исключило бы какие бы то ни было ошибки его реализации. К выводу о возможности такого развития событий неоднократно указывали соответствующие эксперты, подвергшие тщательному анализу положения ст. 207 УПК Республики Беларусь, регламентирующей содержание и порядок проведения мероприятий следственного эксперимента.

В.Ф. Глазырин обоснованно отмечает, что, во-первых, в законе неудовлетворительно сформулировано содержание рассматриваемого следственного действия: не «воспроизведение действий» является сущностью этого следственного действия, а проведение следователем на месте проверяемых событий специальных опытов. Во-вторых, законодатель ошибочно не указал одну из целей следственного эксперимента – проверку профессиональных навыков лица. В-третьих, одним из важных условий проведения следственного действия является производство его в той самой обстановке, в которой происходило проверяемое экспериментальное действие. Поскольку к моменту производства следственного эксперимента эта обстановка может не сохраниться, то следователь до проведения следственного действия вынужден проводить ее восстановление – следственную реконструкцию [6, с. 32]. К сожалению, в ст. 207 УПК Республики Беларусь ничего не говорится о том, как эту следственную реконструкцию проводить и процессуально оформлять.

Действительно, в ст. 207 УПК Республики Беларусь отсутствует указание на постановку специального опыта возможности совершения расследуемых событий определённым образом. В статье имеется ссылка на методы практической реализации следственного эксперимента (воспроизведение действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события). При этом очевидно, что отличием следственного эксперимента от других видов следственных мероприятий является опытная составляющая его содержания.

Более того, сравнительный анализ содержания ст. 207 УПК Республики Беларусь «Следственный эксперимент» и ст. 225 УПК Республики Беларусь

«Проверка показаний на месте», демонстрирует некоторое тождество понимания законодателем этих следственных мероприятий. В обоих случаях «воспроизводится обстановка и обстоятельства определённого события», таким образом два следственных действия определяемых как различные по своему содержанию, задачам и целям, фактически в теории трактуются как равные. Данное обстоятельство вызвало к жизни ситуацию смешения понятий. Сравнение содержания вышеуказанных статей УПК Республики Беларусь делает явным то обстоятельство, что в УПК Республики Беларусь необходимо внести соответствующее уточнение, разграничивающее два вышеназванных следственных действия.

Ещё одним недостатком организации содержания ст. 207 УПК Республики Беларусь является то, что в ней нечётко определяются цель и виды производства следственного эксперимента, конкретный порядок производства этого следственного действия. В ст. 207 УПК Республики Беларусь отмечено, что следственный эксперимент вызван насущной необходимостью осуществления «проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела». Данная дефиниция, на наш взгляд определённо сужает содержание следственного эксперимента. На стадии подготовки следственного эксперимента следователь изначально формирует определённые гипотезы (версии) опираясь на данные, имеющиеся в его распоряжении. Опыт, составляющий основу эксперимента, предоставляет ресурсы подтверждения либо опровержения версий. В этой связи было бы целесообразно включить в перечень целей следственного эксперимента и опытную проверку выдвигаемых версий.

При проведении следственного эксперимента проверяются показания непосредственных участников следственного эксперимента, составляются протоколы, фиксирующие ход и результаты следственных действий, а также устанавливаются новые обстоятельства расследуемого события. Результаты, полученные в следствие следственного эксперимента и оформленные в протоколе в соответствии с содержанием ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь рассматриваются как доказательства. Следовательно, есть основание утверждать, что формирование доказательной базы является одной из основных целей следственного эксперимента. В то же время формальный подход к анализу содержания ст. 207 УПК Республики Беларусь позволяет утверждать, что получение доказательств не является целью эксперимента. Установление обстоятельств расследуемого события, очевидно, может считаться существенной частью доказательной базы и поэтому может считаться одним из целевых параметров следственного эксперимента.

Ст. 207 УПК Республики Беларусь определяет только один способ проведения следственного эксперимента – воспроизведение. При этом существуют обстоятельства, воспроизведение которых либо невозможно, либо затруднено. Например, разрушение объекта (взрыв дома), столкновение транспортных средств и т.п. Однако некоторые аспекты происшествия могут быть отражены в модели.

Ю.С. Комягина считает, что следователь обязан вынести постановление о производстве следственного эксперимента [8, с. 190], О.Я. Баев трактует необходимость вынесения постановления только тогда, когда «эксперимент создает препятствие работе промышленных, торговых и других предприятий, транспорта и т. д.». [4, с. 68]. Очевидно, что следователь должен привлечь к следственному эксперименту определенное количество участников, транспортных и технических средств, обеспечивающих создание условий, подходящих к ситуации расследуемого события. УПК Республики Беларусь предоставляет следователю право составлять

документально оформленные требования к проведению эксперимента, исполнение которых является обязательным для всех организаций, должностных лиц и граждан (ч. 5 ст. 27 УПК Республики Беларусь).

Данные условия позволяют прийти к заключению о том, что в отдельных случаях следователю необходимо иметь основания для вынесения постановления о практическом осуществлении следственного эксперимента, в частности, например, для обоснования привлечения необходимых сил и средств.

Спорным вопросом, обсуждаемым учеными-процессуалистами, является проблема, возможности определения следственного эксперимента в качестве неотложного следственного действия. Некоторые авторы положительно отвечают на этот вопрос [9, с. 24]. Позиция этих авторов основывается на том, что проведение неотложных следственных действий определяется необходимостью обнаружения и фиксации следов преступления, требующих немедленного закрепления, обеспечения необходимой материальной базы, изъятия и исследования улик и иных материалов, представляющих существенный интерес для следствия. Следственный эксперимент в определенных обстоятельствах может стать подобным следственным мероприятием. Например, в случае совершения нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств рекомендуется немедленно возбудить уголовное дело, в рамках которого в качестве неотложного следственного действия следует провести следственный эксперимент. Целями следственного эксперимента в этом случае могут быть: а) установление длины тормозного пути; б) проверка видимости проезжей части; в) восприятия дорожных знаков, помех и иных препятствий лицом, управляющим транспортным средством.

Однако принятие решения о проведении следственного эксперимента в предлагаемых условиях как неотложного следственного действия неизбежно вызовет проблему реализации данного следственного мероприятия до возбуждения уголовного дела, что вступает в противоречие с требованиями ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Тематика следственного эксперимента представляет большой теоретический интерес для учёных-процессуалистов на протяжении многих десятилетий, а также имеет существенное практическое значение для правоохранительных органов. Несмотря на то, что следственный эксперимент существует уже многие десятилетия как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, многие теоретические вопросы до сих пор не получили однозначного решения. В связи с этим следственный эксперимент следует признать одним из спорных правовых институтов Республики Беларусь.

2. В статье 207 УПК Республики Беларусь указано, что следственный эксперимент – это следственное действие, заключающееся в воспроизведении действия, обстановки или иных обстоятельств определённого события с целью проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. Существенным недостатком этого определения, на наш взгляд, является отсутствие указания на опытный характер данного следственного действия.

Цель проведения следственного эксперимента установлена законом – проверка и уточнение данных, имеющих значение для дела (часть 1 статьи 207 УПК Республики Беларусь). Полагаем, что ограничение целей следственного эксперимента исключительно проверкой имеющихся доказательств неоправданно сужает сферу применения этого следственного действия, обедняет его и тем самым в определенной

степени обезоруживает следователя.

3. В связи с необходимостью подчеркнуть в определении опытный аспект реализации следственного эксперимента, считаем возможным изложить ч. 1 ст. 207 УПК Республики Беларусь в следующей редакции «следственный эксперимент – самостоятельное следственное действие, проводимое соответствующим субъектом предварительного расследования в рамках уголовного дела, в целях проверки имеющихся и получения новых доказательств, путём совершения опытных действий, совершаемых, в случае необходимости, в реконструированной обстановке».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамочкин, В. В. Следственный эксперимент при расследовании дорожно-транспортных преступлений : учеб. пособие / В. В. Абрамочкин. – М. : МГУ, 2015. – 319 с.
2. Алёнин, А. П. Тактика следственного эксперимента / А. П. Алёнин // Наркоконтроль. – 2007. – № 1. – С. 28–34.
3. Ароцкер Л. Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика; судебная экспертиза». – Харьков : ХГУ, 1951. – 35 с.
4. Баев, О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие / О. Я. Баев. – Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – 184 с.
5. Белозёров, Ю. К. Производство следственных действий / Ю. К. Белозёров, В. В. Рябокони. – М. : Юридическая литература, 1990. – 66 с.
6. Глазырин, Ф. В. Следственный эксперимент : учебное пособие / Ф. В. Глазырин, А. П. Кругликов. – Волгоград : ВГУ, 2015. – 67 с.
7. Ищенко, Е. П. Криминалистика для следователей и дознавателей : научно-практическое пособие / Е. П. Ищенко, Н. Н. Егоров ; под общей ред. А. В. Ананича. – М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» : ИНФРА-М, 2010. – 687 с.
8. Комягина, Ю. С. Следственные действия : сущность, классификация, принципы / Ю. С. Комягина, С. В. Лаврухин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 278 с.
9. Курнышева, Е. А. Сущностная природа следственного эксперимента / Е. А. Курнышева // Российский следователь. – 2015. – № 20. – С. 22–24.
10. Руководство по расследованию преступлений : учебное пособие / Рук. авт. колл. А. В. Гриненко. – М. : НОРМА-ИНФРА М., 2002. – 768 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

*Ежова Т.Б., старший преподаватель,
БИП – Университет права и социально-
Информационных технологий, г. Могилев, Республика
Беларусь*

В условиях, регулярно меняющихся тенденций понятие брачного договора становится всё более актуальным популяризированным и среди граждан, которые желают вступить в брак, а также среди супругов. Как говорят статистические данные, между супругами не редко появляются конфликтные обстоятельства по предлогу материальных обязательств по отношению друг к другу, раздела собственности и других положений по причине расторжения брака. Статья 13 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З (далее – КоБС) гласит, что в целях укрепления брака и семьи, повышения культуры семейных отношений, осознания

супругами собственных прав и обязанностей, ответственности за детей и друг за друга супруги могут заключить брачный договор. Впервые заключение брачного договора стало возможным со вступлением в силу 1 сентября 1999 г. Интерес к этому институту не утихает по прошествии 10 лет действия Кодекса.

Практика заключения таких договоров в Республике Беларусь пока еще не нашла широкого применения. И дело не в том, что его заключение актуально для семей с высоким уровнем благосостояния, прослойка которых не велика. Это связано с правовым нигилизмом, который не дает большинству людей воспользоваться реально принадлежащими им правами. Например, среди большинства бытует такое мнение, что контракт означает недоверие супругов друг к другу.

Брачный договор – это договор, регулирующий взаимоотношения между супругами. Традиционной целью заключения брачного договора является решение вопросов в таких областях семейной жизни, как имущество и дети. Нельзя недооценивать очень большой психологической нагрузки, которую несет процесс обсуждения и заключения брачного договора.

Большинство граждан, которые собираются создать семью, не думают о заключении брачного договора. Ведь граждане знают о нем в основном из зарубежных фильмов и новостей из жизни «звезд». В умах множества людей никак не укладывается мысль о том, как же это возможно – строить отношения между супругами на договоре. Да еще и предусматривать в нем вопросы, которые могут возникнуть, если супруги внезапно окажутся перед необходимостью развода. Но ежегодная статистика говорит о том, что заключение брачных договоров с каждым годом набирает известность.

Добровольно урегулировав имущественные и неимущественные отношения брачным договором, супруги уменьшают риск последующего административного и судебного вмешательства в вопросы существования своей семьи. Что касается Республики Беларусь, то законодательно институт брачного договора был введен в 1999 г. В западноевропейских государствах его законодательное закрепление возникло значительно ранее, а заключение обрело немалую распространенность. Научно-практический комментарий к статье 13 КоБС указывает, что брачный договор – это соглашение супругов или лиц, вступающих в брак, главное имущественные и (или) индивидуальные неимущественные права и обязанности супругов в промежуток брака и (или) в случае его расторжения. Кроме того, белорусский законодатель устанавливает, что в брачном договоре возможно определить права и обязанности супругов по взаимному содержанию в браке, а также после его расторжения; порядок раздела собственности, являющегося совокупной коллективной собственностью супругов и иные вопросы взаимных отношений между супругами, родителями и детьми, если это не нарушает права и легальные интересы прочих лиц и не противоречит законодательству Республики Беларусь. Исходя из этого, в белорусской семейно-правовой науке под брачным договором понимается «соглашение супругов или лиц, вступающих в брак, имущественные и (или) индивидуальные неимущественные права и обязанности супругов в промежуток брака и (или) в случае его расторжения».

Например, М.М. Богуславский отмечает, что «брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» [4, с. 604]. Абашин, Э.А. определяет брачный договор как «установленным образом оформленное соглашение лиц, вступающих в брак или пребывающих в браке,

определяющее их имущественные права и обязанности как во время пребывания в браке, так и в случае его расторжения» [1, с. 23]. По мнению О.Н. Низамиевой и Р.А. Сакулина, «брачный договор представляет собой своеобразный имущественный кодекс конкретной супружеской пары, детально определяющий практически все имущественные аспекты семейной жизни» [8, с. 68].

Дзядевич, Д.В. предлагает следующее определение брачного договора: «Брачный договор – комплексное, долгосрочное соглашение супругов, определяющее имущественные и неимущественные права и обязанности супругов в браке или в случае его расторжения». Цель такого соглашения – укрепление семьи, повышение культуры семейных отношений, осознание супругами своих прав и обязанностей, ответственности за детей и друг за друга [5, с. 71].

Представитель правовой науки Республики Беларусь Я.И. Функ полагает, что «брачный договор по законодательству Республики Беларусь» носит в основном гражданско-правовой характер» [10, с. 160]. А Н.Д. Приставко, напротив, считает брачный договор семейно-правовым соглашением [9].

Признаки брачного договора:

– брачный договор – это, прежде всего, соглашение, которое предполагает, во-первых, наличие воли на заключение брачного договора, а во-вторых, выражение этой воли вовне каждым из лиц, желающих заключить этот договор. Для заключения брачного договора необходимо согласованное взаимное волеизъявление.

– брачный договор – это юридическое действие, направленное на возникновение определенных юридических последствий: установление имущественных прав и обязанностей супругов.

– равенство субъектов брачного договора, которое означает их автономное положение по отношению друг к другу, возможность любого из них выступить инициатором заключения брачного договора, невозможность влиять на решения контрагента в силу занимаемого положения [10, с. 145].

Более дискуссионным является вопрос о правовой природе брачного договора. По данному вопросу в юридической литературе сложились две противоположные позиции. Согласно первой из них, брачный договор – это семейно-правовая сделка (О.Н. Низамиева, И.В. Злобина и др.). В соответствии с данной точкой зрения, правовая природа брачного договора обусловлена специфическими особенностями данной конструкции, а именно: императивно определенный субъектный состав, своеобразие предмета, особое содержание. Злобина И.В. полагает, что доводы о том, что брачный договор регулирует именно гражданско-правовые последствия брака, к нему применяются правила о недействительности сделок, закрепленные гражданским законодательством, не свидетельствуют прямо о том, что брачный договор имеет гражданско-правовой характер. Доводы О.Н. Низамиевой в части специфических особенностей брачного договора верны и логичны, но, на наш взгляд, для отнесения брачного договора к семейно-правовым сделкам – их недостаточно [8, с. 70]. Как раз это учитывают сторонники второй позиции, относя брачный договор к гражданско-правовой сделке. Муратова С.А. считает, что «по своей правовой природе брачный договор представляет собой гражданско-правовой договор со специфическими особенностями, которые касаются субъектного состава, предмета, времени заключения и содержания договора» [6, с. 384]. По мнению М.В. Антокольской, брачный договор представляет собой особый вид гражданско-правового договора [2, с. 288].

К сожалению, в начале 2000-х гг. брачный договор в Беларуси не был

популярен. Но, по мере формирования национального права и увеличения показателя законодательной культуры граждан число лиц, которые заключают брачные договоры и тем самым защищающих собственные права и интересы в брачных отношениях, стало поэтапно увеличиваться. Большинство ученых считает, что брачный договор является возмездным, так как нацелен на урегулирование имущественных отношений между супругами. Но высказывается суждение и о безвозмездном характере брачного договора, так как для заключения возмездных сделок супруги станут пользоваться только гражданско-правовыми конструкциями: договором купли-продажи, мены и прочими. Интересной представляется точка зрения А.В. Мыскина, который полагает, что «специфика имущественных отношений, складывающихся между супругами такова, что мы не можем назвать брачный договор ни платной, ни безвозмездной сделкой». В силу того, что брачный договор может содержать условия, сходные с отношениями дарения и мены, безвозмездного пользования, займа, найма и другое, его возмездность или безвозмездность будет прямо зависеть от его содержания [7, с. 43]. Так, брачный договор представляется возмездным, если из его условий будет следовать наличие встречного передачи между сторонами (ст. 398 ГК) и безвозмездным при отсутствии такового.

Брачный договор, заключенный будущими супругами, можно отнести к сделкам, совершаемым под отлагательным критерием (к условным сделкам). В п.1 ст. 158 ГК сделка считается безупречной под отлагательным критерием, если стороны поставили появление прав и обязанностей в взаимосвязь от ситуации, относительно которого неведомо, наступит оно или не наступит.

Таким образом, можно сделать вывод, что брачный договор по праву Республики Беларусь – это соглашение (сделка), исходя из представлений законодателя, прежде всего, имеющая имущественный характер, в силу которого законный режим имущества супругов меняется на договорной режим имущества супругов.

Практика заключения брачных договоров еще не обнаружила широкого использования в Республике Беларусь, но сам институт брачного договора становится всё более актуальным в настоящее время, дабы выработать у граждан ощущение нужности брачного договора в брачно-семейных отношениях, необходимо осуществлять разъяснительную работу в данном направлении, необходимо основать консультационные центры, службы помощи молодым семьям при государственных органах записи актов гражданского состояния, делать пропаганду института брачного договора в средствах большой информации, с целью разъяснения будущим супругам не только их права на заключение данного договора, но и его значения для урегулирования имущественных и личных неимущественных отношений, как очень цивилизованного способа разрешения дискуссионных вопросов.

В разных странах этот институт имеет свои особенности, но основная цель брачного договора – предоставить супругам достаточно широкие возможности для определения в браке своих имущественных отношений. Это дает им возможность отступить от режима имущества, который автоматически начинает действовать с момента заключения брака. Практика заключения брачного договора существует, как правило, в состоятельных семьях. В брачном договоре определяется право собственности на имущество мужа и жены, принадлежавшее им до брака и приобретенное в период брака, иногда предусматриваются имущественные санкции на случаи развода.

Следует отметить, статистика свидетельствует о постоянном увеличении

количества заключенных брачных договоров. Поэтому, ничуть не преувеличивая роль и значение брачного договора в семейной сфере, можно утверждать, что он по праву должен обеспечить защиту прав и законных интересов тех лиц, которые сознательно избрали путь договорного урегулирования возможных споров и конфликтов, прежде всего – имущественного характера. Кроме того, добровольно урегулировав договором свои взаимоотношения, супруги минимизируют последующее административное и судебное вмешательство в вопросы жизни семьи, что позволит им и их детям избежать дополнительных нравственных и физических страданий. Очевидно, что заключение брачного договора необходимо людям, занимающимся бизнесом, когда в случае расторжения брака супругам придется делить не квартиру, дачу, гараж и машину, а доли участия, акции, паи, объекты предпринимательской деятельности, когда в орбиту разбирательств вовлекаются не только два человека – бывшие супруги, а затрагиваются права и законные интересы других лиц – соучредителей и участников.

Несмотря на то, что целью брачного договора является повышение культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определение прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения, как показывает практика, это не всегда соответствует реальному положению вещей. В настоящее время, исходя из тех брачных договоров, которые мы удостоверяем, очевидно, кто в действительности прибегает к заключению таких соглашений. Как правило, их заключают люди, которые уже имеют жизненный опыт, вступают во второй, третий брак. Они уже осознали, что на практике дележка имущества – дело хлопотное и затратное, и хотят заранее предусмотреть, если не сложится совместная жизнь, как они его будут распределять. Во-вторых, заключают брачные договоры люди, имеющие определенный риск профессий: не очень удачный бизнес, в каком-то плане и нелегальный. Они боятся потерять имущество, которое в случае разорения фирмы, предприятия по решению суда будет конфисковано, поэтому они и составляют договор в пользу супруги, надеясь этим как бы обезопасить себя. И, в-третьих, к брачному договору прибегают супруги, уже находящиеся на грани развода, чтобы не делить нажитое добро в суде, не платить высокую пошлину.

Бесспорным представляется собой то, что брачный договор представляет собой прогрессивным явлением в белорусском законодательстве и будет содействовать укреплению семейных отношений.

Таким образом, семейное законодательство Республики Беларусь в большинстве своих институтов нуждается не в шлифовке отдельных ее норм, а в существенном изменении подходов к правовому регулированию меняющихся семейных отношений с одновременным сохранением адекватных эффективных норм, а в ряде случаев – и в возврате к прежним вариантам нормативных решений с определенной их модернизацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абашин, Э. А. Брачный договор / Э. А. Абашин. – М. : Изд. дом «Форум», 2002 – С. 23–26.
2. Антокольская, М. В. Курс лекций по семейному праву / М. В. Антокольская. – М., 2009. – С. 288–292.
3. Багрова, Н. В. Отграничение брачного договора от смежных договорных конструкций / Н. В. Багрова // Право. – 2014. – № 384 – С. 145–148.
4. Богуславский, М. М. Международное учебник / М. М. Богуславский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристь, 2005 – 604 с.

5. Дзядевич, Д. В. Брачный договор: правовое понятие и механизм действия / Д. В. Дзядевич // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2002. – № 3 – С. 69–72.

6. Муратова, С. А. Семейное право: учебное пособие. Нормативные акты. / С. А. Муратова. – М. : Юриспруденция, 2003. – 384 с.

7. Мыскин, А. В. Юридическое действие брачного договора при расторжении и прекращении брак а/ А. В. Мыскин // Нотариус. – 2013. – № 1. – С. 41–44.

8. Низамиева, О. Г. Некоторые проблемы формирования содержания брачного договора / О. Г. Низамиева, Р. А. Сакулин // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 66–73.

9. Приставко, Н. Д. Соглашение об уплате алиментов [Электронный. ресурс] / Н. Д. Приставко // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр». Минск. – 2024.

10. Функ, Я. И. Брачный договор : Имущественные отношения супругов, их участие в хозяйственных обществах и товариществах (по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь) / Я. И. Функ. – Минск : Амалфея, 2000. – 160 с.

О СУЩНОСТИ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

***Загорских С.А., преподаватель кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф.
Яковлева», г. Екатеринбург, Российская Федерация***

Одними из древнейших правовых конструкций являются сделка. Поэтому естественным является то, что ее роль в механизме гражданско-правового регулирования является исключительной. Сделка это своеобразный социальный факт, появившийся в результате длительного развития общества. Сделки существенно влияют на способность участников гражданско-правовых отношений использовать свое право в части собственного усмотрения на совершение любых сделок, не запрещенных законом, как поименованных в нем, так и прямо в нем не указанных.

Исследование понятия сделка имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку гражданское право выделяет один из основных принципов, согласно, которому субъекты вправе по своему усмотрению совершать сделки, не запрещенные законом, т. е. предусмотренные законодателем, и прямо указанные в законе, так и не указанные в нем [5, с. 179].

В толковых словарях русского языка слово «сделка» определяется как производное от слова «сделать», «завершить, закончить дело», «конечный уговор» [3, с. 168], «соглашение» [6, с. 652]. Однако данные понятия синонимичны лишь на бытовом уровне. С учетом того, что с правовой точки зрения любое соглашение представляет собой совместный акт двух или более лиц, то гражданско-правовые последствия, возникают как результат выражения общей воли таких лиц, удовлетворяющих свои индивидуальные интересы, как участники соглашения.

В тоже время сделка может носить односторонний характер, например, в случае завещания. Так Д. И. Мейер замечал, что термин «сделка» является производным от слова «соделка», что предполагает участие нескольких лиц, при этом сделкой также является действие одного лица [5, с. 202-203]. Поэтому правовое понятие сделки не совпадает с ее толкованием на бытовом уровне. Объемы понятий - «сделка» и «соглашение» - не всегда совпадают.

О соглашении имеет смысл говорить, когда оно порождает правовые

последствия. Таким образом, в теоретическом смысле соглашение - это событие, которое произошло в реальности и которое имеет гражданско-правовые последствия, связанные с ним в соответствии с нормами права.

Если соглашение - это двухстороннее (или многостороннее) согласование чего-либо, то не всякая сделка является соглашением, т. к. может быть проведена в одностороннем порядке. Соглашение (*coordinatio* в переводе с латыни «согласованность») является имманентным в отрасли гражданского права, метод которого включает в себя метод согласования субъектов регулируемых отношений. Таким образом, понятие «сделка» шире понятия «соглашения».

Г. Ф. Шершеневич под сделкой понимал внешнее выражение воли человека, влекущее за собой юридические последствия [10, с. 112]. Такое понимание сделки в полной мере относится к односторонним сделкам.

Ф. К. Савиньи отмечал, что понятие сделка определяется исходя из таких признаков как:

- 1..она является юридическим фактом (событием, которое вызывает возникновение или прекращение правоотношений);
2. является свободным действием лица;
3. направлена на правоотношение в части их возникновения или прекращения [8, с. 213].

Исходя из определения данного Ф. К. Савиньи, можно говорить о том, что сделка подразумевает и влечет за собой наступление обусловленных правовых последствий. Что собственно соответствует и односторонним сделкам.

Анализ определения сделки, данного в ст. 153 ГК РФ, позволяет установить признаки характерные не только для любых сделок, но и односторонних сделок.

Во-первых, односторонняя сделка, как и двухсторонняя, либо многосторонняя, является одним из видов юридического факта.

Во-вторых, признаком правомерной односторонней сделки является правомерное волевое действие лица, которое ее совершает. Сущностью сделки как свободного действия является воля и ее изъявление.

На волеизъявление сделки, как характерный для нее признак указал и Верховный Суд РФ (п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Обычно волю лица, касающуюся совершения сделки, рассматривается как психологический фактор, поскольку сюда вкладывают намерение [2, с. 73-77] (желание) лица совершить сделку.

Процесс формирования такой воли у лица, основываясь на выводах В. А. Ойгензихт в части регулятивного процесса [7, с. 16], представляется следующим.

Регулятивный процесс включает две стадии - формирования воли и принятия решения.

1. Формирование у лица мотива, т. е. побуждения совершить сделку для достижения каких-либо целей. При этом у данного лица возникает свой интерес в части, касающейся условий сделки.

2. Замотивированное лицо ставит цель, которую оно желает достигнуть совершая сделку.

3. Лицом вырабатываются возможные пути реализации поставленной цели.

4. Далее, как правило, вырабатываются способы и варианты условий сделки, посредством, которого поставленная цель должна быть достигнута [9, с. 208-209].

5. В результате принимаемого решения совершается сделка.

Выделенные стадии условны, так как реальный волевой регулятивный процесс может быть сложнее или проще.

С учетом изложенного, под волей в рассматриваемом аспекте следует понимать процесс принятия решения, касающегося совершения сделки, выраженной в достижении цели, а именно совершении самой сделки.

Таким образом, решение лица - необходимый элемент любой волевой сделки, в том числе односторонней.

Если при создании конкретных правоотношений, действия лица указывают на наличие его воли, то такие действия следует квалифицировать как волеизъявление, которое будет генерировать соответствующие отношения, т. е. сделку.

Третьим признаком сделки является ее особая направленность на достижение определенного правового результата, цели сделки, которая выступает как субъективно желаемый для участника сделки результат (По общему правилу, для исполненной сделки характерно совпадение цели и правового результата. Но в некоторых случаях, к примеру, при мнимых сделках, правовой результат может не совпасть с целью сделки.).

В-четвертых, сделка должна соответствовать закону, т. е. должна быть правомерной.

Таким образом, существенные признаки, характеризующие сделку, как юридический факт, выражается через такие признаки, как воля и волеизъявление стороны при односторонней сделке, а также целенаправленный характер сделки для достижения определенного правового результата/правовых последствий.

Исследуя односторонние сделки и применение общих положений о сделках, стоит обратиться к соотношению гражданско-правовых понятий, сделка и договор, с учетом того, что понятие гражданско-правовой сделки шире, чем понятие договор.

В п. 1 ст. 154 ГК РФ предусмотрены сделки: двух-, многосторонние и односторонние, что позволяет говорить об установлении различий при соотношении понятий договора и сделки. Таким образом, договор является одним из распространенных видов сделки и к нему применяются все правила о сделках.

При этом к односторонним сделкам применяются правила о договорах и об обязательствах лишь в той мере, в которой это не противоречит закону и существу односторонней сделки (ст. 156 ГК РФ).

Договоры могут заключаться двумя сторонами, а также быть многосторонними, в которых число участников более двух. При этом договор это всегда соглашение и совпадение воли нескольких субъектов, выраженных в едином цельном волеизъявлении. Этим он отличается от сделки, для осуществления которой достаточно воли хотя бы одной стороны (односторонняя сделка).

Стоит отметить, что основным отличием односторонней сделки от договора является то, что односторонняя сделка сама по себе не всегда порождает такие последствия, как договор, один факт существования которого способен установить, изменить или прекратить относительное правоотношение.

Например, выдача доверенности, являясь односторонней сделкой. При этом такая сделка не устанавливает правоотношения между поверенным и доверителем, поскольку для этого необходимо согласие поверенного для принятия указанных в доверенности полномочий. Таким образом, поверенный должен совершить собственную одностороннюю сделку. Только в этом случае между доверителем и поверенным возникают обязательства (ст. 307, 971 ГК РФ). Соответственно, сам факт

существования договора, в отличие от односторонней сделки, порождают права и обязанности. В соответствии со ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему. В данном случае имеются в виду двух и многосторонние сделки.

Ряд авторов относят действия, направленные на заключение договора, например направление оферты и встречное направление акцепта (стадии заключения договора), к числу односторонних волеизъявлений [1, с. 140-141].

При этом сторонники теории, что договор есть сумма двух односторонних сделок, не придают значение тому, что «воля сторон в двусторонней сделке должна быть встречной и совпадающей».

Если придерживаться точки зрения, что оферта есть односторонняя сделка, мы приходим к выводу, что договор представляет собой две односторонние сделки. Но данная теория поддерживается не всеми. Так, против этого утверждения выступает О. А. Красавчиков: «Договор является не суммой двух односторонних сделок, а тем конечным результатом, в котором воля сторон находит свое выражение, т. е. единым, с юридической точки зрения, «волевым актом» [4].

Кроме того, соотнося гражданско-правовые понятия, сделка и договор, необходимо отметить, что сделка это реальное действие, которое совершается для достижения каких-либо целей, а договором является, прежде всего, соглашение о выполнении определенных действий. Договор как вид сделки является соглашением о выполнении определенных действий, которые представляет собой результат взаимодействия нескольких его участников.

Итак, договор является одним из распространенных видов сделки.

Договоры могут заключаться двумя сторонами, а также быть многосторонними, в отличие от сделки, которая может быть односторонней.

Договор это всегда соглашение и совпадение воли нескольких субъектов, выраженных в едином цельном волеизъявлении. Этим он отличается от сделки, для осуществления которой достаточно воли хотя бы одной стороны (односторонняя сделка).

Сделка, включая одностороннюю сделку – это действие, а договор – это соглашение сторон о выполнении определенных действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аракелов Э.А. К вопросу о соотношении односторонней сделки с иными юридическими действиями // Труды СГУ. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 106. - М., 2007. - С. 136-142.
2. Галас Е.М. Защита прав субъектов гражданских правоотношений, осуществляемая третейским судом // Современное право. - 2018. - № 7-8. - С. 73 - 77.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. // Т. 4. М., 1998. - С. 168.
4. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., - 1958. - 184 с.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право // М.: Статут, 1997. - Ч. 1. - С. 179.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общей ред. С.П. Обнорского // М., 1952. - С. 652.
7. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / Душанбе, 1983. - С. 16.
8. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. М.; Одесса, 2012. Т. 2. - С. 212-214.

9. Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Психология: учебник. М.: Юрайт-Издат, 2004. - С. 208–209.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. - С. 112.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКА ПРИ НЕЗАКОННОМ ДИСЦИПЛИНАРНОМ УВОЛЬНЕНИИ

*Ковалёва Т.В., старший преподаватель,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, г. Гомель,
Республика Беларусь*

В случае незаконного и необоснованного увольнения реализовать свое право на судебную защиту работник может в результате обжалования действий нанимателя (ст. 202 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)). Согласно п. 3 ч. 2 ст. 241 ТК непосредственно в суде рассматриваются трудовые споры по заявлениям работников о восстановлении на работе независимо от оснований прекращения трудового договора, в том числе при дисциплинарных увольнениях, об изменении даты и формулировки причины увольнения. При рассмотрении дела о незаконном увольнении работника суды руководствуются основополагающими принципами гражданского судопроизводства, такими как объективной истины, равенства сторон, состязательности, гласности, независимости судей и подчинения их только закону, доступности обращения в суд и другими. Сроки рассмотрения трудовых споров определены законом и являются достаточно сжатыми, что позволяет сторонам наиболее быстро добиваться защиты своих прав и интересов.

Одной из важнейших гарантий реализации права на судебную защиту является применение судом последствий незаконного дисциплинарного увольнения, к которым относятся: восстановление на работе, выплата возмещения работнику, изменение формулировки увольнения, оплата за время вынужденного прогула, возмещение морального вреда.

1. Восстановление на работе. В науке трудового права ученые исходят из того, что восстановление на работе следует понимать как меру защиты в трудовом праве [8, 131], или как способ защиты трудовых прав [10, с. 18]. Исходя из определения способов защиты трудовых прав, которое дает Е.А. Ковалёва [4, с. 44–47], считаем, что восстановление на работе – это способ защиты трудовых прав, который реализуется путем отмены незаконного приказа об увольнении.

Также, авторы сравнивают данный способ защиты с гражданско-правовым способом защиты «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» [10, с. 18].

По мнению Ю. Н. Полетаева помимо восстановления положения, существовавшего до нарушения права работника, для него порождается такое право как восстановление непрерывного и общего трудового стажа [8, с. 132]. Г. Х. Шафикова наряду с восстановлением на работе предлагает применять дополнительную меру в виде доведения до сведения трудового коллектива решения о восстановлении на работе незаконно уволенных лиц, а в случаях увольнения по порочащим работника основаниям обязанность принести публичное извинение [9]. Следует отметить, что данный способ защиты характерен для защиты чести,

достоинства и деловой репутации и может применяться по требованию работника в случае заявления отдельно такого требования.

Судебные решения по вопросам восстановления на работе подлежат немедленному исполнению. Данное положение является способом защиты работника и способствует реализации его права на труд, так как увольнение без законного основания препятствует продолжению работы. Гарантируя обеспечение немедленного исполнения решения суда по делам о восстановлении на работе, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении № 7 от 26 июня 2003 г. «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора» запретил вышестоящим судам приостанавливать решения судов о восстановлении на работе при истребовании дела в порядке надзора.

Однако немедленное исполнение решения не лишает права нанимателя на обжалование вынесенного судебного постановления. В связи с этим может возникнуть двоякая ситуация. При оставлении жалобы без удовлетворения, а решения без изменения, в случае его неисполнения с нанимателя будет взыскан средний заработок за задержку исполнения при условии обращения работника с таким требованием. При отмене исполненного решения наниматель может уволить работника по соответствующему основанию, однако денежные средства, выплаченные работнику за время вынужденного прогула, не возвращаются.

2. Приведение формулировки причины увольнения в соответствие с фактическими обстоятельствами, послужившими основанием для увольнения, и законом. Именно такой термин введен п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров». При этом суд отказывает в иске о восстановлении на работе, если наниматель имел законные основания для расторжения с ним трудового договора. В случае лишения работника возможности поступить на работу к другому нанимателю, суд может взыскать в его пользу средний заработок за время вынужденного прогула.

На практике достаточно часто наниматель вместо прекращения трудового договора в связи с сокращением численности или штата увольняет работника по иным основаниям. Например, определением судебной коллегии решение суда от 24 января 2019 г. отменено в части увольнения в связи с утратой доверия, и по делу принято новое решение об изменении даты и формулировки причины увольнения – истец считается уволенной с должности продавца в связи с сокращением штата работников (п. 1 ст. 42 ТК). В ходе рассмотрения дела каких-либо объективных данных, подтверждающих совершение работником конкретных виновных действий, которые давали бы нанимателю основания для утраты доверия к ней, по делу не установлено. Суд пришел к выводу, что фактически имело место сокращение штата работников, в связи с чем истец подлежала увольнению на основании п. 1 ст. 42 ТК [1].

3. Оплата за время вынужденного прогула. Данная мера является дополнительным последствием восстановления на работе или приведение формулировки причины увольнения в соответствие с фактическими обстоятельствами, послужившими основанием для увольнения, и законом.

Незаконное увольнение работника по дисциплинарным основаниям является одним из случаев, когда формулировка увольнения препятствует поступлению на новую работу. При этом Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов» было уточнено, что, если работник получал заработную

плату у другого нанимателя или пособие по временной нетрудоспособности в пределах срока оплачиваемого вынужденного прогула, выплаченные суммы подлежат зачету. При этом следует отметить, что согласно ч. 3 ст. 244 ТК у нанимателя имеется право произвести выплату за время вынужденного прогула при отсутствии решения суда.

4. *Выплата возмещения работнику.* Основанием для указанной выплаты является невозможность или нецелесообразность восстановления работника по причинам, не связанным с совершением им виновных действий, ч. 2 ст. 243 ТК, о чем суд выносит соответствующее решение.

Для принятия решения о выплате возмещения работнику должны быть в совокупности следующие условия:

1) невозможность или нецелесообразность восстановления работника на работе. На практике к таким ситуациям относят нахождение организации в стадии ликвидации; прекращение деятельности индивидуального предпринимателя; принятие на место истца иного работника, которому нельзя отказать в заключении трудового договора; прием истца на другую работу; предвзятое отношение к истцу со стороны уполномоченных должностных лиц нанимателя и др.;

2) отсутствие виновных действий работника. В случае обжалования незаконного дисциплинарного увольнения судом устанавливается факт, что в действиях работника отсутствует состав дисциплинарного проступка, в связи с чем, данное условие будет соблюдено;

3) согласие работника на выплату возмещения. В абз. 2 п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» дополнительно указано, что взыскание возмещения возможно только по предложению суда и с согласия самого работника. Инициировать предложение о замене может как работник, так и наниматель [5, 49–50]. Согласие работника должно быть четко выражено и зафиксировано, например, в протоколе судебного заседания [5, с. 50].

Выплата возмещения работнику заменяет ему право на получение оплаты за время вынужденного прогула. Как отмечал В. И. Кривой, это связано с тем, что такая оплата производится в случае восстановления на работе, чего не происходит при применении ч. 2 ст. 242 ТК, на основании которой восстановление заменяется денежным возмещением [5, с. 50]. К. И. Кеник также обращала внимание, что в таком случае в трудовой книжке запись об увольнении не изменяется и не подлежит исправлению [3]. С нашей точки зрения, последнее не отвечает принципу справедливости, а не исправление записи может ввести в заблуждение будущего нанимателя относительно причины увольнения. Поэтому при приеме на работу следует предоставлять и копию решения суда, в котором будет отражено, что увольнение являлось незаконным, но вместо восстановления на работе была применена выплата возмещения.

Законодательством Беларуси четко установлен размер возмещения – десятикратный среднемесячный заработок. Некоторыми авторами указывалось на необходимость установления приоритета денежной компенсации незаконно уволенному работнику вместо восстановления на работе для защиты его материальных и моральных интересов [2]. С данным положением можно согласиться, так как при разрешении спора о восстановлении на работе необходимо установить возможность и целесообразность этого, учитывая предыдущий опыт прекращения

трудового договора, сложившиеся личностные взаимоотношения между уполномоченным лицом нанимателя и работником, психологический климат в трудовом коллективе и иные обстоятельства.

5. *Компенсация морального вреда.* Ученые также отмечают, что моральный вред в трудовых отношениях выражается в физических или нравственных страданиях, но делают акцент на нарушение именно трудовых прав работника [6, с. 3], [9].

Для трудового права Беларуси характерно возмещение морального вреда только в случаях, прямо указанных в ст. 246 ТК: при отсутствии законного основания для увольнения; при нарушении порядка увольнения, не влекущего восстановления на работе; при незаконном переводе на другую работу. Таким образом, в случае незаконного увольнения, в том числе по дисциплинарным основаниям, работник может потребовать возмещение морального вреда. По другим основаниям возмещение морального вреда в трудовых отношениях Беларуси не допускается.

Незаконное расторжение трудового договора, а особенно по дисциплинарным основаниям, наносит более весомый моральный вред работнику. Однако в законодательстве четко не установлены критерии для определения размера возмещения морального вреда. Несмотря на то, что работник сам должен указать в заявлении, в какой денежной сумме он оценивает компенсацию физических и (или) нравственных страданий, согласно ст. 246 ТК размер морального вреда определяется судом. Судебной практикой сформулированы такие критерии как: требование разумности и справедливости; степень страданий потерпевшего исходя из тяжести (значимости) для него наступивших последствий и их общественной оценки; обстоятельства причинения морального вреда; возраст, состояние здоровья, условия жизни, материальное положение, иные индивидуальные особенности потерпевшего. В науке указываются такие иные индивидуальные особенности потерпевшего как прекращение учебы; невозможность продолжать карьеру; крайняя затруднительность трудоустройства; длительный характер испытываемых страданий [7, с. 30], степень психологической восприимчивости, интенсивность протекания психических процессов, тип личности, ценностно-мировоззренческая и гендерная характеристика личности [6, с. 4].

Таким образом, при незаконном дисциплинарном увольнении у работника и суда имеется широкий перечень способов защиты трудовых прав работника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционной инстанцией Гомельского областного суда удовлетворены иски требования уволенного работника [Электронный ресурс] // Верховный суд. – 2019. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/gomeljskij/oblastnoj/sud/sudebnaya/praktika/bel/>. – Дата доступа: 03.03.2024.

2. Демидов, Н. В. Увольнение по инициативе работодателя [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Н. В. Демидов ; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет» // Law Theses. – 2009. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/uvolnenie-po-initsiative-rabotodatelya#ixzz6q2zgSjuY>. – Дата доступа : 24.03.2021.

3. Кеник, К. И. Признание увольнения незаконным: в каких случаях выплачивается возмещение в размере десятикратного среднемесячного заработка? [Электронный ресурс] / К. И. Кеник // jurist.by. – Режим доступа : <https://jurist.by/storage/app/media/uploaded-files/trudspor-akt-sud-praktika-dop-ozn.pdf>. – Дата доступа : 03.03.2024.

4. Ковалёва, Е. А. Защита и охрана трудовых прав работников / Е. А. Ковалёва //

Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 1. – С. 44–47.

5. Кривой, В. И. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь для профессионалов в 40 выпусках/ В. И. Кривой // Под ред. В. И. Кривого. – Могилев : Могилев. обл. укруп. тип., 2007. – Вып. 20. Кн. 2. – 228 с.

6. Лопатьевская, Э. А. Компенсация морального вреда при нарушении трудовых прав работника: законодательство и судебная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Э. А. Лопатьевская ; Белорусский государственный экономический университет. – Минск, 2004. – 20 с.

7. Мотина, Е. В. Компенсация морального вреда: трудовая правовая аспекты: науч.-практ. пособие / Е. В. Мотина // Библиотечка ж. «Юрист». – 2009. – № 10. – 68 с.

8. Полетаев, Ю. Н. Некоторые вопросы о мерах защиты и ответственности по трудовому кодексу РФ / Ю. Н. Полетаев // Новый ТК РФ и проблемы его применения: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., Москва, 16–18 янв. 2003 г. / М-во образования Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. акад.; отв. ред. К. Н. Гусов. – М.: Проспект, 2004. – С. 130–136.

9. Шафикова, Г. Х. Компенсация морального вреда, причиненного работнику [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Г. Х. Шафикова ; Уральская государственная юридическая академия // Law Theses. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/kompensatsiya-moralnogo-vreda-prichinennogo-rabotniku>. – Дата доступа : 03.03.2024.

10. Шувалова, А. А. Способы судебной защиты трудовых прав и правовых интересов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. А. Шувалова ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». – М., 2019. – 21 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ САМОЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кожаневская О.В. магистрант 1курса БИП

Самозанятость, является нетипичной формой занятости по реализации гражданами права свободно выбирать род деятельности. В основе такой нетрадиционной и нестандартной занятости лежит самоорганизация, самостоятельное ведение трудовой деятельности с целью получения дохода без отношений найма с нанимателем и привлечения наёмных работников, на взаимоотношениях напрямую с потребителем услуг или через посредников, в самостоятельном обеспечении физического лица себя оплачиваемой работой для удовлетворения своих личных потребностей и получение вознаграждения за материальный результат своего труда. Такая трудовая деятельность физического лица, может носить постоянный и непостоянный характер.

В настоящее время актуальной социально-экономической государственной задачей является развитие предпринимательской инициативы и свободы граждан. Большую роль в ее решении играет самозанятость граждан, которая с одной стороны, как указывал в своем обращении к Российскому народу В.В. Путин «...трактруется как «незаконная предпринимательская деятельность» и, как следствие подвергается необоснованному надзору и контролю со стороны государственных органов» [2]. Как подчеркивается в юридической литературе, актуальность обусловлена и тем, что за рамками правового поля и экономической оценки остаются многочисленные социально-трудовые аспекты самозанятости и качество трудовой жизни работников, что представляет серьезную проблему, поскольку данная форма занятости является неустойчивой [1].

Понятие «самозанятый» и его правовой статус отсутствует в законодательных документах и как следствие правовое регулирование самозанятых лиц в контексте определения их места в правовой системе государства. В настоящее время постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.12.2022. № 851 «О перечне видов деятельности» утвержден Перечень видов деятельности, не относящиеся к предпринимательской деятельности, которые могут осуществляться физическими лицами, зарегистрированными как самозанятые (исключение иностранные граждане, лица без гражданства, временно пребывающие и временно проживающие на территории Республики Беларусь). Данной категории работников, дано право, осуществлять свою деятельность самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, и заниматься только одним определенным видом деятельности из закрепленного законодательством Перечня, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Законодатель не ограничивает сферу осуществления трудовой деятельности для такой категории работников как самозанятые, они имеют право взаимодействовать с любого рода заказчиками (физлицо, юрлицо), тем самым избегая финансовой и организационной зависимости.

Следует обратить внимание, что на данный момент сегмент самозанятости относится к одному из самых малоизученных аспектов социально-трудовых отношений. Данный тип занятости попадает в скрытую экономику страны, которая включает в себя в большинстве случаев законную экономическую деятельность, но скрывается или преуменьшается. Физические лица, работающие как самозанятые, часто относятся к наиболее уязвимым социальным категориям граждан в государстве.

Формирование сектора самозанятости осуществляется за счет различных преобразований:

- легализация гражданами своей деятельности, т.е. перехода из неформального сектора в формальный;
- изменения статуса индивидуального предпринимателя (менее выгодный с налоговой точки зрения, но позволяющий нанимать персонал) на статус самозанятого;
- перехода в самозанятость из трудовых отношений, регулируемых на основании Трудового кодекса Республики Беларусь (однако может стоять вопрос о подмене фактических трудовых отношений самозанятостью, а масштабирование данной практики несут серьёзную угрозу будущему трудовым отношениям в государстве).

Необходимо перечислить и законодательные преимущества предоставленные при осуществлении деятельности в качестве самозанятого:

- осуществление любых видов деятельности, кроме прямо запрещенных законодательством;
- возможность совмещения деятельности в качестве самозанятого с работой по найму, ведением предпринимательской деятельности в качестве субъекта хозяйствования;
- регистрация деятельности и взаимодействие с налоговым органом онлайн;
- простой режим налогообложения с уплатой налога в процентах от выручки без ведения налогового учета и представления налоговой отчетности;
- автоматическое участие в системе государственного социального страхования;
- автоматическое исчисление в мобильном приложении суммы налога и возможность его уплаты через мобильное приложение;

- прием средств платежа посредством мобильного приложения без применения кассового оборудования платежных терминалов.

Однако в числе основных минусов налогового режима, самозанятым не зачисляется общий трудовой стаж без уплаты страховых взносов в Фонд социальной защиты населения, нельзя нанимать сотрудников по трудовому договору, нет социальных гарантий. Вопрос по предоставлению пенсий для самозанятых станет острым спустя несколько лет. Из-за активного роста числа самозанятых вопрос сохранения стабильности и устойчивости пенсионного фонда актуален уже сегодня, поскольку растет большая нагрузка на тех, кто в обязательном порядке платит взносы в пенсионный фонд.

Стоит обратить внимание на несколько важных минусов:

- данная категория работающего не является лицом, застрахованным в системе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и не может им стать даже по собственной инициативе. Как альтернативу решения образовавшегося пробела, можно было бы предложить обращение самозанятого в страховую организацию;

- для самозанятых ограничены возможности получить поддержку профсоюза, стать членом профсоюза. Деятельность современных профсоюзов направлена, прежде всего, на граждан, работающих в стандартной занятости. Сами самозанятые разобщены и в большей степени работают с цифровыми платформами, применяют в своей работе ИКТ, а законные способы представительства и защиты прав работников и нанимателей действуют в офлайн-формате (коллективные переговоры, трудовые споры требуют организацию и проведение собраний работников, подписание документов на бумажных носителях). По нашему мнению, для самозанятых скорее необходим «цифровой профсоюз» в виде набора сервисов, доступного каждому вне зависимости от формы занятости.

Как указывает Е. А. Черных «активное развитие самозанятости, как и других нестандартных форм занятости, ставит вопрос о необходимости правовой поддержки и защиты прав соответствующих работников в сфере труда» [4]. Так, вследствие развития информационно-коммуникационных технологий, цифровизации, расширения и специализации сферы услуг, все большие масштабы приобретают нестандартные формы занятости, одной из которых выступает самозанятость. Самозанятость как нетипичная форма занятости имеет неопределенность в вопросе отнесения самозанятого к субъектам предпринимательской деятельности. И как следствие самозанятые должны находиться в сфере совместного паритетного регулирования нормами гражданского, трудового и налогового законодательства.

Можно констатировать, что нормативно-правовая и информационно-технологическая основа легитимизации самозанятости в целом разработана, но, как мы видим, пока не сформирована единая законодательная программа по развитию и поддержке самозанятости. Нуждаются в доработке мотивационные инструменты, подталкивающие выход самозанятых из неформального сектора экономики [3 с.173].

В процессе совершенствования законодательства по социальному обеспечению самозанятых необходимо определить статус данной категории работников в некотором промежуточном положении между работником по трудовому договору обеспечиваемым всеми видами обязательного социального страхования в соответствии с законодательством Республики Беларусь, и субъектом предпринимательской деятельности, который получает такое обеспечение при добровольном вступлении в отношения по социальному страхованию. В противном

случае не включение достаточно широкого круга самозанятого населения в отношения по пенсионному обеспечению и социальному страхованию приведет к нестабильности их правового положения в будущем. По нашему мнению, необходимо ставить вопрос об обязательном пенсионном страховании самозанятых граждан и об обязательных страховых взносах в бюджет фонда. Для определения и установления размера страхового взноса, необходимо сформировать налоговую отчетность, подачу декларации о доходах, которая отсутствует на сегодняшний день. Мы предлагаем внести изменение в Закон Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» от 17 апреля 1992 г., № 1596-ХІІ: в редакции Законов Республики Беларусь от 17.07.2023 № 300-З, от 13.12.2023 № 318-З в частности дополнить Раздел I «Общие положения» статьей 3-3. «Пенсионное обеспечение граждан, зарегистрированных в статусе «самозанятый»».

Необходимо комплексное развитие законодательства о самозанятости, определяющее правовой статус, права и гарантии данной категории работников. Отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «самозанятость», препятствует реализации гражданами своих конституционных и гражданских прав. В целях поддержки трудовой и предпринимательской инициативы граждан, целесообразно законодательно закрепить меры по развитию самозанятости путем информирования населения о государственной политике по развитию самозанятости, принимаемых законах и нормативно-правовых актов, создание информационных систем и сервисов, направленных на поддержку самозанятости, разработать специальные меры по поддержке самозанятых. Восполнить законодательные пробелы возможно с разработкой и принятием Закона Республики Беларусь «О самозанятых», в котором следует определить направления государственной поддержки развития и контроля самозанятости.

С целью реализации комплексного развития направления самозанятости, в первую очередь, надо определиться с понятием «самозанятость». Мы предлагаем следующее определение самозанятости: «Самозанятость - это особый вид предпринимательской деятельности, который осуществляется физическими лицами самостоятельно по собственной инициативе и основывается на самостоятельно принятых решениях для осуществления своей деятельности, с использованием своих собственных ресурсов, без использования труда наемных работников».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бобков, В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения [Электронный ресурс] / В. Н. Бобков, В. Г. Квачев / Монография. - Электронно-библиотечная система ВООК.ру. М.: КноРус - 2019. – 342 с.
2. Путин, В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016// Парламентская газета. - 2016. - 08 дек. (№ 45). Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/presiden>. – Дата доступа – 07.03.2024.
3. Тонких, Н. В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы/ Тонких Н. В., Бабинцева А. В. // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2020. - Т. 18. - № 1. - С. 172-183.
4. Черных, Е. А. Актуальные социально-трудовые аспекты самозанятости в современной России [Электронный ресурс] / Черных Е. А., Локтюхина Н. В.// Экономическое возрождение России - 2021. - № 1(67). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-sotsialn>. - Дата доступа. - 03.03.2024.

ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Колоша К.Н., преподаватель,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск,
Республика Беларусь*

Республика Беларусь является молодым государством, построенным на осколках крупнейшей державы с коммунистическим строем. Развал СССР привел к появлению новой самостоятельной территориальной единицы – Республики Беларусь.

С обретением Республикой Беларусь независимости система законодательства советского периода, принципы создания и реализации норм права уже не отвечали потребностям современного белорусского государства. Для создания новой правовой системы необходима была разработка ее основы, фундамента для взаимодействия личности, общества, государства, эффективного функционирования государственных институтов.

Важным шагом к построению правового государства в Республике Беларусь было принятие 15 марта 1994 года Конституции Республики Беларусь. Именно данный нормативный правовой акт провозгласил республику унитарным демократическим социальным правовым государством. Принятие новой Конституции, вовлечение Республики Беларусь в мировое сообщество как независимого государства повлекли кардинальные изменения в национальном законодательстве [2, с. 221].

Конституция Республики Беларусь стала основой для построения правовой системы независимого государства. Одним из важнейших нововведений стало изменение приоритетов страны. На первое место в иерархии ценностей ставится человек, его права, свободы и гарантии их реализации.

Следующий этап развития законодательства был связан с референдумом 1996 года и внесением существенных изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. На Главу государства были возложены функции гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения посредничества между органами государственной власти, их преемственности и взаимодействия. Однопалатный парламент – Верховный Совет – был преобразован в двухпалатное Национальное собрание. Значительно возросли полномочия Правительства, судебная система приобрела все черты самостоятельной ветви власти [2, с. 221].

Третий республиканский референдум в Республике Беларусь прошел в 2004 году и был посвящен вопросу исключения из Конституции нормы о занятии одним и тем же лицом должности Президента Республики Беларусь более двух сроков. При этом характер взаимоотношений трех ветвей власти не изменялся. Не подвергались изменению также гарантии прав и свобод человека и гражданина [2, с. 222].

По мнению В. В. Мицкевича, процесс совершенствования конституционного законодательства носил ярко выраженный динамичный характер, обусловленный изменением различных государственных институтов. Эти все изменения позволили пересмотреть и изменить отраслевое законодательство Республики Беларусь [4, с. 7].

Как отмечает доктор юридических наук, профессор Т. И. Довнар, законодательство Республики Беларусь развивалось на основе широкого круга правовых источников. Использовался не только собственный опыт национального

законодательства, но и модельные кодексы СНГ, международные правовые акты и др. [1, с. 180].

Реализация коренных политических преобразований была бы не осуществима без соответствующего правового обеспечения нормотворческой деятельности. В частности, речь идет о принятии 10 января 2000 года Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», а также Правил подготовки проектов нормативных правовых актов, которые позволили окончательно сформировать законодательство в области нормотворчества и повысить уровень правовой культуры в государстве и обществе.

В 2002 году в целях перспективного решения актуальных проблем функционирования национальной правовой системы и определения основных направлений и способов совершенствования законодательства Республики Беларусь Президентом была одобрена Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, основной задачей которой являлось повышение эффективности правового регулирования общественных отношений.

Концепция была посвящена не только законодательству, но и совершенствованию других элементов правовой системы: нормотворческому процессу, системе права и законодательства, юридической науке. В ней обращено внимание на актуальные и проблемные вопросы научных исследований: унификацию и гармонизацию белорусского законодательства, качественные и количественные параметры системы законодательства, развитии системы права с учетом национальных, исторических и культурных традиций [1, с. 180].

Другие акты законодательства в сфере организации и осуществления законодательной деятельности принимались и принимаются законодательными органами на основе и в точном соответствии с вышеназванными концептуальными законодательными актами.

В частности, речь идет об Указе Президента Республики Беларусь от 13 декабря 2007 г. № 630 «О некоторых мерах по совершенствованию правотворческой деятельности и научных исследований в области права», утвердившим Положение о Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

В целях повышения эффективности законодательной деятельности, создания оптимальных условий для реализации гражданами их прав и законных интересов был издан Указ Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 711 «О некоторых вопросах осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов», где закреплены виды нормативных правовых актов, подлежащих обязательной юридической экспертизе, критерии их оценки; обозначены правовые акты, не подлежащие юридической экспертизе.

Для совершенствования системы мер по предупреждению преступности и создания надлежащих условий для прогнозирования возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов был разработан и издан Указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе», которым утверждено Положение о порядке проведения криминологической экспертизы, определяющее правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов.

В рамках дальнейшего совершенствования информационного обеспечения законодательной деятельности в Республике Беларусь с использованием современных информационных технологий был издан Указ Президента Республики Беларусь от 24

февраля 2012 г. № 105 «О банке данных проектов законов Республики Беларусь», утвердивший Положение о порядке формирования, ведения и предоставления банка данных проектов законов Республики Беларусь.

Обозначенные акты определили основные направления стабилизации законодательства, этапы его качественного развития и обновления.

Профессор И. А. Юхо подчеркивал, что существенное значение для развития системы законодательства имела кодификация. В Республике Беларусь одними из первых были приняты кодексы в сфере гражданского и уголовного законодательства, законодательства о труде, браке и семье и другие [5, с. 348].

Новейшие идеи гражданского права и основные принципы регулирования гражданских отношений были заложены в Гражданском кодексе Республики Беларусь (1999 г.), который лег в основу положений множества законов, создавших условия для развития современной экономики. Среди них можно назвать Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах», «О рынке ценных бумаг» и иные. В своей совокупности гражданское законодательство и законодательство о хозяйственной деятельности устанавливают четкий механизм соблюдения баланса публичных начал в регулировании экономических отношений [1, с. 182].

Существенным достижением в области развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства являлось принятие в 1999 году Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Беларусь (далее – УК и УПК Республики Беларусь).

В УК и УПК Республики Беларусь был реализован опыт отечественной и зарубежной законотворческой и правоприменительной практики, а также современные тенденции развития уголовного права. В основу кодексов положены принципы, определенные в Конституции Республики Беларусь, а также основные нормы международных договоров.

В 2003 году результатом труда большого коллектива разработчиков явилось принятие Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь), а в 2006 году – Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь). КоАП Республики Беларусь привел значительный массив законодательства в соответствие с существующей правовой системой. Данный Кодекс обрел статус единственного закона об административной ответственности, действующего на территории республики [4, с. 9].

С учетом новых реалий в 2021 году в стране были приняты обновленные КоАП и ПИКоАП Республики Беларусь. В данных кодексах усилена правовая защита интересов общества и государства, реализованы предупредительная и воспитательная функции административно-деликтного и процессуального законов.

Большую роль в формировании правовой системы в Республике Беларусь сыграло принятие в 2006 году Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, который определил основы, задачи и принципы деятельности судебной системы и, как следствие, вывел на новый этап развития данный институт законодательства [2, с. 222].

В целях регулирования социально-трудовых и экономических отношений между работником и нанимателем, а также защиты прав работников в 1999 году был принят Трудовой кодекс Республики Беларусь. Последние изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь нацелены на усиление социально-трудовых гарантий

работников, расширение возможностей использования информационных технологий в регулировании трудовых отношений, предоставления трудовых и социальных отпусков, включая отпуска в связи с обучением и регулирование иных вопросов с учетом правоприменительной практики [4, с. 9].

Существенное значение для регулирования личных и имущественных отношений между супругами, родителями и детьми, а также другими членами семьи имело принятие Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Данный правовой акт регулирует отношения, связанные с заключением и расторжением брака, уплатой и взысканием алиментов, установления опеки и попечительства над детьми.

Знаковым событием в истории отечественного налогообложения стало принятие в 2004 году Общей части и в 2010 году Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь, что определило нормативно-правовой фундамент работы всей налоговой системы. После принятия Налогового кодекса Республики Беларусь появилась системность в законодательстве о налогах. Изменение налогового законодательства направлено на упрощение порядка исчисления и уплаты конкретных налогов, оптимизацию налоговых льгот и совершенствование налогового администрирования [4, с. 10].

Созданию единой системы образования на условиях преемственности и непрерывности способствует принятый в 2011 году Кодекс Республики Беларусь об образовании. Данный документ объединил в себе регулирование всех уровней образования. С учетом практики применения Кодекса и в связи со вступлением Республики Беларусь в Болонский процесс в настоящее время ведется работа по его корректировке.

В целях кодификации законодательства в области охраны окружающей среды в 2024 году запланирована подготовка концепции Экологического кодекса Республики Беларусь. Учитывая, что экологические отношения делятся на природоохранные и природоресурсные, государство намерено установить в Экологическом кодексе приоритет первых экоотношений над вторыми.

Новая модель государственного развития была избрана народом на республиканском референдуме в феврале 2022 года, когда были внесены существенные изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь. Перед Национальным собранием была поставлена задача откорректировать около ста законов и более двадцати кодексов. Первоочередное значение было отдано разработке и принятию Закона Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании», определяющего компетенцию, порядок формирования и деятельность данного представительного органа [3, с. 55].

Существенным изменениям подвергнуто избирательное законодательство Республики Беларусь. Изменения в Избирательном кодексе – это часть масштабной работы по модернизации политической системы страны, которая проводится в соответствии с изменениями Конституции Республики Беларусь. Что касается новаций, изменены возраст и ценз оседлости для кандидатов в Президенты. Введены дополнительные требования к лицам, претендующим на высший государственный пост и к кандидатам в депутаты [3, с. 55].

В целях дальнейшего развития правовой системы, а также современных вызовов и задач, стоящих перед государством и обществом, Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 была принята Концепция правовой политики Республики Беларусь. В рамках правового акта определяется понятие правовой политики Беларуси, ее цели, принципы, закрепляются национальные

историко-культурные основы правовой системы, закрепляются идеологические императивы, выступающие фундаментом правовой политики.

Таким образом, сегодня можно с уверенностью сказать, что в нашей стране создан прочный фундамент для дальнейшего развития национального законодательства Республики Беларусь. За годы независимости в стране была сформирована иерархичная, сбалансированная и относительно компактная система законодательства во главе с Конституцией Республики Беларусь. К положительным тенденциям развития законодательства можно отнести: оперативность правового реагирования на изменяющиеся общественные потребности; кодификация законодательства; следование принципам системности, комплексности, стабильности правового регулирования общественных отношений; формирование системы права с учетом потребностей граждан, приоритета человеческих ценностей, защиты прав, свобод и гарантий человека и гражданина. Последующее развитие национального законодательства во многом зависит от учета законодателем исторических условий и предпосылок правотворческого процесса, а также правового менталитета белорусского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Довнар, Т. И. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / Т. И. Довнар, Е. И. Орловская. – 2-е изд., стер. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 191 с.

2. Иванова, В. А. Этапы формирования правового государства в Республике Беларусь / В. А. Иванова // Современный менеджмент: проблемы, исследования, перспективы : сборник научных статей молодых ученых IV заочной сателлитной конференции. Выпуск четвертый / [ред. группа: И. Н. Русак, Т. В. Буховец, В. В. Казбанов] ; ООО «Лаборатория интеллекта» ; Фак. менеджмента БГЭУ ; Студенческое научное сообщество ФМ ; Каф. нац. эк. и гос. управления. – Минск : Энциклопедикс, 2014. – С. 220–222.

3. Колоша, К. Н. Законотворчество на современном этапе развития Республики Беларусь / К. Н. Колоша // Соколовские научные чтения – 2022 : материалы научной конференции, Минск, 15 декабря 2022 г. / БИП – Ун-т права и соц.-информ. техн-й; редкол. : С. И. Романюк [и др.]. – Минск : БИП, 2023. – С. 55–58.

4. Мицкевич, В. В. Становление и развитие права современной Беларуси / В. В. Мицкевич // Научно-практический журнал «ПРАВО.by». – 2015. – № 4. – С. 6–10.

5. Юхо, И. А. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / И. А. Юхо. – Минск : РИВШ БГУ, 2000. – 352 с.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Комарова И.К., к.филос.н.,

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г.Гродно, Республика Беларусь

Каждому этапу человеческого развития присущи свои особенности, которые влияют на отдельные государства, а соответственно, и их правовые системы, призванные реагировать на вызовы и угрозы, а еще лучше – упреждать их появление правовыми средствами. Инструментом для этого является правовая политика – научно обоснованная деятельность государства при участии граждан и общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы [1, гл.1].

Политика государства может быть экономической, информационной, социальной, военной и пр. Разумеется, все виды политики взаимосвязаны и оказывают друг на друга определенное воздействие. Однако это не исключает наличие деятельности, которая имеет своей целью усовершенствовать право, повысить качество правового регулирования, выработать стратегию и тактику правового развития общества. То есть ее самостоятельность связана с тем, что эта деятельность протекает в сфере права и посредством права, его средств. Правовая политика оптимизирует юридический инструментарий, имеет собственное содержание, самостоятельное значение наряду с иными видами политики, осуществляемой государством. Правовая политика ориентирует общество и соответствующие органы государства на решение актуальных проблем – на защиту прав и законных интересов субъектов, прогрессивное юридическое развитие страны и совершенствование ее правового регулирования.

Этот важнейший элемент государственной политики всегда должен соответствовать новым жизненным обстоятельствам и поворотам в развитии общества и выстраивать актуальные им пути совершенствования правопорядка как в частном, так и в публичном праве. Право обязательно должно отражать реальную картину бытия и даже опережать развитие общественных отношений, учитывая актуальную повестку, используя при этом как способы стимулирования значимых явлений и процессов, так и в случае необходимости правовые механизмы их замедления.

Особое значение в процессе формирования современной правовой политики имеет система базовых ценностей. Аксиологический аспект государственно-правового регулирования включает в себя общественные идеалы, исторические и культурные традиции, преобладающие в структуре общественного сознания. Именно на основании традиционных ценностей формируется система моральных и этических оценок, определяющих содержание соответствующих нормативных актов. Как правило, вытеснение традиционных приоритетов способствует дезорганизации общества, порождает деформацию социально-культурных и духовно-нравственных отношений.

Особенно актуально обращение к ценностному срезу правовой политики в периоды масштабных изменений в правовой системе. Например, в ходе конституционных реформ, происходит выработка, и внедрение в практику научно-обоснованных направлений к дальнейшему совершенствованию национального законодательства, его «отладка» в соответствии с менталитетом и ценностными ориентирами, отвечающими национальным интересам народа. Обновленная в 2022 г. Конституция Республики Беларусь подняла на новый уровень защиту традиционных ценностей, путем определения понятия брака как союза женщины и мужчины, приоритета воспитания детей в семье во избежание их замены чуждыми псевдодемократическими идеалами (однополые браки, ЛГБТ-пропаганда и т.д.), которые подрывают государство изнутри и пр. В то же время в Основном Законе были определены современные основы модернизации государства и общества, новые подходы к функционированию органов государственной власти и общественно-политических институтов с целью утверждения таких фундаментальных ценностей, как права и свободы человека и гражданина, устои правового государства и социального справедливого общества. Для Республики Беларусь это исключительно важно в условиях сложной геополитической обстановки, санкционного экономического давления со стороны коллективного Запада, неизбежной социальной

трансформации под влиянием постоянно развивающегося информационного общества.

С учетом этих факторов в ходе модернизации белорусской правовой сферы определяются основные векторы ее развития. Документом, который скорректировал их, в соответствии с современными геополитическими, экономическими и социальными реалиями стала Концепция правовой политики Республики Беларусь (далее - Концепция), утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В качестве базовой современной правовой доктрины Концепции выступила уже укоренившаяся в праве теория конституционной или национальной правовой идентичности, представленная также в схожих по своей сути вариантах как теория конституционного суверенитета или национального правопорядка (ее авторы ученые - праведы - Г.А. Василевич, Т.А. Васильева, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, Н.В. Исаева, Н.А. Карпович, Е.А. Лукьянова, П.П. Миклашевич, В.И. Павлов, С.П. Чигринов и др.) [3].

Концепцию можно охарактеризовать как идеологическую матрицу развития отечественной правовой системы, обогащенную сводом постулатов, определяющих стратегию развития всех правовых процессов в стране. В ней зафиксированы все приоритетные направления развития многих отраслей законодательства. Так, в сферах законодательства об обороне и национальной безопасности, предстоит усилить защиту информационного суверенитета страны, разрабатывать наднациональные стандарты и правила в области информационной безопасности с акцентом на продвижение национальных правовых интересов. В сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства необходимо реализовывать принцип социальной ответственности бизнеса перед государством, обществом и гражданами. В рамках законодательства, регулирующего социальную сферу, - сместить акценты правового регулирования от покровительства государства к установлению партнерских отношений между государством, обществом и гражданами [1].

Особая уникальность Концепции в ее ценностном срезе. В ней юридически закреплены историко-культурные основы и идеологические императивы национальной правовой политики на современном этапе, к которым отнесены государственный суверенитет и территориальная целостность; национальная безопасность; обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации; социальная справедливость, баланс прав и обязанностей человека и гражданина; свобода и равенство; патриотизм; народовластие; благосостояние; устойчивое развитие [1]. По мнению эксперта, директора Национального центра законодательства и правовых исследований В.Д. Ипатова, Концепция не имеет аналогов в зарубежных государствах, поскольку реализация ее положений позволяет синхронизировать все элементы системы права, обеспечить единство понимания содержания нормативных правовых актов как всеми должностными лицами, так и обычными гражданами. Общее понимание правовой политики, как вида деятельности, чаще всего связывается укреплением национальной правовой идентичности, к которой Республика Беларусь пришла в результате длительного, сложного пути становления и развития государства и права. Государственная идентичность имеет место в том случае, если государство представляет собой для гражданина нечто субъективно значимое, если он ассоциирует себя с ним, относит гражданство к числу своих наиболее важных социальных ролей. Этот путь связан с осознанием таких ценностей (национальных интересов) как: безопасность личности,

общества, государства; сохранение государства и национальной принадлежности; обеспечение прав и свобод человека и гражданина; эффективное государственное правление; укрепление дисциплины, законности и правопорядка; достижение высокого уровня правосознания и правовой культуры и др. Благодаря осознанию содержания этих ценностей, как подчеркивает О.И. Чуприс, снимается вопрос о расхождении в понимании правовой культуры западных и незападных правопорядков, идентифицирующих себя как имеющих отличия в правовом поле. В результате, в общественном сознании нашего общества и государства коренным образом меняется отношение к заимствованным в свое время новоевропейским политико-правовым концепциям. При этом речь не идет об изменении отношения к ценности и значению идей о правах человека, разделении властей, верховенстве права, гражданском обществе и пр., а об изменении их смыслового наполнения с учетом национальных особенностей и интегрирования в отечественный политико-правовой сегмент [3].

Необходимо отметить, что особенностью Концепции стала формулировка самобытных мировоззренческих ориентиров. Так, на смену индивидуализму и патернализму приходят партнерские отношения между государством, обществом и человеком, их взаимовыгодное сотрудничество, повышение социальной ответственности каждого гражданина за свою жизнь, здоровье и благосостояние (п. 13, п/п. 48.1 п. 48) [3].

Концепция подчеркивает, что главными инструментами реализации правовой политики являются правовое воспитание и правовое просвещение [1, гл. 4, п. 38]. Они нацелены на формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан в качестве условия совершенствования национальной правовой системы проводниками идеологических императивов

Таким образом, в Концепции правовой политики закреплены ценностные постулаты Конституции Республики Беларусь о правовом, социальном и демократическом характере государства, которые осуществляется на основе идеологии белорусского государства, что выступает скрепляющим компонентом для всех элементов правовой системы нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г. <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-196-ot-28-iyunya-2023-g> [Электронный ресурс] // Портал Президента Республики Беларусь – 2023. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-196-ot-28-iyunya-2023>. – Дата доступа: 20.02. 2024.

2. Концепцию правовой политики Республики Беларусь как основу эффективного функционирования правовой системы обсудили в Академии управления [Электронный ресурс] // Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: https://www.pac.by/press-center/news/koncepciu_pravovoi_politili_respybliki_bielarus_kak_osnovy_effektivnogo_fynkcionirovaniya_pravovoi_sisitem_obyudili_v_akad/. – Дата доступа: 20.02. 2024.

3. Чуприс, О.И. Предпосылки принятия и сущность основных положений Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Государство и право. – 2023. – Режим доступа: <https://gospravo-journal.ru/s102694520028494-4-1>. – Дата доступа: 24.02.2022.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ (ВОЕННОЙ) СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Кудрин И.Г., магистрант,
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный рук. Федчук И.Л., к.ю.н., доцент*

Защита Отечества является долгом и обязанностью граждан Республики Беларусь. Понятие «Отечество» относится к вечным ценностям. Оно выражает связь каждого человека с его предками и их свершениями, в нем олицетворены история, культура и духовность.

Под защитой Отечества следует понимать оборону страны, охрану ее суверенитета и безопасности, обеспечение целостности и неприкосновенности ее территории. Защита Отечества – это исторически сложившаяся моральная и правовая обязанность, соответствующая общепринятому международному законодательству.

Воинская обязанность устанавливается государством. Цель воинской обязанности заключается в создании и постоянном функционировании системы мероприятий, обеспечивающих защиту Республики Беларусь, прохождение гражданами воинской службы, подготовку их к вооруженной защите Республики Беларусь.

Граждане, на которых распространяется воинская обязанность, должны исполнять установленные для них правовые предписания по реализации этой обязанности. Какая-либо замена одного гражданина другим для исполнения воинской обязанности не допускается.

Порядок и форма исполнения гражданином воинской обязанности зависят от ряда обстоятельств: возраста, пола, состояния здоровья, семейного положения, профессии, образования, а также времени ее исполнения (мирное или военное время).

Конституция Республики Беларусь закрепляет долг и обязанность гражданина Республики Беларусь по защите Отечества. В научной литературе отмечается, что понятия «долг» и «обязанность» являются близкими по значению. Первое из них обозначает, что требования Конституции Республики Беларусь носят не только юридический, но и глубоко нравственный характер, то есть подчеркивается моральная обязанность перед Родиной, перед народом, перед своими близкими. В понятие «обязанность» вкладывается юридический смысл: обязанность подкрепляется не только моральными требованиями, но и правовыми средствами в виде юридической ответственности за ее неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Поэтому кроме воинской обязанности граждане вправе проходить добровольную подготовку к воинской службе и исполнять конституционный долг по защите Республики Беларусь путем добровольного поступления на воинскую службу в установленном законом порядке.

Воинскую обязанность исполняют граждане мужского пола, годные по состоянию здоровья и физическому развитию к ее исполнению, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, политических и иных убеждений, а также граждане женского пола, отвечающие установленным требованиям и получившие подготовку по

специальностям, необходимым для Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований.

Субъектами воинской обязанности являются только граждане Республики Беларусь. Воинская обязанность не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Республики Беларусь.

Исполнение гражданами воинской обязанности обеспечивают в пределах своей компетенции республиканские органы государственного управления (Министерство обороны Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Министерство здравоохранения Республики Беларусь и др.), местные исполнительные и распорядительные органы (исполнительные комитеты, администрации районов), другие государственные органы, иные организации и их должностные лица.

Таким образом, под воинской обязанностью понимается конституционная обязанность граждан Республики Беларусь по защите Отечества, обеспечению Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований обученным и подготовленным личным составом в мирное и военное время, в период мобилизации и военного положения.

Воинская обязанность в Республике Беларусь регламентируется соответствующим законодательством, которое представляет собой совокупность правовых норм, объединенных по признаку регулирования однородных общественных отношений, возникающих в связи с исполнением гражданами Республики Беларусь воинской обязанности.

Основным критерием, определяющим структуру законодательства о воинской обязанности, является юридическая сила нормативных правовых актов. Следовательно, рассматриваемое законодательство структурно состоит из конституционных норм, законов и иных нормативных правовых актов.

Юридической базой законодательства о воинской обязанности является Конституция Республики Беларусь. Важное значение с точки зрения воинской обязанности и комплектования Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, принадлежит статье 57 Конституции Республики Беларусь, в которой определено, что защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь, а также закреплено, что порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом. Конституционные положения имеют высшую юридическую силу, служат правовой основой для развития всего законодательства о воинской обязанности.

В данных конституционных нормах нашли свое отражение следующие формы защиты Отечества, реализуемые в рамках правового института воинской службы:

- исполнение воинской обязанности;
- исполнение конституционного долга по защите Республики Беларусь.

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХІІ «О воинской обязанности и воинской службе» воинская служба – это особый вид государственной службы, которая включает:

- прохождение военной службы или службы в резерве;
- прохождение военных или специальных сборов в период состояния в запасе Вооруженных Сил или других войск и воинских формирований.

Воинская служба признается одним из видов государственной службы. Вместе с тем, в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. №175-З «О

государственной службе» под государственной службой понимается профессиональная деятельность граждан Республики Беларусь, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов или должностных лиц Республики Беларусь.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» под государственной службой понимается профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов.

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХІІ «О воинской обязанности и воинской службе» устанавливается приоритет воинской службы перед другими видами государственной службы и трудовой деятельностью, который выражается в прекращении (приостановлении) гражданами работы, учебы и иной деятельности при призыве или добровольном поступлении на военную службу, призыве на службу в резерве, на сборы, а также в повышенном уровне социальной защищенности граждан, проходящих военную службу, службу в резерве.

Военная служба в Республике Беларусь является основным видом воинской службы. Значит, как элемент системы воинской службы, она также характеризуется признаками, относящими ее к особому виду государственной службы.

В чем же заключаются особенности военной службы как вида государственной службы?

В толковом словаре русского языка о значении слова «особый» говорится: «1. Не такой, как все; выдающийся из ряда обычных, не похожих на других. 2. Отдельный от других, имеющий специальное назначение для чего-нибудь. 3. Не похожий на других, индивидуальный, отличительный».

«Особенности военной службы заключаются в возложении на военнослужащих обязанностей по подготовке к вооруженной защите и по вооруженной защите Республики Беларусь, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с повышенным риском для жизни и здоровья», – закреплено в Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих».

Проведя анализ, можно выделить следующие отличия военной службы от государственной службы:

- по назначению;
- специфике задач, выполняемых военнослужащими;
- связи деятельности военнослужащих, с критическими и психологическими нагрузками, риском для жизни и здоровья;
- особым требованиям, предъявляемым к возрасту, состоянию здоровья и морально-психологическим качествам лиц, зачисляемых на такую государственную службу.

При определении особенностей военной службы важное практическое значение имеет выявление ее принципов.

В юридической литературе выделяется три вида принципов государственной службы:

- общие (конституционные);

- специальные (принципы организации и принципы осуществления государственной службы);

- специфические (свойственны и отражают специфику службы в тех или иных государственных органах, закрепляются в нормативных правовых актах об этих органах).

Таким образом, в основе законодательного закрепления специфических принципов военной службы лежат особенности прохождения гражданами Республики Беларусь военной службы в структурном элементе военной организации государства, функционально-целевое назначение соответствующего государственного органа, статус военнослужащих.

К числу основополагающих, интегрированных в системную классификацию принципов государственной службы, относятся специфические принципы военной службы:

- единоначалие;
- централизация руководства (управления);
- постоянная боевая и мобилизационная готовность;
- соблюдение воинской дисциплины и этических норм;
- социальная и правовая защита военнослужащих и членов их семей;
- реализация политики белорусского государства в области идеологии в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях;
- стимулирования прохождения военной службы;
- безопасности военной службы и др.

К числу особенностей военной службы можно отнести:

- правовое регулирование военной службы, как комплексной отрасли законодательства нормами военного права и военной администрации;
- принципы военной службы;
- приоритет военной службы перед иными видами государственной службы;
- претворение в жизнь государственной идеологии;
- детальность правового регулирования военно-служебных отношений;
- принятие Военной присяги и неукоснительное соблюдение ее требований;
- беспрекословность воинского повиновения;
- воинские должности и звания;
- особый правовой статус военнослужащих и наличие ограничений, связанных с военной службой;
- изучение и отбор кандидатов на военную службу;
- высокая морально-психологическая устойчивость;
- соблюдение этических норм;
- нахождение военнослужащих вне политической борьбы, но не вне политики;
- аттестация, повышение квалификации и профессионально-должностная подготовка военнослужащих;
- материально-техническое обеспечение военнослужащих;
- гарантии социальной и правовой защиты военнослужащих и членов их семей;
- особенности в защите прав участников военно-служебных отношений и др.

Таким образом, в основе института воинской службы лежит функциональная специфика деятельности граждан Республики Беларусь, выполняющих задачи в военной сфере обеспечения национальной безопасности средствами вооруженной борьбы с использованием военных методов.

ПРАВО ЕАЭС КАК РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ ЧАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

*Кудрявец Ю.Н., ст. преподаватель,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск,
Республика Беларусь*

1. Право ЕАЭС как организации региональной экономической интеграции оказывает значительное влияние на права и обязанности частных субъектов, включая физических и юридических лиц.

ЕАЭС представляет собой специфическую форму торгово-экономической интеграции – экономический союз. В рамках ЕАЭС как экономического союза формируется особая правовая система – право ЕАЭС, имеющая характерный признак — наднациональное правовое регулирование. Поскольку право ЕАЭС в первую очередь направлено на обеспечение функционирования внутреннего рынка, представляется возможным утверждать, что оно должно помимо прочего рассматриваться в качестве источника регулирования частноправовых отношений.

Право ЕАЭС составляют нормы Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г. (далее – Договор ЕАЭС), международных договоров, заключенных в рамках ЕАЭС, международных договоров ЕАЭС с третьими странами, решения и распоряжения органов ЕАЭС, принятые в рамках их полномочий. В силу входящих в право ЕАЭС нормативных документов его нормы обязательны, конкретны и направлены на регламентацию поведения частных субъектов. Традиционным примером таких актов являются технические регламенты, принимаемые Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК) и устанавливающие требования к процессам производства и продукции, обязательные для субъектов хозяйствования государств – членов ЕАЭС. Тем самым акты, входящие в право ЕАЭС, а не акты национального права, непосредственно создают права и обязанности для физических и юридических лиц государств-членов.

2. Традиционным и устоявшимся мнением в правовой науке является позиция, что право ЕАЭС обладает таким отличительным признаком как наднациональность. Более того, оно изначально формировалось как наднациональная правовая система.

В правовой литературе высказывается мнение, что наднациональность возникает тогда, когда интеграционное образование или международная организация получает возможность обязывать своими конкретными действиями стоящие у его истоков государства, не заручаясь их согласием на это в каждом отдельно взятом случае, т. е. приобретает в отношении них определенный объем самостоятельных распорядительных полномочий и за счет этого как бы «возносится» над ними [1]. К.А. Бекяшев отмечает, что такого подхода нет даже в Европейском союзе.

Понятие «наднациональность» в литературе характеризуется следующими признаками: передача государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации; наделение данной международной организации соответствующей компетенцией по реализации переданных ей полномочий; определенная степень независимости от государств-членов в решении тех или иных проблем, находящихся в ее компетенции; принятие решений на основе консенсуса или большинства голосов; обязательный характер решений, которые имеют приоритет над национальными законами, и для их вступления в силу не требуется

предварительной ратификации на национальном уровне; решения касаются прав и обязанностей не только государств, но также их граждан и юридических лиц – резидентов; существование эффективной системы судебной защиты таких решений и системы исполнительного производства и др. [2, с. 146].

Следовательно, в праве интеграционного образования или международной организации выделяются признаки механизма наднационального правового регулирования, когда совокупность правовых норм, формирующих такое право;

1) создана институциями, более высокими по статусу, чем компетентные органы государства, и

2) обладает большей юридической силой, чем акты национального законодательства соответствующего государства, в силу международных обязательств этого государства.

В правовой литературе высказываются также и несовпадающие с данной точки зрения.

Так, например, утверждается, что только часть права ЕАЭС представляет собой интеграционное право и имеет наднациональный характер; другая его часть представляет собой международное право. Правовая категория «право Союза» отражает именно международно-правовую природу данного межгосударственного объединения, а не сверх- или наднациональную [4].

3. Наднациональность действия права ЕАЭС проявляется на двух уровнях – внешнем и внутреннем, - выделяемых достаточно условно.

Внешний уровень наднационального правового регулирования формируется через разработку и принятие международных соглашений, принимаемых государствами – участниками интеграционного образования. Нормы международного соглашения, подписанного и ратифицированного государством, оказывают организующее воздействие на сами государства, а через них и на частных субъектов хозяйственной деятельности.

Международные соглашения занимают значительную часть права ЕАЭС: ее составляют Договор ЕАЭС, международные договоры, заключенные государствами – членами ЕАЭС между собой и международные договоры ЕАЭС с третьими странами (международными организациями). При этом международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, входят в право ЕАЭС в качестве международных договоров в рамках ЕАЭС и применяются в части, не противоречащей Договору ЕАЭС (п. 1 ст. 99 Договора ЕАЭС).

Наднациональный характер действия норм международных договоров очевиден, поскольку приоритет таких норм установлен и международными конвенциями (в частности, Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г.), и национальными законами (в частности, ст. 36 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь»).

Второй - внутренний - уровень наднационального правового регулирования создается последним элементом права ЕАЭС: решениями и распоряжениями органов ЕАЭС, принятыми в рамках их полномочий, предусмотренных Договором ЕАЭС и международными договорами в рамках ЕАЭС. Акты, издаваемые указанными органами, имеют организационно-распорядительный характер. Они могут содержать положения нормативно-правового характера, но чаще всего носят программный либо распорядительный характер и не содержат конкретных норм.

Другое дело решения ЕЭК, которые имеют нормативно-правовой характер и

являются обязательными для исполнения на территории всех государств, входящих в ЕАЭС, их субъектами: физическими и юридическими лицами. Таким образом, решения ЕЭК создают права и обязанности непосредственно для субъектов государств-членов ЕАЭС, минуя правовые механизмы самих государств. Соответственно, нормы актов ЕЭК становятся частью действующего права государств-членов ЕАЭС [3].

Наднациональность правового регулирования на данном уровне проистекает из полномочий органов международной организации, которыми их наделили сами государства, создавать нормы, имеющие приоритетный характер перед нормами национального права.

4. В Договоре ЕАЭС закреплены несколько концепций правового регулирования отношений применительно к различным сферам экономической деятельности.

Сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования устанавливаются для:

- согласованной макроэкономической, валютной политики; скоординированной (согласованной) транспортной политики; согласованной (скоординированной) агропромышленной политики;

- сфер, где установлены общие правила регулирования: торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций; финансовой деятельности; налогов и налогообложения; конкуренции; деятельности естественных монополий; охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;

- формирующегося общего электроэнергетического рынка Союза;

- двух сфер сотрудничества: в области промышленности и трудовой миграции.

Договор о ЕАЭС выделяет следующие разновидности политики:

скоординированная политика - политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза;

согласованная политика - политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза.

Здесь можно наблюдать иное направление формирования наднационального правового регулирования через выявление общих сфер регулирования, затем определение похожих правовых подходов, сближение национального законодательства и наконец формирование единых норм, обязательных к выполнению субъектами. Когда такие нормы фиксируются в актах ЕАЭС, они приобретают необходимую наднациональную юридическую силу. Например, частично этот механизм можно наблюдать в финансовой сфере: основным принципом сближения законодательства стран ЕАЭС на финансовом рынке является правило: «вначале гармонизация, потом — унификация» (по мере готовности) (ст. 2 Договора ЕАЭС).

Полагаем, что в настоящее время основным правовым механизмом для государств-членов пока остается гармонизация, в то время как унификация предполагается только в сферах, прямо определенных в Договоре о ЕАЭС.

Гармонизация правового регулирования производится следующим образом: в конкретной сфере отношений, являющейся общей для стран – участниц ЕАЭС, разрабатывается план гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС

(например, в финансовой сфере). Далее в его развитие разрабатываются и принимаются соглашения. Таким соглашением является, например, Соглашение об основах гармонизации технических регламентов государств - членов Евразийского экономического сообщества. Также можем привести в пример Соглашение от 6 ноября 2018 г. "О гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка".

Все это позволяет сделать вывод о том, что механизм правового регулирования, действующий на территории единого экономического пространства, должен обеспечивать, во-первых, основные перечисленные свободы, и, во-вторых, единое правовое регулирование в перечисленных сферах.

5. В правовой литературе до сих пор остается не выясненным, какие вопросы экономической деятельности субъектов хозяйствования должны быть регламентированы на наднациональном уровне, а какие остаться на уровне регулирования национального законодательства.

На основании норм Договора ЕАЭС можно определить три модели распределения уровней правового регулирования:

1) в основе правового регулирования лежит право ЕАЭС, в котором выделяются основополагающие нормы-принципы и регулирующие нормы более низкой юридической силы, обеспечивающие механизм реализации основополагающих норм. Эта модель уже существует в виде единого таможенного регулирования;

2) на уровне права ЕАЭС закрепляются только правовые основы регулирования той экономической сферы, которая определена в тексте Договора ЕАЭС. Такие правовые основы могут иметь разную степень детализации. Основное правовое регулирование осуществляется национальным правом. Полагаем, что основным механизмом формирования правовых норм в рамках данной модели является унификация. Данная модель вероятнее всего может применяться для создания идентичных механизмов правового регулирования в сферах, определенных Договором ЕАЭС (политики и общие правила);

3) в праве ЕАЭС устанавливаются только нормы-принципы, намечаются векторы правового регулирования определенной сферы (в тексте Договора ЕАЭС или в соответствующем приложении). Основное правовое регулирование осуществляется национальным правом с применением метода гармонизации, предполагающего установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в сферах, указанных Договором ЕАЭС (единые рынки и сотрудничество).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бекашев К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? / К. А. Бекашев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=22671409>. – Дата доступа: 16.08.2024.

2. Даргель, В. Соотношение наднационального и межнационального начал в Евросоюзе / В. Даргель // Власть. – 2011. – № 10. – С. 146–150.

3. О регламенте работы Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] : решение Высш. Евраз. эконом. совета № 98, г. Москва, 23 дек. 2014 г. // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Шавцова – Варфоломеева, А. В. Некоторые аспекты совершенствования правового обеспечения деятельности ЕАЭС / А. В. Шавцова – Варфоломеева // Теоретико-правовые вопросы обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь: тез. докл. респ.

УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ ПРИОБРЕТЕНИЕМ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Куницкая О.М., к.ю.н., доц.,

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях), устанавливая правовые основы осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь, сам термин «осуществление инвестиций» не определяет. В Данном Законе имеется определение понятию «инвестиции», которые означают объекты гражданских прав, которые: 1) принадлежат инвестору на законном основании (позволяет ему распоряжаться ими); 2) вкладываются инвестором на территории Республики Беларусь; 3) имеют целью их вложений получение прибыли (доходов) и (или) достижение иного значимого социально-экономического результата, а также иные цели, не связанные с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием (далее – инвестиционная цель); 4) имеют оценку их стоимости (в денежном выражении); 5) являются оборотоспособными.

Одним из ключевых признаков того, чтобы те или иные объекты гражданских прав считать инвестициями, является «вложение объекта гражданских прав». Уяснить, что означает данное действие, помогает отдельная норма указанного Закона о способах осуществления инвестиций (ст. 4 Закона об инвестициях). Среди них назван такой способ как «приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности».

Подпадая под регулирование инвестиционного законодательства лицо, осуществляющее вложение инвестиций в объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС) таким способом как приобретение прав на них, становится инвестором и, соответственно, получает права и гарантии прав инвестора, включая при определенных условиях право на льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки.

В этой связи следует исследовать вопросы о том, что выступает в качестве инвестиций и объекта осуществления инвестиций, кто является инвестором, какие правовые формы и условия определены для осуществления инвестиций таким способом?

Относительно того, какие конкретно действия составляют «приобретение прав», отметим, что ст. 981 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 июля 1998 г. (далее – ГК) предусматривает основания «возникновения прав» на ОИС: факт их создания либо предоставление правовой охраны в установленном порядке.

Исходя из ст. 983 ГК, исключительное право правомерного использования ОИС принадлежит обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности (за исключением секретов производства (ноу-хау) или средств индивидуализации). Использование другими лицами ОИС допускается только с согласия правообладателя. Он вправе передать это право другому лицу полностью

или частично, разрешить другому лицу использовать объект интеллектуальной собственности и вправе распорядиться им иным образом, если это не противоречит закону.

Передача/переход имущественных прав на ОИС от правообладателя происходит: 1) по договору, 2) по наследству и 3) в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица – правообладателя (ст. 984 ГК).

Таким образом, создание/возникновение, передача/переход имущественных прав на ОИС становятся способом осуществления инвестиций при следующих обстоятельствах:

1) приобретает право на ОИС инвестор (лицо, осуществляющее (осуществившее) инвестиции на территории Республики Беларусь: 1) гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь; 2) индивидуальный предприниматель; 3) юридическое лицо Республики Беларусь (п. 4 ст. 1 Закона об инвестициях);

2) инвестор должен вложить объекты гражданских прав (обменять принадлежащие ему на законном основании объекты гражданских прав (например, денежные средства, акции, иное движимое или недвижимое имущество) на право на ОИС;

3) цель вложения – инвестиционная: инвестор вкладывает свое имущество в ОИС с целью получения прибыли (доходов) и (или) достижение иного значимого социально-экономического результата, иными целями, не связанными с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием. Например, инвестор приобретает право на ОИС, чтобы получать от такого вложения прибыль (доход). То есть, даже физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем, вкладывает инвестиции в ОИС не для того, чтобы использовать права на них в личных, семейных, домашних целях, а для того, чтобы извлекать доход.

Как видим, инвестиционное законодательство пересекается с законодательством Республики Беларусь об интеллектуальной собственности, которое, в свою очередь, имеет двухуровневую систему регулирования с наличием общего регулирования в соответствующем разделе ГК и специального регулирования в специальных Законах Республики Беларусь.

Инвестиционное законодательство здесь может применяться в том случае, если как указывалось выше, способы создания/возникновения, передачи/перехода имущественных прав на ОИС, соответствуют определенным характеристикам в совокупности способам осуществления инвестиций (по субъекту, объекту, цели).

Важным является уяснение вопроса о совокупности правовых условий осуществления инвестиций исследуемым способом. Для инвестора это приобретает первостепенное значение, поскольку он должен иметь представление о том, какие права и гарантии прав у него в связи с этим возникают. Может ли инвестор, осуществляющий инвестиции приобретением прав на ОИС, получить какие-либо льготы и(или) преференции и иные меры государственной поддержки?

Именно в данном вопросе должна быть проявлена практическая реализация норм инвестиционного законодательства о привлечении инвестиций, создании благоприятных условий для этого и т.п. Именно здесь должно проявляться все то, что декларируется нормами инвестиционного законодательства, включая документы программного характера, об инвестиционной политике.

С указанным связан также вопрос о необходимости инвестиционного проекта при приобретении прав на ОИС. В соответствии со ст. 1 Закона об инвестициях он

означает «комплекс мероприятий, предусматривающий осуществление инвестиций», подтверждаемый документами, обосновывающими условия, способы осуществления инвестиций, источники их финансирования, а также сроки реализации такого проекта. Ввиду отсутствия каких-то положений, в т.ч. содержащихся в отсылочных нормах, инвестиционный проект имеет отношение ко всем способам осуществления инвестиций.

Тем не менее, инвестиционный проект нужен, когда решается вопрос о целесообразности оказания мер государственной поддержки. Государственная поддержка – это финансовая и иная поддержка, оказываемая *в виде льгот и (или) преференций, предоставляемых инвесторам и (или) организациям, реализующим инвестиционные проекты, в рамках* 1) заключаемых инвестиционных договоров с Республикой Беларусь; 2) привлечения внешних государственных займов, выдаваемых гарантий Правительства Республики Беларусь по кредитам и займам, а также 3) в иных случаях, установленных законодательными актами (п. 2 Положения о порядке организации разработки, утверждения и рассмотрения бизнес-планов инвестиционных проектов, а также проведения экспертизы инвестиционных проектов, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2014 г. № 506 «О бизнес-планах инвестиционных проектов»).

Также в Республике Беларусь согласно установленному порядку составления бизнес-планов инвестиционных проектов (п. 7 Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов, утвержденных Постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 31 августа 2005 г. № 158), они требуются для обоснования: 1) возможности привлечения организацией инвестиций в основной капитал; 2) целесообразности оказания организации, реализующей проект, мер государственной поддержки. То есть только в этих случаях составляется инвестиционный проект.

И только при наличии инвестиционного проекта инвестор может рассчитывать на оказание мер государственной поддержки. В этом инвестиционном проекте инвестор, обосновывая документально выполнение определенных условий осуществления инвестиций, может рассчитывать на оказание мер государственной поддержки.

Право на льготы и(или) преференции, и иные меры государственной поддержки предоставляемые инвесторам, предусмотрены в ст. 13 Закона об инвестициях. Инвесторы вправе использовать льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) для осуществления инвестиций и в иных случаях, установленных законодательными актами и (или) международными договорами Республики Беларусь, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза.

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 мая 2016 г. № 372 «О приоритетных видах деятельности (секторах экономики) для осуществления инвестиций» установило данные «приоритетные виды деятельности» и «приоритетные сектора экономики».

В нашем случае следует обратить внимание на то, что среди результатов интеллектуальной деятельности специальным законодательством выделяется и регулируется «новшество», означающее новое знание, техническое или иное решение, экспериментальный или опытный образец и др., обладающие признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка, практической применимости, способный принести положительный

экономический или иной полезный эффект при создании на его основе новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, новой услуги, нового организационно-технического решения (ст. 1 Закон Республики Беларусь 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» (далее – Закон). Когда новшество *введено в гражданский оборот*, оно становится инновацией. Введение в гражданский оборот – это совершение любых сделок, предметом которых являются оказание услуг, предоставление права пользования продукцией, технологией, *переход* к другому лицу имущественных прав на продукцию, технологию, организационно-техническое решение, в том числе *имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности*, используемые при создании этих продукции, технологии, организационно-технического решения.

В Республики Беларусь формируется Государственная программа инновационного развития (государственная программа) сроком на пять лет, на основании которой Совет Министров Республики Беларусь определяет перечень проектов государственной программы по созданию новых производств, имеющих определяющее значение для инновационного развития Республики Беларусь (далее – проекты государственной программы) (ст. 16 Закона).

Проекты государственной программы являются *инвестиционными, соответствующими приоритетному виду деятельности (сектору экономики) для осуществления инвестиций* (ст. 16 Закона).

Таким образом, инвестор реализующий проекты государственной программы имеет право на льготы и(или) преференции, и иные меры государственной поддержки. Перечень проектов программы по созданию новых производств утвержден Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2021 г. № 642 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348», который практически ежегодно дополняется.

В развитие указанного законодательства Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2021 г. № 716 «О выдаче заключений и возмещении сумм льгот» утверждены Положение о порядке выдачи заключений о предназначении ввозимых технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему для исключительного использования на территории Республики Беларусь в целях реализации проектов Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы и Положение о порядке возмещения сумм льгот при прекращении реализации проектов Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы в связи с невыполнением этапа ввода в эксплуатацию.

Для предоставления государственной поддержки субъектам инновационной деятельности, производящим и реализующим высокотехнологичные товары, формируется перечень высокотехнологичных товаров. Такой перечень утвержден Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 мая 2022 г. № 308 «Об определении перечня высокотехнологичных товаров».

В целом формы стимулирования инновационной деятельности предусмотрены в ст. 35 Закона.

Помимо прав инвесторов Законом об инвестициях установлены следующие гарантии: защиты имущества от национализации и реквизиции (ст. 15); перевода компенсации и иных денежных средств иностранных инвесторов (ст. 16); ограничения предъявления требований к инвестору (ст. 17); от неблагоприятного

изменения налогового законодательства (ст. 18); разрешение споров между инвестором и Республикой Беларусь (ст. 19).

Также специальная норма Закона об инвестициях указывает на то, что если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены данным Законом, то применяются правила международного договора (п. 3. ст. 3 Закона об инвестициях).

Подводя итог исследованию правовых условий приобретения прав на объекты интеллектуальной собственности как способа осуществления инвестиций, можно сформулировать следующие выводы.

1. К правоотношениям по поводу ОИС инвестиционное законодательство может применяться в том случае, если способы создания/возникновения, передачи/перехода имущественных прав на ОИС, в совокупности соответствуют определенным характеристикам, свойственным способам осуществления инвестиций (по субъекту, объекту, цели).

2. При осуществлении инвестиций таким способом как приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности, система гарантий прав инвестора и защиты инвестиций применяется при определенных условиях. Для реализации права инвестора на льготы и (или) преференции и иные меры государственной поддержки предусмотрена совокупность правовых условий приобретения прав на ОИС, которые обосновываются инвестором в инвестиционном проекте.

3. Правовые формы приобретения прав на объекты интеллектуальной собственности определены не в инвестиционном законодательстве, а в законодательстве об интеллектуальной собственности. Правовые условия осуществления инвестиций приобретением прав на отдельные объекты интеллектуальной собственности содержатся также не в инвестиционном законодательстве, а в ином законодательстве (в отношении инноваций – в законодательстве о государственной инновационной политике и инновационной деятельности).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПРАВОВОГО СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Курилович М.П., к.ю.н.,

ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» – центр государственного строительства и права, сектор эколого-правовых исследований, г. Минск, Республика Беларусь

Партнерство государства и субъектов экономической деятельности как предмет исследования берет свое начало в трудах ученых-экономистов и экономистов-экологов, среди которых: В.Г. Варнавский, Н.Н. Нелюбова, М.А. Дерябина, С.И. Мазоль, В.А. Фадеев, И.В. Новикова, которые закладывают научные основы взаимодействия государства и бизнеса как в целях повышения экономической выгоды, так и для решения общественно важных вопросов, поднимая проблематику обеспечения баланса во взаимодействии такого рода, достижения его максимальной эффективности. Продолжают активно исследоваться в экономической науке и вопросы реализации и развития государственно-частного партнерства как направления инвестиционной

деятельности в Республике Беларусь в различных сферах и секторах экономики (например, Д.В. Мухой, Г.А. Яшевой, Е.В. Тулейко и др.).

Так, первым этапом становления исследуемых общественных отношений стало развитие научных представлений о государственно-частном партнерстве в экономической науке с одновременным зарождением в 1970–1990-х гг. правового регулирования партнерства на международном уровне. Вследствие принятия целого ряда международных документов (Декларация Конференции Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, 1972, Декларация по окружающей среде и развитию от 14.06.1992, Йоханнесбургская Декларация по устойчивому развитию от 04.09.2002) происходит переход этих представлений в правовую плоскость с обретением соответствующих правовых форм, утверждающих важность коллективного решения вопросов охраны окружающей среды наравне с проблемами социальными и экономическими. Отдельным блоком можно выделить международные документы в сфере охраны окружающей среды как закладывающие правовые основы в вопросах взаимодействия различных субъектов в экологических целях. В свою очередь, принятие названных документов дало начало для работы Римского клуба, а также Комиссии Брундтланд, что положило основу правовым исследованиям поиска путей решения экологических проблем с развитием идеи о необходимости взаимодействия государства и бизнеса для достижения экономико-эколого-социального баланса.

В дальнейшем, с опорой на базу в виде международно-правовых документов, развитие получили и правовые исследования государственно-частного партнерства, а также новой его конфигурации – публично-частного партнерства, формированию правового регулирования которого, безусловно, уделяется большое внимание и со стороны белорусских и российских ученых-юристов (Н.Л. Бондаренко, М.С. Айрапетян, О.М. Куницкая, О.А. Бакиновская, С.В. Маслова, В.Ф. Попондопуло).

При этом анализ существующих исследований в области публично-частного партнерства демонстрирует, что правовое обеспечение такого партнерства в экологических отношениях в доктрине экологического права до сих пор не стало предметом самостоятельного научного исследования, что серьезно затрудняет реализацию сотрудничества государства, бизнеса и общественности в экологических отношениях, а также не способствует эффективности существующих механизмов охраны окружающей среды. Основной массив трудов посвящен анализу партнерства с точки зрения экономической науки либо представляет собой общетеоретический анализ партнерства, его рассмотрение как средства формирования инфраструктурной среды. С позиции анализа содержания механизма обеспечения охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, позволяющего решать многие экологические проблемы, сотрудничеству государства и субъектов экономической деятельности с возможным привлечением заинтересованной общественности в научных исследованиях приведенных авторов уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. За рамками научных изысканий ученых оставались такие вопросы правового обеспечения партнерства в сфере экологических отношений как реализация совместных государственно-частных проектов в области охраны окружающей среды; механизмов привлечения общественности к участию в партнерстве; правовых форм и направлений осуществления партнерства.

При этом говоря о правовом регулировании использования партнерства как самостоятельного правового средства для решения вопросов охраны окружающей среды следует обратить внимание на следующее: а) белорусский законодатель

оперирует исключительно понятием «государственно-частное партнерство», другими словами, в нормативных правовых актах Республики Беларусь термин «публично-частное партнерство» отсутствует; б) при фактическом наличии партнерских отношений при осуществлении охраны окружающей среды партнерство в экологических отношениях как самостоятельный правовой институт не закреплено, а без должного нормативного закрепления оно не может быть эффективно реализовано на практике.

Проведенный анализ показал наличие в научной литературе разногласий относительно правильности использования термина «государственно-частное партнерство», в частности и когда мы говорим о сфере охраны окружающей среды. Так, в национальных и зарубежных нормативных правовых актах, научной литературе, используются разные термины: «государственно-частное партнерство» и «частно-государственное партнерство», «публично-частное партнерство». Так, В.Ф. Попондопуло, исследуя правовые формы партнерства, обращает внимание на его договорный характер, говоря о партнерстве как о договорном объединении усилий государства и частного инвестора для достижения какой-либо общественно значимой цели, например, совместного финансирования сооружений по очистке природных объектов, строительства и эксплуатации станции альтернативной энергии [9]. Интересным с нашей точки зрения видится определение партнерства, данное А.А. Кушкаревым, который понимает под ним «организационный альянс между государством и частным бизнесом с участием органов местного и общественного самоуправления в форме смешанной компании или хозяйственного договора, объединяющий ресурсы сторон для достижения общей цели» [5, с. 87]. В данном определении содержится указание и на стороны партнерства, и на наиболее популярные способы его осуществления. Более подходящей с точки зрения экологической сферы, видится достаточно емкая формулировка партнерства, предложенная А.В. Белицкой: «государственно-частное партнерство – это юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество органов и организаций публичной власти и субъектов частного предпринимательства в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля, предполагающее распределение рисков между партнерами, осуществляемое в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение» [1, с. 45]. Тем не менее, следует отметить и еще одну позицию: В.Г. Варнавский определяет государственно-частное партнерство как «институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации национальных и международных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ до обеспечения общественных услуг» [2, с. 13].

Кроме того, существуют широкая и узкая трактовки данного понятия. В узком смысле под государственно-частным партнерством понимается не только сам процесс взаимодействия государства в лице государственных органов с представителями субъектов экономической деятельности, но и совместное пользование государственным имуществом, определение конкретных результатов такого взаимодействия, распределение рисков. В широком смысле под государственно-частным партнерством понимают любое взаимодействие государства в лице органов власти с представителями субъектов экономической деятельности [8, с. 37]. На наш

взгляд, второй подход размывает границы партнерства и дает возможность неоправданно относить к нему любое сотрудничество государства с бизнесом. Кроме того, это вызывает значительную путаницу при определении форм партнерства. Подобная широта подхода, по мнению Д.А. Петрова (с чем мы, безусловно, согласны), обуславливает «проблему неопределенности правового содержания государственно-частного партнерства. <...> любой гражданско-правовой договор, в котором участвуют публично-правовые образования <...> будет объявлен государственно-частным партнерством, что усугубит неясность механизма и ограничит его использование» [8 **Ошибка! Закладка не определена.**, с. 37]. Для отличия государственно-частного партнерства от других видов взаимодействия государства и бизнеса Е.В. Котов предлагает выделять ключевые признаки партнерства, среди которых: а) объект соглашения находится в сфере непосредственного государственного интереса и контроля; б) право собственности на объект не переходит частному партнеру; в) долгосрочный характер отношений; г) обязательное внесение частным партнером инвестиций; д) обязательное распределение прав, обязанностей, рисков между партнерами; е) не производится автоматическое продление партнерского соглашения в случае его окончания [3, с. 27]. Он обосновывает необходимость их выделения тем, что многие исследователи, опираясь на неправильно сформулированные характеристики, отождествляют такое партнерство с социальной ответственностью бизнеса, благотворительностью, субсидиями частному сектору, приватизацией и проектным финансированием. Названные модели взаимоотношения государства и бизнеса имеют право на существование, но они не являются моделями государственно-частного партнерства.

Важным аспектом является и то, что порой в зависимости от порядка слов в понятии приоритет отдается либо частному бизнесу, либо государству. Некоторыми авторами высказывается мнение, что очередности расположения слов не должно уделяться излишнее внимание, поскольку значимого влияния на содержание механизма она не оказывает. При этом выявить ведущую роль одного из партнеров можно путем анализа содержания соответствующих норм, регламентирующих использование той или иной правовой формы партнерских отношений. Так, Д.А. Петров отмечает, что «ключевым словом здесь является «партнерство», а главной идеей – соглашение между органами власти и бизнеса, учитывающее интерес обеих сторон» [8, с. 34]. Позволим себе не согласиться с такой позицией, поскольку именно очередностью слов, закрепленных в законодательстве применительно к партнерству, определяется подход к сотрудничеству, степень влияния государства, а также уровень вовлеченности субъекта экономической деятельности в партнерство. Так, в Республике Беларусь на сегодняшний день имеет место «государственно-частное партнерство», что четко отражает роль государства в нем, а именно его активное участие во всех стадиях сотрудничества, его риски, а также контролируемую функцию. В свою очередь, «частно-государственное партнерство» характерно, например, для стран Европейского Союза, где государство передает значительную часть функций в партнерстве частному сектору, оставляя за собой лишь контроль и получение результатов [4, с. 61–62]. Более того, говоря о термине «публично-частное партнерство», мы не можем назвать это лишь «игрой слов», поскольку использование термина «публичное» расширяет сотрудничество, делая возможным участие в нем третьего партнера. Таким образом, в зависимости от того, какую формулировку сотрудничества государство для себя избирает, меняются и

условия взаимодействия партнеров. Отметим также, что при выборе формулировок, важно осознавать какой результат повлечет их закрепление в нормативных правовых актах, учитывать ожидания партнеров от осуществления такого сотрудничества.

Выбор области общественных отношений и дефиниции «публично-частное партнерство» применительно к сфере экологических отношений неслучаен, так о перспективности применения публично-частного партнерства в экологических отношениях в своих трудах говорит, например, Т.И. Макарова, выделяя публично-частное партнерство как модель совершенствования правовых механизмов охраны окружающей среды, отмечая также необходимость использования именно такого термина при определении партнерства в экологических отношениях [10, с. 33–37]. Кроме того, А.А. Бабич в своих исследованиях предлагает рассматривать государственно-частное партнерство для решения задач по охране окружающей среды в Российской Федерации с расширением перечня объектов такого партнерства для его реализации; Т.В. Петрова исследует вопросы применения государственно-частного партнерства как механизма финансирования в сфере охраны окружающей среды; Г.Ю. Пахальчак, анализируются перспективы развития механизмов государственно-частного партнерства в экологической сфере [7], что представляет интерес для формирования модели публично-частного партнерства в экологических отношениях в Республике Беларусь, позволяя сделать выводы о его наиболее важных аспектах. В свою очередь, Е.М. Маслова отмечает, что приоритетной задачей государства в этой области должна стать выработка механизмов повышения инвестиционной привлекательности и контроля за исполнением экологических требований на всех стадиях реализации проектов партнерства [бОшибка! Закладка не определена.].

В целом относительно использования понятия «публично-частное партнерство» необходимо сказать, что такое партнерство предполагает расширение субъектного состава взаимодействия за счет включения в партнерство заинтересованной общественности, при этом наделяет партнеров большей самостоятельностью в выборе форм и способов сотрудничества, что формирует новую конфигурацию такого рода партнерства, а, кроме того, указывает на наличие социальной составляющей, что делает такое партнёрство наиболее предпочтительным, особенно, если мы говорим об экологических отношениях.

Таким образом, отметим, что введение нового правового средства – публично-частного партнерства, наравне с уже закрепленным в законодательстве государственно-частным партнерством поднимает также вопрос о соотношении терминов «государственный» и «публичный». Так, при понимании того, что данный вопрос возник в результате особенностей перевода на русский язык термина «public-private partnership», мы приходим к выводу, что данные определения применительно к терминологии белорусского законодательства не являются взаимозаменяемыми, то есть в контексте исследуемых отношений «государственный» не равно «публичный». Учитывая специфику исследуемого партнерства (сферу партнерства, поощрение инициативности частного партнера, привлечение заинтересованной общественности), можем отметить даже необходимость их разграничения, поскольку второе предполагает бóльшую самостоятельность и инициативность частного партнера, обеспечиваемые установленными в законодательстве формами такого взаимодействия. Такая необходимость объясняется и тем, что в законодательстве Республики Беларусь закреплено только государственно-частное партнерство, потенциал которого не используется в сфере экологических отношений.

На наш взгляд, с учетом проведенного анализа, наиболее полным представляется определение публично-частного партнерства для его закрепления в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в следующем виде: «юридически оформленное на определенный срок сотрудничество государственного и частного партнеров, с возможным участием заинтересованной общественности, направленное на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий». При чем само осуществление публично-частного партнерства предлагается рассматривать в качестве элемента правового механизма охраны окружающей среды с внесением соответствующего дополнения в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Поскольку в Законе Республики Беларусь от 30.12.2015 № 345-З «О государственно-частном партнерстве» область экологических отношений не названа в качестве одной из сфер осуществления партнерства (ст. 5), а Закон Республики Беларусь от 26.11.1992 № 1982-ХІІ (ред. от 04.01.2022, с изм. от 30.12.2022) «Об охране окружающей среды», также не содержит ни отдельной нормы о партнерстве, ни отсылки к законодательству о государственно-частном партнерстве (сохраняется такой подход и в новой редакции Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 17.07.2023), а значит и не дает оснований для применения этого правового инструмента к отношениям по охране окружающей среды, возможность его применения к сфере охраны окружающей среды объясняется, в том числе комплексностью общественных экологических отношений. Так, именно в силу обозначенной выше комплексности исследуемых общественных отношений мы имеем основания говорить об объективной возможности формирования нового для белорусского законодательства и оправданного с точки зрения специфики экологических отношений вида взаимодействия партнеров: публично-частного партнерства в экологических отношениях.

Субъектный состав такого партнерства, как уже отмечалось выше, несколько расширен, при этом в соответствии с перечнем полномочий государственных органов, содержащимся в законодательстве, на стороне государственного партнера субъектами партнерства в исследуемой сфере общественных отношений могут выступать: органы государственного управления специальной компетенции, местные Советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы и (или) уполномоченные ими государственные организации; на стороне частного партнера – юридические лица и индивидуальных предпринимателей.

Проблемой для осуществления взаимодействия в рамках публично-частного партнерства является и отсутствие в национальном законодательстве легального определения «заинтересованной общественности», на что неоднократно указывалось в доктрине экологического права, а также существенно усложняет процесс привлечения заинтересованной общественности к сотрудничеству, не позволяет использовать данную формулировку в нормативных правовых актах, не раскрывая ее содержания применительно к механизмам охраны окружающей среды. Однако, с учетом положений международных соглашений, к заинтересованной общественности мы можем относить общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, граждан (группы граждан).

Подводя итог, отметим следующее: сотрудничество государства, бизнеса и общественности можно рассматривать как партнерство при соблюдении определенных юридически значимых условий: а) приложение данного правового инструмента

к общественно значимым с государственной точки зрения отношениям; б) экономически обоснованный интерес частных партнеров к участию в партнерстве; в) вовлеченность общественности в случае ее заинтересованности; г) наличие оптимальной нормативно-правовой основы и организационной структуры;

отличительными чертами публично-частного партнерства в экологических отношениях являются: а) возможность трехстороннего партнерства за счет привлечения к сотрудничеству заинтересованной общественности; б) главенствующая роль в партнерстве принадлежит государству, которое регулирует и контролирует каждый из этапов реализации проекта, при этом частный партнер приобретает бóльшую самостоятельность и выгоду по сравнению с проектами, реализуемыми вне рамок партнерства;

закрепление в национальном законодательстве легального определения понятия «заинтересованная общественность» позволит упростить процесс привлечения представителей такой общественности к сотрудничеству;

проблемой для развития партнерства в сфере экологических отношений является недостаточная информированность субъектов экономической деятельности о полном спектре существующих механизмов охраны окружающей среды, их возможностях и преимуществах с точки зрения выполнения природоохранных требований; проблема низкой инвестиционной активности в природоохранную деятельность организаций. Для решения такого рода задач важны со стороны государства – активное инициирование и поддержка инвестиционных проектов в сфере экологических отношений; со стороны субъектов экономической деятельности – понимание возможностей, которые возникают при использовании специфических эколого-правовых средств, формирующих эколого-ответственное отношение бизнеса;

в законодательстве Республики Беларусь выстроена система государственно-частного партнерства, основанная на инфраструктурном подходе к сотрудничеству, в связи с чем публично-частное партнерство как самостоятельное правовое средство предлагается внедрить в уже существующие нормы, для применения исключительно в сфере экологических отношений. Так, свое место нормы о партнерстве могут найти в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» с выделением отдельной главы, в которой следует предусмотреть возможность реализации публично-частного партнерства с отсылкой (применением) к нормам существующего законодательства о государственно-частном партнерстве с учетом особенностей, которые будут установлены предлагаемой главой в Законе «Об охране окружающей среды».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белицкая, А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства / А. В. Белицкая // Законодательство. – 2009. – № 8. – С. 40–46.
2. Варнавский, В. Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски / В. Г. Варнавский ; Ин-т мировой эк-ки и междунар. отнош. – М.: Наука, 2005. – 315 с.
3. Котов, Е. В. Государственно-частное партнерство: теоретико-методологические проблемы трактовки и содержания / Е. В. Котов // Економічний вісник Донбасу. – № 1 (31). – 2013. – С. 25–35.
4. Криворотько, Ю. Финансирование государственно-частного партнерства в странах ЕС: новые подходы для стран ЕАЭС / Ю. Криворотько // Банкаўскі веснік. – красавік, 2017. – С. 59–65.
5. Кушкарев, А. А. Сущность и формы взаимного участия в рамках

государственно-частного партнерства / А. А. Кушкарёв // Экономика и управление. – 2012. – № 1 (Вып. 75). – С. 86–91.

6. Маслова, Е. М. Перспективы развития государственно-частного партнерства в области правовой охраны окружающей среды и рационального природопользования / Е. М. Маслова // Электронное приложение к «российскому юридическому журналу». – № 5. – 2015. – С. 59–66.

7. Пахальчак, Г. Ю. О перспективах развития механизмов государственно-частного партнерства в экологической сфере / Г. Ю. Пахальчак // Дискуссия. – 2013. – Вып. 9 (39). – С. 77–84.

8. Петров, Д. А. Государственно-частное партнерство: понятие и правовые формы реализации / Д. А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 14. – 2012. – Вып. 2. – С. 34–47.

9. Попондопуло, В. Ф. Концессионное соглашение – правовая форма государственно-частного партнерства / В. Ф. Попондопуло // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 6 (275). – С. 255–268. **Ошибка! Закладка не определена.**

10. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т.И. Макарова [и др.]; под науч. ред. Т.И. Макаровой. – Минск: БГУ, 2016. – 191 с.

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

***Курьянова В.В., магистр юрид. наук, юрисконсульт,
ООО «ЕвроТракЗапад»
г. Гродно Республика Беларусь***

Существует способ разрешения индивидуальных трудовых споров с помощью третьего лица, который прямо не предусмотрен Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее ТК) – это процедура медиации. Применение процедуры медиации осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации» (далее Закон о медиации). Понятие «Медиация» происходит от латинского *mediare*, что означает «посредничать». По своей сути медиация – это способ разрешения спора, который имеет давние традиции, предполагающий участие нейтральной, незаинтересованной третьей стороны, к которой обе конфликтующие стороны выражают свое доверие – медиатор.

В соответствии со ст. 1 Закона о медиации - «медиация – это переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд, так и после возбуждения производства по делу в суде».

Следует отметить, что в ст. 3 Директивы 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета от 21 мая 2008 г относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах (далее – Директива), закреплено определение медиации, которое является более расширенным по сравнению с определением, закрепленным в

Законе о медиации Республики Беларусь. Так данная Директива определяет медиацию как любой процесс с участием третьей незаинтересованной стороны, осуществляемый с целью достижения соглашения о разрешении их спора, и вне зависимости от того, был ли этот процесс инициирован сторонами, предложен или назначен судом, или предписывается национальным законодательством государства-члена ЕС. Таким образом, рассмотрев данное определение, можно прийти к выводу, что в Директиве такие понятия как «посредничество» и «медиация» отождествляются, что является не совсем логичным, так как считать данные понятия тождественными будет ошибочно.

В науке трудового права можно выделить ряд разрозненных позиций авторов в отношении применения института медиации в трудовых спорах.

1. Медиация как способ урегулирования спора абсолютно неприменима в трудовых отношениях.

2. Медиация идеально применима при урегулировании трудовых споров.

3. Медиация применима, но со своими особенностями [4, с. 145].

Возвращаясь к национальному законодательству, хотелось бы отметить, что разработчики Закона о медиации сознательно не стремились к детальной правовой регламентации института медиации, поэтому законопроект не содержал правового регулирования таких вопросов, как порядок определения размера вознаграждения, налоговых выплат и т.д. Так как институт медиации находится на стадии развития, законодательство не должно значительно опережать развитие общественных отношений.

Одной из важных составляющих медиации является создание надлежащих условий для комфортного и спокойного общения сторон, так как пока стороны противостоят, конструктивно созидательные усилия по выходу из проблемного поля не могут проявляться. Процесс проведения медиации, в отличие от конструкции спора, где одна сторона доказывает, что-то-то мысленно верна, а другая – что она ошибочна, направлен на создание благоприятных условий. Данная обстановка помогает сторонам на новом уровне общения прийти к взаимовыгодному компромиссу, путем поэтапного рассмотрения проблем, возможностей, условий.

Первой задачей медиатора является прочувствовать конфликт, найти ядро противоречий, услышать и понять позицию каждой из сторон, а потом искусно направить диалог в конструктивное русло. В зависимости от динамики и этапа конфликта медиатор должен использовать различные медиативные техники, в целях оказания положительного воздействия на конечный результат.

В Законе «О медиации» Республики Беларусь заложены требования к порядку выбора и назначению медиатора, а также к их подготовке. Так лицо, претендующее осуществлять медиацию должен иметь высшее образование, лицензию, а также пройти специальное обучение. Таким образом, можно сделать вывод, что государство заботится о формировании в стране корпуса профессиональных квалифицированных медиаторов.

Помимо указанных требований, закрепленных в Законе о медиации, полагаем, что медиатор должен обладать коммуникативными способностями, техниками ведения деловых переговоров, знаниями в области психологии и конфликтологии. Медиатор как психолог должен уметь распознавать типы конфликтных и

манипулятивных личностей, выявить индивидуально-личностные особенности каждой из сторон. Медиатор как конфликтолог должен уметь распознавать причины конфликта и мотивы сторон, а также определять, а каких формах протекает конфликт и какими путями его можно разрешить.

Медиация сохраняет конфиденциальность конфликта (спора) и всего процесса его обсуждения и разрешения. Это важно для репутации компании. В подобном случае значимая для нанимателя внутренняя информация не станет публичным достоянием.

Можно привести пример из трудов Беляевой Т.А. «Наниматель в региональном представительстве крупной международной компании не продлил контракт с заместителем руководителя по финансовым вопросам. Работник при уходе с рабочего места изъял базу данных поставщиков головной компании, а также документы, охраняемые в режиме коммерческой тайны. Попытки нанимателя самостоятельно вернуть указанные выше данные к результату не привели. Поскольку компания-наниматель была заинтересована в сохранении репутации и конфиденциальном разрешении спора, стороны прибегли к процедуре медиации, в ходе которой договорились, что бывший работник вернет информацию и документы. Работник, в свою очередь, получил причитающуюся, но не выплаченную ему сумму окончательного расчета» [2, с.32].

Отметим, что медиатор не вправе разглашать информацию, полученную от сторон в процедуре медиации. Он также наделен свидетельским иммунитетом. В случае если стороны в процессе медиации не придут к соглашению, медиатора нельзя вызвать в качестве свидетеля при последующем судебном или третейском разбирательстве.

Медиация имеет ряд следующих преимуществ: оперативность, отсутствие публичности, зачастую добровольное исполнение решений, возможность самостоятельного выбора лиц, рассматривающих спор (а отсюда большое доверие к ним и к принимаемому решению), большая вероятность сохранения устойчивых трудовых отношений, отсутствие процессуальной формализованности [1, с. 15].

Несмотря на все указанные преимущества, медиация не может быть призвана универсальной процедурой разрешения абсолютно всех индивидуальных трудовых споров. Следует помнить о том, что существуют споры, которые по своим параметрам несовместимы с медиативной процедурой. Это связано, как и с природой самого спора (например, когда предметом спора является недействительность трудового договора, противоречие решения КТС действующему законодательству и т.п.), так и с субъективным составом спора, а именно с неспособностью и отсутствием у сторон установки на разрешение спора. Ведь медиация - это более осознанный и прогрессивный способ разрешения спора, который основан на личной заинтересованности сторон и предполагает активное участие, которое нацелено на достижение взаимовыгодного компромисса. Обе стороны должны исключить эмоциональный фактор, и, с помощью медиатора, нацелившись на положительный результат медиации, услышать и понять друг друга.

При выборе судебной инстанции как органа, разрешающего индивидуальный трудовой спор, стороны как бы снимают с себя всю ответственность за конструктивное разрешение проблемы, а при выборе медиации стороны так или

иначе включаются в процесс, проходят определенные стадии с получением определенной информации и навыков общения. Расчет только на традиционные способы разрешения юридических конфликтов сегодня вряд ли следует признать обоснованным и современным.

Представим ситуацию. Работник и наниматель обратились к медиатору за помощью в урегулировании индивидуального трудового спора, по итогу заключили медиативное соглашение, но один из оппонентов нарушил принцип добросовестности и отказался исполнять достигнутое в процессе медиации соглашение. В рамках гражданского процессуального законодательства при решении данного вопроса следует обратить внимание на нормы ст. 5 Закона «О медиации». Анализируя содержание данных норм, можно прийти к выводу, что принудительному исполнению подлежат лишь те медиативные соглашения, заключенные в рамках судебной медиации. На наш взгляд, это препятствует защите законных прав и интересов граждан, ввиду отсутствия гарантий исполнения медиативного соглашения.

Медиация в сфере защиты индивидуальных трудовых прав работников имеет плюсы как для самого работника, так и для нанимателя. Работник получает возможность не только договориться о сумме, которую обязан выплатить наниматель, а также получить нематериальное удовлетворение своих требований. В свою очередь, для нанимателя данный альтернативный способ позволяет сохранить репутацию, избежать существенных судебных издержек, компенсаций и взысканий.

Существенным фактором действенности медиации при урегулировании индивидуальных трудовых споров является ее методологическая новизна, связанная с возможностью использования психологических навыков для урегулирования спора. Центральное ядро спора – противоречие, которое находится за пределами внимания судебного разбирательства, в то время как именно профессиональная направленность на работу с противоречиями (их прояснение, значимость, вариативность) в целях создания благоприятных условий для действенных переговоров и выработки приемлемого решения является залогом достижения взаимовыгодного компромисса и добровольного выполнения обязательств, предусмотренных медиативным соглашением.

Беляева Т. А. отмечает, что «исходя из сложившейся практики наиболее эффективно в медиации разрешаются следующие категории трудовых споров:

- о досрочном расторжении контракта в связи с нарушением нанимателем законодательства о труде;
- восстановлении на работе;
- изменении формулировки причин увольнения;
- взыскании заработной платы и премии;
- отмене дисциплинарных взысканий и т.д.» [2, с. 31].

Пример из практики. Наниматель уволил директора предприятия на основании ст. 259 ТК (расторжение трудового договора по решению собственника). Работник обратился в суд с иском о восстановлении на работе, утверждая, что во время увольнения находился в трудовом отпуске. Он требовал взыскать средний заработок за время вынужденного прогула, компенсацию за задержку выдачи трудовой книжки, а также компенсацию морального вреда. В случае удовлетворения требований

работника сумма взыскиваемой компенсации составила бы более BYN 2000 тыс. В рассматриваемой ситуации в процедуре медиации нанимателю удалось уменьшить запрашиваемую работником сумму. Работник, в свою очередь, оперативно получил оплату в течение двух календарных дней после подписания медиативного соглашения и отказался от требования о восстановлении на работе [3].

Таким образом можно сделать вывод что, в юридическом сообществе высказываются определенные сомнения относительно продуктивности использования медиации в качестве способа разрешения индивидуальных трудовых споров. Одним из выдвигаемых аргументов выступает сомнение в эффективности медиативного решения и его исполнимости. В соответствии с этим предлагаем внести следующие изменения и дополнения в законодательство:

1. приостановление сроков исковой давности на время проведения процедуры медиации;

2. плата за медиативные услуги должны быть ниже государственной пошлины при обращении в суд (следует отметить, что при рассмотрении индивидуального трудового спора в суде работники освобождаются от уплаты судебных расходов);

3. снижение государственной пошлины при обращении в суд после проведения процедуры медиации;

4. придание медиативному соглашению и медиативной оговорки большей исполнительной силы, например, по желанию стороны, путем совершения нотариусом исполнительной надписи;

5. определение негативных последствий для сторон за нарушение медиативного соглашения и уклонение от медиации;

6. определение четкого порядка проведения медиации с учетом особенностей трудовых правоотношений.

Делая выводы, хотелось бы отметить, что институт альтернативных способов защиты индивидуальных трудовых прав работников является относительно новым, по мнению многих ученых-юристов, законодательство Республики Беларусь в данной области находится на стадии формирования. Принятие Закона «О Медиации» позволило расширить возможности работников в выборе средств защиты индивидуальных трудовых прав, дало возможность дальнейшему развитию национальной правовой системы в направлении обеспечения баланса социальных интересов при одновременном максимальном учете интересов спорящих сторон. Следующим немаловажным и ключевым моментом в данной ситуации является изменение сознания в обществе, заинтересованность и проявление активной позиции как самих работников, так и нанимателей, и конечно, государственная поддержка, стимулирование развития медиации и доверия граждан к такому способу защиты индивидуальных трудовых прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альтернативное разрешение споров: учебно-методический комплекс / под ред. А.И. Зайцева и др. - М.: Экзамен. - 2007. - 573 с.

2. Беляева, Т.А. Медиация при рассмотрении трудовых споров / Беляева Т.А. // Промышленно-торговое право. – 2017. – №7. – С. 30-33.

3. Судебная практика. Обзор. Верховный суд Республики Беларусь [Электронный

ресурс]. – Режим доступа : http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 02.03.2024.

4. Теория и практика медиации (посредничества) в экономической сфере : учеб.-метод. пособие / И.А. Бельская [и др.] ; под ред. У. Хелльманна [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – 231 с.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Луневская Л.В., магистр юридических наук
БИП-Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, г. Гродно, Республика Беларусь*

Сложившееся в Республике Беларусь в результате глобальных трансформаций, происходящих с середины XX в. общество можно однозначно определить в качестве такого общества, которое имеет значительные отличия от предшествующих ему обществ. Такое общество можно обозначить в качестве информационного.

Под термином «информационное общество» можно понимать такое общество, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни зависят от научного знания и способа эксплуатации информации. Главным фактором информационного общества называется технологический, т. е. степень развитости современных информационных технологий. Следующим по значимости фактором является социальный, так как любая поступающая человеку информация в условиях информационного общества является специфическим генератором социального прогресса. Благодаря поступающей к человеку информации происходят качественные изменения в его жизни, а при наличии глобального доступа к имеющейся информации осуществляется формирование информационного сознания. Третий фактор – экономический, когда информационный сектор экономики начинает играть лидирующую роль, а информация выступает в качестве стратегического ресурса, услуги и товара. Не последняя роль в нарождающемся информационном обществе отводится и политическому фактору, характеризующемуся свободой доступа к информации, что должно привести к свободному, открытому, демократичному политическому процессу с растущим участием в нем различных классов и социальных слоев населения.

Важным аспектом информационного общества становится занятость населения. В современный период занятостью считается особая совокупность экономических и правовых отношений, которые связаны с деятельностью по обеспечению эффективной трудовой занятости граждан государства, удовлетворением спроса и предложения на рабочую силу.

В юридической науке имеется большое количество определений термина «занятость». Так, к примеру, В.Н. Ягодкин термин «занятость» определяет как обеспеченность трудоспособного населения работой, трудом в различных отраслях и сферах общественного производства или общественно полезной деятельностью [4].

Интерес вызывает исследование занятости О.М. Медведева, который занятость анализирует в узком и широком смыслах. В узком смысле под изучаемым термином вышеуказанный автор понимает совокупность экономических, социальных, организационно-правовых и других мероприятий, которые имеют целью

способствовать достижению удовлетворения потребности трудоспособного населения в сфере общественного и личного труда в не противоречащих законодательству формах, направленную на получение заработка или иного вознаграждения. В широком смысле в термин «занятость» О.М. Медведев включает все элементы структуры занятости [1]. К пониманию занятости в узком значении необходимо добавить, что совокупность перечисленных выше мероприятий должна способствовать также сохранению и поддержанию уже достигнутой занятости.

В Законе Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» законодательно установлено, что занятость – это деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработную плату, вознаграждение за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иной доход (далее – заработок) [3].

Главной целью вышеуказанного законодательного акта было создание оптимальных условий для того, чтобы у безработных граждан Республики Беларусь появилась мотивация к поиску работы, а также на то, чтобы повысить значение и роль на белорусском рынке труда роли нанимателей. Кроме того, одной из задач внесенных изменений и дополнений в законодательство о занятости следует назвать необходимость усиления ответственности нанимателей и граждан за соблюдение действующего законодательства.

В законодательстве о занятости было осуществлено в ст. 9¹ Закона Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» закрепление обязанностей граждан в области занятости. Для безработных это значит, что они должны самостоятельно заниматься поиском работы и информировать о его результатах органы по труду, занятости и соцзащите по их требованию; являться по приглашению службы занятости для получения направления на работу или профессиональное обучение, а при отсутствии такого приглашения – не реже одного раза в месяц в установленный день; приходить на переговоры с нанимателем по вопросу о трудоустройстве в течение двух рабочих дней со дня выдачи направления; своевременно информировать службу занятости об изменении места жительства, о самостоятельном трудоустройстве (в том числе на временную работу), о заключении гражданско-правовых договоров, а также о наступлении иных обстоятельств, влекущих снятие с учета, прекращение или приостановку выплаты пособия по безработице, снижение его размера.

Кроме того, в законодательстве о занятости Республики Беларусь четко обозначены обязанности граждан, проходящих профобучение по направлению госслужбы занятости. Следует отметить, что данные требования закономерны и логичны, так как на профессиональное обучение расходуются деньги из государственного бюджета. Установлено, что в том случае, если безработного гражданина направили на профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и обучающие курсы, то в таком случае законодательство его обязывает добросовестно, с ответственностью относиться к освоению содержания образовательных программ, регулярно являться на учебные занятия, не нарушать правила внутреннего распорядка.

По нашему мнению, установление вышеперечисленных обязанностей

безработных и обучающихся позволит закрепить взаимную ответственность службы занятости, нанимателей и граждан в решении вопросов трудоустройства граждан. Более того, это свяжет выполнение обязанностей безработного с предоставленным ему правом на получение различных социальных выплат. А усиление ответственности безработных за нарушение законодательства будет стимулировать их к более активному самостоятельному поиску работы.

В законодательстве Республики Беларусь появился новый термин – «работники, находящиеся под угрозой увольнения», под которым необходимо понимать работников, которые:

- а) подлежат увольнению в связи с ликвидацией организации, прекращением деятельности индивидуального предпринимателя;
- б) предупреждены о сокращении численности или штата работников;
- в) по инициативе нанимателя находятся в вынужденном простое, работают в режиме неполного рабочего времени;
- г) отпуске без сохранения или с частичным сохранением заработной платы.

Также впервые законодательно в Республике Беларусь было определено понятие «свободное рабочее место (вакансия)», под которым следует понимать предусмотренную штатным расписанием должность (профессия), которая не замещена работником, который состоит в трудовых отношениях с нанимателем на основании заключенного трудового договора по данной должности (профессии).

Кроме того, Закон Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» был дополнен статьей 18¹ «Содействие безработным в приобретении опыта практической работы», согласно которой государство содействует в приобретении опыта практической работы безработным из числа установленного круга лиц. Содействие в приобретении опыта практической работы осуществляется путем трудоустройства безработных, указанных в части первой комментируемой статьи, в соответствии с полученной профессией, специальностью (направлением специальности, специализацией), квалификацией с частичной компенсацией нанимателям затрат на оплату труда.

Для приобретения опыта практической работы с гражданами заключаются срочные трудовые договоры в порядке, установленном законодательством о труде Республики Беларусь. Порядок и условия трудоустройства безработных для приобретения опыта практической работы с частичной компенсацией нанимателям затрат на оплату труда определяются Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Однако в настоящее время в Республике Беларусь происходит цифровизация занятости по нескольким векторам. Главное направление – это трансформация рабочих мест, образа жизни и качества труда. Отдельная проблема – роботизация занятости и вытеснение человека из сферы труда. Второе направление – это изменения в системе управления трудовым процессом на предприятиях и регулирования рынка труда в мире, стране и в регионах.

Анализ действующего законодательства о занятости населения Республики Беларусь позволил сделать вывод о том, что не все современные трудовые отношения регулируются им. Так, к примеру, в статьях комментируемого Закона Республики Беларусь не упоминается дистанционная форма занятости, что позволяет говорить о необходимости продолжить реформирование действующего законодательства Республики Беларусь о занятости. Кроме этого, много юридических вопросов возникает в связи с началом использования искусственного интеллекта в трудовых

правоотношениях.

Следовательно, законодателю следует обратить на это внимание и урегулировать пробельные правоотношения в сфере занятости населения, которые появились в XXI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Медведев, О. М. Правовые проблемы обеспечения занятости населения : автореф. дис. ... д.ю.н. / О. М. Медведев. – М.: МГУ, 1994. – С. 16–17.
2. О занятости населения Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З : текст в редакции Закона Республики Беларусь от 27 декабря 2023 г. № 328 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Райкович, А. Занятость населения Польши / А. Райкович. – М. : Прогресс, 1970. – 110 с.
4. Ягодкин, В. Н. Воспроизводство рабочей силы и повышение эффективности использования трудовых ресурсов / В. Н. Ягодкин. – М. : МГУ, 1971. – 152 с.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОРМ-ПРИНЦИПОВ О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Матюк В. В., заместитель декана

Учреждение образования «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь

Действующий в настоящее время Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее по тексту – ГПК) в качестве принципа гражданского процессуального права закрепляет прокурорский надзор за законностью и обоснованностью судебных постановлений по гражданским делам, а также за соблюдением законодательства при их исполнении.

Белорусская школа гражданского процесса традиционно рассматривала принцип судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью судебных постановлений гражданском процессе как самостоятельный принцип гражданского процесса и как гарантию реализации принципа законности и права на судебную защиту [2, с. 81].

Как справедливо отмечается исследователями, установлено общее правило, согласно которому правомерность (законность и обоснованность) судебных постановлений может проверяться до начала реализации этих судебных постановлений вышестоящими судами в апелляционном порядке, в частности, по протестам прокуроров. Правовые последствия должно порождать лишь необжалованное (неопротестованное) судебное постановление либо постановление, оставленное в силе, т. е. признанное законным и обоснованным апелляционной инстанцией.

Н. Г. Юркевич называл обязательность судебных постановлений необходимым условием реализации защищенного судом права в гражданском судопроизводстве и подчеркивал, что обязательность судебных постановлений насупадает только после того как юридически заинтересованные в исходе дела лица реализуют (или откажутся от реализации) права на проверку законности и обоснованности этих судебных

постановлений [2, с. 82].

Как отмечает профессор И. Н. Колядко в работе «Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь» белорусское государство унаследовало после распада СССР дуализм судебной системы (общие и хозяйственные) суды и дуализм процессуального законодательства (ГПК 1964 г. и ХПК 1991 г.) [5, с. 495]. С принятием Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15.12.1998 № 219-3 (далее по тексту – ХПК) описанная ситуация сохранилась.

В результате судебно-правовой реформы, начало которой было положено Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», дуализм судебной системы (общих и хозяйственных судов) был преодолен. Одновременно была устранена излишняя для правовой системы Республики Беларусь трехзвенность судебной системы, включавшая общие суды, хозяйственные суды и систему конституционного правосудия.

Сейчас завершается очередной важный этап развития суверенного гражданского процессуального законодательства: унификация гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства.

Вместе с тем проектом Кодекса гражданского судопроизводства (далее по тексту – КГС) положения о прокурорском надзоре в гражданском судопроизводстве в качестве самостоятельного принципа гражданского судопроизводства не выделяются [4]. С таким подходом трудно согласиться по следующим причинам.

В качестве самостоятельного конституционного принципа гражданского процессуального права принцип «судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью судебных постановлений» в разные годы выделяли В. Г. Тихиня, Н. Г. Юркевич и другие выдающиеся процессуалисты [2; 3]. Как отмечалось выше в качестве принципа гражданского процессуального права он закреплен в действующем ГПК, но не выделяется в качестве отдельной нормы-принципа в действующем ХПК и унифицированном проекте КГС. И это несмотря на то, что действующие ГПК (и, отчасти, ХПК), а также проект КГС включает значительное количество норм, содержащих правила прокурорского надзора за законностью судебных постановлений на большинстве стадий гражданского судопроизводства, в том числе на стадиях возбуждения производства по делу, судебного разбирательства, апелляционного, кассационного производства (по проекту КГС), надзорного производства.

То есть в отношении принципа прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве сложилась ситуация, когда на данном этапе развития законодательства он может остаться не востребованным, не включенным в состав принципов гражданского судопроизводства на уровне КГС.

В качестве схожей с описываемой можно привести ситуацию, когда в исходном тексте ХПК Республики Беларусь 1998 г. в ряду обозначенных в нем основных принципов судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела, отсутствовал принцип судебного надзора. После изложения ХПК в новой редакции Законом от 6 августа 2004 г. № 314-3 принцип судебного надзора кратко, но все-таки был закреплен в качестве основного принципа судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела. Согласно статье 28 Главы 2 «Основные принципы судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела» ХПК Республики Беларусь Верховный Суд Республики Беларусь осуществляет судебный надзор за законностью судебных постановлений в порядке, установленном ХПК.

Одновременно с определенной степенью уверенности можно утверждать, что независимо от закрепления/не закрепления норм-принципов о прокурорском надзоре за законностью судебных постановлений по гражданским делам в КГС, его действие в сфере гражданского судопроизводства продолжится. Поскольку, во-первых, принцип будет действовать на основе положений науки общей теории права о сущности права, согласно которым принципы права могут быть не только легализованы (т. е. закреплены в законе), но и выведены из содержания и смысла законодательства или сформулированы юридической практикой [1, с. 69].

Во-вторых, основой действия и применения данного принципа может стать сама Конституция Республики Беларусь, имеющая, как известно, прямое действие. Конституционная норма ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь в редакции решения республиканского референдума 27 февраля 2022 г. определяет, что «прокуратура осуществляет надзор за ... соответствием закону судебных постановлений по гражданским... делам». Согласно ч. 3 ст. 9 проекта КГС «гражданское судопроизводство осуществляется на основе принципов, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей и настоящим Кодексом» [4].

Таким образом, при унификации отраслевого процессуального законодательства в части закрепления принципа прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве в проекте КГС, полагаем, за основу был взят подход, реализованный в действующем хозяйственном процессуальном законодательстве. Однако в данном законодательном акте роль прокурора как участника процесса изначально была выражена менее ярко. Нам же представляется необходимым взять за основу для унификации гражданского процессуального и хозяйственно-процессуального законодательства нормы-принципы о прокурорском надзоре в гражданском судопроизводстве, закрепленные в действующем ГПК.

Фиксация принципа прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве в КГС возможна в виде общей процессуальной нормы (принципа), норм-гарантий действия данного принципа, а также посредством определенной совокупности специальных процессуальных норм применительно к различным стадиям цивилистического процесса.

Как отмечалось нами ранее в содержание принципа могут быть включены нормы, определяющие: 1) обязанность прокурора строго соблюдать в гражданском судопроизводстве пределы своих полномочий, требования международных договоров и национального законодательства; 2) требование к прокурору не допускать неправомерного воздействия на судей в процессе принятия ими решений; 3) требование быть объективным и не допускать злоупотребления правом при осуществлении надзора и некоторые другие правила [6, с. 76–77].

Важность и необходимость нормативного закрепления указанного принципа в отраслевом процессуальном законодательстве можно подтвердить также положениями утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196 Концепции правовой политики Республики Беларусь, в пункте 26.2 которой отмечается одна из характерных тенденций формирования и развития национальной правовой системы, подлежащая устранению: неготовность правоприменителей к работе с принципами права, правовыми нормами высокой степени обобщенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альбов, А. П. Общая теория права : курс лекций / А. П. Альбов, В. В. Матюк. –

Горки : Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. – 324 с.

2. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2006. – 576 с.

3. Гражданский процесс: учебник / В. Г. Тихиня. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 496 с.

4. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: проект Кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Принят Палатой представителей в первом чтении 14.12.2022 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3951&p0=2022081001>. – Дата доступа: 10.01.2024.

5. Колядко, И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И. Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апреля 2018 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 495–498.

6. Матюк, В. В. Подходы к развитию норм белорусского права об участии прокурора в судебном разбирательстве по гражданским делам / В. В. Матюк // Новеллы права, экономики и управления 2021: в 2 т.: сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 26–27 ноября 2021 г.) / отв. ред. В. Р. Ковалев и др. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2022. – Т. 1. – 318 с. – С. 57–60.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мисаревич Н.В., к.ю.н., доц.,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, г. Гродно, Республика Беларусь*

Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, в качестве идеологического императива правовой политики на современном этапе закрепляет «обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации». Это означает, что одним из направлений внутренней политики нашего государства является не только создание действенного механизма соотношения прав и обязанностей человека, но и юридического закрепления оснований ограничения прав и свобод граждан. Общий подход белорусского законодателя следующий: ограничение допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, защиты общественного порядка, прав и свобод других лиц.

Конституция Республики Беларусь закрепляет комплекс гарантий применительно к реализации прав и свобод граждан. Можно выделить следующие ключевые тезисы:

- государство создает условия для свободного и достойного развития личности путем закрепления в Основном законе прав, свобод граждан, а также гарантирует их реализацию на территории страны (ст. 2);
- закрепляется принцип равенства всех перед законом (ст. 22);
- государство обеспечивает каждому реализацию права на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь (ст. 28).

На основании Решения республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. ст. 28 Конституции была дополнена следующей частью: «Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании».

Такое дополнение не случайно. С развитием и использованием информационных технологий в повседневной жизни возрастает риск не только вмешательства посторонних лиц в частную жизнь человека, но и риск несанкционированного доступа к сведениям персонального характера. Вполне логично возникает вопрос о разработке правовых механизмов защиты информации от противоправного проникновения со стороны третьих лиц.

Общее правило: все субъекты информационных отношений имеют право на равный доступ к информационным ресурсам. Исключение составляют лишь случаи, когда сведения относятся к информации с ограниченным доступом. А персональные данные и относятся к такого рода сведениям. Поэтому необходимо именно на государственном уровне определить «меру дозволенного поведения» в этой сфере.

Термин «защита персональных данных» имеет «широкое понимание» и включает как право участника общественных отношений на доступ к своим персональным данным, так и установление ограничений на доступ к такой информации со стороны других лиц, а также проверку того, надежно ли обеспечено хранение информации. Когда речь идет о защите персональных данных, то первоочередное значение имеет информация именно личного характера.

В Республике Беларусь на законодательном уровне определены организационные и правовые механизмы защиты персональных данных. Остановимся на некоторых, наиболее важных, по нашему мнению, аспектах.

В Беларуси действует Закон «О регистре населения» от 21 июля 2008 г. № 418-3 (в редакции Закона от 10 октября 2022 г. № 209-3), которым регулируются отношения в рамках деятельности по внесению персональных данных физических лиц в регистр населения, а также по их защите от несанкционированного доступа. Основной целью ведения регистра является защита прав и свобод физических лиц при формировании единого информационного пространства Республики Беларусь. В ст. 8 Закона содержится перечень сведений, которые относятся к основным персональным данным (например, идентификационный номер, пол, данные о гражданстве, данные о смерти и т.д. – всего 15 наименований). Также ст. 10 данного акта содержит перечень дополнительных персональных данных физического лица. Это могут быть сведения о родителях, об образовании, о налоговых обязательствах, о семейном положении и др. Вопрос о предоставлении этой информации возникает в связи с конкретной жизненной ситуацией и в силу указания закона (например, при трудоустройстве на определенные должности).

Общий принцип для обработки персональных данных следующий: требуется согласие субъекта персональных данных. Персональные данные физических лиц, которые имеются в реестре, в современных условиях используются в электронном виде при осуществлении некоторых административных процедур, в целях предупреждения социального иждивенчества и в других случаях. Однако законодательством определены случаи, когда обработка такого рода данных может быть осуществлена и без согласия физического лица. Это связано с целевым назначением их использования. Например, в рамках ведения административного или уголовного процессов; при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; в интересах национальной безопасности; при

осуществлении нотариальной деятельности и т.д. (ст. 6 Закона «О регистре населения»).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» был создан Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь (далее – Центр) как уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных. Основной задачей Центра является разработка и принятие мер по защите персональных данных субъектов информационных отношений в случаях обработки соответствующей информации. Центр имеет широкие полномочия в информационной сфере, в том числе и право осуществлять контроль за обработкой персональных данных уполномоченными лицами (государственные органы, юридические и физические лица), а также рассматривать жалобы и обращения субъектов персональных данных, если они усмотрят, что их права, законные интересы нарушены в процессе обработки их персональных данных.

17 марта 2023 г. Центром было рассмотрен вопрос «О проблемных вопросах применения учреждениями образования законодательства о персональных данных». В частности, было отмечено, что при решении вопроса, было ли согласие свободным, необходимо принимать во внимание факт обладания субъектом персональных данных реального права выбора давать свое согласие или имеет элемент принуждения. Причем принуждение может иметь и «скрытый» характер. Например, получение согласия обучающегося для реализации целей образовательного процесса (формирование личного дела), при включении согласия как обязательного элемента в договор на оказание образовательных услуг, в рамках проведения мероприятий воспитательного характера в учреждении образования и т.д. Однако, в соответствии с законодательством о защите персональных данных, не требуется получение такого согласия в рамках вступительной кампании, при зачислении в учреждение образования (оформление соответствующих документов).

Алгоритм поведения в данной ситуации должен быть таким: субъект персональных данных может иметь и возможность согласиться, и возможность не согласиться с целями обработки. Но при этом учреждение образования всегда должно информировать субъекта персональных данных о том, кто, зачем, какие данные, каким образом и в течение какого срока будет эти сведения обрабатывать.

7 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных». В соответствии с законом, персональными данными является любая информация, которая идентифицирует физическое или юридическое лицо. Среди новелл, введенных данным нормативным правовым актом, можно отметить следующие:

- были введены новые понятия: а) оператор (государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, физическое лицо, в том числе и индивидуальный предприниматель), который уполномочен организовывать или осуществлять обработку персональных данных; б) уполномоченное лицо – определенные субъекты, имеющие право осуществлять на основании решения государственного органа или заключенного договора обработку персональных данных от имени оператора;

- устанавливается, что кроме биометрических и общедоступных персональных данных, под законодательную защиту попадают генетические и специальные персональные данные. К первым относится информация о наследуемых или приобретенных генетических характеристиках человека (например, сведения о его

физиологии или здоровье, которые могут быть получены путем исследования «биологических образцов» лица). Во вторую группу данных включается информация о расовой или национальной принадлежности, политические взгляды, религиозные убеждения, сведения о здоровье, биометрические данные и другие сведения, указанные в законе.

В соответствии с белорусским законодательством, персональные данные, как сведения о конкретном человеке, включают фамилию, имя, отчество; дату и место рождения; паспортные данные; адрес регистрации и место жительства (они могут не совпадать); номера телефонов; место работы, должность и иные данные, которые позволяют идентифицировать конкретное физическое лицо. Если организация собирает информацию о человеке (например, при трудоустройстве на работу заполняется анкета; возможно при проведении каких-то опросов требуется указать информацию личного характера), обязательно данные действия должны соответствовать требованиям закона.

Также устанавливается, что для обработки персональных данных необходимо, во-первых, основание; во-вторых, должно быть получено согласие лица (свободное, добровольное). Форма согласия допускается как письменная, так и электронная. При этом закрепляется право на отзыв согласия либо по письменному заявлению, либо в той форме, в которой оно было дано. Под обработкой понимается распространение, предоставление, доступ, блокирование, уничтожение и обезличивание персональных данных.

Основными принципами, которые положены в создание системы защиты персональных данных в Республике Беларусь, являются:

- законность доступа к информации – деятельность уполномоченных органов только в границах, допускаемых законодательством Республики Беларусь;
- обработка осуществляется в связи с конкретной целью;
- объем обрабатываемой информации должен соответствовать заявленной цели (например, при трудоустройстве, в рамках образовательного процесса и т.д.);
- оператор, при обработке персональных данных, должен обеспечить их точность и достаточность, при этом принимать меры по удалению или уточнению неполных или неточных данных и т.д.

Такая подробная регламентация правил доступа к обработке персональных данных вполне объяснима. В настоящее время достаточно часто встречаются случаи получения и использования сведений о персональных данных в мошеннических схемах либо лицо озвучивает свои данные общедоступным способом (речь идет о фамилии, имени, отчестве, номере телефона, месте жительства, адресе электронной почты, пароле и т.д.), что позволяет третьим лицам их использовать

История таких правонарушений берет свое начало уже с 1964 г., когда в Англии впервые был использован термин «кража личности», обозначающий незаконное использование персональных данных человека для получения материальной выгоды [1]. В последующем данное преступление получило распространение в США, особенно во второй половине XX в., когда широко стали использоваться услуги, предоставляемые удаленно. По телефону, а позднее и с помощью сети Интернет, можно было оформить кредит, выпустить банковскую карту, оформить покупку товара (субъект или сообщает сам, или размещает добровольно определенные сведения о себе, которыми потом недобросовестно и пользуются третьи лица). Проявился термин «интернет-мошенники».

Сегодня это также очень актуально и для нашей страны. Как отмечает

Министерство внутренних дел Республики Беларусь, чаще всего такие случаи фиксируются в сфере торговли, особенно в сети Интернет. Например, в 2022 г. появились факты распространения сведений о пользователях торговых сетей «Остров чистоты и вкуса» (более 730 тысяч), «Буслік» (свыше 220 тысяч), салонов цифровой техники «Алло!» (более 16 тысяч), интернет-ресурса inmed.by (свыше 14 тысяч), предприятия «Юркас» (более пяти тысяч), а также незаконного доступа к информационной системе Белорусского государственного университета (свыше шести тысяч) [2]. В 2023 г. из сети Интернет было удалено более 350 тысяч размещенных новых персональных данных, а также аннулированы персональные данные более чем 1 000 сотрудников органов внутренних дел, которые были незаконно размещены в сети.

Таким образом, в связи с тем, что незаконное использование персональных данных либо несанкционированный доступ к такого рода информации может нанести вред правам и законным интересам физических лиц, законодательством Республики Беларусь определены механизмы не только защиты, но и правила обработки персональных данных. В 2021 г. был создан Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь как орган со специальной компетенцией – деятельность в сфере защиты персональных данных субъектов информационных отношений. Также имеется определенная правовая база в этой области.

Однако, как отмечается, зачастую сами граждане добровольно предоставляют информацию о себе (не только фамилия, имя, отчество, номера телефонов, но и сведения о банковских карточках и т.д.), что позволяет третьи лицам реализовать свои мошеннические схемы. Развитие сети Интернет и более широкие возможности использования современных информационных ресурсов как раз и способствуют росту такого рода правонарушений. В республике большая работа в этом направлении проводится органами внутренних дел (информация размещается и в средствах массовой информации, и «с экрана телевизора», и рамках личных встреч работников правоохранительных органов с гражданами, и специалисты блокируют «интернет-ресурсы, и совершенствуется механизм борьбы с киберпреступностью), но правонарушения в информационной сфере продолжают.

Поэтому сегодня очень актуален вопрос по повышению уровня так называемой «сетевой грамотности». По нашему мнению, все попытки на государственном уровне минимизировать последствия от такого рода преступлений будут иметь невысокий эффект, если сами граждане серьезно и ответственно, без «лишних эмоций», не будут относиться к таким ситуациям. Первостепенное значение в данном контексте имеет именно личная «бдительность» конкретного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Когда личное становится публичным [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.mvd.gov.by/ru/news/11776>. – Дата доступа : 16.02.2024.
2. Синенко, Д. Обеспечить защиту персональных данных / Д. Синенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.mvd.gov.by/ru/news/11776>. – Дата доступа : 16.02.2024.

ПРОБЛЕМА ДОСТУПА К НАСЛЕДУЕМОМУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОМУ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТУ

Михайлова Д.В.,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация

В современном мире для любого субъекта стремительно все большую важность приобретает интернет-контент, размещенный данным пользователем на различных интернет-площадках, особенно в различных социальных сетях. Под интернет-контентом в данном случае можно понимать самостоятельное или составное произведение либо информационно значимый объект (материал), размещенный на интернет-ресурсе (например, конкретная статья, текст, изображение, фотография и тому подобное). Отдельно стоит в рамках данной категории отметить пользовательский контент, то есть интернет-контент, созданный пользователем интернет-ресурса, а не владельцем такого интернет-ресурса или лицом, фактически администрирующим (управляющим) данный ресурс.

Помимо личного интереса отдельных лиц, пользовательский контент играет значительную роль на коммерческом рынке, имея существенное значение с точки зрения маркетинга и продвижения различных компаний или их продукции (например, зачастую различные шоурумы осуществляют свою предпринимательскую деятельность исключительно через группу в социальной сети). Отдельно стоит отметить то, что ведение аккаунта в социальной сети или блога коммерческих компаний и некоммерческих организаций в настоящее время приобрело особую важность – фактически было создано отдельное направление маркетинговой деятельности (так называемое SMM – social media marketing).

Создание такого контента требует вложения значительного объема ресурсов, что является весьма ценным для его создателя, а следовательно, представляет интерес для изучения его нахождения в гражданском обороте. Отдельный интерес вызывает проблема наследования пользовательского интернет-контента, размещенного в рамках социальных сетей и персональных блогов.

Под персональным блогом или блогом, как правило, понимается веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа [1]. В данном вопросе блоги и социальные сети объединяет то, что Интернет-контент, размещенный в социальных сетях или блогах, как правило, является пользовательским (за исключением того информационного наполнения, которое размещено администраторами Интернет-ресурса).

Каждый пользователь обычно имеет несколько аккаунтов, созданных в различных социальных сетях/блогах. Создавая на таких площадках персональные цифровые аккаунты, пользователи размещают определенного рода информационное наполнение, зачастую связанное с личностью самого пользователя (фотографии, рисунки, аудио- и видеоматериалы, тексты и тому подобное). Несмотря на то, что такое наполнение размещено в социальных сетях в заранее предопределенные правообладателем социальной сети рамки (например, нельзя передвинуть структурообразующие элементы (меню), а сами материалы могут быть размещены в строго определенных пространствах), тем не менее, сами материалы могут являться результатами интеллектуальной деятельности, а их совокупность может образовывать некий уникальный единый комплексный объект либо базу данных.

Безусловно, такой объект должен наследоваться и иметь возможность быть переданным в случае необходимости. Хотя права на результаты интеллектуальной

деятельности не привязаны к их материальному (и по аналогии – цифровому) носителю, однако правообладатель (наследник) должен иметь возможность доступа к таким объектам, включая возможность удаления их копий с различных площадок (что в какой-то степени сходно с правом на забвение). Необходимо отметить, что пользовательский контент, размещенный в социальной сети или блоге, как правило, неразрывно связан с интернет-ресурсом (в частности, аккаунтом пользователя на этом ресурсе). Вместе с тем, в связи с рядом особенностей существует несколько проблем, требующих решения.

Необходимость наследования расположенному в рамках аккаунта социальной сети интернет-контента и возможности получения доступа к нему может быть обусловлена коммерческими и иными причинами.

В качестве примера коммерческой причины можно привести следующую ситуацию. Два лица решили создать юридическое лицо и вести предпринимательскую деятельность, разграничив полномочия следующим образом: первое лицо осуществляет коммерческое продвижение в социальной сети, зарегистрировав аккаунт, ведя от имени организации переписку с клиентами, размещая определенные информационные материалы (например, изображения распространяемых товаров, рекламные тексты и авторские текстовые, аудио- и видеообзоры), тогда как второе лицо осуществляет дальнейшее взаимодействие с клиентами уже в «реальной» жизни (к примеру, проводя консультации, осуществляя доставку и тому подобное). Важно отметить, что в настоящее время в ряде социальных сетей регистрация аккаунта возможна только на основании документов, удостоверяющих личность, номера телефона, электронной почты либо иной идентифицирующей пользователя информации. Таким образом, аккаунт в социальной сети будет привязан к личной информации первого лица. Вместе с тем, вклад в рекламное продвижение, создание информационных цифровых блоков, создание клиентской базы и иных факторов осуществляются за счет вложений организации.

Поскольку указанные действия первого лица направлены на осуществление и продвижение деятельности организации, в сущности можно говорить о том, что такой контент, расположенный в рамках аккаунта компании в социальной сети, является служебным производением. Вместе с тем, как отмечалось ранее, аккаунт социальной сети, как правило, связан с личностью зарегистрированного пользователя - первого лица, а не организации в целом.

В случае смерти первого лица с точки зрения логики второе лицо для продолжения предпринимательской деятельности организации должно иметь возможность доступа к аккаунту, зарегистрированному на первое лицо, в целях управления контентом, размещенным в рамках аккаунта (включая все размещенные материалы (текстовые, аудио-, видео- и иные произведения), наработанную клиентскую базу (база данных) и тому подобное). Однако в настоящее время законодательно не урегулирован вопрос перехода права на доступ к такому аккаунту как в рамках наследования, так и в рамках просто получения доступа к нему (как и в случае с наследованием доменного имени, аккаунт не является имуществом и не может быть унаследован в соответствии с положениями гражданского законодательства о наследовании), а владельцы социальных сетей, как правило, прямо запрещают такой переход по вполне понятным причинам.

Так, в случае смерти первого лица при условии нераспространения в силу жизненных обстоятельств данных для доступа к такому аккаунту в социальной сети (данные логина и пароля, секретные вопросы и ответы на них и тому подобное)

второе лицо фактически не имеет возможности доступа к такому аккаунту, а значит, в сущности, «теряет» возможность распоряжения всем тем контентом, который расположен на этом социальном интернет-ресурсе в рамках созданного аккаунта. В том числе, второе лицо не только не может удалять или изменять расположенные в этом аккаунте материалы, но и лишается возможности доступа и распоряжения базой данных (наработанной базой клиентов). В указанной ситуации рассматривается проблема получения доступа к интернет-контенту при наличии прав на контент и получения доступа к аккаунту, на котором расположен этот интернет-контент.

В качестве примера, иллюстрирующего важность наследования интернет-контента и возможности получения доступа к нему по иным причинам, можно привести следующую ситуацию. В семье один из супругов является автором пользовательского контента в виде персонального блога, при этом часть контента была запланирована к опубликованию, но так и не опубликована (указанная часть была размещена на указанном интернет-ресурсе в закрытом доступе). При этом данные для доступа к данным аккаунта второй супруг не знает, а аккаунт, как ранее был сделан вывод, является привязанным к личности умершего супруга. В случае внезапной смерти второй супруг хоть и наследует исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, но не имеет технической возможности получить доступ к ним. Желая опубликовать труды умершего супруга, наследнику необходимо, во-первых, получить доступ к указанной неопубликованной части, а во-вторых, иметь техническую и формальную возможности распоряжения этой частью контента.

В российском законодательстве нет специальных положений, регулирующих дальнейшую судьбу аккаунтов умерших пользователей, в связи с чем возможные действия наследников зависят от политики конкретной компании-владельца интернет-ресурса.

В качестве одной из основных причин, почему наследование аккаунтов социальных сетей не урегулировано с точки зрения гражданского законодательства, как уже было указано ранее, выделяют то, что аккаунт не является имуществом и не может быть унаследован в соответствии с положениями гражданского законодательства о наследовании. Кроме того, это связано и с необходимостью сохранения права на тайну переписки, неприкосновенность частной жизни, личную тайну, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В основе этого права находится важнейшее благо — личная жизнь каждого человека, как физическая, так и духовная сфера, которую человек контролирует самостоятельно, и неприкосновенность которой должна быть защищена от незаконных посягательств со стороны третьих лиц.

С точки зрения указанных правовых норм при получении наследником доступа к данным аккаунта социальной сети таким образом нарушаются вышеуказанные права. Вместе с тем, данную проблему представляется возможным решить следующим образом.

В случае наличия переписки в рамках осуществления предпринимательской деятельности с учетом того, что аккаунт в социальной сети хоть и был зарегистрирован на конкретное лицо, но при этом является служебным (корпоративным), то есть используемым исключительно в рамках осуществления организацией своей предпринимательской деятельности (по аналогии с корпоративной электронной почтой) и переписка с такого аккаунта не содержит личной корреспонденции сотрудника, представляется возможным получение доступа

к такому аккаунту и содержащимся на нем материалам, включая данные переписки. Поскольку данная переписка является инструментом для достижения рабочих целей и не связана с личной жизнью лица, то обозначенные выше права нарушаться не будут.

В иных случаях, когда при помощи данного аккаунта осуществлялась личная переписка, наследование социального аккаунта возможно двумя способами.

Первый способ подразумевает под собой получение согласия всех участников переписки, включая наследодателя (например, наследодатель может выразить свое согласие при составлении завещания либо при заключении пользовательского соглашения при создании аккаунта социальной сети). В таком случае, при предоставлении доступа к аккаунту социальной сети право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений наследодателя в рассматриваемой ситуации нарушено не будет.

Второй способ подразумевает под собой предоставление ограниченного доступа к аккаунту социальной сети. В такие ограничения входит невозможность предоставления доступа к переписке наследодателя, а также невозможность изменения или удаления тех материалов, которые были размещены наследодателем. Так, в одной из социальных сетей в случае смерти пользователя администрацией сети предоставлена возможность удаления аккаунта умершего пользователя либо предоставления ограниченного доступа к нему. Данный механизм реализован следующим образом: пользователь при жизни вправе назначить так называемого «хранителя» своего аккаунта в случае смерти самого пользователя. При этом, несмотря на то, что хранителю предоставлен доступ к аккаунту умершего пользователя, даже если хранитель унаследовал права на контент умершего пользователя (включая права на отдельные самостоятельные произведения), права хранителя существенно ограничены: хранитель, например, не имеет права изменять тот контент, который был размещен умершим пользователем, получить доступ к переписке. При этом хранитель вправе разместить в рамках такого аккаунта новые публикации.

Похожий сервис создала компания «Google» для пользователей своих сервисов возможность «На всякий случай», который «позволяет указать, что станет с вашим аккаунтом, если вы перестанете им пользоваться. Например, вы можете разрешить нам удалить неактивный аккаунт или отправить хранящиеся в нем данные другому человеку»[2]. Фактически, такой сервис является завещательным распоряжением аккаунтом сервиса «Google».

В настоящее время представляется необходимым развитие правового регулирования в сфере наследования объектов, размещенных в сети Интернет, не только на уровне прецедентов и частных пользовательских соглашений с владельцем каждого Интернет-ресурса, но и на уровне национального законодательства с решением пусть не точных конкретных вопросов, но формирования общей позиции по данной проблеме доступа, использования и распоряжения унаследованными исключительными правами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блог. Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001. [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17478> (дата обращения: 09.03.2024);
2. Сервис «На всякий случай» // Справка – Аккаунт Google. [Электронный ресурс] – URL: <https://support.google.com/accounts/answer/3036546?hl=ru> (дата обращения: 09.03.2024).

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА
РОССИИ И КИТАЯ**

Новикова Н.А., к.ю.н., доцент

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени
В.Ф. Яковлева», г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Безусловно, важнейшую часть гражданского законодательства любой страны составляют нормы о наследовании, так как они наряду с остальными нормами, действующими в сфере вещных прав, обеспечивают реализацию фундаментального права собственности, гарантированного основополагающими актами международного характера и являющегося экономической основой любой страны вне зависимости от ее политико-государственной формы [4].

Гражданское право КНР в этой части не стало исключением [2, 136]. Нормы о наследовании включены в книгу шестую действующего ГК КНР (заменившую ранее действовавший Закон КНР «О наследовании» от 10 апреля 1985 г.), объединяющую общие положения о наследовании и принятии наследства, а также предлагающую основные правила наследования по закону и по завещанию. Безусловно, при подготовке текста действующего ГК КНР был учтен предыдущий опыт и, как отмечают исследователи, изменения «...преследуют цели достижения гармонии и интеграции порядка наследования, отвечают народным ожиданиям в вопросах наследования» [5, 80].

В рамках настоящей статьи анализируются два блока норм действующего китайского законодательства: о наследовании по закону и о принятии наследства в сравнительно-правовом аспекте с нормами российского права.

Глава ГК КНР, посвященная наследованию по закону, начинается с положений ст. 1126, определяющей, что «...мужчины и женщины обладают равным правом на наследование». Норма основана на положениях Конституции КНР, ст. 13 которой гарантирует гражданам право наследования, ст. 33 — равенство прав всех граждан, а ст. 48 — равенство прав мужчин и женщин. В России подобные нормы установлены именно конституционно и не находят дублирования в отраслевом законодательстве.

Казалось бы, данная норма носит сугубо декларативный характер (следует отметить, что декларативных норм в принципе достаточно много в тексте вновь принятого ГК КНР). Вместе с тем в современных реалиях (особенно с учетом восточной специфики) данная норма наполняется особым смыслом, фактически закрепляя важнейший международно-конституционный правовой принцип на уровне отраслевого законодательства, подчёркивая тем самым значимость общеправовых принципов и их приоритет в рамках любой сферы правового регулирования. Здесь же находит свое отражение особый принцип публичной политики, выделяемый китайскими авторами, содержание которого сводится к тому, что «...любая гражданская деятельность должна уважать социальную этику и не должна наносить

ущерб основам государственной политики, нарушать социально-экономический порядок» [1, 53].

Эту же цель, вероятно, преследует и декларативная норма, заключенная в рамках ст. 1132 ГК КНР, определившей, что «Наследники должны согласованно решать вопросы наследования на основе духа взаимопонимания, взаимной уступчивости, дружелюбия и солидарности. Время и способы раздела, а также доли имущества определяются наследниками путем совещания; при невозможности достичь соглашения в ходе совещания возможно обращение за разрешением конфликта в Народный комитет по урегулированию конфликтов либо предъявление иска в народный суд». В российском законодательстве подобная норма отсутствует как прямо выраженная, вместе с тем, очевидно, что такой принцип презюмируется и в нашем правопорядке.

Рассуждая о регулировании отношений наследования по закону, думается, что ключевым в соответствующих нормах является определение круга наследников и их очередей.

Представляется возможным напомнить, что на сегодняшний день в российском законодательстве предусмотрено восемь очередей наследования, тогда как законодательство КНР установило всего две очереди наследников, охватывающих наиболее близких родственников (этим действующее законодательство Китая приближено к нормам ст. 532 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.).

Таким образом, общий круг наследников в наследственном праве Китая достаточно узок. При этом если круг наследников по закону второй очереди, установленный нормами ст. 1127 ГК КНР, достаточно традиционен (включает в себя братьев и сестер, бабушек и дедушек по отцовской и материнской линиям, что совпадает с нормами ст. 1143 ГК РФ), то персональный состав первой очереди наследников в наследственном праве Китая шире, чем в России, и включает в себя помимо пережившего супруга, детей (в том числе приемных) и родителей две дополнительные (по сравнению с российским правом) категории.

Первая из них — это неродные дети (пасынки и падчерицы) и неродные родители (отчим, мачеха), находящиеся на иждивении вне зависимости от времени нахождения на иждивении (в России данные лица составляют самостоятельную (седьмую) очередь наследования, не привязанную к иждивению). При этом данная категория иждивенцев получает наследственные права в обязательном (императивном) порядке, по сравнению с остальными категориями лиц, находящимися на иждивении наследодателя (ст. 1132 ГК КНР).

Вторая из названных категорий — овдовевшие сноха или зять при условии выполнения ими обязанности по содержанию наследодателя. Интересно отметить, что в ранее действовавшем законодательстве Китая (ст. 12 Закона КНР о наследовании от 10 апреля 1985 г.) слово «овдовевший» отсутствовало, что, очевидно, давало возможность данной категории лиц попадать в состав наследников первой очереди наравне с супругом, являющимся ребенком по отношению к наследодателю. Представляется возможным утверждать, что данная норма расширяет именно круг наследников первой очереди и не относится к наследованию по праву представления (вне зависимости от того, что право на получение наследства возникает по нормам действующего ГК КНР только в связи со смертью супруга, являющегося кровным родственником и наследником первой очереди), овдовевший супруг в данном случае не встает на место умершего наследника (на его место встают его дети), а приобретает полноценное наследственное право наравне с братьями и

сестрами своего умершего супруга. Данная норма отсутствует в российском наследственном праве, вместе с тем она представляется социально справедливой, учитывающей сложившиеся семейные ценности, направленной на укрепление института семьи.

Дополнительно ст. 1131 ГК КНР устанавливает, что к числу наследников той очереди, которая призывается к наследованию, могут быть отнесены лица, «...которые в значительной степени содержали наследодателя» (аналогичная норма содержалась и в ранее действовавшем наследственном законодательстве Китая [3]). Правило о включении в состав наследников лиц, содержащих наследодателя, в российском законодательстве отсутствует, хотя представляется социально справедливым.

Здесь же следует отметить, что зачатые при жизни наследодателя, но не рожденные к моменту открытия наследства дети также относятся к категории наследников по закону. При этом по сравнению с ранее действовавшим наследственным законодательством, фиксирующим статус такого наследника неполноценным, неравным с остальными наследниками (это выражалось в том, что в ст. 28 утратившего силу Закона КНР о наследовании был установлен отказ признания за ребенком, умершим после рождения, права быть наследодателем, так как его доля в наследственной массе в данном случае передавалась остальным наследникам по закону), действующий ГК КНР (в рамках ст. 1155) устранил это неравенство прав наследников. В настоящее время в рамках российского и китайского наследственного законодательства фиксируется разница в сроках раздела наследственного имущества при наличии в составе наследников зачатого, но нерожденного ребенка: если по российскому законодательству раздел наследственной массы откладывается до рождения ребенка, то по нормам китайского законодательства для такого ребенка резервируется его доля, которая подлежит наследованию по закону в общем порядке в случае его мертворождения.

Незначительные различия присутствуют в описании субъектов права на выморочное имущество: в Китае помимо государства также на такое имущество могут претендовать организации коллективной собственности, членом которой являлся при жизни наследодатель (ст. 1160 ГК КНР).

Также к числу призываемых к наследованию лиц традиционно относятся иждивенцы — лица, находившиеся на иждивении наследодателя на момент его смерти. Законодательство о наследовании по закону и России, и Китая не стало исключением и также включает в себя нормы о признании иждивенцев наследниками.

Вместе с тем между нормами права двух государств имеются значительные отличия. Одним из таких отличий является сам характер нормы, устанавливающей возможность признания иждивенца наследником. В российском праве правило о включении данной категории лиц в круг наследников является императивным, в законодательстве КНР включение данной категории лиц в состав наследников является диспозитивным и отдано на усмотрение лица, управляющего наследственным имуществом (ст. 1131 ГК КНР).

Еще одно отличие заключается в определении самого понятия «иждивенец» и оснований признания иждивенцев лицами, подлежащими призыву к наследованию. В российском праве круг лиц, которые могут быть признаны иждивенцами, ограничен дополнительными условиями: помимо нахождения на иждивении необходимо учитывать 1) вхождение иждивенца в состав семьи наследодателя (кровное родство или совместное хозяйство и проживание в совокупности с нетрудоспособностью) и 2)

срок нахождения на иждивении, который должен составлять не менее одного года до смерти наследодателя. По сравнению с российскими достаточно сложными по содержанию нормами, явно ограничивающими круг возможных наследников-иждивенцев, в гражданском законодательстве КНР достаточным является сам факт нахождения на иждивении. Интересно отметить, что в ранее действовавшем законодательстве указывался закрытый перечень причин (ограниченная трудоспособность или отсутствие источников существования) нахождения на иждивении, но из нового законодательства эти ограничения были исключены, т.е. законодатель пришел к выводу о нецелесообразности установления ограничений на причины нахождения на иждивении.

Законодательство КНР (ст. 1128 ГК КНР), так же, как и российское наследственное право, предусматривает наследование по праву представления. При этом законодательство КНР предусматривает возможность наследования по праву представления для всех очередей наследования (тогда как в российском наследственном праве наследование по праву представления предусмотрено только для первых трех очередей наследников), однако следует помнить, что в российском законодательстве количество очередей наследования на порядок больше по сравнению с законодательством Китая.

В целом, если рассматривать персональный состав лиц, наделенных правом наследования по праву представления, следует обратить внимание на следующие отличия российского и китайского права: в России предусмотрено право наследования по праву представления для двоюродных братьев и сестер (дети братьев и сестер родителей наследодателя), в Китае данные лица полностью исключены из круга наследников, в том числе по праву представления.

Правила о размере доли, получаемой наследниками, наследующими по праву представления, в законодательстве России и Китая в целом совпадают, однако российское законодательство (с учетом дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании») содержит более детальную регламентацию относительно правил распределения доли наследства, получаемой по праву представления.

В законодательстве КНР (ст. 1130 ГК КНР), так же как и в законодательстве России (п. 2 ст. 1141 ГК РФ), общим правилом является принцип равенства долей наследников, призываемых к наследованию в пределах одной очереди (с соблюдением правила равноценности доли умершего наследника и его потомков, наследующих по праву представления). Законодательство КНР также предусмотрело возможность заключения соглашения наследников о распределении наследственного имущества без указания ограничений в отношении наследственной массы. При этом в законе прямо предусмотрено право наследников на отступление от принципа равенства долей, отсутствует правило о сроках заключения такого соглашения.

Вместе с тем в правилах распределения долей в составе наследства в китайском законодательстве снова проявляется ярко выраженная социальная направленность.

Во-первых, китайское законодательство (ст. 1130 ГК КНР) содержит правило об учете интересов наследников, находящихся в стесненных жизненных обстоятельствах и ограниченно дееспособных лиц (очевидно, что сюда также включены и дети). В России предполагается просто особый контроль за соблюдением интересов таких лиц (ст. 1167 ГК РФ), но не предусмотрена возможность увеличения доли в наследстве только лишь по тому основанию, что данные лица ограничены в своих возможностях.

Во-вторых, ст. 1130 ГК КНР содержит правило об увеличении доли наследников, ведущих совместное с наследодателем хозяйство. В России данное правило отсутствует, имеет место только правило о преимущественном праве на получение имущества (ст. 1168, 1169 ГК РФ), но не об увеличении доли (об этом свидетельствует ст. 1170 ГК РФ, предусматривающая правило о компенсации, выплачиваемой в случае несоразмерности долей в результате реализации преимущественного права на ту или иную вещь, вошедшую в состав наследства).

В-третьих, та же ст. 1130 ГК КНР предусматривает отсутствующее в российском наследственном праве правило об увеличении доли наследников, выполнявших обязанность по содержанию наследодателя. Представляется возможным отметить, что данная норма весьма интересна в части отражения принципа социальной справедливости и стимулирования заботы о старшем поколении со стороны молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вавилин Е.В., Волос А.А. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 53 - 73.
2. Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // Lex russica. 2020. № 3. С. 135 – 139.
3. Наука законов о браке, семье и наследовании / Под ред. Ван Гэя. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2009
4. Щенникова Л.В. Социальная направленность гражданско-правового регулирования в отражении норм российского наследственного права // Нотариус. 2020. № 2. С. 36 – 42.
5. Ян Чжень. Структура современного наследственного права Китая // Lex russica. 2014. № 1. С. 78 – 84.

СПОСОБЫ УЧАСТИЯ БИООБРАЗЦА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

***Одношивкина Д.В., старший преподаватель кафедры Гражданского права
ФГБОУ «Уральский государственный юридический университет имени
В.Ф.Яковлева», город Екатеринбург, Россия***

Биоматериал (биологический материал) – это объект, имеющий происхождение от человека независимо от его фактического отделения, а также объекты, возникшие в результате различных генетических манипуляций и имеющих в своей основе человеческое происхождение. Они обладают как материальной, так и нематериальной ценностью, по поводу которых складываются правовые отношения, связанные с их получением, передачей, хранением, утилизацией.

В качестве биоматериала могут выступать различные составляющие, отделимые от тела человека: кровь и ее компоненты, клетки человека, органы и ткани, отделимые составляющие, по типу ногтей, волос, кожа человека.

По результатам анализа существующих законов, в которых любой биоматериал проходит определенную обработку (химическую или физическую) для более длительного хранения и дальнейшего использования медицинской организацией, можно сделать вывод, что биоматериал превращается в биообразец.

Биологический образец (далее биообразец) – обработанные определенным образом биологические материалы, отчужденные от человека, не влияющие на его

жизнь и здоровье.

В российском законодательстве подробно рассматриваются только такие биообразцы как кровь (Федеральный закон от 29 июля 2012г. №125-ФЗ «О донорстве крови и его компонентов»), клеточные продукты (Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»), ткани и органы (Закон РФ "О трансплантации органов и (или) тканей человека" от 22.12.1992 N 4180-1), эмбрионы человека (Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023)).

Рассмотрим основные действия, производимые с биообразцами на территории Российской Федерации в настоящее время.

После отчуждения биологического материала от человека, для его сохранения производятся определенные манипуляции, что в корне меняет статус объекта. По смыслу статей 218 и 220 ГК РФ, появляется новая вещь, собственником которой в равной степени может стать как медицинская организация, создавшая новую вещь, так и пациент, являющийся собственником основного материала для этого создания. Соответственно, у них должны появиться определённые права и обязанности. Реальность этому принципу противоречит – после отчуждения пациент уже не имеет никакого права распоряжения биообразцом. Единственное право, которое у него остается – отозвание добровольного согласия на использование организацией такого материала, но без возврата себе, а только для дальнейшего уничтожения. Вместе с этим, пациент даже не сможет проверить, было ли выполнено его требование.

Также отсутствует регламентирование возмездности оборота биообразцов. Статья 3 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах»[1] допускает передачу биоматериала пациентом только на безвозмездной основе и недопустимость купли-продажи биологического материала. Но, как сказано ранее, материал становится биологическим образцом, поэтому может передаваться и на возмездной основе, что законом не запрещено. К этому ведет и денежная компенсация донору в виде определенной суммы (5% от МРОТ) [2] или бесплатное питание, а также по федеральному закону предоставляются отдельные условия по приему на работу и льготные путевки. Можно сделать вывод, что «безвозмездность» при сдаче биоматериала иногда достаточно фиктивна и допускает договор возмездного оказания услуг.

Примером биоматериала является, например, эякулят, который сдается в медицинскую организацию. Многие страны полностью возмещают расходы на такую процедуру. Плюс, эякулят может быть экспортирован в другие страны за определенное встречное предоставление, что показывает возмездные отношения. В Российской Федерации также возможна сдача эякулята на возмездной основе. К мужчинам выдвигаются определенные требования, но, если показатели хорошие – медицинское учреждение оплачивает обследование и определенную сумму после сдачи и в течение определенного времени.

Оба примера показывают, что мы имеем дело не с биоматериалами, которые как-то урегулированы некоторыми законами, а биообразцами как вещью, на которые распространяются условия гражданских правоотношений. К ним применяется понятие сделки.

Рассмотрим некоторые договоры, применяемые в отношении биоматериалов и биообразцов.

В России, также, как и в других странах, все больше становятся

распространены банки биологических материалов. В 2018 году в России была образована Национальная ассоциация биобанков и специалистов по биобанкированию (NASBIO). Сегодня она объединяет 23 российских биобанка, возможности которых достаточно обширны. Они включают в себя сбор, тестирование, обработку и хранение материала, фиксацию в базе данных, иногда занимаются научными исследованиями или предоставлением материала физическим и юридическим лицам. Часто биобанки получают прибыль за счет оказания услуг по хранению материала собственника, заключая соответствующий договор. Данный договор регулируется главой 39, 47 Гражданского кодекса РФ. Биобанк не пользуется материалом и обязан вернуть его собственнику при его желании. Сложившаяся практика заключения договора хранения, возмездного оказания услуг, между клиентом и медицинской организацией презюмирует вещно-правовой характер специфического объекта такого, как биообразец. Вместе с хранением биобанк осуществляет многие другие манипуляции, все они также должны включаться. По сути, биобанк создает новый биообразец и также может обладать на него определенными правами, что не регулируется стандартным договором, предлагаемым биобанком. Некоторые биоматериалы могут нести в себе и персональные данные человека, а значит и распоряжение биообразцом должно учитывать и конфиденциальность. Одним из пунктов договора (по примеру типичного договора медицинской организации г. Москвы) можно выделить ответственность сторон:

«За ущерб, причиненный одной из Сторон вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей, виновная Сторона несет ответственность в виде возмещения убытков в соответствии с действующим законодательством РФ». Можно сделать вывод, что при передаче биообразца или информации по нему третьим лицам, все. Что можно сделать – подать иск о возмещении убытков, но нельзя обратить уже исполненные действия или вернуть биообразец обратно собственнику.

Если с договором хранения можно найти практику рассмотрения споров, то договор купли-продажи биоматериала или биообразца практически не регламентирован.

Как уже говорилось ранее, в случае с биоматериалами договор купли-продажи не подразумевается. Законодательство четко запрещает только продажу органов для трансплантации или производства биологических клеточных продуктов. Все остальные биообразцы могут участвовать в гражданском обороте (например, отчуждение волос для создания париков по общему правилу участвует в договоре купли-продажи). Также отсутствует прямой запрет на продажу биообразцов третьим лицам, таким как другие медицинские учреждения. В Уголовном кодексе Российской Федерации существуют ст. 105 и 111, в которых преступлением является только изъятие органов или принуждение к изъятию только для дальнейшей трансплантации, соответственно, остальные условия, закрепленные в законодательных актах, не имеют уголовной санкции.

Одним из документов, который необходимо упомянуть, является информированное добровольное согласие пациента (клиента). Это не относится к договорам, но является обязательным пунктом при взятии биоматериала любой медицинской организацией со времен Нюрнбергского процесса, так как считается, что любой материал, взятый от человека, является исследованием на человеке. Впоследствии была разработана Хелькинская декларация, описывающая этические нормы медицинского сообщества всех стран, включая работу с биоматериалами и

биообразцами, где есть присутствие персональных данных человека.

В России же для проведения исследований биоматериала и его обработки взятие ИДС не требуется напрямую, что не противоречит Хелькинской декларации, но также и не регламентируется документально ни одним из российских законодательных актов. В первую очередь, ИДС требуется для защиты персональных данных человека в тех случаях, когда биообразец переходит в другую медицинскую организацию или биобанк. Некоторые биобанки могут передавать неиспользованные образцы в другие организации для исследований, что напрямую нарушает право человека на неприкосновенность данных. Во-вторых, отсутствие ЭДС может нарушать право человека на информацию о проблемах, выявленных при исследованиях биообразца.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что практика, сложившаяся с биоматериалами и биообразцами в настоящее время, до сих пор достаточно противоречива. Начиная от непонимания разницы между терминами «биоматериал» и «биообразец», что по-разному влияет на их вещно-правовой статус, заканчивая правовой базой, почти полностью отсутствующей на территории Российской Федерации. Статус биообразца не закреплен на законодательном уровне, что дает возможность распоряжаться действиями с ним по своему пониманию, не принимая во внимание собственника материалов. Отсутствует и регламентирование прав и обязанностей собственника материала и медицинского учреждения, который создает из материала новый объект и пользуется им часто в своих целях. Также отсутствуют закрепленные санкции в уголовном или административном кодексе, что не дает пациенту-собственнику воспользоваться правом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах».
2. Приказ Минздрава России от 26.04.2013 N 265н «О случаях возможности замены бесплатного питания донора крови и (или) ее компонентов денежной компенсацией и порядке установления ее размера» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.05.2013 N 28584).
3. Федеральный закон от 20.07.2012 N 125-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О донорстве крови и ее компонентов».
4. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление и защита. 2 изд., испр. И доп. М., 2001. С. 88.
5. Васильев Г.С. Человеческий биоматериал как объект права / Г.С. Васильев // Правоведение. — 2018. — № 2 (337). — С. 308–361.
6. Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. С. 49.

ОБЪЕКТ УГОНА АВТОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ МАЛОМЕРНОГО СУДНА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Орехова Е.П., к.ю.н., доц.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Объект преступления является необходимым элементом любого преступления. Объектом преступления является то, на что направлено преступное деяние, чему оно причиняет или может причинить ущерб. Объектом преступления являются именно общественные отношения, а не материальные или нематериальные блага. Поэтому многие авторы объект преступления трактуют как охраняемые уголовным законом общественные отношения. В уголовном праве существует трехчленная классификация объектов преступления: общий, родовой и непосредственный. Правильное определение общего, родового и непосредственного объекта посягательства является необходимым, первоначальным этапом в идентификации преступного посягательства, это дает возможность установить первоначальный ориентир для поиска необходимой нормы действующего уголовного законодательства.

Проблема объекта угона транспортного средства или маломерного водного судна, как и любого другого преступного деяния, является центральной проблемой при исследовании объективных признаков преступления. Через анализ такого общественного отношения, на которое направлено это посягательство, можно решить, как минимум, три практически важные задачи:

определить место соответствующей нормы в системе Особенной части Уголовного кодекса;

определить сферу социальной деятельности, которой причиняется ущерб при совершении преступления, и тем самым установить четкие границы применения норм об угоне транспортного средства или маломерного водного судна;

дать на основе этого объективную характеристику признаков уголовно наказуемого угона, отграничить это преступление от сходных преступных деяний.

Вопрос о том, что является объектом угона транспортного средства или маломерного водного судна, дискуссионный.

Впервые, когда статья «Угон автотранспортных средств» введена в Уголовный кодекс БССР Указом Президиума Верховного Совета БССР от 3 ноября 1965 г., она была помещена в главу 15 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» Уголовного кодекса БССР. С принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК) эта статья была перенесена в раздел VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» в главу 24 «Преступления против собственности». Включение этой статьи в главу 24 УК придало угону статус преступления против собственности. Отказавшись от выделения в качестве непосредственного объекта этого преступления безопасности движения и эксплуатации транспорта, законодатель отдал приоритет защите прав собственника имущества в виде транспортного средства и маломерного водного судна.

Подобные изменения наблюдались и в российском уголовном законодательстве. Законом РФ от 1 июля 1994 года норма, устанавливающая ответственность за неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, была перемещена в главу о преступлениях против собственности и приобрела вид статьи 148-2 УК РСФСР. В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года законодатель практически воспроизвел в слегка модифицированном виде бывшую статью 212-1 УК РСФСР, но сохранил ее при этом в главе о преступлениях против собственности.

Следует согласиться с А.И. Бойцовым, что перемещение данной нормы из

одной главы УК в другую означало изменение представлений о социальной опасности и, следовательно, родовом объекте данного преступления, при котором на первый план выдвигались отношения собственности [2, с. 739].

Однако несмотря на разрешение вопроса об объекте угона транспортного средства или маломерного водного судна на законодательном уровне, в научной литературе по этому вопросу до сих пор ведется спор. Сложность адекватного установления объекта данного преступления состоит в том, что угон транспортного средства или маломерного водного судна причиняет ущерб, по крайней мере, двум сферам общественных отношений: отношения по использованию упомянутых средств как источников повышенной опасности и отношениям собственности, связанным с владением, пользованием и распоряжением ими.

Ряд авторов (И.Н. Кременов, О.В. Фунин [4, с. 43; 7, с. 9] и др.) полагают, что родовым объектом угона транспортного средства является общественная безопасность, а непосредственным объектом – общественные отношения, создающие условия нормальной деятельности транспортных средств в сфере обеспечения безопасности их движения и эксплуатации.

Придерживаясь вышеизложенной точки зрения, О.В. Фунин утверждает, что при угоне отношения по поводу обеспечения общественной безопасности всегда ставятся под угрозу причинения вреда, чаще всего он наступает в результате дорожно-транспортных происшествий, причем вред может быть причинен не только угнанному транспортному средству как ценному имуществу, но и другим транспортным средствам, жизни и здоровью людей. Угоняя транспортное средство, преступник подрывает саму основу безопасного использования транспортного средства, порождает возможность причинения вреда здоровью граждан в результате дорожно-транспортных происшествий. Возможность причинения вреда таким источником повышенной опасности значительно увеличивается, когда автомобиль или иное транспортное средство выходит из-под ответственного правомерного владения в результате угона [7, с. 9-10]. Приводя в подтверждение своей точки зрения такие доказательства, О.В. Фунин тем самым соглашается с изложенным ранее в литературе мнением В.М. Хомича [8, с. 11-12]. В.М. Хомич приводит также статистические данные, подтверждающие, что на угнанных транспортных средствах совершается больше дорожно-транспортных происшествий, чем на остальных автомобилях, объясняя это особым психофизическим состоянием лица, управляющего транспортным средством, а также самим фактом временного, случайного использования [8, с. 11]. Автор утверждает, что не было бы преступления, если бы его общественная опасность была связана только с посягательством на отношения собственности. Общественная опасность угона заключается, прежде всего, в том, что он создает условия для неконтролируемого пользования транспортными средствами [8, с. 12].

Авторы, придерживающиеся вышеизложенной точки зрения, указывают на наличие дополнительного объекта угона транспортного средства или маломерного водного судна – отношения собственности. Рассматриваемое преступление, как и многие другие преступные деяния, причиняет ущерб нескольким группам различных общественных отношений. Так, при угоне нарушается право собственности: виновный незаконно завладевает и пользуется не принадлежащим ему транспортным средством. Посягательство на безопасность движения транспорта – основное обстоятельство, определяющее социальную и правовую природу данного преступления. Что касается других общественных отношений, нарушающихся при

совершении данного преступления, то они выступают в качестве второго, дополнительного объекта посягательства. Эта точка зрения объясняется, в первую очередь, тем, что, когда она излагалась Б.А. Куриновым, на законодательном уровне объектом рассматриваемое преступление считалась общественная безопасность. В.М. Хомич, в отличие от остальных авторов, не делает акцент на наличии дополнительного объекта рассматриваемого преступления.

По мнению А.И. Узденова, основным непосредственным объектом угона транспортных средств независимо от их вида выступает совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения общественной (общей) безопасности; в качестве дополнительного объекта выступают отношения собственности в любой ее форме. Свою точку зрения автор обосновывает следующими положениями. Во-первых, реальный имущественный ущерб собственнику (владельцу) транспортного средства причиняется далеко не всегда. Во-вторых, основной потенциал общественной опасности угона вовсе не в том, что это деяние посягает на отношения собственности, а в том, что после приведения угнанного транспортного средства в движение создается состояние неконтролируемого использования источника повышенной опасности. Тем самым создается реальная угроза причинения вреда, в том числе и с тяжкими последствиями, неопределенному кругу лиц и объектам материального мира. В-третьих, угон транспортного средства представляет собой частный случай неправомерного временного позаймствования чужого имущества. А.И. Узденов ставит вопрос, почему из всех видов имущества, которые могут быть позаймствованы, законодатель выбрал именно транспортное средство, ведь есть и иные не менее, а иногда и более, ценные виды имущества. Автор сам дает на него ответ: «Все дело в уже отмеченном выше свойстве транспортного средства как источника повышенной опасности при неконтролируемом его использовании создавать угрозу причинения вреда безопасному существованию общества» [6, с. 22-23]. И в-четвертых, по мнению А.И. Узденова, угон транспортного средства следует отнести к группе преступлений против общественной (общей) безопасности, а не к транспортным преступлениям, поскольку он представляет общественную опасность не только в связи с возможным нарушением правил дорожного движения, но и в связи с участвовавшими в последнее время случаями использования угнанных транспортных средств в целях совершения преступлений террористического характера (террористических актов, захватов заложников и т.д.).

После переноса статьи, предусматривающую ответственность за угон транспортного средства или маломерного водного судна (незаконное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения – по УК РФ), ученые-юристы в большинстве своем высказываются только о наличии одного непосредственного объекта – отношения собственности.

Вполне логичной является точка зрения А.И. Коробеева, заявившего о том, что позиция законодателя небесспорна. Если угон автомобиля законодатель отнес к преступлениям против собственности, то почему он не поступил точно так же с угоном воздушного и прочих судов: разве угон самолета или морского судна причиняет интересам собственности вред меньший, чем угон автомобиля или мотоцикла. И наоборот: если угон воздушного, морского судов, железнодорожного состава расценен законодателем как посягательство на общественную безопасность, то что мешало ему оценить таким же образом и угон иных транспортных средств? Ведь неправомерное завладение городским скоростным трамваем может таить в себе

гораздо большую угрозу общественной безопасности, нежели угон железнодорожной дрезины. Выведя угоны за рамки понятия транспортных преступлений, законодатель оказался непоследовательным в выборе для них места в новом Уголовном кодексе Российской Федерации [3, с. 199]. Такая же непоследовательности законодателя наблюдается в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Представляется, более правильной является точка зрения нынешнего законодателя, так как если угон транспортного средства или маломерного водного судна рассматривать в качестве транспортного преступления, посягающего на отношения в сфере безопасного функционирования транспорта, то законодатель, например, в случае угона автомобиля профессиональным водителем ставит ему в упрек, что он создает состояние опасности для функционирования транспорта, хотя на самом деле этот преступник, возможно, менее опасен, чем водитель-новичок за рулем собственного автомобиля. Если же человек нарушает правила дорожного движения, создавая тем самым опасную ситуацию на дороге, то он несет ответственность по другим нормам закона.

Ущерб отношениям собственности может причиняться путем не только хищения чужого имущества, но и противоправного временного пользования чужим имуществом. Собственник терпит ущерб от угона, выразившийся в амортизации транспортного средства и лишении возможности, иногда на длительное время, самому пользоваться и распоряжаться им. Иногда ущерб выражается в неполучении ожидаемого дохода от эксплуатации автомобиля (упущенная выгода). Кроме того, угонщик, имеющий целью временно воспользоваться транспортным средством, чаще всего не заботится о его целостности и сохранности, что может привести к порче, гибели или утрате. Такого же мнения придерживается Л.Г. Шайбазян, указывая, что именно отношения собственности в каждом случае угона подвергаются посягательству и собственник либо правомерный владелец временно лишаются возможности владеть, пользоваться и распоряжаться транспортным средством. Более того, уровень дорожно-транспортных происшествий, совершенный лицами, управлявшими транспортным средством на законных основаниях выше, чем доля таких происшествий, допущенных на угнанных средствах, что подвергает сомнению вывод о том, что социальную сущность угона составляет именно безопасность движения, а не отношения собственности, которым при совершении этого преступления всегда причиняется ущерб, а безопасность движения даже не всегда ставится в угрозу причинения ущерба [9, с. 12-13].

Собственность в данном случае следует рассматривать как экономико-правовую категорию. Как экономическую категорию ее характеризует отношение присвоения для собственника или отношения хозяйственного использования для владельца. Владение – это охраняемая законом возможность обладать вещью. Пользование – возможность эксплуатировать вещь, извлекать из нее полезные свойства. Под распоряжением понимается установление юридической судьбы вещи.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 214 УК, является собственность как система общественных отношений, в том числе и урегулированных правом, по поводу владения (дозволенного законом фактического обладания), пользования (потребления полезных свойств) или распоряжения (определения судьбы) таким специфическим имуществом как транспортные средства и маломерные водные суда.

Особенностью непосредственного объекта угона транспортного средства, как отмечает А.И. Бойцов, является то, что это преступление, не ставя под сомнение

право собственности на имущество в полном объеме, посягает лишь на право пользования им, о чем свидетельствует отсутствие цели хищения в данном составе преступления [2, с. 739]. Общественная опасность неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения заключается в том, что собственник или законный владелец лишается возможности использовать транспортное средство. Данная точка зрения, представляется, верной.

Некоторые современные ученые-юристы указывают на наличие дополнительного объекта преступления. Ряд российских авторов (Н.В. Лаптева, Ю.С. Белик, Т.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова) в качестве факультативного объекта преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, указывают жизнь (ч. 4 ст. 166 УК РФ) и здоровье человека (п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ), общественная безопасность, поскольку эти объекты ставятся под угрозу не во всех случаях совершения рассматриваемых противоправных деяний.

По мнению А.И. Мартынюка, «угроза общественной безопасности при угоне транспортных средств (ст. 214 УК) не имеет той степени общественной опасности, которая свойственна преступлению. Наличие угрозы, требующей уголовно-правовой охраны указанных общественных отношений, не подтвердилось полученными в ходе исследования объективными данными. Следовательно, общественная безопасность в транспортной сфере не может быть признана дополнительным объектом угона транспортных средств как преступления против собственности» [5, с. 5].

На наш взгляд, рассмотрение в качестве обязательного дополнительного объекта преступления, предусмотренного ст. 214 УК, – безопасность движения и эксплуатации транспортных средств и маломерных водных судов одновременно предполагает и установление более строго наказания за данное преступление, чем за кражу автомобиля (ст. 205 УК), что белорусский законодатель первоначально и сделал. Однако следует согласиться с профессором А.В. Барковым, что в результате мы получили неоправданно жестокую норму, применение которой (как и прогнозировалось) создало массу проблем, особенно в отношении несовершеннолетних преступников [1].

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что родовым и непосредственным объектом угона автодорожного транспортного средства или маломерного судна являются отношения собственности, причем особенностью непосредственного объекта преступления является то, что оно посягает лишь на право пользования автодорожным транспортным средством или маломерным водным судном. В качестве дополнительного не обязательного объекта этого преступления может выступать здоровье человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барков, А.В. Применение судами специальных правил назначения наказания (системное толкование и применение) [Электронный ресурс] / А.В. Барков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юрид. центр пресс, 2002. – 773 с.
3. Коробеев, А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 10 (107). – С. 172–189.
4. Кременов, И.Н. Уголовная ответственность за транспортные преступления / И.Н. Кременов. – Ташкент: ТГУ, 1990. – 56 с.

5. Мартынюк, А.И. Уголовная ответственность за угон транспортных средств и иное противоправное временное использование чужого имущества: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Мартынюк; БГУ. – Минск, 2009. – 24 с.

6. Узденов, А.И. Угон транспортного средства по уголовному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Узденов; Волгоградская акад. МВД Рос. Федерации. – Волгоград, 2008. – 22 с.

7. Фунин, О.В. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Фунин; Юрид. ин-т МВД РФ. – Рязань, 1999. – 24 с.

8. Хомич, В.М. Уголовная ответственность за угон транспортных средств / В.М. Хомич. – Минск: изд-во БГУ, 1982. – 96 с.

9. Шайбазян, Л.Г. Правовые меры борьбы с угоном транспортных средств: уголовно-правовой и криминологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.Г. Шайбазян; Акад. МВД Респ. Узбекистан. – Ташкент, 1997. – 22 с.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Пастухов М.И., д.ю.н., профессор,

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск, Республика Беларусь

Как известно, 25 февраля 2024 года состоялись выборы депутатов Палаты представителей и местных Советов депутатов. Они прошли по мажоритарной избирательной системе. По их результатам было избрано 110 депутатов Палаты представителей и 12 511 депутатов местных Советов всех уровней [7].

В современных государствах применяется не только мажоритарная система выборов, но и пропорциональная и смешанная система. Каждая из них имеет свои особенности, «плюсы» и «минусы».

Мажоритарная система выборов является исторически первой избирательной системой, которая утвердилась во Франции после буржуазной революции в 1789-1794 гг. Позднее она стала применяться во многих странах Европы, Америки и Азии.

Указанная система имеет две разновидности: абсолютного и относительного большинства. В первом случае для победы на выборах кандидату необходимо получить не менее 50% голосов от пришедших на выборы избирателей. Если ни один из кандидатов не набрал необходимого количества голосов, то проводится второй тур с участием двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов. При мажоритарной системе относительного большинства достаточно набрать больше голосов, чем другие кандидаты.

Мажоритарная избирательная система широко и успешно применялась в период существования Советского Союза. Тогда организаторы выборов предлагали избирателям проголосовать за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных» и разными способами принуждали прийти на избирательные участки, где создавалась атмосфера праздника.

В настоящее время мажоритарная избирательная система сохраняется в Республике Беларусь. Применительно к выборам Президента используется модель абсолютного большинства, когда для победы необходимо набрать более 50% голосов избирателей от числа принявших участие в голосовании. При этом в выборах должны принять участие более половины граждан Республики Беларусь, включенных в

список избирателей (ч.3 и 4 ст.79 Избирательного кодекса).

При избрании депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и депутатов местных Советов применяется модель относительного большинства, когда достаточно получить больше голосов, чем другие кандидаты (ст.ст.82, 89 Избирательного кодекса).

Выборы членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь осуществляются через коллегии выборщиков, в качестве которых выступают собрания депутатов местных Советов депутатов базового уровня областей, депутатов Минского городского Совета депутатов. При этом в собрании депутатов должны принять участие не менее одной четверти депутатов от каждого местного Совета депутатов базового уровня, то есть районных (городских) Советов депутатов. Решение по кандидатурам, предлагаемым для избрания членами Совета Республики, принимается большинством голосов от числа участвующих депутатов этих Советов (ч.7 ст.102 Избирательного кодекса).

Определенным своеобразием отличаются выборы делегатов Всебелорусского народного собрания от местных Советов депутатов и от структур гражданского общества. В этой связи Законом Республики Беларусь от 16 февраля 2023 г. были внесены изменения в Избирательный кодекс Республики Беларусь [3].

Согласно ст.96-1 Избирательного кодекса, выборы делегатов Всебелорусского народного собрания от местных Советов депутатов назначаются Центральной комиссией не позднее чем через 10 дней и проводятся не позднее чем через 45 дней после единого дня голосования.

Указанные делегаты избираются областными Советами депутатов из числа депутатов местных Советов депутатов областного, базового и первичного территориальных уровней в соответствии с установленными квотами представительства.

Порядок избрания делегатов от гражданского общества регулируется главой 19-2 Избирательного кодекса. Такие делегаты избираются высшими органами субъектов гражданского общества из числа членов этих субъектов (организаций, входящих в состав субъекта гражданского общества).

Следует иметь в виду, что мажоритарная избирательная система при всей ее простоте и эффективности является однобокой и политически ущербной. Дело в том, что победившие на выборах депутаты получают все, а проигравшие ничего. В итоге выборов избиратели, голосовавшие не за «того кандидата», не имеют своего представителя в выборных органах власти.

Еще одним недостатком мажоритарной системы выборов является то, что победителями на них оказываются, как правило, харизматические личности, популисты, «денежные мешки» или представители власти. После победы на выборах они обычно «забывают» о своих обещаниях избирателям.

Роль политических партий при мажоритарной избирательной системе незначительная. Формально партии могут выдвигать своих кандидатов в состав избирательных комиссий, в депутаты (в президенты), но они «растворяются» в массе других кандидатов. Представительство политических партий в выборных органах, как правило, малочисленное, кроме случаев, когда партии получают поддержку со стороны органов власти.

Иная ситуация складывается при пропорциональной системе выборов. Она основывается на принципе распределения депутатских мандатов между политическими партиями в соответствии с поданными за них голосами избирателей.

При этом избиратели голосуют не за конкретного кандидата, а за партию (партийный список) [2, с. 7].

Такая организация выборов применяется в ряде стран Западной Европы, где утвердилась многопартийная система (в частности, в Дании, Швеции, Польше, Чехии). Особенностью этой системы является наличие заградительного барьера, который партия должна преодолеть, чтобы быть представленной в выборном органе.

Роль политических партий в организации и проведении таких выборов возрастает. Они на равных участвуют в формировании избирательных комиссий, выдвигают списки своих кандидатов, осуществляют контроль за ходом голосования и подсчетом голосов избирателей. В парламенте представители партий объединяются в партийные фракции, участвуют в формировании правительства и других органов.

Однако пропорциональная система выборов возможна лишь при наличии многопартийной системы и прочных основах демократии. При таких условиях политические партии выполняют доминирующую роль в развитии государства и общества. Многое зависит от программы партии и авторитета ее лидеров.

Правда, пропорциональная система выборов ограничивает возможности новых и малочисленных партий. Им приходится объединяться с другими партиями в избирательные блоки. Тем не менее, они развиваются и вовлекают в свои ряды и в избирательный процесс все новые группы активных граждан.

Переходной моделью избирательной системы выступает смешанная система, сочетающая в себе элементы мажоритарной и пропорциональной систем. При этом часть депутатов парламента (местных представительных органов) избираются в личном качестве, а другая часть депутатов - по партийным спискам.

Такая избирательная система применяется в Германии, Италии, Венгрии, России, Казахстане, Грузии. Например, в Германии из 598 депутатов Бундестага 299 избирается по одномандатным округам, а 299 мест распределяется по партийным спискам. При этом депутатские мандаты получают только те партии, которые преодолели пятипроцентный заградительный барьер.

В Российской Федерации выборы в Государственную Думу проводятся по смешанной системе: одна половина депутатов (225 чел.) избираются по одномандатным округам, другая часть – по партийным спискам с пятипроцентным заградительным барьером.

Субъекты Российской Федерации вправе самостоятельно определять способы формирования представительных органов всех уровней, глав исполнительной власти и муниципальных образований.

По мнению российских исследователей, в России «...ныне действующие партии не отражают реальной социальной структуры общества, зачастую играют не свойственную им роль лоббистских групп» [1, с. 176].

Выборы нижней палаты парламента Казахстана (Мажилиса) проводятся также по смешанной избирательной системе: 69 депутатов избирается по парламентским спискам, а 19 депутатов избираются в личном качестве. Члены верхней палаты (Сената) избираются путем косвенных выборов. При этом 40 членов избираются депутатами маслихатов (местных представительных органов), а 10 назначаются Президентом Казахстана [6, с. 287-288].

С учетом опыта зарубежных стран в сфере проведения выборов, а также принимая во внимание избирательное законодательство Республики Беларусь и практику его применения, предлагается перейти от мажоритарной избирательной системы к смешанной системе выборов. На этот счет можно привести следующие

аргументы.

Во-первых, смешанная избирательная система открывает простор для деятельности политических партий, которые позволят вовлечь в государственное строительство плеяду активных деятелей.

Во-вторых, обновится избирательное законодательство и закон о политических партиях. В частности, партии получат право быть представленными во всех избирательных комиссиях, выдвигать списки своих кандидатов, широко вести предвыборную агитацию, участвовать в подсчете голосов избирателей.

В-третьих, избирательный процесс станет более открытым, многоплановым, а результаты выборов транспарентными.

В-четвертых, избиратели получают возможность голосовать как за конкретных кандидатов, так и за партийный список, что позволит им стать более активными участниками избирательного процесса.

В своих предыдущих публикациях автор вносил такое предложение [4, с. 92; 5, с. 56]. По его мнению, в настоящее время сложились предпосылки для перехода на более высокий уровень проведения выборов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, Р. А. Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии / Р.А.Алексеев. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 208 с.
2. Мусина, Н. В. Избирательная система в Республике Беларусь / Н.В.Мусина. – Витебск: ВГМУ, 2014. – 18 с.
3. Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь 16 февраля 2023 г. № 252-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.02.2023, 2/2972.
4. Пастухов, М. И. Избирательная система и избирательное право в Республике Беларусь // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2020. – №4. – С.80 – 92.
5. Пастухов, М. И. Новшества в избирательном законодательстве и пути его дальнейшего развития // Актуальные направления правотворческой политики и совершенствования законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран : сб. науч. ст. научно-методологического семинара, г. Гродно, 2 декабря 2022 г. - Гродно : БИП, 2023. – 221 с. – Деп. в ГрГУ им. Янки Купалы 21.08.2023, № 0013/21082023.
6. Современные избирательные системы. Венгрия, Казахстан, Тунис / А.Н. Бурова, С.В. Ведяшкин, А.А. Макарец, Д.В. Сенникова, Э.С. Юсубов; науч. ред. А.А. Автономов, В.И. Лысенко. — М.: РЦОИТ, 2023. – 496 с.
7. ЦИК Беларуси огласил окончательные итоги выборов депутатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/tsik-belarusi-oglasil-okonchatelnye-itogi-vyborov-deputatov-618936-2024/>. – Дата доступа: 05.03.2024.

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Печинская Е.В., к.ю.н., доц.,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

На сегодняшний день в нашей стране количественный показатель преступности несовершеннолетних невелик, однако их общественная опасность связана с причиняемым вредом и деструктивными социальными последствиями, имеющими

криминогенный характер. Кроме того, по данным исследователей, каждый второй профессиональный преступник совершил свое первое преступное деяние в возрасте 14-18 лет и в дальнейшем данные лица, как правило, не прекращают свою преступную деятельность [3].

Таким образом, рассматривая вопросы, связанные с криминогенными чертами преступности несовершеннолетних, можно в перспективе разработать меры, направленные на предупреждение данных преступлений и снижение их уровня.

Очевидно, что несовершеннолетние преступники являются особой категорией правонарушителей, и в силу этого, имея различные личностные особенности, к ним применяется своя типология.

Так, Д. Б. Дрыженко выделяет следующие четыре основных типа несовершеннолетних преступников:

1) совершивших преступления в результате случайного стечения обстоятельств и вопреки общей положительной направленности личности;

2) преступивших закон в результате попадания в соответствующую ситуацию лиц с неустойчивым характером;

3) совершивших преступление в результате отрицательной направленности личности, не достигшей еще уровня общей направленности (подростки, уже имеющие развитые отрицательные потребности, привычки и опыт мелких правонарушений, состоящие на профилактическом учете и т. п.);

4) совершивших преступления в результате сформированной устойчивой антиобщественной направленности личности, обуславливающей всю систему поведения (подростки, совершавшие преступления неоднократно, рецидивисты и т. п.) [2, с. 181].

Следует отметить, что совокупность отрицательных и криминогенных черт личности несовершеннолетнего преступника не возникает непосредственно перед совершением преступления, а формируется на всем протяжении предшествующей жизни и в дальнейшем могут лишь видоизменяться, но никак не исчезнуть. Вместе с тем лицо, которому присущи какие-либо негативные черты характера, не обязательно совершает преступление, т. к. «они могут не проявиться в качестве преступного действия в течение его жизни» [6].

Согласно данным официальной статистики чаще всего несовершеннолетние совершают вымогательства, кражи, хулиганства и угоны транспортных средств [7]. В последние годы возросло количество хищений путем использования компьютерной информации и снизилось число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Количество тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних за последние годы составляет около 10 %, менее тяжких – около 85 % [7].

Характерным признаком подростковой преступности является высокий уровень совершения преступлений группой. К сожалению, за последних десять лет количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступление в группе, колеблется от 6,5 % до 38 %. Высока доля несовершеннолетних лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, – 14 % и доля 14-15-летних лиц среди несовершеннолетних – 30 % [7].

Криминологи утверждают, что пол несовершеннолетнего преступника, как социально-демографический признак может указывать на последствия совершенного преступления. Среди несовершеннолетних преступников преобладают лица мужского пола. Это можно объяснить различием гендерных социальных связей со средой, в

которой развивается личность, условий нравственного формирования личности, разницей в характере и соотношении типичных конфликтных ситуаций [4].

Для несовершеннолетней женской преступности наиболее характерными являются такие преступные деяния, как кража, хищение, присвоение или растрата, злоупотребление и использование служебного положения, преступления в сфере торговли, обслуживания населения. Иными словами, одной из характерных черт женской преступности являются корыстные мотивы. Причиной данной особенности считается то, что женщины больше, чем мужчины, обеспокоены своим дальнейшим будущим, обычно имеют более острое чувство вины и повышенную тревожность [4].

На личность несовершеннолетнего преступника также оказывает влияние и семейное положение. К совершению преступления ведут как правило две линии причинно-следственной связи, которые обусловлены особенностями личности и конкретной жизненной ситуации. А с учетом того факта, что именно в семье начинается негативное формирование личности, то, в дальнейшем, это может привести к криминогенным последствиям, то есть к совершению преступного деяния.

Следующей характерной чертой несовершеннолетнего преступника является их низкий образовательный уровень. Это подтверждается в исследованиях М. С. Крутора, где выявлено, что более 30% молодых преступников не имели среднего образования, хотя должны были иметь его хотя бы в силу своего возраста [5].

Данную особенность можно объяснить еще и тем, что вместо получения образования, будущие преступники отдавали предпочтение употреблению алкоголя, наркотиков и т.д. На отсутствие даже элементарного образования могло оказать влияние и низкое материальное положение в семье или тяжелая жизненная ситуация, низкий уровень культурно-воспитательной работы в школах и т. п.

На сегодняшний день многие несовершеннолетние преступники имеют полную семью. Криминологи отмечают, что в последние годы доля несовершеннолетних преступников воспитывающихся в неполных семьях существенно уменьшается, приближаясь к общестатистическим показателям. Однако, типичной становится не структурная полнота, а так называемое «семейное неблагополучие» – недостатки воспитания, обусловленные личностными характеристиками и отношением к воспитательным обязанностям со стороны родителей или заменяющих их лиц.

Несовершеннолетние имеющие криминогенное прошлое часто имели низкую успеваемость и неудовлетворительное поведение.

На особенности личности несовершеннолетнего преступника влияет и его трудовая или профессиональная деятельность до совершения им преступного деяния, которая включает в себя стойкую утрату связей с учебным или трудовым коллективом. В большей степени их привлекает сфера досуга, беспорядочное и бесцельное времяпрепровождение (нередко в составе криминальных групп более старшего возраста). У большинства лиц данной категории побуждения, интересы, желания сводятся к потребительству, обладанию имеющимися у других престижными вещами, постоянным развлечениям, возможности не отказывать себе в любых желаниях (в том числе за счет причинения ущерба другим). Вместе с тем, молодые преступники, как правило, до совершения преступления не имели постоянного законного источника дохода, что и являлось для многих причиной психологической готовности к совершению преступлений.

При совершении преступления для несовершеннолетних одной из характерных черт является применение насилия, немотивированной агрессии и жестокости. При этом они часто преступают тот предел насилия и жестокости, который в конкретной

ситуации был бы вполне достаточен для достижения цели. Их агрессивное поведение зачастую находится в обратной пропорциональной зависимости от собственного страха перед силой своих противников.

По утверждению Г. Г. Шиханцова для несовершеннолетних преступников характерна деформация нравственно-правового сознания. Это понимание долга, совести, дозволенности, исходя из личных желаний или групповой солидарности; ориентация на получение сиюминутного удовольствия; равнодушие к переживаниям и страданиям других людей или даже стремление самоутвердиться, причиняя боль слабым. Уголовно-правовые запреты рассматриваются им как формальные; социальная роль закона игнорируется, он противопоставляется целесообразности, а групповые нормы – нормам закона. Искажено само понимание дозволенного и недозволенного поведения; формируется враждебно-недоверчивое отношение к правоохранительным органам [8, с. 219].

Уголовно-правовые признаки личности несовершеннолетнего преступника проявляются в их преступной мотивации и форме вины, интенсивности преступной деятельности, количестве судимостей, наличии или отсутствии рецидивов, роли в групповом характере преступной деятельности и степени ее подготовленности.

Для эмоционально-волевой сферы несовершеннолетних преступников характерны ослабление чувств стыда, отсутствие сдержанности, лживость и несамокритичность. Значительное ослабление волевых качеств встречается крайне редко. Следовательно, в «механизме» преступного поведения чаще играет роль не слабОВОлие, а волевая направленность на «дурные» цели.

У несовершеннолетних преступников нервно-психические расстройства встречаются в 3-6 раз чаще, чем у их законопослушных сверстников [8, с. 219]. Однако указанные расстройства – это обычно не тяжелые и стойкие заболевания, а психопатические черты или остаточные явления после травм. Причем психопатические черты характера в своем большинстве приобретены не в результате отягощенной наследственности, а вследствие неблагоприятных условий жизни либо сочетания этих факторов.

Рецидив несовершеннолетних, к сожалению, официально статистикой не фиксируется, но применительно к данной категории лиц можно рассматривать так называемый криминологический рецидив, и говорить о его влиянии на личность преступника. Психологи утверждают, что после 5-7 лет непрерывного нахождения в местах лишения свободы наступают необратимые изменения психики [1]. Очевидно, что для того, чтобы снизить общественную опасность от преступлений, следует минимально сократить использование лишения свободы в качестве наказания для несовершеннолетних.

Таким образом, исследовательские материалы показывают, что именно в среде несовершеннолетних преступников изменения происходят наиболее динамично. Имеющиеся особенности, отличные от общегрупповой преступности, имеют ярко выраженный характер (совершение преступления в группе; характер преступлений более жестокий и агрессивный; умысел проще, чем у взрослых преступников; среди мотивов преобладает желание самовыразиться, самореализоваться, показать себя и т.д.).

Определяющую роль при совершении преступлений играет формирующаяся система ценностей личности, собственная социальная практика, образцы поведения, усвоенные в семье и в ближайшем окружении. Свойственные же возрасту особенности лишь усиливают значение средовых влияний, поскольку внутренняя

сфера личности ещё не сформирована окончательно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article1004615.html> – Дата доступа: 12.02.2024.
2. Дрыженко, Д. Б. Профилактика преступлений несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Б. Дрыженко. – М., 2004. – 197 с.
3. Ждан, В.Н. О криминологической характеристике преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriminologicheskoy-harakteristike-lichnosti-nesovershennoletnih-prestupnikov> – Дата доступа: 10.02.2024.
4. Криминологические характеристики преступности несовершеннолетних // Евразийский Союз Ученых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://euroasia-science.ru/sociologicheskie-nauki/kriminologicheskie-harakteristiki-pr/>. – Дата доступа: 13.02.2024.
5. Крутор, М. С. Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения преступности молодежи : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/metodologicheskie-i-prikladnye-problemy-izuchenija-i-preduprezhdenija-prestupnosti.html> – Дата доступа: 12.02.2024.
6. Малков, В. Д. Криминология: учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://klin.iga.ru/files/books/kriminologiya.pdf> – Дата доступа: 10.02.2024.
7. Судимость несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/. – Дата доступа: 13.02.2024.
8. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учебник / Г. Г. Шиханцов. – Минск: Новое знание, 2016. – 316 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ

Пилипенко Н.С., к.ю.н., доц.,

*БИП–Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, г. Гродно, Республика Беларусь*

С учетом анализа западной модели мирного урегулирования индивидуальных трудовых споров, следует поддержать мнение ученых, полагающих необходимым выработать прочную законодательную базу с целью закрепления и становления института доюрисдикционного урегулирования спора. Например, в европейских странах работник, чьи индивидуальные трудовые права были нарушены, вправе использовать все возможные способы протеста. Одним из таких более «безболезненных» способов для спорящих сторон является процедура примирения. Таранова Т.С. исследуя примирительные процедуры отметила: «примирительная процедура предполагает высокую активность сторон, повышение свободы выбора участниками действий по реализации своих прав и выполнению обязанностей» [3, с. 65].

На стадии доюрисдикционного разрешения индивидуального трудового спора при проведении непосредственных переговоров могут быть устранены причины возникновения разногласия. В ходе таких переговоров могут быть устранены

причины разногласий, вызванных различной оценкой нормы законодательства о труде, которая была применена нанимателем. Изложение доводов, соображений по спорному вопросу, конструктивные переговоры нередко приводят к тому, что одна из сторон соглашается с мнением другой. В этом случае либо наниматель устраняет нарушение, допущенное им в связи с неправильным толкованием нормы, либо работник признает отсутствие нарушения со стороны нанимателя. Последнее, как правило, бывает в случае возникновения трудового спора в связи с «мнимым» правонарушением.

Несмотря на то, что урегулирование индивидуальных трудовых споров на доюрисдикционной стадии имеет большое количество плюсов, нужно адекватно оценивать риск превращение данной стадии в формальную процедуру (к примеру, наниматель намерен затянуть процесс урегулирования возникшего спорного правоотношения). В таком случае, представляется логичным и необходимым в целях недопущения злоупотребления данным правом закрепить на законодательном уровне основные организационные и процедурные моменты данной стадии урегулирования разногласий между нанимателем и работником, а также установить определенные гарантии.

Правоотношение, возникающее на стадии доюрисдикционного урегулирования спора, характеризуется отсутствием юрисдикционного органа, который бы участвовал в данном процессе с целью разрешения индивидуального трудового спора и защиты нарушенных прав (КТС или суд). Пилипенко Н.С. отмечает: «юридическим фактом (основанием) возникновения рассматриваемого правоотношения является инициатива одной из сторон урегулировать разногласия путем переговоров. Основанием прекращения переговоров является достижение определенного результата: либо урегулирования всех имеющихся разногласий, либо не достижение взаимоприемлемого решения в отношении предмета спора» [2, с. 226].

Согласно ч. 2 ст. 385 Трудового кодекса Российской Федерации «индивидуальный трудовой спор рассматривается КТС, если работник самостоятельно или с участием своего представителя не урегулировал разногласия при непосредственных переговорах с работодателем». В трудовом законодательстве Республики Беларусь переговорный процесс как доюрисдикционная стадия урегулирования разногласий между работником и нанимателем не получила должной регламентации, что является очевидным пробелом.

Следует отметить, что на практике при разрешении коллективного трудового спора путем примирения, основной формой примирения является примирительная комиссия, правовое положение которой установлено в ст. 380 ТК Республики Беларусь (далее ТК). Так «При отказе нанимателя от удовлетворения всех или части требований работников или не уведомлении о своем решении в трехдневный срок создается примирительная комиссия». Примирительная комиссия создается сторонами спора на паритетной основе после возникновения разногласий. Как правило, процедура примирения начинается только после исчерпания возможностей урегулирования спора путем непосредственных переговоров. Для того, чтобы переговоры закончились достижением взаимовыгодного компромисса для обеих сторон, необходимо предпринять следующие действия:

- 1) заранее определить перечень вопросов, которые необходимо рассмотреть;
- 2) сформулировать и обсудить предложения по урегулированию спора;
- 3) выбрать один из вариантов выхода из спорной ситуации, который бы устраивал обе стороны (если такого нет, то целесообразно будет отказаться от дальнейшего

ведения переговоров и использовать другой способ, например, медиацию).

Порядок работы примирительной комиссии закреплен ст. 381 ТК. «Примирительная комиссия проводит необходимые переговоры с представительными органами работников, нанимателем, собственником или уполномоченным им органом и в пятидневный срок с даты ее создания принимает по соглашению сторон решение по возникшему трудовому спору, которое оформляется протоколом и в письменной форме направляется сторонам коллективного трудового спора. При согласии сторон с решением примирительной комиссии спор прекращается».

В своем исследовании по вопросам совершенствования трудового законодательства Петоченко Т. М. предлагает в части определения порядка создания и функционирования примирительных органов учитывать то, что «в соответствии с ТК Республики Беларусь примирительные процедуры могут применяться не только для разрешения коллективных, но и индивидуальных трудовых споров. В этой связи автором предлагается использовать единый концептуальный подход, т.е. четко обозначить правовую природу органов примирения, посредничества и арбитража в специальном нормативном правовом акте» [2, с. 435].

Примирительная комиссия всегда действует только в целях оказания помощи сторонам спора, а также урегулирования имеющихся разногласий. Члены примирительной комиссии могут быть определены предварительно сторонами, которые ее создали. Примирительная комиссия должна создаваться в максимально короткий срок на трехсторонней основе работников (профсоюза), представителей нанимателя и специалиста, обладающего необходимыми профессиональными знаниями и квалификацией в сфере правового регулирования трудовых отношений (юрисконсульта, специалиста по кадрам). Состав, сроки создания такой комиссии, ее полномочия, порядок действия могут быть определены в коллективном договоре, нормативном правовом акте (например, «Положение о рассмотрении разногласий, связанных с трудовыми правоотношениями в доюрисдикционном порядке органами примирения, посредничества и арбитража». Как указывает К.Л. Томашевский «локальные нормативные правовые акты являются важным регулятором трудовых и связанных с ними отношений в организации, поскольку позволяют устанавливать локальные нормы, учитывающие особенности конкретного вида производства или иной хозяйственной деятельности, а также другие местные условия» [5, с. 5].

Примирительная комиссия при разрешении индивидуальных трудовых споров должна оказывать содействие и помощь сторонам спора. Деятельность данной комиссии должна вести к уменьшению или полному исчерпанию разногласий. Однако при участии в урегулировании спора примирительная комиссия не может давать каких-либо обязательных для сторон рекомендаций и выносить определенные решения к выполнению. Примирительная комиссия обязана принимать меры содействия в достижении взаимовыгодного компромисса и добровольного заключению соглашения между работником и нанимателем.

Законодательное закрепление обращения к примирительной комиссии как к обязательному органу по доюрисдикционному урегулированию индивидуального трудового спора, а также создание примирительной комиссии отдельным локальным актом или в досудебном порядке органами является, нашему мнению, действенной мерой по предотвращению нарушений индивидуальных трудовых прав работников. Однако хотелось бы отметить, что не в каждом конкретном случае.

Думается, чтобы придать весомость примирительным органам целесообразно предоставить профсоюзам право выступать в качестве примирителя на стадии

доюрисдикционного разрешения разногласий. Так, разногласия, неисковые споры работника, то есть споры не о восстановлении нарушенных прав, а об установлении новых условий труда, или изменении существующих у него условий труда, предварительно рассматривать путем переговоров работника и нанимателя с участием профсоюза в роли примирителя.

Примирительная комиссия должна создаваться в максимально короткий срок на трехсторонней основе из числа представителей работников (профсоюза), представителей нанимателя и специалиста, обладающего необходимыми профессиональными знаниями и квалификацией в сфере правового регулирования трудовых отношений (юрисконсульта, специалиста по кадрам).

Тарасевич Н. И. в своем исследовании определяет, что «эффективность использования примирительных процедур при разрешении индивидуальных трудовых споров в значительной степени зависит от четкости правовых норм, устанавливающих порядок формирования такого рода органов, определяющих принципы, на которых должна базироваться организация примирительной процедуры и деятельность лиц, призванных способствовать разрешению разногласий, а также категории споров, подведомственные данным органам» [4, с. 55]. Тем самым автор указывает, что в настоящее время в ТК Республики Беларусь отсутствуют нормы, детально регламентировавшие бы порядок проведения примирительной процедуры как доюрисдикционной стадии урегулирования индивидуального трудового спора, что является значительным упущением со стороны законодателя. Для обеспечения действенности рассматриваемого механизма урегулирования индивидуальных трудовых споров требуется детализация наиболее значимых с практической точки зрения

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что переговорный и примирительный процесс, при закреплении их обязательности на стадии доюрисдикционного урегулирования разногласий, представляется эффективным механизмом по защите индивидуальных трудовых прав работников. В целях унификации и единообразия практики создания в организациях примирительной комиссии, а также проведения переговоров целесообразно принять типовое положение о рассмотрении разногласий, связанных с трудовыми правоотношениями в доюрисдикционном порядке органами примирения, посредничества и арбитража.

В целях устранения имеющихся недостатков указанных процедур предлагается изменить название статьи 251 «Органы примирения, посредничества и арбитража для урегулирования индивидуальных трудовых споров» ТК Республики Беларусь на «Доюрисдикционный порядок урегулирования разногласий связанных с трудовыми правоотношениями» закрепив в ней положение о том, что на первом этапе работник и наниматель должны попытаться урегулировать возникшие между ними разногласия, путем непосредственных переговоров либо при помощи примирительной комиссии. Лишь в том случае, если разногласия между субъектами трудового правоотношения не устранены путем таких переговоров, работник может обратиться в юрисдикционный орган за защитой нарушенного, по его мнению, субъективного индивидуального трудового права. Также логичным представляется устранить имеющиеся несоответствие в ТК в отношении примирительной комиссии, деятельность которой рассматривается как механизм урегулирования только коллективных споров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Петоченко, Т. М. Перспективы расширения применения примирительных процедур при разрешении трудовых споров в Республике Беларусь /Т. М. Петоченко // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. – Минск, – 2011. – № 6. – С. 430-436.

2. Пилипенко, Н. С. Некоторые правовые аспекты доюрисдикционного рассмотрения разногласий, связанных с трудовыми правоотношениями / Н.С. Пилипенко // Вклады молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов Междунар. научн. конф., Минск, 23 нояб. 2012 г. / Нац. Центр законодательства и правовыхисслед. Респ. Белеларусь ; редкол.: В. И. Семенов (гл. ред) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 225–228.

3. Таранова, Т. С. Соглашение по обстоятельствам дела в аспекте примирительной процедуры / Т. С. Таранова // Актуальные проблемы экономического развития Республики Беларусь и его правовое регулирование : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 30 сент. 2010 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г. Б. Шишко (науч. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. –Ч. 1. – С. 65–67

4. Тарасевич, Н. И. Проблемы использования примирительных процедур при разрешении индивидуальных трудовых споров / Н. И. Тарасевич // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23 апр. 2010 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г. А. Короленок [и др.]. – Минск, 2010. – С. 67–69.

5. Трудовые споры: практ. пособие / К. Л. Томашевский [и др.]. Минск: Промкомплекс, - 2011. - С. 7.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

*Полубинская А.В., помощник директора по хозяйственным вопросам,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

В Республике Беларусь государственное регулирование занятости населения представляет собой совокупность принципов, методов и инструментов воздействия государства на процессы формирования, распределения, обмена и использования рабочей силы, направленных на повышение эффективности ее функционирования и удержание безработицы в пределах социально допустимого уровня. При этом система управления занятости населения должна включать два стратегических блока. Первый предусматривает целенаправленные меры воздействия государства на занятость населения путем развития эффективной системы рабочих мест и повышения качества труда. Второй – разработка комплекса мер по минимизации социально-экономических издержек действия рыночного механизма в сфере труда – повышение конкурентоспособности безработных граждан и их социальная защита [3, с. 3].

Разработка государственной политики занятости предполагает, что субъект этой политики – государство – создает концепцию регулирования национального рынка труда, на базе, которой составляется конкретная программа содействия занятости, финансируемая из фонда занятости населения, а при недостатке – из бюджета. В условиях ограниченности средств на реализацию программы предпочтение должно быть отдано более эффективным формам и методам регулирования занятости. В целом государственная политика занятости является выражением конституционных прав граждан социального государства на свободное

использование своих способностей для предпринимательской и иной экономической деятельности, включая свободное распоряжение своими способностями к труду и выбор видов деятельности [1, с. 171].

Экономические, правовые и организационные основы регулирования занятости населения определены в Законе Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь», где юридически закреплены следующие принципы политики занятости:

- 1) обеспечение равных возможностей всем трудоспособным гражданам в реализации права на труд;
- 2) предоставление социальных гарантий и компенсаций безработным;
- 3) поддержка трудовой и предпринимательской инициативы граждан, содействие в развитии их способностей к производительному и творческому труду;
- 4) обеспечение мер, направленных на предотвращение массовой безработицы;
- 5) принятие дополнительных мер, содействующих трудоустройству граждан с ограниченной трудоспособностью;
- 6) обеспечение социальной защиты граждан в сфере занятости населения;
- 7) координация деятельности в сфере занятости с другими направлениями социально-экономической политики;
- 8) международное сотрудничество в решении проблем занятости населения.

Стратегической целью политики занятости является обеспечение полной, продуктивной и свободно избранной занятости населения и создание условий для более полной реализации трудового потенциала общества в соответствии с профессиональными возможностями каждого человека.

На международном уровне вопросам организации государственной службы занятости посвящены, в частности, Конвенция Международной организации труда (далее – МОТ) № 88 «Об организации службы занятости» 1948 г. (далее – Конвенция), в соответствии с которой государство должно содержать или обеспечивать содержание бесплатной государственной службы занятости. Основной обязанностью службы занятости является обеспечение наилучшей возможности организации рынка занятости в качестве неотъемлемой части национальной программы достижения и поддержания полной занятости, развития и использования производительных сил (ст. 1 Конвенции).

Для реализации государственной политики в области содействия занятости населения и обеспечения гражданам соответствующих гарантий в Республике Беларусь создана государственная служба занятости населения.

В своей деятельности государственная служба занятости населения руководствуется Конституцией Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь», Положением о государственной службе занятости населения, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2008 г. № 221, иными актами законодательства.

В структуру государственной службы занятости населения Республики Беларусь входят:

- 1) Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь;
- 2) комитеты по труду, занятости и социальной защите областных, Минского городского исполнительных комитетов;
- 3) управления (отделы) по труду, занятости и социальной защите городских и районных исполнительных комитетов.

Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь проводит

государственную политику в области содействия занятости населения и осуществляет контроль за соблюдением законодательства о занятости населения, в том числе: а) возглавляет и организует работу государственной службы занятости населения; б) разрабатывает с участием заинтересованных республиканских органов государственного управления предложения об основных направлениях и о приоритетах государственной политики в области содействия занятости; в) осуществляет анализ занятости населения, разрабатывает прогнозную оценку состояния рынка труда; г) организует и координирует разработку и реализацию государственной программы содействия занятости населения; д) вносит предложения о совершенствовании порядка регистрации граждан безработными; е) координирует проведение оплачиваемых общественных работ; ж) организует профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации безработных и иных категорий граждан и освоение ими содержания образовательной программы обучающих курсов; з) содействует развитию предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности и самостоятельной занятости безработных и лиц, ищущих работу; и) обобщает и использует опыт работы комитетов, управлений (отделов) по труду, занятости и социальной защите по реализации государственной политики в области содействия занятости населения; к) обеспечивает в соответствии с предоставленными полномочиями международное сотрудничество по вопросам содействия занятости населения; л) координирует проектирование и обеспечивает создание единой информационной технологии и автоматизированной системы обработки информации государственной службы занятости населения; м) осуществляет сбор, хранение и обработку информации по вопросам регистрации безработных, учета граждан, обращающихся по вопросам трудоустройства, содействия занятости населения, а также в установленном порядке обмен имеющейся информацией и ее распространение, выпуск справочной и другой печатной продукции; н) координирует проведение научно-исследовательских работ, социологических исследований по проблемам содействия занятости населения; о) обменивается с государственными органами сведениями, необходимыми для выполнения задач, входящих в их компетенцию; п) разрабатывает и устанавливает формы документов, необходимых для регистрации граждан в органах по труду, занятости и социальной защите, оказания им содействия в трудоустройстве и для комплектования кадрами нанимателей, утверждает инструкции по их заполнению [2, с. 27].

Комитеты в пределах своей компетенции: а) организуют и координируют работу в области содействия занятости населения, анализируют и обобщают результаты этой работы, реализуют государственную политику и программы содействия занятости населения на территории области (г. Минска); б) разрабатывают с участием других структурных подразделений местных исполнительных и распорядительных органов, нанимателей, общественных объединений предложения об основных направлениях и о приоритетах государственной политики в области содействия занятости населения; в) осуществляют анализ занятости населения, разрабатывают прогнозные оценки состояния рынка труда; г) обеспечивают реализацию мероприятий государственной программы содействия занятости населения и контроль за их реализацией на территории области (г. Минска); д) организуют работу по регистрации граждан безработными и по учету граждан, обратившихся по вопросам трудоустройства, содействию им в подборе подходящей работы, оказанию профориентационных услуг, направлению безработных на

профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации безработных и иных категорий граждан и освоение ими содержания образовательной программы обучающих курсов, содействию нанимателям в обеспечении их работниками; е) участвуют в разработке мероприятий об оказании поддержки гражданам, нуждающимся в социальной защите и испытывающим трудности в поиске работы, о сокращении безработицы; ж) участвуют в разработке мероприятий по социальной защите работников, высвобождаемых при проведении процедур экономической несостоятельности (банкротства), осуществляют меры по сохранению действующих и созданию новых рабочих мест; з) принимают меры по переселению безработных и членов их семей на новое место жительства и работы; и) содействуют развитию предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности безработных и граждан, обращающихся по вопросам трудоустройства; к) участвуют в разработке комплексных и других целевых программ в области государственной молодежной политики, анализируют состояние дел по проблемам занятости молодежи; л) принимают меры по обеспечению временной трудовой занятости обучающихся в учреждениях общего среднего, специального, профессионально-технического, среднего специального, высшего образования в свободное от учебы время и во время летних каникул; м) участвуют в регулировании вопросов привлечения и использования иностранной рабочей силы; н) подготавливают заключения о возможности приема на работу в Республике Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства; о) принимают меры по трудоустройству родителей, которые обязаны возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении; п) обеспечивают повышение квалификации работников комитетов и управлений (отделов) по труду, занятости и социальной защите; р) рассматривают и принимают решения по предложениям, заявлениям и жалобам граждан и нанимателей; с) участвуют в работе по внедрению единой информационной технологии и автоматизированной системы обработки информации государственной службы занятости населения; т) осуществляют сбор, хранение и обработку информации, а также в установленном порядке обмен имеющейся информацией и ее распространение, организуют информационное и методическое обеспечение деятельности управлений (отделов) по труду, занятости и социальной защите; у) организуют и осуществляют надзор за выполнением управлениями (отделами) по труду, занятости и социальной защите, нанимателями, безработными законодательства о занятости населения; ф) обмениваются с государственными органами сведениями, необходимыми для выполнения задач, входящих в их компетенцию.

Комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управления (отделы) по труду, занятости и социальной защите городских и районных исполнительных комитетов в пределах своей компетенции:

1) разрабатывают с участием нанимателей, общественных объединений предложения о направлениях и приоритетах государственной политики в области содействия занятости населения;

2) осуществляют анализ занятости населения, разрабатывают прогнозные оценки состояния рынка труда, участвуют в проведении социологических опросов по проблемам рынка труда, обмениваются с государственными органами сведениями, необходимыми для выполнения задач, входящих в их компетенцию;

3) организуют и координируют реализацию государственной программы содействия занятости населения на территории соответствующих административно-территориальных единиц;

4) информируют население и нанимателей о состоянии рынка труда административно-территориальных единиц, о наличии у нанимателей свободных рабочих мест (вакансий), о возможностях профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных и иных категорий граждан и освоения ими содержания образовательной программы обучающихся курсов, об изменениях в законодательстве о занятости населения;

5) осуществляют учет граждан, обращающихся по вопросам трудоустройства, регистрируют безработных, оказывают им содействие в поиске подходящей работы, а юридическим или физическим лицам, которым законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником, – в обеспечении их работниками. Проводят профессиональную ориентацию и консультирование населения, направляют безработных и иные категории граждан на профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и освоение содержания образовательной программы обучающихся курсов;

б) принимают решения:

- о назначении пособия по безработице либо об отказе в его назначении, об уменьшении размера, о приостановке выплаты пособия по безработице;

- о назначении стипендии, об уменьшении размера либо о ее лишении;

- о выплате материальной помощи безработному и членам его семьи, а также гражданам в период профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации и освоения содержания образовательной программы обучающихся курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите;

- о компенсации материальных затрат в связи с направлением на работу (обучение) в другую местность;

7) осуществляют выплату назначенных пособий по безработице и стипендий, материальной помощи и иных предусмотренных законодательством выплат;

8) содействуют обеспечению занятости граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда, которым государство предоставляет дополнительные гарантии в области содействия занятости;

9) трудоустраивают обязанных лиц, направленных по судебному постановлению в органы по труду, занятости и социальной защите для трудоустройства, в порядке, установленном законодательством;

10) подготавливают предложения об установлении нанимателям брони для приема на работу граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда, и иных граждан в порядке, установленном законодательством, а также задания по созданию рабочих мест, в том числе специализированных, для лиц с ограниченной трудоспособностью [4, с. 45];

11) содействуют развитию самостоятельной занятости безработных, оказывают организационное, методическое и финансовое содействие безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности;

12) осуществляют меры по сохранению существующих и созданию новых рабочих мест;

13) участвуют в организации оплачиваемых общественных работ, заключают с

нанимателями соответствующие договоры, направляют в установленном порядке на эти работы безработных и граждан, обращающихся по вопросам содействия в трудоустройстве;

14) организуют работу по переселению безработных и членов их семей в связи с переездом в другую местность на новое место жительства и работы;

15) содействуют организации временной занятости безработных в возрасте до 31 года для приобретения профессиональных знаний и навыков практической работы, трудовой реабилитации инвалидов из числа безработных, заключают с нанимателями соответствующие договоры;

16) компенсируют нанимателям затраты на профессиональное обучение работников, подлежащих увольнению в связи с ликвидацией организации, прекращением деятельности индивидуального предпринимателя, сокращением численности или штата работников, принятых на работу граждан, высвобожденных другими нанимателями или впервые ищущих работу, а также учреждениям уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовым профилакториям Министерства внутренних дел затраты на профессиональную подготовку лиц, не имеющих профессии, привлекаемых к труду в период их пребывания в этих учреждениях и профилакториях;

17) осуществляют взыскание с нанимателей затрат на профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации безработных и освоение ими содержания образовательной программы обучающихся курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите из числа высвобожденных работников;

18) содействуют организации временной трудовой занятости обучающихся в учреждениях общего среднего, специального, профессионально-технического, среднего специального, высшего образования в свободное от учебы время и во время летних каникул [68, с. 46].

Министерство труда и соцзащиты, комитетам и управлениям (отделам) по труду, занятости и социальной защите предоставляется право: а) осуществлять контроль (надзор) за соблюдением законодательства о занятости населения; б) запрашивать у республиканских органов государственного управления и иных организаций, местных исполнительных и распорядительных органов, а также должностных лиц информацию и материалы, необходимые для осуществления возложенных на государственную службу занятости населения задач; в) запрашивать и получать на безвозмездной основе из государственных информационных ресурсов и систем, обрабатывать, накапливать, хранить и использовать без письменного согласия физических лиц сведения, содержащие основные персональные данные физических лиц, предусмотренные в статье 8 Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. «О регистре населения», а также сведения о семейном положении, ребенке (детях) физического лица, датах лишения родительских прав, восстановления в родительских правах, роде занятий физического лица, необходимые для учета граждан, обращающихся в органы по труду, занятости и социальной защите по вопросам трудоустройства и оказания им содействия в трудоустройстве; г) проводить конференции, семинары и совещания по вопросам, входящим в их компетенцию.

Уполномоченные должностные лица Министерства труда и соцзащиты, комитетов, управлений (отделов) по труду, занятости и социальной защите, к компетенции которых отнесен контроль (надзор) за соблюдением законодательства о занятости населения, имеют право составлять акты (справки) проверок соблюдения законодательства о занятости населения и протоколы об административных

правонарушениях.

Стратегической целью государственной политики занятости является обеспечение полной, продуктивной и свободно избранной занятости населения и создание условий для более полной реализации трудового потенциала общества в соответствии с профессиональными возможностями каждого человека. Для реализации государственной политики в области занятости населения и обеспечения гражданам соответствующих гарантий в Республике Беларусь создана государственная служба занятости населения. Она является главным субъектом реализации государственной политики в сфере занятости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Курочкина, М.И. Понятие занятости в законодательстве Республики Беларусь / М.И. Курочкина // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 2. – С. 171–173.
2. Певень, А. Работа службы занятости: оценка эффективности / А. Певень // Человек и труд. – 2006. – № 10. – С. 27–28.
3. Томашевский К.Л. Определение трудового отношения: от доктринальных разработок к легальному закреплению в государствах – членах ЕАЭС // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 3–6.
4. Шайдорова, Е.Ю. Роль государственной службы занятости в регулировании рынка труда / Е.Ю. Шайдорова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 44–47.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

*Прудникова Т.А., магистр управления и права, исследователь в области юридических наук,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Могилевский филиал, г. Могилев, Республика Беларусь*

Служебный подлог в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) представлен как «внесение должностным или иным уполномоченным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы, либо подделка документов, либо составление и выдача заведомо ложных документов, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, при отсутствии признаков более тяжкого преступления» (ст. 427 УК).

В УК Республики Беларусь служебный подлог рассматривается среди преступлений против интересов службы. Данные преступления понимаются как «общественно опасные деяния, совершаемые должностными лицами с использованием своих служебных полномочий вопреки интересам службы» [5, с. 14–15].

Родовым объектом рассматриваемых преступлений являются интересы службы, что следует из названия главы 35 УК. Шире – это общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления (независимо от формы собственности и публично-правовых или частноправовых по содержанию функций).

Исследованию объекта преступления в уголовном праве посвящено немало научных трудов, которые предлагают различные подходы к его определению. Исходя из наиболее распространенного определения, объект преступления – представляет собой явление объективной реальности, которое взято под охрану уголовным законом и которое страдает от преступного посягательства, терпит от него вред. Значение объекта преступления состоит в том, что в структуре преступления он определяет направленность общественной опасности деяния, его тяжесть, характер причиняемых им последствий.

Не затрагивая содержания и сущности общего объекта преступлений, необходимо отметить, что теория уголовного права дает несколько подходов к его определению:

- общий объект преступления является совокупностью всех охраняемых уголовным законом общественных отношений;

- концепция определения общего объекта преступления как правового блага, жизненного интереса;

- объект преступления определяется исходя из самой нормы права (нормативистская теория, основанная на формальном определении преступления), то есть то, на что направлено посягательство преступного деяния и будет являться объектом преступления. Исходя из этого общим объектом преступления будет являться совокупность защищаемых уголовным законом прав, интересов, отношений. По данному поводу, Н. С. Таганцев писал, что «...только норма, имеющая реальную жизнь, может быть нарушаема» [8, с. 46].

В отечественной доктрине уголовного права «под объектом преступления признаются общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, путем изменения которых причиняется социальный вред. Под общественными отношениями обычно понимаются отношения между людьми в процессе их совместной деятельности или общения, находящиеся под охраной правовых или моральных норм». Указанная концепция во многих случаях действительно вполне справедлива, однако не универсальна. Профессор Н. И. Коржанский подчеркивал, что «общественные отношения не могут существовать без социальных норм, которые их регулируют... Общественные отношения – это фактическое существующее поведение, а социальные нормы – это требования к будущему поведению» [1, с. 56].

С позиции уголовного права «общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением законного порядка деятельности государственной и иных служб по подготовке и обращению юридически значимой документации, признаются непосредственным объектом состава служебного подлога» [6, с. 169].

Абстрактный характер уголовно-правового понимания объекта преступного посягательства не имеет существенной значимости с практической точки зрения. В процессе расследования служебного подлога установить нарушение «общественных отношений» представляется возможным на основе конкретных следов, сформированных на материальном объекте.

Объект посягательства, как элемент преступной структуры, с позиции криминалистики всегда должен рассматриваться как материальная система, на которую направлено преступное деяние. Нередко он рассматривается в качестве многоступенчатого образования.

Для определения объекта преступного посягательства при совершении служебного подлога необходимо определить организационную структуру, в рамках которой возникло и получило свое развитие данное деяние. Действиями виновного

этой структуре причиняется вред, который может иметь различное проявление.

Объектом преступного посягательства при совершении служебного подлога выступает определенная организация (предприятие, учреждение), в ряде случаев им может быть государственный орган. Объект преступления может охватывать несколько предприятий и (или) учреждений, которые взаимосвязаны между собой в рамках производственной деятельности.

Объект преступного посягательства является достаточно сложным элементом материальной структуры служебного подлога и это обусловлено механизмом сбора следов, оставленных субъектом преступления не только в пределах организации, в которой проходит его служба, но и за ее пределами. Не менее значима вариативность преступных действий субъекта при совершении служебного подлога. В связи с этим изучение организации (предприятия, учреждения), в которой совершено преступление, целесообразно начинать с наиболее общих сведений: вид организации, ее структура (наличие филиалов), взаимосвязи, производственные характеристики. Кроме того, следует выделить и изучить подструктуры объекта.

Предметом рассматриваемого преступления являются лишь официальные документы, понятие чему на законодательном уровне не сформулировано, четкие критерии отнесения к названной категории либо примерный список не разработаны. Вместе с тем, через противоправное воздействие на документ совершается посягательство и на непосредственный объект (общественные отношения в сфере их оборота). В этом смысле официальный документ выступает как вещественный носитель и выразитель отношений, охраняемых законом.

Относительно понятия «официальный документ» у ученых нет единого мнения. УК Республики Беларусь не раскрывает содержания данного понятия. В иных законодательных актах определение понятия «официальный документ» хотя и имеет место, но носит общий характер, не позволяющий в должной мере разграничить официальные и неофициальные документы.

Статья 193 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) указывает: «Официальные документы выдают государственные органы в пределах их компетенции с соблюдением установленных правил».

Однако на основе данного определения нельзя в полной мере раскрыть понятие предмета преступлений в тех составах, где таковым является официальный документ. Само слово «документ» происходит от латинского слова «documentum», что означает «свидетельство, доказательство» [7, с. 177].

Таким образом, современное понимание документа с точки зрения его содержания сводится к тому, что это деловая бумага, служащая доказательством чего-либо, подтверждающая право на что-нибудь; акт, письменное свидетельство.

Определение «официальный» (от лат. «officialis», т. е. «правительственный или должностной; с соблюдением всех правил, формальностей») подразумевает, что документ должен быть издан правомочным на то субъектом и содержать определенные реквизиты.

Документ является объектом исследования различных научных дисциплин, которые рассматривают его в характерном для них аспекте. Например, в юридической науке документ выступает как средство отражения общественных отношений, регулируемых нормами права.

Для документов характерно многообразие видов, классифицируемых по различным основаниям. В зависимости от способа закрепления информации различают письменные, электронные, фото-, фоно-, кино-, видео- и универсальные

документы. Некоторые авторы к документам относят только письменные источники информации. Например, А. С. Шаталов и А. З. Ваксян утверждают, что «под документами принято понимать блок письменных актов, являющихся источником самых различных сведений» [10, с. 34].

Информация может быть представлена в электронном виде, пригодном для восприятия человеком с использованием компьютерной техники, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Документированная таким образом информация рассматривается как электронный документ «с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи с использованием при проверке электронной цифровой подписи открытых ключей организации или физического лица (лиц), подписавших этот электронный документ» [3, с. 52].

С юридической точки зрения «официальным документом» признаются документы, имеющие юридическое значение, т. е. ими устанавливаются, изменяются или прекращаются правовые отношения. Официальный документ исходит от органов государственной власти или управления. В равной мере таковыми являются документы органов управления предприятий, учреждений или организаций независимо от формы собственности. В служебной практике современного периода официальные документы имеют письменную или электронную форму. Следовательно, официальный документ – это письменный или электронный акт, который «предоставляет, изменяет или отменяет права или обязанности либо свидетельствует об обстоятельствах, имеющих юридическое значение» [3, с. 53].

Таким образом, официальный статус документа не следует связывать с источником (субъектом) его составления или выдачи. По этому пути идет и правоприменительная практика: составленные физическими лицами заявления о совершении преступления, о явке с повинной, о добровольной сдаче незаконно хранимого огнестрельного оружия или о даче взятки должностному лицу должны признаваться официальными документами.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424-428 УК)» сказано, что предметом преступления, предусмотренного ст. 427 УК, признается также надлежаще составленный и содержащий необходимые реквизиты электронный документ.

В юридической науке для обозначения электронного документа используются также слова компьютерный, машинный. Существуют также различные подходы к определению электронного (компьютерного, машинного) документа.

Так, А. В. Ткачев говорит о том, что «компьютерный (машинный) документ есть документ, создаваемый, хранимый и/или предоставляемый адресату с помощью компьютерной техники, а также документ, переданный современными электронными средствами передачи информации» [9, с. 4].

Согласно А. А. Косовцову, электронный документ понимается как «набор данных, записанных в компьютерочитаемом виде, для которых выполняется следующее условие: существует признанная участниками электронного документооборота или утвержденная компетентным органом процедура, позволяющая однозначно преобразовать эти данные в документ традиционного режима» [4, с. 53].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 года № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (далее – Закон об электронном документе) под электронным документом понимается документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи с использованием при проверке электронной цифровой подписи открытых ключей организации или физического лица (лиц), подписавших этот электронный документ.

Электронный документ должен соответствовать следующим требованиям:

1. Создаваться, обрабатываться, храниться, передаваться и приниматься с помощью технических, программных и программно-аппаратных средств;
2. Состоять из общей и особенной частей;
3. Быть представляемым в форме, доступной и понятной для восприятия человеком [2, с. 116].

Согласно ст. 22 Закона об электронном документе электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет одинаковую с ним юридическую силу.

Таким образом, под электронным документом понимается документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи с использованием при проверке электронной цифровой подписи открытых ключей организации или физического лица (лиц), подписавших этот электронный документ.

В целом, предметом служебного подлога являются официальные документы, т.е. документы, имеющие юридическое значение после утверждения, подписания соответствующим должностным или иным уполномоченным лицом государственного и общественного органа, предприятия, учреждения или организации.

Официальным является письменный документ, исходящий от учреждения, организации, предприятия, составленный надлежащим образом и содержащий все необходимые реквизиты, предназначенный для удостоверения фактов и событий, имеющих юридическое значение. Предметом подлога могут быть и частные документы, т.е. составленные частными лицами, но находящиеся в ведении государственных или общественных организаций (например, долговые обязательства).

Кроме того, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424-428 УК)» сказано, что предметом преступления, предусмотренного ст. 427 УК, признается также надлежаще составленный и содержащий необходимые реквизиты электронный документ.

В целях разграничения правового статуса документов и приведения противоречивой судебной практики к единообразию целесообразно ст. 427 УК дополнить примечанием, в которое необходимо включить общее понятие официального документа как предмета служебного подлога и понятие электронного документа как предмета служебного подлога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахметшин, Х. М. Современное уголовное законодательство КНР / Х. М. Ахметшин, А. А. Петухов, Н. И. Коржанский. – М. : ИД «Муравей», 2000. – 312 с.

2. Зверева, Е. А. Правовой режим информации в отношениях с участием субъектов предпринимательской деятельности / Е. В. Зверева. – М. : Гарант, 2008. – 249 с.
3. Кашевский, В. А. Официальный документ как предмет преступления, предусмотренного ст. 380 Уголовного кодекса Республики Беларусь / В. А. Кашевский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 2 (42). – С. 51–55.
4. Косовец, А. А. Правовое регулирование электронного документооборота / А. А. Косовец // Вестник Московского университета. – 1997. – № 4. – С. 46-60.
5. Лосев, В. В. Преступления против интересов службы: общая характеристика : учебно-методическое пособие / В. В. Лосев ; Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2009. – 73 с.
6. Прудникова, Т. А. Объект преступных посягательств в сфере авторских и смежных прав / Т. А. Прудникова // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук : материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, ЧУО «БИП–Институт правоведения, г. Минск, 19 апреля 2012 г. / БИП–Ин-т правовед. ; ред. кол. Сокол С.Ф. [и др.]. – Минск: БИП-С Плюс, 2012. – С. 153-155.
7. Словарь иностранных слов / под ред. А. Г. Спиркина. – М., 1990. – С. 177.
8. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Общая часть. Т. I. / Н. С. Таганцев ; Сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – М., 1994. – 380 с.
9. Ткачев, А.В. Правовой статус компьютерных документов: основные характеристики / А.В. Ткачев. – М.: Городец, 2000. – 95 с.
10. Шаталов, А. С. Фальсификация, подделка, подлог / А. С. Шаталов, А. З. Ваксян. – М. : Лига Разум, 1998. – 160 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*Рыжкова И.Д., к.ю.н.,
Липецкий филиал РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Липецк,
Российская Федерация*

Экстремизм — это опасное социальное явление, о котором в большей степени заговорили в девяностых годах XX века в связи с его многочисленными проявлениями в разных странах; это же увеличило интерес исследователей экстремизма, выступавших с позиций различных научных направлений.

Само слово «экстремизм» происходит от латинского «*extremus*», что означает «крайний, чрезмерный», и, таким образом, выражает приверженность носителя экстремистских идей крайним и радикальным взглядам, а также методам действий [1].

Из многочисленных форм экстремизма выделяют политический, националистический, религиозный, экономический, экологический [3, 400]. Однако не всякие крайние действия и методы являются наказуемыми. Нечто подобное, несмотря на негативную коннотацию понятий «крайний», «радикальный», вполне может присутствовать в общественной жизни, и хотя и воспринимается как чрезмерное или крайнее, но с экстремизмом не ассоциируется. Ярким примером являются реформы Е. Гайдара в России девяностых годов, до настоящего времени

именуемые в народе «шоковой терапией». Более того, именно так называют и экономическую теорию, базирующуюся на комплексе радикальных экономических реформ с благими, по своей сути, намерениями, направленными на оздоровление экономики [2]. Так, одной из реформ явилась моментальная либерализация цен, приведшая к катастрофическому обнищанию населения и росту преступности. Однако такие радикальные методы не являются противоправными и не криминализируются государством.

Приведенный выше пример показывает, насколько сложным является содержание уголовно-наказуемого экстремизма. Не вызывает сомнений, что радикальные проявления своих взглядов касательно различных сфер общественной жизни (религии, политики и пр.) весьма опасны и влекут за собой насилие, убийства, террористические акты и т.д., вызванные непримиримостью с противоположными мнениями и устоями.

Государство, выполняя свои прямые обязанности, создает механизмы по защите личности, общества и государства от преступных посягательств, т.е. проводит уголовную политику в данной сфере. Поставленные цели и задачи, разработанные средства и методы борьбы с преступностью составляют содержание уголовной политики и выражаются в нормативных правовых актах. В первую очередь, речь идет об уголовных законах. Обратимся к уголовным кодексам Российской Федерации и Республики Беларусь.

Следует отметить, что в обоих уголовных законах сохранен общий концептуальный подход разделения на две части — Общую и Особенную. Отмечается схожесть содержания уголовно-правовых институтов, качественного содержания объектов уголовно-правовой охраны. Вместе с тем, законодатели различным образом расставляют приоритеты в охраняемых объектах. Так, российский законодатель ставит на первое место права и свободы человека и гражданина (ст. 2 УК РФ), в то время как белорусский уголовный закон первоочередной задачей видит охрану мира и безопасности человечества (ст. 2 УК РБ). Этот же подход сохранен при формировании Особенных частей уголовных кодексов.

В обоих государствах действуют законы, направленные на противодействие экстремистской деятельности. В РФ — Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в Республике Беларусь — Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». И в российском, и в белорусском законах дается определение экстремистской деятельности, указывается, что следует считать экстремизмом. Понимание экстремизма является достаточно широким и выходит за рамки тех преступлений, которые в уголовных кодексах непосредственно обозначены как экстремистские. В данной статье остановимся именно на этих преступлениях.

В УК Республики Беларусь преступления экстремистского характера включены в раздел XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления», главу 32 «Преступления против государства». УК Российской Федерации предусмотрел ответственность за экстремизм в X разделе «Преступления против государственной власти», в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Родовым объектом по УК РБ является безопасность государства и государственной власти; видовой объект концентрируется на безопасности государства. По УК РФ родовым объектом посягательства является государственная

власть, видовым — конституционный строй и безопасность государства. Отметим, что позиция белорусского законодателя представляется более логичной, поскольку власть по отношению к государству — вторична.

Перечень экстремистских преступлений в УК РФ открывает статья 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», вторая часть которой усиливает ответственность при использовании СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей.

Четыре статьи, введенные в кодекс после ст. 280 под номерами 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, уже не содержат «экстремистской терминологии», но имеют общие элементы в объективной стороне, выражающиеся в публичных призывах и публичных действиях. Объекты посягательств разнятся от территориальной целостности (ст. 280.1, 280.2) и безопасности государства в целом (ст. 280.4) до Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3).

Само понимание экстремизма действительно является очень сложным. Многие деяния, запрещенные уголовным законом, можно рассматривать, как проявления экстремизма. Сюда же можно отнести и диверсию, и захват заложника, и террористический акт, и многие другие преступления.

Для обозначения экстремистских преступлений законодатель во всех случаях использует в кодексах прилагательное «экстремистский». Соответственно, вторым «экстремистским» составом следует считать преступление, предусмотренное ст. ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества». Нельзя не отметить проблемы в конструировании диспозиции данной статьи. Так, экстремистским сообществом названа организованная группа лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. Уголовно наказуемым по ч.1 указанной статьи является:

- создание такого сообщества,
- руководство сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями,
- создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Здесь возникает уместный вопрос: какие преступления являются преступлениями экстремистской направленности? Примечание к статье дает пояснения: это преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой ст. 63 УК РФ. Статья 63 УК посвящена не преступлениям, но обстоятельствам, отягчающим наказание. Указанный пункт «е» повторяет те же мотивы, что в описываемом примечании. Логика законодателя не вполне понятна.

На первом месте в примечании, в приоритете у законодателя стоят политические мотивы. И снова возникает вопрос: создание политической организации со структурными подразделениями будет являться экстремистским преступлением или нет? Ведь законодатель старается максимально опередить действия политиков. Прочитываем еще раз: «в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности». Т.е. имеется политическая организация, но никакое преступление ею еще не совершено, более

того, нет даже самого плана будущего экстремистского преступления, он не разработан. Т.е. не начата даже стадия приготовления к будущему преступлению, но преступление, предусмотренное ч.1 ст. 282.1 УК РФ уже окончено. Можно ли данный состав назвать усеченным? По замыслу законодателя — да, а фактически — нет, ведь мы приходим просто к созданию политической организации без еще каких-либо планов совершения преступлений.

Так на основании чего законодатель допускает возможность признать организацию экстремистской? Или, по его мнению, возможно «приготовление к приговору преступлению»?

Показательна в данном контексте и вторая часть рассматриваемой статьи, устанавливающая уголовную ответственность за участие в экстремистском сообществе. При наличии реальных проблем в диспозиции части первой, велика вероятность лица стать политическим преступником с точки зрения закона. Но является ли такой закон правовым?

Полагаем, что имеет место политизация российского уголовного закона. Это явление мы не можем считать позитивным. По мнению Е.Н. Ярковой, «политика может стимулировать развитие юридической науки, но в известных пределах. Политизация юридической науки, ее поглощение политикой, как свидетельствует исторический опыт, ведет к ее деградации» [4,15].

Российский законодатель проводит разграничение между экстремистским сообществом и экстремистской организацией. Под последней понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими (ст. 282.2 УК РФ).

Это же разграничение сохраняется и при установлении ответственности за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ). Диспозиция статьи охватывает финансирование для обеспечения деятельности, как экстремистского сообщества, так и экстремистской организации. Составы, предусмотренные ст. 282.1 и 282.2 УК РФ изначально воспринимаются как смежные. Разъяснения правоприменителю дает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В нем, в частности, указывается, что «лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 282.2 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации экстремистской и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда». Таким образом, основным критерием разграничения является официальное признание и опубликования сведений о признании организации экстремистской. В то же время «для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности».

Под уголовно-правовой запрет попадает также публичное демонстрирование символики экстремистских организаций (ст. 282.4 УК РФ).

Обратимся к Уголовному кодексу Республики Беларусь.

Успешной находкой белорусского законодателя является термин

«формирование», которое, по сути, объединяет и экстремистское сообщество, и экстремистскую организацию, обозначенные в российском УК. Ответственность установлена за создание, руководство и участие в таком формировании (ст. 361.1 УК РФ).

Важным является и примечание к статье, определяющее преступление экстремистской направленности. Примечание носит бланкетный характер, а также называет иные преступления, совершенные «по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды либо по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы». Примечательно, что законодатель РФ не ставит мотив политической вражды на первые позиции.

Как и в РФ, в Республике Беларусь установлена ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 361.2 УК РБ), а также криминализован специальный вид пособничества в виде содействия экстремистской деятельности (ст. 361.4 УК РБ), объективную сторону которого характеризуют вербовка, иное вовлечение в экстремистскую деятельность, обучение, а равно иное содействие указанной деятельности. В УК РФ вербовка и вовлечение обозначены в качестве квалифицирующих признаков преступлений экстремистской направленности. Также УК РБ характеризует специальный состав — прохождение обучения или иной подготовки, заведомо для обучающегося имеющих целью его последующее участие в экстремистской деятельности (ст. 361.5 УК РБ). Выявление потенциальных экстремистов на этапах обучения и подготовки имеет важное превентивное значение для безопасности общества и государства.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: и Российская Федерация, и Республика Беларусь осуществляют противодействие экстремизму с целью защиты общества и государства. В обоих государствах приняты и действуют законы о противодействии экстремистской деятельности. Понимание экстремизма и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь достаточно широкое и охватывает многие виды преступной деятельности, включая террористическую деятельность. В Уголовные кодексы обоих государств включены запреты совершения преступлений экстремистской направленности. В настоящей статье рассмотрены лишь преступления, непосредственно обозначенные законодателем как экстремистские.

С точки зрения юридической техники позиция белорусского законодателя представляется наиболее логичной, поскольку: отсутствует политизация уголовного закона, введен общий термин «экстремистское формирование», позволяющий избегать различных толкований, осуществлена криминализация пособничества в виде содействия экстремистской деятельности, предусмотрен специальный состав о подготовке и обучении потенциальных экстремистов, что должно способствовать раннему выявлению и пресечению преступлений экстремистской направленности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Википедия : Экстремизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Экстремизм. – Дата доступа : 09.03.2024.
2. Википедия : Шоковая терапия (экономика) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ru.wikipedia.org/wiki/Шоковая_терапия_\(экономика\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Шоковая_терапия_(экономика)). – Дата доступа: 09.03.2024.
3. Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. – 431 с.
4. Яркова, Е.Н. История и методология юридической науки / Е.Н. Яркова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 358 с.

ОТ ЕДИНОГО КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К ОБЩЕМУ СУДЕБНОМУ КОДЕКСУ

*Салей Н. Н., старший преподаватель,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

31 января 2024 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь принят во втором чтении проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС Республики Беларусь) [4]. КГС Республики Беларусь призван унифицировать и заменить Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь и Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь. Срок вступления в силу КГС Республики Беларусь – 1 января 2026 г.

Вместе с тем назрела необходимость унификации не только гражданского и хозяйственного судопроизводства, но и уголовного процесса. Следующим этапом правовой реформы с нашей точки зрения должна стать разработка положений белорусского судопроизводства, общих для административного, уголовного и гражданского процессов.

Следует отметить, что концепция единого процессуального права, предложенная М. С. Строговичем, была популярна и широко обсуждаемая в научной доктрине еще в середине прошлого века. М. С. Строгович судебное право считал комплексной отраслью, «основными компонентами которой являются судоустройство, уголовное судопроизводство и гражданское судопроизводство, не теряющие в составе судебного права своего положения самостоятельных отраслей права со свойственными им специфическими чертами, но связанные друг с другом их непосредственным отношением к правосудию» [5, 59].

Согласно ч. 2 ст. 6 (Задачи судов Республики Беларусь) Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей «суды общей юрисдикции призваны защищать гарантированные Конституцией Республики Беларусь и иными актами законодательства личные права и свободы, социально-экономические и политические права граждан, конституционный строй Республики Беларусь, государственные и общественные интересы, права организаций, индивидуальных предпринимателей, а также обеспечивать правильное применение законодательства при осуществлении правосудия, способствовать укреплению законности и предупреждению правонарушений».

Таким образом, задачи всех судов общей юрисдикции едины, но при этом они достигаются различными средствами и способами, зависящими от форм судопроизводства. Однако судебная защита прав и свобод граждан не принадлежит к какой-то отдельной отрасли права, а по своей сути является межотраслевым институтом. Из этого следует, что подходы в правовом регулировании средств и способов защиты прав и свобод граждан, конституционного строя Республики Беларусь, государственных и общественных интересов, прав организаций и т. д. должны быть едины.

В уголовном, гражданском, да и в административном, процессах имеются институты, которые урегулированы тождественно или почти тождественно. Это касается общих положений, многих принципов судопроизводства, некоторых норм о доказательствах и доказывании, гражданского иска, судебных расходов и др. Русский

юрист-процессуалист Е. А. Нефедьев в свое время говорил, что «всякий процесс как уголовный, так и гражданский, имеет целью разрешение вопроса о том, было ли совершено нарушение норм объективного права в том случае, который передан на рассмотрение суда. Другими словами, суд разрешает, в каждом отдельном случае, – была ли совершена неправда» [2, с 33]. В этих словах выражена главная функция судов в любом судопроизводстве (гражданском, уголовном, административном, хозяйственном) – осуществление правосудия.

Д. А. Фурсов, обосновывая идею единого судебного права писал, что «базовая модель искового производства настолько универсальна, что позволяет рассматривать как общегражданские дела, так и экономические споры, как дела об административных правонарушениях, так и – в своих потенциальных возможностях – уголовные дела» [7, с. 215].

В ныне действующих процессуальных кодексах национального права наблюдается дублирование многих норм и институтов, например, таких как апелляционное, кассационное, надзорное производства, производство по вновь открывшимся обстоятельствам, исполнение судебных постановлений и др. Кроме того, во всех процессах наблюдается единство стадий, схожесть видов судопроизводств.

Аргументом в пользу создания единого процессуального кодекса является и большое количество:

а) общих конституционных принципов судопроизводств (законности, осуществления правосудия только судом, равенства граждан перед законом и судом, коллегиальности, гласности, состязательности, независимости судей и подчинения их только закону, государственного языка судопроизводства, права пользования юридической помощью и др.);

б) межотраслевых процессуальных институтов (подведомственность, представительство, доказательственное право, судебные расходы, процессуальные сроки, отводы и др.).

Так, основным недостатком процессуального законодательства является дублирование одинаковых норм в различных судопроизводственных кодексах.

Кроме того, обоснованием указанной позиции служит наличие процессуальных особенностей рассмотрения многих категории дел во всех процессах: дела ускоренного, особого, приказного производства и др. Этот аспект можно использовать при создании единого процессуального кодекса, т. е. особенности рассмотрения уголовных и иных категорий дел, основанных на чисто отраслевых институтах, излагать в отдельных разделах или главах.

Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О концепции правовой политики Республики Беларусь» в целях дальнейшего развития правовой системы с учетом обновленной Конституции Республики Беларусь, а также современных вызовов и задач, стоящих перед государством и обществом, утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь от 28 июня 2023 г., № 196 (далее – Концепция). В частности, в п. 44.1. Концепции сказано о необходимости в сферах законодательства о судостроительстве, судопроизводстве, адвокатуре, нотариате и медиации обеспечивать независимость, доступность, эффективность правосудия. Верховный суд Республики Беларусь также постоянно указывает нижестоящим судам на обеспечение доступности правосудия для граждан [1].

Доступность правосудия – это обеспеченная государством возможность свободного и полного осуществления гражданами права на эффективную судебную

защиту компетентным, независимым и беспристрастным судом в установленные законом сроки [6, с. 4].

Таким образом, доступность правосудия тесно связана с эффективностью правосудия и судебной защиты, со свободой осуществления гражданами своих прав.

Заместитель Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь В. В. Мицкевич подчеркнул: «Эффективность правосудия оценивается многими факторами, основой его содержания является не только законное, но и оперативное разрешение споров» [3].

Полагаем, что с течением времени в силу научно-технического прогресса изменились возможности вызова участников процесса в судебное заседание, усовершенствовались способы собирания и проверки доказательств и многое другое, а сроки в процессуальных кодексах изменились только по производствам отдельных категорий дел, что не свидетельствует об оперативном разрешении споров.

Думается, решить вопрос о сроках разбирательств дел в судах возможно лишь в корне изменив подход к судебному процессу, который заключается в достижении его унификации. Основной причиной любой предпринимаемой кодификации является необходимость устранения противоречивости и дублирования правовых норм в разных нормативных правовых актах. Такая причина имеет место в некоторых областях гражданского, административного и уголовного процессуального законодательства.

Из этого следует, что объединение действующих процессов Республики Беларусь должно представлять собой не просто инкорпорацию существующих процессуальных регламентов, а именно кодификацию процессуального законодательства. Полагаем, что при этом наработанный научный потенциал и правоприменительная практика четырех национальных процессов откроет возможности их взаимного обогащения.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Общность правовой природы споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции Республики Беларусь, обуславливает и необходимость единства подходов к организации системы процессуальных правил деятельности судов, рассматривающих такие дела. К настоящему времени назрела необходимость кодификации процессуальных положений национального законодательства, поскольку единство цели и задач судебной защиты прав и свобод личности диктует единство средств и способов этой защиты и единство формы судопроизводства.

Полагаем, что создание единого процессуального кодекса – Судебного кодекса Республики Беларусь – позволит достигнуть в вопросах судопроизводства главного – упрощения реализации конституционного права граждан Беларуси на доступ к правосудию, а также свести к минимуму появление пробелов и коллизий при рассмотрении гражданских, экономических, уголовных и административных дел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Калинкович: Верховный Суд последовательно нацеливает нижестоящие суды на обеспечение доступности правосудия для граждан, правильное и своевременное рассмотрение дел, их законное и справедливое разрешение, обеспечение высокого уровня организации и культуры судебной работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://court.gov.by/ru/justice/press_office/b9d88e10491241e0.html. – Дата доступа : 02.03.2024.

2. Нефедьев, Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства : в 3 т. / Е. А. Нефедьев. – М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1904–1906. – Т. 3. – 403 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/872334>. – Дата доступа : 02.03.2024.

3. Применение принципа процессуальной экономии обсудили сегодня в Минске участники круглого стола [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/february/45885/>. – Дата доступа : 02.03.2024.

4. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://house.gov.by/ru/zakony-ru/view/proekt-kodeksa-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-respubliki-belarus-1318/>. – Дата доступа : 02.03.2024.

5. Строгович, М. С. Судебное право: предмет, система, наука / М. С. Строгович // Правоведение. – 1984. – С. 58–65.

6. Филипчик, Р. И. Конституционное право граждан на судебную защиту в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Р. И. Филипчик. – Минск, 2008. – 23 с.

7. Фурсов, Д. А. Перспективы развития российского цивилистического процесса / Д. А. Фурсов // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 4. – С. 209–220.

СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ И СРЕДИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ

*Седельник Е.Д., секретарь судебного заседания,
Минский областной суд, г. Минск,
Республика Беларусь*

Прежде всего, отметим, что в европейских государствах еще более 25 лет назад, в целях охраны и защиты прав на неприкосновенность частной жизни в условиях автоматизированной обработки персональных данных граждан, был выделен особый институт правовой охраны личности – институт уголовно-правовой охраны персональных данных. Кроме того, более чем в 20 европейских государствах имеют место законы, посвященные защите персональных данных, а в ряде таких государств введены также независимые уполномоченные по защите персональных данных, и более того, в каждом из государств Европейского союза (далее - ЕС) еще с 1998 г. создана единая унифицированная система защиты персональных данных, в частности, в секторе телекоммуникаций [1**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Примечательно, что всего менее десятилетия назад вопрос информационной безопасности гражданина, общества и государства в нашей стране не стоял довольно остро, сам же факт хищения персональных данных не рассматривался законодателем в качестве серьезного общественно опасного деяния, в тоже время, уголовная ответственность за хищение персональных данных все же уже задолго была предусмотрена в странах Европейского союза, США, Канаде, Японии, Китае и многих других государствах.

Но нельзя не отметить, что, даже не смотря на то, что в Республике Беларусь до 2021 г. отсутствовал системный НПА, регулирующий использование и обработку персональных данных, до принятия Закона все же имел место модельный закон «О персональных данных» для стран — участниц СНГ [5]. То есть, данная проблема еще до 1999 г. была не нова для международного сообщества, в частности, международной организации, членом которой выступала и Беларусь.

Но даже с учетом вышеизложенного, Республикой Беларусь до сих пор не ратифицирована Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при

автоматизированной обработке персональных данных. Кроме того, как уже было упомянуто выше, неурегулированными до 2021 года на национальном уровне в нашей стране оставались вопросы ответственности за неправомерное разглашение персональных данных, хищение, а также использование их в преступных целях, поскольку в УК - единственном уголовном законе в Республике Беларусь - до вышеупомянутого года нельзя было встретить специальные составы, непосредственным уголовно-правовым объектом которых являлась бы защита персональных данных, а действующие на рассматриваемый период редакции статей УК, связанные с посягательством на персональные данные, не претерпевали каких-либо существенных изменений с 1999 года, а именно, с момента принятия уголовного закона.

Что еще касательно зарубежного сообщества, то в ЕС, к примеру, в целях эффективной охраны персональных данных принят консолидирующий документ под названием GDPR - Общий Регламент защиты персональных данных (далее - GDPR) [6, с.3]. Данный акт был подписан в апреле 2016 года, но возымел силу более чем через 2 года, лишь в мае 2018 г. Стоит, при этом, отметить, что GDPR применяется не только к странам-участницам ЕС, а также к любому юридическому лицу, в том числе иностранному, которое осуществляет обработку персональных данных, принадлежащих гражданам ЕС.

В то же время, исходя из анализа вышеназванного документа, к основным принципам GDPR можно отнести следующие:

1. Принцип законности, справедливости и прозрачности. Персональные данные должны быть получены законными и справедливыми средствами с согласия субъекта этих данных.

2. Ограничение цели. Цель сбора данных должна быть указана во время сбора, и данные не должны использоваться для других целей.

3. Минимизация данных. Нельзя собирать больше данных, чем требуется для достижения конкретной цели.

4. Точность. Персональная информация должна быть точной, полной и актуальной. Ошибки и неточности в персональных данных должны быть исправлены.

5. Ограничение хранения. Данные запрещено хранить дольше, чем нужно для выполнения целей обработки информации.

6. Целостность и конфиденциальность. Личные данные должны быть защищены гарантиями безопасности от потери, несанкционированного доступа, уничтожения и т.п.

7. Подотчетность. Компании, которые работают с данными, несут ответственность за соблюдение требований GDPR. За нарушение этих требований предусмотрены огромные штрафы [6, с. 4].

Более того, европейскими странами в целях реализации GDPR принимаются национальные НПА по защите персональных данных. К примеру, соответствующие законы имеют место во Франции, Дании, Германии, Испании, Исландии. Вышеназванные акты основываются на перечисленных в GDPR началах и, по своей сущности, развивают и конкретизируют принципы GDPR.

Относительно Соединенных Штатов Америки (далее - США) упомянем, что их федеральным законодательством определяются лишь обязанности государственных органов страны в сфере охраны персональных данных. Нормы, распространяющие свое действие на юридических лиц, которые в процессе своей деятельности осуществляют обработку персональных данных, издаются на уровне штатов. К

примеру, штатом Калифорния в 2020 году был принят закон, которым были урегулированы правила сбора соответствующих данных и работы с ними. Согласно данному НПА, физическое лицо, использующее услуги подобных интернет-компаний, имеет право знать сведения о том:

- какую информацию о нем собирает интернет-компания;
- с какой целью компания собирает эти сведения;
- каким образом данные будут использованы [3].

Кроме того, физическим лицам предоставлено право потребовать уничтожения соответствующей информации, а также запретить ее передачу третьим лицам.

Нельзя не упомянуть и о том, что в последствие терактов от 11 сентября 2001 г. в США на законодательном уровне был официально разрешен сбор данных об американцах на государственном уровне в целях обеспечения национальной безопасности.

Что касается Китайской Народной Республики, то в самобытном Китае с 2021 года действует довольно интересный для целей нашей работы закон, который обязывает интернет-провайдеров получать согласие их пользователей на сбор персональных данных им принадлежащих [2]. Таким образом, мы можем сравнить законодательство Китая с законодательством стран ЕС в рассматриваемой сфере и, следовательно, сделать вывод о том, что анализируемые нами подходы в соответствующих государствах во многом схожи и законодатель Китая в большинстве своем в вопросах охраны персональных данных ориентируется на европейский опыт и положения GDPR.

Примечательно, что в Японии закон направленный на защиту персональных данных действует с 2005 года. Данный акт основан, в частности, на целях обеспечения права японцев на неприкосновенность частной жизни. Таким образом, на каждом японском интернет-сайте, работающем с персональными данными физических лиц, должна быть размещена Политика по защите персональной информации [4]. В последней должны быть указаны меры, принимаемые сайтами в целях защиты персональных данных их пользователей.

В нашей стране-соседке Российской Федерации (далее - РФ) еще с 2006 года имеет место Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, которым установлена обязанность для юридических лиц по принятию мер, направленных на защиту соответствующих данных физических лиц. С учетом положений данного закона подобные меры должны являться достаточными, чтобы не повлечь как случайный, так и неправомерный доступ к персональным данным, их изменение, распространение или уничтожение, а также другие неправомерные действия. Следовательно, по нашему мнению, данные меры можно разделить на следующие группы:

- правовые меры, под которыми понимается создание комплекта документов, которые являются необходимыми для защиты персональных данных;
- технические и организационные меры, под которыми имеются в виду действия, с помощью совершения которых, осуществляется обеспечение безопасности. К примеру, обучение сотрудников, установление шифрования;

Кроме того, следует заметить, что Российское законодательство содержит в себе ряд специальных требований, касающихся защиты персональных данных для отдельных категорий юридических лиц. В соответствии с чем, в РФ имеет место специализированный Перечень мер для государственных органов. Организации, подпадающие под действие GDPR, должны соблюдать его требования. Это, к

примеру, юридические лица, продающие свои товары гражданам ЕС.

За нарушение законодательства по защите персональных данных граждан в государстве предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Так, за нарушение правил обработки персональных данных наступает административная ответственность. В качестве санкции выступает штраф, размер которого для юридических лиц начинается от 30 тысяч руб. и вплоть до 18 миллионов руб. в зависимости от совершенного правонарушения.

Виновники незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, несут уголовную ответственность, размер которой устанавливается от штрафа до 200 тысяч руб. вплоть до лишения свободы сроком до 2 лет.

Таким образом, обобщив вышеизложенное, мы можем сделать следующий вывод о том, что зарубежный опыт уголовно-правовой охраны в частности развитых стран, где криминализация тех либо иных деяний, а также уголовная ответственность за их совершение, установлена на законодательном уровне, свидетельствует о том, что введение уголовной ответственности за непосредственное нарушение законодательства о персональных данных выступает в качестве неотъемлемого элемента предупреждения совершения преступлений в подобной сфере, а также способствует эффективному исполнению законодательства о персональных данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андрей Гаев назвал основные направления работы на год по защите персональных данных [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/january/72983> /. - Дата доступа: 01.03.2024.

2. Закон о защите персональных данных вступил в силу в Китае [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/800790> /. - Дата доступа: 06.03.2024.

3. Защита персональных данных в США [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/zaschita-personalnykh-dannykh/realizaciya-zashchity-personalnyh-dannyh/mezhdunarodnaya-sistema-zashchity-personalnyh-dannyh/v-ssha> /. - Дата доступа: 06.03.2024.

4. Конфиденциальность данных в Японии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://aws.amazon.com/ru/compliance/japan-data-privacy/> /. - Дата доступа: 06.03.2024.

5. О модельном законе «О персональных данных» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14-19 II // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2024.

6. Чурилов, А. Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации / А. Ю. Чурилов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-obschego-reglamenta-evropeyskogo-soyuza-o-zaschite-personalnyh-dannyh-gdpr-problemy-i-perspektivy-implementatsii> (дата обращения: 06.03.2024)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Сивопляс А.В., к.ю.н., доцент,

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени
В.Ф. Яковлева», г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Вопросы правового регулирования формирования и деятельности политических партий в Республике Беларусь (далее РБ) практически не рассматривается в современной отечественной юриспруденции. Большинство работ посвящено Конституции РБ, формированию парламента и выборам в Беларуси. Исключение составляют работы по противодействию коррупции [3; 10], но в них не раскрываются юридические аспекты функционирования партий.

В белорусской юридической науке указанные вопросы, естественно, получили должное освещение [3; 9]. Но следует учитывать, что в РБ в 2013-17 годах произошли важные изменения в правовом регулировании данной сферы жизни. В частности, были приняты серьезные изменения в закон РБ «О политических партиях» (далее закон о партиях) и в Избирательный кодекс РБ (далее ИК РБ), а также в Указ Президента РБ от 26 января 1999 г. «О некоторых мерах по упорядочению деятельности политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений».

При таких обстоятельствах исследование проблем функционирования партий в Белоруссии приобретает особую актуальность.

Международные нормы, в которых участвует РБ, закрепляют право человека на объединение в партии. Положения международных документов подробно регламентируют свободу ассоциаций в партии. Беларусь признает приоритет всемирно признанных принципов международного права и обеспечивает соответствие своего законодательства таким принципам.

Закрепленное в Конституции право на объединение в партии конкретизируется в законе РБ «О политических партиях», который закрепляет организационно-правовые основы учреждения, функционирования и ликвидации партий.

Под политической партией ст. 1 Закона понимает «добровольное общественное объединение, преследующее политические цели, содействующее выявлению и выражению политической воли граждан и участвующее в выборах». Г.А. Василевич подчеркивает, что законодатель исходит из принципа «национальной принадлежности партий» [3]. На территории Беларуси запрещается деятельность незарегистрированных партий, а также партий иностранных государств.

В качестве учредителей партии имеют право выступать только граждане РБ, обладающие избирательным правом. Партия может быть создана на учредительном съезде либо путем преобразования из общественного объединения. Для создания партии необходим, как минимум, 1000 учредителей от большинства областей Республики и города Минска (ст. 10 закона о партиях). Правда, некоторые ученые (например, В.В. Лапаева) оспаривают такого рода количественные критерии, считая их ограничением конституционного права на объединение [11].

Как отмечают в литературе, партия строится исключительно по территориальному принципу [7]. Партия должна иметь Минскую городскую и областные филиалы в большинстве областей РБ. Они должны быть созданы, максимум, в шестимесячный срок со дня регистрации партии в порядке, установленном законодательством и уставом.

Учредители созывают учредительный съезд, на котором принимают решение о создании партии, утверждают ее название и устав, принимают программу и избирают партийные органы [4].

Согласно ст. 11 Закона учредительными документами партии являются их уставы. Подробно регламентируется содержание устава.

Высшим органом партии является конференция, общее собрание или иное

собрание (ст. 12 закона). Этот орган: а) утверждает название и устав партии; б) избирает постоянно действующий руководящий орган и контрольно-ревизионный орган; в) принимает важнейшие решения о функционировании и прекращении деятельности; г) принимает программу партии, вносит в нее изменения и (или) дополнения. По закону руководящий орган должен состоять, как минимум, из трех членов. В период между заседаниями высшего органа он вправе принимать некоторые важные решения (например, право вносить изменения в устав, обусловленные законодательными новеллами).

Партии построены на фиксированном членстве. Согласно ст. 13 закона, членами партий могут быть только дееспособные граждане РБ, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Членство в партии обусловлено государственной регистрацией самой партии.

В законодательстве РБ закреплён принцип недискриминации в зависимости от партийной принадлежности. Однако установлены ограничения на членство в партиях. Президент РБ, члены ЦИК «приостанавливают членство в политических партиях на весь срок своих полномочий. Судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, Комитета государственного контроля, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами партий». Член партии имеет право свободного выхода из партии.

Партии построены на «принцип одного лица»: индивид может быть членом только одной политической партии. Член партии может состоять на партийном учете только в одной организационной структуре этой политической партии, как правило, по месту жительства.

Порядок оформления и рассмотрения документов, связанных с государственной регистрацией и ликвидацией партий утверждён Постановлением Министерства юстиции от 30.08.2005 № 48. Основания для отказа в регистрации закреплены в ст. 17 закона. Такое решение принимается в случае: «а) нарушения порядка учреждения; б) несоответствия партийного устава требованиям закона; в) представления подложных, поддельных или недействительных документов; д) неустранения партией в установленный МЮ срок нарушений». В пятидневный срок Минюст сообщает о принятом решении в руководящий орган партии с указанием оснований для приостановления или отказа. Решение МЮ в месячный срок со дня его получения обжалуется в Верховный Суд РБ.

С момента регистрации партии имеют право: а) в порядке, установленном законодательством, пользоваться государственными СМИ и учреждать собственные; б) осуществлять издательскую деятельность; в) проводить массовые мероприятия; г) участвовать в выборах; д) создавать союзы (ст. 21 закона о партиях).

Как подчеркивают в литературе, одной из важнейших задач партии в РБ является участие в выборах [6]. Конституция РБ предусматривает две формы участия партий в выборах: а) выдвижение кандидатов в депутаты (ИК наделяет правом выдвигать кандидатов в депутаты только партии); б) финансирование выборов.

На основании ч. 2 ст. 71 Конституции ИК предоставляет партиям дополнительные возможности по участию в выборах: а) их представители могут быть наблюдателями на выборах, и, следовательно, – располагать целым комплексом прав, закрепленных за наблюдателями ИК; б) выдвижение своих представителей в состав избирательных комиссий; в) участие в агитации за или против кандидатов в Президенты, в депутаты. Право партий участвовать в выборах детально закреплено в Законе о партиях, Законе РБ от 4 октября 1994 г. «Об общественных объединениях» и

ИК РБ. Указанные вопросы требуют специального исследования.

Согласно ст. 24 финансирование партий за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов не допускается. Государственные органы и организации не вправе финансировать партии [5; 8]. Таким образом, партиям в РБ доступно лишь частное финансирование. Что касается имущества, то партия может иметь в собственности любое имущество, необходимое для обеспечения деятельности, предусмотренной уставом. Организационные структуры партий вправе распоряжаться имуществом в пределах, определяемых их уставами. Структуры с правами юридического лица имеют отдельный баланс и текущий (расчетный) банковский счет, а также могут иметь иные счета в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях, зарегистрированных на территории РБ [1].

Партии не вправе выступать в качестве учредителей коммерческих организаций (за исключением определенных в законе случаев), и заниматься предпринимательской деятельностью, за исключением изготовления и продажи общественно-политических изданий, иных пропагандистских и агитационных материалов, сувенирной продукции с изображением собственной символики. Партиям запрещается хранить средства в иностранных кредитно-финансовых организациях. Кроме того, партии не вправе получать доходы от акций и иных ценных бумаг. Не считается, однако, незаконным получением средств участие представителей партий в съездах, научных конференциях и иных мероприятиях за счет принимающей стороны. Денежные средства и иное имущество, полученные партиями и созданными ими юридическими лицами из запрещенных источников, должны быть переданы в доход государства.

Надзор за функционированием партий возложен на прокуратуру РБ. Контроль за соответствием их деятельности Конституции РБ, иным актам законодательства и их уставам осуществляется Министерством юстиции.

Статья 29 закона о партии предусматривает ответственность партии за нарушение законодательства и/или устава. К партии могут применяться следующие меры: «письменное предупреждение; приостановление деятельности; ликвидация партии». В белорусской литературе подчеркивается конституционно-правовой характер такого рода мер.

Предупреждение в трехдневный срок выдается либо направляется по почте руководящему органу с указанием допущенных нарушений и срока их устранения. Предупреждение в месячный срок после его получения может быть обжаловано в Верховный Суд РБ. «Партия обязана письменно сообщить в Министерство юстиции об устранении нарушений, послуживших основанием для вынесения письменного предупреждения, и представить подтверждающие документы».

Деятельность партии может быть приостановлена на срок от одного до шести месяцев решением Верховного Суда РБ по заявлению Минюста, если было вынесено письменное предупреждение и партия в установленные сроки не устранила нарушений, послуживших основанием для вынесения письменного предупреждения, либо не сообщила в регистрирующий орган об их устранении с представлением подтверждающих документов.

Минюст вправе подать в Верховный Суд РБ заявление о приостановлении деятельности партии, «если письменное предупреждение в установленном порядке не было обжаловано в Верховный Суд РБ» или было обжаловано и признано Верховным Судом РБ обоснованным. Приостановление деятельности в период со дня официального опубликования решения о назначении выборов Президента РБ,

депутатов Палаты представителей Национального собрания РБ, депутатов местных Советов депутатов до дня официального опубликования результатов соответствующих выборов не допускается. В случае приостановления на срок, установленный решением Верховного Суда РБ, партии запрещается осуществлять любую деятельность, за исключением деятельности, направленной на устранение нарушений, послуживших основанием для приостановления деятельности.

Заявление о ликвидации партии подается в Верховный Суд РБ Минюстом или Генеральной прокуратурой РБ. Согласно ст. 32 закона ликвидация партии по решению Верховного Суда РБ. Партия ликвидируется в случае: «а) осуществления ею пропаганды войны или экстремистской деятельности; б) нарушения законодательства и (или) их уставов в течение одного года после вынесения письменного предупреждения; в) если при регистрации со стороны учредителей были допущены нарушения законодательства, носящие неустранимый характер; г) если численность партии не соответствует требованиям Закона; д) неустранения в срок, установленный решением Верховного Суда РБ нарушений, послуживших основанием для приостановления; е) непредставления партией течение трех лет подряд в установленный срок сведений».

Партия может быть ликвидирована по решению Верховного Суда РБ за однократное нарушение законодательства о массовых мероприятиях, а также за получение партией, ее организационной структурой иностранной безвозмездной помощи.

Решение о ликвидации направляется в Министерство юстиции. При этом осуществление операций по счетам ликвидируемой партии, совершение иных действий, не связанных с ликвидацией, не допускаются.

Законодательными актами о борьбе с терроризмом и противодействии экстремизму в отношении партий могут устанавливаться иные меры ответственности и порядок их применения.

Таким образом, в РБ имеется развитое конституционно-правовое регулирование создания и функционирования партий - Конституция, конституционные нормы, федеральные законы, а также подзаконные акты. Основной целью партий объявлено выражение политической воли граждан и содействие их участию в демократии, в частности, путем поддержки предложений о выдвижении кандидатов на выборах. Регистрация политических партий входит в компетенцию Министерства юстиции. Законность функционирования политической партии проверяется Минюстом и прокуратурой, однако ликвидировать партию может только Верховный суд РБ.

Большое внимание в РБ уделяется прозрачности финансовой деятельности партии. Она регламентируется нормами конституционного права и проверяется Минюстом и прокуратурой. Партии и их подразделения регулярно представляют информацию о своей текущей деятельности и избирательных кампаниях в МЮ. Партии должны иметь собственные механизмы внутреннего контроля. Финансовые отчеты партий публикуются. За нарушения партия привлекается к конституционной, административной и финансовой ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альфер, С. А. Правовые условия проведения выборов в Палату Представителей Национального Собрания Республики Беларусь: научно-правовое и практическое пособие. - Минск: Тесей, 2008.

2. Василевич Г.А. Борьба с коррупцией в Республике Беларусь – важнейшая

государственная задача // Материалы международной научно-практической конференции 6 февраля 2009 г., Калининград. 2009. С. 17-32

3. Василевич Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина. – 2-е изд., доп. – Минск: Тесей, 2008.

4. Гадлевская Е.В. Политическая партия как организационно-правовая форма некоммерческой организации // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016

5. Главачек, П. Политические партии и общество в современной Беларуси / П. Главачек // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 64–74

6. Идеология избирательных кампаний: особенности выборов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь // Проблемы управления. 2016. № 4. С. 5-19

7. Конституция Республики Беларусь. Научно-правовой комментарий / В.Г. Тихиня [и др.]; под общ. ред. Г.А. Василевича. – Минск: Беларусь, 1996.

8. Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И.В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2009.

9. Кудряшов, Е.О. Статус избирательных органов в странах СНГ и его реализация // Журнал российского права. 2009. № 12.

10. Куракин А.В. Международное и административное право и противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2014. № 1. С. 53 - 81.

11. Лапаева, В.В. Законодательное требование к численности политической партии как ограничение конституционного права на объединение: критерии правомерности / В.В. Лапаева // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 25-34.

«МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ» – МЕСТО ФАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ИЛИ КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ?

Скобелев В.П., к.ю.н., доц.,

Белорусский государственный университет, Минск

Статья 56 «Место совершения исполнительных действий» Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП) после изложения ее в новой редакции Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. №90-З «Об изменении законов по вопросам исполнительного производства» (далее – Закон №90-З) гласит:

«Исполнительные действия совершаются судебным исполнителем по месту жительства (месту пребывания) или месту нахождения должника, месту нахождения его имущества, месту осуществления должником хозяйственной деятельности, а также по месту, указанному в исполнительном документе.

Исполнительные действия по исполнительному документу о воспитании детей совершаются судебным исполнителем с учетом особенностей, установленных частью первой статьи 115 настоящего Закона».

Главные новации, внесенные в ст. 56 Закона об ИП Законом №90-З заключаются в том, что из данной статьи были исключены правила (они содержались в ч.2-4 ст. 56 Закона об ИП) о совершении судебными исполнителями

исполнительных действий по общему правилу только на территории юрисдикции «своего» органа принудительного исполнения (судебный исполнитель отдела принудительного исполнения совершает исполнительные действия на территории соответствующего района, города, района в городе, судебный исполнитель управления принудительного исполнения – на территории соответствующей области (города Минска), судебный исполнитель главного управления принудительного исполнения Министерства юстиции Республики Беларусь – на всей территории Республики Беларусь), а за пределами этой территории – лишь с санкции руководителя вышестоящего органа принудительного исполнения.

Наименование, а также содержание ст. 56 Закона об ИП дают повод считать, что данная статья посвящена месту совершения исполнительных действий, т.е. тому месту, где судебным исполнителем будут совершаться те или иные исполнительные действия. Однако нужно отметить, что, во-первых, заранее (т.е. до начала совершения исполнительного действия, не говоря уже о ситуации, когда исполнительное производство еще не возбуждено) определить то конкретное место (его адрес, географические координаты, иные идентифицирующие признаки), где судебным исполнителем будет совершаться определенное исполнительное действие, практически невозможно. Во-вторых, в ходе ведения исполнительного производства судебным исполнителем совершается множество исполнительных действий, соответственно задача по регламентации мест их совершения становится еще более трудновыполнимой. В-третьих, законодательно предписывать судебному исполнителю совершать то или иное исполнительное действие в каком-то предварительно и жестко установленном месте не имеет никакого практического смысла, особенно с учетом динамики изменения ситуации по ходу развития исполнительного производства.

На самом деле, ст. 56 Закона об ИП касается регулирования совсем иного вопроса – вопроса о разграничении территориальной компетенции органов принудительного исполнения, а именно определения того, какой орган принудительного исполнения (из множества органов принудительного исполнения, функционирующих на соответствующем территориальном уровне – районном или областном) является компетентным на возбуждение и ведение исполнительного производства по конкретному исполнительному документу. В пользу того, что ст. 56 Закона об ИП имеет отношение к данному вопросу, а не к вопросу установления для судебного исполнителя конкретного места совершения им исполнительных действий, свидетельствует системное (во взаимосвязи с иными нормами исполнительного законодательства) и историческое (в контексте редакционных формулировок нормы в разные периоды развития исполнительного законодательства) толкование правил ст. 56 Закона об ИП.

Так, согласно ч.2 ст. 42 Закона об ИП документы, необходимые для возбуждения исполнительного производства, «предъявляются (направляются) в орган принудительного исполнения по месту совершения исполнительных действий, определяемому в соответствии со статьей 56 настоящего Закона». Несмотря на то что норма оперирует термином «место совершения исполнительных действий», речь в ней идет о порядке выбора компетентного в территориальном отношении органа принудительного исполнения, и положения ст. 56 Закона об ИП необходимы для решения исключительно этого вопроса. После же того, как в компетентном органе принудительного исполнения исполнительное производство будет возбуждено, судебный исполнитель будет полностью свободен в выборе конкретного места

совершения им исполнительных действий в тех территориальных пределах, которые установлены действующим законодательством. До принятия Закона №90-3 и постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 21 мая 2021 г. №92 «Об изменении постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. N 67» (им были внесены значительные изменения в Инструкцию по исполнительному производству, утвержденную постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67 (далее – Инструкция по ИП), чтобы привести ее в соответствие с новациями Закона №90-3) такие территориальные пределы определялись, за некоторыми изъятиями, территорией юрисдикции соответствующего органа принудительного исполнения (см. прежнюю редакцию ст. 48, ч.2–4 ст. 56 Закона об ИП, ч.2-7 п.44, п. 45, 46 Инструкции по ИП). В настоящее же время указанные пределы расширились до границ всей территории Республики Беларусь (см. современную редакцию ч.3 п.44 Инструкции по ИП) [1, с. 280–283; 2, с. 195; 3, с. 12].

Далее следует обратить внимание на нормы ч.1, 2 п.43 Инструкции об ИП:

«Заявление (представление) о возбуждении исполнительного производства и исполнительный документ предъявляются (направляются) в орган принудительного исполнения по месту жительства (месту пребывания) или месту нахождения должника либо месту нахождения его имущества или месту осуществления должником хозяйственной деятельности, а также по месту, указанному в исполнительном документе.

Заявление о возбуждении исполнительного производства и исполнительный документ о передаче или отобрании ребенка, о порядке общения с ребенком, об участии в воспитании ребенка, о возвращении неправомерно перемещенного в Республику Беларусь или неправомерно удерживаемого в Республике Беларусь ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года предъявляются (направляются) в орган принудительного исполнения по месту жительства (месту пребывания) должника либо ребенка».

Как видно, приведенные нормы не употребляют термина «место совершения исполнительных действий», а перечисленные в ст. 56 Закона об ИП места используются в этих нормах сугубо как критерии для определения компетентного органа принудительного исполнения на стадии возбуждения исполнительного производства. Более того, в такой своей редакции данные нормы делают абсолютно излишними предписания ч.1, 2 п.44 Инструкции об ИП, где путем воспроизведения в немного иной редакции положений ст. 56 Закона об ИП ведется речь про место совершения судебным исполнителем исполнительных действий.

Наконец, стоит проанализировать историю формирования правил ст. 56 Закона об ИП и прежде всего правила ее первой части. ГПК с момента вступления в действие содержал (пока она не была исключена из текста Кодекса заключительными положениями Закона об ИП) ст. 483 «Место исполнения», первая часть которой гласила: «Исполнение по исполнительным документам осуществляется судебным исполнителем суда, в районе деятельности которого должник проживает или работает, или по месту нахождения его имущества; если должником является юридическое лицо – по месту нахождения исполнительного органа этого лица или по месту нахождения его имущества». Впоследствии название статьи было преобразовано в «Место исполнения исполнительного документа» (Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. №77-3 «О внесении дополнений и

изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь)), а в первой части статьи слово «суда» заменено на «органа принудительного исполнения» (Законом Республики Беларусь от 1 июля 2014 г. №175-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования гражданского судопроизводства»).

Тем не менее несмотря на отмеченные преобразования ч.1 ст. 483 ГПК однозначно указывала на то, что она посвящена вопросу об определении компетентного в территориальном отношении органа принудительного исполнения, а не вопросу об установлении конкретного места, в котором судебным исполнителем должны совершаться те или иные исполнительные действия. При этом критерием выбора компетентного органа принудительного исполнения выступала определенная связь будущего исполнительного производства с территорией юрисдикции (в терминологии ч.1 ст. 483 ГПК – районом деятельности) данного органа, заключающаяся в том, что на этой территории (в этом районе) должник-физическое лицо проживает или работает, находится исполнительный орган должника-юридического лица, находится имущество должника (независимо от того, является должником физическое или юридическое лицо). Соответственно использовавшийся в наименовании ст. 483 ГПК термин «место исполнения исполнительного документа» подразумевал территорию юрисдикции (в терминологии статьи – район деятельности) органа принудительного исполнения, а не место совершения судебным исполнителем конкретного исполнительного действия (действий), хотя, конечно же, было бы желательно, чтобы наименование статьи более точно отражало суть регулируемых ею отношений.

В первоначальной редакции ХПК регламентация соответствующего вопроса была сходной. Так, ст. 253 ХПК называлась «Место исполнения», а ее первая часть предусматривала, что «исполнение по исполнительным документам осуществляется судебным исполнителем хозяйственного суда, в районе деятельности которого должник находится, проживает или осуществляет хозяйственную деятельность, или по месту нахождения его имущества». Однако в новой редакции ХПК, которую он получил благодаря Закону Республики Беларусь от 6 августа 2004 г. №314-З «О внесении изменений и дополнений в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь», регулирование поменялось. Посвященная указанному вопросу ст. 354 ХПК получила наименование «Место совершения исполнительных действий». Иным стало и содержание первой части статьи: «Исполнительные действия совершаются судебным исполнителем хозяйственного суда по месту нахождения, месту жительства должника или месту осуществления хозяйственной деятельности должником либо по месту нахождения его имущества», т.е. из нормы исчезло указание на район деятельности (территорию юрисдикции) хозяйственного суда, которое являлось важнейшим индикатором того, что предмет регулирования выступает территориальная компетенция органов исполнения (на тот момент – хозяйственных судов).

В дальнейшем в связи с реформой сферы принудительного исполнения из ч.1 ст. 354 ХПК исчезло указание и на сам орган исполнения – хозяйственный суд (Закон Республики Беларусь от 1 июля 2014 г. №174-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела»). В результате норма по своему буквальному содержанию трансформировалась из правила, регулировавшего разграничение территориальной компетенции между органами

исполнения, в правило, посвященное определению конкретного места совершения судебным исполнителем исполнительных действий. В таком крайне неудачном виде (с незначительными корректировками) норма перекочевала в ч.1 ст. 56 Закона об ИП, причем заимствовано было и название ст. 354 ХПК – для употребления его в качестве наименования ст. 56 Закона об ИП. К сожалению, более точная по конструкции норма ч.1 ст. 483 ГПК в ходе разработки Закона об ИП востребована не была.

С учетом всего изложенного выше полагаем, что современное законодательство об исполнительном производстве должно отказаться от использования понятия (термина) «место совершения исполнительных действий». В этой связи наименование ст. 56 Закона об ИП необходимо изменить. В качестве альтернативных вариантов можно предложить, в частности, такие: «Определение (или выбор) компетентного органа принудительного исполнения»; «Порядок определения (или выбора) компетентного органа принудительного исполнения»; «Территориальная компетенция органов принудительного исполнения»; «Разграничение территориальной компетенции органов принудительного исполнения»; «Орган принудительного исполнения, компетентный на ведение исполнительного производства». Соответствующим образом нужно будет изменить и название главы 8 Инструкции по ИП, которое в настоящее время звучит как «Место и время совершения исполнительных действий». Потребуется скорректировать также содержание ч.2 ст. 42 Закона об ИП, а именно слова «в орган принудительного исполнения по месту совершения исполнительных действий, определяемому в соответствии со статьей 56 настоящего Закона» заменить на «в орган принудительного исполнения, определяемый в соответствии со статьей 56 настоящего Закона».

Что же касается непосредственно содержания ст. 56 Закона об ИП, то оно, на наш взгляд, должно быть следующим. Первая часть данной статьи должна формулироваться примерно таким образом (здесь мы учли все высказанные нами ранее [1, с. 268-271] предложения относительно расширения перечня критериев, по которым должна устанавливаться связь будущего исполнительного производства с территорией юрисдикции органа принудительного исполнения и соответственно определяться наличие у последнего компетенции на ведение исполнительного производства): «Документы, необходимые для возбуждения исполнительного производства, подаются (направляются) в орган принудительного исполнения, на территории юрисдикции которого находится место жительства (место пребывания) или место нахождения должника, место нахождения имущества должника, место осуществления должником хозяйственной или иной деятельности, место, указанное в исполнительном документе».

Допустим и иной подход. В предложенной норме вместо начальных слов «Документы, необходимые для возбуждения исполнительного производства, подаются (направляются) в орган принудительного исполнения, на территории которого ...» можно использовать другой оборот: «Исполнительное производство ведется в органе принудительного исполнения, на территории которого ...» или «Компетентным на ведение исполнительного производства является орган принудительного исполнения, на территории которого ...». При этом независимо от того, какой именно будет (из предложенных нами вариантов) редакция ч.1 ст. 56 Закона об ИП, в следующей ее части необходимо закрепить правило о том, что «для отдельных категорий исполнительных документов настоящим Законом и другими законодательными актами могут быть установлены особенности определения органа

принудительного исполнения, компетентного на ведение исполнительного производства». Реализация высказанных предложений вполне закономерно потребует отказа от положений ч.1, 2 п.44 Инструкции об ИП, посвященных месту совершения судебным исполнителем исполнительных действий.

Коль скоро ст. 56 Закона об ИП будет посвящена регулированию компетенции органов принудительного исполнения, то в ней, очевидно, целесообразно регламентировать разграничение не только территориальной, но и (на что мы уже неоднократно обращали внимание [2, с. 188–193; 4, с. 80; 5; 6, с. 52–53]) родовой компетенции данных органов, т.е. разграничение компетенции между вышестоящими и нижестоящими органами принудительного исполнения. Для этого в ст. 56 Закона об ИП необходимо будет указать, какие исполнительные производства полномочны вести районные (межрайонные), городские, районные в городах отделы принудительного исполнения, какие – управления принудительного исполнения главных управлений юстиции областных (Минского городского) исполнительных комитетов, какие – главное управление принудительного исполнения Министерства юстиции Республики Беларусь. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на появление в результате реформы 2014 г. трехуровневой системы органов принудительного исполнения, вопросы их родовой компетенции до сих пор остаются нормативно неурегулированными и по инерции решаются во многом именно так, как это было до проведения указанной реформы: органы принудительного исполнения районного уровня занимаются реализацией преимущественно исполнительных документов по делам непредпринимательского характера (поскольку на этом уровне остались работать бывшие судебные исполнители общих судов), а органы принудительного исполнения областного уровня обеспечивают реализацию исполнительных документов по предпринимательским (хозяйственным) делам. Если данная идея будет реализована, то в предложенных нами выше вариантах наименования ст. 56 Закона об ИП вместо термина «территориальная компетенция» необходимо будет использовать слово просто «компетенция».

Далее в ст. 56 Закона об ИП нужно предусмотреть (как мы уже обосновывали [1, с. 271–274]) , что в случае выдачи судом (иным юрисдикционным органом) взыскателю нескольких экземпляров одного и того же исполнительного документа, в частности, в порядке ст. 461 ГПК или ст. 327 ХПК, допустимо обращение взыскателя одновременно в несколько органов принудительного исполнения, определенных в соответствии с ч.1 ст. 56 Закона об ИП (в тех ситуациях, когда, например, взыскание имеет имущественный характер, и имущество должника находится как в месте его жительства (месте пребывания), так и еще в каком-нибудь другом месте). При этом правило ч.4 п.43 Инструкции об ИП, фактически исключающее возможность возбуждения исполнительного производства в отношении одного и того же должника в разных органах принудительного исполнения, должно быть или скорректировано, или исключено.

Полагаем, что в ст. 56 Закона об ИП должно присутствовать и правило, аналогичное ч.1 ст. 51 ГПК («дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно стало подсудным другому суду») и ч.1 ст. 53 ХПК («дело, принятое судом, рассматривающим экономические дела, к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть рассмотрено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно стало подсудным другому суду, рассматривающему экономические дела»). Звучать это правило применительно к органам принудительного исполнения

может следующим образом: «Исполнительное производство, возбужденное в компетентном органе принудительного исполнения (как вариант – органе принудительного исполнения, определенном в соответствии с ч.1 ст. 56 Закона об ИП), должно быть окончено в данном органе принудительного исполнения, даже если в последующем изменится место жительства (место пребывания) или место нахождения должника, место нахождения имущества должника, место осуществления должником хозяйственной или иной деятельности».

Одновременно с этим целесообразно предусмотреть, что в определенных случаях (они были рассмотрены нами раньше – когда существует потребность в реализации принципов беспристрастности, процессуальной экономии или обеспечения квалифицированного совершения исполнительных действий по специфическим взысканиям [1, с. 284]) исполнительное производство может быть передано в другой орган принудительного исполнения для дальнейшего его ведения. Причем этот вопрос более правильно урегулировать в ст. 56 Закона об ИП, а не в ст. 48 Закона об ИП, как это было до принятия Закона №90-З.

Еще одно важное правило, которое нужно закрепить в ст. 56 Закона об ИП, состоит в том, что судебный исполнитель после возбуждения исполнительного производства в компетентном органе принудительного исполнения приобретает право совершать исполнительные действия на всей территории Республики Беларусь, т.е. на территории юрисдикции не только «своего», но и «чужих» органов принудительного исполнения. Хотя в то же время за судебным исполнителем стоит сохранить [1, с. 283–284] и полномочие направлять поручения о совершении исполнительных действий в другие органы принудительного исполнения, когда совершение исполнительных действий судебным исполнителем другого органа принудительного исполнения является более целесообразным с точки зрения принципа процессуальной экономии, нежели осуществления их самим судебным исполнителем, ведущим исполнительное производство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные проблемы правового обеспечения благоприятной деловой среды в условиях цифрового преобразования экономики Республики Беларусь: монография / Ю.А. Амельчя [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; под ред. О.А. Бакинской. – Минск: Колорград, 2022. – 399 с.

2. Исполнительное производство: проблемы правового регулирования: монография / Т.С. Таранова [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Т.С. Таранова, Д.В. Гапоненко. – Минск: Колорград, 2022. – 349 с.

3. Скобелев, В. Изменения в исполнительном производстве: комментарий к Закону от 06.01.2021 №90-З / В. Скобелев // Суд. и арбитраж. практика. – 2021. – №9. – С. 8–14.

4. Скобелев, В.П. Исполнительное производство по-новому: проблемы и перспективы развития / В.П. Скобелев // Право.by. – 2015. – №2. – С. 76-82.

5. Скобелев, В.П. К вопросу о территориальных пределах компетенции судебных исполнителей / В.П. Скобелев // Совершенствование механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства [Электронный ресурс]: материалы междунар. круглого стола, Респ. Беларусь, Минск, 29 сент. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.С. Михайловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 149-156.

6. Скобелев, В.П. Субъекты исполнительного производства и некоторые аспекты их правового статуса / В.П. Скобелев // Право.by. – 2017. – №3. – С. 51-57.

ОБ ИТОГАХ ВЫБОРОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ И МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 2024 Г.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Скютте Д.Н., м.ю.н.,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Выборы – один из неотъемлемых элементов демократии в государстве, эффективный формат коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса. Избирательная кампания 2024 г. – крупнейшая за всю историю независимой Беларуси, в ходе которой предстояло избрать 110 депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и 12 514 депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь. Из них – в областные и Минский городской Совет – 388 депутатов, в районные Совет – 3 434, в городские (городов областного подчинения) Совет – 373, в городские (городов районного подчинения) Совет – 223, в поселковые Совет – 63, в сельские Совет – 8 033 депутата (здесь и далее приведен анализ статистических данных Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь [8]).

Существенным изменениям после республиканского референдума 2022 г. и внесения соответствующих изменений в избирательное законодательство Республики Беларусь подверглись правовые основы назначения и проведения выборов депутатов. Так, согласно ч. 2 ст. 67 Конституции Республики Беларусь [3], выборы депутатов проводятся в единый день голосования в последнее воскресенье февраля. В соответствии с ч. 3 ст. 147 Конституции Республики Беларусь, выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва, депутатов местных Советов депутатов двадцать девятого созыва требуется провести в единый день голосования в последнее воскресенье февраля 2024 г. Выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь и местные Совет депутатов нового созыва назначаются Президентом Республики Беларусь не позднее трех месяцев до единого дня голосования (ч. 3 ст. 56 Избирательного кодекса Республики Беларусь [2]). Соответственно, Президент Республики Беларусь 20 ноября 2023 г. подписал указы № 367 «О назначении выборов депутатов» и № 368 «О назначении выборов в Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь».

Таким образом, выборы депутатов состоялись в единый день голосования – 25 февраля 2024 г. (избиратели, которые не имели возможности прийти на участок в воскресенье, реализовали свое избирательное право в период досрочного голосования с 20 по 24 февраля с 12:00 до 19:00). Для Республики Беларусь это первый опыт проведения выборов в единый день голосования. Следует отметить, что подобные избирательные мероприятия введены в США, Канаде, Мексике, России, ряде государств Южной Америки, Африки, Европы.

Выдвижение и регистрация кандидатов проходила с 17 декабря 2023 г. по 15 января 2024 г. Выдвижение осуществлялось тремя способами: группами избирателей путем сбора подписей, политическими партиями, трудовыми коллективами.

В общей совокупности кандидатами в депутаты Палаты представителей выдвинуто 97 женщин (32,6 %). В региональном разрезе цифры несколько разнятся: Брестская область – 15 (35,7 %), Витебская область – 10 (28,6 %), Гомельская область

– 17 (34,0 %), Гродненская область – 12 (36,0 %), Минская область – 15 (39,5 %), Могилевская область – 8 (29,6 %), г. Минск – 20 (29,4 %). Наблюдается некоторое отставание северо-восточных областей в вопросе выдвижения женщин-депутатов – Витебской и Могилевской.

В итоге были зарегистрированы кандидатами 92 женщины (34,7 % от общего количества зарегистрированных кандидатов). Географически: Брестская область – 12 (35,3 %), Витебская область – 10 (30,3 %), Гомельская область – 16 (37,2 %), Гродненская область – 11 (31,4 %), Минская область – 16 (45,7 %), Могилевская область – 8 (30,8 %), г. Минск – 19 (32,2 %). Несмотря на то, что число женщин-кандидатов стало меньше, в процентном соотношении их доля возросла за счет кандидатов в Палату представителей мужского пола, которые не прошли регистрацию, и в целом превысило 1/3. По Минской области количество женщин-кандидатов в депутаты достигло рекордной планки в 45,7 %.

1 марта 2024 г. Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь установила итоги выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва. В голосовании приняло участие 5 014 437 избирателей (73,46 % от числа граждан, включенных в списки для голосования). В Палату представителей избрано 110 депутатов, из них женщин – 37 (33,6 %). Другими словами, практически каждая третья женщина прошла в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Заслуживает внимание анализ результатов конкурентной борьбы женщин и мужчин - кандидатов в Палату представителей по областям Республики Беларусь: от Брестской области избраны 5 женщин, от Витебской области – 2, от Гомельской области – 8, от Гродненской области – 3, от Минской области – 9, от Могилевской области – 6, от г. Минска – 4. Наиболее эффектно выглядят данные по Гомельской и Минской областям, где каждая вторая женщина-кандидат выиграла в избирательной гонке. Отрицательно впечатляют Витебская область – 2 женщины из 10 смогли преодолеть данный барьер, г. Минск – 4 из 19, то есть только каждая пятая женщина одержала победу.

Сравнительный анализ предыдущих избирательных кампаний демонстрирует тенденцию некоторого спада количества и процентного соотношения женщин, выдвинутых, зарегистрированных и получивших мандат депутата Палаты представителей. В частности, в избирательной кампании 2019 г. на день выборов участвовали 134 женщины (26,1% от общего числа кандидатов в депутаты). Женщины, получившие депутатский мандат, составили 40,0% (44 человека) от числа всех женщин-кандидатов. Аналогичные параметры на предыдущих выборах зафиксированы в следующей динамике: 2016 г. – зарегистрировано 129 женщин (24,8%), избрано 38 человек (30,6%); 2012 г. – зарегистрировано 58 женщин (19,8%), избрано 29 (58,6%); 2008 г. – зарегистрировано 54 (22,8%), избрано 29 (64,8%); 2004 г. – зарегистрировано 61 (18,7%), избрано 31 (59,8%); 2000 г. – зарегистрировано 63 (11,2%), избрано 14 (20,6%) [7, с. 143].

В целом общая тенденция представленности женщин в Палате представителей все же положительная: конечный результат выборов показывает довольно высокий уровень доверия общества к женщине. Соотношение мужчин-депутатов и женщин-депутатов рассматриваемой палаты повторяет феномен последних пяти ее созывов – а именно колебание доли женщин вокруг отметки в 30,0 %: их процентный показатель вырос почти в 3 раза и составил 29,1% по результатам выборов 2004 г., 31,8% – выборы 2008 г., 26,6% – выборы 2012 г., 34,5% – выборы 2016 г., 40,0% – выборы

2019 г.

Именно целевой показатель женской представленности в парламенте (лику нижней избираемой палате парламента) в 30,0 % и выше, предусмотренный Пекинской платформой действий 1995 г. [6], позволяет определенной социальной группе (в нашем случае – женщины) влиять на формирование повестки дня. Как справедливо отмечают исследователи, статистика свидетельствует, что государства, имеющие в своих парламентах меньше 25-30,0 % женщин, плохо справляются с проблемами охраны материнства и детства, прав ребенка, социальной защиты [5]. Президент Республики Беларусь еще в 2004 г. отметил, что «... здесь представлены и ветераны, и молодежь, и особенно женщины. Женщин в Парламенте не должно быть меньше 30–40 процентов. Тогда Парламент будет стабильным, спокойным ... Поэтому я буду всячески поддерживать тенденцию на большее присутствие в Парламенте женской части нашего общества ... В Советах женщины должны быть представлены очень широко. Это и фактор стабильности» [4]. Спустя 15 лет, в 2019 г., им же были подведены положительные итоги деятельности расширенного пула женщин-депутатов Парламента Республики Беларусь: «30-35 % женщин ... надо поддерживать в новом парламенте. Мы уже убедились: треть в парламенте женщин – это стабильный парламент. Это очень сильный стабилизирующий фактор в любом обществе. Поэтому надо сохранить представительство женщин на уровне хотя бы 30-35 %» [1]. По состоянию на 01.02.2024 г. Республика Беларусь занимала 28-е место в рейтинге парламентов мира по критерию репрезентативности женщин [8].

Анализируя сведения о выдвижении кандидатов в депутаты местных Советов депутатов Республики Беларусь, необходимо обратить внимание на доминирование женщин. Всего выдвинуто кандидатами в депутаты 18 999 человек, из них – 10 260 женщин (54,0 %). По уровням Советов зафиксированы следующие показатели: в областные, Минский городской Совет депутатов – 326 женщин, в районные Советы депутатов – 3 700, в городские (в городах областного подчинения) Советы депутатов – 331, в городские (в городах районного подчинения) Советы депутатов – 166, в поселковые Советы депутатов – 36, в сельские Советы депутатов – 5 701.

Зарегистрированы кандидатами в депутаты местных Советов депутатов Республики Беларусь 10 107 женщины (53,75 % от общего количества зарегистрированных), что более результативно, чем доля женщин, зарегистрированных кандидатами в депутаты Палаты представителей. Структура зарегистрированных кандидатами в депутаты местных Советов депутатов женщин по уровням Советов не отражает каких-либо значительных колебаний в соотношении с количеством выдвинутых в кандидаты женщин: областные, Минский городской Совет депутатов – 312 женщин, районные Советы депутатов – 3 663, городские (в городах областного подчинения) Советы депутатов – 347, городские (в городах районного подчинения) Советы депутатов – 165, поселковые Советы депутатов – 36, сельские Советы депутатов – 5 584.

По результатам выборов все 1 284 местных Совета депутатов сформированы в правомочном составе, избрано 8 030 депутатов. Участие в голосовании по Республике Беларусь приняло 1 502 648 избирателей (73,1 %). При этом процент избирателей, принявших участие в голосовании по выборам в областные Советы депутатов, составил 75,8; районные – 78,2; городские (городов областного подчинения) – 71,4; городские (городов районного подчинения) – 77,1; поселковые – 72,7; сельские – 81,7. В общем количестве избранных депутатов женщины составляют 5 964 (47,7 %). В

областные, Минский городской Совет депутатов избрано 114 женщин (29,4 от общего состава органа), районные Советы депутатов – 1 352 (39,4 %), городские (в городах областного подчинения) Советы депутатов – 102 (27,3 %), городские (в городах районного подчинения) Советы депутатов – 107 (48 %), поселковые Советы депутатов – 34 (54,0 %), сельские Советы депутатов – 4 255 (53,0 %).

Указанные цифры отчетливо рисуют картину «гендерной пирамиды» системы местных Советов, при которой чем выше находится звено и объем властных полномочий, тем меньший процент женщин там наблюдается, и наоборот. Что касается успешности электоральной кампании для женщин на уровне местных Советов депутатов, то практически 100,0 % от зарегистрированных прошли в депутаты поселковых Советов – 34 из 36. Еще 76,2 % от зарегистрированных кандидатами женщин получили мандат депутата сельских Советов депутатов, 64,8 % – мандат депутата городских (в городах районного подчинения) Советов депутатов. В остальном соотношение зарегистрированных и одержавших победу в выборах женщин – примерно 3 к 1.

Мониторинг соотношения зарегистрированных и избранных женщин – депутатов местных Советов показал высокую степень их политической конкурентоспособности. На выборах 2018 г. (28-й созыв) было выдвинуто в качестве кандидатов в депутаты 11030 женщин (48,56%), зарегистрировано 10946 (49,13%), в выборах участвовали 10805 кандидатов-женщин (49,04%), избраны 8729 женщин (48,2%). В 2014 г. (27-й созыв) выдвинуты кандидатами в депутаты 10558 женщин (46,3%), зарегистрированы в качестве кандидатов 10443 женщины (46,7%), на день выборов в них принимали участие 10468 женщин-кандидатов (47,19%), из них избраны депутатами местных Советов 8700 (46,3%). Далее в порядке краткого перечисления: 2010 г. (26-й созыв) – выдвинуты 9695 (45,5%), зарегистрированы 11300 (45,1%), избраны 9695 (45,5%); 2007 г. (25-й созыв) – зарегистрированы 10563 (44,4%), избраны 10346 (45,7%) [7, с. 167].

Другими словами, на местном уровне представительная власть в большей степени доступна женщинам. Региональная политика – это традиционная сфера женского политического участия. Можно констатировать факт установления гендерного паритета на уровне местных Советов депутатов Республики Беларусь.

Таким образом, в целом фиксируются положительные тенденции в реализации права женщин быть избранными в законодательные и представительные органы Республики Беларусь. В Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь и местные Советы депутатов Республики Беларусь избрано меньше женщин, недели в предыдущих электоральных циклах, однако их процент в Палате представителей продолжает превышать важную планку в 30,0 %, а масштаб снижения доли женщин среди местных Советов депутатов в процентных показателях находится в крайне незначительных пределах (- 0,5 %). Фиксируется количественная сбалансированность и устойчивость указанных структур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александр Лукашенко: «Мы уже убедились: треть в парламенте женщин – это стабильный парламент» [Электронный ресурс] // Телекомпания «СТВ». – 16.09.2019. – Режим доступа: <https://ctv.by/novosti-minska-i-minskoy-oblasti/aleksandr-lukashenko-my-uzhe-ubedilis-tret-v-parlamente-zhenshchin>. – Дата доступа: 06.03.2024.

2. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февраля 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З // ЭТАЛОН.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. и внесенными Законом Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Лукашенко, А. Г. Послание Президента Беларуси Александра Лукашенко Парламенту, 14 апреля 2004 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-prezidenta-belarusi-aleksandra-lukashenko-parlamentu-5831/. – Дата доступа: 06.03.2024.

5. Онучко, М. Ю. Женщины в политике: мировой опыт, особенности и тенденции / М. Ю. Онучко // Репозиторий Евразийского национального университета [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/1355/jenwina-politike.pdf>. – Дата доступа: 07.03.2024.

6. Пекинская декларация и Платформа действий. Пекин+5: Политическая декларация и итоговый документ [Электронный ресурс] : [приняты Четвертой всемирной конференцией по положению женщин на 16-м пленарном заседании 15 сентября 1995 г. в г. Пекин] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf>. – Дата доступа: 07.03.2024.

7. Скютте, Д. Н. Конституционно-правовые основы обеспечения и реализации политических прав женщин в Республике Беларусь: теория и практика: монография / Д. Н. Скютте. – Минск: БИП, 2022. – 257 с.

8. Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/>. – Дата доступа: 07.03.2023.

9. Monthly ranking of women in national parliaments [Electronic resource] // Inter-Parliamentary Union Official Site. – Mode of access: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=2&year=2024>. – Date of access: 07.03.2024.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

*Солодовник Ю.А., канд. экон. наук, доцент,
Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Липецк, Российская Федерация*

Дискуссионные вопросы расследования коррупционных преступлений активно обсуждаются в теории уголовного права. Проблемы расследования связаны с систематизацией коррупционных преступлений, практикой организации и осуществления расследования, предупреждения таких преступлений в обществе, а также общей профессиональной подготовки следователей, дознавателей, оперативных-уполномоченных и других должностных лиц, которые уполномочены осуществлять расследование данной категории дел.

Исходя из анализа научной литературы и судебной практики можно сделать вывод, что большинство проблем расследования возникает в связи с несовершенством описания признаков преступления в уголовном законодательстве и коррупционные преступления не являются исключением. В связи с тем, что к числу коррупционных преступлений относится сразу множество составов, полагаем необходимым рассмотреть возникающие проблемы их систематизации, что также

влияет на расследование преступлений.

Установление признаков коррупционных преступлений и их систематизация влияют на эффективность борьбы с коррупционными проявлениями в настоящее время. В прошедшем 2023 году измененная систематизация утверждена упомянутым Указом Генеральной Прокуратуры РФ и МВД РФ от 19 июня 2023 г. № 401/11/2, в соответствии с которым выделено только 14 преступлений, которые относятся к числу коррупционных без дополнительных условий. Основными признаками коррупционных преступлений в соответствии с данным Указом являются – наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (в соответствии с признаками выделенными в ст. 201, 285 УК РФ), связь со служебным положением, обязательный корыстный мотив, наличие прямого умысла. Предложенная систематизация основывается на процессуальных особенностях выявления коррупционных преступлений, в связи с чем имеет важное значение время его совершения или наличие в статистической карточке данных о наличии корыстного мотива. За время существования практики расследования коррупционных преступлений в Российской Федерации, было сформировано множество подобных указаний, которые содержали перечень других признаков или составов преступлений, в том числе в других органах власти, связанных с расследованием уголовным дел.

В настоящее время действует приказ «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации[2]. В соответствии с данным приказом, к числу коррупционных преступлений относится также ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», утратившая силу ст. 188 УК РФ «Контрабанда», также отсутствуют статьи, предусматривающие ответственность за совершение коррупционных преступлений и введенные в УК РФ после 2009 г. В сам приказ с момента его издания не было внесено изменений, а других актуальных документов Следственного комитета РФ не издано. Соответственно, три разных ведомства используют в своей деятельности различные формы отчетности. За счет того, что Указание, изданное Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ издано недавно и соответствует требованиям современного общества и практики расследования коррупционных преступлений

Подобное несоответствие списка преступлений коррупционной направленности существенно влияет на квалификацию и расследование указанных преступлений, формирование статистической отчетности. Не исключаем, что подобные правовые акты являются одной из причин латентности данных преступлений.

Также, сложности расследования коррупционных преступления связано с тем, что большая часть преступников имеет личные связи среди высших должностных лиц, в том числе среди своего руководства. Это приводит к тому, что при расследовании нескольких эпизодов коррупционных преступлений, виновное лицо с целью скрыть ряд преступных деяний увольняется задним числом, т.е. фактически его деяния квалифицируются по другим нормам УК РФ, как правило, предусматривающих менее строгое наказание. Другая проблема возникает в случае уничтожения документов в бумажном и электронном виде, которые могут свидетельствовать о совершении виновным лицом коррупционного преступления. В

этих случаях расследование осложняется фактами воспрепятствования со стороны виновного лица и должностных лиц, покрывающих его деятельность. Анализируя практику расследования таких преступлений А.Г. Юдаков и Э.Р. Галимов рекомендуют предпринимать специальные меры: «меры, направленные на нейтрализацию актов противодействия со стороны коррумпированных должностных лиц органов власти, такие как официальное предупреждение лица, проявляющего активность и интерес к делу; допрос такого лица в качестве свидетеля по делу; временное отстранение от дел должностного лица с согласия руководства (предоставление ему очередного отпуска, направление в длительную командировку); требование документального подтверждения предложений и требований должностных лиц по делу; фиксирование предложений и требований коррумпированных должностных лиц оперативно -розыскными средствами; возбуждение процедуры служебной проверки заподозренного в попытке вмешательства в ход расследования либо в отдельных действиях, объективно нанесших ущерб расследованию» [6, с.151].

Отдельно следует отметить возможность давления на должностных лиц, проводящих расследование коррупционного преступления. Давление может проявляться в угрозах жизни и здоровья таких лиц и их близких, в психологическом давлении, предложении вознаграждения за бездействие или применение методов убеждения со стороны высокопоставленных лиц. Приступая к расследованию необходимо отдавать отчет в том, что такое должностное лицо попробуют вовлечь в коррупционную схему, запугать. Чем больше сумма предмета коррупционного преступления и больше высокопоставленных лиц фигурирует в деле, тем больше сложностей возникает на пути расследования. Целесообразно привлекать к расследованию меньшее число следователей, дознавателей или должностных лиц, на подготовительном и первоначальном этапах расследования. Это связано с необходимостью сохранения информации о возбуждении уголовного дела в тайне от других должностных лиц, чтобы избежать утечки информации.

Следующая проблема касается сговора участников коррупционного преступления для того, чтобы обвинить в преступлении одно лицо, тем самым уменьшить свою ответственность или вовсе ее исключить. Такие лица могут не только уничтожать соответствующие документы и другие доказательства, но и отказываться давать показания, или давать ложные показания о давлении со стороны других лиц, а также убеждение следствия в том, что лицо не знало о противоправности подобных деяний.

В этом случае важно зафиксировать показания каждого лица, а также провести очную ставку в короткие сроки для того, чтобы все участники коррупционного преступления не успели выбрать свою тактику защиты, обговорить детали, которые могут ввести следствие в заблуждение.

Уже на этапе проведения следственных действий можно столкнуться с проблемой необходимости подключения большого числа экспертов, в особенности если речь идет о большой сумме предмета и количестве участников коррупционного преступления. Каждый эксперт получает по несколько предметов по которым необходимо дать заключение, но в зависимости от предмета исследования различается и срок экспертизы. В этом случае следствие с трудом собирает необходимые данные для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, продлевая сроки расследования. Также, за счет необходимости быстрого получения информации следствие выбирает какие экспертизы являются наиболее важными, т.к.

провести все экспертизы, которые могут в той или иной степени определять особенности совершенного деяния, практически не существует.

Время, которое тратится на получение заключения эксперта необходимо потратить на работу со свидетелями и потерпевшими, виновными на предмет стимулирования дачи показаний. Это необходимо для того, чтобы свидетели не забыли информацию, которая была им известна, а также чтобы в отношении них не проводилось давления со стороны преступников. В этом случае обеспечивается безопасность свидетелей, возможность применения мер по защите свидетелей.

В.В. Цыбульский отметил острую необходимость разработки частной методики расследования коррупционных преступлений и пишет, что «законодательное закрепление понятия – это не только и не столько декларативное заявление государства о готовности и желании бороться с соответствующими общественно опасными деяниями, но и определение вполне конкретных методологических основ, которых необходимо придерживаться ради обеспечения эффективности этой деятельности. Без этого не может быть эффективного противодействия как в целом всему названному негативному социальному явлению – коррупционной преступности, так и каждому отдельному её проявлению в соответствующих преступлениях» [4, с.567].

Дополним, что в современном обществе факты совершения преступлений коррупционной направленности требуют использования новых подходов, методик расследования. Если раньше такие преступления совершались преимущественно при личном контакте, то в современном обществе преступники используют достижения цифровых технологий, договариваются о встречах с использованием шифрования данных и пр. Статистические данные, представленные МВД РФ и другими органами власти и средствами массовой информации свидетельствуют о высоком уровне коррупционной преступности, но до настоящего времени соответствующих методических рекомендаций не разработано.

Так, учебные заведения Следственного комитета РФ сформировали несколько методических рекомендаций по расследованию некоторых категорий уголовных дел, например, об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной оплаты сумм налогов. В практической деятельности используются стандартные методики расследования, которые в большинстве случаев требуют модификации.

О. В. Газизова и О. А. Захарова указывают на наличие дополнительных процессуальных гарантий у лиц, имеющих должностные и служебные полномочия: «Такие привилегии создают для правоприменителей иногда непреодолимые препятствия, а то и вовсе исключают возможность привлечения к уголовной ответственности указанных лиц» [1, с.59]. Такие лица нередко направляют жалобы и заявления в вышестоящие инстанции, обвиняя следствие в нарушении его прав и законных интересов, необоснованном привлечении к уголовной ответственности, что приводит к затягиванию процессуальных сроков, утраты доказательств по делу. В связи с этим следует рассмотреть вопросы в части отмены «привилегий» у отдельных категорий лиц, наиболее склонных к противоправным действиям указанного характера, и ужесточения наказания за преступления данной категории.

Вызывает сложности и существующая подследственность, регламентированная УПК РФ. Е. А. Черкасова, Е. А. Новикова и Д. Н. Рудов пишут: «подследственность уголовных дел коррупционной направленности постепенно меняется. Так после создания Следственного комитета Российской Федерации значительная часть таких

дел оказалась подследственными следователям Следственного комитета, чья подследственность постепенно увеличивается. При этом часть сотрудников следственных подразделений МВД России (в основном следователи специализированных следственных подразделений по экономике, в том числе в рамках следственных частей Следственных управлений и Главных следственных управлений)» [5, с.179]. Автор приходит к выводу, что наиболее квалифицированные специалисты в сфере расследования экономических преступлений работают в Следственном комитете РФ, но ряд преступлений все еще расследуется следственным подразделением МВД РФ, в особенности это касается мошеннических действий. Нагрузка на следователей в МВД РФ значительно выше, чем у следователей Следственного комитета. Так, в соответствии со статистическими данными МВД РФ за 11 месяцев 2023 года [3] сотрудниками следственных органов Следственного комитета РФ было выявлено 1182 преступления коррупционной направленности, а сотрудниками органов внутренних дел – 26135 преступлений, сотрудниками ФСБ России – 4425 преступлений, органами прокуратуры – 2100 преступлений, таможенными органами – 18. Именно поэтому мнение о необходимости изменения подследственности ряда коррупционных преступлений Следственному комитету РФ является целесообразным, может стать причиной совершенствования методов и тактики расследования преступлений. Кроме этого, данные изменения повлекут за собой увеличение штата следователей Следственного комитета Российской Федерации, при этом как нам видится штат следователей МВД России сокращать не стоит в виду их значительной загруженности.

Исследуя сложности в расследовании коррупционных преступлений необходимо отметить ошибки в фиксации следственных действий и документах, использования аудио- и видеозаписи, произвольных ошибок во время допроса или иных следственных действий, возможность субъективной оценки совершенного деяния. На это влияет и высокая нагрузка на должностных лиц, отсутствие необходимой стажировки для расследования сложных коррупционных преступлений, участие в расследовании молодых специалистов, не успевших ознакомиться с особенностями расследования дел данной категории.

Повышение качества профессиональной подготовки следователей является существенной необходимостью, но проводить модернизацию в этой сфере необходимо комплексно с пересмотром оплаты, условий труда, допустимой нагрузки, а также предоставления необходимой помощи со стороны более опытных сотрудников.

На уровне вузовской подготовки студентам даются теоретические знания, которые не сопоставляются с тем и условиями, в которых им приходится работать. Также нельзя исключать наличие коррупционных проявлений в самих органах власти при поступлении на службу, вследствие чего должности следователей не редко получают лица, не имеющие выдающихся умений и навыков в юриспруденции. Полагаем, что борьба с коррупцией должна начинаться именно с органов осуществляющих расследование преступлений.

Вместе с этим, в ходе длительного и сложного расследования могут совершаться ошибки при оформлении документов, таких как протокол задержания, протокол допроса, постановление о возбуждении уголовного дела, уведомление о производстве личного обыска и пр. Проверять эту деятельность необходимо руководителям подразделений, производящим расследование, но и этот процесс существенно осложняется из-за нехватки кадров.

Все это в совокупности приводит к латентности коррупционной преступности, отсутствию возможности качественного расследования преступлений, а также подготовки профессиональных кадров. Стоит отметить и взаимосвязь проблем квалификации и расследования коррупционных преступлений, что также является одной из причин роста числа коррупционных преступлений.

Таким образом, в рамках проведенного исследования определены такие проблемы расследования коррупционных преступлений как: проблемы систематизации коррупционных преступлений и несоответствие между нормативными правовыми актами, закрепляющими списки таких преступлений; воспрепятствование расследованию со стороны третьих лиц; давление на должностных лиц, проводящих расследование коррупционных преступлений; использование устаревших методик и тактики расследования; при совершении коррупционных преступлений в соучастии – возможность достижения преступниками сговора для того, чтобы запутать следствие; отсутствие возможности быстрого получения заключений экспертов; отсутствие методических рекомендаций по расследованию коррупционных преступлений; затягивание процессуальных сроков со стороны виновных лиц за счет использования своих знаний и связей; несоразмерная нагрузка на органы внутренних дел при расследовании преступлений; ошибки в профессиональной деятельности следователей, дознавателей и других должностных лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Газизова, О. В. Проблемы правовой регламентации расследования коррупционных преступлений / О. В. Газизова, О. А. Захарова // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 4(4). – С. 56-61.

2. Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации: приказ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 7. – Официальный сайт справочной правовой системы Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 07.03.2024).

3. Состояние преступности в РФ январь-ноябрь 2023 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 07.03.2024).

4. Цыбульский, В. В. Методологические проблемы расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД / В. В. Цыбульский // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32. – № 3. – С. 566-571.

5. Черкасова, Е. А. Преступления коррупционной направленности: некоторые проблемы раскрытия и расследования / Е. А. Черкасова, Е. А. Новикова, Д. Н. Рудов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 1. – С. 178-181.

6. Юдаков, А.Г. Сложности раскрытия и расследования коррупционных преступлений / А.Г. Юдаков, Э.Р. Галимов // Вестник науки. – 2020. – № 4. – С. 150-155.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТНК В СТРАНАХ ЕАЭС

Сушко В.И., к.э.н., доц.,

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно,
докторант Института системных исследований в АПК НАН Беларуси, Минск,
Республика Беларусь.*

Одной из важнейших целей развития национальной продовольственной системы Беларуси является формирование конкурентоспособного на мировом рынке и экологически безопасного производства сельскохозяйственных продуктов, необходимых для поддержания достигнутого уровня продовольственной безопасности страны. Удержание и увеличение доли Беларуси на международных рынках связано с конкуренцией со стороны иностранных производителей и поставщиков продовольствия. Около половины мировой торговли продовольствием между странами приходится на движение продовольствия в рамках глобальных производственно-сбытовых цепочек сформированных и контролируемых ТНК. Поэтому очень актуальным является изучение институциональной среды деятельности ТНК и влияние ее на конкурентоустойчивость белорусских экспортеров продовольствия.

В основе сущности институциональной среды находится понятие «институт», которое происходит от латинского *institutum* (устройство, организация, принцип). Институциональная среда представляет собой совокупность правил в области права, политики, экономики, социальных отношений, а также государственных органов и международных организаций (при наличии международных соглашений между странами) устанавливающих и контролирующих выполнение данных правил. Институциональная среда имеет определенную структуру, характеризующуюся совокупностью институтов и сложившимися между ними определенными горизонтальными и вертикальными взаимосвязями. Самый высокий уровень иерархии занимают базовые институты представляющие макроэкономический уровень: государство, рынок, частная собственность, конкуренция, свободное предпринимательство. Исследование институциональной среды может проводиться на трех иерархических уровнях:

а) макроинституциональная среда, которая представляет собой совокупность институтов, определяющих рамочные условия функционирования всех субъектов национальной экономики;

б) микроинституциональная среда - это совокупность институтов регионального уровня с которыми непосредственно взаимодействует конкретное предприятие (государственные органы власти, нормативно-правовые документы, обычаи ведения бизнеса в определенном регионе, посредники, конкуренты, поставщики, банки и т.д.).

в) внутренняя институциональная среда предприятия, которая представляет собой совокупность правил внутрифирменного взаимодействия предприятия (устав, договора найма работников, правила взаимодействия с профсоюзом, организационная структура, правила внутреннего распорядка, миссия, система менеджмента качества, корпоративная культура), а также вырабатываемые предприятием цель, задачи и стратегия развития.

Развитие взаимодействия белорусских предприятий с зарубежными ТНК, создание и развитие ТНК с базированием в Беларуси способно оказать значительное влияние на развитие национальной экономики в части темпов роста ВВП, привлечения ПИИ, а также повлиять на научно-техническое развитие, модернизацию производства, совершенствование процессов управления и маркетинга на

предприятиях. Необходимо разработать концепцию и нормативный инструментарий для регулирования такого взаимодействия, как на уровне Беларуси, так и на уровне ЕАЭС.

Проблема регулирования деятельности ТНК на международных рынках усложняется тем, что она затрагивает вопросы экстерриториального действия национальных законодательств стран и права государств самостоятельно регулировать деятельность участников рынка на своей суверенной территории и даже вопросы национального достоинства [1, С. 514].

Правовое регулирование деятельности ТНК включает в себя три уровня: внутригосударственное регулирование (принимающей страны и страны базирования), многосторонние международные соглашения в рамках международных организаций, двухсторонние инвестиционные соглашения между странами [2, С. 166].

Объектами государственного регулирования деятельности ТНК в принимающей стране или стране базирования являются различные аспекты законодательства: инвестиционная политика, земельное законодательство, налоговая политика, антимонопольное законодательство, развитие инфраструктуры, тарифы и нетарифные барьеры и субсидии, экологическое законодательство, социальная политика (оплата труда, занятость). В рамках двухсторонних инвестиционных соглашений вопросы регулирования деятельности ТНК по озвученным элементам законодательства также затрагиваются и носят обязательный характер к исполнению.

Исследованием вопросов международного регулирования деятельности ТНК и выработкой рекомендаций занимались различные международные организации: Комиссия ООН по ТНК, Комиссия Комитет по многонациональным предприятиям при Международной организации труда, страны-члены ОЭСР. Многосторонние международные соглашения, разрабатываемые в рамках международных организаций не имеют обязательной юридической силы и носят рекомендательный характер. Во многом это обусловлено тем, что развитые страны выступали, чтобы такие документы относились к системе международного «мягкого» права (имели рекомендательный характер).

Страна не имеет возможности для полного контроля ТНК, действующих на ее территории, так как подразделения ТНК выходят далеко за ее пределы. Если ТНК не нравится инвестиционный климат малой или средней по размерам экономики (или руководствуясь политическими соображениями), то в настоящее время она может без существенных потерь переместить торговые и производственные подразделения в другие страны с более лучшими, как правило льготными условиями для инвесторов. Но объединившись в интеграционные группировки развивающиеся страны могут заставить ТНК развитых стран уважать национальное законодательство своих стран [3, С.167].

В рамках ЕАЭС необходимо разработать кодекс поведения ТНК в ЕАЭС, которого должны были бы придерживаться ТНК и страны ЕАЭС. По нашему мнению Кодекс поведения ТНК в ЕАЭС должен включать следующие основные положения:

1. Деятельность ТНК должна соответствовать экономическим, социальным и экологическим целям устойчивого развития стран ЕАЭС.
2. ТНК должны соблюдать законодательство стран-членов ЕАЭС.
3. Деятельность ТНК должна содействовать развитию экономического потенциала регионов страны ЕАЭС, где осуществляется бизнес ТНК, включая использование местных ресурсов в производстве товаров, сотрудничество с местной общественностью, соблюдение устоявшейся коммерческой практики социально-

этичного бизнеса.

4. Деятельность ТНК должна способствовать росту человеческого капитала посредством увеличения количества занятых в регионе действия ТНК, создания новых рабочих мест, приглашения на работу максимально возможного количества местных трудовых ресурсов, обучения работников новым навыкам.

5. ТНК не должны пытаться добиться для себя исключений в вопросах законодательства об охране окружающей среды, безопасности труда и здоровья работников, трудовых отношений, налогообложения.

6. ТНК должны разрабатывать, поддерживать и применять надлежащую практику корпоративного управления.

7. ТНК должны применять эффективную практику саморегулирования, укрепляющую отношения взаимопонимания и доверия между ТНК и обществом.

8. ТНК не должны участвовать в местной политической жизни, если такое участие может повлечь снижение уровня экономической и (или) политической стабильности региона.

9. ТНК должны регулярно предоставлять достоверную информацию о своей деятельности в целом и по отдельным регионам, о структуре ТНК, финансовом положении, собственниках и управлении ТНК государственным органам страны ЕАЭС, на территории которой ведет бизнес подразделение ТНК (головное предприятие, дочернее предприятие). Предоставляемая информация должна обязательно включать: объем выручки и прибыли ТНК, цель и задачи функционирования на рынке, информацию о контрольном пакете акций и правах голоса акционеров, организационную структуру ТНК и характеристику отношений (взаимодействия) между материнской компанией и дочерними предприятиями, информацию о системах внутреннего аудита и управления рисками, информацию об отношениях с работниками.

10. Дополнительно ТНК должна предоставлять информацию о ключевых руководителях ТНК, членах совета директоров, процедуре их отбора (назначения) и положении о выплатах им вознаграждений. Раскрытие бухгалтерской, финансовой и нефинансовой информации должно осуществляться согласно высоким стандартам качества.

11. ТНК должны уважать права работников на участие в профессиональных союзах с целью защиты их интересов при обсуждении условий работы, при разработке коллективных соглашений между работниками и нанимателем (ТНК).

12. ТНК не должны допускать дискриминации работников при работе и построении карьеры по критериям: пол, возраст, религия, национальность, социальное происхождение.

13. ТНК должны соблюдать стандарты о труде не ниже законодательства страны ЕАЭС, на территории которой ведет бизнес подразделение ТНК.

14. ТНК не должны наносить экономический ущерб принимающей стране ЕАЭС путем закрытия созданных производственных подразделений по политическим причинам на территории стран ЕАЭС.

15. ТНК должны придерживаться приверженности экономическим целям, задачам, политике, социально-культурным целям и ценностям, приоритетам в области развития тех стран ЕАЭС, в которых они осуществляют свои операции.

16. ТНК должны воздерживаться от действий, способных негативно повлиять на конкуренцию в ходе злоупотреблений доминирующим положением на рынке, целенаправленного вытеснения конкурентов с рынка за счет неоправданного сбивания

цен, необоснованного отказа от деловых связей, антиконкурентного злоупотребления правами промышленной собственности.

17. ТНК должны воздерживаться от использования трансфертного ценообразования для вывода доходов в оффшоры.

Экономическая стратегия развития Беларуси, а также других стран ЕАЭС в ближайшие годы должна быть дополнена комплексной стратегией регулирования ТНК в продовольственном секторе экономики, которая включала бы вопросы развития рыночной инфраструктуры, связанной с сельским хозяйством и пищевой промышленностью, конкуренции, НИОКР, инвестиций, а также социальные и экологические аспекты связанные с созданием или привлечением на внутренний рынок страны ТНК, условия труда в ТНК, передачу современных технологий, благосостояние работников, закупки местного сырья для производства продуктов питания, экологию, партнерство между государством и ТНК в сфере НИОКР.

Привлечение или создание ТНК в аграрном секторе должно способствовать разработке, передаче и внедрению в производство отечественными товаропроизводителями современных технологий, росту рабочих мест, повышению производственного потенциала, производительности труда и конкурентоспособности, росту продовольственной безопасности.

Содействию трансформации белорусских экспортно-ориентированных продовольственных предприятий в международные (транснациональные) конкурентоустойчивые корпорации может способствовать принятие мер государственной поддержки: страхование инвестиций в реализацию проектов по открытию зарубежных торговых и производственных мощностей, предоставление государственных гарантий при кредитовании данных проектов, заключение двусторонних инвестиционных соглашений со странами перспективными для развития экспортной деятельности, заключение двусторонних соглашений об исключении двойного налогообложения, поддержка научных разработок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сушко, В. И. Проблема правового и экономического регулирования деятельности транснациональных корпораций/ Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: М. Е. Карпицкая (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2023.

2. Сушко, В.И. Мировая экономика: учебное пособие // Минск: Вышэйшая школа, 2021. – 304 с.

3. Сушко, В.И. Экономика и управление ВЭД// Минск: Вышэйшая школа, 2022. – 496 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Телятицкая Т.В., к.ю.н., доц.,

*Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Республика Беларусь*

В современном мире возрастает необходимость постоянного совершенствования системы правоприменения, в том числе в области административного принуждения. Оптимизация этого процесса становится

неотъемлемым элементом обеспечения эффективного функционирования государства и защиты прав граждан. Одним из наиболее перспективных направлений в этой области является внедрение инновационных подходов, основанных на использовании современных информационных технологий и методов анализа данных.

Научные исследования в данной области показывают, что применение инновационных методов и технологий может значительно улучшить эффективность процесса административного принуждения. Это включает в себя автоматизацию процессов принятия решений, использование алгоритмов искусственного интеллекта, цифровизацию документооборота, применение онлайн-платформ для сокращения времени рассмотрения дел и др.

Анализ инновационных подходов к процедурам применения мер административного принуждения в сравнительно-правовом контексте представляет собой актуальную исследовательскую задачу, имеющую важное значение для современной правовой науки и практики. Внедрение современных технологий и методов в административный процесс позволит повысить его эффективность, обеспечить более полное удовлетворение прав и интересов граждан в условиях быстро меняющегося информационного общества.

Ключевым аспектом обеспечения эффективного функционирования государства становятся инновационные подходы к правоприменению, основанные на современных информационных технологиях и аналитических методах. В первую очередь здесь следует отметить цифровизацию и автоматизацию процессов.

Цифровизация административного принуждения включает в себя широкий спектр мероприятий, направленных на перевод административных процедур и процессов в электронный формат: создание электронных баз данных и систем электронного документооборота; использование электронной подписи для оформления документов и обмена информацией; внедрение онлайн-платформ для подачи заявлений и запросов и т.п.

Автоматизация административного принуждения направлена на использование средств информационных технологий для выполнения рутинных операций и процессов, что позволяет сократить время на принятие решений и повысить их качество. Применение алгоритмов искусственного интеллекта и аналитических систем позволяет проводить быструю обработку больших объемов информации, выявлять тенденции и анализировать данные для принятия законных и обоснованных решений. Кроме того, автоматизация позволяет сократить вероятность человеческих ошибок и исключить субъективные факторы из процесса принятия решений.

Кроме того, алгоритмы искусственного интеллекта могут быть настроены на обнаружение аномалий и нестандартных ситуаций, оперативно реагировать на новые вызовы и угрозы в сфере правоприменения. Это особенно важно в условиях быстро меняющейся обстановки, когда традиционные методы и подходы могут оказаться недостаточно эффективными.

Например, искусственный интеллект (ИИ) все шире используется в системах распознавания номерных знаков транспортных средств, что позволяет автоматически выявлять автомобили, нарушающие такие правила дорожного движения, как превышение скорости, проезд на запрещающий сигнал светофора, нарушение правил обгона, остановки и стоянки и т.п., после чего принимать соответствующие меры реагирования.

В последние годы алгоритмы ИИ все шире используются в системах

мониторинга и анализа общественного порядка на основе камер видеонаблюдения и датчиков с передачей в правоохранительные органы соответствующей информации о движении транспорта, о несанкционированных скоплениях людей или дорожных происшествиях, об иных потенциально опасных ситуациях.

В отдельных странах системы, основанные на алгоритмах ИИ, уже применяются для автоматического вынесения решений по делам об административных правонарушениях. То есть на основе анализа предоставленных данных и доказательств система может определить наличие правонарушения и назначить соответствующую меру административного воздействия.

Так, в Швейцарии в 2019 г. был запущен проект по использованию искусственного интеллекта для автоматизации процесса вынесения решений по административным правонарушениям. В рамках этого проекта были созданы специальные алгоритмы, обученные на основе данных о правонарушениях и предшествующих судебных решениях [3].

Эти алгоритмы используются для анализа информации о правонарушениях, собираемой с помощью камер видеонаблюдения и других источников. Они могут определять типы правонарушений, оценивать их серьезность и предлагать соответствующие наказания в зависимости от контекста и обстоятельств каждого случая.

Более того, предполагается, что, «благодаря дальнейшей цифровой оптимизации судопроизводства, на ИИ можно будет возложить подготовку проектов судебных актов по несложным делам, что освободит время для рассмотрения судьями более сложных категорий дел и приведет к повышению эффективности правосудия и осуществлению его на более высоком организационном и техническом уровне» [4, с. 34].

Интересная практика внедрена также в Великобритании, где компания «Uplift» разработала систему «DoNotPay», использующую ИИ для оспаривания штрафов за нарушения правил дорожного движения. Эта система помогает автоматически составлять апелляции и подавать их в суд, исходя из специфических обстоятельств каждого случая [8].

Алгоритмы ИИ играют ключевую роль в оптимизации процесса административного принуждения и в иных сферах. Так, в некоторых странах алгоритмы ИИ используются для автоматического анализа данных о налоговых декларациях и выявления налоговых нарушений, что позволяет сократить время на проверку документов, уменьшить вероятность ошибок и обеспечить более справедливое применение налогового законодательства [6]. Такие алгоритмы могут использоваться для автоматического анализа данных о социальных пособиях и определения прав на социальную поддержку [2] и т.д.

В повышении эффективности административного принуждения нельзя не отметить важность использования электронного документооборота и онлайн-платформ.

Во многих странах системы электронного документооборота уже внедрены, что позволило упростить процессы обмена документами между участниками административного процесса, сократить время на их обработку и повысить прозрачность всего процесса. Например, в Европейском союзе действует система электронного документооборота E-Codex, которая позволяет судам и другим участникам правосудия обмениваться документами электронным путем, что значительно сокращает время на подготовку дел и повышает доступность

юридических услуг для граждан [1, с. 77–78].

Кроме того, в последние годы наблюдается активное развитие онлайн-платформ и сервисов для упрощения процесса административного принуждения. Такие платформы позволяют участникам административного процесса подавать заявления и ходатайства, получать информацию о ходе рассмотрения дела, обмениваться документами и даже принимать участие в судебных заседаниях удаленно, через интернет. Например, в России существует портал «Госуслуги», который предоставляет гражданам и организациям возможность взаимодействовать с государственными органами и судебными инстанциями онлайн, что существенно упрощает административный процесс и повышает доступность юридических услуг [5].

Значительную роль в выявлении тенденций и оптимизации процесса административного принуждения играют методы анализа данных. Они позволяют собирать, обрабатывать и анализировать огромные объемы информации, что помогает выявлять закономерности, тенденции и аномалии, связанные с нарушениями административного характера.

Неоспоримым преимуществом использования анализа данных в административном принуждении является возможность оперативного выявления и предотвращения правонарушений. Например, анализ данных о предыдущих случаях нарушений может помочь выявить общие паттерны и факторы, способствующие их совершению, что позволяет разрабатывать более эффективные стратегии контроля и профилактики.

Кроме того, анализ больших данных позволяет оптимизировать процессы административного принуждения путем автоматизации принятия решений и определения приоритетов. Например, системы машинного обучения могут быть использованы для автоматического анализа данных и выявления наиболее важных и актуальных случаев, требующих немедленного вмешательства. Это позволяет оптимизировать распределение ресурсов и сократить время, затрачиваемое на ведение административного процесса.

В различных странах мира уже существуют примеры успешного применения методов анализа данных для оптимизации процесса административного принуждения.

Так, в США Internal Revenue Service (IRS) использует анализ данных для выявления потенциальных налоговых мошенничеств. Они используют методы анализа данных для обнаружения аномалий и паттернов в данных о налоговых декларациях, что позволяет им сфокусировать свои ресурсы на проверке наиболее подозрительных случаев [10].

В Великобритании Her Majesty's Revenue and Customs (HMRC) также активно использует анализ данных для борьбы с налоговыми нарушениями. Они применяют алгоритмы машинного обучения для анализа больших объемов данных о налоговых декларациях, банковских операциях и других финансовых транзакциях с целью выявления несоответствий и потенциальных нарушений [9].

С помощью аналитических систем анализа данных о преступлениях и правонарушениях Канадская национальная полиция (RCMP) анализирует тенденции в преступной активности, оптимизирует свои операции и выявляет потенциальных преступников [7].

Несмотря на достижения и прогресс в сфере административного принуждения, остаются некоторые нерешенные проблемы, которые могут затруднять

эффективность и справедливость этого процесса. В частности, во многих странах (Республика Беларусь не исключение) наблюдается недостаток квалифицированных специалистов, знакомых с современными методами административного принуждения и использованием информационных технологий, что может привести к неправильным решениям и затяжным процессам. В ряде случаев, неравное распределение доступа к информационным технологиям и интернету может создавать барьеры для граждан при участии в административном процессе и получении доступа к онлайн-услугам.

Кроме того, в условиях расширения цифровизации и использования онлайн-сервисов в правоохранительной деятельности, важно обеспечить надежную защиту персональных данных и конфиденциальность информации граждан.

Решение данных проблем требует комплексного подхода и сотрудничества всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, общественные организации и граждан. При этом необходимо стремиться к постоянному совершенствованию и адаптации в соответствии с изменяющимися условиями и технологическими возможностями.

Таким образом, в современном информационном обществе административное принуждение играет важную роль в обеспечении справедливости, законности и эффективности правопорядка. Однако, несмотря на некоторые достижения и инновационные подходы, проблемы в данной сфере остаются актуальными и требуют комплексного и системного решения.

Использование современных информационных технологий, аналитики данных, цифрового документооборота и онлайн-платформ способно значительно улучшить эффективность административного принуждения, сократить временные и ресурсные затраты.

Для успешного внедрения и развития таких инновационных подходов необходимо сосредоточить усилия на следующих направлениях:

- повышение квалификации персонала и подготовка кадров в области использования современных технологий;
- развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение доступности интернет-услуг для всех слоев населения;
- образовательные программы и информационные кампании для повышения осведомленности граждан о процессе административного принуждения, их правах и обязанностях;
- содействие развитию цифровых навыков у граждан всех возрастных категорий;
- разработка механизмов обратной связи и учет мнения общественности при принятии решений.

Только совместными усилиями всех заинтересованных сторон мы сможем сделать административное принуждение более эффективным, справедливым и доступным для всех.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зазулин, А. И. Нормативное обеспечение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве: опыт ФРГ / А. И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4. – С. 76–80.

2. Искусственный интеллект в социальном обеспечении: предыстория и опыт [Электр. Ресурс.] – 2020. – Режим доступа: <https://www.issa.int/ru/analysis/artificial-intelligence-social-security-background-and-experiences>. – Дата доступа: 23.02.2024.

3. Как Швейцария стала хабом искусственного интеллекта [Электр. Ресурс.] – Режим доступа: <https://rb.ru/ai-in-switzerland/hub/?ysclid=lsvn1131ov933442344>. – Дата доступа: 21.02.2024.
4. Козорезова, Р. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: реальность и перспективы / Р. Козорезова // Судовы веснік – 2023. – № 3 – С. 29–35.
5. Портал Госуслуг Российской Федерации [Электр. ресурс] – Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2024].
6. Применение искусственного интеллекта на финансовой рынке: доклад для общественных консультаций. – Москва, Центр. Банк РФ, 2023. – 52 с. [Электр. ресурс] – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/156061/Consultation_Paper_03112023.pdf. – Дата доступа: 23.02.2024.
7. Работа полиции. Системы полицейской информации и разведки: пособие по оценке систем уголовного правосудия Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2010 г. [Электр. ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_1_Policing_4_ebook.pdf. – Дата доступа: 22.02.2024.
8. AI-powered «robot» lawyer won't argue in court after jail threats [Электр. Ресурс.] – Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/robot-lawyer-wont-argue-court-jail-threats-dont-pay/>. – Дата доступа: 18.02.2024.
9. HM Revenue & Customs [Электр. Ресурс.] – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/organisations/hm-revenue-customs>. – Дата доступа: 19.02.2024.
10. IRS (Internal Revenue Service): An official website of the United States Government [Электр. Ресурс.] – Режим доступа: <https://www.irs.gov/>. – Дата доступа: 20.02.2024.

АНАЛИЗ СОСТАВА СЕМЕЙНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Третьякова Ж.В., к.ю.н., доц.,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Могилев,
Республика Беларусь*

Теоретическую базу для исследования института лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности составили труды белорусских ученых-правоведов В.И. Пенкрата, В.В. Подгруша и российских ученых-правоведов С.С. Алексева, М.В. Антокольской, А.М. Беляковой, Л.Е. Чичеровой и др., которые явились основой для работы, связанной с анализом семейно-правовых норм, устанавливающих ответственность родителей за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих родительских обязанностей, а также с анализом состава семейного правонарушения, являющегося основанием для лишения родительских прав. Полученные в результате исследования выводы позволят выработать конкретные предложения по совершенствованию семейного законодательства Республики Беларусь.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Конституции Республики Беларусь родители имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси. Действия родителей при осуществлении родительских прав должны соответствовать требованиям закона, а также выполняться в соответствии с их назначением. Они не должны нарушать прав и законных интересов детей, наносить ущерб интересам общества и государства (ч. 2 ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС)). Если

происходит обратное, т.е. родители не выполняют свои родительские обязанности и их поведение виновно и противоправно, то в отношении их можно применить меры семейно-правовой ответственности.

Семейно-правовая ответственность – это меры государственно-правового воздействия, установленные семейным законодательством или договором (соглашением), наступившие в результате совершения субъектом семейного правоотношения правонарушения либо нарушения договорных обязательств и выражающиеся для правонарушителя в неблагоприятных последствиях личного неимущественного и имущественного характера. Лишение родительских прав – это мера семейно-правовой ответственности, которая обладает всеми характерными для нее признаками, поскольку применяется только за виновное и противоправное поведение родителей. Тем не менее, нельзя отрицать, что данная санкция направлена на защиту законных интересов ребенка. Автор поддерживает точку зрения А.М. Беляковой о том, что лишение родительских прав направлено на охрану здоровья и психики ребенка, а также преследует цель наказать родителей за их антиобщественное поведение и оказать воспитательное, превентивное воздействие на других граждан [2, с. 119].

Лишение родительских прав – это исключительная мера семейно-правовой ответственности родителя за невыполнение или ненадлежащее выполнение родительских обязанностей в отношении своего несовершеннолетнего (не приобретшего полной дееспособности) ребенка, которая направлена на защиту его законных интересов и выражается в утрате родителем всех прав, основанных на факте родства с ребенком. Предлагается указанное авторское определение закрепить в ч. 1 ст. 80 КоБС первым предложением, в целях устранения пробела в регламентации института лишения родительских прав. Данная мера применяется при невозможности защитить права и законные интересы ребенка иным образом.

Основанием применения меры семейно-правовой ответственности является состав семейного правонарушения, под которым понимается общественно-вредное, виновное, противоправное действие (бездействие) деликтоспособного лица, влекущее юридическую ответственность [3, с. 262]. Юридический состав правонарушения, за которым может последовать лишение родительских прав, следующий: субъект – родитель; объект – права и законные интересы ребенка; объективная сторона – противоправное поведение родителя, варианты которого обозначены в ч. 1 ст. 80 КоБС; субъективная сторона – вина родителя в форме прямого или косвенного умысла.

Согласно теории права, обязательными элементами объективной стороны юридического состава правонарушения являются: противоправное поведение субъекта правоотношения; наступление вредных последствий противоправного поведения; причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившими вредными последствиями. Необходимый элемент субъективной стороны состава правонарушения составляет вина правонарушителя. Для исследуемого нами состава семейного правонарушения, в большинстве имеют место случаи, когда обязательными являются лишь два элемента: противоправное поведение субъекта правоотношения (родителя) и его вина (например, уклонение от воспитания ребенка). В указанном примере состав семейного правонарушения является усеченным, так как оставшиеся два его элемента, в том числе наступление вредных последствий для ребенка, необязательны, поскольку ребенок может получать необходимую заботу от других родственников и не страдать от бездействия родителя.

Согласно выводам М.В. Антокольской, которые не вызывают сомнения, в семейном праве под противоправностью понимается нарушение норм объективного права или субъективных прав другого участника семейного правоотношения. Противоправное поведение может выражаться как в совершении активных действий (например, жестокое обращение родителя с ребенком), так и в бездействии. Бездействие является противоправным в тех случаях, когда обязанность действовать была возложена на лицо законом, судебным актом, договором (например, уклонение от выполнения обязанностей родителей). Аморальное поведение рассматривается в качестве противоправного в семейном праве «только в том случае, если на это есть прямое указание закона» [1, с. 100] (например, родители ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка). Все варианты противоправного поведения родителей указаны в ч. 1 ст. 80 КоБС.

Вторым необходимым элементом состава семейного правонарушения, за которым может последовать лишение родительских прав, является вина. Она представляет собой выражение внутреннего психического отношения родителя к своим действиям или бездействию и их последствиям, а также к интересам ребенка и общества [1, с. 100]. Если родитель сознательно и виновно не исполняет свои родительские обязанности, то к нему может быть применена мера ответственности – лишение родительских прав. Если родитель не исполняет указанных обязанностей по не зависящим от него причинам, то есть без вины (в силу, например, недееспособности, психического расстройства, слабоумия, инвалидности, стечения тяжелых обстоятельств), то лишать его родительских прав нельзя. В таком случае для защиты законных интересов ребенка к родителю может быть применена иная мера – отобрание ребенка без лишения родительских прав (ст. 85 КоБС).

Факультативными элементами семейного правонарушения, т. е. носящими непостоянный характер, являются наступление вредных последствий противоправного поведения и конкретная причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившими вредными последствиями. С вредом связывают неблагоприятные, нежелательные, негативные последствия, наступающие в результате правонарушения [4, с. 59]. «Правовое значение имеет вред в виде умаления имущественных или личных неимущественных благ и прав» [4, с. 61]. Для наличия оснований лишения родительских прав законодатель в ч. 1 ст. 80 КоБС непосредственно указывает на виновное и противоправное поведение родителя вне зависимости от наступления вреда, т. е. вредные последствия для ребенка могут и не наступить, хотя основания для применения исключительной меры семейно-правовой ответственности имеются. Автор поддерживает мнение, что родитель должен нести ответственность за свои виновные и неправомерные действия (бездействие) независимо от того, выявились какие-либо вредные последствия для ребенка или нет [1, с. 212].

Также представляется убедительной точка зрения Л.Е. Чичеровой о том, что родители, ненадлежащим образом выполняющие свои родительские обязанности, должны осознавать противоправность своего поведения и возможность наступления вредных последствий для ребенка [4, с. 55]. Указанные последствия могут выражаться в виде причинения имущественного вреда ребенку, например, при уклонении родителя от его содержания. Кроме того, ребенку может быть причинен неимущественный вред – повреждение здоровья и (или) психического состояния при жестоком обращении с ним родителя. Нередко реальный вред ребенку вообще не причиняется. Например, родители отказались от ребенка и подали письменное

заявление о согласии на его усыновление, однако ребенок не страдал от этого, так как в короткие сроки был усыновлен и получил необходимую заботу и воспитание от усыновителей. Поэтому законодатель в большинстве случаев указывает только на противоправное поведение родителя, оставляя вредные последствия за пределами состава семейного правонарушения.

Итак, целью применения исследуемой санкции является не только наказать родителя за виновное невыполнение или ненадлежащее выполнение своих родительских обязанностей. Суд, вынося решение о лишении родительских прав, исходит из соображений защиты законных интересов ребенка. В данном случае лишение родительских прав как мера ответственности выполняет правозащитную функцию, что сближает ее по целевой направленности с мерами защиты. Это обстоятельство вызвано особенностями семейно-правовых санкций. Можно сказать, что в семейном праве обе указанные меры направлены на защиту нарушенных субъективных прав и законных интересов ребенка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антокольская, М. В. Семейное право : учеб. для вузов / М. В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристь, 2004. – 333 с.
2. Белякова, А. М. Вопросы советского семейного права в судебной практике : пособие для слушателей нар. ун-тов / А. М. Белякова. – М. : Знание, 1989. – 144 с.
3. Теория государства и права : учеб. для вузов по спец. «Юриспруденция» / С. С. Алексеев [и др.] ; отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 484 с.
4. Чичерова, Л. Е. Ответственность в семейном праве : вопр. теории и практики / Л. Е. Чичерова ; под науч. ред. В. А. Рыбакова ; Федер. служба исполнения наказаний. – Рязань : Акад. права и упр., 2005. – 195 с.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ, ПРИБРЕТЕННОГО ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ СЕМЕЙНОГО КАПИТАЛА¹

Халецкая Т.М., к.ю.н., доц.,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

С 2015 г. в Республике Беларусь в целях «создания дополнительных условий для укрепления института семей с детьми, формирования долгосрочных экономических предпосылок устойчивых процессов демографического прироста населения республики, усиления социальной защиты семей, воспитывающих детей» появилась дополнительная мера государственной поддержки семей, воспитывающих детей – предоставление им средств семейного капитала. Порядок и условия предоставления семейного капитала были определены Положением о единовременном предоставлении семьям безналичных денежных средств при рождении (усыновлении, удочерении) в 2015–2019 годах третьего или последующих детей, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей» (далее – Положение о единовременном предоставлении семьям безналичных

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (грант № Г23ИП-003)

денежных средств).

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь от 19 апреля 2019 г. А. Г. Лукашенко отметил, что программу семейного капитала необходимо реформировать и продлить на новый пятилетний срок.

В 2020 г. была разработана Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. В ней было отмечено, что «демографические проблемы представляют ключевой вызов для устойчивого развития страны» (далее – стратегия). В числе мер, направленных на решение данной проблемы в стратегии было указано на то, что государство будет уделять особое внимание «развитию востребованных у населения мер социальной поддержки семей с детьми, включая совершенствование системы государственных пособий с акцентом на целевые группы (многодетные семьи, семьи, воспитывающие детей с инвалидностью)». В стратегии утверждалось, что «результатом реализации запланированных мер станет повышение суммарного коэффициента рождаемости с 1,38 в 2019 г. до 1,7 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста». В том же 2020 г. программа предоставления семейного капитала была продлена до 31 декабря 2024 г.

В настоящее время порядок и условия предоставления семейного капитала определяются Положением о предоставлении семейного капитала при рождении (усыновлении, удочерении) в 2020–2024 годах третьего или последующих детей, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 18 сентября 2019 г. № 345 (далее – Положение о предоставлении семейного капитала).

Современное законодательство, устанавливая специальные меры поддержки семьи в виде выплаты средств семейного капитала, актуализировало проблему определения юридической судьбы жилых помещений, приобретенных за счет средств семейного капитала.

В соответствии с п. 2 Положения о предоставлении семейного капитала «после истечения 18 лет с даты рождения ребенка, в связи с рождением (усыновлением, удочерением) которого семья приобрела право на назначение семейного капитала, средства семейного капитала могут быть использованы», в том числе, на улучшение жилищных условий. Досрочно средства семейного капитала могут использоваться на: строительство (реконструкцию), приобретение многоквартирных жилых домов, квартир в многоквартирных или блокированных жилых домах, приобретение доли (долей) в праве собственности на них. Аналогичные правила содержатся и в п. 2 Положения о единовременном предоставлении семьям безналичных денежных средств при рождении (усыновлении, удочерении) в 2015–2019 годах третьего или последующих детей.

По данным на 1 февраля 2024 г. именно на цели улучшения жилищных условий подано 66 555 заявлений (из 81 749) о досрочном распоряжении средствами семейного капитала [2].

В отечественном законодательстве нет ответа на вопрос о том, у кого возникает право собственности на жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) за счет средств семейного капитала. Ответ на данный вопрос имеет практическое значение, поскольку от него зависит порядок распоряжения жилым помещением, на приобретение которого средства семейного капитала были использованы.

В подп. 1.1 Указа № 345 и п. 1 Положения о единовременном предоставлении семьям безналичных денежных средств указано, что право на средства семейного

капитала имеет семья. Т.е. с точки зрения указанных нормативных правовых актов правом на получение средств семейного капитала обладает коллективный субъект – семья. Однако семья, с точки зрения гражданского законодательства, не может рассматриваться в качестве субъекта права собственности на жилое помещение, а значит, жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) за счет средств семейного капитала не может принадлежать семье, которой данные средства выделялись. На основе анализа нотариальной практики Е. Н. Сачек отмечает, что «в большинстве случаев жилые помещения приобретаются на члена семьи, которому семейный капитал назначен», либо на другого члена семьи [3, с. 71].

По мнению С. М. Ананич представляется возможным «два варианта закрепления прав на приобретаемое за счет средств семейного капитала жилое помещение: поступление имущества в общую совместную собственность супругов либо возникновение права общей долевой собственности членов семьи, которые учитывались при назначении семейного капитала» [1, с. 7].

Очевидно, что поскольку средства семейного капитала имеют специальное целевое назначение (поддержка многодетных семей, стимулирования рождаемости и укрепления института семьи), то жилое помещение (часть жилого помещения), приобретенное за счет этих средств не должно быть включено в состав общего имущества супругов. Надо полагать, что поскольку при назначении семейного капитала в составе семьи учитываются как родители, так и дети (п. 4 Положения о предоставлении семейного капитала), то жилое помещение (часть жилого помещения), приобретенное (построенное, реконструированное) за счет этих средств должно поступать в общую собственность родителей и детей. В данном случае речь должна идти об общей долевой собственности.

Именно такое решение избрал российский законодатель, закрепив в ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» обязанность лица, получившего сертификат, его супруги (супруга) оформить «жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению».

Подобное решение представляется единственно верным с точки зрения целей, для достижения которых предоставляются средства семейного капитала, однако и это решение не лишено недостатков.

Во-первых, в подп. 1.1 п. 1 Указа Президента № 345 определено, что размер предоставляемого семейного капитала составляет 22 500 бел. руб. (начиная с 1 января 2021 г. в целях сохранения покупательной способности указанный размер семейного капитала подлежит ежегодной индексации нарастающим итогом на величину индекса потребительских цен, рассчитываемого Национальным статистическим комитетом). Следовательно, семейный капитал, чаще всего, будет покрывать лишь часть стоимости приобретенного (построенного, реконструированного) жилого помещения. Если оставшаяся стоимость супруги будут оплачивать за счет иных источников, то эта часть жилого помещения должна быть включена в состав общего совместного имущества супругов. Полагаем, что при разделе такого жилого помещения размер долей супругов должен определяться с учетом доли семейного капитала в общей стоимости имущества [4, с. 236].

Во-вторых, передача жилого помещения, приобретенного за счет средств

семейного капитала в общую долевую собственность членов семьи, которые учитывались при его назначении, позволит защитить права детей, рожденных на момент использования этих средств на улучшение жилищных условий. Однако неясным остается вопрос о том, может ли ребенок, рожденный после приобретения жилого помещения, претендовать на долю в праве общей собственности на него.

В-третьих, следствием перехода жилого помещения, приобретенного за счет средств семейного капитала в общую долевую собственность членов семьи, которые учитывались при его назначении, станет сложность включения такого жилого помещения в гражданский оборот. Не исключено, что один из детей, имеющих право на долю в таком жилом помещении при достижении совершеннолетия (приобретении полной дееспособности по иным основаниям) будет требовать раздела жилого помещения (п. 1 ст. 255 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)); выдела своей доли из общего имущества (п. 2 ст. 255 ГК); выдела своей доли в натуре (п. 3 ст. 255 ГК). Кроме того участник общей долевой собственности может принять решение о распоряжении своей долей в жилом помещении (п. 2 ст. 249 ГК), в том числе, и путем ее продажи, что неизбежно приведет к сложностям, связанным с реализацией преимущественного права покупки доли в общем имуществе (ст. 253 ГК).

Таким образом, полагаем, что вопрос об определении правовой судьбы жилого помещения, приобретенного за счет средств семейного капитала, имеет важное практическое значение и требует дальнейшего научного осмысления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ананич, С. М. Некоторые вопросы определения состава имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, по законодательству Республики Беларусь / С. М. Ананич // Третьи цивилистические чтения памяти проф. М. Г. Прониной : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – С. 7–10.

2. Программа семейного капитала в Беларуси: правила получения и использования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tomin.by/news/econ/22067-semejnyj-kapital-v-belarusi>. – Дата доступа: 09.03.2024.

3. Сачек, Е. Н. Приобретение недвижимости с использованием семейного капитала / Е. Н. Сачек // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 5. – С. 71–72.

4. Халецкая, Т. М. Правовое регулирование имущественных отношений супругов: актуальные проблемы / Т. М. Халецкая // Третьи цивилистические чтения памяти проф. М. Г. Прониной : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – С. 232–236.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАЧАЛА ПОСТРОЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

*Хатеневич, Т. Г., канд. юрид. наук, доцент,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Основные начала построения и функционирования системы противодействия коррупции являются ее принципами, которые едины для всех проявлений такого противодействия. Следует при этом отметить, что в Законе Республики Беларусь от

15 июля 2015 г. № .305-3 «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) речь идет о принципах не противодействия, а борьбы с коррупцией. Так, в статье 4 вышеуказанного Закона определено, что борьба с коррупцией основывается на принципах: законности; справедливости; равенства перед законом; гласности; приоритета мер предупреждения коррупции; неотвратимости ответственности; личной виновной ответственности; гуманизма. Думается, что перечисленные основополагающие начала охватывают только одну сторону процессов противодействия коррупционным проявлениям, которая проявляется в борьбе с коррупцией.

В научной литературе представлены различные взгляды на понятие борьбы с коррупцией в частности и в целом - борьбы с преступностью. Например, А. В. Дулов рассматривает борьбу с преступностью «как совокупность мер экономического, политического (правового), психологического, организационного, технического характера, направленных на устранение (ослабление) факторов, способствующих совершению преступления» [2, с. 3]. В данном случае – широкое определение. С другой стороны, борьба с преступностью предполагает активное осуществление мероприятий, направленных на выявление, раскрытие и расследование уже совершенных противоправных деяний. Эти мероприятия реализуются в основном правоохранительными органами и находят свое отражение, например, в милицейской статистике (количество раскрытых преступлений, расследованных, направленных в суд уголовных дел и т.д.) [1].

Под противодействием коррупции можно понимать деятельность государственных органов, иных организаций, а также граждан по предупреждению, выявлению, пресечению коррупции, связанных с ней правонарушений, деяний, создающих условия для коррупционных правонарушений, а также по их профилактике. Таким образом, противодействие коррупции, на наш взгляд, включает и борьбу с коррупцией (включая ее предупреждение), и профилактику нарушений антикоррупционного законодательства. Следовательно, перечень принципов противодействия коррупции, предположительно, охватывает другое количество основополагающих требований, чем это установлено в Законе о борьбе с коррупцией.

Определяя понятие принципов противодействия коррупции, следует назвать и их признаки. Они позволяют отличить принципиальные нормативные установления от других норм права, не имеющих основополагающего характера. Признаки принципов противодействия коррупции:

1) объективный характер – они отражают исторически сложившиеся закономерности построения и функционирования системы противодействия коррупции, воплощают господствующие в обществе правовые и этические идеи;

2) общий характер – принципы закрепляют наиболее общие подходы в области противодействия коррупции;

3) являются руководящими положениями, обязательны для соблюдения всеми участниками борьбы с коррупцией и профилактики коррупции, а также гражданами;

4) должны быть закреплены и определены в Законе о борьбе с коррупцией.

Принципы подразделяются на конституционные и принципы, которые в Конституции не закреплены, но следуют из Закона о борьбе с коррупцией, других нормативных правовых актов (например, в данном случае следует упомянуть Закон Республики Беларусь 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»). В данном Законе определено, что деятельность субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений

основывается на принципах: законности; гуманизма; плановости и системности; осуществления индивидуальной профилактики правонарушений с учетом личности гражданина; защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций; скоординированности действий и оперативного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений; ответственности должностных лиц субъектов профилактики правонарушений за нарушение законодательства в сфере профилактики правонарушений; сохранения традиционных семейных ценностей; уважения частной жизни; недопустимости рассмотрения обычаев, убеждений, традиций как оправдания правонарушений; приоритета предупредительных мер над мерами ответственности.

Ряд основополагающих положений противодействия коррупции имеют конституционно-правовую природу, они закреплены в Конституции Республики Беларусь. Это прежде всего принципы законности и равенства перед законом. Именно они гарантируют защиту прав и свобод человека при антикоррупционной деятельности, обеспечивают ее легитимный характер в правовом государстве.

Другие принципы имеют межотраслевую природу.

Например, такие принципы как справедливость, неотвратимость ответственности, личная виновная ответственность, гуманизм также названы принципами уголовного закона и уголовной ответственности в ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Гласность судебного разбирательства указана в главе 2 «Задачи и принципы уголовного процесса» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в числе принципов уголовного процесса.

Принцип приоритета мер предупреждения коррупции будет относиться к специальным принципам, относящимся исключительно к отрасли противодействия коррупции. Этот принцип предполагает, например, реализацию требований национального стандарта СТБ ISO 37001–2020 «Системы менеджмента борьбы со взяточничеством. Требования и руководство по применению», сфера действия которого – антикоррупционный комплаенс.

Полагаем, что следует обратить внимание также на принцип транспарентности как основополагающее начало деятельности по противодействию коррупции. Он не назван в Законе о борьбе с коррупцией. Тем не менее, об этом принципе в таком его качестве идет речь в ряде исследовательских работ [7, с. 59-69; 5, с. 103-104]. Его также относят к принципам правосудия [8, с. 127], а также относят к важнейшим средствам обеспечения противодействия коррупции или исключения конфликта интересов при противодействии коррупции [3, с. 148-159]. Авторы при этом зачастую отождествляют транспарентность и открытость, гласность, отсутствие секретности, официальность, публичность заседаний суда [8, с. 103], что представляется не совсем верным. Действительно, понятие «транспарентность» происходит от англ. *transparency* – «прозрачный», «прозрачность». Однако в юридической литературе зачастую используются понятия и термины, заимствованные из иностранной лексики, без переосмысления, что, на наш взгляд, недопустимо в юридической практике.

Транспарентность должна пронизывать все направления и отрасли деятельности соответствующего субъекта или субъектов. При толковании понятия транспарентности речь должна вестись не только о судебном заседании [8] или только о деятельности государственных органов и должностных лиц [5]. Транспарентность должна реализовываться в деятельности всех причастных к противодействию коррупции. В частности, в соответствии с абз. 2 ст. 6 Закона о

борьбе с коррупцией государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, решают стоящие перед ними задачи самостоятельно и во взаимодействии между собой, с другими государственными органами и иными организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь. Граждане активно участвуют в деятельности по противодействию коррупции. В Законе о борьбе с коррупцией отдельные нормы посвящены гарантиям физическим лицам, способствующим выявлению коррупции. В определенном смысле созданы условия для подтверждения значимости поощрительной уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности гражданина, добровольно заявившего о даче взятки, посредничестве во взяточничестве или соучастника получения взятки [4, с. 109].

Транспарентность противодействия коррупции предполагает открытость информации о методах борьбы и профилактики коррупции. Такая информация должна быть открыта и доступна для каждого гражданина и юридического лица. При этом на практике не всегда возможно найти в открытом доступе, например, информацию о составе комиссии по противодействию коррупции в конкретной организации. Элементом транспарентности в противодействии коррупции является обязательное опубликование проектов нормативных правовых актов и их общественное обсуждение, представляющее одну из форм общественного контроля за принятием властно-публичных решений государственными органами. Такая процедура предусмотрена Законом Республики Беларусь № 130-З от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах».

Таким образом, в числе принципов противодействия коррупции наряду с такими положениями как законность, справедливость, равенство перед законом, гласность, приоритет мер предупреждения коррупции, неотвратимость ответственности, личной виновной ответственности, гуманизм можно также рассматривать транспарентность деятельности государственных органов, иных организаций, а также граждан по предупреждению, выявлению, пресечению коррупции, связанных с ней правонарушений, деяний, создающих условия для коррупционных правонарушений, а также по их профилактике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева, А. П. Понятие противодействия преступности / А. П. Алексеева, П. И. Бабошкин // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-protivodeystviya-prestupnosti> – Дата доступа : 29.02.2024.
2. Дулов, А. В. Правовая основа стратегии борьбы с преступностью / А. В. Дулов // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы междунар. Науч.-практ. Конф., 19-19 октября 2013 г., Минск / редкол. : И. О. Грунтов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : изд. Центр БГУ. – 2013. – С. 3-7.
3. Василевич, Г. А. Транспарентность деятельности должностных лиц как важнейшее средство исключения конфликта интересов / Г. А. Василевич // Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе. – Минск : Беларуская навука, 2018. – С. 148-159.
4. Науменко, Н.Ю. Принцип транспарентности экологической информации / Н.Ю. Науменко // Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU». – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=45156984> – Дата доступа : 29.02.2024.
5. Трухан, Е.И. Транспарентность как принцип деятельности государственных органов в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] / Е.И. Трухан // Научная электронная

библиотека «eLIBRARY.RU». – Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_35211715_81767861.pdf – Дата доступа : 29.02.2024.

6. Хатеневич, Т.Г. Высокий уровень правосознания граждан как условие эффективности поощрительных уголовно-правовых норм / Т. Г. Хатеневич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 105-111.

7. Хлус А.М. Транспарентность как важнейший принцип развития ЕАЭС и противодействия коррупции / А.М. Хлус. – Современные евразийские исследования: Научный журнал / Под ред. Голуба Ю.Г. – Саратов, 2018. – Вып. 1/2018. – С. 59-69.

8. Ярошенко, Н.И. Принцип транспарентности как конституционный принцип осуществления правосудия в России [Электронный ресурс] / Н.И. Ярошенко // Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU». – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=20316501>. – Дата доступа : 29.02.2024.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Хачатурян Н.Г., магистрант,
БГЭУ – Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Республика Беларусь
Научный рук. Шарана И.А.*

Эффективная система права и законодательства – регулятор общественных отношений. С.А. Комаров в своем седьмом издании учебника «Общая теория государства и права» утверждает: «Система права - внутренняя форма права, его строение по отраслям и институтам. Система законодательства – внешняя форма права, в которой отрасли и институты права выражены» [3, с. 315].

По мнению Дробязко С.Г., правовая системность – это реализация всех качеств системы вообще применительно к особенностям права как надсистемы, суперсистемы, интегрирующей все регулируемые или социальные системы, самой сложной и самой важной из всех систем социума [1, с.21].

В современном мире значительное влияние на развитие всех государств оказывают процессы глобализации и регионализации. Беларусь всегда позиционировала себя как миролюбивое, дружественное государство, открытое к диалогу и сотрудничеству. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь среди национальных интересов отмечено «прагматичное взаимодействие с мировыми центрами силы, основанное на эффективной многосторонней и многовекторной дипломатии, стратегическом партнерстве и особых отношениях с дружественными государствами, равноправном взаимодействии и взаимном учете интересов». Исходя из этого строилась правовая основа международного взаимодействия с другими государствами, международными организациями, иными субъектами международного права. Воздействие международного права на национальное законодательство неизбежно, и приоритет общепризнанных принципов международного права провозглашен в Конституции Республики Беларусь (статья 8) [4].

Любое законодательство отражает определенные модели поведения, сложившиеся между отдельными субъектами. При этом государство закрепляет в законодательстве морально-нравственные нормы.

Качество правового регулирования напрямую зависит от того, будут ли субъекты правоотношений добровольно исполнять предлагаемые правила поведения, не будет ли существовать конфликт между моделью правомерного поведения, легализованной законодательством, и морально-нравственными ограничениями. Признавая правомерным морально уязвимое поведение, государство рискует потерять доверие лиц, для которых выполнение нормативных предписаний является в первую очередь моральным долгом, но не требованием закона.

Легализация морально уязвимого поведения снижает авторитет законодательства. В Республике Беларусь не должны приниматься нормативные правовые акты, противоречащие традиционным для белорусского народа морально-нравственным ценностям.

Для национального нормотворчества важно признание и защита материальных и духовных ценностей, укорененных в национальной культуре. Каждое государство имеет собственный исторический опыт, обуславливающий те или иные правовые традиции, систему законодательства в целом, сформированное государственное устройство.

Акты законодательства должны быть доступны и понятны для граждан.

Важность развития правового образования и повышения правовой культуры населения должно быть приоритетом.

Формулируя основные тезисы по исследуемой теме, можно было бы акцентировать особое внимание на:

- необходимость совершенствования законодательства в соответствии с международными стандартами прав человека.
- усиление роли правовой системы в обеспечении прав и свобод граждан.
- проблемы коррупции и недостатки в сфере соблюдения законов.
- необходимость улучшения доступности и понятности законодательства для граждан.
- важность развития правового образования и повышения правовой культуры населения.
- роль общественных организаций и гражданского общества в контроле за соблюдением законов.
- необходимость более эффективного механизма реализации прав и свобод граждан в судебной системе.
- важность постоянного анализа и адаптации законодательства к изменяющимся условиям общественной жизни.
- важность сотрудничества между государственными органами, общественными институтами и частным сектором для обеспечения правовой стабильности и развития общества.

На наш взгляд, с учетом вышеизложенного, тем не менее, необходимо совершенствовать национальное законодательство в соответствии с международными стандартами прав человека. Считаем необходимым обратить внимание на усиление роли правовой системы в обеспечении прав и свобод граждан; цифровизацию правовой системы; устранение проблемы коррупции и недостатков в сфере соблюдения законов.

Необходимо обеспечить независимость судов и судей от внешних влияний, чтобы гарантировать справедливое и беспристрастное рассмотрение дел.

Считаем, что необходимо сделать правосудие более доступным для граждан, в том числе через улучшение доступа к бесплатной юридической помощи и

обеспечение справедливого судебного процесса.

Организация проведения информационных кампаний и образовательных программ о правах человека, законе и правосудии для повышения осведомленности граждан о своих правах и обязанностях. При чем, акцентировать о балансе, гармонии прав и обязанностей.

Обучение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов будет гарантом для более эффективной защиты прав граждан.

Принятие этих мер поможет укрепить роль правовой системы в обеспечении прав и свобод граждан в Республике Беларусь и создать более справедливое общество.

Для улучшения доступности и понятности законодательства для граждан в Республике Беларусь можно организовать:

упрощение языка законов и правовых актов, исключение излишней юридической терминологии и использование понятных для широкой аудитории формулировок;

проведение образовательных программ и кампаний по повышению правовой грамотности среди населения, включая проведение семинаров, конференций и обучающих курсов. Российские ученые Хачароева А. Х., Хунарикова П. Х. и Погоров Б. А. считают, что в 20-30-х годах XX века вопросы формирования правовой грамотности рассматривались в контексте коммунистического воспитания и определялись как отвечающие основным партийным постулатам; свобода, как внутреннее осознание необходимости, которая предусматривала почти полное растворение личности в проблемах и интересах коммунистической партии [5, с. 257]. В наши дни под «правовой грамотностью» принято понимать общее знакомство граждан с правовыми основами государства, видами права и нормами, регулирующими общественные отношения [5, с. 257];

создание общедоступных специальных онлайн-платформ, где граждане могут получить доступ к текстам законов, разъяснениям и комментариям к ним, а также задать вопросы юристам;

а также, вовлечение общественности в процесс разработки и улучшения законодательства путем проведения общественных слушаний, консультаций и опросов.

Надо понимать, что рассуждения о ясности и понятности закона, были сформулированы в XX и начале XXI в. В новой реальности складывается мнение, что правовая норма должна быть не просто понятно сформулирована, но и в доступной форме донесена до пользователя, «потому что право – это про человека» [2].

Повышение правовой культуры населения является важным шагом к обеспечению соблюдения прав и свобод граждан, а также укреплению правового государства. Для этого, в дополнение к предложенным мерам, важное место должно занимать обучение школьников: внедрение в школьные программы элементов правового образования для формирования у школьников базовых знаний о законах и правах человека. А поддержание самообразования у граждан обеспечат стимулирование самостоятельного изучения законодательства и правовых норм через доступ к онлайн-ресурсам, книгам, статьям и другим информационным материалам.

Повышения роли общественных организаций в контроле за соблюдением законов необходимо предпринять следующие меры: организовать участие общественных организаций в разработке законопроектов, сотрудничество с государством, установление диалога и сотрудничества между общественными

организациями и государством для эффективного контроля за соблюдением законов. Это укрепит роль общественных организаций в контроле за соблюдением законов, повысит прозрачность и ответственность в обществе, а также защитит права и интересы граждан.

Думается, что использование медиации как альтернативного способа разрешения споров, поможет избежать длительных и дорогостоящих судебных процессов.

Для сотрудничества между государственными органами, общественными институтами и частным сектором с целью обеспечения правовой стабильности и развития общества необходимо создать платформы для обсуждения вопросов правовой стабильности и развития общества между государственными органами, общественными институтами и представителями частного сектора.

Выработка общих стратегий и программ действий, направленных на укрепление правовой стабильности и развитие общества, с учетом интересов всех заинтересованных сторон. А проведение регулярного мониторинга и оценки результатов сотрудничества между государственными органами, общественными институтами и частным сектором для выявления достигнутых целей и определения дальнейших шагов.

Принятие данных мер позволит укрепить партнерство между различными секторами общества, повысить эффективность действий по обеспечению правовой стабильности и развитию общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дробязко, С.Г. Проблемы системности в праве / С.Г. Дробязко // Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и регионально й интеграции : постсоветски й опыт и перспективы устойчивого развития : материалы науч.-практ. конф., 7–8 окт., г. Минск. – Минск : БГУ, 2011. – С. 21–26.

2. Зубанова, В. Законы для новой цифровой реальности. Право с человеческим лицом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4847792?query=цифровое%20правосудие>. – Дата доступа: 09.03.2024

3. Комаров, С.А. Общая теория государства и права / С.А. Комаров. - Минск, 2005. - 315с.

4. Мицкевич, В.В. Становление и развитие права современной Беларуси Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/stanovlenie-i-razvitie-prava-sovremennoy-belarusi>. – Дата доступа: 07.03.2024.

5. Хачароева, А. Х. Особенности формирования правовой грамотности обучающихся / А. Х. Хачароева, П. Х. Хунарикова, Б. А. Погоров // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70. – С. 257–260.

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цыдик А.А., магистрант 1 курса,

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Преступления в сфере информационных технологий за последнее время в

Республике Беларусь имеют негативные количественные показатели, что является своего рода «платой» за прогресс в информационной и технической сферах. Рост совершения преступлений в сфере информационных технологий – это результат развития, доступности и популярности цифровых технологий в нашей современной жизни. В связи с этим, весьма актуальным для криминологической науки будет изучение причинного комплекса данного вида преступления, который позволит указать на то, какие процессы их порождают, в каких конкретных условиях они могут возникнуть и в дальнейшем выявить наиболее эффективные меры для профилактики и предупреждения данного вида преступлений.

Причинность преступности следует рассматривать как одну из форм универсального взаимодействия между причиной и следствием. В связи с этим следует согласиться с мнением А. И. Долговой, которая утверждает, что «причина, производя действие, порождает следствие, она всегда предшествует следствию, а следствие, в свою очередь, не может быть причиной и она (причина) не может быть сведена к следствию» [1, с. 89]. Но нельзя забывать, что взаимосвязь «причина-следствие» возможна только при совокупности необходимых условий, поскольку в механизме причинности преступности причина порождает следствие, а условие способствует этому. Такого же мнения придерживается и ряд авторов [4, с. 39].

В тоже время, несмотря на общепринятое мнение в криминологической доктрине о разделении социальных явлений и процессов, детерминирующих преступность, на причины и условия, в правоприменительной практике разграничить их очень сложно. Это обосновано тем, что причины и условия могут меняться местами т.е. заменять друг друга. Более того, условия сами не могут породить преступление, но без их наличия причина не может ни сформироваться, ни реализоваться. Поэтому на вопрос о том, что же относится к причинам преступности, а что к условиям ее существования, криминологи отвечают неоднозначно.

Причинное объяснение этого явления – необходимое составляющее любого криминологического исследования, способное указать на то, какие процессы порождают данное явление, в каких конкретных условиях оно может возникнуть.

На теоретическом уровне существует множество подходов к определению причин и условий преступности в целом. Так, причины противоправного поведения называют по-разному: факторы, криминогенные детерминанты, обстоятельства преступлений, условия. На наш взгляд, все эти термины, так или иначе, обозначают однопорядковые явления, поэтому совершенно справедливо, указывая на сложность разграничения причин и условий преступности, возможности их трансформации из одного качества в другое. Ряд криминологов использует термин факторы, обозначающий как причины, так и условия.

В научных работах особо подчеркивается, что причины и условия преступности социальны по своему происхождению и сущности. Такая позиция является господствующей в системе современной криминологии. Отдельные попытки переоценить роль биологических факторов в системе причин преступности не получили широкого распространения, поскольку считается общепризнанным, что ни одно социальное явление не может быть объяснено с помощью биологических теорий. Вместе с тем современные криминологи не отрицают, что биологические особенности личности хотя и не порождают преступности, но оказывают значительное влияние на поведение человека, являются базой для восприятия человеком социальной программы.

Характеристика личности преступника, совершившего компьютерное

преступление, является важной частью понимания самого явления компьютерной преступности, выступающего достаточно новым для наук уголовно-правового цикла и судебно-следственной практики, а также причин совершения преступления, в связи с чем, нуждающегося в подробном осмыслении.

Исследование личности киберпреступника приобретает особое значение по мере постепенной широкой информатизации общества, так как соответствующие познания позволяют не только выявлять и пресекать соответствующие общественно опасные деяния, но и станут значимы для их превенции, содействуя тем самым комплексной охране и защите общественных отношений в сфере компьютерной информации. Как отметил по этому поводу М. А. Простосердов, «полученные данные помогут выделить примерный круг лиц, нуждающихся в дополнительном контроле со стороны государственных правоохранительных органов, что облегчит поиск виновных и предупреждение новых преступлений» [3, с. 64].

Среднестатистический киберпреступник – это лицо, в возрасте 16-40 лет, имеющий либо достаточно хорошие либо профессиональные навыки работы с информационными технологиями или вредоносными программами, проживающий в городской местности, не имеющий постоянного источника дохода, совершающий преступления из корыстных намерений.

Следует отметить, что большинство осужденных по преступлениям, совершаемых в данной сфере, являются мужчинами. Учитывая судебную практику, женщины здесь являются соучастниками совместно с мужчинами, либо преступление совершается по совокупности с другими преступлениями, либо совершено с использованием своего служебного положения.

Следует также обратить внимание на тот факт, что с каждым годом прослеживается тенденция понижения возраста киберпреступников. Получаемые в школе базовые знания информатики, любопытство, развитие сети Интернет, появление множества обучающих и вспомогательных материалов в открытом доступе, относительно доступная стоимость компьютера, выводит совершение киберпреступлений на новый, более доступный уровень.

Составленный примерный портрет личности киберпреступника, совершившего преступление в сфере информационных технологий, является достаточно условным и требуют дальнейших углубленных криминологических исследований с учетом постепенного роста динамики данного вида преступности.

Учитывая тот факт, что причин и условий, совместные действия которых вызывают следствие, большое количество, мы будем говорить о причинном комплексе цифровой преступности как о «совокупности факторов и связанных с ними социальных противоречий, детерминирующих криминогенность».

Исследование причинного комплекса криминогенности цифровой преступности позволит раскрыть природу этого явления, объяснить ее происхождение, показать особенности, способствующие сохранению ее высокого уровня.

Известно, что в ходе изучения причинного комплекса цифровой преступности следует обращать внимание на комплексные блоки причин и условий, способствующих совершению преступлений. К ним следует отнести социально-политические, социально-экономические, социально-правовые и иные.

Анализ особенностей социально-экономических причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере компьютерных технологий конечно же лежит в основе экономических отношений, вызванных длительными

кризисными явлениями, нестабильностью экономической политики, которые влияют на социальную и экономическую не стабильность, а в последние годы в Республике Беларусь все чаще обращают на себя внимание, выступили своеобразным «стимулятором роста криминогенности».

Следует также обратить внимание и на проблему социального и цифрового неравенства. В теории криминологии с момента ее возникновения в XIX в. неравенство относили к числу главных причин преступности. С начала XXI в. во всем мире слово «неравенство» не сходит со страниц газет и экранов телевизоров [5, с. 294].

Большинство исследователей полагают, что экономическое неравенство – это главное зло, с которым сталкивается современное общество [2, с. 803]. Мы уже сегодня сталкиваемся с проблемой цифрового неравенства, информационного неравенства, когда представители социальной группы зачастую ограничены в возможности иметь доступ к современным средствам коммуникации. Цифровой барьер является термином социально-политического характера. На возможности ущемленной группы влияют отсутствие или ограниченность доступа телевидению, Интернету, телефонной связи (мобильной и стационарной), радио. Все это ограничивает возможности этой группы в поиске работы, налаживании социальных связей, культурном обмене и может негативно влиять на экономическую эффективность, развитие и сохранение культуры, уровень образования.

Согласно общепринятым воззрениям на цифровое (информационное) общество, его специфика такова, что свободный обмен информацией способствует преодолению нищеты и неравенства, однако у тех, кто отключен от такого обмена, перспективы катастрофически ухудшаются.

В данном случае не так важно, какими конкретно причинами продиктовано наличие цифрового неравенства между теми, кто может пользоваться благами и соблазнами Сети, и остальным миром. Существенно другое: цифровое будущее провоцирует возникновение «новых бедных». В эту группу можно зачислять не только тех, кто по объективным причинам лишен возможности доступа к Интернету и цифровым устройствам. Сюда же попадают и пользователи, некачественно применяющие предложенные технические возможности. Кажется, что разница между этими группами велика, но это не совсем так. Первые не могут познакомиться с плодами научно-технической революции, вторые – осознанно или нет – не хотят. Результат в обоих случаях плачевный – будущее наступает без них.

Социально-политические причины, способствующие распространению преступлений в сфере информационных технологий также взаимосвязаны с экономическими и политическими условиями. Политическая нестабильность всегда влияет на экономическую и социальную ситуацию в обществе. Политическая ситуация и состояние политической власти оказывают влияние на все аспекты отношений в обществе и определяют уровень стабильности государства. Если политическая власть нестабильна, это может привести к изменениям в отрицательной стороне в регулировании общественных отношений и, как следствие, снижению уровня жизни населения, их незащищенности в правовой и социальной сферах. В результате возникают негативные последствия, в том числе увеличение уровня преступности.

Таким образом, исследование причинного комплекса компьютерной преступности свидетельствует о том, что важную роль здесь играют причины социально-правового характера. Только лишь воздействуя на весь причинный

комплекс преступности в сфере информационных технологий, можно значительно снизить ее уровень. Развитие цифровых технологий сегодня находится в стадии становления. Однако этот прогресс необходимо сопровождать разработкой соответствующей нормативной базы, которая не только регулирует использование цифровых технологий, но и обеспечивает гарантии для защиты личности, общества и государства в целом. Кроме того, необходима подготовка административных регламентов для специалистов, работающих с цифровыми технологиями и применяющими их во всех сферах жизнедеятельности общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Долгова, А. И. Криминология: учеб. для вузов / А. И. Долгова. – М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 267 с.

2. Полозовская, А. Ю. Причины и условия совершения компьютерных преступлений / А. Ю. Полозовская // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 802-805.

3. Простосердов, М. А. Виртуальное пространство: криминологические проблемы и общественная опасность преступлений, совершенных в сети Интернет / М. А. Простосердов // Преступления в информационной сфере: проблемы расследования, квалификации, реализации ответственности и предупреждения: материалы Международной научно-практической конференции 14-15 февраля 2013 года. - Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 64-69.

4. Сизов, А. В. Причины и условия совершения преступлений в сфере компьютерной информации / А. В. Сизов // Информационное право. – 2008. – № 2. – С. 38-42.

5. Торопов, С. А. Анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере компьютерной информации / С. А. Торопов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 294-295.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

*Чепрасов М.Н., канд. юрид. наук, доцент,
Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Липецк, Российская Федерация*

Проблемы квалификации коррупционных преступлений тесно связаны с особенностями объективных и субъективных признаков каждого преступления, а также их законодательного закрепления и судебной практики по данным вопросам. Проблемы квалификации – это сложности в процессе соотношения признаков фактически совершенного преступления и его описания в норме УК РФ. Существующие проблемы в процессе квалификации влияют на правильную оценку органами государственной власти совершенного деяния, что сказывается на статистических данных, а также на практике последующей квалификации и расследования преступлений.

К числу проблем квалификации, имеющих первостепенное значение и относящихся ко всему перечню коррупционных преступлений, предлагаем отнести: 1) предмет коррупционных преступлений не включает в себя цифровую валюту, финансовые активы, а также услуги неимущественного характера; 2) отсутствие

указания на то, что коррупционные преступления совершаются не только из корыстных мотивов; 3) сложности разграничения коррупционных преступлений между собой; 4) сложности установления субъективных признаков при совершении множества преступлений коррупционной направленности; 5) проблемы установления признаков коррупционного преступления, совершенного в соучастии.

Первое, на протяжении всего существования современного УК РФ и практики квалификации коррупционных преступлений, в теории уголовного права поднимается вопрос о предмете преступления. С 1996 года общественные отношения значительно изменились, появились новые правовые и экономические явления, которые уже внедрены в жизнь множества людей, но не учитываются действующим уголовным законодательством. Так, не учитывается распространение в России и других странах криптовалюты и другой цифровой валюты. Указанные предметы определяются ФЗ РФ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8].

Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном ФЗ РФ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Приведем пример из судебной практики. Так, по данным российской газеты в 2021 году был вынесен приговор по делу о взяточничестве, где предметом взятки была криптовалюта Bitcoin. Второй Западный окружной военный суд в пятницу, 26 февраля, вынес приговор бывшим следователям Следственного управления ФСБ России Б. и К. Их признали виновными в вымогательстве взятки в биткоинах у семьи бывшего гендиректора издательства «Известия» Эраста Галумова. Б. приговорили к 9 годам колонии строгого режима, а К. - к 12 годам. судом были конфискованы вещественные доказательства по делу - а именно биткоины, которые бывшие следователи получили в качестве взятки. Речь идет о двух транзакциях в 0,10 и 4,74 биткоина, что по актуальному на сегодня курсу составляет около 17 млн рублей. По данным следствия, биткоины в размере 1 млн долларов Б. и К. вымогали у семьи Эраста Галумова, чье дело о мошенничестве находилось в их производстве [6].

Или, по данным ГТРК «Кострома» в 2020 году был вынесен приговор лицу, выполняющему управленческие функции в ресурсоснабжающей организации по ст. 201 УК РФ. Судом было установлено, что местный житель занимался майнингом

криптовалюты в своих производственных помещениях в Нерехтском районе. Чтобы снизить стоимость потребляемой электроэнергии, он установил специальные магнитные устройства на счетчики, а прибыль делился с руководителем ресурсоснабжающей организации. В результате неучтённого потребления электричества, ресурсоснабжающей организации был причинен ущерб на сумму около 2,6 миллиона рублей [4].

Особенности квалификации подобных преступлений определены в исследовании Е.А. Усачевой и А.Д. Филимонова, которые отметили, что «учитывая правовую неопределенность, которая до сих пор остается несмотря на определенные законодательные решения, не во всех районах, городах и субъектах криптовалюта признается в качестве предмета взятки, поскольку разнится подход к пониманию ее природы. Одни считают, что криптовалюта отнесена законодателем к цифровым правам, другие, что она является имуществом. На наш взгляд нецелесообразно относить цифровую валюту ни к одной, ни к другой из указанных категорий» [11, с.88].

Учитывая это мнение, обратимся к ППВС «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», который в 2020 году был дополнен следующим абзацем: «В тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.». законодатель признал возможность передачи цифровых прав, но не уточнил положение цифровой валюты в случае совершения коррупционного преступления.

Отметим, что цифровые права могут выступать в качестве имущественных прав, но цифровая валюта – это совокупность электронных данных, которые принимаются или могут быть приняты в качестве средства платежа. Об этом же пишет и Н.С. Александрова: «Цифровая валюта представляет собой электронные данные, которые могут быть приняты в качестве средства платежа и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед их обладателями. Вынуждены отметить неопределённость такого понятия. Признание в законодательстве возможности использования в качестве средства платежа приближает цифровую валюту к понятию денег. Законодателю необходимо определить, являются ли цифровые валюты имуществом или же в перспективе альтернативой денежным средствам» [1, с. 30]. С учетом того, что цифровая валюта имеет близость к деньгам, но в настоящее время не используется в России в качестве платежного средства, этот предмет необходимо выделить отдельно.

Второе, на протяжении длительного времени осуждается подход, в соответствии с которым коррупционные преступления могут совершаться только из корыстных мотивов, что прописано в Указании Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ. При этом, например, в ст. 285 или 286 УК РФ указывается на то, что преступления могут совершаться из корыстной или иной личной заинтересованности. Иная личная заинтересованность характеризуется стремлением лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.

Например, по данным РБК в августе 2023 года Гарнизонный военный суд в Ростове-на-Дону приговорил к пяти годам колонии бывшего заместителя командующего войсками Южного военного округа (ЮВО) по материально-техническому обеспечению генерал-лейтенанта В. за взятку. Его обвиняли не только во взяточничестве (п.п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК), но также в злоупотреблении должностными полномочиями и мошенничестве (ч. 1 ст. 285 и ч. 3 ст. 159 УК).

По версии следствия, в 2021 году генерал занялся ремонтом в своем ростовском доме и благоустройством прилегающего участка. Эти задачи он возложил на ФГБУ «Центральное жилищно-коммунальное управление» (ЦЖКУ) Минобороны по ЮВО. Начальник управления Т. организовал проведение работ в том числе с участием сотрудников подведомственной управлению организации. За услуги подрядчиков и стройматериалы Тхоров и его подчиненные заплатили больше 300 тыс. руб. Также следователи установили, что филиал ЦЖКУ заключил два фиктивных контракта почти на 1 млн руб. с ООО «Батайская строительная компания» на поставку товаров, а продукция на 250 тыс. руб. была использована при ремонте дома В [5].

Подобная ситуация также складывается при написании научных работ, составлении отзывов, неправомерное награждение по службе или работе и прочее. Указанные явления зачастую не могут быть официально оценены органами следствия или дознания, в отличие от ремонтных работ. Получение взамен на использование своих должностных или служебных полномочий услуг неимущественного характера все чаще возникает в практической деятельности, что свидетельствует о необходимости расширения предмета взятки и в этом направлении. Ю.В. Трунцевский пишет об этом следующее: «Неимущественные блага могут быть получены лицом в рамках его коррупционного поведения, но при этом взяткой они согласно материальной природе предмета взяточничества в российском уголовном праве считаться не могут. Факт получения услуги неимущественного характера, неимущественных прав или иных неправомерных (нематериальных) преимуществ в результате злоупотребления публичным должностным лицом своим влиянием (действительным или предполагаемым) нельзя рассматривать как получение взятки» [11, с.68]. Для внесения ясности в этот вопрос возникает необходимость изменения российского законодательства о борьбе с коррупцией.

Третья проблема связана со сложностями разграничения некоторых коррупционных преступлений между собой. Прежде всего возникают сложности разграничения взяточничества по ст. 290, 291 УК РФ от мошеннических действий по ст. 159 УК РФ. Отличительной особенностью данных преступлений является наличие фактической возможности совершить незаконные действия по службе, связанные с исполнением полномочий или незаконным бездействием со своей стороны. В тех случаях, когда лицо обещает совершить коррупционное деяние, фактически не имея такой возможности, вводя в заблуждение второе лицо по поводу наличия таких прав, деяние следует квалифицировать как мошенничество. Это правило нашло отражение и в ППВС «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Г.В. Алексеев приводит пример: «Должностное лицо – следователь И. подбрасывает в общественном месте, где большое скопление людей, наркотическое средство в карман лицу, которое никаких преступлений не совершало. В ходе обыска наркотические средства находят и изымают. Потерпевшему предъявляется обвинение в сбыте наркотических средств при отсутствии других свидетельств,

подтверждающих факт сбыта, а позже следователь требует от лица денежные средства за свое бездействие – не возбуждение уголовного дела за сбыт наркотических средств» [2, с.47]. В данном случае следователь совершает мошеннические действия, т.к. изначально основания для возбуждения уголовного дела у него не было, и он их искусственно сформировал сам.

При квалификации следует обращать внимание и на то, что мошеннические действия с использованием служебного положения могут касаться и других полномочий, которые не входят в компетенцию виновного лица, но другая сторона об этом не знает, в силу отсутствия практического опыта, знаний.

Также, следует разграничивать посреднические действия во взяточничестве по ст. 291.1 УК РФ и дачу взятки по ст. 291 УК РФ. Для правильной квалификации необходимо установить, что посредник действовал в интересах и по поручению взяткодателя. Со стороны посредника совершаются действия по передаче предмета взятки, тогда как сам он не получает от получателя никаких услуг. Можно заключить, что посредник выступает от своего имени, передавая, как правило, ценности, которые ему не принадлежат за счет чего различается объективная и субъективная сторона преступления при одном и том же предмете взятки. В тех случаях, когда посредник принимая предмет взятки, передает его в своих интересах, возникает состав преступления дачи взятки, а лицо, передавшее предмет взятки, будет отвечать за покушение на дачу взятки.

Сложности возникают и при квалификации вымогательства взятки в соответствии с п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ или предмета коммерческого подкупа в соответствии с п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ. В данном случае вымогательство сопряжено с угрозой совершить деяния, которые негативно скажутся на другом лице или с созданием условий, при которых такое лицо вынуждается к передаче предмета взятки с целью предотвращения вредных последствий для своих законных интересов.

Рассмотрим уголовное дело, приговор которого был изменен в кассации. Так, суд первой инстанции квалифицировал деяния Н. по п. «б, в» ч. 5 ст. 290 УК РФ как вымогательство взятки за получение им лично взятки в виде денег за незаконное бездействие в пользу взяткодателя и представляемых им лиц, совершенном с вымогательством взятки в крупном размере. Адвокат осужденного обращался в суд апелляционной инстанции, но решение было оставлено без изменения. Суд кассационной инстанции рассмотрел обстоятельства дела и пришел к выводу о необходимости изменения квалификации.

Так, исходя из своих должностных полномочий Н. был обязан реагировать на выявленные нарушения экологического законодательства, возможность последующего наложения полномочным должностным лицом административного взыскания зависели от полноты и качества собранного им материала. Тот факт, что надлежащий материал в отношении ООО «Горизонт» Н. собран не был лишь свидетельствует об его умысле на незаконное бездействие за денежное вознаграждение и не влияет на квалификацию содеянного как должностного преступления. Но, суд не согласен с квалификацией преступного деяния в качестве вымогательства взятки.

Судом не учтено, что сбор материалов на предмет привлечения юридических и должностных лиц к административной ответственности входили в полномочия Н., являющегося главным специалистом - экспертом отдела надзора за водными ресурсами и охраны недр Департамента Росприроднадзора по СКФО. Высказанные Н. угрозы в случае невыполнения его требований о передаче взятки относительно

проведения проверки в отношении ООО «Горизонт» не затрагивали правоохраняемые интересы данного юридического лица и его должностных лиц, а являлись бы выполнением Н. своих должностных обязанностей, то есть законными действиями. При таких обстоятельствах квалификацию действий Н. как совершенных с вымогательством взятки нельзя признать законной [7].

Соответственно, суд указывает на то, что вымогательство возможно только если реализация должностных полномочий нарушает установленный законом порядок. Для правильной квалификации необходимо учитывать обстоятельства дела, наличие или отсутствие обязанности у должностного лица осуществлять свои полномочия.

Здесь же отметим, сложности квалификации провокации коррупционных преступлений (ст. 304 УК РФ) как смежного состава преступления по отношению к ст. 201, 290 УК РФ. При квалификации следует обращать пристальное внимание на субъективную сторону преступления. Так, в соответствии с диспозицией ст. 304 УК РФ состав преступления присутствует при наличии обязательной цели – искусственное создание доказательств совершения преступления или шантажа. При этом, получение взятки не привязано ни к какой цели, которую может преследовать виновное лицо. Также, для квалификации провокации коммерческого преступления имеет значение поведение лица, которому взятка предназначается. Состав такого преступления присутствует только при условии, что второе лицо заведомо для виновного не давало согласия и не совершало никаких действий, свидетельствующих о согласии, или прямо отказало в получении незаконного вознаграждения. А.С. Титова отметила, что «при внешней объективной схожести анализируемых преступлений признаком, разграничивающим преступления, предусмотренные статьями 291 и 304 УК РФ, является субъективная сторона, а именно наличие цели в виде искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, специфичной для провокации взятки» [10, с.118].

Четвертая проблема связана с установлением субъективных признаков при совершении множества преступлений коррупционной направленности и квалификации преступлений по совокупности. Практика показывает, что нередко коррупционные преступления совершаются не единично, а имеют определенную систему, совершаются соответствующими лицами на постоянной основе. В этом случае важно установить субъективную сторону всех эпизодов, как самостоятельных, так и не завершенных, т.е. продолжаемых.

Продолжаемые преступления характеризуются тем, что складываются из ряда тождественных преступных деяний, которые охватываются единым умыслом и единой целью. К примеру, получение или дача взятки по частям будет являться продолжаемым преступлением и будет подлежать квалификации по ст. 290 УК РФ или 291 УК РФ. Продолжаемое преступление будет завершено на момент совершения последнего преступного акта, т. е. на момент получения или дачи последней части денежных средств.

Совокупность преступлений возникает если совершено два и более преступления, ни одно из них лицо не было осуждено. В случае если должностное лицо получает взятки от нескольких лиц, то в отношении каждого из взяткодателей совершается отдельное действие и возникает совокупность преступлений. Можно заключить, что при выборе квалификации содеянного как множественного преступления или как преступлений по совокупности учитывается прежде всего объективный критерий – количество взяткодателей. В ППВС «О судебной практике

по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» установлено правило, в соответствии с которым систематическое получение взятки от одного и того взятокодателя указывает на совершение единого продолжаемого преступления.

Обратим внимание, что для такой квалификации должно иметь значение и временной промежуток между деяниями. Например, если между виновными лицами сформирована устойчивая связь и установлена периодичность совершения преступления, в данном случае имеет место квалификация содеянного как продолжаемого преступления, при этом, если следствием будет установлено, что между виновными лицами была разорвана связь на неопределенное время, которая в последующем возобновилась, деяния следует квалифицировать по совокупности.

Пятая проблема связана с установлением признаков коррупционного преступления при совершении их в соучастии и разграничения их ролей. Коррупционные преступления совершаются в соучастии несколько реже чем другие общеуголовные деяния, в связи с чем возникают сложности в ходе квалификации, в особенности после введения ответственности за посредничество во взяточничестве. Несмотря на то, что зачастую виновным в совершении коррупционного преступления выступает специальный субъект, это не исключает сговора между несколькими лицами, для совершения коррупционных преступлений и получения с этого выгоды. За счет того, что в коррупционные отношения сегодня вовлечена большая часть общества, отсутствия правил квалификации соучастия в таких преступлениях является проблемой прикладного характера.

Все чаще возникают и примеры подобной деятельности. Так, в Екатеринбурге в 2023 году была выявлена деятельность организованной преступной группы, занимавшейся коррупционными преступлениями. Как установлено следствием, преступления, связанные с вымогательством взяток и превышением должностных полномочий, были совершены в период с июня 2019 года по март 2021 года. Основной член группы, работавший в полиции, получал информацию о лицах, замешанных в незаконном обороте наркотиков, и предлагал им не попадать под уголовную ответственность за определенную сумму денег. Затем полицейские организовывали провокационные мероприятия, чтобы вымогать деньги у этих лиц.

Подсудимые, в зависимости от роли каждого, признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 290 УК РФ, ч. 2 ст. 290 УК РФ и ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) [9].

Рассуждение на эту справедливости подобных наказаний приведено в работе В.Н. Бурлакова: «По существу, такой квалификационный подход приравнивает по степени общественной опасности пособника со статусом должностного лица к рядовому пособнику, в то время как коррупционный соучастник содействует совершению преступлений, а также обеспечивает исполнителю правовую безопасность от привлечения его к уголовной ответственности» [3, с.55].

Налицо отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от статуса субъекта преступления, вследствие чего необоснованно по степени общественной опасности уравнивается криминальная помощь лица с управленческой компетенцией в коммерческой или иной организации или рядового государственного служащего и помощь со стороны должностного лица.

Также, ряд коррупционных преступлений предполагают их совершение в соучастии, т.к. для реализации преступных деяний недостаточно участия одного лица, имеющего ограниченные полномочия. Эту особенность можно наблюдать при квалификации фактов совершения коррупционных преступлений при выполнении

государственного оборонного состава. На основании этого ряд ученых отмечает необходимость ужесточения наказания за соучастие в коррупции.

Таким образом, в современной практике существует ряд квалификационных проблем, связанных с коррупционными преступлениями, которые затрагивают не только правила разграничения смежных составов преступлений между собой, но и правил установления объективных и субъективных признаков каждого преступления. До настоящего времени нет легально установленного решения вопроса об использовании в качестве предмета коррупционного преступления цифровой валюты или финансовых активов, а также возможности привлечения к ответственности за коррупционные преступления лица, преследующего личный мотив к противоправной деятельности. Сложности возникают и при квалификации продолжаемого коррупционного преступления или нескольких самостоятельных преступлений по совокупности, и развивающегося коррупционного соучастия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова, Н.С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» / Н.С. Александрова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 28-31.
2. Алексеев, Г.В. Некоторые вопросы, связанные с отграничением получения взятки, сопряженного с вымогательством, от мошенничества с использованием служебного положения / Г.В. Алексеев // Вестник науки и образования. – 2017. – № 2. – С. 46-50.
3. Бурлаков, В. Н. Понятие коррупционного соучастия и ответственность за него / В. Н. Бурлаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 49-58.
4. В Костромской области впервые в России рассмотрели дело по криптовалюте и вынесли по нему приговор. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Государственной телевизионной и радиовещательной компании в Костроме. – URL: <https://gtrk-kostroma.ru> (дата обращения: 03.03.2024).
5. Генерал-хозяйственник получил пять лет за взятку в виде ремонта дома. – URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 03.03.2024). – Официальный сайт сетевого издания РБК.
6. Двух бывших следователей ФСБ приговорили к длительным срокам. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Российской газеты. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 03.03.2024).
7. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2021 г. по делу № 77-272/2021. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 03.03.2024).
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 июля 2020 г. (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5025.
9. Разоблачена преступная группа коррупционеров в Екатеринбурге: осуждены бывшие полицейские. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт газеты «Ведомости-Урал». – URL: <https://vedomostiural.ru> (дата обращения: 03.03.2024).
10. Титова, А. С. Разграничение дачи взятки и провокации взятки в уголовном праве России / А.С. Титова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 17 – № 1(63). – С. 118.
11. Трунцевский, Ю.В. О расширении предмета взятки (подкупа) нематериальными преимуществами / Ю.В. Трунцевский // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 68.

12. Усачева, Е.А. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования / Е.А. Усачева, А.Д. Филимонов // Искусство правоведения. The art of law. – 2023. – № 1 (5). – С. 80-90.

ПРАВОВЫЕ БЕРЬЕРЫ НА ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (В КОНТЕКСТЕ ДОГОВОРА О ЕАЭС)

Чичина Е.В., к.ю.н, доц.,

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск, Республика Беларусь

Стоящие перед Республикой Беларусь задачи по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению конкурентоспособности национальной экономики решаются, в том числе, посредством совместных усилий и действий государств, объединенных процессами евразийской интеграции.

Одной из целей ЕАЭС признается стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала *и трудовых ресурсов*.

Соответственно, потребности национального рынка труда в целом и сельскохозяйственного рынка труда – в частности, могут быть удовлетворены за счет механизмов евразийской экономической интеграции, что актуализирует сугубо правовые и научные задачи по выявлению проблем и противоречий в праве ЕАЭС, национальном и зарубежном праве, которые могут стать барьерами для свободного и беспрепятственного движения рабочей силы в рамках союза.

Так, одной из целей ЕАЭС является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала *и трудовых ресурсов* (ст. 4 Договора о ЕАЭС). Для достижения обозначенной цели государства-члены (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Россия) осуществляют сотрудничество по:

согласованию политики в сфере трудовой миграции (ст. 96 Договора о ЕАЭС);

выравниванию «внутрисоюзного» правового статуса трудящихся-мигрантов (ст. 97 и ст. 98 Договора о ЕАЭС);

снятию барьеров по свободному движению рабочей силы в рамках ЕАЭС.

Данные региональной статистики по рынку труда убедительно показывают, что отраслевая структура занятости населения в странах ЕАЭС характеризуется нарастанием доли работающих в сфере услуг за счет ее уменьшения в сфере сельского хозяйства, промышленности и строительства. Так, согласно данным Евразийской экономической комиссии, доля занятых в сфере сельского хозяйства с показателя в 7,5 % от общей численности занятых в ЕАЭС в 2018 году уменьшилась до 7,1 % к концу 2022 года [6, с. 65].

Важно акцентировать, что смещение занятости в сферу услуг без значительных технологических преобразований в других секторах экономики с неизбежностью создает дефицит кадров в «секторах-донорах». Так, согласно показателям, характеризующим рынок труда в государствах-членах ЕАЭС за 2018 – 2022 годы [6], число вакантных рабочих мест (требуемых работников) в сельском, рыбном, лесном хозяйстве на конец 2018 года составляло: в Армении – 39; в Беларуси – 10 463; в Казахстане – 399; в России – 28,2. Уже к концу 2022 г. данный показатель в разрезе стран составил: в Армении – 84; в Беларуси – 12 926; в Казахстане – 447; в России – 59,5 [6, с. 124–128].

Приведенные данные указывают на объективно существующую и остро

стоящую для Беларуси проблему кадровой обеспеченности субъектов аграрного сектора экономики, что связывается не с отсутствием налаженной системы подготовки кадров для нужд сельского хозяйства, а с низкой закрепляемостью подготовленных кадров в сельской местности [5, с. 184–185].

Итак, снижение доли занятых в сфере сельского хозяйства во всех государствах-членах ЕАЭС на фоне общего демографического контекста снижения численности сельского населения, острая кадровая потребность сельскохозяйственного сектора белорусской экономики, а также незначительность миграционных потоков в сфере сельского хозяйства, еще больше актуализируют вопрос снятия барьеров при движении «сельскохозяйственной» рабочей силы в рамках ЕАЭС.

Исследование правовой доктрины по данному вопросу показало, что внимание ученых сфокусировано преимущественно на вопросах гармонизации и сопоставлении законодательства о труде государств-членов ЕАЭС; определении перспектив формирования и развития евразийского трудового.

Однако выявляются и единичные работы Р. Ш. Девлетгильдеева и О. В. Сычевой [2, 3], а также И. В. Войтковской [1], в которых трудовой и социальный статус трудящихся государств-членов исследуется сквозь призму принципа равенства и недискриминации и которые завершаются суждением о том, «правовое положение трудящихся-мигрантов и местных работников далеко от равенства» [3, с. 97].

С мнением указанных авторов, обосновывающих необходимость внесения в Договор о ЕАЭС принципа недискриминации по признаку гражданства, можно согласиться.

Так, Р. Ш. Девлетгильдеев и О. В. Сычева справедливо отмечают, что «Договор не содержит общего положения о запрете дискриминации по признаку гражданства, хотя именно данный принцип является основой режима свободы передвижения работников внутри ЕС, и он уже был отражен в более ранних «евразийских» соглашениях» [2, с. 152].

Данную позицию разделяет И. В. Войтковская, которая также отмечает, что «Договор о ЕАЭС не раскрывает понятия «законность трудовой деятельности» как элемента понятия «трудящийся государства-члена» и прямо не указывает на принцип недискриминации по признаку гражданства. Таким образом, трудящийся государства-члена может испытывать трудности при доказывании законности своего пребывания в государстве трудоустройства» [1, с. 130], «... после многочисленных судебных споров в России был введен запрет дискриминации по признаку наличия или отсутствия регистрации по месту пребывания (ст. 64 Трудового кодекса РФ), однако он не предусмотрен для трудовой деятельности граждан государств-членов ЕАЭС, что также говорит о наличии признаков трудового неравенства» [1, с. 130].

Как усматривается из приведенных цитат, тезис о необходимости закрепления в Договоре о ЕАЭС принципа недискриминации по признаку гражданства трудящегося государства-члена не отвергается, а с течением времени и развитием правовой науки только дополняется новой аргументацией.

Действительно, с одной стороны, Договором о ЕАЭС предусмотрены особенности правового положения трудящихся государств-членов, призванные обеспечить беспрепятственное движение рабочей силы внутри союза. В частности:

в качестве противопоставления классическому термину «трудящийся-мигрант» определен и используется термин «трудящийся государств-членов», который

указывает не только на возможность свободного передвижения трудящихся внутри союза, но и на существование наднационального и внутрисоюзного правового статуса – «трудящийся государств-членов» со всеми присущими ему элементами (положения относительно правосубъектности, статутные права и обязанности и т.д.);

указано, что осуществление привлечения иностранной рабочей силы работодателями может иметь место без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства (п. 1 ст. 97);

закреплено, что ограничения в сфере трудовой миграции не допустимы, но могут быть установлены Договором о ЕАЭС и законодательством государств-членов только в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания (п. 2 ст. 97);

установлено взаимное признание документов об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании; исключение установлено в отношении документов об образовании, необходимых для осуществления медицинской или фармацевтической деятельности, эквивалентность которых должна быть подтверждена в соответствии с законодательством страны трудоустройства (п. 3 ст. 97);

закреплена коллизионная норма, согласно которой трудовая деятельность трудящегося государства-члена регулируется законодательством государства трудоустройства с учетом положений Договора о ЕАЭС (п. 4 ст. 97).

С другой стороны, нельзя не указать на некоторые пробелы в Договоре о ЕАЭС, способные стать барьером для свободного движения рабочей силы на едином рынке труда в целом и на рынке сельскохозяйственного труда – в частности.

Во-первых, согласно п. 5 ст. 96 Договора о ЕАЭС, «трудящийся государства-члена» – лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает. Соответственно под трудовой понимается деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства. Соответственно, Договор о ЕАЭС устанавливает лишь две правовые формы привлечения труда: найм (трудовой договор) и гражданско-правовой договор о выполнении работ или оказании услуг. При этом сельскохозяйственная отрасль экономики характеризуется значительным разнообразием правовых форм привлечения труда, охватывающим, например, и отношения членства, которые предполагают последующее трудовое участие в деятельности созданного юридического лица.

Такая правовая форма привлечения труда характерна для сельскохозяйственных производственных кооперативов. Несмотря на тенденцию значительного снижения кооперации в белорусской экономике в целом и в сфере сельского хозяйства в частности, которая была обозначена в одной из работ автора

данной статьи [7], такую форму организации сельскохозяйственного труда нельзя игнорировать. Особенно с учетом того внимания, которое ей уделяется на международном уровне в связи с потенциалом в создании рабочих мест, обеспечении и развитии приносящей доход деятельности и расширении устойчивой достойной занятости (Рекомендация МОТ № 193 «О содействии развитию кооперативов» (2002 г.), Резолюция 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Кооперативы в процессе социального развития» (2011 г.) и др.).

В Республике Беларусь организационно-правовая форма производственного кооператива на законодательном уровне регламентируется Гражданским кодексом Республики Беларусь; особенностей сельскохозяйственной кооперации в Республике Беларусь не закрепляется (ранее действовавший Указ Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2001 г. № «О некоторых вопросах организационно-правового обеспечения деятельности колхозов» утратил силу в 2014 г; отдельный закон о сельскохозяйственной кооперации не принят, хотя ученые неоднократно отмечали необходимость его разработки и принятия [4, с. 11]). Таким образом, в настоящее время в Беларуси трудовые отношения членов производственного кооператива практически в полном объеме охватывается нормами трудового законодательства, поскольку иным законодательством (гражданским, аграрным) не устанавливается иное, что выравнивает правовое положение наемного работника и члена производственного кооператива, участвующего в его деятельности своим трудом, имуществом и предпринимательством.

В Казахстане, не смотря на наличие отдельного законодательного акта, регулирующего особенности сельскохозяйственной кооперации, сформировался аналогичный подход к правовому регулированию труда членов сельскохозяйственного производственного кооператива. Так, согласно п. 5 ст. 5 Закона Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 372-V ЗРК «О сельскохозяйственных кооперативах» личное трудовое участие членов кооператива в его деятельности не является обязательным, а трудовые отношения в сельскохозяйственном кооперативе регулируются трудовым законодательством Республики Казахстан.

Обозначенный подход, с одной стороны, позволяет формально рассматривать работу в сельскохозяйственном производственном кооперативе в контексте положений Договора о ЕАЭС как работу по трудовому договору и беспрепятственно решать задачу привлечения трудящихся государств-членов в условиях дефицита кадров. С другой стороны, полное отождествление отношений членства и найма не соответствует их правовой природе, которая применительно к сельскохозяйственному производственному кооперативу предполагает *неразрывное* единство четырех составляющих: личное трудовое участие; объединение имущества, в том числе земельных участков; совместная деятельность членов не только через труд, капитал и землю, но также и посредством предпринимательских (организационно-управленческих по своему характеру) усилий.

В подтверждение данного тезиса сошлемся на противоположный по своей направленности опыт правового обособления кооперативной формы сельскохозяйственного труда, имеющий место в рамках ЕАЭС. Так, положения Федерального Закона Российской Федерации от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» в своей совокупности целенаправленно отграничивают труд членов сельскохозяйственного производственного кооператива от классического найма; устанавливают особенности осуществления и оформления

такого труда.

Итак, применительно к задачам данного исследования констатируем:

1) отсутствие согласованного подхода к правовому регулированию трудовых отношений членов сельскохозяйственных производственных кооперативов в масштабах ЕАЭС, что может явиться препятствием для гармонизации аграрного законодательства и законодательства о труде;

2) игнорирование на уровне права ЕАЭС правовой природы отношений членства в сельскохозяйственном производственном кооперативе (или – как минимум – факта членства как обязательного элемента в сложном юридическом составе, необходимом для возникновения «внутрикооперативных» трудовых отношений) можно расценивать как барьер в свободной реализации права на труд во всем многообразии правовых форм, используемых в сельскохозяйственной отрасли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Войтковская И. В. Проблемы трудового неравенства в Евразийском экономическом союзе // Российский юридический журнал. – 2019. – №. 6. – С. 127–139.

2. Давлетгильдеев Р. Ш., Сычева О. В. Международно-правовое сотрудничество в области трудовой миграции: от ЕврАзЭС к Евразийскому экономическому союзу // Журнал российского права. – 2015. – №. 6 (222). – С.143–153.

3. Давлетгильдеев Р. Ш., Сычева О. В. Сравнительный анализ правового положения трудящихся-мигрантов по Соглашению ЕЭП о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей и Договору о Евразийском экономическом союзе // Московский журнал международного права. – 2014. – №. 3. – С. 84–101.

4. Кузьмич, И. П. Сельскохозяйственный производственный кооператив как организационно-правовая форма ведения сельскохозяйственного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / И. П. Кузьмич; БГУ. – Минск, 2002. – 21 с.

5. Развитие сельских территорий Республики Беларусь: состояние, проблемы, перспективы / Н. В. Киреенко [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2022. – 260 с.

6. Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2023. – 169 с.

7. Чичина Е. В. О правовом регулировании кооперативной формы труда в сельскохозяйственных организациях // Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации : сборник статей секций гражданского процесса и трудового права по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию кафедры гражданского права и процесса БГУ, 19–20 октября 2022 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права ; [под ред.: О. Н. Романовой, И. Н. Колядко]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 186–193.

СЕКЦИЯ 3

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ВОЗМОЖНОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Богущ Т.А., кандидат социологических наук, доцент,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Мороз О.В., старший преподаватель кафедры политологии и социологии,

Все чаще говоря о современном мире, говорим о визуализации. Возможности, которые предоставляет визуализация при проведении социологических исследований проявляются для социальных и гуманитарных наук с развитием технологий и использования больших данных для анализа и представления социальных явлений и процессов.

Визуальное направление сегодня уже достаточно прочно утвердилось в качестве важной, а порой и неотъемлемой части западной социальной науки. Сегодня никого не удивит, если визуальный компонент используется для иллюстрации результатов исследования как дополнительный, а в некоторых случаях, наоборот, как основной способ представления.

В социологии появление «визуального» направления развивалось в рамках постструктурализма и семиотики. В первую очередь, это работы П. Бурдьё, Р. Барта, М. Фуко и других. Но если изначально социологи обращали внимание на фотографическое представление различных исторических событий, на взаимоотношения в обществе, то в последующем социальная функция фотографий сводилась к выражению социальных норм и имплицитных правил и культивированию группового единства и солидарности [3]

Новый всплеск исследований визуального наблюдался в начале 1990-х в антропологической и в социологической школах [2]. Визуализация играла важную роль в анализе и исследовании данных, помогая исследователям и аналитикам лучше понять и интерпретировать большие объемы информации. Она также помогает визуализировать сложные концепции и связи между данными, делая их более доступными для широкой аудитории.

При этом фокус также сместился к рассмотрению визуальных репрезентаций как инструмента критики существующего порядка. Одним из ярких примеров здесь является книга Э. Чаплин «Социология и визуальная репрезентация» («Sociology and Visual representation»), в которой предлагается рассматривать фотографию не только как способ фиксации данных, но и как медиум, передающий и создающий новое знание [5].

Сегодня визуализация данных социологических исследований играет важную роль в понимании и анализе различных аспектов общества. Что позволяет наглядно представить различные экономические, демографические и социокультурные явления и процессы, социальные нормы и ценности, технологические инновации и многое другое.

Для социолога визуализация данных помогает выявить и понять основные тренды и взаимосвязи между различными факторами, фактически, она позволяет увидеть скрытые закономерности и сделать выводы, которые могут быть полезными для принятия решений и разработки стратегий в различных сферах жизни общества. Кроме этого, это возможность сделать информацию более доступной и понятной для широкой аудитории, ведь именно наглядность позволяет представить сложные концепции и идеи в простой форме, а значит, делает ее более привлекательной и запоминающейся. Это особенно важно в настоящее время, поскольку сегодняшнее информационное перенасыщение характеризуется ограниченностью внимания и времени для усвоения информации.

Вместе с тем, нельзя забывать, что развитие общества определяется не только новыми технологиями и изменениями, но и глубоким пониманием человеческой природы, культуры и истории. Расширение возможностей представления результатов социологических исследований играет важную роль в формировании ценностей, и культуры.

Современный мир все больше визуализируется и результаты социологических исследований не исключение. Ведь сегодня вся информация получаемая людьми, все чаще представлена в виде картинок, образов, видео и в меньшей степени - текстом.

Социологи могут использовать визуальные методы для анализа информации, когда изображение содержит ценную для исследователя информацию; информацию можно получить только в виде изображений или если предмет изучения связан с изображением [1, с. 283].

Вместе с тем, перспективы развития социально-гуманитарных наук в цифровую эпоху представляют огромный потенциал для анализа и понимания разнообразных аспектов человеческой жизни. Развитие технологий способствует появлению новых возможностей для визуализации данных, что позволяет отображать не только результаты исследований, но и сложнейшие научные концепции и это в значительной степени упрощает понимание и восприятие информации, а значит и влияет на ожидаемые результаты от коммуникации.

Еще одним направлением визуализации выступает использование таких интерактивных инструментов, как виртуальная, дополненная реальность. Именно они расширяют возможности исследователей для визуализации данных и создания новых форм коммуникации.

Двадцать первый век – время информационных технологий и сфера образования, как и исследовательские проекты не стоят на месте. Сегодня наука получает новые инструменты для проведения исследований: социальные сети, онлайн-сообщества, форумы и блоги, каналы и чат-сообщества – все это стало огромным исследовательским инструментом, предоставляющим уникальную, индивидуальную и не ограниченную территориально возможность для изучения интеракций и поведения людей, причем как в онлайн-среде, так и оценки и изучения мнения по вопросам реальной жизни. Доступ к таким данным позволяет исследователям изучать социальные явления в реальном времени и анализировать нравы и привычки, проявляющиеся в онлайн-сообществах.

Вместе с тем возникает необходимость обеспечения этической составляющей и конфиденциальности обработки данных. В нашей республике принят и действует Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-З «О защите персональных данных» и в соответствии с этим документом, любая информация, которая относится к идентификационной, включая – фамилии, имена, отчества, дату рождения, идентификационный номер соотносится с персональными данными и для их использования необходимо получение согласия. В некоторых случаях, при проведении исследования, например, социологического опроса, респонденты не очень охотно отвечают на вопросы анкеты, а когда заходит речь о согласии на предоставление информации возникают сложности. Это не просто не желание дать информацию о себе. А скорее опасения, с какой целью эта информация будет в дальнейшем использована.

Именно поэтому большие объемы информации, собираемой и анализируемой в цифровую эпоху, требует обеспечения надежности, безопасности и конфиденциальности данных. Кроме разрабатываемых методов и технологий защиты

информации, в том числе личной, требуются этические нормы и правила, которые могут позволить регулировать и защищать интересы индивидов и общества в целом.

Визуализация результатов социологических исследований сегодня несет огромный потенциал и предоставляет возможности для более глубокого и комплексного изучения общества, а анализ больших данных, инновационные методы визуализации, использование онлайн-сообществ и социальных сетей - все это открывает новые горизонты и направления для исследователей и, тем самым, способствует расширению научного познания.

Кроме обозначенных выше преимуществ, визуализация несет и негативную составляющую в жизнь общества.

Одной, из которых можно назвать доступность и объём данных, которые стали доступны благодаря интернету и другим средствам связи. Большие объёмы информации открывают перед исследователями новые возможности для анализа и понимания социальных явлений, но вместе с тем, компьютерные программы и статистические методы не всегда позволяют, обрабатывая огромные массивы данных и выявляя тенденции, обратить внимание на человеческий фактор. Многие не согласятся – все же масштабы сегодняшних исследований не соразмерны с теми, что проводились полвека назад, и методы которые ранее были недоступны, сегодня в значительной степени облегчают исследователям задачу.

Еще одним моментом выступают новые формы коммуникации, которые существенно влияют на знания и общественное сознание в целом. Если социально-гуманитарные науки ставят задачи осмыслить и изучить, то эти новые формы коммуникации, среди которых социальные сети, цифровые платформы и множество разнообразных онлайн-сервисов для неподготовленного пользователя выступают некой тростью, тем инструментом, который и удобен, и практичен, но приносит ли он пользу и как влияет на то самое сознание вопрос риторический.

С другой стороны, именно благодаря расширению возможностей визуализации, сегодня есть прекрасный шанс увидеть новые шаблоны поведения и коммуникации людей и обнаружить причинно-следственные связи, которые могут быть полезны в различных областях, от политики и экономики до межличностных отношений.

При всех положительных аспектах, важно помнить и про формальную составляющую деятельности. Здесь важным аспектом развития является разработка новых методов исследования, тех новых технологий и аналитических приемов, которые открывают перед специалистами возможности более точного проведения исследований, их всестороннего изучения. В качестве положительного примера хочется привести «цифровизацию»[4]. Цифровизация документов, доступность онлайн-архивов и онлайн-библиотек, создание специализированных баз данных делают исследования более глубокими, подробными и более быстрыми.

Однако, несмотря на все продвижения и обновления, связанные с современными достижениями в цифровой сфере, социально-гуманитарные науки сталкиваются с рядом трудностей. Среди которых самыми актуальными являются отсутствие стандартов для цифровых исследований, проблемы с конфиденциальностью данных и, порой, искажение информации из-за алгоритмического рассуждения. Все это требует дополнительного и пристального внимания со стороны исследователя.

Сегодня возможности визуализации данных для социологических исследований велики, как и роль визуализации данных в анализе социальных

тенденций и трендов. Представляется возможным, говорить о важности использования интерактивных графиков для исследования социальных сетей и взаимодействий; применения тепловых карт для анализа территориального распределения социальных явлений; создание анимации для отслеживания изменений в социальных данных с течением времени или в определенные временные промежутки; традиционное использование диаграмм и графиков для визуализации социокультурных различий и сходств; стала уже обыденной разработка инфографики для наглядного представления статистических данных о социальных группах; анализ социальных медиа данных с помощью визуализации для выявления трендов и мнений; также можно применять трехмерные модели для исследования социальных структур и взаимосвязей или использовать диаграммы Ганта для планирования социальных исследований и анализа данных, в том числе касательно наглядного представления этапов исследовательской работы, включая задачи, их продолжительность, даты начала и окончания проекта, время, которое занимает каждая задача, исполнителей и способы объединения задач; еще одним направлением может быть проведение ментальных карт для визуализации связей между социальными понятиями и идеями.

Таким образом, перспективы и возможности визуализации данных для социологических исследований на сегодняшний день ограничены лишь желанием и техническими возможностями самого исследователя. Развитие этого сегмента является обещающими и интересными и вместе с постоянно меняющимися технологиями, социально-гуманитарные науки имеют возможность проникнуть в новые области и провести более глубокий анализ социальных явлений и поведения в обществе людей в целом, выявить взаимосвязи и взаимодействие. Однако это также требует от исследователя постоянного обучения, саморазвития и адаптации к новым условиям функционирования.

Благодаря совместным усилиям социально-гуманитарных наук, общество сможет максимально использовать возможности цифровых технологий для достижения новых вершин познания и понимания человеческой природы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дудина, В.И. Методология и методы социологического исследования / В.И. Дудина, Е.Э. Смирнова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 338 с.
2. Пескова, О.В. О визуализации информации [Электронный ресурс] / О.В. Пескова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vizualizatsii-informatsii>. – Дата доступа: 02.03.2024.
3. Печурина, А.В. Визуализация социальных исследований: новые данные или новые знания? [Электронный ресурс] / А.В. Печурина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualizatsiya-sotsialnyh-issledovaniy-novye-dannye-ili-novye-znaniya>. – Дата доступа: 02.03.2024.
4. Хомякова, С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне [Электронный ресурс] / С. С. Хомякова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 9-12. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/279/62867/>. – Дата доступа: 04.03.2024.
5. Chaplin, Elizabeth Sociology and visual representation / Elizabeth Chaplin. – London; New York : Routledge, 1994. – 304 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203416723/> – Accessed : 02.03. 2024.

РЕЧЕВАЯ ДЕВИАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

*Венидиктов С.В., кандидат филологических наук, доцент,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Могилевский филиал, Республика Беларусь*

*Иванов Е.Е., преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
Могилев, Республика Беларусь*

Подобно тому, как девиантное поведение представляет собой модель индивидуальной или коллективной активности личности, отклоняющейся от общепринятой, социально приемлемой нормы, речевая девиация может быть рассмотрена в качестве отклонения от речевого стандарта в его этическом и культурном изменении. Очевидными формами проявления речевой девиации являются ненормативная лексика, жаргон, сленг, арго. Следовательно, характеристиками речевой девиации могут быть названы:

- а) отступление от норм литературного языка;
- б) стремление к лингвистической изоляции определенной социальной группы;
- в) выраженная экспрессивность;
- г) обусловленность лексического состава доминирующими видами активности носителей такой речи;
- д) способность к продуктивному словообразованию на основании существующих в языке девиантных моделей и переход к созданию собственных моделей;
- е) относительно непродолжительный период существования активной лексики, непрерывающееся обновление словарного состава;
- ж) отражение психологических, социальных и мировоззренческих характеристик носителей речевой девиации.

Таким образом, речевая девиация в значительной степени обусловлена объективными факторами: проявлением девиантного поведения у носителя девиантной лексики и стремлением его к условной «самомаркировке» – декларированию собственной исключительности, уникальности либо привилегированного статуса. Указанные закономерности можно проследить на примере молодежного сленга (от англ. *slang*) – набора особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в молодежной возрастной группе. В языкознании распространено определение В. А. Хомякова, который понимал под сленгом «относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [6, с. 43–44].

Сленг относится к категории речевого субстандарта, куда также входят социальный диалект, групповой диалект, профессиональный язык, общественный язык, социолект, социальный стиль, жаргон и арго [4]. Базовые подходы к описанию речевого субстандарта игнорируют возможность его рассмотрения в качестве

инструмента психоязыковой диагностики, что не позволяет использовать их для решения практических задач (например, профилактики противоправного поведения в различных возрастных группах). Также в существующих исследованиях не проводилась маркировка девиантности речевых конструкций, распространенных как в межличностной, так и интернет-коммуникации.

Наша гипотеза состоит в том, что любые отклонения от социальной нормы в поведении (например, подростков) проявляются в речи, следовательно, правильное понимание сленга может помочь установить признаки проблемного поведения. Так, через анализ устной речи можно выявить слова и выражения, которые служат своеобразными «маркерами девиантности». Например, в молодежном сленге выражение «Герман» может означать не просто мужское имя, а наименование наркотического средства «героин», а лица, склонные к девиантному поведению, могут называть «гномом» сотрудника отдела по борьбе с наркотиками [1, с. 28].

Данные закономерности авторами исследования были учтены при реализации проекта лексикографического описания молодежного сленга, по итогам которого было подготовлено издание «Справочник современного молодежного сленга: более 500 слов, выражений и интернет-мемов» [1]. Продолжением исследования является реализация проекта по изучению слов и выражений, которые являются маркерами, отражающими уровень развития правовой культуры носителя языка.

В узком смысле правовая культура представляет собой систему нормативных отношений между людьми или их организациями, сформированную в процессе социального взаимодействия, регулирующую фиксированными нормами, обязательными для исполнения и охраняемыми государством. В широком смысле – это совокупность правовых знаний, убеждений и установок личности, реализуемых в процессе труда, общения, поведения, а также отношение к материальным и духовным ценностям общества. Правовая культура складывается из ряда взаимосвязанных элементов:

- а) состояния правосознания в обществе, т. е. степени знания и понимания права, осознания необходимости строгого выполнения требований законности, уровня развития чувства права и законности;
- б) состояния законности в определенной социокультурной среде;
- в) состояния законодательства, совершенства его содержания и формы, а также субъективной оценки законов со стороны граждан;
- г) состояния практической работы в области права [2].

Рабочая версия данной части исследования заключается в наличии устойчивой корреляции между распространенностью явления речевой девиации и уровнем развития правовой культуры и правосознания в молодежной среде. Отметим, что указанная закономерность касается не всего массива речевого субстандарта, а лишь той его части, которая имеет очевидную девиантную маркировку. Особенно четко это прослеживается при анализе сленга, происходящего из популярного медиаконтента, что позволяет установить временные рамки его вхождения в речевую практику. Например, значительное количество девиантных слов и выражений вошло в состав активной лексики молодежи после выхода телесериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» (Россия, 2023).

В ходе изучения речевой практики молодежи в период с ноября 2023 г. по февраль 2024 г. с использованием методов контент-анализа интернет-ресурсов и включенного наблюдения (учреждения общего среднего и высшего образования) нами было выявлено около 20 единиц сленга, связанных с указанным сериалом. При

проведении их лексикографического описания были зафиксированы речевые признаки отклоняющегося поведения. Для иллюстрации приводим описание некоторых единиц речевого субстандарта молодежи (знак «Ð» указывает на наличие маркеров девиантности).

БАРАГОЗИТЬ, глаг. Ð блатной. *Вести себя неадекватно, буйно, дебоширить, выяснять отношения без повода, провоцировать конфликт.* – Это мы тут вчера барагозили? – подивился Веня на вокзале (<https://sinonim.org/t/барагозить>).

ВЕНТИЛІРОВАТЬ, глаг. Ð блатной. *Узнавать обстановку, разведывать, интересоваться происходящим.* Надо бы там все провентилировать (<https://dzen.ru/a/ZXFucglxh1Egvp92>).

ЗАГАШЕННЫЙ, -го, м. Ð блатной. 1. *Бывший член противоправной группировки, банды, изгнанный из нее за проступок, публично при этом униженный.* Если мотальщик совершал сильный проступок (стучал в милицию, воровал у своих, извинялся перед другими пацанами), его насильно отшивали. После этого недавние товарищи били и плевали на бедолагу – так он становился загашенным (<https://dzen.ru/a/ZXWQmlxVgj3MqGjs>). 2. *Находящийся под воздействием алкоголя, наркотиков.* Загашенный на занятия пришел (<https://sanstv.ru/dict/загашенный>).

ЗІХЕР, -а, м. Ð блатной, молодеж. *Подлость, нехороший поступок, провинность.* Это был конкретный зихер с твоей стороны (<https://ru.wiktionary.org/wiki/зихер#:~:text=Значение,конкретный%20зихер%20с%20твоей%20стороны>).

РАМСИТЬ (РАМСЫ ПОПУТАТЬ), -а, м. Ð блатной. *Не понимать сути разговора, вести себя неправильно, проявлять грубость в общении.* – Ты чего Барашкин? – Стеша подошла к нему в плотную. Она была старше его всего на год, но выше на пол головы – Рамсы попутал или что? (<https://ficbook.net/readfic/7169221/18270583>).

СКОРЛУПА́, -ы, м. Ð блатной, интернет. *Самые юные члены уличных банд, противоправных группировок: обычно подростки в возрасте 10-12 лет.* Юные герои сериала часто используют сленг 80-х, в том числе слово «скорлупа» – так они называют младших участников банды. Этот мем передает их бунтарский дух (<https://ru.pinterest.com/pin/598626975497868025/>).

ЧУШПА́Н, -а, м. 1. Ð блатной. *Человек, не имеющий отношения к криминальному миру, простой обыватель.* Мог отговориться и сказать, что «не при делах», то есть чушпан [3]. 2. молодеж. *Слабохарактерный человек, не способный постоять за себя, терпящий обиды и унижения.* Чушпан – это образ жизни. Не всякий, кто не с улицы, чушпан. Кто-то мог достойно держаться, будучи сам по себе (<https://www.rbc.ru/life/news/6582bf3f9a79476794126904>). 3. молодеж. *Непрямой, неопрятный человек, не следящий за модой.* Ну че ты вырядился как чушпан? (<https://argo.academic.ru/6029/чушпан>).

ШКÉРИТЬСЯ, глаг. Ð блатной. *Прятаться, скрываться от проблем, уходить от ответственности.* Гопы обычно пристают к тем, кто идет и шкерится (<http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/shkeritsya>).

Отметим, что значительная часть употребляемых героями сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» выражений относится к категории блатного (криминального) сленга и в период 1990-2010-х гг. находилась на речевой периферии: периодически отражалась в художественной литературе, кино, телевизионной практике и т. д. Их активное употребление молодежью, переход из категории «сленговых архаизмов» в состав активной лексики, можно объяснить, на наш взгляд,

двумя факторами:

а) распространением технологий агрессивного продвижения медийной продукции, манипулятивных методов в интернет-пространстве с четким установлением целевой аудитории (подростки и молодежь);

б) общей склонностью молодежной среды к лингвистической изоляции [5], которая усилилась в связи с утверждением интернет-пространства в качестве основной коммуникативной среды и появлением новых видов сетевой активности.

Безусловно, нельзя однозначно утверждать, что тиражирование в речевой практике молодежи сленга и иных феноменов речевого субстандарта, отражающих речевую девиацию, приведет к распространению форм девиантного (в первую очередь – противоправного) поведения, к снижению общего уровня правовой культуры. Однако отметим, что речевая деятельность является не только средством отображения действительности, но и способом выражения образа мышления, инструментом конструирования субъективной реальности. Поэтому полагаем, что распространение феномена речевой девиации в молодежной среде свидетельствует о наличии дисфункциональных явлений в правовой культуре, что является сигналом для образовательной, идеологической и правоохранительной системы о необходимости активизации работы в направлении правового просвещения, гуманитарного образования и профилактики правонарушений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Венидиктов, С. В. Справочник современного молодежного сленга: более 500 слов, выражений и интернет-мемов / С. В. Венидиктов, Е. Е. Иванов. – 2-е изд. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2023. – 128 с.

2. Венидиктов, С. В. Электронные средства массовой информации Республики Беларусь как фактор формирования правовой и гражданской культуры [Электронный ресурс] : монография / С. В. Венидиктов. – Могилев : Могилев. высш. колледж МВД, 2014. – 1 электрон. опт. диск.

3. Гараев, Р. Н. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х / Р. Н. Гараев. – Казань: Individuum, 2020. – 624 с.

4. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. – М.: Астпресс-книга, 2007. – 672 с.

5. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг : толковый словарь / Т. Г. Никитина. – М.: Астрель, АСТ, 2007. – 910 с.

6. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. ... канд. филол. наук / В. А. Хомяков. – Л.: ЛГУ, 1980. – 168 с.

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ПО ОБУЧЕНИЮ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ (БУКВЫ «O», «U», «Y»)

*Ганчар Н.П., учитель английского языка,
ГУО «Гимназия № 9 имени Ф.П. Кириченко г. Гродно», Республика Беларусь*

Сегодня перед педагогами встает необходимость в поиске подходящих методов и приемов преподавания, способствующих развитию интереса и мотивации к чтению. Особую актуальность приобретает обучение чтению посредством различных технологий, отдельное место среди которых занимают арт-технологии.

Под арт-технологиями в образовании, мы понимаем совокупность приемов, способов и методов обучения, основанных на творческой активности, с целью решения педагогических задач, а также развития личности учащегося.

Актуальность использования данных технологий обусловлена необходимостью создания условий для формирования навыка чтения, а также разработки алгоритма их внедрения на занятиях по английскому языку, способствующего формированию и совершенствованию навыков чтения у обучающихся [1, с. 40].

В основе учебно-методической разработки положено пособие Ганчар Н.П. «Английский язык. 3-4 классы. Читаем легко и весело», разработанное для учащихся учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения [2]. Приёмы и способы работы с QR-кодом могут легко быть применимы в рамках высшей школы, а также в процессе обучения второму и последующим иностранным языкам, практикуемому на некоторых факультетах высших учебных заведений [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10].

Подбор арт-технологий в соответствии с правилами чтения буквы «O» в английском языке.

Для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [ɒ] отображены следующие слова: boss [bɒs], lot [lɒt], fox [fɒks], pot [pɒt], doll [dɒl].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 1 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [ɒ].

Для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [əʊ] в открытом слоге отображены следующие слова: home [həʊm], no [nəʊ], stone [stəʊn], bone [bəʊn], oval [ˈəʊv(ə)l].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 2 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [əʊ] в открытом слоге.

Для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [ɜ:] в сочетании с -wor (но worn [ɔ:]) отображены следующие слова: work [wɜ:(r)k], word [wɜ:(r)d], worm [wɜ:(r)m], worse [wɜ:(r)s], worst [wɜ:(r)st].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 3 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [ɜ:] в сочетании с -wor.

Для обучения чтению буквы «O» в соответствии со звуком [u:] в сочетании -oo, а также в некоторых словах отображены следующие слова: food [fu:d], too [tu:], move [mu:v], lose [lu:z], prove [pru:v].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 4 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [u:] в сочетании -oo, а также в некоторых словах.

Для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ʊ] в сочетании -oo отобраны следующие слова: good [gʊd], foot [fʊt], look [lʊk], hood [hʊd], took [tʊk].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 5 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [u:] в сочетании в сочетании -oo.

Для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ɔ:] в закрытом слого на -г отобраны следующие слова: door [dɔ:(r)], horse [hɔ:(r)s], more [mɔ:(r)], oral ['ɔ:rəl], boring ['bɔ:riŋ].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 6 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ɔ:] в закрытом слого на -г.

Для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [aʊ] в сочетании -ow в ударном слого отобраны следующие слова: clown [klaʊn], now [naʊ], bow [baʊ], glow [gləʊ], slow [sləʊ].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 7 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [aʊ] в сочетании -ow в ударном слого.

Для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ɔɪ] в сочетании -ou отобраны следующие слова: joy [dʒɔɪ], boy [bɔɪ], toy [tɔɪ], convoy ['kɒnvɔɪ], destroy [di'strɔɪ].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 8 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ʌ] в сочетании -ou.

Для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ʌ], как исключение

перед -n, -m, -l, -v, -th, отображены следующие слова: London [lʌndən], love [lʌv], come [kʌm], company ['kʌmp(ə)nɪ], colour ['kʌlə(r)], comfort ['kʌmfə(r)t], а также mother, some, money, honey, month, front, son.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 9 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ʌ], как исключение перед -n, -m, -l, -v, -th.

Для обучения чтению буквы «О» в соответствии со звуком [ɔɪ] в безударном слове отображены следующие слова: factor ['fæktə(r)], lion ['laɪən], violin [,vaɪə'li:n], collect [kə'lekt], doctor ['dɒktə(r)].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 10 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «О» в безударном слове.

В следующем задании предлагается вставить пропущенные буквы в следующих словах: n_, st_ne, _val, h_me, her_, _ld, c_ld, g_ld, p_t, d_ll, T_m, f_x, h_p, b_ss, t_g, zer_, t_day, freed_m, sec_nd r_k, w_l, p_f, r_d, h_b, less_n, c_tt_n, reas_n b_, _k, h_k, _nce, _ne, m_nth, f_d, t_k, n_k, s_t, l_k, L_nd_n, l_ve.

Рисунок 11 – Проверить ответ.

На рис. 12 приведено задание, благодаря которому учащиеся в игровой, творческой атмосфере доводят навык чтения буквы «О» на английском языке до автоматического восприятия. Части рисунка должна быть закрашены в соответствующий правилам чтения буквы «О» в английском языке: golden – [ɒ], blue – [əʊ], pink – [ɜ:], green – [u:], yellow – [ʊ], brown – [ɔ:], gray – [aʊ], orange – [ɔɪ], red – [ʌ], lilac – [ə].

Рисунок 12 – Раскрасьте в соответствии с правилами чтения буквы «O».

Подбор арт-технологий в соответствии с правилами чтения буквы «Y» в английском языке.

Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [aɪ] в открытом ударном слове отобраны следующие слова: sky [skaɪ], style [stɑɪl], dry [draɪ], fly [flaɪ], my [maɪ], bye [baɪ], type [taɪp], by, cycle, cry, dynamite, July, guy, sly, why, xylophone.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 13 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [aɪ] в открытом ударном слове.

Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɪ] в безударном слове отобраны следующие слова: lynx [lɪŋks], tasty ['teɪstɪ], family ['fæm(ə)li], system ['sɪstəm], tidy ['taɪdɪ], symbol ['sɪmb(ə)l], Betty, dynasty, duty, hymn, mystery, myth, physics, pyramid, Syd.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 14 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɪ] в безударном слоге.

Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [j] в начале слога перед гласным звуком отобраны следующие слова: yellow ['jeləʊ], yak [jæk], yell [jel], yeah [jeə], yacht [jɒt], yard [jɑ:(r)d], yarn [jɑ:(r)n], lawyer, yawn, year, yet, yes, yogurt, yolk, young.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 15 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [j] в начале слога перед гласным звуком.

Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [i] отобраны следующие слова: really ['riəli], rhyme [raɪm], salary ['sæləri], slippery ['slɪpəri], sticky ['stɪki], surgery, tummy, ugly, money, ivy.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 16 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [i].

Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɪ] в конце слова отобраны следующие слова: burly ['bɜ:(r)li], busy ['bɪzi], rarely ['reə(r)li], city ['sɪti], curly ['kɜ:(r)li], dirty ['dɜ:(r)ti], noisy ['nɔɪzi], empty, furry, happy, heavy, hourly, granny, jewellery, lady, lawly, leery, lorry, puppy, quickly, quietly.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 17 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɪ] в конце слова.

Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɔɪ] отобраны следующие слова: annoy [ə'noɪ], enjoy [ɪn'dʒɔɪ], oyster ['ɔɪstə(r)]. Для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɪə] отобрано слово royal ['rɔɪəl], а со звуком [ə] отобрано слово analysis [ə'næləɪsɪs].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 18 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «Y» в соответствии со звуком [ɔɪ].

В следующем задании необходимо прочитать стихотворение «My cat» и выполнить задание: «I love my cat. It is warm and fat. My cat is grey. He likes to play».

Рисунок 19 – Выполните задание «My cat».

Ниже приведены скороговорки, которые следует научиться читать и, конечно же, выполнить задание: 1) Dimensional analysis; 2) Flies fly but a fly flies; 3) Mallory's hourly salary; 4) Loyal royal lawyer; 5) Red lorry, yellow lorry; 6) Really leery, rarely Larry; 7) Thin grippy thick slippery; 8) A noise annoys an oyster, but a noisy noise annoys an oyster more! 9) Larry Hurley, a burly squirrel hurler, hurled a furry squirrel through a curly grill; 10) We will learn why her lowly lone, worn yarn loom will rarely earn immoral money.

Рисунок 20 – Выполните задание к скороговоркам.

На рисунке 21 приведено задание, благодаря которому учащиеся в игровой, творческой атмосфере также доводят навык чтения буквы «Y» на английском языке до автоматического восприятия. Части рисунка должна быть закрашены в соответствующий правилам чтения буквы «Y» в английском языке: blue – [ə], green – [j], yellow – [ɪ], violet – [ɪə], orange – [ɪ], red – [aɪ], lilac – [ɔɪ].

Рисунок 21 – Раскрасьте в соответствии с правилами чтения буквы «Y».

Представленные авторские учебно-методические материалы призваны формировать читательскую грамотность по средством арт-технологий, используемых в обучении английскому языку, реализации индивидуального подхода, развитии творческих способностей и интенсификации самостоятельной работы учащихся на уроках и факультативных занятиях по английскому языку; мотивировать к разработке собственных учебных продуктов на основе арт-технологий.

Подбор арт-технологий в соответствии с правилами чтения буквы «U» в английском языке.

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ju:] отобраны следующие слова: unit ['ju:nɪt], duty ['dju:ti], use [ju:z], usual ['ju:ʒʊəl], student ['stju:d(ə)nt], nuisance.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 22 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ju:].

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [jʊ] отобраны следующие слова: pure [pjʊə(r)], cure [kjʊə(r)], fury ['fjʊəri].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 23 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ju].

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ʌ] отобраны следующие слова: up [ʌp], us [ʌs], butter ['bʌtə(r)], cup [kʌp], number ['nʌmbə(r)], lunch [lʌntʃ], study.

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 24 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ʌ].

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ʊ] после -b, -p, -f, и перед -sh, -l отобраны следующие слова: full [fʊl], pull [pʊl], bull [bʊl], sugar ['ʃʊgə(r)], bush [bʊʃ], put [pʊt].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 25 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ʊ] после -b, -p, -f, и перед -sh, -l.

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [uə] в сочетании -ur перед гласной (исключение bury) отобраны следующие слова: sure [ʃuə], bury ['berɪ], during ['dʒʊə(r)ɪŋ], plural ['pluə(r)l].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 26 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [uə] в сочетании -ur перед гласной (исключение bury).

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ɜ:] в сочетании -ur отобраны следующие слова: burn [bɜ:(r)n], purse [pɜ:(r)s], furniture ['fɜ:(r)nɪtʃə(r)], hurt [hɜ:(r)t], demur [dɪ'mɜ:(r)], purple ['pɜ:(r)p(ə)l].

Рисунок 27 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [з:] в сочетании -ur.

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [...] в сочетании -qu, -gu перед -e, -a отобраны следующие слова: guest [gest], vogue [vəʊg], guard [gɑ:(r)d], conquer ['kɒŋkə(r)].

Рисунок 28 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [...] в сочетании -qu, -gu перед -e, -a.

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [u:] отобраны следующие слова: suit [su:t], blue [blue], true [tru:], fruit [fru:t], cruise [kru:z], truth [tru:θ], June, July, juice.

Рисунок 29 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [u:].

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [w] в сочетании -qu перед -i или другой гласной отобраны следующие слова: quit [kwɪt], quill [kwɪl], quiz [kwɪz], quick [kwɪk], quarter ['kwɔ:(r)tə(r)], quilt [kwɪlt], queen [kwɪ:n], quietly ['kwaɪətlɪ], quickly, quiet, question, quite, squirrel, quail.

Рисунок 30 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [w] в сочетании -qu перед -i или другой гласной.

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ɪ] отобраны следующие слова: build [bɪld], busy ['bɪzi], guitar [gɪ'tɑ:(r)].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 31 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ɪ].

Для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ə] отображены следующие слова: suppose [sə'pəʊz], picture ['pɪktʃə(r)], maximum ['mæksɪmə], difficult ['dɪfɪk(ə)lt], nature ['neɪtʃə(r)], figure ['fɪgə(r)].

Задание 1

Задание 2

Задание 3

Рисунок 31 – Подбор заданий для обучения чтению буквы «U» в соответствии со звуком [ə].

В следующем задании предлагается вставить пропущенные буквы в следующих словах: b__ll, p__rple, p__t, m__m, q__ail, p__ll, __nit, q__ill, n__isance, l__nch, n__mber, q__ite, c__p, j__ice, __p, J__ly, p__pil, fr__it, sq__irrel, __s__al, b__rn, f__ry, q__ick, g__est, t__be, conq__er, b__ild, __s, maxim__m, b__s, d__ty, b__sh, s__n, q__iet, s__it, g__itar, q__iz, p__rse, q__ilt, h__rt, s__re, q__ietly, f__ll, q__estion, p__re, st__dy, dem__r, diffic__lt, __nique, b__sy, n__t, J__ne, q__een, f__rnit__re, st__dent, c__re, s__gar, fig__re, q__ickly, s__ppose, q__arter, vogue, g__ard, b__tter, q__it, cr__ise, pict__re, nat__re, __se.

Рисунок 32 – Проверить ответ.

В следующем задании необходимо заполнить пропуски в транскрипции: study ['st__di], tube [tj__b], cure [kjʊə(r)], quarter ['kw__tə(r)], sugar ['f__gə(r)], cup [k__p], suppose [s__'pəʊz], purse [pɜ:s], July [dʒ__'laɪ], pupil ['pj__:pl], unit ['j__nit], pure [pj__ə(r)], number ['n__mbə(r)], lunch [l__ntʃ], butter ['b__tə(r)], bush [b__ʃ], guard [gɑ:d], nut [n__t], bus [b__s], fruit, [fr__t] put [p__t], difficult ['dɪfɪk__lt], full [f__l], quietly, ['k__arət.li], quickly ['kw__kli], vogue [vəʊg__], busy ['b__zi], juice [dʒ__s], sure [ʃ__ə(r)], hurt [h__t], quilt [k__ilt], queen [k__i:n], question ['k__estʃən], usual ['j__ʒ__əl], mum [m__m], build [b__ld], conquer ['kɒŋ.k__ər], guitar [g__'ta:], bull [b__l], burn [b__n], pull [p__l], quit [k__it], student ['stj__dnt], unique [j__'ni:k], guest [g__st], quick [k__ik], suit [s__t], quiet ['k__arət], demur [dɪ'm__r], juice [dʒ__s], up [__p], picture ['pɪktʃ__ (r)], furniture ['f__nɪtʃ__ (r)], cruise [kr__z], purple ['p__pl], figure ['fɪg__ (r)], quill [k__il], nuisance ['n__səns], quail [k__eɪl], fury ['fj__ri], duty ['d__ti], quiz [k__ɪz], nature ['neɪtʃ__ (r)].

На рис. 33 приведено задание, благодаря которому учащиеся в игровой, творческой атмосфере доводят навык чтения буквы «U» на английском языке до автоматического восприятия. Части рисунка должны быть закрашены в соответствии с правилами чтения буквы «U» в английском языке: golden – [jʊ], blue – [...], pink – [ə], green – [ʌ], yellow – [u:], brown – [ɜ:], gray – [w], orange – [ju:], red – [ʊ], lilac – [ʊə], black [ɪ].

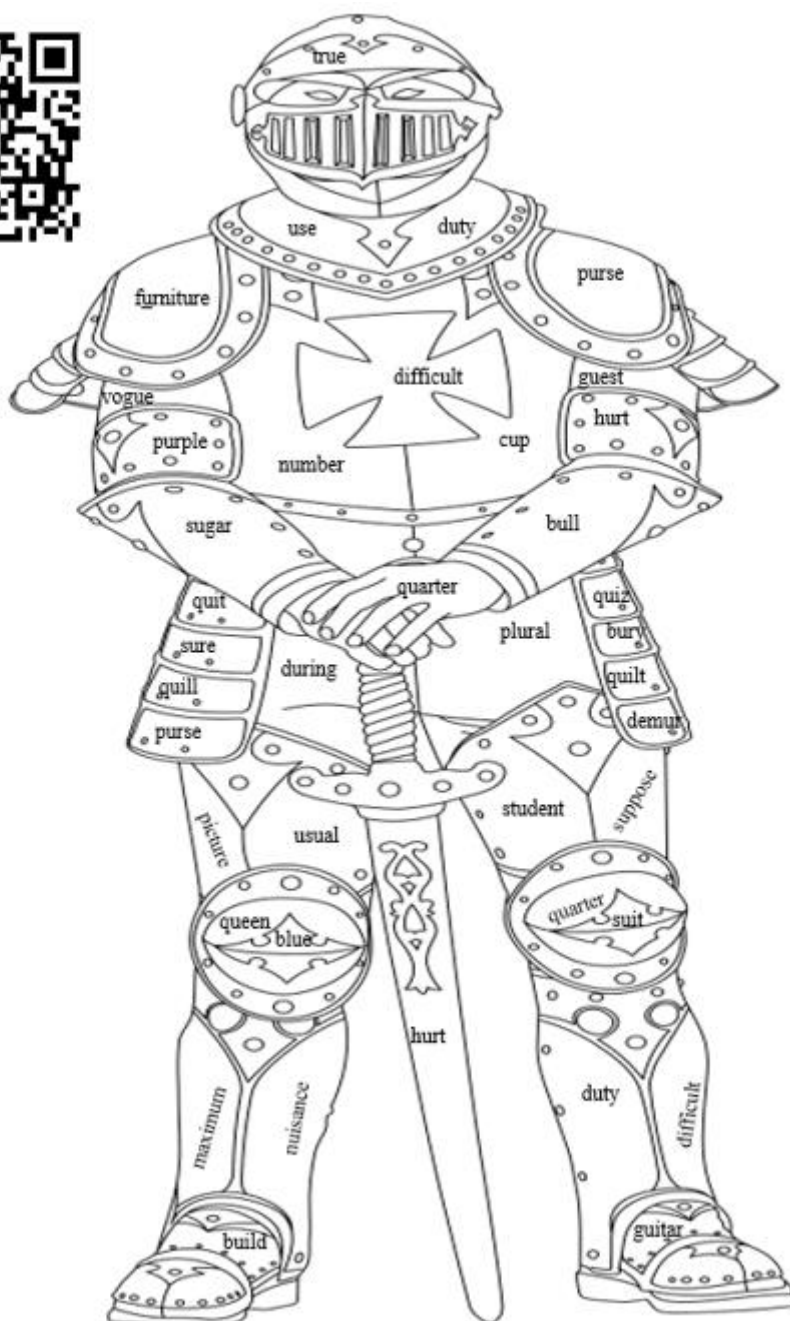

Рисунок 33 – Раскрасьте в соответствии с правилами чтения буквы «U».

Развивающим аспектом использованных арт-технологий является восприятие букв, как символов определённого слова, повышается качество владения иностранным языком. К лингвистическим аспектам арт-технологий относятся сформированность универсальных лингвистических понятий, наблюдаемых в родном и иностранном языках; развитие интеллектуальных, речевых и познавательных способностей учащихся. Учащиеся распознают изученную лексику и грамматику при

чтении и аудировании и используют их в устном общении, овладевают техникой чтения вслух. Воспитательный и информативный аспект арт-технологий способствует более раннему приобщению к новому языковому миру, формирует у учащихся готовность к общению на английском языке и положительный настрой к дальнейшему его изучению.

Разнообразие форм и приемов современных арт-технологий дает возможность использовать их на разных этапах занятия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Ганчар, Н. П. Формирование навыка чтения у учащихся при обучении английскому языку на I ступени общего среднего образования посредством использования арт-технологий / Н. П. Ганчар // Адукацыя і выхаванне. – 2023. – № 12 (384). – С. 40–44.

2. Ганчар Н. П. Английский язык. 3-4 классы. Читаем легко и весело : пособие для учащихся учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Н. П. Ганчар. – Минск: Попурри, 2019. – 80 с. + 8 с. вкл.: ил.

3. Ганчар, Н. П. Английский язык. Одежда. Погода. Цвет. Обучающие карточки с QR-кодами (96 карточек, инструкция) / Н.П. Ганчар. – Минск: Попурри, 2021. – 96 с.: ил.

4. Ганчар, Н. П. Тренажёр. Английский язык. 6 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н. П. Ганчар, О. П. Сазанович. – Мозырь : Выснова, 2021. – 82, [2] с. : ил.

5. Ганчар, Н. П. Английский язык. Тренажёр. 5 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н. П. Ганчар, О. П. Сазанович. — Мозырь : Выснова, 2021. – 70, [2] с. : ил.

6. Ганчар, Н. П. Английский язык. Тренажёр. 7 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н. П. Ганчар, О. П. Сазанович. – Мозырь : Выснова, 2022. – 62, [2] с. : ил.

7. Ганчар, Н. П. Английский язык. Тренажёр. 8 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н. П. Ганчар, О. П. Сазанович. – Мозырь : Выснова, 2022. – 69, [3] с. : ил.

8. Ганчар, Н. П. Английский язык. Тренажёр. 9 класс : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Н. П. Ганчар, О. П. Сазанович. – Мозырь : Выснова, 2023. – 71, [1] с. : ил.

9. Ганчар, Н. П. The best friends / Н.П. Ганчар. – Гродно: ООО "ЮрСаПринт", 2019. – 16 с.

10. Ганчар, Н. П. The cabbage pie / Н.П. Ганчар. – Гродно: ООО "ЮрСаПринт", 2019. – 30 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИФА

**Жукоцкая З. Р., д. культурологии, проф.,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
г. Могилев, Республика Беларусь**

««Я, – быть может, как никто из моих современников, живу в мифе – вот в чем моя сила. Вот чем я человек нового начинающегося периода. Ибо, если по Контю, мир в своем развитии проходит через фазы: мифологическую, теологическую и научную, то ныне наступают сроки новой

мифологической эпохи. И я являюсь, быть может, одним из самых первых вестников этой грядущей эпохи. И тогда, когда она настанет, меня впервые должным образом оценят...».

Вяч. Иванов

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) – философ, переводчик, литературный критик, идеолог дионисийства, автор оригинальной концепции русского символизма, в которой призывал за возвращение русской культуры к духовным основам христианства и за творческое переосмысление и воссоздание художественных архетипов.

В начале XX века Вяч. Иванов, почувствовав возрастающий интерес русских читателей к своему творчеству, возвращается из-за границы в Санкт-Петербург. За несколько лет до этого события, Мережковский просил у него разрешения напечатать в литературно-религиозном журнале «Новый путь» работу, озаглавленную «Эллинская религия страдающего Бога». Мережковский и Гиппиус на несколько лет уезжают в Париж, а Иванов оказывается в центре внимания, как ярчайший представитель русского символизма [1].

В 1891 г. Вяч. Иванов впервые познакомился с работой Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», что позволило ему определить свою нравственную позицию, и в частности, концепцию любви. «Властителем моих дум все полнее и могущественнее становился Ницше. Это ницшеанство помогло мне – жестко и ответственно, но, по совести, правильно – решить представший мне в 1895 году выбор между глубокою и нежною привязанностью, в которую обратилось мое влюбленное чувство к жене, и новою, всецело захватившею меня любовью, которой суждено было с тех пор, в течении всей моей жизни, только расти и духовно углубляться, но которая в те первые дни казалась... лишь преступною, темною, демоническою страстью... Друг через друга нашли мы – каждый себя и более чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога» [2, с.56]. Предмет любви позволил Иванову самопреобразиться и более цельно и значимо понять свое «Я» в контексте фейербахианской формулы Любви-Бога как единства Я и Ты. Изменив мировоззрение под влиянием Ницше, он сумел творчески реализовать свою философию как мистико-духовный ритуал своей жизни.

Любимой ницшеанской историософской и культурно-исторической темой Вяч. Иванова было такое сопоставление Аполлона и Диониса, в котором доминировал древний фракийский бог Дионис, через сочетание эллинизма и славянизма, толкование двух противоположных, но взаимодополняющих начал в искусстве – аполлонического (мужского, объективного, связанного со зрительной формой дневного, логического и гармонического) и дионисийского (женского, субъективного, связанного с музыкальным настроением ночного, экстатического и хаотического).

Выстраивая собственную интерпретацию христианского мифа, Иванов рассматривает культ Диониса, как предхристианский и проводит параллель между дионисийской оргией и христианским распятием, что в конечном результате служит прославлению человеческого существования [2].

В работе «Дионис и прадионисийство» Иванов отмечает три черты развития религиозной мысли: «1) отождествление оргиастической жертвы, первоначально человеческой, с божеством, или с коррелятом этого божества; 2) отождествление участников оргий, поскольку они испытывают состояние энтузиазма, или богоодержимости, с самим божеством; 3) двойственное представление о божестве: а)

как о владыке верхней и нижней, или подземной, сферы вместе; б) как о жреце и, в частности, жертворастерзателе (омофагия), с одной стороны, и жертвоприносителе, “страсти” претерпевающим и умирающим – с другой... Согласно этой концепции, Аполлон есть начало единства, сущность его – монада, тогда как Дионис знаменует собою начало множественности, – миф, исходящий (с точки зрения символической эксегезы) из понятия о божестве, как о живом всеединстве...» [2, с.84].

Для Иванова каждый человек – это вселенная, «реальная, независимая, суверенная», все образуют единое начало, содержащее в себе Я и Ты, то есть Бога. Если человек утверждает реальность Бога, значит, он утверждает существование всего творения. В диалектическом процессе это просматривается в дуализме Творца и твари, Бога и мира, меня и тебя. У Иванова, человек – это тот, кто от имени всего творения, говорит «да» Богу.

Все небесное, земное –
Ты пред Божиим лицом.

В поэме «Человек» русский символист подчеркивает единение человека, отсутствие зачатков разделения и благодаря этому, он утверждает себя сыном Бога, уподобленным Иисусу, что и является результатом свободного выбора.

Глубинное «Само» раскрывается в человеке после отказа от своего «эго». Поиски Бога в себе переходят у Иванова в мистико-оргиастическую форму, в которую вплетены ницшеанские геометрические и географические образы, что находит отражение в работе «Символика эстетических начал» (1905). Горизонтальная прямая линия для Иванова служит тормозом к творческому поиску, замиранию жизни души и ассоциируется с монизмом материалистического учения. Для Ницше горизонтальное измерение (равнина, море, пустыня, горизонт) являются символом «природы», бессмысленности, а вертикальное (горы, долины) способствует поиску судьбы и определению жизненного смысла. У Иванова это движение вверх – восходящие и нисходящие спирали, помогают взаимодействовать с Богом, выстраивая мифологическую конструкцию посредством трех основных стадий: восхождение, возвращение к земле и нисхождение в темный хаос. Доминантой в этой сингулярности служит творческий акт и духовное обновление.

Стадия восхождения помогает восставшему «эго» противостоять земному состоянию и получает название «богоборчество». Через эту стадию человек, утверждая свою мощь и уверенный в своей силе, восходит к вершине и, бросая вызов Богу, приносит свое «эго» ему в жертву:

Кто богоносец? Кто богоборец?
Страшно, о страшно богов приближенье,
Их поцелуй!
Бога объявший, – с богом он борется...

Далее по концепции Иванова, происходит снисхождение бога на землю и перевоплощение его в зримый облик Красоты. «Когда могущество становится милостивым и нисходит в зримое, – звучит из уст Заратустры, – Красотою зову я такое нисхождение». И заключительная третья стадия, связанная с нисхождением в «демоническое» царство Диониса, соотносится с идеей о «Самости». Таким образом, по выражению Э. Ключа, «творческая личность становится сосудом, аполлонической формой, с помощью которой Бог проявляет себя» [3, с.138].

Вяч. Иванов вырабатывает собственную оценку развития христианского мифа, которая никогда не отождествлялась с дионисийским началом, потому, что для него Дионис – это не бог, а символ особого психологического напряжения. Настоящим

объектом веры для Иванова служит Христос. Иванов акцентирует внимание на духовном обновлении, на жертвоприношении себя Богу и отказе от малого «эго», что вносит новое звучание в понимание христианского мифа, так как русское христианство всегда было ориентировано на индивидуальное подражание жизни Христа. В связи с этим у Иванова по-новому оценивается христианская любовь при взаимодействии с «другим» – это взаимное самораскрытие и обогащение [1].

Жизнь без Христа – тяжелый сон,
Блажен, кому дано два слуха,
Кто и церковный слышит звон,
И слышит общий голос духа.

Вяч. Иванов соединяет религиозное творчество с символом, определяя символ как знак, «знак противоречивый», «предмет пререканий», но представляющий определенное знамение, смысл которого раскрывается образно и полно в соответствующем мифе, т.е. утверждается принцип – *символ как миф*, который позволяет осознать связь и смысл существующего не только в сфере земного эмпирического сознания, но и в других сферах. «Так, истинное символическое искусство прикасается к области религии, – утверждает Вяч. Иванов – поскольку религия есть прежде всего чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни»[1, с.72]. Этот решающий поворот в способе функционирования религии и религиозного по отношению к искусству отмечал и Вл. Соловьев. Обращаясь к художникам будущего в своей первой речи в память Ф.М. Достоевского, он восклицал: «Не только религиозная идея будет владеть ими, но они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями» [4, с.175]. Но что необходимо для сознательного управления «земными воплощениями»? И может ли только творчество влиять на вселенское преображение? Сможет ли художник-теург (по Вяч.Иванову) стать художником-тираном (по Ницше), который переоценил бы все эстетические ценности и разбил «старые скрижали красоты», последовав своей единственной «воле к могуществу»?

В художественной деятельности *теургический принцип* для Вяч.Иванова является принципом наименьшей насильственности и наибольшей восприимчивости.– есть Высший завет художника, уверен Вяч. Иванов, «не налагать свою волю на поверхность вещей», но «прозревать и благовествовать сокровенную волю сущностей». Главное для художника – это открытость духа, благодаря которому художник становится носителем божественного *откровения*.

Размышляя об имманентном творчестве в мирозерцании художника, Вяч.Иванов стремился к реалистическому мирозерцанию как психологической основе творческого процесса и как к первому импульсу в творчестве, обеспечивающему религиозную ценность художественного произведения. Для этого изначально необходима вера художника в реальность воплощаемого.

В этом разведении религиозной сенсорики на «два слуха», понимания и непонимания драмы их диссонирующего созвучия и заключен смысл эпохи Серебряного века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жукоцкая, З.Р. Предтечи Серебряного века: Монография / З.Р. Жукоцкая – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 2002. – 181 с.
2. Иванов, В.И. Дионис и прадионисийство./В.И. Иванов. – СПб: Алетейя, 1994. – 176 с.
3. Ключ, Э. Ницше в России. Революция морального сознания / Э. Ключ. – СПб.:

Академический проект, 1991. – 240 с.

4. Соловьёв, В.С. Речь в память Ф.М. Достоевского / В.С. Соловьёв – Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М.: Наука, 2000. – Т.2. – 394 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ САМОРАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ УЧРЕЖДЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Зосик М.В., магистр педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск, Республика Беларусь

Сегодня в преподавании иностранных языков на передний план выходит формирование у обучающихся компетенций, связанных с работой в международной среде, в том числе коммуникативной компетенции. Это является одним из основных направлений подготовки специалистов-международников. Задача преподавателя состоит в том, чтобы активизировать познавательную деятельность студентов в ходе обучения иностранным языкам, а также помочь запустить процессы самообразования, самовоспитания и самоопределения.

Современные методы преподавания: обучение в сотрудничестве, использование новых информационных технологий и интернет-ресурсов, применение различных творческих заданий помогают реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, способствуют индивидуализации и дифференциации обучения с учётом способностей студентов, их уровня владения иностранным языком, склонностей и т.д. В связи с этим особую актуальность приобретает технология саморазвивающего обучения.

Технология саморазвивающего обучения была разработана Г.Л. Селевко, который взял за основу идею А.А. Ухтомского, утверждавшего, что развитие личности происходит на основе формирования доминанты самосовершенствования.

Основными особенностями данной технологии обучения являются следующие:

- развитие у обучающихся нравственно-волевой и познавательной мотивации;
- определение роли преподавателя как делового партнера, старшего товарища, владеющего более высоким знанием и умением;
- определение позиции обучающегося как позиции свободы выбора и самоопределения.

- задачами методик в самостоятельной работе обучающегося является формирование у них доминанты, т.е. психологической установки на самосовершенствование. Отношения «преподаватель - студент» определяются гуманно-личностным подходом, готовностью «любить, понимать, принимать, сострадать, помогать». [4]

Автором гуманно-личностной технологии, которая по своему характеру является обучающей и воспитательной, является Ш.А. Амонашвили. Гуманно-личностный или личностно-ориентированный подход к обучающимся в учебно-воспитательном процессе является ключевым направлением всех современных педагогических технологий. Он объединяет и воплощает следующие воспитательные идеи и принципы:

- личностная ориентация воспитания и образования;
- гуманно-демократический стиль отношений;
- общечеловеческие принципы гуманизма;
- демократизация педагогических отношений как основы формирования демократической личности;
- индивидуальный подход к обучающемуся;
- принцип природосообразности обучения и воспитания;
- опора на внутренние саморегулирующие механизмы развития личности. [1]

Педагогика успеха, опора на положительное стимулирование, отрицание внешнего принуждения, партнерские отношения сотрудничества создают условия для удовлетворения потребностей самосовершенствования, ориентируют обучающегося на воспитание в себе положительных творческих доминант поведения.

При планировании и организации учебного процесса по немецкому языку преподавателю следует исходить из того, что для реализации технологии саморазвивающего обучения необходимо переносить акцент с преподавания на учение, при котором педагогическое руководство направлено на самовоспитание и самообразование личности при безусловной важности организации учебно-воспитательного процесса. Наряду с использованием познавательной деятельности необходимо использовать также нравственно-волевую мотивацию. Применение самостоятельных методов и приёмов должны оказаться в приоритете.

Результативность технологии саморазвивающего обучения требует создания определенных педагогических условий. В педагогике под условиями чаще всего понимают факторы, обстоятельства, совокупность мер, от которых зависит эффективность функционирования педагогической системы: А. С. Белкин, Л. П. Качалова, Е. В. Коротаева, Л. М. Яковлева рассматривают педагогические условия как то, что способствует успешному протеканию чего-либо, как педагогически-комфортную среду, как совокупность мер в учебно-воспитательном процессе, обеспечивающих развитие учащихся в процессе учебно-познавательной деятельности [3]. В. И. Андреев считает, что педагогические условия представляют собой результат «целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения ... целей» [2, с. 14].

Существуют различные подходы в типологии педагогических условий. Так, В. И. Долгова подразделяет педагогические условия на морально-психологические, организационно-педагогические, научно-методические и учебно-материальные. А. Г. Тулегенова предлагает следующую классификацию:

1. Условия, определяющиеся типом личности, особенностями восприятия, памяти, мышления; мотивационной структурой личности, ее ценностными ориентирами и пр.
2. Условия, определяющиеся личностными качествами педагога.
3. Условия, определяющиеся межличностным взаимодействием педагога и учащихся;
4. Материально-технические условия организации педагогического процесса [5].

Проанализировав различные подходы исследователей к типологии педагогических условий, можно выделить следующие ключевые факторы, которые могут способствовать результативности технологии саморазвивающего обучения немецкому языку в неязыковом учреждении образования БИП.

Использование современных образовательных технологий: онлайн-ресурсов, приложений и программ для изучения языка, а также проведение интерактивных

уроков, использование аудио- и видеоматериалов.

Необходимо также делать упор на *индивидуализацию обучения*: здесь важно учитывать индивидуальные потребности и уровень знаний каждого обучающегося, создавать персонализированные образовательные планы, которые соответствуют уровню владения языком и особенностям обучаемого.

Активное использование коммуникации также способствует результативности технологии саморазвивающего обучения: для поддержки межличностной коммуникации на немецком языке целесообразно использовать обмен личными сообщениями, обсуждение тем в чатах, участие в онлайн-форумах и другие средства виртуальной коммуникации.

Формирование языковой среды, т.е. создание условий для постоянного окружения обучающегося языковой средой, даже вне учебного времени. Это может быть осуществлено через прослушивание немецкоязычных подкастов, просмотр фильмов и чтение текстов на немецком.

Поддержка самомониторинга и самооценки как условие результативности технологии предполагает развитие навыков самостоятельной оценки собственного прогресса, умения ставить цели и следить за их достижением. Использование системы обратной связи позволяет обучающимся корректировать свои учебные стратегии.

Немаловажно также такое условие, как *интеграция культурного аспекта*: ознакомление с культурой и традициями стран, говорящих на немецком языке, для более глубокого понимания языка и эффективной коммуникации.

Организация мотивационной среды, т.е. создание условий для поддержания мотивации обучающихся, например, путем использования интересных и актуальных материалов, привлечения к виртуальным проектам, соревнованиям и другим формам стимулирования; проведение викторин, конкурсов, олимпиад и т.д.

Создание возможностей для практики в реальных ситуациях: организация виртуальных или реальных обменов, вовлечение обучающихся в интерактивные сценарии, где они могут применять свои языковые навыки на практике.

Обеспечение доступности обучающих ресурсов: гарантирование доступности обучающих материалов, а также поддержка технологической инфраструктуры для комфортного использования онлайн-ресурсов.

Формирование сообщества учащихся: создание виртуальных сообществ, где студенты могут обмениваться опытом, обсуждать трудности, задавать вопросы и поддерживать друг друга. Это может стать дополнительным источником мотивации и взаимопомощи.

Систематическая оценка результатов: разработка системы оценки результатов саморазвивающего обучения с учетом достижения языковых целей и формирования компетенций.

Контроль качества обучения: внедрение мониторинга качества саморазвивающего обучения, сбор обратной связи от обучающихся и корректировка образовательного процесса в соответствии с полученными результатами.

Продвижение метакогнитивных навыков: развитие у обучающихся умения планировать свое обучение, контролировать процесс усвоения материала, анализировать свои ошибки и самостоятельно корректировать свои методы обучения.

Сотрудничество с образовательными партнерами: установление партнерских отношений с другими образовательными учреждениями, онлайн-платформами и языковыми школами для обмена опытом, материалами и ресурсами.

Адаптация к изменениям и обновлениям: гибкость внедрения новых методик и технологий в соответствии с требованиями современного образования и изменениями в языковой среде.

Оценка потребностей и интересов студентов: регулярное определение потребностей и интересов обучающихся для коррекции образовательного процесса и адаптации учебных материалов под их запросы.

Дополнительно обогатить процесс саморазвивающего обучения немецкому языку в неязыковом учреждении образования поможет развитие навыков критического мышления, использование игровых элементов, создание пространства для творчества, формирование адаптивных стратегий обучения, интеграция изучения немецкого языка с другими предметами и областями знаний для более глубокого понимания языка в контексте культуры, истории и науки, внедрение системы поощрений за достижения и прогресс в изучении языка, обеспечение возможностей практического применения языковых навыков в реальной жизни через виртуальные путешествия, онлайн-стажировки или виртуальные обмены, содействие профессиональной, акцент на развитие не только языковых, но и культурных навыков, что способствует более глубокому пониманию языка и его использованию в различных ситуациях.

Таким образом, результативное саморазвивающее обучение немецкому языку в неязыковом учреждении высшего образования требует создания комплексных и гибких педагогических условий. Использование современных технологий, индивидуализация обучения, акцент на коммуникацию и создание языковой среды, а также постоянная поддержка со стороны преподавателей играют ключевую роль в обеспечении эффективности данной технологии. Студенты должны быть активно вовлечены в процесс, иметь доступ к разнообразным ресурсам и поддержке для самостоятельной оценки своего прогресса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амонашвили, Ш. А. Размышления о гуманной педагогике / Ш. А. Амонашвили. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2001. – 321 с.
2. Андреев, В. И. Педагогика: Учебный курс для творческого саморазвития/ В. И. Андреев. – Казань : Центр инновационных технологий, 2000. – 124 с.
3. Галкина О. В. Организационно-педагогические условия как категория научно-педагогического исследования/ О. В. Галкина // Известия Самарского науч. центра Рос. Академии наук «Актуальные проблемы гуманитарных наук». – Самара: Изд-во Сам. научн. Центра РАН. – 2008. – № 3. – С. 231-238.
4. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г. К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.
5. Ситников М. И. Педагогические условия творческой самореализации личности молодого учителя : Дис. ... канд. пед. наук. : 13.00.01/ М. И. Ситников. – Белгород, 1995. – 214 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ЮРИСТА

*Кондратьева И.П., магистр п.н., доц.,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск,
Республика Беларусь*

Перед будущими выпускниками общеобразовательных учреждений стоит проблема выбора будущей профессии. Поиск своего предназначения в жизни приобретает особый смысл. Часто выбирается профессиональное учебное заведение случайно. Некоторые студенты учреждений высшего образования разочаровываются в правильности своего выбора уже на первом году обучения, другие – в начале самостоятельной профессиональной деятельности, а кто-то – после двух-трех лет работы по профессии. Будущие молодые специалисты не могут найти работу по специальности и пополняют ряды безработных или занимаются нелюбимым делом.

В ходе встречи с членами Республиканского совета ректоров УВО Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко озвучил пять главных проблем в системе высшего образования. Главными из них являются разрыв между спросом и предложением на рынке труда, а также подготовка непрофильных специалистов и низкая закрепляемость на первом рабочем месте.

Чтобы определить соответствие индивидуально-психологических особенностей будущих выпускников и уровня их профессиональной подготовленности требованиям профессии, проводится профессиональный отбор по специальности. Изменившаяся профессиональная ситуация стимулирует образование новых психологических свойств и качеств. Происходит кардинальная перестройка психологической структуры личности, так как меняется сложившаяся система координат жизнедеятельности человека. Вместо прежней системы «школа – семья – общество» возникает новая ситуация, определяемая координатами «профессия – семья – социально-экономические условия» [1, с. 26].

В жизни молодых людей происходят нормативные события, например поступление в высшее учебное заведение, его окончание, трудоустройство, повышение по карьерной лестнице. Вариантов становления много. Еще больше возникает вопросов. Как объяснить разный темп профессионального становления личности? От чего зависит удовлетворенность профессией? Эти проблемы обусловлены взаимосоответствием индивидуально-психологических особенностей человека и содержания условий труда.

Обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые и компетентные личности, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, умеющие выбирать способы сотрудничества. Они должны отличаться мобильностью, обладать развитым чувством ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. Для подготовки людей с такими качествами требуется обновление национальной системы образования [Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 ноября 2021, № 683].

Профессиональная компетентность – это область постоянно расширяющейся системы профессиональных знаний, позволяющая осуществлять профессиональную деятельность с эффективной результативностью, и содействующая повышению уровня профессионального образования, а также решению необходимых проблем [2, с. 145].

В профессиональной компетентности будущего юриста можно выделить следующие группы компетенций:

Информационная грамотность будущего юриста-международника – свойство будущего специалиста понимать и оценивать информацию в соответствии со структурой принципов и приоритетов, адаптация к требованиям профессиональной деятельности, владеть мастерством общения на иностранных языках, обладать

ораторским искусством, способностью анализировать стрессовую ситуацию и разработать стратегии выхода из нее, способность работать в коллективе.

Правовая грамотность – свойство специалиста продуктивно применять документы в области законодательства в процессе профессиональной деятельности, а также рациональное принятие решений.

Морально-этическая грамотность – свойство специалиста соблюдать нормы общественной морали и нравственности, проявлять уважение к закону в профессиональной деятельности, соблюдать этику юриста, в недопустимости коррупции.

Коммуникативная грамотность – свойство специалиста проектировать технику взаимодействия между людьми, формировать контакты с лицами, обращающимися за юридической помощью, а также опыт ведения переговоров.

Интеллектуальная грамотность – свойство специалиста тренировать память, умственная работоспособность, повышение квалификации, а также способность анализировать собственные проблемы.

Основную роль в успешном выполнении задач, связанных с профессиональной подготовкой будущих юристов играет содержание подготовки в УВО, которое предусматривает различное сочетание теоретических и практических учебных задач. Успех профессиональной подготовки юристов во многом зависит от соблюдения ряда требований, касающихся профессиональной ориентации каждой учебной дисциплины, а также профессиональная направленность учебного материала.

На факультете международное право нашего университета разработаны и применяются следующие программы курсов: «Иностранный язык 1 в профессиональных целях», «Иностранный язык (профессиональная лексика)», «Иностранный язык 2: профессиональная лексика делового общения», «Деловой иностранный язык». Освоение курсов предполагает формирование у студентов способности к осуществлению речевой деятельности, требующего определенного типа мышления, позволяющего решать возникающие проблемы в конкретной профессиональной среде. Задача преподавателя – развитие у студентов навыков профессиональной коммуникации. Основное внимание в методике обучения мы отводим формированию умений передачи информации от человека к человеку при помощи языка, изучению и освоению профессионального языка, а также развитию речевого мастерства.

В качестве средств стимулирования коммуникативной компетентности преподаватели нашего университета успешно применяют различные техники для любого уровня владения иностранным языком в онлайн и оффлайн форматах. Одной из эффективных инновационных педагогических технологий является интерактивная методика. В процессе обучения можно эффективно использовать такие интерактивные методы, как работу в творческих группах, проведение конференций и круглых столов. Интерактивность возможна, если студент имеет свободу выбора учебных действий, что является своего рода способом индивидуальной самореализации, усиливает мыслительный процесс, а также способствует эффективному усвоению учебной информации. Метод обучения «круглый стол» позволяет консолидировать предварительные знания, чтобы заполнить недостающую информацию, сформировать навыки решения проблем, культуры дебатов. Характерной особенностью "круглого стола" является сочетание дискуссии с групповой консультацией. В дополнение к активному обмену знаниями, студенты разрабатывают профессиональные навыки, чтобы выразить идеи, оспорить свои

взгляды.

Прекрасно «работает» на всех уровнях такой метод обучения, как подготовка презентаций. Платформы ZOOM и SKYPE предоставляют возможность демонстрации экрана, а также обсуждения, виртуальной реакции и оценки. Наши преподаватели успешно используют такие активные формы, как «Презентация-семинар», «Презентация-экскурсия», «Видео-презентация» и др. Использование активных традиционных методов в обучении иностранному языку онлайн и оффлайн способствует развитию творческих возможностей студентов, инициативности, развивает у них иноязычную коммуникативную компетентность и практические навыки.

Модернизация образования влечет за собой интеграцию традиционных и инновационных технологий. К инновациям в лингвистическом образовании можно отнести применение современных ИКТ, мобильное обучение, дифференцированное обучение, проектное обучение, модульное и дистанционное обучение. При разработке содержания и технологии подготовки по иностранным языкам необходимо понимать, что главной задачей УВО является формирование основ знаний и умений, которые позволят учиться дальше, совершенствуя компетентность средствами получения профессионального опыта уже после окончания УВО. Следовательно, определенные единицы содержания подготовки должны выноситься на самостоятельную работу, что вполне реализуемо средствами применения ссылок на электронные ресурсы.

Нельзя умилять значение социальных сетей как средства массовой коммуникации и передачи знаний. Мы полагаем, что применение социальных сетей в обучении требует тщательной подготовки со стороны преподавателя, а также проработанной методики работы с социальными сетями в процессе обучения студентов. Социальные сети пользуются огромной популярностью среди студентов всех этапов обучения, так как являются источником аутентичных материалов и лингвострановедческой информации, следовательно такая форма обучения способствует развитию различных видов речевой деятельности. Как пример можем привести наиболее популярные: Conversation exchange (<http://www.conversationexchange.com/>) Sharedtalk (<http://www.sharedtalk.com/>) и Italki (<https://twitter.com/italki>). На этих сайтах могут зарегистрироваться преподаватели, студенты, репетиторы и обычные пользователи. Здесь можно найти партнеров для отработки коммуникативных навыков или развивать навыки письма посредством переписки с носителями языка. Такие технологии повышают у студентов мотивацию к изучению иностранного языка, а также снижают стресс во время обучения из-за боязни допустить ошибку.

Важным компонентом формирования профессиональной языковой компетенции студентов является целенаправленная организация внеаудиторной деятельности, которая способствует разнообразию процесса обучения иностранному языку. Традиционными формами учебно-воспитательной работы являются разговорные клубы, знакомство с национальными праздниками стран изучаемого языка, недели иностранных языков, встречи с носителями языка. Использование данных форм обучения позволяет студентам глубоко погрузиться в суть языка, совершенствовать знания по иностранному языку, а также проявить себя, реализовать свой творческий потенциал.

В научно-исследовательской работе студентов расширяется проблематика социокультурных исследований. Все больше студентов принимают участие в написании тезисов для публикации в родном университете и других учреждениях

высшего образования в Республике Беларусь и за ее пределами. Ни один учебник, ни одно учебное пособие не могут в полной мере способствовать формированию социокультурной и профессиональной компетенции. В решении вышеперечисленных задач преподаватель широко использует национальные и зарубежные средства массовой информации, интернет-платформу, художественную и публицистическую литературу, и конечно же содействие преподавателей смежных дисциплин.

Если по каждому виду компетенций, упомянутых выше, разработать оценочную шкалу, будет объективная возможность указать на сильные и слабые стороны, тем самым оказать существенную помощь в формировании компетентности личности. В сфере образования профессиональную компетентность следует воспринимать как систему взаимосвязанных специальных, общепрофессиональных и общекультурных знаний, умений и навыков, объединенных ценностно-смысловыми ориентирами. Профессионализм юриста отражен в совокупности положительных профессиональных компетенций, только в подобном сочетании мы получим высококвалифицированного специалиста юридических наук и правоведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер// Учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003 – 336 с.

2. Кокарева М.Е., Гордеев К.С., Пасечник А.С., Жидков А.А. Профессиональная компетентность современного юриста // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/11/24583> (дата обращения: 03.03.2024).

РОЛЬ ДОБРОВОЛЬНОЙ ДРУЖИНЫ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Кравчевская О.В., педагог социальный 1 категории,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Гражданское общество – ключевой элемент эффективного развития государства. В условиях гражданского общества создается реальная возможность для самореализации личности и человеческих коллективов, воплощается большая часть прав и свобод человека. Гражданское общество взаимодействует с государством. Именно оно и образует естественный фундамент демократии, без которого последняя просто невозможна или неэффективна. Результатом активного позитивного взаимодействия стало принятие новых законов, которые активно вовлекают социально активных граждан даже в такие сферы государства, как обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Хотелось бы отметить, что добровольные народные дружины – это не подмена государственных силовых структур, это возможность социально активных граждан действительно участвовать, совместно с сотрудниками полиции, в формировании тех безопасных, основанных на законе условий жизни, о которых так часто на митингах говорят правозащитники. Это определенная активная форма общественного контроля деятельности сотрудников полиции. Это возможность формирования кадрового резерва для органов внутренних дел из числа социально активной молодежи – членов добровольной народной

дружины, которая сознательно выбрала путь охраны прав и свобод граждан [2]. Закон РБ «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 26 июня 2003 г. № 214-3 создал правовые условия для добровольного участия граждан РБ в охране общественного порядка.

Теоретические положения об участии народных масс в обеспечении охраны общественного порядка были сформулированы В. И. Лениным вскоре после революционных событий октября 1917 г., в результате которых к власти пришли большевики. Причем первоначально речь шла о принципах формирования такой жизненно важной для государства структуры, как милиция, которая, по его мнению, должна была стать всенародной: «Организовать ли сначала рабочую милицию, опираясь на рабочих, наилучше организованных и способных выполнять роль милиционеров, или организовать сразу всеобщую обязательную службу всех взрослых мужчин и женщин в милиции, посвящающих этой службе одну или две недели в год и т. п., этот вопрос не имеет принципиального значения» [1, с. 26].

В истории СССР практика привлечения добровольных дружин в помощь правоохранительным органам была широко распространена. Дружины состояли из обычных граждан, желающих принять участие в обеспечении правопорядка и безопасности в своих районах. Они выполняли функции патрулирования, профилактики преступлений, а также оказывали помощь правоохранительным органам при задержании преступников.

Однако после распада СССР взаимодействие между силовиками и общественностью, в том числе дружинами, уменьшилось. Во многих бывших советских республиках, дружины прекратили свое существование или существуют на очень низком уровне. Это связано с изменениями в системе правопорядка, переходом к новым моделям организации общественной безопасности и недоверием к правоохранительным органам.

В Беларуси, однако, удалось сохранить дружины в качестве вспомогательных силовых структур. Они продолжают выполнять основные функции обеспечения правопорядка и безопасности. Правовую основу участия граждан и их объединений в охране правопорядка составляют Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь 26 Июня 2003 г. N 214-3 «Об участии граждан в охране правопорядка» и иные акты законодательства Республики Беларусь.

Согласно Закону Республики Беларусь «Об участии граждан в охране правопорядка», добровольная дружина представляет собой основанное на членстве объединение граждан Республики Беларусь, принимающее участие в охране правопорядка и осуществляющее свою деятельность под руководством уполномоченных должностных лиц органов местного управления или иных юридических лиц, его создавших. Добровольная дружина не является юридическим лицом. Члены добровольной дружины подлежат обязательному личному страхованию и возмещению вреда, причиненного их имуществу. При выполнении функций участием в охране правопорядка член добровольной дружины обязан иметь при себе и предъявлять по требованию граждан удостоверение, отличительный нагрудный знак или нарукавную эмблему (повязку) с символикой добровольной дружины установленной Советом Министров Республики Беларусь.

Работа дружины охраны правопорядка в университете способствует формированию у студентов гражданской ответственности, уважения к закону и правам других людей. Она играет важную роль в правовом воспитании молодежи, помогая создать безопасную и благоприятную образовательную среду.

Добровольная дружина в университете – это организация или группа студентов, которые добровольно поддерживают порядок и обеспечивают безопасность на территории университета, содействуют правоохранительным органам, органам и подразделениям по чрезвычайным ситуациям, органам пограничной службы Республики Беларусь в охране правопорядка.

Добровольная дружина охраны правопорядка, созданная в учреждении высшего образования, выполняет следующие функции:

1. Обеспечение охраны прав и законных интересов членов образовательного процесса: обучающихся, профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета. Дружина оказывает помощь в решении конфликтных ситуаций и предотвращении правонарушений.

2. Проведение профилактической работы среди обучающихся в целях формирования правовой культуры и осознания их обязанностей перед обществом. Дружина проводит беседы, тренинги и информирует студентов о правилах и нормах поведения, а также о последствиях нарушения законодательства.

3. Оказание помощи правоохранительным органам. Тесное взаимодействие милиции с дружинниками способствует не только укреплению безопасности и правопорядка на улицах, но и предотвращению преступлений против граждан, совершаемых в общественных местах. В сферу деятельности дружины также входит профилактика правонарушений и преступлений. Так, например, они вместе с участковыми инспекторами милиции участвуют в проверках лиц, состоящих на различных видах учёта, в проверке семей, находящихся в социально-опасном положении, проведении воспитательной работы с лицами, допускающими правонарушения

4. Участие в организации и проведении мероприятий, направленных на пропаганду правовых ценностей и распространение знаний о правосудии, правах и обязанностях граждан. Дружина помогает в проведении правовых лекций, конференций, круглых столов и других мероприятий.

Участие в добровольной дружине может быть полезным для студентов, так как помогает им развивать лидерские и организационные навыки, укреплять дисциплину и ответственность, а также налаживать контакты с другими студентами и преподавателями.

Добровольная дружина в университете обычно работает на добровольных началах, и члены не получают за это финансовую компенсацию. Однако иногда могут быть предусмотрены некоторые привилегии или льготы для активных участников дружины.

Добровольная дружина играет важную роль в правовом воспитании студентов. Ее основная задача состоит в том, чтобы помогать студентам, развивать правовое сознание, соблюдать законы и нормы, а также формировать у них уважение к правам и свободам других людей.

Добровольная дружина может проводить различные мероприятия и акции, направленные на пропаганду правовых ценностей. Например, организовывать лекции, семинары и дискуссии по актуальным правовым вопросам. Они могут также проводить практические занятия, разыгрывать ситуации, связанные с нарушением законов, чтобы студенты на практике осознали последствия неправильных действий.

Таким образом, добровольная дружина играет важную роль в правовом воспитании студентов. Она помогает им осознать важность и необходимость соблюдения прав и законов, а также дает практическую помощь в различных

правовых вопросах.

Одним из главных плюсов добровольной дружины для воспитания студентов является формирование коллективного сознания и работы в команде. В дружине студенты учатся слушать друг друга, принимать общие решения, работать вместе для достижения общей цели. Это развивает навыки коммуникации, сотрудничества и лидерства, которые пригодятся им в дальнейшей жизни и карьере.

Добровольная дружина также предоставляет студентам возможность приобретать практические навыки и опыт в своей области интересов. Благодаря активной работе и участию в различных мероприятиях, студенты могут научиться применять свои знания на практике, совершенствовать свои умения и навыки, а также получить реальный опыт работы в коллективе.

Еще одним плюсом добровольной дружины для воспитания студентов является возможность саморазвития и самосовершенствования. Студенты активно участвуют в обучающих и тренировочных мероприятиях, обмениваются знаниями с другими участниками, учатся новому и повышают уровень своей компетенции. Это позволяет им развиваться как личность, расширять свои горизонты и стать более уверенными в себе.

Добровольная дружина способствует воспитанию студентов, помогая им стать активными и ответственными гражданами, готовыми к жизни и задачам, которые они ставят перед собой. Ответственность перед коллективом и общими целями, развитие коммуникационных и лидерских навыков, саморазвитие и приобретение практического опыта - все это формирует у студентов важные качества, необходимые для их будущей карьеры и жизни.

В целом, практика привлечения дружин в помощь правоохранительным органам имела свои плюсы и минусы. Она позволяла вовлечь граждан в процесс обеспечения безопасности и борьбы с преступностью, однако такая система требует тщательного контроля и координации деятельности, чтобы избежать злоупотреблений и проявлений самосуда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин, - Изд. 5-е. - М.: Изд-во полит. лит., 1981. - Т. 32, 584 с.
2. Лосев, А. Н. Добровольные народные дружины как фактор воспитания социально активной личности / А. Н. Лосев, С. В. Новиков, // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т 9, № 12. С. 307- 310.

СКЕПТИЦИЗМ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В «ОПЫТАХ» М. МОНТЕНЯ

*Лидергос Н.В., к.ф.н., доцент,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Гродно,
Республика Беларусь*

«Опыты» Монтеня – удивительно современная книга. Дело не в том, что идеи гуманистической антропологии «Опытов» М.Монтеня созвучны пафосу антропогенной цивилизации, которая начинает складываться в наши дни («...современная культура ищет и находит в его книге подходы к вновь возникающим проблемам. И в этом заключается естественная жизнь духовной традиции» – 4, с.

124), – Монтень современен так, как это понимал М.Мамардашвили: «...если жив я, если я могу помыслить нечто кантовское как возможность моего собственного мышления, то жив и Кант. И здесь есть бесконечная длительность сознательной жизни... Бессмертие личности в мысли» [7, с. 288].

Современность Монтеня ощущалась деятелями культуры во все времена; Монтень, наряду с Марком Аврелием, Сервантесом, Пушкиным, относится к числу «вечных спутников» человечества, духовное наследие которых определяет его развитие, а его книга – к тем неисчерпаемым произведениям мировой классики, к которым непременно обращается каждая эпоха, по-новому истолковывая их, подобно тому, как каждое новое поколение заново решает круг вечных вопросов бытия. Именно поэтому Монтеню и его книге посвящено уже более 3,5 тысяч исследований, созданных как во Франции, так и в других странах.

Не претендуя на характеристику всей этой исследовательской традиции, отметим, что даже на основании того немногого, что было доступно нам для ознакомления, можно сделать вывод, что философская позиция Монтеня не поддается однозначному определению, если подходить к его книге как к изложению четкой системы. В исследованиях встречаются указания на слабость монтеневской «философии без доктрины» [5, с. 31], констатируется ее бессистемность, противоречивость, непоследовательность [4, с. 124]; делаются попытки «выпрямить» ее, усмотрев в «Опытах» отражение эволюции мировоззрения автора от стоицизма к эпикуреизму, а затем к скептицизму, одновременно утверждается, что мировоззрение Монтеня оставалось неизменным; игнорируя диалектичность авторской мысли, Монтеню приписывают, например, антирелигиозный пафос, либо, согласно иной конъюнктуре, объявляют его «истым христианином» [4, с.124].

Более продуктивной, на наш взгляд, является наметившаяся в последние десятилетия тенденция, во-первых, к признанию этой непоследовательности не недостатком, а принципиальным открытием Монтеня, его вкладом в философскую теорию познания – в этом исследователи видят современность стиля мышления Монтеня, для которого характерны не только дух свободы и гуманизма, нравственная толерантность, веротерпимость, но и постоянное самопознание и самоирония, а также скептицизм и сомнение как исходный принцип философского познания мира. Так, по мнению Ю.Г. Седовой, ирония, самоирония, сомнение как способы философского мироистолкования, продемонстрированные Монтенем в его книге, делают его предтечей критической философии [см.: 4, с. 125]; во-вторых, к осознанию того, что анализ философских идей Монтеня невозможен без учета художественной специфики его книги – «одновременно незамкнутой и целостной» [6, с. 254]; в-третьих, к более точному определению «прописки» Монтеня в истории философии и культуры, поскольку он в разных источниках фигурирует и как представитель «гуманистической антропологии», и как «последний гуманист» [5], и как «маргинал», в чьих воззрениях «сходятся поздний Ренессанс и раннее барокко» [4, с. 124].

Мишель Эйкем де Монтень, родившийся 28 февраля 1533 г. в семье королевского офицера из купеческой семьи, получивший в семье, колледже, а затем в университете образование в духе идей гуманизма (знание латинского языка открыло ему доступ к античным первоисточникам), прослуживший 16 лет в юридическом корпусе, затем советником парламента (1558-1570) и мэром Бордо (1582-1586), встречавшийся на протяжении своей жизни с королями Франции, с папой римским, с русским послом двора Ивана Грозного, а затем удалившийся от дел, чтобы написать книгу, которая обессмертила его имя, и умерший 13 сентября 1592 г., жил в сложное

и трагическое время. Это было время религиозных раздоров, которые раздирали Францию в период работы Монтеня над «Опытами» и которые омрачили эпоху позднего Возрождения и обозначили скорый приход эпохи раннего барокко. Кризис прервал французский гуманизм на самой высокой ноте и не мог не придать ему трагическую окраску. Кроме того, это было время, может быть вынужденной, ревизии идей Возрождения: в поисках нравственной опоры в пошатнувшемся мире Монтень, как и многие современные ему мыслители, обращается к еще совсем недавно авторитетным для него текстам античных авторов. «Монтеню выпала роль мыслителя-маргинала. Его невозможно отнести ни к Ренессансу, ни к барокко. Он между ними, в расщелине времени» [4, с. 124]. Традиции ренессансного антропоцентризма и гуманизма, воспринятые с детства, дороги Монтеню, и в то же время именно эти идеи становятся объектом философской рефлексии в его книге, он словно испытывает на прочность прежнюю шкалу этических и эстетических ценностей; жизнь «в расщелине времени» и благодаря этому осознание изменчивой сущности человека в постоянно меняющихся социокультурных условиях приводит Монтеня к выводу об отсутствии какой бы то ни было однозначно понимаемой авторитетной истины.

Круг тем, интересующих Монтеня, необычайно широк и разнообразен. Монтень пишет обо всем: «...О скорби и праздности, о старинных обычаях и о боевых конях, о стихах Вергилия и о средствах передвижения, о суетности и о раскаянии, о величии римлян и о бережливости, о снах, именах, запахах, молитвах, наградах, уединении, дружбе, воспитании детей, о самомнении, о том, что мы смеемся и плачем от одного и того же, и о многом другом» [3, с. 8]. Монтень рассуждает на все темы, и именно это позволяет назвать «Опыты» книгой энциклопедического масштаба.

При создании «Опытов» в первоначальный замысел Монтеня входило собрать различные поучительные примеры, исторические анекдоты и сентенции из сочинений античных писателей и философов, дать им краткий комментарий и, таким образом, с помощью античной мудрости предложить для своих современников своеобразный «учебник» жизни. Но при написании уже первой книги «Опытов» Монтень обнаружил, что «примеры жизни» разбегаются, диссонируют и противоречат друг другу, составляя скорее не правила, а исключения и, соответственно, требуют более обстоятельных комментариев и серьезной рефлексии. Внося добавления, Монтень все время ощущал, что не высказался полностью по тому или иному вопросу, и вносил все новые варианты, несмотря на то что первые две книги «Опытов» были изданы три раза подряд – в 1580, 1582 и 1587 годах – и имели ошеломляющий успех. В 1588 году появилось четвертое издание, включающее все три книги «Опытов». И с этим изданием Монтень не расставался до конца жизни, внося в него более 600 добавлений, причем, как отметил Г.К. Косиков, «добавления эти не продолжают и не развивают книгу, а служат комментарием к уже сказанному» [5, с.9]. Во второй книге «Опытов» Монтень пишет: *«Я никогда не исправляю написанного и не ввожу в него позже появившихся мыслей, а только иногда изменяю какое-нибудь выражение, и то, чтобы придать ему другой оттенок, а не вовсе изъять его. Я хочу, чтобы по моим писаниям можно было проследить развитие моих настроений и чтобы каждое из них можно было увидеть в том виде, в каком оно вышло из-под моего пера. Мне будет приятно проследить, с чего я начал и как именно изменился»* [8, II, с. 37].

Принимая во внимание вышесказанное, мы вслед за А.Турноном [10, с. 47] выделяем следующие функции монтеневских дополнений: они могут развивать те

мысли и идеи, которые в первом варианте были только намечены автором; могут как незначительно, так и существенно изменять первоначальный смысл сказанного; могут переделывать единичный пример в типичный и т.д.

Принципиально важным является тот факт, что Монтень не вычеркивает уже написанное, не переписывает свой текст заново, а корректирует его, добавляя на полях все новые мысли, которые отражают развитие авторских «настроек», и происходит это до тех пор, пока автор не начинает явно противоречить сам себе по какому-либо вопросу. Причем в намерения Монтеня отнюдь не входит завуалировать эти противоречия, а, наоборот, автор заостряет на них внимание читателя, подчеркивая тем самым, что по одному и тому же вопросу могут существовать диаметрально противоположные суждения.

Итак, рефлексивная над одними и теми же вопросами снова и снова, Монтень вовсе не приближается к какому-либо завершению, а постоянно находится в поисках истины: *«Мой ум и мысль бредут ошупью, пошатываясь и спотыкаясь, и даже тогда, когда мне удастся достигнуть пределов, дальше которых мне не пойти, я никоим образом не бываю удовлетворен достигнутым мною; я всегда вижу перед собой неизведанные просторы, но вижу смутно и как бы в тумане, которого не в силах рассеять»* [8, I, с.26].

Так что же за истину ищет Монтень и почему его поиск незавершен?

Средневековые ставили в центр своего мировоззрения Бога и, следовательно, было теоцентричным; Возрождение вместо Бога в центр мироздания поставило Человека и, таким образом, носило антропоцентричный характер. Эпоху Возрождения называют также эпохой гуманизма. Гуманизм (от латинского слова “homo” – человек; “humanus” – человеческий) – термин, которые ввели в культуру деятели Возрождения. Они противопоставили гуманизм – теизму (от греческого слова “theos” – Бог, “theism” – религиозное мировоззрение, которое выше всего и в центре всего ставит Бога).

Человек в понимании гуманистов – творец, он фактически равен Богу, а человечество рассматривается не как толпа, а как масса индивидов. Человек не нуждается в Боге, ему необходимы практические знания.

Как мыслитель Монтень сформировался в русле гуманистической философской традиции, и закономерно, что основная проблема, к которой он обращается в «Опытах», – это проблема природы человека как морального существа, причем человек интересует автора не в его величии, а в его «обыденной обыкновенности, представляющей собой общий удел» [1, с. 134]. В центральной и наиболее спорной главе своей книги – «Апология Раймунда Сабундского» Монтень предлагает: *«Рассмотрим же человека, взятого самого по себе, без всякой посторонней помощи, вооруженного лишь своими человеческими средствами и лишенного божественной милости и знания, составляющих в действительности всю его славу, его силу, основу его могущества. Посмотрим, чего он стоит со всем этим великолепием, но с чисто человеческим вооружением»* [8, II, с. 46]. Неприятие автором антропоцентризма находит свое отражение в следующих его рассуждениях: *«Пусть он [человек] покажет мне с помощью своего разума, на чем покоятся те огромные преимущества над остальными созданиями, которые он приписывает себе. Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, - что все это сотворено и существует столько веков для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое*

создание, которое не в силах даже управлять собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею! <...> По суетности воображения он равняет себя с богом, приписывает себе божественные способности, отличает и выделяет себя из множества других созданий, тогда как в действительности он помещен среди грязи и нечистот мира, прикован к худшей, самой тленной и испорченной части Вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания, наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего из трех видов» [8, II, с. 68].

В намерения Монтеня не входит унижить человека: он трезво относится к людям, отмечая их достоинства и недостатки. При этом Монтень не только постоянно напоминает об изменчивости, сложности и противоречивости человеческого характера, но и старается проанализировать эту многозначность. *«Изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо – человек. Нелегко составить себе о нем устойчивое и единообразное представление» [8, I, с. 89].* Однако следует отметить, что, рассуждая о добродетелях и пороках, Монтень отнюдь не намерен *«...реабилитировать этой изменчивостью бесхарактерность или безразличие к добру и злу» [4, с. 123].* Он разрабатывает свою теорию познания и на ее основе новую этику.

Какова же точка зрения Монтеня на природу человеческого познания и его границы? Настаивая на «сходстве в положении всех живых существ, включая в их число и человека», который «не выше и не ниже других», Монтень сталкивается с вопросом о границах человеческого знания и в результате вступает в конфликт с учением о «естественной теологии» Фомы Аквинского, который в XIII в. доказывал, что человек, раскрывая для себя окружающий мир, раскрывает и создавшего этот мир Бога – последнюю, безотносительную истину бытия. Монтень в «Апологии» делает предметом своих критических размышлений «Естественную теологию» испанского богослова XV в. Раймунда Сабундского и становится на позиции скептического фидеизма: не отрицая фидеистический приоритет веры над знанием, он по существу отказывает человеку в способности постигнуть мир потусторонних «первопричин» и идеальных «сущностей» и оставляет его один на один с посюсторонним, «феноменальным» миром – миром явлений. В свою очередь, явления, утратившие право на причастность к своим божественным – вечным и неизменным – первообразам, предстают перед ним всего лишь как подвижные, неустойчивые, неуловимые «видимости», «кажимости».

Однако с этого момента Монтень обнаруживает, что такой мир не поддается надежной и однозначной «расшифровке» как по причине собственной изменчивости, так и в силу «недостовренности и слабости» чувств и интеллекта самого человека. Изменчив человек, изменчив мир вокруг него, различны верования и традиции разных народов, следовательно, невозможно найти незыблемые критерии истины, а единственный закон, правящий миром, – это закон относительности, субъективности и произвольности наших чувствований, восприятий, знаний и моральных установлений: *«Если человек признается в незнании первопричин и основ, то он должен решительно отказаться от всей остальной науки; ибо если он не знает основ, то его разум влачится по праху; ведь целью всех споров и всякого исследования является установление принципов, а если эта цель не достигнута, то человеческий разум никогда не может ничего решить» [8, II, с. 12].*

Так Монтень приходит к скептицизму, в частности – к точке зрения Секста

Эмпирика, которого он цитирует в «Апологии» постоянно и сочувственно. Однако и скептицизм становится для него точкой преодоления, потому что Монтень понимает, что мир без истины оставляет человека без критериев ежедневного поведения и становится слишком жестоким. Поэтому Монтень не снимает вопрос об истине, а переносит его из плоскости «потустороннего» (христианская традиция) в плоскость «посюстороннего», пытаясь найти общий знаменатель существующего многообразия мнений о мире и человеке: точки зрения горожан и крестьян, поэтов и публицистов, и, конечно же, в первую очередь, древних философов – от Сократа и Платона до стоиков, эпикурейцев и скептиков – становятся предметом его критической рефлексии. Монтень приходит к выводу, что ни одна из доктринальных систем не способна уловить абсолютную истину, поскольку жизнь всегда многообразнее и подвижнее любой готовой философской «формы», и потому делает следующий вывод: не жизнь должна поверяться мыслью, а сама мысль должна подвергаться испытующей проверке со стороны жизни. Итогом размышлений Монтеня и становится «философия без доктрины», установка на то, чтобы говорить, ничего не утверждая, даже тогда, когда речь у него идет о самом себе.

Означает ли такая позиция «философское самоубийство» Монтеня? Этот вопрос является дискуссионным и самым древним в монтенистике. «Апология Раймунда Сабундского» трактуется и как скептический кризис Монтеня [10], и как вершина его рационализма, и как защита веры через фидеизм [см.: 6], и как преодоление логических выводов через позитивную эмоцию [см.: 6]. Наиболее убедительной является точка зрения французского исследователя Ж. Старобиньского [9], который, выявив и проанализировав взаимозаменяемые, универсальные для Монтеня оппозиции: быть/казаться; я/другие; естественное/искусственное; стихийное/культурное; внутреннее/внешнее; глубинное/поверхностное, пришел к выводу о том, что движение мысли Монтеня между сторонами этих оппозиций означает, во-первых, стремление философа проникнуть от видимости (*appareance*) к сути (*substance*), во-вторых, выявление тезиса и антитезиса, которое увенчивается снятием противоречия путем возникающего на страницах «Опытов» синтеза. Так, например, отрицание принудительной зависимости от общества оборачивается у Монтеня сознанием долга: чем более внутренне свободен человек, тем выше его способность общаться с миром. Логическое противоречие благодаря такому диалектическому превращению может сниматься не только чисто интеллектуальным путем (действительно, каждая глава «Опытов» построена на парадоксальном совмещении и динамичном чередовании самых различных точек зрения, на их парадоксальном переключении, взаимном разрушении и неожиданном возрождении в новом качестве), но и художественными средствами. По мысли Старобиньского, скептицизм Монтеня оказывается связующим звеном между гносеологией и эстетикой, в результате скептицизм оборачивается у автора «Апологии» не трагическим, а гармоническим восприятием мира.

Таким образом, скептицизм, означающий отказ от иллюзий о всемогуществе разума, от гуманистического антропоцентризма и волюнтаризма и освобождение от доктрин и авторитетов составляет лишь первый уровень содержания «Опытов». Признав логическое познание и связанное с ним нормативное искусство непригодными для постижения стихии бытия и изменчивой человеческой сущности, Монтень обращается к искусству. Скептицизм действительно наиболее законченная философская идея, высказанная в «Опытах», однако художественная природа произведения предполагает существование в нем, помимо философских, идей

эстетических, выраженных не столько высказываниями, сколько самим искусством, не логическими, а художественными средствами; в результате писатель уподобляется природе, книга – живому организму, язык воспроизводит естественный ход мысли. Традициям риторического и логико-дискурсивного построения философского рассуждения, которые преобладали в эпоху гуманизма (эти традиции, в свою очередь, восходят к античности), Монтень противопоставляет естественную раскованность, даже произвольность собственного способа философствования: *«У меня нет другого связующего звена при изложении моих мыслей, кроме случайности. Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются; иногда они теснятся гурьбой, иногда возникают по очереди, одна за другой. Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их, во всех зигзагах. Я излагаю их так, как они возникли»* [8, II, с. 10].

Метод познания, к которому приходит Монтень, определяет его решение многочисленных проблем, к осмыслению которых он обращается на страницах своей книги.

Так, обращаясь к проблеме бессмертия души, Монтень решает ее по-своему. Он не верит в обещания церковнослужителей, что и после смерти человек сможет наслаждаться теми радостями, которые доступны ему в земной жизни: *«...они стремятся привлечь и соблазнить нас этими описаниями и обещаниями, доступными нашим земным вкусам. Ведь впадают же некоторые наши единоверцы в подобное заблуждение и надеются после воскресения вернуться к земной и телесной жизни со всеми мирскими благами и удовольствиями»* [8, II, с. 95]. Монтень полемизирует с Платоном, оспаривая идею воскресения человека и воздаяния в будущей жизни, напоминая о той таинственности, которая сопровождает смерть, настаивая на том, что тот человек, который будет испытывать наслаждения посмертного существования, уже не будет больше прежним человеком, поскольку его физическая оболочка будет разрушена.

В первой книге «Опытов» есть глава, которая называется: «Безумие судить, что истинно и что ложно, на основании нашей осведомленности». Это одно из выражений известного скептицизма, пирронизма (по имени известного философа-скептика Пиррона) Монтеня. Глава в полной мере отражает мнение Монтеня о том, что необходимо судить с величайшей предосторожностью даже о самом достоверном: *«...мы якобы должны принимать все, что не в состоянии опровергнуть. Обо всем мы говорим наставительно и уверенно <...> Начинаешь ненавидеть все правдоподобное, когда его выдают за нечто непоколебимое. Я люблю слова, смягчающие смелость наших утверждений и вносящие в них некую умеренность: “может быть”, “по всей вероятности”, “отчасти”, “говорят”, “я думаю” и тому подобные. И если бы мне пришлось воспитывать детей, я бы так усердно вкладывал им в уста эти выражения, свидетельствующие о колебании, а не о решимости: “что это значит?”, “я не понимаю”, “может быть”, “возможно ли это?” – что они и в шестьдесят лет стали бы держаться, как ученики <...> Этот образ мыслей более правильно передается вопросительной формой “Что знаю я?” – как гласит девиз, начертанный у меня на коромысле весов»* [8, I, с. 119].

Эти слова были заимствованы Монтенем у Сократа, который часто повторял: «Знаю, что ничего не знаю». Отметим, что критика Монтеня направлена против средневековой схоластики, против старой модели мышления, а не против разума как такового. Монтень не отказывается от познания мира и истины, подчеркивая, что разум человека неограничен: *«Нелегко установить границы нашему разуму: он*

любопытен, жаден и столь же мало склонен остановиться, пройдя тысячу шагов, как и пройдя пятьдесят. Я убедился на опыте, что то, чего не удалось достичь одному, удастся другому, что то, что осталось неизвестным одному веку, разъясняется в следующем» [8, I, с. 128]. Его пирронизм, таким образом, приближается к диалектическому мировоззрению, а решение проблемы бессмертия близко к материалистическому.

Монтень выступает против религиозных догм, высмеивая рассказы о потустороннем мире, чудесах и прорицаниях. Критикуя средневековые предрассудки, Монтень утверждает, что все идеи, навязанные религией, противоречат логике и здравому смыслу: «...религия есть не что иное, как их [людей] собственное измышление...» [8, II, с. 292]. Монтень доказывает, что с момента своего возникновения религия не принесла миру ничего, кроме вреда, провоцируя нетерпимость, уничтожение культурных ценностей. «Наша религия создана для искоренения пороков, а на деле она их покрывает, питает и возбуждает» [8, II, с. 401]. Выступая против теологии и схоластики, Монтень предлагает вместо недоказанных ортодоксально-теологических идей поставить в центр познания опыт, опирающийся на исследование фактов с помощью разума.

Развитие цивилизованного мира породило сословное неравенство, а также авторитет церкви. Монтень говорит, что только возврат к «естественному состоянию», в котором отсутствуют все эти «достижения человечества», обеспечит счастливую жизнь людям. Для этого Монтень предлагает ознакомиться с культурой античного мира, которая и является для него идеальным примером этого «естественного состояния».

Продолжая традиции Рабле, Монтень в своих «Опытах» обращается и к педагогическим проблемам, при этом его педагогические идеи оказываются в полной мере новаторскими именно в силу обретенного им нового метода познания. Монтень выступает против ортодоксальных методов воспитания, отрицает авторитарно-догматические принципы, восклицая: «У кого тощее тело, тот натягивает на себя много одежек; у кого скудная мысль, тот раздувает ее словами» [8, I, с. 116]. По мнению Монтеня, приоритетным в воспитании должно быть развитие мышления, способности суждения (необходимо «развивать его [ученика] разум» [8, I, с. 118]). Ни одно философское учение не должно преподноситься как догма, утверждает Монтень, напротив, ознакомившись с различными воззрениями, «*учащийся*» «*пусть сделает выбор самостоятельно*» [8, I, с. 118]) (отметим, что в этом тезисе Монтеня современные педагоги видят прообраз инновационных методик обучения, основанных на конструировании ситуаций выбора в образовательном процессе); использование живых примеров, способствующих появлению инициативы и находчивости, а также изучение не только книг, но в первую очередь природы и людей – вот путь познания.

Монтень высказывается против книжного типа воспитания, цель которого – «начинать память» [8, I, с. 118]) и которое не позволяет ученикам проявить себя: «Самое главное – прививать вкус и любовь к науке, иначе мы воспитаем просто ослов, нагруженных книжной премудростью» [8, I, с. 116]. В связи с этим Монтень затрагивает важный для педагогики вопрос о соотношении знания, разума и души. Ссылаясь на греков, считавших: ни к чему наука, если нет разума, Монтень утверждает, что дело не в том, чтобы «прицепить» к душе знания, не в том, чтобы окропить ее ими, – нужно, чтобы они пропитали ее насквозь. Знания – обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может поранить своего хозяина, если рука,

которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться. Монтень подчеркивает: *«Однако тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред, добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености»* [8, I, с. 195]. Именно в рамках рассматриваемой проблемы соотношения знания, разума и души стал возможен в книге Монтеня глубокий анализ освоения науки повиноваться и повелевать в Спарте, а также опыта воспитания старших сыновей царей древней Персии в духе доблести, благоразумия и справедливости, представленный в «Опытах». Наука, по его мнению, должна вызывать у учеников радость и удовлетворение. Итак, воспитание должно способствовать многостороннему развитию личности, которая стремилась бы к дальнейшему духовному и интеллектуальному самопознанию и совершенствованию, к выработке собственной позиции по всем вопросам.

Монтень обращается к вечным философским проблемам жизни и смерти. Рассуждая о жизни, Монтень, как и во всех остальных вопросах, не дает читателю установку на позитивное или негативное ее восприятие: *«Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместительна и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее»* [8, I, с. 26]. Монтень сравнивает жизнь с календарным годом, в котором каждая пора соответствует определенному жизненному периоду: *«И, на худой конец, все акты моей комедии, при всем разнообразии их, протекают в течение одного года. Если вы присматривались к хороводу четырех времен года, вы не могли не заметить, что они обнимают собою все возрасты мира: детство, юность, зрелость и старость. По истечении года делать ему больше нечего...»* [8, I, с. 26]. Как заканчивается год, точно также и жизнь имеет свое завершение, и Монтень говорит о том, что необходимо относиться к этому философски: *«...И так будет всегда <...> Освободите место другим, как другие освободили его для вас... Кто может жаловаться на то, что он обречен, если все другие тоже обречены? Сколько бы вы ни жили, вам не сократить того срока, в течение которого вы пребудете мертвыми. Все усилия здесь бесцельны»* [8, I, с. 32]. Монтень считает, что природа поступила мудро, предусмотрев смерть, и вкладывает слова в уста самой природе: *«Ни людей, ни жизнь человеческую не измерить локтями. Хирон отверг для себя бессмертие, узнав от Сатурна, своего отца, бога бесконечного времени, каковы свойства этого бессмертия. Вдумайтесь хорошенько в то, что называют вечной жизнью, и вы поймете, насколько она была бы для человека более тягостной и нестерпимой, чем та, что я даровала ему. Если бы у вас не было смерти, вы без конца осыпали б меня проклятиями за то, что я вас лишила ее. <...> Чтобы привить вам ту умеренность, которой я от вас требую, а именно, чтобы вы не отверщали от жизни и вместе с тем не бежали от смерти, я сделала и ту и другую наполовину сладостными и наполовину скорбными»* [8, I, с. 34].

Монтеню близка эпикурейская традиция, которая, по замечанию Энгельса, представляет собой «жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века». По мнению Монтеня, человеку не следует покоряться судьбе, провидению, богу, но он должен уметь отвечать за свои поступки. Именно поэтому Монтеню претят «христианские заветы аскетизма» [2, с. 274], жертвенность, отречение ради потусторонних идеалов; он призывает стремиться к земным радостям и духовной независимости: *«Презрение к жизни – нелепое чувство, ибо в конечном счете она – все, что у нас есть, она – все наше бытие»* [8, I, с. 54]. Цель жизни – стремление к счастью, наслаждению, считал Монтень и тем самым провозглашал гедонизм и индивидуализм. «Основная предпосылка счастья – это удовлетворение, испытываемое индивидуумом, который оказывается способным реализовать

внутренние возможности. Этический идеал Монтеня индивидуалистичен. Отдельная человеческая личность, с ее духовными устремлениями, ее представлениями о благе, о справедливости, выступает у Монтеня критерием этических ценностей» [2, с. 274]. Однако следует отметить, что индивидуализм Монтеня не носит эгоистического характера и не мешает интересам других людей. Индивидуализм Монтеня – одно из проявлений его установки на диалектическое рассмотрение всех философских проблем.

В «Опытах» значительное место уделяется рассуждениям о природе. Монтень проникается к природе все большим доверием и уважением, признавая ее мудрость и гармонию. Монтень считает, что человек должен не чинить насилия над природой, а прислушиваться к ней, существовать по тем правилам, которые она установила, быть умеренным во всем и избегать крайностей: *«... если бы головная боль начинала нас мучить раньше опьянения, мы остерегались бы пить через меру. Но наслаждение, чтобы нас обмануть, идет впереди, прикрывая собой своих спутников <...> Ни в чем не умеет человек ограничиться лишь тем, что ему необходимо. Любовных утех, богатства – всего этого он хочет получить больше, чем в состоянии насладиться ими»* [8, II, с. 243]. Монтень осознает, что на самом деле людей, не умеющих владеть собой, гораздо больше, нежели тех, кто следует велению природы и стойко переносит все горести и страдания, но именно на стороне последних его симпатии: *«Сколько приходилось мне видеть бедняков, не боящихся своей бедности! Сколько таких, что желают смерти или принимают ее без страха и скорби! Человек, работающий у меня в саду, похоронил нынче утром отца или сына. Даже слова, которыми простой человек обозначает болезни, словно смягчают и ослабляют их тяжесть. О чахотке он говорит "кашель", о дизентерии – "расстройство желудка", о плеврите – "простуда", и, именуя их более мягко, он переносит их легче. Болезнь для него по-настоящему тяжела тогда, когда из-за нее приходится прекращать работу. Эти люди ложатся в постель лишь для того, чтобы умереть»* [8, II, с. 210].

Для Монтеня мудрость простых людей синонимична высшей философской мудрости, существования (во-первых, в силу того, что «я» обретает свою определенность только в диалогическом контакте с «другими», поскольку самопознание предполагает и познание «я» другими; во-вторых, потому, что самососредоточение парадоксальным образом выводит за пределы «я»: *«никогда я с большей охотой не погружаюсь в рассмотрение всего мира, как тогда, когда я наедине с собой»* – 8, III, с. 6), через сопоставление двух видов «добродетели» – «стоической» и «сократовской» (глава «О жестокости») и утверждение третьей добродетели – «естественной доброты», которая заключается в принципиальном отвержении и неприятии любого зла как такового (*«я жестоко ненавижу жестокость, наихудший из пороков»* [8, III, с. 29]) и в столь же принципиальном сострадании всем живым существам (*«...я горячо сочувствую чужим печалям и плакал бы вместе с горюющими, если бы умел плакать в каких бы то ни было случаях. Слезы, не только искренние, но и притворные, всегда вызывают у меня желание плакать <...>»* [8, III, с. 217]), он приходит к этике, суть которой кроется во всеобщей связи сочувствия, которая, по Монтеню, только и может противостоять неразумной человеческой практике. Именно эта этика позволяет Монтеню «примириться» с миром, принять его.

Таким образом, мысль Монтеня прodelывает своего рода триаду: обнаружив, что «истинное» бытие за пределами, что первопричины вещей ускользают от человека, обрекая его на жизнь в сугубо феноменальном мире «кажимостей», где господствуют

«привычка» и «обычай» и где люди связаны отношениями зависимости и подчинения, он готов принять самоизоляцию как единственный путь к сохранению внутренней свободы, но выявление онтологической «пустоты» мира и своего «я» (в ситуации подобной самоизоляции) побуждает его к возврату к первому члену триады – к «феноменальному» миру, к человеческому обществу. Однако это возврат, выстраданный опытом отрицания и обогащенный новым взглядом на действительность, который предполагает принятие определенных обязательств перед окружающими, чувство долга, опорой которого и является взаимная «симпатия» людей, осмысленное Монтенем как их природное качество.

Монтеневская этика заключается в том, чтобы доверчиво прислушиваться к голосу человеческой «природы», подчиняться «общему закону, управляющему Вселенной»: *«Сколько бы я ни познавал, он не отклонится от своего пути, он не изменится ради меня»* [8, III, с. 13]. Следование «всеобщему закону», в свою очередь, означает возможность для каждого человека найти путь к самому себе. «Удел человеческий», согласно Монтеню, не в отчаянном вопрошании, а в открытом и сознательном согласии пережить и исчерпать «условия человеческого существования»: ведь *«в конечном счете это и есть наше бытие, это и есть наше все»* [8, II, с. 3].

Однако, наряду с внешней действительностью и миром «чужих» мнений о них в «Опытах» существует еще один объект анализа – «я» самого Монтеня. *«Содержание моей книги – я сам»*, – утверждает автор уже в предисловии. *«Тот предмет, который я изучаю больше всего иного, – это я сам. Это моя метафизика, это моя физика»* [8, III, с. 13]. Все философские проблемы имеют смысл только в их индивидуально-личностном измерении, считает Монтень. Главный итог этого аналитического самонаблюдения, проделанного Монтенем на страницах его «Опытов», – мысль о том, что описание самого себя это самое трудное, хотя и самое полезное занятие, которое в то же время по существу не дает однозначного окончательного результата, поскольку личность столь же текуча и неуловима, как и внешний мир, а ее точка зрения на самое себя и на действительность – не более чем одно из возможных «мнений», изменяющихся с появлением каждого нового «я» и потому не имеющих никакой познавательной силы. Потенциально такой вывод чреват превращением скептического сознания в «несчастное сознание» (как доказывал позднее Гегель в «Феноменологии духа»). Однако Монтень избежал этой опасности, сумев превратить «несчастное сознание» в своего рода «счастливое сознание»: отказавшись от антропоцентристской героизации человеческого рода, признав «все ничтожество человеческого удела» [8, II, с. 6], он отстаивает права личности и ищет решение вопроса о том, как научиться «жить достойно», разрабатывая свою этику – этику поведения в самых обыденных ситуациях. Именно создание своей этики является той призмой, которая, наряду с разработкой метода познания, объединяет бесконечное разнообразие высказываний Монтеня в «Опытах».

Таким образом, главная заслуга Монтеня, по словам французского философа М.Мерло-Понти, заключается не в том, что он дал целостную философскую систему, его цель не в том, чтобы «решить проблему человека», а в том, чтобы «описать человека как проблему». Эта «незавершенность» образа человека в «Опытах» – результат все того же принципа сомнения, составляющего ядро монтеневской «философии без доктрины». Именно это обусловило постоянный интерес к Монтеню как философов (среди них Паскаль, Декарт, Вольтер, Бэкон, Гассенди, Бейль, Монтескье, Дидро, Руссо, Ламетри, Ницше), писателей (Пушкин, Герцен, Толстой),

так и простых читателей, сделав его «человеком на все времена». Более того, это обусловило и художественное новаторство книги Монтеня – первого и во многом непревзойденного в истории мировой литературы образца жанра эссе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев, Л.Г. История французской литературы / Л.Г. Андреев. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 132-143.
2. Виппер, Ю.Б. Монтень / Ю.Б. Виппер // История всемирной литературы: В 9 т. – Т.3. – М.: Наука, 1985. – С. 270-276.
3. Гулыга, А. Мишель Монтень и его книга / А. Гулыга // Мишель Монтень. Об искусстве жить достойно: Философские очерки. – М., 1975. – С.7-73.
4. Иванов, В.Г. Наследие Монтеня и связь времен (теоретическая конференция) . В.Г. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2001. – Сер. 6. – Вып. 2 (№ 13). – С. 121-125.
5. Косиков, Г.К. Последний гуманист, или Подвижная жизнь истины / Г.К. Косиков // Монтень М. Опыты: Избранные главы. – М.: Правда, 1991. – С. 3-31.
6. Мавлевич, Н. Идею и художественное единство «Опытов» Монтеня /Н. Мавлевич // Вопросы литературы. – 1988. – №8. – С. 253-269.
7. Мамардашвили, М. Идея преемственности и философская традиция / М. Мамардашвили // Историко-философский ежегодник. – М., 1989. – С.285-293.
8. Монтень, М. Опыты / М. Монтень: В 3 кн. – М.: Наука, 1979 (Лит. памятники).
9. Starobinski, Jean. Montaigne en mouvements / J. Starobinski. – Paris, 1982. – 379 p.
10. Tournon, A. Montaigne: la glose et l'essai / A. Tournon. – Lyon, 1983. – 424 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Михасенко Г.В., к.ф.н., доц.,

Радион Т.П., магистр педагогических наук

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск, Республика Беларусь

Необходимость формирования у будущих специалистов нелингвистического профиля иноязычной коммуникативно-культурной компетенции требует совершенствования системы их иноязычной подготовки в вузе, влекущей за собой поиск инновационных технологий организации учебного процесса, адекватных современным требованиям, разработку новых методов и форм обучения [1]. Модульная технология в обучении представляет собой методический подход, при котором учебный материал разбивается на небольшие части, или модули, каждый из которых охватывает определенную тему, задачу или навык.

Методика создания модулей включает в себя несколько этапов.

1. Определение целей и задач модуля: на этом этапе определяются общие цели обучения, конкретные задачи, которые должны быть достигнуты обучающимися в результате прохождения модуля. Цели и задачи модуля должны быть четко сформулированы и соответствовать общей цели обучающей программы.

2. Разработка учебного плана: на этом этапе разрабатывается учебный план модуля, который включает в себя список тем, заданий, ресурсов, методов обучения и оценки успеваемости. Учебный план позволяет структурировать обучающий процесс,

определить последовательность занятий и ресурсы, необходимые для их проведения.

3. Подбор учебных материалов: на этом этапе подбираются учебные материалы (тексты, аудио- и видеоматериалы, учебники, методические пособия и т.д.), которые будут использоваться в рамках модуля. Учебные материалы должны соответствовать целям и задачам модуля, быть аутентичными и интересными для обучающихся.

4. Выбор методов обучения и оценки: на этом этапе определяются методы, которые будут использоваться для обучения и оценки обучающихся в рамках модуля. Например, это могут быть лекции, семинары, проекты, ролевые игры, тесты, контрольные работы и т.д. Методы выбираются с учетом целей и задач модуля, а также особенностей обучающихся.

5. Разработка заданий и оценочных средств: на этом этапе разрабатываются задания, которые будут выполнять обучающиеся в рамках модуля, а также оценочные критерии и инструменты для оценки их успеваемости. Задания должны быть достаточно разнообразными и мотивирующими, а оценочные критерии - четкими и обоснованными.

6. Проведение модуля и анализ результатов: после того, как модуль был проведен, проводится анализ результатов обучения, оценивается достижение целей и задач модуля, а также эффективность использованных методов и учебных материалов. Полученные знания и опыт могут быть использованы для улучшения и коррекции будущих модулей.

Разработанные по такому плану модули затем используются для структурирования учебного процесса, рассматривая его как последовательность этапов развития профессиональной компетенции.

Исследования по модульной технологии в обучении проводились учеными, педагогами и специалистами в области образования. Среди учёных в области педагогики и психологии обучения можно выделить таких, как Прокопенко И., Чошанов М.А., Бородина Н.В., Эрганова Н.Е., Юцявичене П.А., Ласточкин А.Н., Шевелева Н.Л., Кузьменкова Ю.Б., Маркова Е.С., Дэвид Мерриман, Карен Лестер, Эллен Пэркс и Томас Хатчинсон и др., чьи работы посвящены изучению эффективности модульной технологии в образовании. Они изучали методику создания модулей, оценку их эффективности, а также влияние модульной технологии на формирование профессиональной компетенции у обучающихся.

В модульной технологии в условиях формирования иноязычной профессиональной компетенции обучающихся в учебно-воспитательном процессе используются различные приемы, такие как дифференцированные методы обучения, интерактивные задания, проектные работы, использование аутентичных материалов на иностранном языке, а также интеграция обучения языку и профильных предметов.

Так, например, использование аутентичных материалов помогает простимулировать обучающихся решать задачи, выполняя задания на основе реальных текстов, аудио- и видеоматериалов на иностранном языке, где, обсуждение новостей на иностранном языке или просмотр фильма без русских субтитров.

Ролевые игры дают возможность обучающимся проиграть роли и ситуации, связанные с их будущей профессиональной деятельностью на иностранном языке. Например, имитация деловых переговоров или презентация проекта на иностранном языке.

Проектная деятельность: обучающиеся работают над проектами и заданиями, требующими использования иностранного языка. Например, создание презентации о городе или компании на английском языке.

Интерактивные методы обучения: использование различных онлайн-ресурсов, игр, вебинаров и других интерактивных средств для обучения иностранному языку. Например, использование онлайн-игр для изучения лексики и грамматики на иностранном языке.

Контекстуальное обучение: обучающиеся изучают иностранный язык в контексте их профессиональной деятельности. Например, изучение специфической терминологии и фразеологии, используемой в определенной отрасли или профессии.

Тем не менее, педагогические условия являются ключевым фактором для обеспечения результативности модульной технологии в условиях формирования иноязычной профессиональной компетенции обучающихся в учебно-воспитательном процессе. Распространение модульной технологии обучения иностранным языкам связано с необходимостью создания таких условий, которые позволят эффективно реализовывать образовательные программы в данной области.

Первое педагогическое условие - это разработка компетентного подхода к обучению иностранным языкам, основанного на модульной технологии. Это предполагает выделение основных компетенций, необходимых для успешного усвоения иностранного языка, и структурирование учебного материала в соответствии с этими компетенциями.

В рамках реализации данного условия педагогу следует придерживаться принципа индивидуализации обучения, т.к. модульная технология позволяет учитывать индивидуальные особенности и потребности обучающихся. Преподаватель может адаптировать содержание и методы обучения под конкретную группу студентов, что способствует более эффективному усвоению материала и развитию иноязычных навыков. Также, модульная технология способствует активному участию обучающихся в учебном процессе. Студенты могут самостоятельно выбирать задания, исследовать тему, обсуждать материалы с коллегами, что способствует развитию коммуникативных навыков на иностранном языке.

Другое важное условие - создание привлекательной учебной среды, способствующей активному вовлечению обучающихся в процесс обучения. Использование интерактивных методов, мультимедийных ресурсов, а также организация групповой и индивидуальной работы помогают сделать учебный процесс более увлекательным и эффективным.

Для успеха реализации второго педагогического условия существует множество образовательных платформ, использующих модульную технологию в обучении, такие как Skyeng, Native English, Coursera, Udemu, edX, а также платформы университетов, предоставляющие модульные курсы по различным предметам и языкам. Эти ресурсы предлагают модули с разнообразным учебным материалом, включая видеолекции, интерактивные задания, тесты и самостоятельную работу.

Skyeng, к примеру, предлагает индивидуальные и групповые занятия, адаптированные под профессиональные цели студента. Особенно важным аспектом обучения на платформе является подготовка к профессиональному общению на английском языке. Программы обучения нацелены на развитие устной речи, работу с профессиональным лексиконом, общение в рабочих ситуациях и овладение деловой коммуникацией.

Coursera – это ведущая платформа для дистанционного обучения, которая сотрудничает с ведущими университетами и организациями по всему миру. Одной из основных особенностей Coursera является его акцент на модульность обучения. Лекции и материалы представлены в виде небольших модулей, позволяющих

студентам изучать их пошагово. Каждый модуль содержит множество интерактивных элементов, таких как викторины, задания и дискуссионные форумы, что делает процесс обучения более увлекательным и эффективным.

Udemy – это платформа, предлагающая широкий спектр онлайн-курсов по различным предметам, включая языки, технологии, бизнес, искусство и многое другое. Udemy также активно использует модульную технологию в своих курсах. Каждый курс разбит на небольшие учебные блоки, которые могут быть изучены по отдельности. Это позволяет учащимся гибко планировать свое время и углубляться в изучение конкретных тем.

edX – это образовательная платформа, созданная в результате сотрудничества Массачусетского технологического института и Гарвардского университета. Отличительной особенностью edX является акцент на академические курсы высокого уровня. Курсы на платформе edX также структурированы по модульной системе, предлагая студентам доступ к конкретным темам и учебным материалам в удобное для них время.

Таким образом, современное образование стремительно развивается, преодолевая границы благодаря Интернету и высокотехнологичным образовательным платформам. Использование образовательных платформ и сайтов в учебно-воспитательном процессе открывает студентам широкие возможности для обучения и развития, позволяя изучать материалы пошагово и учитывать индивидуальные потребности в организации процесса обучения. Образовательные платформы также помогают студентам развивать навыки деловой коммуникации, общения в рабочих ситуациях и улучшать устную речь на английском языке в соответствии с их профессиональными потребностями.

Требуется также формирование активной обратной связи между преподавателем и обучающимся с целью оценки и коррекции результатов обучения. Это позволит обеспечить адаптацию учебного процесса к индивидуальным особенностям обучающихся и повысить эффективность обучения. Так, студенты могут выполнить самостоятельную работу с материалом модуля с удалённым доступом через платформу Moodle при наличии компьютера и доступа в Интернет.

Формирование активной обратной связи между преподавателем и обучающимися играет важную роль в процессе обучения иностранному языку. Это позволяет преподавателю оценить успехи обучающихся, выявить проблемные моменты, помочь им в преодолении трудностей и корректировать учебный процесс в соответствии с потребностями студентов.

Примеры методов активной обратной связи:

1. Регулярные устные и письменные тесты: преподаватель может проводить регулярные тесты, чтобы оценить уровень знаний студентов. После тестирования преподаватель может провести обсуждение результатов, выявить слабые места и дать рекомендации по улучшению знаний.

2. Индивидуальные консультации: преподаватель может проводить индивидуальные консультации с каждым студентом, чтобы обсудить их прогресс, выявить проблемы и предложить рекомендации для дальнейшего улучшения.

3. Обратная связь через онлайн-платформы: преподаватель может использовать онлайн-платформы для выставления оценок, комментирования выполненных заданий и общения с обучающимися. Это удобный способ обеспечить обратную связь и поддержку студентов вне аудитории.

4. Общие обсуждения и дискуссии: преподаватель может организовывать

обсуждения и дискуссии на уроках, чтобы стимулировать студентов к общению на иностранном языке, выявить их знания и навыки, а также помочь им в коррекции ошибок.

Преподаватель может оценить эффективность и влияние модульной технологии на формирование профессиональной компетенции у обучающихся с помощью анализа учебных результатов, анкетирования студентов и преподавателей, а также путем проведения сравнительных исследований между группами студентов, которые изучали материалы в рамках модульной технологии, и традиционным учебным подходом. Также важно учитывать отзывы учащихся и анализировать их активность и вовлеченность в учебный процесс при использовании модульной технологии.

Таким образом, создание соответствующих педагогических условий является необходимым компонентом успешной реализации модульной технологии в обучении иностранным языкам с целью формирования профессиональной компетенции обучающихся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалева, Ю.Ю. Самостоятельная работа в условиях модульного обучения английскому языку студентов технического вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки». – 2011. – № 4 (58). – С. 123–127.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРУППОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Насонова Т.Д., ст. преподаватель,

БИП- Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск, Республика Беларусь

Третьякова Н.Г., магистр филол. наук, доцент кафедры иностранных языков,

БИП- Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск, Республика Беларусь

Суть современного образования заключается в формировании активной и творческой личности студента. Сегодня студент должен не только получать, но и самостоятельно приобретать знания, применять их на практике, работать с различной информацией, анализировать, обобщать, критически мыслить, находить рациональные пути решения задач. Успешность будущего специалиста во многом зависит от навыка анализа и интерпретации информации. Основным источником информации является текст, поэтому навык академического чтения является обязательным условием в процессе обучения. Под академическим чтением мы понимаем способность понимать, анализировать и оценивать тексты научного, образовательного и профессионального характера.

Академическое чтение играет ключевую роль в образовании и профессиональном росте. Этот навык не только помогает студентам усваивать информацию из различных источников, но и способствует развитию критического мышления, аналитических способностей и языковых навыков. Развитие навыков

академического чтения поможет студентам успешно выполнять исследовательские проекты и работать с научной литературой.

Обучение академическому чтению проходит наиболее эффективно с применением различных современных технологий и методов.

Групповые технологии предоставляют возможность студентам работать в коллективе, обмениваться идеями, обсуждать прочитанное и совместно искать решения. Применение групповых методов позволяет студентам активизировать познавательные процессы. Работа в группе стимулирует обмен идеями и мнениями, что способствует более глубокому пониманию материала и усвоению информации. При групповой работе также развиваются навыки сотрудничества и коммуникации, преодолевается барьер неуверенности и скованности, повышается интерес к обучению. Коллективное решение задач и обсуждение темы чтения способствует более активному участию студентов в процессе обучения и повышает их мотивацию к достижению целей.

Существует множество способов применения групповых технологий для развития навыков академического чтения, что делает процесс чтения более интересным и разнообразным. Некоторые из способов включают: групповое обсуждение текста, дебаты по теме текста, проведение интервью, совместное создание реферата или мультимедийной презентации, организация работы в формате «круглого стола».

Групповые технологии позволяют активизировать познавательные процессы, так как они способствуют самостоятельному распределению операций, обмену способами действий, решений, рефлексии.

Эффективным инструментом для решения научно-исследовательских задач являются ментальные карты. Они стали неотъемлемой частью современных методов работы с информацией. Ментальные карты позволяют организовать и структурировать знания, облегчить процесс анализа, планирования и принятия решений.

При выполнении научных исследований важно иметь четкое представление о структуре и взаимосвязях между различными аспектами темы. Ментальные карты помогают исследователям визуализировать эту структуру и четко сформулировать свои мысли. Создание ментальных карт позволяет исследователям-студентам систематизировать и классифицировать информацию по различным аспектам и подтемам исследования, что в свою очередь облегчает последующий анализ, выявляет связи и зависимости между различными элементами исследуемой проблемы и определяет ключевые факторы, влияющие на исследуемый процесс или явление. Создание ментальных карт является алгоритмом последовательности действий на этапах исследования, что способствует более эффективной работе и достижению поставленных целей и задач.

Помимо научных исследований ментальные карты также широко используются для анализа конкретных ситуаций, конкретной информации, конкретных текстов. В контексте анализа информации они помогают увидеть основную тему, идею, ключевые аспекты, аргументы и факты, содержащиеся в тексте, что помогает сосредоточиться на основных аспектах анализа. Метод ментальных карт позволяет выявить скрытые связи, закономерности и тенденции, которые могут быть незаметны при первичном чтении.

Ментальные карты как способ структурирования информации являются по сути графическим инструментом, применяемым для представления слова, понятия, задачи, изображения или иных предметов, связанных друг с другом и расположенных

вокруг центрального ключевого слова или идеи в виде древовидной схемы (узловой системы). Ментальные карты - это способ записи информации, отличной от текста, списков и схем. Главная отличительная черта такого способа записи информации-активизация памяти и восприятия обучающегося посредством разнообразия, например, толщина линий, цвет ветвей, выбор ключевых слов, образов и символов. Данный метод помогает не только организовать и упорядочить информацию, но и лучше воспринять, понять, запомнить и проассоциировать ее [2, с. 135].

В основе концепции ментальных карт лежит теория радиантного мышления, суть которой в том, что мозг человека имеет природную склонность мыслить ассоциативно от центра к периферии, подобно тому, как устроено дерево: от ствола отходят крупные ветви, которые разветвляются на более мелкие.

Эффективность использования данного метода связана с устройством человеческого мозга. Левое полушарие отвечает за логическое мышление, последовательно производя обработку информации, а правое полушарие отвечает за чувства и эмоции, восприятие цвета, размера, пространства, обрабатывая информацию в образах и символах параллельно. Важно, чтобы оба полушария активно и согласованно взаимодействовали между собой, дополняя друг друга, чтобы обеспечить работу всех психических процессов, таких как мышление, память, внимание, креативность и т.д. [1].

Именно работа с ментальными картами задействует оба полушария, развивает мыслительные и творческие способности обучающихся.

Метод ментальных карт активизирует обучение и повышает его эффективность благодаря визуализации учебного материала и интерактивному взаимодействию. Согласно исследованиям, мы запоминаем информацию в разной степени в зависимости от способа ее получения: на 10% через чтение, на 20% через слуховое восприятие, на 30% через визуальное, на 70% запоминаем то, что видим и слышим, и на 90% через самостоятельное выполнение заданий. Чем больше наших чувств задействовано в процессе обучения, тем лучше мы усваиваем информацию.

Обучение академическому чтению предполагает выполнение ряда заданий (обобщение, составление аннотаций, реферирование, анализ), помогающих студентам составить собственное мнение о текстах, которые они читают.

Для составления полных и осмысленных ментальных карт необходимо постоянно проводить занятия по обучению студентов алгоритму создания таких карт, чтобы этот метод имел действенное практическое значение.

Одним из возможных решений для достижения результатов в обучении академическому чтению является применение метода ментальных карт при работе в группах. Рассмотрим использование групповых технологий и метода ментальных карт при обучении академическому чтению более подробно. Условно можно выделить пять этапов.

Первый этап - чтение и составление ментальной карты, он направлен на обучение студентов умению находить основные и параллельные идеи в тексте и проводить различие между ними. На данном этапе студенты произвольно делятся на две группы и текст, соответственно, делится на две части. Студенты каждой группы получают свой фрагмент текста, читают его и составляют ментальную карту.

Второй этап стимулирует творческую активность студентов в сфере организации идей, развивает навыки говорения и аудирования. Здесь происходит обмен информацией. Чтобы завершить составление карты, студенты совершают перегруппировку и разбиваются на смешанные пары, заслушивают сообщение своего

партнера на английском языке и на основе полученной информации завершают составление полной ментальной карты.

На третьем этапе происходит проверка информации, зафиксированной студентами на ментальных картах. Проверку информации можно осуществлять различными способами. Например, после обмена информацией студенты могут перечитать исходный текст и, при необходимости, дополнить свои ментальные карты. Также преподаватель совместно со студентами может проанализировать их ментальные карты, уделяя особое внимание выделению главных идей и второстепенных деталей. Анализ результатов составленных ментальных карт позволяет оценить скорость чтения и точность восприятия информации.

На четвертом этапе студенты в группах составляют устное монологическое высказывание полного восстановленного текста, используя ментальную карту в качестве наглядной опоры. Устные монологические высказывания студентов позволяют преподавателю оценить глубину понимания текста и способность студентов применить языковые средства для выражения основной идеи текста.

На пятом этапе, используя только ментальные карты, студенты готовят анализ академического текста или реферирование статьи на английском языке в письменной форме.

Таким образом, применение данного метода ведет к подлинной, осмысленной и успешной речевой деятельности обучаемых, содействует развитию их коммуникативных навыков, навыков чтения, перевода, аудирования и письма, а также анализа и реферирования текста.

Опыт работы показал, что использование метода ментальных карт в малых и больших группах с академическими текстами даёт обучающимся огромные возможности повышать работоспособность, осуществлять контроль собственной интеллектуальной деятельности, улучшать все виды памяти, развивать критическое мышление, интеллект, речь, познавательную активность, формировать орфографические, пунктуационные и стилистические навыки, обогащать словарный запас.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фоминская, Е. А. Методические рекомендации "Использование ментальных карт в образовательной деятельности" [Электронный ресурс]/Е.А. Фоминская//Мультиурок. – Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/metodicheskie-rekomendatsii-ispolzovanie-mentalnyk.html>. - Дата доступа: 21.09.2018.

2. Яковлева, С.С. Использование ментальных карт в обучении студентов вуза/С.С. Яковлева // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2019. – № 4-1. – С. 134-137.

ВЫКАРЫСТАННЕ ДАПАМОЖНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ НА УРОКАХ ГІСТОРЫІ Ў ШКОЛАХ БССР (1919–1941 ГГ.)

Садоўская Б.І., аспірант,

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Пытанне аб распрацоўцы вучэбнай літаратуры і дапаможных матэрыялаў па гісторыі ў школах Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі не атрымала глыбокага навуковага асвятлення ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі. У навуковых

выданнях праблема прадстаўлена толькі фрагментарнай інфармацыяй аб нестабільнай сітуацыі з падручнікамі ў адукацыйных установах рэспублікі і, зыходзячы і гэтага, аб наяўнасці наглядных дапаможнікаў.

На працягу 1919–1941 гг. забеспячэнне педагогаў дадатковым матэрыялам знаходзілася ў цяжкім становішчы. Выданне хрэстаматый, гістарычных атласаў і карт не было наладжана. Найбольшае распаўсюджванне атрымала практыка публікацыі вопыту выкладання ў спецыяльных метадычных выданнях, за кошт якіх педагогі даведваліся аб новых формах і спосабах правядзення заняткаў, і разам з тым, садзейнічала павышэнню кваліфікацыі педагогаў [10, с. 17–26; 7, с. 62–66; 2, с. 9–13; 1, с. 93–110; 8, с. 70–75; 13, с. 42].

Дэфіцыт наглядных дапаможнікаў з'яўляўся распаўсюджанай праблемай, асабліва для правінцыйных школ, дзе ў распараджэнні педагога мелася абмежаваная колькасць недакладных ілюстрацый у працоўнай кнізе [8, с. 70]. Выкладчыкамі найбольш часта практыкавалася ілюстраванне на ўроках, што дазваляла навучэнцам замацоўваць матэрыял у зручнай для іх форме [8, с. 10]. У якасці матэрыялу для ілюстравання прапаноўваўся шырокі пералік тэм: жыццё першабытнага чалавека ў адпаведнасці з гістарычнымі дадзенымі, спосабы перамяшчэння ў старажытнасці, абарона старажытнага горада ад знешняй небяспекі, паляванне і іншыя гістарычныя падзеі [3, с. 27]. Актуальным спосабам назапашвання колькасці дапаможнікаў з'яўлялася прыцягненне адмыслоўцаў-мастакоў або школьных кружкаў малявання. Меркавалася, што ў далейшым у школах мог быць створаны кабінет наглядных дапаможнікаў, які складаецца з сабраных вучнямі паштовак, выразак і ілюстрацыі з часопісаў [11, с. 4]. Найбольш важнымі нагляднымі дапаможнікамі з'яўляліся гістарычныя помнікі. З прычыны адсутнасці магчымасці выкарыстання іх у класе, прапаноўвалася замена ў выглядзе муляжа ці злёпка, у выніку чаго фармаваліся калекцыі самаробных мадэляў першабытных прылад працы, грэцкіх храмаў, егіпецкіх пірамід і іншых помнікаў [10, с. 11–12].

Нягледзячы на выданне стабільных падручнікаў, забеспячэнне школ дапаможнымі матэрыяламі не было наладжана на належным узроўні. Забеспячэнне гістарычнымі картамі практычна адсутнічала, а самаробныя карты часцей за ўсё былі недакладнымі. Для вырашэння гэтага пытання, настаўнікам рэкамендавалася выкарыстоўваць геаграфічныя карты [13, с. 55–56]. Палажэнне палепшылася з выданнем стабільных падручнікаў па ўсеагульнай і айчыннай гісторыі, у змест якіх была ўключана некаторая колькасць гістарычных карт рознага фармату [5, с. 144–145, 160–161, 212–213; 6, с. 8, 26, 29, 39, 57, 101, 122, 141, 168, 215; 12, с. 13, 21, 32–33, 43, 56, 64–65, 79, 80–81, 106, 112–114, 144–145, 147, 152–153, 162, 166, 169, 177, 180–181, 188, 194–195, 226–227].

Пры праходжанні курса гісторыі меркавалася, што выкладчык гісторыі абавязаны ўмець выкарыстоўваць у сваёй працы выданні класікаў марксізму-ленінізму і арыентавацца ў іх. Пры вывучэнні гісторыі часта ўзнікалі памылкі, такія як вывучэнне поўнага варыянта выданняў у 8–9-х класах без уліку падрыхтоўкі і належага кіраўніцтва за працэсам разгляду і асэнсавання. Памылковым рашэннем было зусім не выкарыстоўваць выданні пры вывучэнні прадмета. Абодва выпадкі выклікалі незадаволена кіруючых органаў. Для вырашэння пытання настаўнікам рэкамендавалася выкарыстоўваць вытрымкі з выданняў пры правядзенні ўрока [11, с. 6]. Пры працы з тэкстам выкладчык, перш за ўсё, павінен быў дабіцца правільнага разумення прачытанага, а таксама фармулявання асноўнай думкі. Таксама пры рабоце з вучэбны матэрыял неабходна было дапаўняць выказваннямі класікаў марксізму [11,

с. 14].

Апроч выданняў К. Маркса і У. І. Леніна, педагогам прапаноўвалася выкарыстоўваць мастацкую літаратуру. Чытанне ўрыўкаў літаратурных твораў акцэнтавалі ўвагу на канкрэтным эпізодзе гісторыі, канкрэтызавалі і замацоўвалі ў памяці вучняў факты па тэме ўрока. Зачытваць урыўкі прапаноўвалася як пасля апавядання, так і ў працэсе вывучэння тэмы [11, с. 17].

Пры разглядзе тэмы «Гусіцкія войны», пасля аналізу ролі каталіцкай царквы і аповядзе пра выступ Яна Гуса, настаўнік мог зачытаць урывак з твора «Ян Гус на Канстанцкім саборы» з твора Ал. Алтаева «Ян Гус з Гусінца» [11, с. 18]. Разглядаючы вайну 1812 г., прапаноўвалася выкарыстоўваць наступныя творы: верш М. Лермантава «Барадзінскі бой», байку І. Крылова «Воўк на псарні», раман Л. Талстога «Вайна і мір». Такім чынам, чытанне ўрыўкаў з літаратурных твораў на ўроках гісторыі давала магчымасць вучням атрымаць дадатковыя веды: характарыстыку побыту, разуменне псіхалогіі людзей розных гістарычных перыядаў [11, с. 19–20].

Да наглядных дапаможнікаў адносіліся карціны, ілюстрацыі, здымкі, схемы, якія заставаліся актуальнымі на працягу разгляднага перыяду і меліся ў кожнай школе. Аднак, як было адзначана, не выкарыстоўваліся на кожным уроку гісторыі. Упаўнаважанымі органамі падкрэслівалася, што кожны ўрок павінен быў быць ілюстраваны. Пры вывучэнні перыяду першабытнасці настаўнікам рэкамендавалася вывешваць на дошцы выявы мамантаў, сродкаў працы каменнага веку, паказваць злепкі. Выкарыстанне карт, калі няма гістарычных, то геаграфічных было абавязковым пры вывучэнні гісторыі Старажытнага Егіпта. Расказваючы аб перыядзе разліву ракі Ніл прапаноўвалася дэманстраваць схему гадавога календара разліваў (Табліца 1) [11, с. 22–23].

Табліца 1 – Гадавы каляндар разліваў [11, с. 23].

Каляндар разліваў	Перыяд
Паводка	Ліпень-кастрычнік
Пасеў	Лістапад-люты
Ураджай	Сакавік-чэрвень

Як адзначалася, аб'екты, намаляваныя на карце, лягчэй успрымаліся вучнямі. Абавязковымі ўмовамі правядзення ўрока былі наступныя пункты:

1. Выкладчык павінен быў з'яўляцца на кожным уроку з гістарычнай картай, нават калі яна не прадугледжвалася тэмай занятку. Разглядаючы карту, вучнямі лепш запаміналіся іншыя абазначэнні.

2. Гістарычныя карты рэкамендавалася развешваць на калідорах і іншых пакоях пры праходжанні адпаведнай часткі гісторыі, каб вучні ў вольны ад заняткаў час падыходзілі да карты і вывучалі яе [11, с. 3–4].

Такім чынам, на працягу разгляднага перыяду адчуваўся востры недахоп дапаможных выданняў і наглядных дапаможнікаў. Таксама варта адзначыць адсутнасць звычкі і навыкаў выкарыстання дапаможных матэрыялаў з боку педагогаў. Абнародаванне пастановаў СНК СССР і ЦК ВКП(б) ад 15 мая 1934 г. «Аб выкладанні грамадзянскай гісторыі ў школах СССР» паскорыла падрыхтоўку і выданні адзіных падручнікаў, а таксама падрыхтоўку картаграфічных і наглядных матэрыялаў па разгляданых перыядах гісторыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. А.Р. История во втором концентре школ II ступени / А. Р. // Обществоведение в трудовой школе. – Москва : Работник просвещения, – 1929. – №8. – С. 93–110.
2. Ванслов, В. К вопросу о методике заданий по обществоведению / В. Ванслов // Обществоведение в трудовой школе. – Москва : Работник просвещения, – 1928. – №1. – С. 9–13.
3. Галкіна. Як я выкладаю гісторыю / Галкіна // Камуністычнае выхаванне : орган Наркамсветы і ЦК Саюза пачатковых і сярэд. школ БССР. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1935. – № 7. – С. 53–57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/f1a462a91dea78ff4c239d44349449d4.pdf> – Дата доступа: 02.02.2022.
4. Гісторыя СССР / К. В. Базілевіч [і інш.] Выд. 1-е з 2-га рускага. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва пры СНК БССР, Вучэбна-педагагічная рэдакцыя, 1941. – 235 с.
5. Гісторыя старажытнага свету / Інстытут гісторыі Акадэміі навук СССР. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва пры СНК БССР, Вучэбна-педагагічная рэдакцыя, 1940. – 229 с.
6. Гісторыя сярэдніх вякоў / пад рэдакцыяй Е. А. Касмінскага – Выд. 1-е з 2-га рускага. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва пры СНК БССР, Вучэбна-педагагічная рэдакцыя, 1941. – 301 с.
7. Ельяшук, А. К вопросу о построении курса по обществоведению на втором концентре II ступени / А. Ельяшук // Обществоведение в трудовой школе. – Москва : Работник просвещения, 1929, № 2. – С. 62–66.
8. И. М. Изготовление учащимися наглядных пособий по обществоведению / И. М. // Обществоведение в трудовой школе. – Москва : Работник просвещения, 1930, № 1–2. – С. 70–75.
9. Лепилов, К. М. Школьники иллюстраторы / К. М. Лепилов. – Пг. : Начатки знаний, 1924. – 48 с.
10. Материалы в помощь учителю / Упр. средней школы НКП РСФСР – [М.] : Наркомпрос РСФСР. Типолит. Им. Воровского, 1938 г. – 30 с.
11. Матэрыялы ў дапамогу настаўніку / Упраўленне сярэдняй школы НКА БССР. – Мінск : [б. в.], 1939. – 55 с.
12. Новая история. 1789–1870: Учеб. для 8-го кл. сред. шк. / Ин-т истории Акад. наук СССР / Ефимов, А. В. – М. : Учпедгиз, 1940. – 233 с.
13. Нусэнбаум, А. Як працаваць аднаму настаўніку з некалькімі групамі / А. Нусэнбаум // Камуністычнае выхаванне : орган Наркамсветы і ЦК Саюза пачатковых і сярэд. школ БССР. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1933. – № 6–7. – С. 29–78. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/133481c6791b8b71445834b588fa9204.pdf> – Дата доступа: 02.02.2022.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ И КАРЬЕРНОГО РОСТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Старовойтова И.Л., ведущий специалист по договорной работе,
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы г. Гродно,
Республика Беларусь*

Пути совершенствования означают выработку и практическую реализацию комплекса мер по планомерному изменению факторов, имеющих неблагоприятную оценку.

Система образования в Республике Беларусь предъявляет новые требования к

личности преподавателя, который должен быть творческой личностью. Он должен обладать критическим мышлением, использовать в преподавательской деятельности новые передовые научные технологии. К сожалению, одной из тенденций образования в Республике Беларусь становится сокращение профессорско-преподавательского состава, уменьшение притока молодых кадров из аспирантуры.

Низкий общественный престиж преподавателя и ученого представляет собой существенную проблему. Преподаватели не рассматривают работу в высшем учебном заведении как основную, низкая мотивация заниматься научной деятельностью, отсутствие желания повышать свою квалификацию и следствие этого отток высококвалифицированных специалистов в другие сферы деятельности. Наименьшая научная активность проявляется у молодых преподавателей. Мало, кто из них желает поступать в магистратуру, аспирантуру, получать в дальнейшем ученую степень, ученое звание. Даже по оценке качественного состава профессорско-преподавательского состава учреждений высшего образования (далее – Университета) можно сделать акцент на то, что в возрасте до 29 лет сложно встретить преподавателя с ученой степенью, что свидетельствует о низкой мотивации заниматься научной деятельностью.

С целью решения этой проблемы в университете увеличено количество специальностей в магистратуре и аспирантуре. Обучающихся, которые закончили успешно первую ступень образования университета, необходимо мотивировать для дальнейшего обучения на второй ступени, что свидетельствует о целенаправленной подготовке кадров для дальнейшей работы в учреждении образования.

По нашему мнению, чтобы заинтересовать преподавателей в развитии их карьерного роста необходимо предоставлять работу в первую очередь молодым специалистам и желательно на полную ставку.

Для определения направлений совершенствования взаимосвязи мотивационных моделей и карьерного роста были проведены исследования (методы тестирования, опроса), в целях выявления факторов, которые отрицательно влияют на усиление взаимосвязи мотивации и карьеры преподавателей. Результаты исследования показали, что мотивация и карьера взаимосвязаны между собой.

Преподаватели Университета заявляют о наличии стремления трудоустроиться на постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения, предполагая наличие финансовой и профессиональной стабильности, готовности строить свою карьеру в соответствии с тем, как того требует «карьерная среда». Ответственность за планирование, развитие и управление собственной карьерой перекладывают на нанимателя, готовы согласиться на любые условия развития собственной карьеры и совершение географических передвижений, что характерно для молодых до 31 года преподавателей, если того потребует Университет. Сотрудники, имеющие стаж работы более 10 лет, неохотно согласились бы на смену места жительства ради работы.

Следует отметить, что не последнее место занимает, а даже одно из лидерских позиций – это ориентация на уравновешенность карьеры, семьи, личных интересов и т.п. Им не свойственно жертвовать чем-то одним ради другого.

И самый низкий уровень баллов по карьерной ориентации «Менеджмент», когда первостепенное значение имеет ориентация личности на интеграцию усилий других людей. Ключевыми ценностями и мотивами являются возможности для лидерства, высокого дохода. Центральное понятие профессионального развития – власть. Эта карьерная ориентация не сыграла ведущую роль только в силу возраста

опрошенных, тем более – мотивационно смысловая подструктура достижения успеха в процессе профессиональной деятельности с возрастом претерпевает качественные изменения [4, с. 244].

Большинство опрошенных респондентов отметили важность работы в университете, так как в своей работе они используют в полном объеме свои способности.

Особенности трудовой мотивации сотрудника значительно влияют на представления о карьере. Для доказательства данного утверждения проводилось эмпирическое исследование, с целью анализа представлений о профессиональной карьере сотрудников и их трудовой мотивации в университете. Данные методики, позволили диагностировать особенности представлений о карьере и трудовую мотивацию. Исследование проводилось с помощью трех методик.

По результатам исследования проведена первичная обработка и проанализирована полученная информация путем сравнения. Выборку составили две группы преподавателей:

первая группа - преподаватели в возрасте до 31 года, стажем работы менее 10 лет;

вторая группа – преподаватели в возрасте свыше 31 года, стажем работы от 10 до 15 лет включительно.

Рассмотрим одну из используемых методик самостоятельно. Для определения уровня профессиональной мотивации использовалась методика Э. Шейна «Якоря карьеры». Согласно этой методике выделяют восемь карьерных стратегий – «якорей»: 1 – профессиональная компетентность; 2 - менеджмент; 3 – автономия (независимость); 4 – стабильность; 5 – служение; 6 – вызов; 7 – интеграция стилей жизни; 8 – предпринимательство. Рассмотрим каждую стратегию.

1. Профессиональная компетентность: эта ориентация связана с наличием способностей и талантов в определенной области. Люди с такой ориентацией хотят быть мастерами своего дела, они бывают особенно счастливы, когда достигают успеха в профессиональной сфере, но быстро теряют интерес к работе, которая не позволяет развивать их способности. Вряд ли их заинтересует даже значительно более высокая должность, если она не связана с их профессиональными компетенциями. Они ищут признания своих талантов, что должно выражаться в статусе, соответствующем их мастерству. Они готовы управлять другими в пределах своей компетенции, но управление не представляет для них особого интереса. Поэтому многие из этой категории отвергают работу руководителя, управление рассматривают как необходимое условие для продвижения в своей профессиональной сфере.

2. Менеджмент: для этих людей первостепенное значение имеет ориентация личности на интеграцию усилий других людей, полнота ответственности за конечный результат и соединение различных функций организации. С возрастом и опытом эта карьерная ориентация проявляется сильнее. Возможности для лидерства, высокого дохода, повышенных уровней ответственности и вклад в успех своей организации являются ключевыми ценностями и мотивами. Самое главное для них – управление: людьми, проектами, любыми бизнес-процессами – это в целом не имеет принципиального значения. Центральное понятие их профессионального развития – власть, осознание того, что от них зависит принятие ключевых решений. Причем для них не является принципиальным управление собственным проектом или целым бизнесом, скорее наоборот, они в большей степени ориентированы на построение

карьеры в наемном менеджменте, но при условии, что им будут делегированы значительные полномочия. Человек с такой ориентацией будет считать, что не достиг цели своей карьеры, пока не займет должность, на которой будет управлять различными сторонами деятельности предприятия.

3. Автономия (независимость): первичная забота личности с такой ориентацией – освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений. Они испытывают трудности, связанные с установленными правилами, процедурами, рабочим днем, дисциплиной, формой одежды и т.д. Они любят выполнять работу своим способом, темпом и по собственным стандартам. Они не любят, когда работа вмешивается в их частную жизнь, поэтому предпочитают делать независимую карьеру собственным путем. Они скорее выберут низкосортную работу, чем откажутся от автономии и независимости. Для них первоочередная задача развития карьеры - получить возможность работать самостоятельно, самому решать, как, когда и что делать для достижения тех или иных целей. Карьера для них - это, прежде всего, способ реализации их свободы, поэтому любые рамки и строгое подчинение оттолкнут их даже от внешне привлекательной позиции. Такой человек может работать в организации, которая обеспечивает достаточную степень свободы.

4. Стабильность работы: эти люди испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения. Эти люди отождествляют свою работу со своей карьерой. Их потребность в безопасности и стабильности ограничивает выбор вариантов карьеры. Авантюрные или краткосрочные проекты и только становящиеся на ноги компании их, скорее всего, не привлекают. Они очень ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании на рынке. Такие люди ответственность за управление своей карьерой перекладывают на нанимателя. Такие люди, как правило, отличаются невысоким уровнем притязаний.

5. Стабильность места жительства: для них важнее остаться на одном месте жительства, чем получить повышение или новую работу на новой местности. Переезд для них неприемлем, и даже частые командировки являются для них негативным фактором при рассмотрении предложения о работе.

6. Служение: данная категория описывает людей, занимающихся делом по причине желания реализовать в своей работе главные ценности. Они часто ориентированы больше на ценности, чем на требующиеся в данном виде работы способности. Они стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они и не выражены в материальном эквиваленте. Основной тезис построения их карьеры - получить возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Люди, ориентированные на служение, общительны и часто консервативны. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям.

7. Вызов: эти люди считают успехом преодоление непреодолимых препятствий, решение неразрешимых проблем или просто выигрыш. Они ориентированы на то, чтобы «бросать вызов». Для одних людей вызов представляет более трудная работа, для других это - конкуренция и межличностные отношения. Они ориентированы на решение заведомо сложных задач, преодоление препятствий ради победы в конкурентной борьбе. Они чувствуют себя преуспевающими только

тогда, когда постоянно вовлечены в решение трудных проблем или в ситуацию соревнования. Карьера для них - это постоянный вызов их профессионализму, и они всегда готовы его принять. Социальная ситуация чаще всего рассматривается с позиции «выигрыша – проигрыша». Процесс борьбы и победа более важна для них, чем конкретная область деятельности или квалификация. Новизна, разнообразие и вызов имеют для них очень большую ценность, и, если все идет слишком просто, им становится скучно.

8. Интеграция стилей жизни: для людей этой категории карьера должна ассоциироваться с общим стилем жизни, уравнивая потребности человека, семьи и карьеры. Они хотят, чтобы организационные отношения отражали бы уважение к их личным и семейным проблемам. Выбирать и поддерживать определенный образ жизни для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не нарушает привычный им стиль жизни и окружение. Для них важно, чтобы все было уравновешено - карьера, семья, личные интересы и т.п. Жертвовать чем-то одним ради другого им явно несвойственно. Такие люди обычно в своем поведении проявляют комфортность (тенденция изменять свое поведение в зависимости от влияния других людей, с тем, чтобы оно соответствовало мнению окружающих).

9. Предпринимательство: этим людям нравится создавать новые организации, товары или услуги, которые могут быть отождествлены с их усилиями. Работать на других - это не их, они - предприниматели по духу, и цель их карьеры - создать что-то новое, организовать свое дело, воплотить в жизнь идею, всецело принадлежащую только им. Вершина карьеры в их понимании - собственный бизнес [2, с. 353].

Методика «Якоря карьеры» Э. Шейна выявила следующие ценностные ориентации в карьере профессорско-преподавательского состава в возрасте до 31 года.

Исходя из результатов, нужно отметить, что многие преподаватели предпочитают в качестве ведущей ориентации «стабильность работы». Данная стратегия заключается в том, что молодые люди выбирают работу, которая даст надежность и стабильность на продолжительное время. Они испытывают потребность безопасности, возможности прогнозирования, ценят социальные гарантии. Вероятно, что данная карьерная стратегия характерна для провинциалов, у которых невысокий уровень притязаний [1, с. 32]. Следующая стратегия – это «служение». Молодые преподаватели предпочитают работать в университете, так как обстановка благоприятствует их развитию, целям и ценностям.

Так же надо отметить и тот факт, что для многих карьера – это не панацея. Они согласны заниматься карьерой, если не будет изменений в привычном образе жизни. Самый низкий показатель у стратегии «стабильность места жительства». Можно сделать вывод, что молодые преподаватели готовы находиться в командировках, менять место жительства ради работы. Нанимателю следует задуматься над этим, так как при наилучшем предложении от другого нанимателя можно потерять ценных работников.

Результаты исследования второй группы преподавателей в возрасте свыше 31 года представлены таким образом, если сравнивать показатели первой и второй групп, то можно наблюдать следующие тенденции, а именно для преподавателей, которые имеют стаж свыше 10 лет важнее ориентация «служение» для них важно видеть конкретные результаты своей работы. На второе место они ставят стабильность работы, что говорит об отождествлении своей работы с карьерой.

Необходимо отметить и тот факт, что преподаватели из второй группы не изъявляют желание находиться в командировках, для них важнее место жительства, которое неохотно бы поменяли ради работы. На последнее место поставлена ориентация «менеджмент», что свидетельствует о нежелании этой группы преподавателей управлять, многие не видят себя руководителями, для них предпочтительнее работать на других.

Такие карьерные стратегии как интеграция стилей жизни, независимость, профессиональная компетентность, вызов полностью совпадают у исследуемых категорий преподавателей двух групп. Для всех характерна позиция стабильности, где все должно быть уравновешено и работа, и карьера, и семья. Для нанимателя очень неплохо, что работники не очень независимы, однако отметим, что четвертая позиция ориентации «автономия (независимость)» из девяти говорит о том, что в организации работают преподаватели, для которых карьера играет не последнюю роль, так как она является способом реализации их свободы. Профессиональная компетентность связана с наличием способностей и талантов в определенной области, однако результат исследования показывает, что эта стратегия занимает пятую позицию, следовательно, имея талант испытуемые, как в первой, так и во второй группах не придают большого значения его признанию. Преподаватели слабо ориентированы на решение заведомо сложных задач.

Положительный момент в том, что для большинства сотрудников университет является той организацией, которая позволяет использовать их опыт и способности. Работники прекрасно понимают, что своими умениями и ценностями вносят вклад в успех университета, они сами себя мотивируют.

Можно ли предсказать, кто из людей «обречен» на успех? Или успех равно доступен любому? Фортуна предпочитает дарить свои награды тем, кто обладает определенным набором черт характера, и прежде всего способностью адаптироваться к различным ситуациям [3, с. 50].

Большинство опрошенных респондентов отметили важность работы в университете, так как в своей работе они используют в полном объеме свои способности.

Исходя из проведенных исследований, можно сделать вывод, что все-таки мотивация и карьерный рост находятся в тесной взаимосвязи. Были определены источники мотивации, которые побуждают к активной деятельности в той или иной степени, что побуждает к возникновению мотивов. Карьерный рост помогает человеку повысить свою самооценку. Некоторые результаты исследования показали, что практически у всех респондентов средняя мотивация к успеху, как и у большинства людей. Для них существуют факторы, препятствующие построению карьеры. Одни заняты только вопросами семьи, другие по своей природе ленивы, третьи неуверенные в себе боятся перемен, ответственности. Необходимо принимать определенные меры, которые помогут сотрудникам поменять отношение не только к работе, но и отношение к себе.

Мотивированный работник трудится не только потому, что должен, но в большей мере потому, что хочет. Для создания высокой мотивации, необходимо создание условий для удовлетворения потребностей, причем у каждого - своих. Работа должна быть связана с возможностями реализовать свои способности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беркутова, Д.И. Педагогическая поддержка молодежи в планировании карьеры /

Д.И. Беркутова, Громова Е.М. // Научно – методическое пособие. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2014. - 96 с.

2. Ильин, Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е.П. Ильин // СПб.: Питер, 2008. – 432 с.

3. Персональный менеджмент. Тесты и конкретные ситуации: Учеб. пособие / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С.Д. Резника. – 2-е изд., доп.- Москва: ИНФРА-М, 2008. – 209 с.

4. Селезнева, Н.Т. Успех личности – миг и вечность: монография / Н.Т. Селезнева, Е.В. Манойленко, Т.Ю. Годышева. // Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2014. – 308 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «МАСЛЕНИЦА»)

Шумская Л.М., к. фил. н.,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь

Билютенко Е.И., к. фил. н., доцент,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь

Основной задачей обучения РКИ на современном этапе является формирование вторичной языковой личности, способной к эффективной межкультурной коммуникации. Обучающиеся должны быть готовы к свободному ориентированию в иноязычной среде и умению адекватно реагировать в различных ситуациях. Преподаватель помогает им приобщиться к традициям и обычаям, культуре страны изучаемого языка, ее духовным ценностям. Ведь именно ценности, по справедливому утверждению Е.И. Пассова, «определяют главное для человека – его направленность и развитие» [2, с. 17].

Важная роль в овладении моделями эффективной межкультурной коммуникации, нивелировании трудностей адаптационного периода принадлежит социокультурному компоненту преподавания РКИ. Ориентируясь на общение и активную деятельность обучающихся, основным при его осуществлении является выработка мышления и поведенческих умений. Этому способствует обучение общению на иностранном языке, вовлечение личности в деятельность в течение учебного процесса. Социокультурный аспект ставит в центр преподавания иностранного языка субъектно-субъектную схему общения, при которой обучающийся выступает как активный, творческий субъект, управляемый педагогом.

Первостепенное значение придается пониманию, передаче содержания и выражения смысла, а грамматика служит фундаментом для достижения этой цели. Обучающиеся должны осознавать, что грамматические формы необходимы для выполнения социокультурной задачи и очень важно соотношение между формой и ее использованием в речи. При социокультурном аспекте преподавания введение грамматических форм и работа над ними осуществляется в контексте, для того чтобы обучающиеся могли видеть, как они используются для передачи значения.

Социокультурный аспект преподавания способствует быстрому овладению обучающимися навыками разговорной речи. Это обеспечивается за счет усвоения различных видов монологической речи, типовых диалогов и форм языкового

моделирования. Основной единицей занятия и всей стратегии социокультурного обучения является акт говорения. С помощью методических приемов и заданий на основе игрового, имитационного и свободного общения создается деятельностный характер, учитывающий возрастные, индивидуальные, личностные особенности. Создается ситуация успеха, и самовыражение личности становится важнее демонстрации языковых знаний, участники общения чувствуют себя в безопасности от критики, учебной нормой считаются отдельные нарушения языковых правил и случайные ошибки.

Критерии отбора языковых единиц в процессе социокультурного преподавания иностранному языку довольно просты, так как для обучающихся всегда интересна информация о современной жизни сверстников, их интересах и увлечениях. Обучающихся интересуют традиции и обычаи страны изучаемого языка, что способствует формированию их социокультурной компетенции и ценностному отношению к иностранному языку.

Знакомство с обычаями, традициями народа, бытом, культурой, воплощенной в национальном языке, связано с рассмотрением вопросов, касающихся отбора социокультурного материала по изучению белорусских национальных праздников и традиций, определения оптимальных форм и способов его презентации на занятиях по РКИ. Праздники понятны и близки обучающимся разных стран, так как они являются важной частью традиционно-бытовой культуры всех народов. Посредством рассмотрения праздников на занятиях по РКИ передаются культурные знания и социальный опыт, решаются учебно-методические задачи (причем как в аудиторное, так и внеаудиторное время), осуществляется взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности (аудированию, говорению, чтению и письму).

Целью статьи является рассмотрение социокультурных возможностей при изучении традиционных народных праздников. Предлагаемые дидактические материалы разработаны на материале темы «Масленица» и могут использоваться для иностранных обучающихся элементарного уровня владения языком (A1 – A2). Обычно мы предоставляем обучающимся адаптированный вариант текста на тему традиций и обычаев празднования Масленицы, дополненный визуализацией текстового материала (презентацией). Представление о традиционном русском народном празднике дополняется посредством изображения Масленицы в живописи и в кино.

При этом основная роль на уроке отводится работе с адаптированным текстом, так как помогает учащимся «овладеть этой формой выражения мысли; описания какого-либо явления по личным наблюдениям; возможностью найти нужную конструкцию для выражения своих мыслей» [1, с. 322].

Традиционно схема работы с текстом состоит из предтекстового, притекстового и послетекстового этапов. Первый из вышеуказанных этапов предполагает снятие языковых трудностей восприятия текста, трудностей понимания его содержания и анализ непривычной для иностранных учащихся разговорной лексики. На этом этапе разъясняются значения незнакомых слов и выражений.

В зависимости от степени подготовленности учащихся, потенциальных форм и методических приемов работы вводим лексику с национально-культурным компонентом, называющую следующие материальные и духовные реалии: национальные блюда (блины, варенье и др.); атрибуты праздника (соломенное чучело, хоровод, потешные бои и др.); домашнюю утварь и предметы домашнего обихода (скатерть, полотенце и др.). Затем сообщаем обучающимся исторические и

культурологические сведения о празднике: Масленица – древнейший народный праздник, который сочетает в себе элементы христианства и язычества и представляет собой проводы зимы и встречу весны. Отмечали этот праздник в честь бога плодородия и скотоводства Велеса. Когда Русь стала христианской, этот праздник сохранился.

Масленицу отмечают за семь дней до праздника Пасхи. Во время Масленичной недели не едят мясо. Главным угощением являются блины как символ солнца. И конечно, много сметаны, сливок, творога, коровьего масла, молока, сыра, а также рыбы, икры, пирогов, кваса.

Вместе с тем, масленичная неделя сопровождается соблюдением целого ряда обрядов и традиций. Это поминальные обряды, связанные с поминовением усопших родственников и употреблением ритуальной пищи типа блинов, лепёшек, пирогов; свадебные обряды, которые связаны со сватовством, масленичными развлечениями (катанием с гор, на лошадях в санях, игрой в снежки, строительством и «взятием» снежных городков; зажиганием костров, проводами Масленицы.

Затем учащимся объясняется смысл поговорок «Не жизнь, а Масленица!», «Не всё коту Масленица», «Без блина не Масленица». Мы уточняем, в каких ситуациях их используют, и переходим к работе с текстом.

Особый интерес вызывает у обучающихся следующее задание, связанное с поиском в тексте слов, отражающих смысл праздника, и составление словосочетаний.

Образец: соломенное чучело

Вкусный, народный, зимний, широкий, масленый	особый, соломенный,	Масленица, неделя, чучело, блины, рецепт, гулянья, игры
Печь, просить, праздновать, провозжать, приглашать	сжигать, получать,	Блины, подарки, чучело, зима, прощение, прохожий, Масленица

Затем предлагаются задания, направленные на понимание смысла текста: вставить в текст глаголы в нужной форме или подходящие по смыслу слова; прочитать текст о зимних развлечениях, сопровождающих масленичные гуляния (кулачные бои, катание на санках, игра в снежки, перетягивание каната и др.). После прочтения текста предлагаем рассмотреть иллюстрации к тексту «Зимние развлечения» и определить, какие развлечения изображены на них.

Инофоны с удовольствием выполняют такие задания и рассказывают о развлечениях, существующих в родной стране. При развитии навыков чтения по теме «Масленица» можно применять следующие методические приемы: добавить факты, не меняя структуру текста; высказать свое мнение о возможности использования информации, содержащейся в тексте, в своей жизни; просмотреть рисунок и назвать абзац, который он иллюстрирует.

Для закрепления изучаемого материала предлагается посмотреть презентацию и ответить на вопросы:

- 1) Какие атрибуты Масленицы вы знаете?
- 2) Что едят во время Масленичной недели?
- 3) Какие обряды и традиции соблюдаются во время Масленичной недели?
- 4) Чем заканчивается празднование Масленицы?
- 5) Какие зимние игры вы знаете?
- 6) Есть ли в вашей стране праздник, похожий на русскую Масленицу? Как он

празднуется?

При развитии навыков говорения по теме «Масленица» можно использовать разные виды текстов (диалог, монолог), в которых отрабатываются отдельные лексические и грамматические формы. Мы предлагаем три вида задания, рассчитанных на разный уровень подготовки обучающихся:

1) Составьте диалог по прочитанному тексту на тему «Как отмечают Масленицу».

2) Опишите праздник, используя вопросы к тексту.

3) Составьте рассказ о популярных зимних развлечениях в Беларуси.

Затем мы сообщаем учащимся, что русские художники старались передать свое восприятие и впечатления об этом веселом русском празднике, и предлагаем рассмотреть репродукцию картины Б.М. Кустодиева «Масленица». С помощью вопросов выясняется настроение картины и замысел автора (какие чувства вызывает картина; на что сразу мы обращаем внимание, когда смотрим на картину; какие краски использовал автор; что вы видите на переднем плане; что вы видите на заднем плане и др.). На основании общего представления о картине составляются небольшие устные рассказы о традициях представления русского народного праздника в живописи Кустодиева.

После этого обучающиеся смотрят, как праздник Масленицы представлен в кино. Для этого вниманию учащихся предлагается сцена Масленицы из кинофильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». После просмотра фрагмента фильма следует его обсуждение. Сообщение исторических и культурологических сведений, работа с музыкальным произведением, репродукцией картины и видеофрагментом из фильма направлены на эмоциональное восприятие учащимися информации, знакомящей их с русской культурой.

Для обобщения и закрепления полученных из текста сведений используем послетекстовую работу. С этой целью предлагаем иностранным студентам одно из следующих заданий:

1) Напишите письмо своему другу, в котором расскажите о русском народном празднике;

2) Представьте, что вы работаете журналистом в одной из местных газет в вашей стране. Вы побывали на русском народном празднике Масленица. Напишите статью для газеты, в которой расскажите о традициях и особенностях этого праздника.

Занятие по указанной теме целесообразно проводить во время масленичной недели. Посещение городских культурно-массовых мероприятий вместе со студентами позволит продемонстрировать во внеучебной среде сведения о празднике, полученные на уроке, закрепить знания в бытовой коммуникации, например, во время совместного приготовления блинов.

Социокультурный аспект преподавания РКИ реализуется полнее, если аудиторная форма работы сочетается с планомерной и целенаправленной внеаудиторной. Так, при изучении традиционного национального праздника «Масленица» во внеаудиторное время мы проводим экскурсии с посещением белорусских музеев. В этом контексте интересны историко-археологический музей в Старом замке, музей «Городница». В них можно увидеть белорусскую народную одежду, народные музыкальные инструменты, познакомиться с бытом белорусской деревни, кухней белорусов. Темы экскурсий могут быть разными: «Белорусская национальная праздничная кухня», «Белорусский национальный праздничный

костюм», «Белорусский народный календарь».

Таким образом, во время проведения занятий, посвященных русским национальным праздникам и традициям, наиболее полно проявляется социокультурный потенциал преподавания РКИ. Подобные занятия стимулируют развитие творческого потенциала иностранных обучающихся, служат средством приобщения универсантов к духовным ценностям, образу жизни, традициям и обычаям белорусского народа, способствуют повышению мотивации к изучению русского языка, проявлению интереса к познанию истории и культуры страны изучаемого языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Завадская, А.В. Использование краеведческого материала на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории / А.В. Завадская, Т.А. Юдина // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы 2-й Международной научно-методической конференции. – Воронеж: Истоки, 2012. – 423 с.

2. Пассов, Е.И. Методика как теория и методика иноязычного образования: в 2 кн. / Е.И. Пассов. – Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – Кн. 1. – 122 с.

СЕКЦИЯ 4

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАДРОВОГО АУДИТА

*Вислоус А.В., магистрант,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск,
Республика Беларусь*

Кадровый аудит – важный инструмент управления персоналом, который позволяет оценить состояние кадровых ресурсов организации, выявить проблемные области и разработать стратегию их разрешения. Кадровый аудит – это система мероприятий, направленная на получение, анализ и независимую оценку данных о кадровом делопроизводстве, кадровом потенциале организации, организационной структуре управления и кадровых процессах, с целью установления их соответствия определенным критериям и предоставления результатов заинтересованным лицам [1, с. 6].

В отличие от аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности, порядок проведения которого четко определен Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 № 56-З «Об аудиторской деятельности» - понятие, порядок, периодичность и объем проведения кадрового аудита законодательством Республики Беларусь не установлен, за исключением проверки наличия и состояния личных дел. Пунктом 22 Инструкции о порядке формирования, ведения и хранения личных дел работников, утвержденной постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров от 26.03.2004 № 2, установлено: «Руководитель организации приказом не реже одного раза в пять лет назначает комиссию по проверке наличия и состояния личных дел. Факт проверки фиксируется в дополнении к личному листку по учету кадров. При

выявлении недостатков в оформлении, ведении и хранении личных дел комиссия составляет акт, представляемый на утверждение руководителю организации.».

Правовая система кадрового аудита - это совокупность нормативных и локальных правовых актов, которые регулируют процесс аудита кадрового делопроизводства и кадровых ресурсов в организации.

Исходя из многолетней практики в качестве специалиста по кадрам, полагаю целесообразным выделить ряд ключевых аспектов правовой системы кадрового аудита.

Первым и, пожалуй, самым важным является соблюдение трудового законодательства. В ходе аудита необходимо тщательно проверить соответствие действий работодателя по найму, увольнению и трудовым отношениям сотрудников требованиям трудового кодекса, коллективного договора и иных нормативно-правовых актов.

Трудовой кодекс Республики Беларусь устанавливает необходимость ведения определенного перечня документации для работодателей. Эта документация играет неоспоримую роль в регулировании трудовых отношений, защите прав работников и минимизации рисков для нанимателей. Кодекс предписывает наличие следующих обязательных документов:

- Правила внутреннего трудового распорядка. Согласно пункта 2 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных постановлением Минтруда от 05.04.2000 № 46: «локальный правовой акт, регулирующий в соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь, иными актами законодательства о труде трудовой распорядок у нанимателя, в том числе порядок приема и увольнения работников, основные обязанности сторон трудового договора, режим рабочего времени и времени отдыха, применяемые к работникам виды поощрений за труд и меры дисциплинарного взыскания.».

- Трудовые договоры (контракты): устанавливают условия труда, права, обязанности и ответственность сторон;

- Штатное расписание - локальный правовой акт, организационный документ, который отображает организационную структуру юридического лица (индивидуального предпринимателя), а также перечень штатных единиц с указанием их количества, профессий (должностей), размеров тарифных ставок (окладов) и других сведений о составе оплаты труда, указываемых по решению нанимателя;

- Приказы (распоряжения) по личному составу (о заключении, изменении, прекращении трудового договора, о предоставлении отпусков, о командировке, о применении (снятии) дисциплинарного взыскания и др.);

- Основания к приказам по личному составу (докладные записки, заявления, акты, трудовые договоры, объяснительные записки);

- Трудовые книжки работников (вкладыши к трудовым книжкам), книга учета движения трудовых книжек и вкладышей к ним;

- Уведомление работника о продлении контракта, уведомление о заключении нового контракта, уведомление о прекращении трудовых отношений в связи с истечением срока действия контракта, заявления работников о предоставлении отпуска;

- Табели учета рабочего времени - фиксируют фактически отработанное время работниками;

- График трудовых отпусков;

- Расчетные листки - информируют о начисленной заработной плате,

удержаниях и выплатах.

Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку в процессе трудовых отношений может возникать обязанность оформления иных документов. Ведение этих документов позволяет нанимателям:

- Обеспечить соответствие деятельности организации трудовому законодательству и избежать трудовых споров.
- Документально подтвердить все существенные условия трудовых отношений.
- Урегулировать вопросы, связанные с предоставлением отпусков, выплатой больничных, дисциплинарными взысканиями.
- Создать доказательную базу для защиты своих интересов в случае возникновения разногласий с работниками.

Для работников наличие обязательной документации также имеет большое значение:

- Защищает их права на своевременную оплату труда, предоставление отпусков, безопасные условия работы.
- Позволяет отстаивать свои интересы в случае нарушения трудового законодательства.
- Обеспечивает возможность реализации социальных прав (пенсионное обеспечение, медицинское страхование).

Соблюдение требований ТК РБ по ведению трудовой документации является не только обязанностью работодателей, но и важным условием для стабильных и благоприятных трудовых отношений на предприятиях и в организациях Республики Беларусь.

Вторым аспектом правовой системы кадрового аудита – это обеспечение конфиденциальности и защиты персональных данных сотрудников. В процессе аудита необходимо соблюдать законодательство о защите персональных данных и не допускать их незаконного использования или раскрытия. Это важно для поддержания доверия сотрудников к процессу аудита и защиты их прав на конфиденциальность.

Еще одним важным аспектом правовой системы кадрового аудита является соблюдение принципов равенства и недискриминации при принятии решений по управлению персоналом. Часть первая статьи 14 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З гласит: «Дискриминация, то есть ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера, не препятствующих исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами и не обусловленных спецификой трудовой функции работника, запрещается». Это значит, что работодатель должен обеспечивать равные возможности для всех сотрудников, не допуская дискриминации на основе пола, возраста, расы, национальности или других характеристик, что помогает создать справедливую и инклюзивную рабочую среду.

Также важно соблюдать нормативы по обучению и развитию персонала. Работодатель обязан предоставлять сотрудникам возможности для профессионального роста, повышения квалификации и обучения. Это помогает развивать навыки сотрудников и повышать их эффективность на рабочем месте. Кроме того, работодатель должен обеспечить соответствующую материальную и

техническую базу для развития профессиональных навыков сотрудников.

Следующий аспект правовой системы кадрового аудита – это соблюдение нормативов по мотивации и стимулированию персонала. Работодатель должен обеспечивать справедливую и конкурентоспособную систему оплаты труда, бонусов, премий и других мер по мотивации сотрудников. Кроме того, важно учитывать индивидуальные потребности и интересы сотрудников при разработке системы мотивации.

Еще одним аспектом правовой системы кадрового аудита является соблюдение требований законодательства по охране труда и обеспечение безопасности рабочих мест. Работодатель обязан обеспечивать сотрудникам безопасные условия труда, проводить профилактические мероприятия по предотвращению травматизма и профессиональных заболеваний, а также соблюдать законодательные нормы по охране труда. Это важно для обеспечения здоровья и благополучия сотрудников.

Седьмой аспект – это соблюдение нормативов по социальным гарантиям и компенсациям для сотрудников. Работодатель обязан предоставлять сотрудникам социальные гарантии, компенсации по случаю болезни, отпуска, декретного отпуска, а также учитывать их социальные потребности и интересы. Это помогает создать благоприятную рабочую атмосферу и поддерживать уровень удовлетворенности сотрудников.

Восьмым аспектом правовой системы кадрового аудита является соблюдение порядка урегулирования трудовых споров и конфликтов между работодателем и сотрудниками. Работодатель обязан обеспечить процедуры по разрешению трудовых конфликтов, а также соблюдать принципы справедливости и законности при урегулировании споров. Это помогает поддерживать гармоничные отношения на рабочем месте и предотвращать возможные конфликты.

Девятым аспектом правовой системы кадрового аудита является соблюдение нормативов по документации и отчетности в сфере кадрового управления. Работодатель обязан вести учет трудовых договоров, личных дел сотрудников, таблицы учета рабочего времени, а также представлять статистическую отчетность по труду, сведения, необходимые для ведения персонифицированного учета (формы документов персонифицированного учета ПУ-1, ПУ-2, ПУ-3, ПУ-6), в том числе для целей профессионального пенсионного страхования.

И наконец, аспектом правовой системы кадрового аудита является соблюдение нормативов по адаптации и обучению новых сотрудников. Работодатель обязан разрабатывать и реализовывать программы по интеграции и адаптации новых сотрудников, назначать наставников в целях профессионального роста молодых работников и культивирования ответственного отношения к труду, обеспечивать им вводный курс, план внедрения в работу, а также обучение необходимым навыкам и компетенциям.

Все названные аспекты тесно взаимосвязаны между собой, обеспечивают правовое регулирование кадрового аудита и в совокупности образуют его правовую систему. Правовая система является неотъемлемой частью процесса кадрового аудита, так как обеспечивает соблюдение законности и защиту прав сотрудников. Работодатели, которые уделяют должное внимание вышеназванным аспектам, создают благоприятную и справедливую рабочую среду, способствуют росту и развитию как своего предприятия, так и его работников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Максимова, М. Г. Кадровый аудит : электронное учебное пособие / М. Г. Максимова ; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – 74 с.

ИНСТИТУТОГЕНЕЗ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Дудко М.О., ст. преподаватель,
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) оказывает значительное воздействие на все сферы общественной жизни. Не стало исключением и право. Так, в Республике Беларусь под влиянием ИКТ активно формируется информационное право: и как самостоятельная отрасль права, и как комплексная отрасль законодательства. Одним из центральных элементов, входящих в структуру информационного права, являются отношения в сфере оборота персональных данных (далее – ПД). Для правовой системы Республики Беларусь ПД явление относительно новое. Определение роли и места ПД в правовой системе имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение, как правотворческое, так и правореализующие, поскольку позволяет разработать эффективные меры правового воздействия на общественные отношения. При этом для решения вопроса о роли и месте ПД в системе правовых институтов Республики Беларусь требуется разрешение ряда ключевых задач: разграничение ПД и института защиты частной жизни индивида; определение места ПД в институциональной системе законодательства Республики Беларусь; определение характера ПД, как межотраслевого института правовой системы Республики Беларусь. Данное исследование направлено на решение вышеназванных задач.

Теоретическому осмыслению роли и места ПД в правовой системе посвящены исследования ряда зарубежных исследователей: А. А. Чеботарёвой, М. В. Бундина, М. И. Проскуряковой, А. С. Федосина, А. В. Кучеренко, Н. Г. Белгородцевой, Ю. Г. Иванцовой, Ю. С. Телиной, И. А. Вельдера и др. Среди белорусских учёных отдельные аспекты правовой институционализации рассматриваются в работах Е. Ф. Довгань, Н. А. Савановича, В. В. Вабищевича, М. С. Абламейко и др.

Значительное количество исследований, направленных на рассмотрение роли и места ПД в правовой системе, свидетельствует о том, что юридической наукой накоплен достаточный опыт изучения данного правового феномена. В тоже время, стоит констатировать тот факт, что, как законодательство Республики Беларусь, так и отечественная доктрина значительно отстают от общемировых тенденций правовой регламентации защиты ПД.

Для белорусского права регламентация отношений в сфере защиты ПД явление новое. Лишь в мае 2021 года в Республике Беларусь был принят Закон Республики Беларусь № 99-3 «О защите персональных данных». Данный Закон направлен на обеспечение защиты персональных данных, прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных.

Как было отмечено выше, для определения роли и места ПД в правовой системе Республики Беларусь требуется решение ряда ключевых задач.

Во-первых, разграничение ПД и института защиты частной жизни индивида. Анализ юридической доктрины и практики показывает отсутствие единого подхода к соотношению института защиты частной жизни лица и ПД.

Первая группа авторов рассматривает ПД и защиту частной жизни индивида как частное и общее. Сторонники данного подхода, обосновывая свою позицию, приводят следующие аргументы: право на защиту личных данных затрагивается в следующем контексте: сбор данных (отслеживание и включение данных, полученных от самого лица в различных обстоятельствах), обработка информации (аккумуляция данных, их идентификация в отношении конкретных лиц, вторичное использование), распространение информации (нарушение конфиденциальности, раскрытие данных, присвоение, шантаж, уничтожение данных, облегчение возможности доступа к ним) в результате деятельности государства, отдельных лиц или организаций; ПД лишь идентифицируют личность, но не раскрывают обобщающую картину о личности. Так А. А. Чеботарёва в своей работе отмечает, что информация о частной жизни лица, в отличие от персональных данных, более широко характеризует личность, не направлена на его идентификацию посредством фиксации на материальном носителе, но имеет непосредственное отношение к характеристике конкретного человека вне зависимости от его общественного или профессионального статуса [11, с. 247]; тайну частной жизни представляют как общую родовую категорию, включающую, в том числе, тайну персональных данных; правоотношения, связанные с защитой ПД, по своей природе являются конституционно-правовыми и непосредственно связаны с обеспечением права личности на неприкосновенность частной жизни и смежных с ним прав в условиях развития технологий автоматизированной обработки информации; некоторые европейские исследователи подчёркивают, что в Хартии основных прав Европейского Союза право на защиту персональных данных идёт сразу за правом на уважение частной жизни, что не делает право на защиту данных более заметным, а фактически превращает её в дополнение к праву на неприкосновенность частной жизни.

Представители второго подхода рассматривают частную жизнь как одну из составляющих сведений, идентифицирующих лицо. Аргументацией данной позиции служат следующие выводы: ПД не являются однородными, и в их структуре, помимо идентифицирующей информации, следует выделять и информацию о конкретном человеке; ПД могут вполне включать в себя сведения об общественной жизни индивида, о его служебной и профессиональной деятельности и многое другое, что не всегда может охватываться понятием частная жизнь или, по крайней мере, вызывать сомнение такого отнесения к указанной категории [5, с. 24]; защита ПД является более широким правомочием, поскольку воплощает в себе целый ряд других прав и ценностей; право на защиту ПД вступает в силу всякий раз, когда ПД обрабатываются. Таким образом, оно шире, чем право на уважение частной жизни.

Третий подход подразумевает рассмотрение ПД и института защиты частной жизни индивида хоть во многом пересекающихся, но самостоятельных правовых явлений. При этом одна часть авторов рассматривает право на защиту ПД как «отдельное» от права на защиту частной жизни [2], вторая часть рассматривает право на защиту ПД как «отделённое» право [1]. В пользу данного подхода говорят следующие факты: имеется большой объём ПД, который, хотя и идентифицирует личность, но не составляет сведений о частной жизни; право на уважение частной жизни появилось задолго до развития компьютеров, интернета и возникновения

информационного общества, в то время как, образование информационной конфиденциальности и права на информационное определение вызвали необходимость в разработке специальных правовых норм, обеспечивающих защиту ПД; белорусский исследователь В. В. Вабищевич также считает, что ПД хоть и пересекаются с иными видами информации, но являются самостоятельным правовым институтом. Данное обстоятельство коррелирует с нормотворческой практикой в Республике Беларусь, связанной со стремлением выделить ПД в обособленный и самостоятельный институт права [6, с. 87]; главное же отличие права на защиту частной жизни от защиты ПД заключается в том, что право на защиту данных было разработано в прецедентной практике Суда ЕС и ЕСПЧ в значительной степени как позитивное обязательство государств. Для выполнения данного обязательства правительствам необходимо принимать позитивные меры по защите персональных данных. Это противоречит праву на уважение частной жизни, которое первоначально представлялось лишь негативным обязательством государственных органов воздерживаться от произвольного вмешательства в частную жизнь отдельных лиц.

В тоже время, Т. Д. Оганесян в своём исследовании пишет, что для того, чтобы соответствующее право на защиту данных стало полностью автономным, нужно также, чтобы оно было сбалансировано настолько, чтобы не было необходимости обращаться к элементам права на уважение частной жизни [10, с. 57]. Стоит согласиться с вышеупомянутым автором, который справедливо отмечает, что право на защиту ПД нельзя в полной мере признавать в качестве полноценного и самостоятельного права. Оно уже прошло стадию зарождения и закрепления на международном уровне, но пока еще не может обладать необходимыми элементами, присущими только ему, которые позволили бы полностью отделиться от права на уважение частной жизни. Данное замечание справедливо и для Республики Беларусь.

Во-вторых, определяя роль и место ПД в системе законодательства, исследователи приходят к выводу о том, что институт ПД является комплексным правовым образованием. При этом, некоторые авторы, определяя место ПД в системе законодательства, отводят ему роль не только комплексного правового института, но и межотраслевого, что, на наш взгляд, является ошибочным.

Прежде чем перейти к определению характера института ПД, следует решить важный теоретический и практический вопрос о соотношении комплексности и межотраслевой принадлежности правовых институтов. Рассматривая институт законодательства в институциональной системе права, стоит согласиться с В. Б. Наумовым, который в своей работе отмечает: «институт права традиционно рассматривается как система норм права, объединенных по признаку качественной однородности их предмета» [9, с. 108]. Однородность предмета правового регулирования – ключевой фактор обособления норм права в самостоятельный правовой институт. В тоже время, сложность и многогранность современных правоотношений вызывает необходимость в регуляции разнородных по своей природе отношений единым, комплексным механизмом правовых норм, объединённым в самостоятельный правовой институт.

Любое «комплексирование» формируется прежде всего в законодательстве и отражает его объективную необходимость [8, с. 242]. Таким образом, комплексной может быть только отрасль законодательства, а вместе с ней и правовые институты, образующие данную отрасль. Утверждение о том, что институт ПД в системе законодательства по своей природе относится к межотраслевому институту, является ошибочным.

В тоже время, в правовой доктрине существует единый подход, согласно которому институт ПД в системе законодательства является комплексным правовым образованием. Так Н. Г. Белгородцева отмечает, что институт ПД образуют разнообразные по своей природе правовые нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с защитой ПД физических лиц. В него входят нормы международного публичного и частного права, а также конституционного, административного, гражданского, уголовного, трудового информационного и иных отраслей права. Всё это позволяет говорить, о том, что отраслевая природа юридических норм, составляющих данный правовой институт, обуславливает комплексное регулирование данных отношений [4, с. 22].

Соглашается с вышеназванным автором и российский правовед Ф. А. Абаев, который в своей работе пишет, что ПД используются в разных сферах жизни современного общества. Законодательство регулирует отношения по использованию и охране ПД в ходе избирательного процесса, в деятельности судебных органов, органов государственной службы, кредитных организаций, при осуществлении фискальной политики. ПД как правовая категория активно используется законодателем. Состав, порядок обработки и защиты персональных данных зависит от сферы их применения [3, с. 14 – 15].

Таким образом, институт ПД в системе законодательства является комплексным массивом правовых норм, регулирующих неоднородные по своей природе правоотношения. Как отмечалось выше, в Республике Беларусь отсутствие комплексного нормативного документа, направленного на защиту ПД, сдерживает развитие отношений в данной области. Институту ПД ещё только предстоит пройти этап своего формирования и выделения в качестве самостоятельного комплексного правового института, а также определение его роли и места в системе законодательства Республики Беларусь.

В-третьих, исследуя институт ПД в системе права, стоит констатировать тот факт, что данный институт по своему характеру является межотраслевым. Данный вывод подтверждается многочисленными исследованиями.

Так, межотраслевой характер данного правового института обусловлен рядом факторов: серьезное влияние оказывали и оказывают процессы интеграции, обусловленные актуализацией проблемы правового обеспечения информационной безопасности личности в архитектонике различных отраслей права. Появляются исследования, в которых вопросы защиты персональных данных анализируются с позиций различных отраслей права, в частности административного, информационного, трудового, уголовного.

Отмечается, что сложились все объективные основания для рассмотрения идентификации субъектов и объектов в качестве самостоятельного института права, в первую очередь относящегося к праву информационному, но также имеющего и признаки межотраслевого.

В тоже время, А. В. Кучеренко в своём исследовании утверждает, что анализ выработанных теорией права признаков понятия «правовой институт» позволил автору сделать вывод о том, что правовые нормы, регулирующие оборот персональных данных, представляют собой самостоятельный институт информационного права [7, с. 11].

Таким образом, можно утверждать, что сложились все предпосылки для выделения института ПД в качестве самостоятельного правового образования, имеющего межотраслевой характер.

Подводя итоги данного исследования автор пришёл к следующим выводам:

1. Нормы, регулирующие защиту ПД уже нельзя рассматривать исключительно в контексте обеспечения безопасности частной жизни индивида. В праве и юридической доктрине наметилась тенденция выделения ПД в качестве самостоятельного правового института. При этом одна группа авторов рассматривает его в качестве «отдельного» правового образования, вторая группа исследователей в качестве «отделённого» от института защиты частной жизни человека. Вместе с тем, заявлять о сформировавшемся в Республике Беларусь самостоятельном правовом институте – институте защиты персональных данных – пока преждевременно. Решение вопроса о соотношении категорий «частная жизнь» и «персональные данные» имеет важное теоретическое и практическое значение. В конечном счёте, принятие в Республике Беларусь комплексного нормативного документа, обеспечивающего защиту ПД, способствует обособлению ПД в качестве самостоятельного правового института.

2. Исследуя роль и место института ПД в системе законодательства, стоит констатировать тот факт, что данный институт является комплексным массивом правовых норм, регулирующих неоднородные по своей природе правоотношения. Как отмечалось выше, принятый в мае 2021 года Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» заложил основы развития правоотношений в данной сфере.

3. Определяя характер института ПД в системе права, автор приходит к выводу о том, что данный правовой институт по своей юридической природе является межотраслевым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gonzalez Fuster G., Hert P., Gutwirth S. Privacy and Data Protection in the EU Security Continuum // INEX Policy Brief. 2011. No. 12. 11 p.

2. Scandamis N., Sigalas F., Stratakis S. Rival Freedoms in terms of Security: The Case of Data Protection and the Criterion of Connexity // Research Paper. 2007. No. 7. 25 p.

3. Абаев, Ф. А. Правовое регулирование отношений по защите персональных данных работника в трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Ф. А. Абаев. – Москва, 2014. – 26 л.

4. Белгородцева, Н. Г. Теоретико-правовые аспекты защиты персональных данных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н. Г. Белгородцева. – Москва, 2012. – 26 л.

5. Бундин, М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / М. В. Бундин. – Москва, 2017. – 218 л.

6. Вабищевич, В. В. Персональные данные: пределы и объём их уголовно-правовой охраны / В. В. Вабищевич // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2020. – Т.10. – № 2. – С.83 – 89.

7. Кучеренко, А. В. Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А. В. Кучеренко. – Челябинск, 2010. – 23 л.

8. Марченко, М. Н. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. – М. Н. Марченко. – Том 2. Теория права. – М: Издательство «Зерцало». – 1998. – 640 с.

9. Наумов, В. Б. Институт идентификации в информационном праве : дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.13 / В. Б. Наумов. – Москва, 2020. – 455 л.

10. Оганесян, Т. Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data / Т. Д. Оганесян // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 2. – С. 48 – 63.

11. Чеботарёва, А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.13 / А. А. Чеботарёва. – Москва, 2017. – 473 л.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АВАТАРОВ

*Зубрик Д.А, преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Республика Беларусь*

Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий повлекло за собой создание уникальной формы социального взаимодействия между людьми, которая называется «метавселенная» или «виртуальная реальность». Согласно Мэтью Боллу, метавселенная – это «масштабируемая и совместимая сеть 3D-виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, которые могут быть доступны синхронно и постоянно практически неограниченному числу пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных, таких как личность, история, права, объекты, коммуникации и платежи» [4]. Как следует из данного понятия, в метавселенной существует большое количество пользователей, представленных посредством цифровых образов – аватаров. Более того, цифровые аватары могут быть идентичными с пользователями-владельцами либо же иным другим человеком из реального мира. Следует отметить, что зачастую образы других лиц могут быть использованы без согласия, что является нарушением безопасности персональных данных. В связи с этим возникает вопрос об определении правового регулирования цифровых аватаров.

Необходимо разобраться с понятием «цифровой аватар». В своей статье В. В. Архипов под понятием «аватар» понимает «совокупность признаков, идентифицирующих отдельную учетную запись, репрезентирующую пользователя» [1, с. 98]. Д.С. Четвергов отмечает, что понятие «аватара» применительно как для игровых, так и для неигровых миров. Свою позицию автор аргументирует тем, что метавселенные не ограничиваются исключительно только онлайн-играми, но и имеют широкий спектр применения в интернет-пространстве [10, с. 217–218]. С нашей точки зрения, цифровой аватар является исключительно только способом идентификации учетной записи пользователя. Это можно объяснить тем, что в цифровой среде пользователь может выбрать себе абсолютно любую личность, не совпадающую с характеристиками самого пользователя. Поэтому, цифровой аватар – это учетная запись в интернет-пространстве, используемая для репрезентации пользователя.

Важной характеристикой виртуального аватара является его творческий характер. То есть, лицо само решает, какой именно у него будет аватар. Причем аватар может существенно отличаться от внешности пользователя, что никоим образом не является нарушением, поскольку только пользователь определяет, какими характеристиками наделить цифровой аватар [10, с. 218]. Мы согласны с данной позицией. Однако необходимо указать, что творческий характер цифрового аватара может иметь место исключительно только в онлайн-играх или на других сервисах, где не требуется отождествление с реальной личностью. Если мы говорим про

государственные цифровые платформы, то здесь лицо обязано использовать свои реальные характеристики, поскольку иное является нарушением законодательства.

Следует различать понятие цифрового аватара от тождественных понятий (цифровой профиль, цифровой персонаж). Ряд авторов определяют, что цифровой профиль должен предполагать за собой отождествление с конкретным лицом. Однако авторы поясняют, что зачастую понятие цифровой профиль является синонимом понятию цифровой аватар, так как они оба обеспечивают неанонимное функционирование пользователя. Более того, аватар так же, как и профиль, обеспечивает получения ряда возможностей в цифровой среде (использование различных имущественных выгод). Если же говорить про цифровой персонаж, то он также может являться синонимом цифрового аватара, однако необходимо пояснить, что двойник должен быть копией физического лица, осуществляющего свою деятельность в цифровой среде [2, с. 11]. Мы считаем, что понятие цифрового аватара является широким, и оно включает в себя как цифровой профиль, так и цифровой персонаж. Как было уже сказано ранее, цифровой аватар является учетной записью, отождествляющей конкретное лицо в цифровой среде. Если речь идет о цифровом персонаже, то в данном случае имеется в виду репрезентация пользователя в онлайн-играх и на других сервисах, где пользователь может проявить свои творческие способности и придумать себе образ. Понятие цифровой профиль относится к официальным цифровым платформам, где требуется отождествление с реальным человеком, поскольку таким образом обеспечивается защита персональных данных. При этом, на официальных платформах исключается творческий контекст.

И. А. Филипова отмечает проблему технологической возможности создания одним лицом нескольких аватаров. Автор указывает, что такое обстоятельство влечет за собой необходимость создания административно-правовых норм, которые будут регулировать данную проблему. Также И. А. Филипова подчеркивает необходимость правового регулирования возможности изменения или замены аватара, поскольку это влияет на социальное поведение [9]. Как мы понимаем, автор имеет в виду установление норм права, регламентирующих ответственность за злоупотребление использованием аватаром. Действительно, в цифровой среде лицо может иметь несколько аккаунтов. Однако, не совсем понятно, как именно создание административно-правовых норм будет регулировать данную проблематику. С нашей точки зрения, многовариантность аватаров возможна только на неофициальных платформах. Такие платформы не регулируются государством; правила пользования устанавливаются самими владельцами платформы. Возможно И. А. Филипова подразумевает, что наличие большого числа аккаунтов у одного лица может повлечь за собой нарушение законодательства. Однако, если будет введен запрет на создание более одного цифрового аватара, то такие нормы будут носить исключительно только формальный характер, и на практике реализовать их достаточно сложно. Мы считаем, что ограничение по числу цифровых аватаров может иметь место на официальных платформах (государственных, образовательных и т. д.).

Д. С. Четвергов также выделяет два направления в подходах к определению правовой природы цифрового аватара: 1) признание аватара в качестве имущества пользователя (виртуальное имущество); 2) признание аватара в качестве личных неимущественных прав пользователя. Однако сам автор склоняется к позиции, что аватар – это виртуальное имущество пользователя, поскольку аватар может быть использован в качестве средства осуществления деятельности в интернет-пространстве [10, с. 218]. С нашей точки зрения, цифровой аватар не может являться

средством осуществления деятельности. Цифровой аватар – это отображение пользователя в сети Интернет. Более того, цифровой аватар существует на основе созданного аккаунта пользователя.

В.В. Саркисян и И.В. Федорова относят аватар к объекту гражданских правоотношений, поскольку окончательные решения в любом случае принимают люди. Авторы отмечают, что следует признать права на аватара за пользователем, поскольку в таком случае такое признание отвечает целям и задачам электронного лица для идентификации пользователя в виртуальном пространстве. В.В. Саркисян и И.В. Федорова поясняют, что указанный подход не ограничивает право создателей на получение прибыли от деятельности, осуществляющей от лица пользователя при использовании аватара [8, с. 117-118].

Д. Г. Попану также отмечает, что на данный момент цифровая личность человек остается исключительно только предметом регулирования пользовательских соглашений [7, с. 100]. Если мы говорим о том, что аватар является отождествлением человека, то термин «цифровая личность» может иметь место, и соответственно, подлежит профилированию. Однако если аватар выступает в качестве игрового персонажа, то такое профилирование никак не может отразить характеристики пользователя.

В.В. Саркисян и И.В. Федорова определяют, что, если аватара наделять теми же правами, что присущи человеку, то это может привести к существенному нарушению прав человека. Более того, авторы отмечают, что выделение развитие информационных технологий не должно масштабнo изменять общечеловеческие правовые ценности [8, с. 116].

А.В. Минбалеев и Е.В. Титова выделяют проблему незаконного использования цифрового аватара. Авторы также относят сюда несанкционированный доступ и распространение недостоверной информации. Более того, авторы выделяют, что на основе искусственного интеллекта создаются аватары людей, которые в последующем могут быть использованы для рекламы, в играх, и так далее. В связи с этим возникает вопрос о защите чести, достоинства и деловой репутации. А.В. Минбалеев и Е.В. Титова полагают, что такое использование должно предполагать за собой согласие лица, а незаконное использование может повлечь за собой защиту личных и неимущественных прав [5, с. 157]. Иногда пользователи для своего аватара используют фотографии других лиц. В своей работе Е. С. Гринь также указывает, что при создании виртуальных образов для использования в мультимедийных продуктах необходимо получать согласие на использование такого образа. Более того, следует уточнять, охватывалось ли согласие на обработку изображения в тех объемах и целях, в которых оно будет использовано [3, с. 145]. Мы согласны с позицией авторов в части получения согласия на использование таких фотографий. Однако большое количество интернет-пользователей используют в качестве своего аватара фотографии знаменитостей. Если мы говорим о том, что данные фотографии носят стоковый характер и свободно опубликованы в Интернете, то, согласно Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З, такая информация является общедоступной и отдельного согласия не требуется [6]. Но, если речь идет об использовании фотографии или видео лица в качестве основы к созданию мультимедийного персонажа в игровом пространстве, то в таком случае необходимо запрашивать согласия, поскольку такое действие является обработкой персональных данных.

Необходимо также рассмотреть использование цифрового аватара в трудовых

отношениях. И. А. Филипова отмечает, что введение института цифрового аватара в трудовые отношения повлечет за собой изменение законодательства. Более того, законодателю необходимо будет ответить на следующие вопросы: 1) Что будет считаться рабочим временем, будет ли в него засчитываться онлайн-присутствие аватара в метавселенной? 2) Должен ли аватар работника соответствовать реальному человеку? 3) Обязаны ли аватары соблюдать дресс-код на рабочем месте? 4) Какую ответственность понесет работодатель в случае киберзапугивания аватара работника? 5) Каков будет статус аватаров, выполняющих функции работников, но созданных искусственным интеллектом? Автор отмечает, что если законодатель не создаст нормы права, которые будут регулировать возникающие вопросы, то работодатель примет решение самостоятельно, причем может не учитывать интересы работников [9].

Также И. А. Филипова подчеркивает о необходимости изменения уголовно-правовых норм. Автор указывает, что в метавселенной можно совершить любое преступление. Более того, цифровому аватару можно нанести вред («искалечить» или «убить»). И. А. Филипова задается вопросом: кто будет нести наказание за совершенное деяние [9]? По нашему мнению, в отношении аватара можно совершить противоправное деяние. Однако, не совсем понятен вопрос И. А. Филиповой относительно того, кто будет нести ответственность. Мы считаем, что несмотря на то, что возникшее общественно опасное деяние совершено в цифровой среде, ответственность несет то лицо, которое совершило это деяние. Возможно, может возникнуть трудность в физическом привлечении лица к ответственности, но это никоим образом не исключает ее.

Таким образом, можно сделать вывод, что действующее законодательство требует изменений в соответствии с развитием цифровых технологий. Также необходимо на законодательном уровне определить понятие «цифровой аватар» и регламентировать его правовой статус.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архипов, В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований / В.В. Архипов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 93–114.
2. Виноградова, Е.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 5–19.
3. Гринь, Е.С. Виртуальный образ как объект правовой охраны / Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 143–148.
4. Метавселенная – что это? Объясняем простыми словами [Электронный ресурс] // Portal VR. – Режим доступа: <https://portal-vr.ru/metavselennaya-chto-eto-obyasnyаем-prostyimi-slovami/>. – Дата доступа: 27.02.2024.
5. Минбалеев, А.В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты / А.В. Минбалеев, Е.В. Титова // Человек. Спорт. Медицина. – 2021. – Т. 21, № S2. – С. 154–160.
6. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г. № 99-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Попану, Д.Г. Правовое понятие цифровой личности человека / Д. Г. Попану // Трибуна ученого. – 2023. – №10. – С. 96–103.
8. Саркисян, В. В. К вопросу о правосубъектности аватара в метавселенной / В. В. Саркисян, И. В. Федорова // Вестник Юридического факультета Южного федерального

университета. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 114–119.

9. Филипова, И.А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права [Электронный ресурс] / И.А. Филипова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 7–32. – Режим доступа: https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/7/pdf_1. – Дата доступа: 29.02.2024.

10. Четвергов, Д.С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной / Д.С. Четвергов // Юридическая наука.– №7.– С. 217–223.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, КАСАЮЩЕЙСЯ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Миловзорова Ю.С., доцент,

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, г. Минск, Республика Беларусь

Право на получение информации, касающейся обработки персональных данных относится к основным правам субъектов персональных данных. Данное право корреспондирует обязанности оператора соблюдать законодательство о персональных данных и не допустить нарушения им прав и свобод субъекта персональных данных.

Перечень сведений, получить которые имеет право субъект персональных данных, согласно ч. 1 ст. 11 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» не является исчерпывающим, и это первая проблема на пути практической реализации. Актуальным становится вопрос, касающийся того объема персональных данных, который необходимо указать в ответе на заявление о получении информации. Этот объем информации определяет сам оператор. При этом, к таковым относятся как те персональные данные, которые предоставил непосредственно субъект персональных данных, так и данные, полученные оператором от иных лиц, из открытых источников или данные, созданные оператором (уполномоченным лицом) в процессе обработки.

К персональным данным может относиться практически любая информация, начиная с ФИО, места жительства, работы граждан, их идентификационного номера, данные о передвижении, взглядах, предпочтениях, его IP адресе. В соответствии с GDPR (General Data Protection Regulation) Общий регламент по защите данных сюда еще можно отнести cookie-файлы, RFID-идентификаторы и т. д., и генетическая информация (ДНК, РНК) [1]. Автор разделяет позицию Михайловой И.А. связанной с проблематикой «ликвидации границ информации» [2, с. 11].

Особого внимания заслуживают персональные данные, которые можно отнести к корпоративным, например зарплата, доля в уставном фонде, размер дивидендов и др. Такое право является одним из основных неимущественных прав, которое необходимо участнику в целях понимания актуальной ситуации в деятельности общества, а также принятия грамотного решения относительно дальнейшей судьбы принадлежащих ему активов. Из судебной практики экономического суда Гродненской области, по иску о понуждении к предоставлению документов о деятельности общества в число запрашиваемой информации вошли бухгалтерский баланс, справки (расчета) действительной стоимости доли в уставном фонде ООО.

В соответствии с п. 16 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31.10.2011 № 20 (в редакции от 30.04.2013) «О некоторых вопросах рассмотрения дел с участием коммерческих организаций и их учредителей

(участников)» (далее – Постановление № 20) совершение (несовершение) участником действий, направленных на реализацию своих прав на получение информации (или) ознакомление с документацией в объеме и порядке, установленных учредительными документами, свидетельствует о возникновении (невозникновении) у коммерческой организации соответствующей обязанности.

В соответствии с п.1 ст. 64 Гражданского кодекса Республики Беларусь участники хозяйственного товарищества или общества вправе, получать информацию о деятельности товарищества или общества и знакомиться с его документацией в объеме и порядке, установленных учредительными документами.

Так, суд признал законным и обоснованным требование истицы о понуждении общества к предоставлению копии бухгалтерского баланса и справки (расчета) действительной стоимости доли вышедшего участника обязанность общества составить бухгалтерский баланс и произвести расчет действительной стоимости доли выходящего участника в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью со ссылкой на ч. 5 ст. 103 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» [3].

В судебной практике Беларуси имеются и противоположные примеры. Так, экономический суд Брестской области отказал истцу, предъявившему требования о присуждении к исполнению обязанности предоставить информацию и документы, необходимые для проверки правильности расчета стоимости выплаченной истцу доли в уставном фонде крестьянского (фермерского) хозяйства. В перечень запрашиваемой информации попали: сведения о распределении полученной прибыли и выплате дивидендов, сведения об активах (основных средствах, земельном участке, незавершенном строительстве, остатках денежных средств на счетах, иных активах, числящихся в учете организации и их стоимости); расчет стоимости чистых активов, на основании которого была определена подлежащая к выплате доля. Так как, по мнению суда, истец не является лицом, которое вправе требовать получения информации и документов крестьянского (фермерского) хозяйства. Право получать информацию о деятельности фермерского хозяйства, в том числе право получать какие-либо документы, относящиеся к деятельности хозяйства, лицам, не являющимися членами крестьянского (фермерского) хозяйства, уставом, Гражданским кодексом Республики Беларусь, не предусмотрено [4].

И тот и другой случай это примеры защиты интересов субъектов персональных данных, но в одном случае ответчик это оператор, которого по суду обязали соблюдать законодательство о персональных данных и не допустить нарушения им прав и свобод субъекта персональных данных истца – участника ООО. Во втором случае, оператор ответчик – член крестьянского (фермерского) хозяйства, отказывает в предоставлении информации, защищая свои интересы и закон на его стороне. Доля участника в уставном фонде, это не только актив, это совокупность имущественных прав: право на участие в управлении; право на часть прибыли общества (дивиденд); право на получение части имущества общества при выходе (исключении); право на часть имущества при ликвидации; право на получение информации о деятельности общества. Это личное имущество субъекта персональных данных.

При обработке оператором большого массива однотипных данных или технической невозможности указания всех обрабатываемых данных обозначается общее описание отдельных категорий персональных данных. Но в остальных случаях в ответе на заявление о получении информации, касающейся обработки персональных данных, необходимо указывать конкретные данные, а не их описание или

обобщающие характеристики.

Также в ответе на заявление о получении информации, касающейся обработки персональных данных, указывается правовое основание и цель обработки персональных данных. Если политикой в отношении обработки персональных данных допускается указание категории уполномоченных лиц, то в ответе на заявление о получении информации указываются конкретные уполномоченные лица, которым оператор поручил обработку персональных данных. При ситуации, когда обработка осуществляется на основании документа, содержащего персональные данные нескольких субъектов, то предоставляемая оператором информация должна касаться персональных данных только того субъекта, который обратился к нему с соответствующим заявлением.

Полагаем, проблемы практической реализации могут возникнуть из-за недопонимания таких исполнителей как HR-менеджер, IT-специалист, юрист, менеджер по работе с клиентами, бухгалтер компании на аутсорсинге, индивидуальный предприниматель, оказывающий транспортные услуги и др. своих функций и обязанностей оператора (уполномоченного лица) в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных». Соответственно, с одной стороны у субъекта права нет понимания к кому обратиться с требованием, с другой не возникает осознания ответственности оператора (уполномоченного лица) за своевременный ответ по запросу о предоставлении информации, касающейся обработки персональных данных.

Пунктом 2 ст. 11 Закона «О защите персональных данных» определяются условия реализации права на получение информации. Оператором ответ на заявление о получении информации подготавливается в сокращенный в сравнении с иными сроками для реализации прав субъектов персональных данных срок составляет 5 дней с момента получения соответствующего заявления. Информация предоставляется субъекту персональных данных бесплатно.

Однако, действующее законодательство предусматривает в ряде случаев необходимость платы за соответствующие запросы, по-прежнему без необходимости обосновывать свой интерес к запрашиваемой информации. Например, для получения справки (выписки) из регистра населения в отношении своих персональных данных бесплатно, второй и последующий разы предоставление данных осуществляется на платной основе (ст.12 Закона); из банка данных о правонарушениях в соответствии с ч. 7 ст. 15 Закона «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» в течение пятнадцати дней со дня подачи заявления и др.

Сбор, хранение и обработка информации о частной жизни и персональных данных, а также пользование ими осуществляется на основании Закона «О здравоохранении». Полученная в ходе обработки информация составляет врачебную тайну. Так, в соответствии ст. 41 Закона о здравоохранении пациент имеет право не только на получение в доступной форме информации о состоянии собственного здоровья, применяемых методах оказания медицинской помощи, о квалификации лечащего врача, других медицинских работников, непосредственно участвующих в оказании ему медицинской помощи; этой же статьей предусмотрено право на отказ от внесения информации, составляющей врачебную тайну. Справедливо подмечено специалистом-практиком «защищая одно, придется защитить и другое» [6, с. 51].

Поскольку «специфика персональных данных в том, что каждое из них, взятое по отдельности, может не иметь отношения к частной жизни, но их совокупность становится социально-экономической характеристикой субъекта и, соответственно,

объектом правовой защиты» [2, с. 11-18], считаем, что получение информации, касающейся обработки персональных данных медучреждениями имеют особое значение.

Интересной представляется с точки зрения реализации права на получение информации сфера трудовых отношений. Например, для подготовки приказов, предоставления соцпакета работникам (абонемент в бассейн, добровольное медицинское страхование и т.п.) нанимателем обрабатывается массив персональных данных, включая сведения о несовершеннолетних детях, больничных листах, прививках, хронических заболеваниях и др. Пункт 6 разъяснения «Алгоритма действий оператора» НЦЗПД содержит перечень обязанностей работников, трудовая деятельность которых связана с обработкой персональных данных. В их числе обязанность обеспечить предоставление субъектам информации о персональных данных [7]. Следует понимать, что такие сведения не могут быть получены любым лицом, в соответствии с п. 3 ст.11 Закона «О защите персональных данных», посредством направления запроса в порядке, установленном законодательством и доступа к информационному ресурсу в глобальной компьютерной сети Интернет. Так как, например из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей согласно п. 18.18. Указа Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 200 (ред. от 04.09.2023) «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан».

В законодательстве действуют ограничения получения информации, касающейся персональных данных, для защиты публичных интересов (сфера национальной безопасности, борьба с коррупцией, оперативно-розыскная деятельность и т.д.) либо для исключения возложения на операторов чрезмерного бремени по администрированию процессов, связанных с подготовкой ответов. Так, в соответствии со ст. 12 Закона Республики Беларусь «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» от 09.01.2006 № 94-З в ред. от 24.10.2023 предоставление сведений о правонарушениях государственным органам, иным организациям, должностным лицам.

Право на получение информации, касающейся обработки персональных данных нормативно закреплено на каждом предприятии, в организации, учреждении Политикой в отношении обработки персональных данных, например п.17 Политики Белорусской нотариальной палаты (Политика в отношении обработки персональных данных, утв. Приказом Председателя Белорусской нотариальной палаты от 10.11.2021 № 210/1).

Таким образом, проведенное исследование показало, что право на получение информации, касающейся обработки персональных данных, реализуется в условиях цифровизации, в том числе посредством информационных систем. Для повсеместной реализации данного права субъектов персональных данных, целесообразно использовать программу (сервис), которая бы позволила объединить все персональные данные о конкретном лице, предоставлять доступ к ним, по запросу субъекта. Автоматическая превентивная модерация позволяла бы фиксировать не только тех, кто обращался за информацией, но цель запроса данных. Автоматическое программирование облегчило бы работу оператора в сфере обработки персональных данных, контроля за ней, что сбалансировало бы частные и публичные интересы в этой сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. General Data Protection Regulation [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Date of access: 05.11.2023.
2. Михайлова, И. А. Персональные данные и их правовая охрана: некоторые проблемы теории и практики / И. А. Михайлова // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2017. – № 10. – С. 11–18.
3. Решение экономического суда Гродненской области // Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500287354/sid/9cf1203d3aac44a9b4668e2e8738a340#serialnumber=63>. – Дата доступа: 09.03.2024
4. Решение экономического суда Брестской области // Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500287354/sid/9cf1203d3aac44a9b4668e2e8738a340#serialnumber=63>. – Дата доступа: 05.03.2024
5. Савельев, А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» / А. И. Савельев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2015. – № 1. – С. 43–66.
6. Свентуховская, Н.С. Защита персональных данных в сфере здравоохранения / Н.С. Свентуховская // *Главная медицинская сестра / «Информационное правовое агентство Гревцова»*. – 2021. – с. 51-56.
7. Самосейко, В. Э Персональные данные, необходимые для предоставления соцпакета / В.Э. Самосейко // *Экономическая газета*. – 2022 г. – 9 авг.

ЦИФРОВОЙ КОНТРОЛЬ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Новиков Д.А., к.ю.н., доц.,

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация БИП*

Развитие алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы открыло новые возможности для многих сфер человеческой деятельности, в том числе для сферы труда. Одним из направлений применения ИИ в сфере труда является осуществление цифрового контроля алгоритмами ИИ за трудовыми процессами. Использование инструментов ИИ для осуществления цифрового контроля в трудовых отношениях также известно как алгоритмическое управление, которое применяется для автоматизации управленческих ролей на предприятиях [3, с. 740]. Возможность цифрового контроля тесно связана с появлением больших объемов электронных данных и снижением стоимости вычислительной мощности автоматизированных инструментов машинного обучения, которое ориентировано на постоянное развитие и перенастройку параметров ИИ. Такой подход не ограничивается только опытом, полученным из обучающих наборов данных и заранее заданных аналитических процедур. Примером такого подхода являются ChatGPT, Microsoft Bing Chat, Google Bard, GigaChat. Поэтому цифровой контроль в трудовых отношениях может привести не только к мониторингу работников в немыслимых масштабах, но и к сбору и обработке огромного количества персональных данных об жизни работников и их трудовой деятельности, не связанной с их работой в данной организации. Витторио Де Стефано отмечает, что такой сбор и обработка данных машинами превосходит возможности любого человеческого контроля в прошлом [5, с. 435]. И если проблема защиты персональных данных работников при использовании цифрового контроля может быть решена путем тщательной адаптации

существующих стандартов, то другие проблемы, включая ответственность работодателя за ключевые решения, принятые ИИ, могут потребовать фундаментального пересмотра действующих норм трудового права.

Современные технологии позволяют осуществлять цифровой контроль разными способами. Например, технологии цифрового контроля уже широко используются в гиг-экономике, представляя это как необходимость для оценки качества услуги и установления рейтинга исполнителей. Uber первым применил iPhone водителей для оценки их стиля вождения, что затем использовалось для ранжирования заказов на платформе. Также Uber деактивировал аккаунты водителя за отклонение от невыгодных поездок по решению алгоритма [6]. Российский интернет-магазин Wildberries применяет коллективное ранжирование точек выдачи товаров и штрафные санкции для сотрудников точки за низкий коллективный рейтинг [1].

Цифровой контроль применяется в разнообразных формах, часто избегая явных указаний или приказов. По словам Фиби Мур, использование автоматизированных рейтинговых систем, геймификации и стимулирующих механизмов "подталкивания" становится все более эффективным в управлении работниками, минуя традиционный контроль со стороны работодателя [8, с. 19]. Алекс Розенблат и Люк Старк отмечают, что условия труда могут быть легко сформированы компаниями через использование различных проектных решений и информационной асимметрии с помощью приложений для осуществления "мягкого контроля" над рутинными трудовыми операциями. Несмотря на то, что инструкции направлены на косвенное воздействие, они могут привести к тому же результату, что и прямые указания, формируя у работников "высокоиндивидуализированное" чувство ответственности [9, с. 3775]. Например, когда водитель Uber готов отключиться от приложения, цифровой контроль быстро вмешивается, показывая сообщение о повышении цены и подстегивая водителя оставаться в сети для большей прибыли. Как видим, целью алгоритмов цифрового контроля в гиг-экономике является контроль эффективности труда исполнителей и их участием в трудовых процессах.

Следует отметить, что в первоначальной стадии развития "человеческой аналитики" акцент был сделан на использовании алгоритмов машинного обучения для анализа больших объемов данных с целью оптимизации организационных решений, улучшения условий труда и повышения производительности. Однако, как отметил Дэвид Аутор, с развитием технологий и снижением стоимости сбора и обработки данных, работодатели получили возможность внедрять устройства для контроля трудового процесса на более глубинном уровне [4, с. 29]. Портативные компьютеры, носимые на теле или размещаемые на рабочем месте, позволяют работодателям получать информацию о работнике, такую как местоположение или данные о физиологических показателях, для анализа эффективности его работы. Например, в сфере профессионального футбола все чаще применяют специальные жилеты, которые скрыты под игровой формой футболистов. В этих жилетах установлены GPS-устройства: маленькие датчики, размещенные между плечами спортсмена. Эти устройства собирают данные о физическом состоянии игрока и передают их на компьютер тренерского штаба. Датчики отслеживают сердечный ритм футболиста, температуру его тела, скорость бега и общий пройденный путь. С помощью специального программного обеспечения можно настроить параметры мониторинга в соответствии с требованиями тренера или самого игрока. Это позволяет определить, как игрок справляется с конкретной нагрузкой, как он адаптируется к нестандартным ситуациям и как быстро восстанавливается после

физических столкновений на поле.

Один из самых известных датчиков для цифрового контроля работников – Humanuze, разработанный учеными Массачусетского технологического института в 2010 году. Humanuze представляет собой социометрический значок, который является высокотехнологичным идентификатором трудовой активности. Он предназначен для отслеживания того, находится ли работник в движении или на месте, насколько близко он находится к другим работниками в течение рабочего дня, говорит ли он или нет, а также для измерения частоты и продолжительности личных взаимодействий между работниками. Полученные данные анализируются с целью выявления наиболее эффективной организации труда и снижения ненужного взаимодействия между работниками.

Существует несколько альтернатив Humanuze на рынке технологий ИИ для контроля за трудовыми процессами, такие как ADP Workforce Now, Paychex Flex, Hireology, Хоходай Empuls, Hibob HRIS, ClearCompany, Sprout Solutions HR, Personio. Большинство поставщиков данного программного обеспечения в области "человеческой аналитики" предлагают решения, которые позволяют работодателям отслеживать в том числе и цифровые действия работников, такие как снимки экрана через определенные интервалы времени, данные о нажатиях клавиш, звонках в мессенджерах, отправленных электронных письмах и других сообщениях. Хотя содержание сообщений не раскрывается и не анализируется, метаданные (например, продолжительность и частота звонков, размер файлов вложений в электронной почте и время отправки) могут быть собраны и использованы алгоритмом для принятия управленческих решений.

Можно привести несколько примеров удачного и неудачного с точки зрения трудового права внедрения цифрового контроля в трудовые отношения.

Стойленский горно-обогатительный комбинат в Белгородской области оборудовал карьерные самосвалы и другие транспортные средства системой "Антисон", помогающей водителям контролировать уровень усталости и сохранять концентрацию внимания во время длительной работы. С помощью алгоритмов система распознает потенциально опасные события, мгновенно оповещает о них водителя и предотвращает происшествия на дорогах. Данный пример не связан с принятием управленческих решений ИИ, а цифровой контроль является автоматизированным инструментом, помогающим самому работнику следить за состоянием здоровья и избегать несчастных случаев на производстве.

С другой стороны, компания Amazon разработала собственную систему цифрового контроля, которая использовала данные о продуктивности сотрудников для принятия решения об их увольнении. ИИ принимал решения о прекращении трудовых отношений без участия руководителей компании. Колин Лехер отмечает, что система Amazon отслеживала производительность каждого работника и автоматически принимала решения о качестве или производительности. Если работники не соответствовали требованиям, система выдавала предупреждения, и в конечном итоге они могли быть уволены [7]. Уволенные сотрудники подали иск в суд, где представитель Amazon заявил, что руководство склада не имело доступа к деталям работы системы ИИ. Это показывает риски делегирования функций контроля и принятия решений ИИ.

Последний пример также показывает, что использование ИИ для принятия решений о контроле трудовых процессов может увеличивать или повторять модели дискриминации. По словам Йереми Адамс-Прассля, итеративный характер

современных методов машинного обучения может делать ИИ чрезвычайно непредсказуемым и необъяснимым, так как изменения в параметрах принятия решений практически невозможно полностью воссоздать или задокументировать. Это означает, что причина увольнения работника его "алгоритмическим руководителем" может стать неактуальной или даже необнаружимой через несколько дней после события [2].

Необходимо заметить, что использование ИИ для цифрового контроля необходимо отличать от права работодателя на получение информации, даже если работник согласен на её сбор. ИИ применяет итеративный подход, включающий выполнение операций одновременно с непрерывным анализом результатов и корректировкой работы на последующих этапах. Все операции алгоритма проходят цикл Деминга или PDCA ("Plan-Do-Check-Act"): планирование, реализация, проверка, корректировка. Важно учитывать, что цикл Деминга в случае ИИ осуществляется методом машинного обучения, что означает обучение на основе решений похожих задач, а не прямое решение конкретной задачи. Оценка данных ИИ при принятии решений вероятно будет отличаться в следующем цикле проверки.

Поэтому, при оценке правовых последствий применения ИИ при цифровом контроле в трудовых отношениях важно понимать, что внедрение алгоритмов ИИ в сферу труда вызывает не только традиционные проблемы увеличения хозяйской власти работодателя, дискриминации или незаконного сбора персональных данных, но также более сложный комплекс юридических вопросов, связанных с ответственностью работодателя за принятые решения, которые он не может полностью контролировать.

Урегулирование обозначенных проблем использования ИИ для цифрового контроля в трудовых отношениях требует включения в трудовое законодательство следующих положений: установления запрета на применение ИИ для цифрового контроля за работниками без их согласия; формулирования конкретных критериев использования ИИ для цифрового контроля за работниками; фиксации обязанности работодателей предоставлять работникам информацию о том, какой тип ИИ используется для цифрового контроля за ними и какие данные собираются; закрепления ответственности работодателей за неправомерное использование ИИ для цифрового контроля за работниками и предусмотреть механизмы защиты прав работников; приведение в соответствие использования ИИ для цифрового контроля за работниками с законодательством о защите персональных данных. Кроме того, программные продукты, используемые для цифрового контроля работников должны подлежать обязательной государственной сертификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьева, Н. Вся зарплата уходит на штрафы: почему сотрудники Wildberries решились на забастовку / Н. Афанасьева // АфишаDaily. – 2023. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/stories/25358-vsya-zarplata-uhodit-na-shtrafy-pochemu-sotrudniki-wildberries-reshilis-na-zabastovku/>. – Дата доступа: 09.03.2024.

2. Adams-Prassl, J. What if your boss was an algorithm? Economic incentives, legal challenges, and the rise of artificial Intelligence at work / J. Adams-Prassl // Comparative Labor Law & Policy Journal. – 2019. – Vol. 41(1). – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3661151>. – Дата доступа: 09.03.2024.

3. Ajunwa, I., Crawford, K., Schultz, J. Limitless worker surveillance / I. Ajunwa, K. Crawford, J. Schultz // California Law Review. – 2017. – Vol. 105 (3). P. – 735-776. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/44630759>. – Дата доступа: 09.03.2024.

4. Autor, D. Wiring the labor market / D. Autor // Journal of Economic Perspectives. 2001. – 15(1). – P. 25-40. DOI: 10.1257/jep.15.1.25
5. De Stefano, V. Masters and servers: Collective labour rights and private government in the contemporary world of work // International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations. – 2020. – 36 (4). – 435-443. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3675082>. – Дата доступа: 09.03.2024.
6. Doug, H. Fired from Uber: why drivers get deactivated, and how to get reactivated / H. Doug // Ride Sharing Driver. – 2022. – Режим доступа: <http://www.ridesharingdriver.com/fired-uber-drivers-get-deactivated-and-reactivated/>. – Дата доступа: 09.03.2024.
7. Lecher, C. How Amazon automatically tracks and fires warehouse workers for "productivity" / C. Lecher // The Verge. – 2019. – Режим доступа: <https://www.theverge.com/2019/4/25/18516004/amazon-warehouse-fulfillment-centers-productivity-firing-terminations>. – Дата доступа: 09.03.2024.
8. Moore, P.V., Akhtar, P., Upchurch, M. Digitalisation of work and resistance / Moore, P., Upchurch, M., Whittaker, X. (eds) Humans and Machines at Work. Dynamics of Virtual Work. – Palgrave Macmillan, Cham., 2017. – P. 17-44. DOI: 10.1007/978-3-319-58232-0_2
9. Rosenblat, A., Stark, L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers / A. Rosenblat, L. Stark // International Journal of Communication. – 2016. – Vol. 10. – P. 3758-3784. DOI: 10.2139/ssrn.2686227

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

***Ногайлиева Ф.К., к.ю.н., асс. кафедры трудового и социального права,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Россия***

Введение. Благодаря мощи больших данных разнообразный набор технологий искусственного интеллекта (ИИ) может сыграть положительную роль в повышении эффективности работы организаций, позволяя им создавать мощные алгоритмы, позволяющие действовать автономно от имени людей и принимать решения на основе уже собранных данных. Все большее число органов социального обеспечения по всему миру внедряют системы ИИ для оптимизации процессов, предоставления индивидуальных услуг, поддержки пользователей служб, обработки различных заявлений о социальной помощи и выработки решений, основанных на фактических данных. Тем не менее, успешное внедрение программ ИИ сопряжено со многими сложными проблемами, которые могут подорвать потенциал позитивных изменений. Если ИИ не разрабатывается, не контролируется и не совершенствуется в соответствии с основными принципами, относящимися к социальной политике, такими как равные права и социальная справедливость, он может привести к потенциально значительным последствиям, нежелательным для отдельных лиц, организаций и обществ. Такие последствия могут усугубить существующие социальные проблемы, способствуя неравенству и дискриминации, и поставить под сомнение способность правительства защищать своих граждан и служить им [1].

Опыт применения ИИ в социальном обеспечении разных стран. Некоторые государства, в частности страны Северной Европы, признали огромную ценность искусственного интеллекта для социальной защиты и запустили различные дорогостоящие инициативы в области искусственного интеллекта, выявив отдельные потенциальные области применения этой технологии; однако ни одно правительство

до сих пор всесторонне не рассматривало весь спектр применения искусственного интеллекта [3, с. 605]. В то же время его использование сопряжено с новыми рисками и этическими проблемами, такими как предвзятость, справедливость и прозрачность. Поскольку внедрение искусственного интеллекта в секторе социального обеспечения все еще находится на начальном этапе, органы социального обеспечения могут не знать обо всем спектре возможностей применения ИИ и связанных с этим проблемах. Кроме того, мало число эмпирических исследований, которые могли бы дать основанные на фактических данных рекомендации по управлению этим сектором. В статье попробуем найти ответы на следующие вопросы: как искусственный интеллект используется в системе социального обеспечения; каковы возможности, проблемы и последствия его использования; что могут сделать органы социального обеспечения для поддержки этичной, контролируемой и инклюзивной автоматизации сбора и обработки информации.

Для поиска ответов на эти вопросы была проанализирована научная литература и публикации в интернете за период с 2018 по 2023 годы. Анализ публикаций по теме показал, что многие страны активно и последовательно расширяют сферу применения ИИ в социальном обеспечении [12, с. 320]. Одним из реальных примеров ИИ в системе социального обеспечения является интеллектуальный разговорный ассистент. В Норвегии наиболее популярными направлениями стали интеллектуальные агенты взаимодействия с гражданами (28,9 %), преобразование речи в текст (21,1 %), обработка запросов, обработка заявок и автоматизация ввода данных – по 15 % [10, с. 270].

Учреждения социального обеспечения все чаще используют программное обеспечение на базе ИИ для улучшения онлайн-обслуживания клиентов за счет качества и доступности в различных филиалах и видах услуг. Было разработано множество различных типов диалоговых агентов, включая чат-ботов, которые были добавлены на веб-сайты, в приложения служб, социальные сети или службы мгновенного обмена сообщениями и доступны по телефонам и компьютерам. Интеллектуальные чат-боты на ИИ – это особый тип виртуальных помощников, которые все чаще могут вступать в естественные разговоры и выстраивать отношения с пользователями, имитировать поведение человека и способны автономно реагировать на запросы пользователей [8]. Это программное обеспечение отвечает за предоставление клиентам автоматизированных и персонализированных услуг при ответах на часто задаваемые вопросы, при запросе информации о шагах, предпринятых человеком (регистрация и подача заявления на получение социального обеспечения). В настоящее время существует большой интерес к этому типу технологий, которые все чаще внедряются учреждениями социального обеспечения, поскольку они могут быть настроены в течение нескольких месяцев и работать с разумным соотношением затрат и выгод, позволяя обрабатывать открытые запросы [6]. Весьма вероятно, что чат-боты также будут использоваться в процессах, связанных с уплатой взносов на обязательное социальное страхование.

Другой способ использования искусственного интеллекта — это внедрение алгоритмов, которые могут служить поддержкой для принятия решений. Многие учреждения социального обеспечения по всему миру активно работают и экспериментируют с автоматизированными системами принятия решений и машинным обучением. Например, система ADM используется в Нидерландах для выявления мошенничества в сфере социального обеспечения [2, с. 260].

В исследовании 2022 года приводятся следующие данные. В 2010 году

правительство Словении внедрило систему электронных социальных услуг; это программа по оптимизации социальных выплат, таких как социальные пособия и пособия по безработице, пособия на детей и субсидии, которая в настоящее время контролируется с помощью ИИ, автоматизированных систем принятия решений и возможностей машинного обучения. Финское учреждение социального страхования (Kela), которое отвечает за выплату пособий на сумму около 15,5 миллиардов евро ежегодно в рамках национальных программ социального обеспечения, внедрило роботизированную автоматизацию процессов для обработки заявок на получение пособий. Теперь можно подать заявление на получение пособий онлайн, и 73,5 % заявлений в Kela были поданы онлайн в 2020 году, что является увеличением по сравнению с 2016 годом, когда 64 % подали заявления онлайн [6, с. 411]. В отчете из Швеции говорится, что 85% цифровых заявок на получение социальной помощи обрабатываются, по крайней мере, частично роботизированной системой, а 30% – полностью [11, с. 103].

Управление профессиональных рисков Аргентины внедрило интеллектуального чат-бота под названием «Джульетта» для ответа на запросы о пособиях по производственному травматизму. Чат-бот выполнял задачи по предоставлению автоматизированного и персонализированного обслуживания клиентов, отвечая не только на наиболее частые вопросы, но и запрашивая статус операций заявителей, таких, как регистрация и подача заявок на получение льгот [8]. Выполнение этих функций может совершенствоваться при помощи развития качественной базы знаний и постоянного обучения чат-бота многопрофильной командой.

В Уругвае Банк социального страхования создал чат-бота для работы в качестве виртуального ассистента, нацеленного на работу с самозанятыми работниками и теми, кто работает у работодателей – физических лиц. Инициатива была нацелена на содействие вовлечению и официальному включению этих категорий работников в систему социального обеспечения через использование цифровых технологий [6].

Активно использовал в своей работе технологию распознавания и синтеза речи Социальный фонд России по двум направлениям: обработка обращений граждан в виде чат-бота и оценка пенсионных прав для выбора наиболее оптимального варианта начисления пенсий. Чат-бот помогает разгрузить операторов и ответить на распространенные и важные вопросы, касающиеся не только пенсионного обеспечения, но и социальной поддержки. Если обратившемуся требуется более детальная информация, то чат-бот переводит его на диалог на вторую линию с сотрудником единого контактного центра. При разработке платформы «Единая государственная информационная система социального обеспечения» перед искусственным интеллектом была поставлена задача уметь быстро адаптироваться к изменениям в законодательстве и гибко реагировать на подобные изменения. На платформе есть, например, сервис «Социальный калькулятор», благодаря которому человек, отвечая на вопросы, может получить полную информацию о социальных выплатах.

В российской литературе высказывается мнение, что независимая оценка качества условий оказания услуг федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы в соответствии со ст. 81 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» могла бы эффективно осуществляться с помощью технологий ИИ. Кроме того, отмечается серьезный

потенциал использования «умных» технологий в процедурах реабилитации и абилитации инвалидов при составлении и корректировке соответствующих индивидуальных программ [14, с. 88].

Вызовы и риски ИИ для социального обеспечения. Масштабы деятельности в области социального обеспечения, проблемы, с которыми сталкивается эта система, барьеры на пути ее внедрения схожи во многих странах. Этические проблемы могут включать взаимодействия, которые привели к результатам, которые являются необъяснимыми, несправедливыми и непрозрачными, предвзятыми по отношению к определенной группе пользователей. Прозрачность и объяснимость применения искусственного интеллекта представляет собой важный вопрос, особенно в отношении решений, которые влияют на людей или сопряжены с рисками [7]. Учреждения социального обеспечения, среди прочего, пытаются решить проблемы обеспечения соответствия программ на основе ИИ существующим законами и преодолевать трудности с обоснованием логики автоматизированных систем принятия решений. Отдельную проблему представляет также и обеспечение сохранности персональных данных и конфиденциальных сведений, передаваемых заявителем в системы ИИ и автоматизированные системы. Приложениям ИИ, основанным на машинном обучении, необходим доступ к большим объемам данных, но субъекты данных имеют ограниченные права в отношении того, как используются их данные [13].

Показательна утечка данных, произошедшая в Нидерландах, где по итогам суд пришел к выводу, что автоматизированная система выявления мошенничества в сфере социального обеспечения была недостаточно прозрачной и содержала недостаточные гарантии для эффективной защиты права на неприкосновенность частной жизни заявителей [2, с. 263]. В то время как новые алгоритмические инструменты обещают более точные и последовательные решения, их непрозрачность создает серьезные проблемы с подотчетностью. Важнейший вопрос будет заключаться в том, как подчинить такие инструменты реальной подотчетности и обеспечить их соответствие правовым нормам прозрачности, принятия решений, основанных на фактических данных, и недискриминации [8].

Системы искусственного интеллекта могут интерпретировать огромные объемы данных из различных источников для выполнения широкого спектра задач. Когда наборы данных и алгоритмы, на которые опирается ИИ, неполны или предвзяты, они могут привести к искаженным, дискриминационным выводам ИИ по признакам иммиграционного происхождения, уровня дохода, уровня образования, семейного положения и т.д.

В исследованиях отмечается, что использование ИИ чревато стигматизацией, усилением существующих стереотипов, социальной и культурной сегрегацией и отчуждением, а также подрывом индивидуального выбора и равных возможностей. Доступ к цифровым сервисам, как правило, растет с ростом доходов, поэтому беднейшие слои населения, скорее всего, также будут испытывать недостаток данных. Значит, решения, принимаемые с использованием искусственного интеллекта, потенциально смогут навредить как раз тем категориям заявителей, которые более всего нуждаются в помощи. Например, это может привести к дискриминации лиц, не имеющих доступа к технологиям генерации данных, на которую опирается система искусственного интеллекта, такой как мобильный телефон, планшет, компьютер, или из-за языка, на котором записано программное обеспечение [9].

Выводы. Анализ научных источников позволил выявить типы систем ИИ в социальном обеспечении: интеллектуальный разговорный помощник, методы машинного обучения и автоматизированных систем принятия решений. Искусственный интеллект может помочь улучшить выполнение рутинных задач, автоматизировать многие виды деятельности, помогать в принятии решений и выявлять мошенничество. Рассмотренные исследования показывают, что приложения с использованием ИИ экономят время обработки запросов, снижают частоту ошибок в данных, работают лучше при меньших затратах и проводят разнообразный анализ данных. Однако применение ИИ и существующих алгоритмов сопряжено с рядом проблем, рисков и этических вопросов. Выявленные проблемы могут послужить ориентиром, позволяющим избежать сложностей при внедрении ИИ в сфере социального обеспечения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ananny M. Toward an Ethics of Algorithms: Convening, Observation, Probability, and Data Protection Law. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences* [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1807/1807.04644.pdf>. Дата доступа 25.02.2024.
2. Appelman N., Fathaigh R., van Hoboken J. V.J. Social Welfare, Risk Profiling and Fundamental Rights: The Case of SyRI in the Netherlands // *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law* .- 2021. - № 12. - С. 257–271.
3. Application of Chatbots in Social Security: Experiences from Latin America. 2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://ww1.issa.int/analysis/application-chatbots-social-security-experiences-latin-america> Дата доступа 2.03.2024.
4. Applying Emerging Technologies in Social Security Summary Report 2017–2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://assets.cdn.sap.com/sapcom/docs/2020/06/c87c28a2-9a7d-0010-87a3-c30d-e2ffd8ff.pdf> – Дата доступа 2.03.2024.
5. Artificial Intelligence in Social Security: Background and Experiences. 2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://www.issa.int/analysis/artificial-intelligence-social-security-background-and-experiences> – Дата доступа 2.03.2024.
3. Benouachane H.M. Artificial Intelligence in Social Security: Opportunities and Challenges // *The Journal of Social Policy Studies*. Декабрь, 2022. - № 20(3). - С. 407-418.
4. Bernd W., Wirtz B. W., Weyerer J. C., Geyer C. Artificial Intelligence and the Public Sector – Applications and Challenges // *International Journal of Public Administration*. 2018. - № 42. - С. 596–615.
5. Castelluccio M. Opening a Window on Government AI, Strategic Finance [Электронный ресурс] // Режим жоступа : [:https://sfmagazine.com/technotes/october-2020-opening-a-window-on-government-ai/](https://sfmagazine.com/technotes/october-2020-opening-a-window-on-government-ai/) - Датаадоступа 1.03.2024.
6. Jakovic D., Chandrasegaram G. Chatbot as a Channel in Government Service Delivery. Oslo: Norwegian University of Science and Technology. 2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://ntnuopen.ntnu.no/ntnu-xmlui/handle/11250/2778096> Дата доступа 25.02.2024.
7. Mikalef P., Fjortoft S. O., Torvatn H. Y. Artificial Intelligence in the Public Sector: A Study of Challenges and Opportunities for Norwegian Municipalities // *Digital Transformation for a Sustainable Society in the 21st Century*. Springer, 2019. - С. 267–277.
8. Ranerup A., Henriksen H. Z. Digital Discretion: Unpacking Human and Technological Timeliness // *Science, Technology, & Human Values*. - 2016. - № 41. - С. 93–117.
9. Rinta-Kahila T., Someh T., Gillespie N., Indulska M., Gregor S. Algorithmic Decision-Making and System Destructiveness: A Case of Automatic Debt Recovery // *European Journal of Information Systems*. 2020. - № 31. - С. 313–338.
10. Veale M., Binns R., Edwards L. Algorithms that Remember: Model Inversion Attacks and Data Protection [Электронный ресурс] // Режим доступа :

<https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1807/1807.04644.pdf> - Дата доступа 25.02.2024.

11. Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. - № 11. - С. 77-91.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НЕИЗБЕЖНОСТЬ ФОРМИРУЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ

*Русак О.В., магистрант,
УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск,
Республика Беларусь*

Цифровизация оказывает существенное влияние на все стороны жизни. Ее темпы настолько стремительны, что представляется возможным говорить о наступлении цифровой эры и формировании типологически нового алгоритмического общества.

Массовое внедрение и использование прорывных технологий в одно и то же время порождают позитивные и нежелательные последствия. Возникают новые отношения, более сложные по своему содержанию, что обуславливает потребность их надлежащего нормативно-правового регулирования.

Использование инновационных технологий формирует предпосылки для вытеснения рутинных видов труда, повышения результативности и эффективности выполнения различных задач и принятия оптимальных управленческих решений. Вместе с тем вследствие ускоренной цифровизации происходит заметное углубление информационного и технологического разрыва между различными странами, а также внутри государств на уровне поколений, профессий и общественных групп. Высокотехнологичные средства изменяют межличностное взаимодействие, а вместе с ним и социальный мир.

Инновационные технологии, в том числе искусственный интеллект, не обошли стороной юридическую сферу. Например, в настоящее время в ряде стран искусственный интеллект используется и как помощник судей, и как технология, способная полностью их заменить. В рамках пилотного проекта в Российской Федерации в делах судебных приставов компьютерная программа готовит судебные документы и проверяет их на соответствие требованиям. В Республике Казахстан искусственный интеллект сам выносит решения, а судья подписывает их [1]. В Аргентине создано программное приложение Prometea, которое выносит и оформляет судебные решения по ряду категорий гражданских и административных дел всего за 10 секунд. В США разработан специальный алгоритм оценки рисков, который дает рекомендации судьям, отпускать ли под залог или заключить под стражу человека, находящегося под следствием [3].

Все указанные случаи – лишь малая часть возможностей искусственного интеллекта, используемых сегодня на практике. Однако даже вышеназванные «полномочия» технологии отражают очевидное: от алгоритмов, примененных искусственным интеллектом, могут пострадать фундаментальные права и свободы человека и гражданина – равенство, право на частную жизнь, право на защиту персональных данных, право на судебную защиту (против решений, автоматически принятых алгоритмом) и др.

Следует отметить, что в научной литературе существуют различные трактовки искусственного интеллекта, что приводит к разночтениям в подходах к этому явлению.

По мнению ряда российских и западных ученых, к числу самых перспективных и аргументированных относится подход к искусственному интеллекту как юридической фикции. Суть данного подхода заключается в применении к искусственному интеллекту теории фикции юридического лица с некоторыми доработками, с учетом специфических особенностей технологии [6]. Имеется в виду выборочное применение по аналогии положений гражданского права, касающихся правового регулирования отношений с участием юридических лиц, к правовому регулированию роботов. Основанием для аналогии становится искусственность природы юридических лиц и роботов. Однако при верности общих посылок, приводящих к аналогии, не вполне корректны получаемые последствия. Дело в том, что сторонники применения к искусственному интеллекту теории фикции предлагают наделять данную технологию не чем иным, как статусом субъекта правоотношений, что спорно и весьма неоднозначно.

Еще одним популярным подходом является понимание искусственного интеллекта в смысле особого объекта правового регулирования. В таком случае на первый план выходит специфика правоотношений, которые возникают в связи с использованием искусственного интеллекта. Например, некоторые ученые считают, что искусственный интеллект представляет собой совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и решение задач без заранее заданного алгоритма) и достигать результатов, сравнимых, как минимум, с результатами человеческой интеллектуальной деятельности [5, с. 72]. Такая совокупность включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, что позволяет рассматривать искусственный интеллект в качестве объекта регулирования в сфере интеллектуальной собственности.

Примером ситуаций, когда использование интеллектуальных систем может привести к дисбалансу интересов участников или столкнуться с нормативными препятствиями, являются случаи, где искусственный интеллект может причинить вред. Проблема справедливого распределения ответственности за действия искусственного интеллекта является ключевой в регулировании его использования. Решения, принятые автономным искусственным интеллектом, часто непредсказуемы и не зависят от создателей технологии. Поэтому важно, чтобы ответственность за последствия использования таких систем ложилась на их продавца или разработчика только в случаях, когда их действия прямо привели к возникновению риска.

Область, в которой статус искусственного интеллекта является спорным и в этой связи обнаруживает отсутствие адекватного регулирования – участие технологии в создании объектов творчества (охраняемых объектов интеллектуальной собственности).

Например, в течение долгого времени компьютерные программы были лишь инструментом, помогающим автору создать произведение. Поскольку результаты, полученные искусственным интеллектом, могут быть потенциально охраноспособными, встает вопрос о том, за кем следует признать права на результаты, созданные робототехническими системами без вмешательства человека.

В качестве ответов на приведенный вопрос рассматривается несколько

вариантов:

а) признать в качестве правообладателя:

автора-разработчика или иного правообладателя программы;

саму программу, основанную на искусственном интеллекте;

пользователей (тех, кто сформулировал запрос для искусственного интеллекта);

б) считать результаты, самостоятельно созданные программой, то есть созданные без участия человека, неохраноспособными.

При этом необходимо учитывать не только технические и юридические аспекты при выборе модели регулирования прав на результаты, созданные искусственным интеллектом, но и политико-экономические. В России предложение признания искусственного интеллекта автором созданного им результата подразумевает изменение определения права интеллектуальной собственности, чтобы включить понятие «автор» не только для людей, но и для машин. Если искусственный интеллект будет признан автором созданного им контента, это позволит предоставить данной технологии исключительные права на результат.

Противники подобного подхода считают, что интеграция машин в число авторов будет иметь весьма отрицательные последствия, так как это обстоятельство внесет большую неопределенность в процесс правоприменения и породит множество юридических и неюридических вопросов, не имеющих простых и очевидных ответов. Если даже допустить тот факт, что умные машины будут наделены правами на созданные ими объекты, то не совсем понятно, каким образом машины будут распоряжаться полученными правами.

Нельзя не сказать об искусственном интеллекте как инструменте совершения сделок. При этом следует сразу учитывать, что потенциал данной технологии не ограничивается совершением сделок под контролем человека или от его имени.

Во всех обозначенных случаях применение искусственного интеллекта придает особую специфику динамике правоотношений по причине непредсказуемости действий автоматизированной системы. Такая непредсказуемость не может быть сведена к обычной автономности, понимаемой как способность действовать без прямого участия человека. Речь идет о способности искусственного интеллекта самостоятельно формировать либо изменять свое поведение. Именно эта способность, которая является результатом самообучения искусственного интеллекта, определяет его своеобразие как объекта регулирования и позволяет в некотором смысле «отделить» действия искусственного интеллекта от действий операторов или пользователей. Она отличает системы, оснащенные искусственным интеллектом, от автоматов, которые хоть и действуют автономно, но при этом всегда в пределах траектории, заданной создателем или же оператором.

Нетрудно заметить, что действия, производимые системой искусственного интеллекта (в том числе в части их безопасности, прозрачности и других качественных характеристик), всегда оцениваются в контексте определенного назначения системы. Неслучайно в зарубежных нормативных актах и правовых документах в определения искусственного интеллекта включают упоминания о результатах его деятельности.

Так, например, Организация экономического сотрудничества и развития понимает под системой искусственного интеллекта «автоматизированную систему, которая может при заданном наборе определенных человеком целей давать прогнозы, рекомендации или принимать решения, влияя на реальную или виртуальную среду» [8]. Определение искусственного интеллекта, обсуждаемое на уровне

Европейского союза, также содержит упоминание результатов его деятельности, определяя искусственный интеллект как «программное обеспечение, которое разработано с использованием одного или нескольких методов и подходов, для заданного набора определенных человеком целей, генерирующее выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среду, с которой такие системы взаимодействуют» [9, с. 64].

Еще одним подходом, распространенным в научных кругах, является подход к искусственному интеллекту как квазисубъекту права, что весьма спорно, поскольку для квазисубъектов права характерно наличие такого качества правосубъектности, как воля, которой искусственный интеллект не обладает.

К обозначенной позиции близка точка зрения, которая относит искусственный интеллект к субъекту права по аналогии с законодательством о животных. Так, в большинстве правовых систем домашние животные рассматриваются как особый вид имущества либо «как объект права с учетом принципа гуманного отношения к ним» [2, с. 132]. Ответственность за вред, причиненный в результате их деятельности, несет собственник. В то же время обозначенная точка зрения не вполне корректна. Между искусственным интеллектом и животными существует глубокое различие, которое состоит в том, что животные появляются на свет естественным путем, тогда как, например, роботы, робототехнические системы, нейронные сети создаются искусственно.

Интересен подход, в соответствии с которым проводится аналогия между правовым статусом искусственного интеллекта и статусом рабов, который был закреплен в законодательстве рабовладельческих государств. При этом в качестве образца предлагается использовать нормы права Древнего Рима в части, касающейся определения статуса рабов. Соответствующие нормы могут использоваться в качестве юридической основы для формирования института правовой ответственности систем искусственного интеллекта, роботов. Противники данной концепции обращают внимание на то, что применение рабовладельческих законов в отношении систем искусственного интеллекта свидетельствует о том, что робот, по сути дела, приравнивается к человеку, наделенному правоспособностью. Практическое применение рассматриваемой концепции также, очевидно, будет включать экстраполяцию прав человека на искусственный интеллект, что вызывает сомнение со стороны большинства представителей современного юридического сообщества ввиду явной несостоятельности предлагаемой идеи. В свое время, к примеру, высказывались предложения о наделении правосубъектностью некоторых животных, которые имеют сознание и чувства, например, дельфинов [4, с. 12].

Таким образом, на фоне роста возможностей искусственного интеллекта данная технология продолжает пониматься совершенно по-разному. В дополнение к вышеназванным подходам можно также обозначить, как понимается искусственный интеллект законодателями разных стран. При этом для определений искусственного интеллекта, которые можно встретить в нормативных актах различных государств, характерна абстрактность, что вполне объяснимо.

Например, в Китае искусственный интеллект предполагает контроль за поведением граждан с помощью данной технологии, промышленное производство, умные роботы, строительство «умных городов» [7, с. 590]. В Японии искусственный интеллект понимается прежде всего, как технология реализации интеллектуальных функций. В законодательстве США искусственный интеллект употребляется в значении использования нейронных сетей, когнитивных архитектур, роботов,

позволяющих имитировать поведение людей, автоматизировать мышление, обучение, общение, а также восприятие.

Очевидно, что в целом правовое регулирование искусственного интеллекта позволяет внести ясность и регламентацию в «совместную» жизнь с интеллектуальной системой, сформировать основные направления развития и распространения роботов, регламентировать необходимую экономическую поддержку развития робототехники.

В Республике Беларусь технологии искусственного интеллекта входят в число приоритетов высокотехнологического развития. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года внедрение разработок в этой области рассматривается как основа формирования новых отраслей промышленности и одна из среднесрочных задач развития ИТ-сектора. Приоритетность искусственного интеллекта для нашей страны подтверждается национальными документами стратегического планирования, включая Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, а также прогнозными актами, включая Национальную стратегию устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года и Стратегию «Наука и технологии: 2018–2040». При этом отметим, что в нашем государстве нет единого ведомства, контролирующего и координирующего процессы «интеллектуализации» машин. Законодательно определен лишь субъект, за которым закреплено право на осуществление деятельности, связанной с искусственным интеллектом. В Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» право осуществлять деятельность в сфере искусственного интеллекта закреплено за Парком высоких технологий. Возможно, законодатель пока не готов к детальному урегулированию правовых отношений, связанных с искусственным интеллектом.

Однако, несмотря на высокую приоритетность и значимость искусственного интеллекта для Беларуси, отсутствие четкой системы контроля и координации процессов «интеллектуализации» машин может привести к негативным последствиям. Необходимость правового регулирования использования искусственного интеллекта становится все более актуальной, поскольку эта технология проникает во все сферы деятельности общества и государства.

Считаем, что законодательство должно быть критическим по отношению к искусственному интеллекту, чтобы предотвратить возможные негативные последствия. Правовые нормы должны работать на предотвращение и ограничение рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта, чтобы избежать ситуаций, когда принятое алгоритмом решение невозможно оспорить. В целом, необходимо более детальное урегулирование правовых отношений, связанных с искусственным интеллектом, чтобы обеспечить безопасное и эффективное его применение в различных областях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодакова, О. В. Роботизация в гражданском и хозяйственном судопроизводстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.amia.by/bitstream/docs/7609/1/konst_pravo_konf2022-6.pdf. – Дата доступа: 05.03.2024.

2. Васильев, А. А. Право и умные роботы в России, США и Европейском союзе / А. А. Васильев // Трансформация права в цифровую эпоху / под ред. А. А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с.

3. Гусак, С. Д. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта при осуществлении судопроизводства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/101459/1/Gusak_166_169.pdf. – Дата доступа: 05.03.2024.

4. Имгрунт, С. И. Особенности правового регулирования искусственного интеллекта в современном обществе / С. И. Имгрунт // Вопросы российского и международного права. – 2022. – № 8А. – С. 9–16.

5. Попова, Н. Ф. Основные направления развития правового регулирования использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в сфере гражданских правоотношений / Н. Ф. Попова // Современное право. – 2019. – № 10. – С. 69–73.

6. Проблемы определения правовой сущности дефиниции искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tribune-scientists.ru/articles/3045?ysclid=ltea3n47vb891294736>. – Дата доступа: 05.03.2024.

7. Струкова, П. Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития / П. Э. Струкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – № 4. – С. 588–606.

8. Устьян, Э. А. Понятие «искусственный интеллект»: от теории к правовому регулированию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennyu-intellekt-ot-teorii-k-pravovomu-regulirovaniyu?ysclid=ltem7e8bxs767403982>. – Дата доступа: 05.03.2024.

9. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология : сб. ст. / редкол.: А. В. Тузиков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 267 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Филипчик Т.В., к.ю.н.,

**БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Гродненский филиал, г. Гродно, Республика Беларусь**

С началом активного использования информационных технологий в общественном развитии, произошли и существенные изменения в правовом пространстве страны. Доступность правовой информации для всех субъектов, создание баз данных правовой информации способствует повышению эффективности правового регулирования общественных отношений.

Особое значение информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) приобретают в регулировании трудовых, гражданско-правовых, уголовных, административных правоотношений, в практической деятельности каждого юриста. Использование информационных технологий является одним из условий повышения качества и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, научных исследований в области права.

Нельзя не учитывать использование информационных технологий в развитии механизмов противодействия правонарушениям, юридическим конфликтам. Ведь далеко не случайно информационной безопасности в нашем государстве уделяется особое внимание.

В Республике Беларусь все чаще внедряются цифровые инновации в экономическую, социальную и правовую сферы жизни общества. Значимая роль

отводится «формированию электронного правительства, электронного правосудия, на постоянной основе проводится работа по автоматизации административных процедур, делая их более открытыми и комфортными для населения и бизнеса. Работа по внедрению и совершенствованию информационных технологий, обеспечивающих открытость и оперативность публичного управления, проводится практически всеми органами государства с учетом их компетенции и специфики» [8].

В настоящее время поиск путей и средств совершенствования законодательства, обеспечения соответствия законов ожиданиям и потребностям общества, необходимость решения проблем множественности и качества законов возлагает на законодателя особую ответственность и требует особо высокого уровня компетентности и профессионализма. Важнейшим направлением государственно-правового развития становится цифровизация процессов нормотворчества.

Характерной тенденцией развития национальной правовой системы, как отмечается в Концепции правовой политики Республики Беларусь, становится «последовательный переход к цифровому формату нормотворчества, внедрение цифровых технологий в правореализационную деятельность».

Качественные преобразования нормотворческой деятельности в нашей стране связаны с принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», который задал определенный формат в использовании современных технических средств в нормотворчестве. В нем четко закреплены возможности применения электронного документооборота при подготовке проектов нормативных правовых актов.

Введению в Закон указанных норм поспособствовал полученный положительный опыт эксплуатации разработанной Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА). АИС НРПА позволила перевести в цифровую среду процесс прохождения финальных стадий нормотворческой деятельности (обязательной юридической экспертизы, включения нормативного правового акта в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (далее – НРПА) и его официального опубликования).

В Указе Президента Республики Беларусь «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» № 415 от 17 ноября 2020 г. получили свое закрепление положения о цифровизации нормотворческой деятельности и применении информационных технологий на всех стадиях подготовки и принятия (издания) нормативных правовых актов. Одним из приоритетных направлений дальнейшего развития нормотворческой деятельности определена цифровизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов.

В целях реализации положений названного акта Главы государства 29 декабря 2020 г. Советом Министров Республики Беларусь принято постановление № 770 «Об автоматизированной информационной системе, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь». Постановлением закреплены цели, основные задачи автоматизированной системы, порядок ее функционирования, определен владелец системы и его функции, а также порядок электронного взаимодействия государственных органов и организаций в рамках нормотворческого процесса.

Широкое применение на всех стадиях подготовки и принятия правовых актов

информационных технологий будет способствовать оптимизации нормотворческого процесса, дальнейшему совершенствованию данной деятельности, а также повышению эффективности принимаемых нормативных правовых актов.

Весьма актуальными и перспективными представляются принимаемые в Республике Беларусь меры по цифровизации нормотворчества, внедрение самых передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и другие.

Термин «цифровизация» означает использование высокоскоростных каналов связи, основанных на применении бинарного (двоичного) кода передачи информации. «Цифровизация обеспечивает непрерывное управление данными об объектах на протяжении всего их жизненного цикла, включая автоматический сбор, накопление, изменение и анализ информации, а также генерацию подобных данных» [12, с. 170].

Цифровизация нормотворчества представляется важной позитивной составляющей электронного государства. Она делает процесс разработки нормативных правовых актов более оптимальным и понятным для граждан.

По мнению А. Ф. Мательского «переход к цифровому формату нормотворчества сопряжен с необходимостью решения проблем:

- развитие методов и алгоритмов, позволяющих производить математическую формализацию текстов нормативных правовых актов и в том числе представлять такие акты в виде набора логических формул;

- определение возможностей использования технологий Big Data при стратегическом планировании нормотворчества;

- трансформацию классических правил, приемов и процедур юридической техники;

- разработку машиночитаемого права;

- интеграцию в нормотворчество инновационных прорывных технологий искусственного интеллекта и создание передовых моделей правового регулирования этих технологий;

- определение пределов допустимого внедрения технологий в нормотворческую деятельность, оценку рисков и угроз;

- разграничение сфер деятельности естественного и искусственного интеллекта» [8].

Применительно к нормотворческой деятельности цифровизация означает переход к электронному документообороту в процессе создания нормативного правового акта, но только этими изменениями не исчерпывается. Как отмечает М.В. Залоило, в перспективе рассматривается исключение человека из конкретных функций в рамках нормотворческого процесса посредством их автоматизации и электронизации [6, с. 83]. При этом внедрение цифровых технологий в нормотворчество может развиваться на основе двух подходов: от формирования нормативных правовых актов на основе цифровых моделей и до трансформации классического бумажного законодательства в правила, пригодные одновременно для использования как человеком, так и машиной [1, с. 45–46].

В.Ю. Самородов отмечает, что «в настоящее время представляется очевидной необходимость цифровизации правотворческого процесса и правотворчества в целом, но в то же время видится важным поиск баланса возможности и доступности, продуктивности и качества, своевременности и безопасности, унификации и сохранения собственной культурной идентичности, пределов внедрения данных технологий и др.» [10, с. 456].

Опыт зарубежных стран свидетельствует, что позитивная динамика в

комплексной цифровизации нормотворческой деятельности возможна лишь в контексте системной правовой политики. Такая политика должна предусматривать к тому же меры по обеспечению защиты правовой информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования и блокирования, а также от иных неправомерных действий. Именно такими признаками характеризуется государственная правовая политика Республики Беларусь, в том числе в сфере регулирования общественных отношений по работе с правовой информацией.

В Указе Президента Республики Беларусь «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» № 415 от 17 ноября 2020 г. среди ряда нововведений, направленных на совершенствование процедуры нормотворчества, определены следующие:

- обеспечение цифровизации нормотворческой деятельности и широкое применение информационных технологий на всех стадиях подготовки и принятия (издания) нормативных правовых актов;

- наделение НЦПИ функцией координатора проводимых процессов цифровизации нормотворчества.

Непосредственно перевод нормотворческой деятельности в цифровую среду взаимодействия предусматривалось осуществить в два этапа.

На первом этапе (с 1 апреля 2021 г.) проекты правовых актов Главы государства, законов и постановлений Совета Министров Республики Беларусь представляются на согласование в государственные органы (организации), в том числе подчиненные (подотчетные) Президенту Республики Беларусь, для проведения обязательной юридической и иных экспертиз, а также внесение в Совет Министров Республики Беларусь для их визирования или подписания.

На втором этапе с 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов (организаций) в полном объеме будет осуществляться посредством использования новой автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса (далее – АИС «Нормотворчество»).

Внедрение подобной системы предполагает проведение масштабного комплекса научно-аналитических, организационно-правовых, программно-технологических и технических мероприятий по переносу нормотворческого процесса с бумажной на цифровую основу реализации. Следует подчеркнуть, что установленные Указом Президента Республики Беларусь «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» весьма сжатые сроки выполнения работ свидетельствуют о хорошей работе и подготовке НЦПИ к моменту принятия данного нормативного правового акта.

НЦПИ с начала своего создания сопровождает процессы активной трансформации правовой сферы, целенаправленно и последовательно развивая процессы правовой информатизации. Фактически создание Центра послужило отправной точкой развития автоматизированной системы доступа к правовой информации в нашей стране.

Первоначально в рамках познания новой для государства сферы НЦПИ была разработана соответствующая модель будущей государственной системы правовой информации (далее – ГСПИ), направленной на обеспечение доступности правовой информации для всех заинтересованных.

Реализация задуманного осуществлялось последовательно через разработку и развитие совокупности государственных информационно-правовых ресурсов (далее – ГИПР) и информационных технологий, которые и сегодня обеспечивают реализацию

задач по аккумулярованию массива национального законодательства, поддержанию его в актуальном состоянии и распространению правовой информации. Параллельно разрабатывались и принимались акты законодательства, регулирующие разные аспекты функционирования ГСПИ (статус и роль ГИПР, баз и банков данных, порядок взаимодействия государственных органов и организаций с НЦПИ по вопросам сбора правовых актов (иных документов), порядок распространения (предоставления) правовой информации и иное).

На основе внедрения инновационных решений был создан электронный свод правовых актов, что обеспечило их систематизацию и приведение в контрольное состояние. НЦПИ разработаны уникальные информационно-правовые ресурсы и технологии централизованного сбора, хранения, обработки, актуализации правовой информации и официального опубликования нормативных правовых актов. Выстроена система распространения и предоставления официальной, полной и актуальной правовой информации для разных категорий ее получателей, в том числе в сети Интернет. Всем пользователям известны Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, Детский правовой сайт, сайт «Правовой форум Беларуси», сайт информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН-ONLINE», ее мобильные приложения для операционных систем IOS и Android.

В результате сегодня функционирует высокотехнологичная ГСПИ, являющаяся неотъемлемым элементом правовой системы Республики Беларусь. Как справедливо отмечает Е.И. Коваленко, эта система с использованием инновационных цифровых технологий, организационной и ресурсной инфраструктуры реализует право граждан на доступ к правовой информации и решает задачи по:

аккумулярованию, учету, систематизации, хранению и актуализации правовых актов;

доведению различных видов правовой информации до государственных органов, организаций и граждан;

формированию правовой культуры населения, а также содействию в правильном понимании и единообразном применении законодательства.

В этой связи абсолютно справедливо утверждение ученых, «что ГСПИ в Беларуси воплощает самостоятельный сегмент электронного правительства, который отвечает за правовую коммуникацию по вопросам полноценного обмена правовой информацией между государством, обществом, бизнесом и гражданами нашей страны» [7, с. 12].

Технологические процессы по учету, обработке, актуализации, хранению нормативной и иной правовой информации долгое время выполнялись исключительно силами НЦПИ, который обеспечивал функционирование ГСПИ, самостоятельно разрабатывал, поддерживал и развивал ее программно-технологическую основу.

Успешное функционирование ГСПИ, обеспечивающей эффективную правовую коммуникацию между государственными органами и организациями, в сочетании с развитием сетевых технологий и общегосударственной информационно-коммуникационной инфраструктуры позволило НЦПИ приступить к внедрению моделей коммуникации более высокого уровня, направленных на цифровизацию самих процессов нормотворчества с максимально допустимой их автоматизацией.

В зарубежных странах эти процессы относятся к распространенной тенденции и представляют важнейшее направление информационно-коммуникационного обеспечения нормотворческой деятельности. В мировой практике множество

примеров автоматизированных информационных систем подготовки проектов правовых актов, которые используются на разных стадиях нормотворческой деятельности. Эти системы включают ряд подсистем, направленных на регулирование стадий нормотворческой деятельности, тем самым обеспечивая внутреннюю коммуникацию между нормотворческими органами. Также созданы платформы для отправки электронных правотворческих инициатив, электронных петиций и обращений, существуют подсистемы, направленные на установление внешних коммуникаций посредством общественного обсуждения проектов правовых актов.

Постоянное функционирование АИС НРПА позволило перевести в цифровой формат работу с проектами законодательных актов и постановлений Правительства, в том числе их согласование с заинтересованными государственными органами, проведение в необходимых случаях юридической и криминологической экспертиз, внесение в Правительство, а также работу с проектами актов в Аппарате Совета Министров Республики Беларусь.

В настоящее время АИС НРПА является цифровой инфраструктурой, с помощью которой осуществляются многие стадии нормотворческого процесса. Система обеспечивает электронное взаимодействие более 6300 пользователей из 360 государственных органов и организаций, включая районные и областные исполнительные комитеты и Советы депутатов, республиканские органы государственного управления, Научно-практический центр Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Аппарат Совета Министров Республики Беларусь. В 2020 году из 9971 нормативного правового акта, зарегистрированного в НРПА, 7763 (78 %) прошли через АИС НРПА.

Достигнутые результаты стали весомым аргументом в принятии решения о полном переходе нормотворческого процесса Беларуси в цифровой формат взаимодействия. Центр с января 2020 года приступил к реализации научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы по трансформации АИС НРПА в общегосударственную систему подготовки и принятия нормативных правовых актов – АИС «Нормотворчество».

Разработка АИС «Нормотворчество» позволит на основе единой платформы объединить все нормотворческие органы и все стадии нормотворческого процесса, включая подготовку текста проекта с использованием необходимых шаблонов, программных средств. Эта система оптимизирует согласование, проведение обязательной юридической экспертизы, лингвистический контроль проекта. В единую цепочку будут объединены процессы согласования проекта с заинтересованными государственными органами, направления проекта для публичного обсуждения на сайт «Правовой форум Беларуси» и получения результатов такого обсуждения. АИС «Нормотворчество» расширяет возможности доработки проекта после этапов согласования и публичного обсуждения, направления проекта на обязательную юридическую экспертизу. Одновременно предусматривается внесение проекта в соответствующий нормотворческий орган, его представление на подпись уполномоченному должностному лицу нормотворческого органа и подписание. Завершает эту линию направления правовых актов в НЦПИ для включения в НРПА и официального опубликования.

В системе планируется автоматизировать механизмы контроля за языковыми и терминологическими требованиями, а также требованиями нормотворческой техники. Такие элементы машинного интеллекта позволят осуществлять подготовку

первичного проекта правового акта даже специалисту, не обладающему большими знаниями и навыками в сфере юридической деятельности. Данная система призвана обеспечить полный и транспарентный цикл подготовки актов законодательства, кардинально сократить переписку между государственными органами и, как следствие, ускорить нормотворческий процесс. Построение единого непрерывного цикла создания, обработки и распространения правовой информации с обратной связью и подключенными информационными ресурсами будет способствовать достижению комплексности правового регулирования.

При всех неоспоримых преимуществах данной системы она глобально не изменяет устоявшиеся протоколы взаимодействия. Эта система – скорее яркий пример эволюционных преобразований, когда количество внедренных в классические алгоритмы нормотворчества цифровых новаций явилось импульсом для их трансформации на качественно новый уровень программно-технологического сопровождения процессов.

Сегодня очевидно, что потенциал информационных технологий во много раз выше реализуемых на практике решений. В то же время, как отмечает А.М. Браусов, «создание АИС «Нормотворчество» является необходимым и важным этапом для дальнейшего внедрения (изучения возможности внедрения) более совершенных технологий, которые не только уменьшат количество рутинных операций пользователей системы, но и позволят реализовать мощную аналитическую машинную поддержку всех стадий нормотворчества» [5].

Постоянное усложнение общественных отношений, их ускоряющаяся динамика ставят перед теоретиками и практиками задачи по обеспечению системности, согласованности и непротиворечивости законодательства в условиях цифровой реальности. На повестке дня цифровизации – моделирование последствий введения в действие наиболее важных законодательных актов, обнаружение пробелов в правовом регулировании. Дополнительно к этому возможно выявление дефектов и дисбалансов правового регулирования, устаревших норм в законодательном массиве, которые негативно влияют на развитие государства и общества.

В ответ на современные потребности важно задуматься об интеграции в нормотворческий процесс систем искусственного интеллекта. В числе инноваций – технологии Big Data (процессы хранения и администрирования сверхбольших объемов информации), искусственные нейронные сети, механизмы формирования и использования машиночитаемых норм, способы создания цифрового нормативного языка – это лишь основные достижения цифровизации, которые могут быть апробируемы в нормотворчестве.

Неоднократно в Республике Беларусь поднимался вопрос о возможности применения искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности [11].

В ближайшей перспективе сфера приложения искусственного интеллекта в Республике Беларусь не будет ограничиваться отдельными этапами нормотворческого процесса. Возможно использование таких технологий, как разработка программно-технологических блоков, обслуживающих и решающих конкретный набор задач в рамках конкретных стадий нормотворческого процесса:

1) на стадии планирования и выявления общественного запроса при формировании новых и корректировки действующих правовых норм технологии искусственного интеллекта могут обеспечить аналитическую обработку больших объемов данных (правоприменительных актов, судебной, прокурорской и иной практики; обращений граждан и юридических лиц; результатов обсуждения правовых

проблем на специализированных ресурсах удаленной юридической помощи, в социальных сетях);

2) на стадии подготовки текста проекта нормативного правового акта искусственный интеллект может содействовать экспертам путем автоматизированного формирования, создания формы (корпуса) разрабатываемого акта, в том числе на основе анализа действующих актов; отслеживания правильности применяемой терминологии; обобщения информации от специалистов по поводу нормативного регулирования конкретной и смежных областей;

3) на стадии публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, проведения обязательных экспертиз на искусственный интеллект могут возлагаться задачи по систематизации необходимой информации, выявлению сопутствующих рисков.

Важным этапом развития технологии искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности может стать устранение коллизий действующих норм права. Выявление проблем правового регулирования и вывод о необходимости корректировки существующих правовых предписаний должны осуществляться на основе судебной практики, актов индивидуального характера, юридически значимых действий и иные данные. При переводе государственного документооборота в цифровой формат эти данные могут быть собраны в массивы, пригодные для анализа системами искусственного интеллекта.

В.М. Белов отмечает, что «современное состояние нормотворческой сферы позволяет использовать искусственный интеллект как средство, способное значительно облегчить и упростить работу человека, аккумулировать результаты его деятельности. С помощью информационно-коммуникационных технологий совершенствуется механизм взаимодействия участников нормотворческого процесса, снижаются многочисленные затраты» [3, с. 108]. Но это не означает, что искусственный интеллект может и должен подменять естественный интеллект и компетентных специалистов. Окончательное решение в обеспечении качества нормативных предписаний должно оставаться прерогативой человека. Поэтому важной видится задача сертификации технологий искусственного интеллекта, что гарантирует безопасность их применения.

Несомненно, цифровизация повышает эффективность работы государственных органов. Применение цифровых технологий позволяет преодолевать разного рода механические ошибки и погрешности, которые может допустить человек. Становится реальной минимизация субъективизма нормотворческой деятельности, тем самым достигается качественно новый скачок в ней. В то же время необходимо учитывать, что цифровизация способна ограничивать творческую составляющую правотворчества ввиду возможностей формализации и стандартизации данного процесса. Одно из препятствий для интеграции искусственного интеллекта в данную сферу состоит в ограниченных возможностях существующих языков программирования. Сегодня они «не позволяют сравнивать между собой условно нормы контракта с нормами закона, тексты закона между собой (имеется в виду содержательная их сторона). В этой точке возникают сомнения о возможностях искусственного интеллекта в сопоставлении правовых предписаний с прогнозами и социальными моделями воздействия норм права на общественные отношения» [браусов].

Эффективное внедрение цифровых технологий в сферу нормотворчества связано с рядом технологических и правовых ограничений. В качестве правовых

ограничений применения технологий больших данных и искусственного интеллекта в правотворческой деятельности, по мнению И.В. Бондарчука, необходимо:

- исключить дублирование электронных и бумажных носителей при разработке проектов нормативных правовых актов;

- предусмотреть возможность автоматизированного межмашинного информационного взаимодействия государственных информационных систем при разработке проектов нормативных правовых актов;

- предусмотреть использование указанных цифровых технологий в рамках разработки прогнозов и планов правотворческой деятельности государственных органов власти, а также в рамках разработки проектов нормативных правовых актов [4].

Как видится, «указанные ограничения носят организационный характер и могут быть устранены путем эволюционной трансформации действующего правового регулирования в направлении внедрения цифровых технологий» [4].

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что в настоящее время в Республике Беларусь созданы все необходимые нормативные, технические и организационные предпосылки для широкого внедрения цифровых технологий в нормотворчество.

Цифровизация открывает новые возможности для совершенствования нормотворческой деятельности, значительно оптимизирует и ускоряет процесс подготовки законопроектов, позволяет достигать высокого уровня согласованности, непротиворечивости и качества нормативного материала. Основным направлением цифровизации нормотворчества в нашей стране является создание и внедрение в деятельность государственных органов АИС «Нормотворчество» как единой цифровой среды для работы с законодательством.

Цифровизация нормотворчества представляется важной и перспективной составляющей электронного государства. Она делает процесс разработки нормативных правовых актов более оптимальным и понятным для граждан.

К тенденциям, подлежащим устранению, отмечается в Концепции правовой политики Республики Беларусь (п. 26.2.), является избыточность правового регулирования, сохранение проблемы множества актов законодательства по одному вопросу, в том числе из-за попыток разрешения юридических коллизий не путем изменения действующего законодательства, а путем издания нового нормативного правового акта, значительное и не всегда обоснованное количество отсылочных норм и др. Возможно внедрение ИКТ позволит решить эти непростые задачи.

В связи с этим особое внимание необходимо уделить консолидации достижений разных наук, оптимизировать подготовку высококвалифицированных кадров и специалистов в области нормотворческой деятельности, обеспечить образовательный процесс необходимыми учебно-методическими материалами. Следует разрабатывать и внедрять новые учебные дисциплины правового цикла, повысить качество подготовки специалистов с учетом динамики развития информационных технологий, робототехники, биотехнологий, современных технологий в энергетической области, нанотехнологий и других.

Есть мнение, что выпускники юридических вузов «слабо владеют как теоретическими знаниями в области нормотворчества и нормотворческой юридической техники, так и навыками разработки проектов различных нормативных документов» [2, с. 50].

В настоящее время в России, СНГ, ряде зарубежных стран повышается интерес

к специальной прикладной науке – нормографии (дословный перевод – «пишу норму»). В вузах Российской Федерации в той или иной форме преподается курс нормографии (магистратура, НИС для бакалавров, курсы повышения квалификации и др.).

В связи с этим российский правовед Ю.Г. Арзамасов отмечает, что усилия теоретиков права должны быть направлены на объединение разрозненных методик подготовки нормативных правовых актов в систему научно обоснованных знаний о нормотворчестве, которые и составят предмет самостоятельной науки – нормографии [9, с. 24]. Однако возникает ряд практических вопросов. Кто будет преподавать эту дисциплину, с помощью каких методов и т.д.

На наш взгляд, нормография представляется перспективным научным направлением как в теории нормотворчества, так и в развитии и совершенствовании подготовки специалистов в области нормотворчества.

В то же время использование и внедрение в учебный процесс результатов научных исследований в области права, достижений нормографии имеет важное значение при подготовке высококвалифицированных специалистов. Это позволит в системном виде и с учетом зарубежного опыта получать знания об актуальных теоретических и практических проблемах современного законодательства, о развитии и использовании современных юридических и информационных технологий и т.д.

Заключение.

В настоящее время можно сделать вывод о существенных достижениях по внедрению ИКТ в нормотворческий процесс в Республике Беларусь. Имеется ряд задач, на которые следует обратить внимание как со стороны ученых, так и нормотворческих структур:

- создание единых цифровых критериев, стандартов осуществления нормотворчества;
- определение возможностей использования технологий Big Data при стратегическом планировании нормотворчества;
- трансформацию рассчитанных на бумажное нормотворчество классических правил, приемов и процедур юридической техники;
- разработку машиночитаемого права;
- интеграцию в нормотворчество технологий искусственного интеллекта, определение границ допустимого их внедрения;
- проведение научных исследований в области взаимодействия права, человеческих ресурсов и цифровых технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянов, М. А. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения / М. А. Аверьянов [и др.] // *The International Journal of Open Information Technologies (INJOIT)*. – 2018. – Vol. 6. – № 6. – С. 42–49.
2. Арзамасов, Ю.Г. Соотношение нормографии, легиспруденции и юридической лингвистики / Ю.Г. Арзамасов // *Государственно-правовые исследования*. – 2020. – Вып. 3. – С. 49-57.
3. Белов, В. М. Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматизированной системы оценки качества нормативных правовых актов / В. М. Белов, Е. В. Зырянова, Д. Л. Косов // *Государство и право*. – 2017. – № 10. – С. 105–110.
4. Бондарчук, И. В. Цифровизация нормотворческой деятельности в условиях информационного общества / И. В. Бондарчук // *Вестник Московского педагогического университета. Юридические науки*. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-normotvorcheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva>. – Дата доступа: 11.08.2023.

5. Браусов, А. М. Искусственный интеллект в нормотворчестве: предпосылки внедрения и пределы применения / А. М. Браусов // Информационное право. – 2020. – № 4. – С. 16–20.

6. Залоило, М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве / М. В. Залоило : науч.-практ. пособие ; под ред. Д. А. Пашенцева – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 182 с.

7. Коваленко, Е. И. Электронное правительство: современное состояние и перспективы развития / Е. И. Коваленко // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 9–16.

8. Мательский, А. Ф. Нормотворчество в цифровом формате как эволюционный этап развития электронного государства [Электронный ресурс] / А. Ф. Мательский. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/normotvorchestvo-v-tsifrovom-formate-kak-evolyutsionnyy-etap-razvitiya-elektronного-gosudarstva/>. – Дата доступа: 03.02.2024.

9. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / Ю.Г. Арзамасов [и др.]; под редакцией Ю.Г. Арзамасова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 542 с.

10. Самородов, В. Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни (постановка проблемы) / В. Ю. Самородов / сб. трудов конф. «Тамбовские правовые чтения им. Ф. Н. Плевако», Тамбов, 22–23 мая 2020 г. / Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2020. – С. 455–459.

11. Толочко, О. Н. Тенденции правового регулирования объектов и технологий, связанных с искусственным интеллектом / О. Н. Толочко // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 3. – С. 35–39.

12. Шаршун, В. А. К вопросу о понятии цифровизации нормотворчества // Актуальные направления развития демократии в Республике Беларусь на современном этапе : сб. материалов круглого стола, посвященного 26-летней годовщине принятия Конституции Республики Беларусь, Минск, 27 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т, Юрид. факультет ; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 167–174.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Митяева А.М.</i> ВЛИЯНИЕ СФЕРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА НА МОДЕЛЬ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ-----	3
<i>Мотина Е.В.</i> СРОКИ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ ТРУДОВОГО СПОРА-----	6
<i>Томашевский К.Л.</i> СРОК ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПРИ ИЗБРАНИИ ПО КОНКУРСУ РАБОТНИКА, ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ПРОФЕССОРСКО - ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМУ СОСТАВУ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ -----	10
<i>Тоць С.М.</i> ВЫБАРЫ Ё ДЗЯРЖАЎНУЮ ДУМУ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ: ГІСТОРЫКА-ПРАВОВЫЯ АСПЕКТЫ-----	16
<i>Ярмусик Э.С.</i> МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ-----	20
<i>Ясинская-Казаченко А.В.</i> РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ И ТЕСНО СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЙ-----	31

Секция 1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

<i>Агекян А. Г.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ИНДИЯ, ИЗРАИЛЬ, ИРАН-----	37
<i>Бераснева Ю.Р.</i> РЭАЛІЗАЦЫЯ ГАРАДСКОЙ РЭФОРМЫ 1870 Г. НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ: ГІСТОРЫКА-ПРАВОВЫЯ АСПЕКТЫ -----	40
<i>Ганчар А.И</i> ПЕРЕСМОТР КОМИТЕТОМ МИНИСТРОВ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬСКОГО И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЫДАЧА РАЗРЕШИТЕЛЬНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ (МАРТ 1905 Г.) -----	44
<i>Голуб С.В.</i> НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ ТРУДА -----	47
<i>Горбачевская О.В.</i> ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ -----	52
<i>Денисенко Н.В.</i> УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК УСЫНОВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.-----	56

Занько Е.С.	ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК-----	60
Леонова Е.И.	ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ -----	65
Мисаревич Н.В., Платоненко Е.И.	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ -----	69
Мурина Е.Э.	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ -----	73
Павленко Н. А.	ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ -----	76
Розмысл Е. В.	БИТВА ПРИ СТАМФОРД-БРИДЖ 1066 Г.: К ВОПРОСУ О РОЛИ КАВАЛЕРИИ-----	79
Семенова М.С.	ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1956-1964 гг.-----	84
Соловьева В.В.	ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ --	90
Федарака А.І.	ПРАВОВОЕ РЕГУЛІВАННЕ МІГРАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА-----	97
Khatsuk Zh. V.	INTERACTION OF INTERNATIONAL ECONOMIC AND INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW -----	100

Секция 2.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Апенюк А.Г.	ОПЛАТА ТРУДА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С ПРИЕМНЫМИ РОДИТЕЛЯМИ И РОДИТЕЛЯМИ-ВОСПИТАТЕЛЯМИ -----	103
Баранов Д.А.	ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ -----	106
Башкова П.В.	МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ОТПУСКОВ -----	112
Белова И.А.	ПОВЫШЕНИЕ РАЗМЕРА ПЕНСИЙ ПО ВОЗРАСТУ С УЧЕТОМ КАЧЕСТВА	

ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАСЛУГ -----	116
Болохонов Б. С.	
К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОДХОДА ИЗЛОЖЕНИЯ НОРМ О ВИДАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА -----	119
Бондарев А.И.	
ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ -----	123
Григорьева В.В.	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ -----	128
Гринчук М.П.	
ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИСТОЧНИК ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ -----	134
Данько И.В.	
ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КАК ОСНОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ -----	137
Дудко И.Н.	
СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ПРОБЛЕМЫ В ПОНИМАНИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ -----	140
Ежова Т.Б.	
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА -----	145
Загорских С.А.	
О СУЩНОСТИ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА -----	150
Ковалёва Т.В.	
СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКА ПРИ НЕЗАКОННОМ ДИСЦИПЛИНАРНОМ УВОЛЬНЕНИИ -----	154
Кожаневская О.В.	
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ САМОЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ --	158
Колоша К.Н.	
ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ -----	162
Комарова И.К.	
ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ -----	166
Кудрин И.Г.	
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ (ВОЕННОЙ) СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ -----	170
Кудрявец Ю.Н.	
ПРАВО ЕАЭС КАК РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ ЧАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС -----	174
Куницкая О.М.	
УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ ПРИОБРЕТЕНИЕМ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ -----	178
Курилович М.П.	
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА	

КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПРАВОВОГО СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ-----	182
<i>Курьянова В.В.</i> ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ -----	189
<i>Луневская Л.В.</i> ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ -----	194
<i>Матюк В.В.</i> ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОРМ-ПРИНЦИПОВ О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ -----	197
<i>Мисаревич Н.В.</i> ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ -----	200
<i>Михайлова Д.В.</i> ПРОБЛЕМА ДОСТУПА К НАСЛЕДУЕМОМУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОМУ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТУ -----	204

Секция 2.2

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

<i>Новикова Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИИ И КИТАЯ-----	209
<i>Одношипкина Д.В.</i> СПОСОБЫ УЧАСТИЯ БИООБРАЗЦА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ -----	213
<i>Орехова Е.П.</i> ОБЪЕКТ УГОНА АВТОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ МАЛОМЕРНОГО СУДНА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ -----	216
<i>Пастухов М.И.</i> О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ -----	222
<i>Печинская Е.В.</i> ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ-----	225
<i>Пилипенко Н.С.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ -----	229
<i>Полубинская А.В.</i> РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ -----	233
<i>Прудникова Т.А.</i> ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА-----	239

Рыжкова И.Д.	УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ -----	244
Салей Н.Н.	ОТ ЕДИНОГО КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К ОБЩЕМУ СУДЕБНОМУ КОДЕКСУ -----	249
Седельник Е.Д.	СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ И СРЕДИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ -----	252
Сивопляс А.В.	К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ-----	255
Скобелев В.П.	«МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ» – МЕСТО ФАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ИЛИ КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ? -----	260
Скютте Д.Н.	ОБ ИТОГАХ ВЫБОРОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ И МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 2024 Г.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ -----	267
Солодовник Ю.А.	ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ -----	271
Сушко В.И.	НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТНК В СТРАНАХ ЕАЭС-----	276
Телятицкая Т.В.	ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ-----	280
Третьякова Ж.В.	АНАЛИЗ СОСТАВА СЕМЕЙНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ-----	285
Халецкая Т.М.	К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ, ПРИОБРЕТЕННОГО ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ СЕМЕЙНОГО КАПИТАЛА -----	288
Хатеневич Т. Г.	ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАЧАЛА ПОСТРОЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ-----	291
Хачатурян Н.Г.	СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ-----	295
Цыдик А.А.	ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ -----	298

Чепрасов М.Н.	ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ -----	302
Чичина Е.В.	ПРАВОВЫЕ БЕРЬЕРЫ НА ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (В КОНТЕКСТЕ ДОГОВОРА О ЕАЭС) -----	310

Секция 3
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Богущ Т.А., Мороз О.В.	ВОЗМОЖНОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ -----	314
Венидиктов С.В., Иванов Е.Е.	РЕЧЕВАЯ ДЕВИАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ -----	319
Ганчар Н.П.	МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ПО ОБУЧЕНИЮ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ (БУКВЫ «О», «U», «Y») -----	322
Жукоцкая З. Р.	АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИФА -----	334
Зосик М.В.	ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ САМОРАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ УЧРЕЖДЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ -----	338
Кондратьева И.П.	ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ЮРИСТА -----	341
Кравчевская О.В.	РОЛЬ ДОБРОВОЛЬНОЙ ДРУЖИНЫ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ -----	345
Лидергос Н.В.	СКЕПТИЦИЗМ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В «ОПЫТАХ» М. МОНТЕНЯ -----	348
Михасенко Г.В., Радион Т.П.	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ -----	359
Насонова Т.Д., Третьякова Н.Г.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРУППОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ -----	363
Садоўская Б.І.	ВЫКАРЫСТААННЕ ДАПАМОЖНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ НА УРОКАХ ГІСТОРЫІ Ў	

ШКОЛАХ БССР (1919–1941 ГГ.)-----	366
<i>Старовойтова И.Л.</i>	
ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ И КАРЬЕРНОГО РОСТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ -----	369
<i>Шумская Л.М., Билютенко Е.И.</i>	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «МАСЛЕНИЦА»)-----	375

Секция 4
ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

<i>Вислоус А.В.</i>	
ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАДРОВОГО АУДИТА-----	379
<i>Дудко М.О.</i>	
ИНСТИТУТОГЕНЕЗ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ -----	383
<i>Зубрик Д.А.</i>	
ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АВАТАРОВ-----	388
<i>Миловзорова Ю.С.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, КАСАЮЩЕЙСЯ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ--	392
<i>Новиков Д.А.</i>	
ЦИФРОВОЙ КОНТРОЛЬ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ-----	396
<i>Ногайлиева Ф.К.</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ-----	400
<i>Русак О.В.</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НЕИЗБЕЖНОСТЬ ФОРМИРУЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ-----	405
<i>Филипчик Т.В.</i>	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ-----	410

ПРИНЕМАНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов

XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

12 апреля 2024 г. Гродно

В авторской редакции

Ответственные за выпуск Н.С. Пилипенко, И.Н. Дудко, А.Ч. Василевич
Компьютерный дизайн и верстка:
Н.Н. Дмитриева, Д.В. Егорова

Учреждение образования
«БИП-Университет права и социально-
информационных технологий»